3 1761 08821310 3

Полное собраніе сочиненій

В. Д. ГРИГОРОВИЧА.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
LR
G8576

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie
sochineny, t. 2.

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

t. 2.

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ.

1849—1851 гг.

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

462777
6 6.47

v. 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1890.

Типо-Литографія и Фототипія В. И. Штейнъ. Почтамтская ул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

		стр.
1849.	Похожденіе Накатова или недолгое богатсво. Повѣсть	1
1850.	Неудавшаяся жизнь. Повѣсть	171
1851.	Свѣтлое Христово Воскресеніе. Простонародное повѣрье	290
1851.	Свистулькинъ. Физіологическій очеркъ	311
1851.	Мать и дочь. Осенній разсказъ	422

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

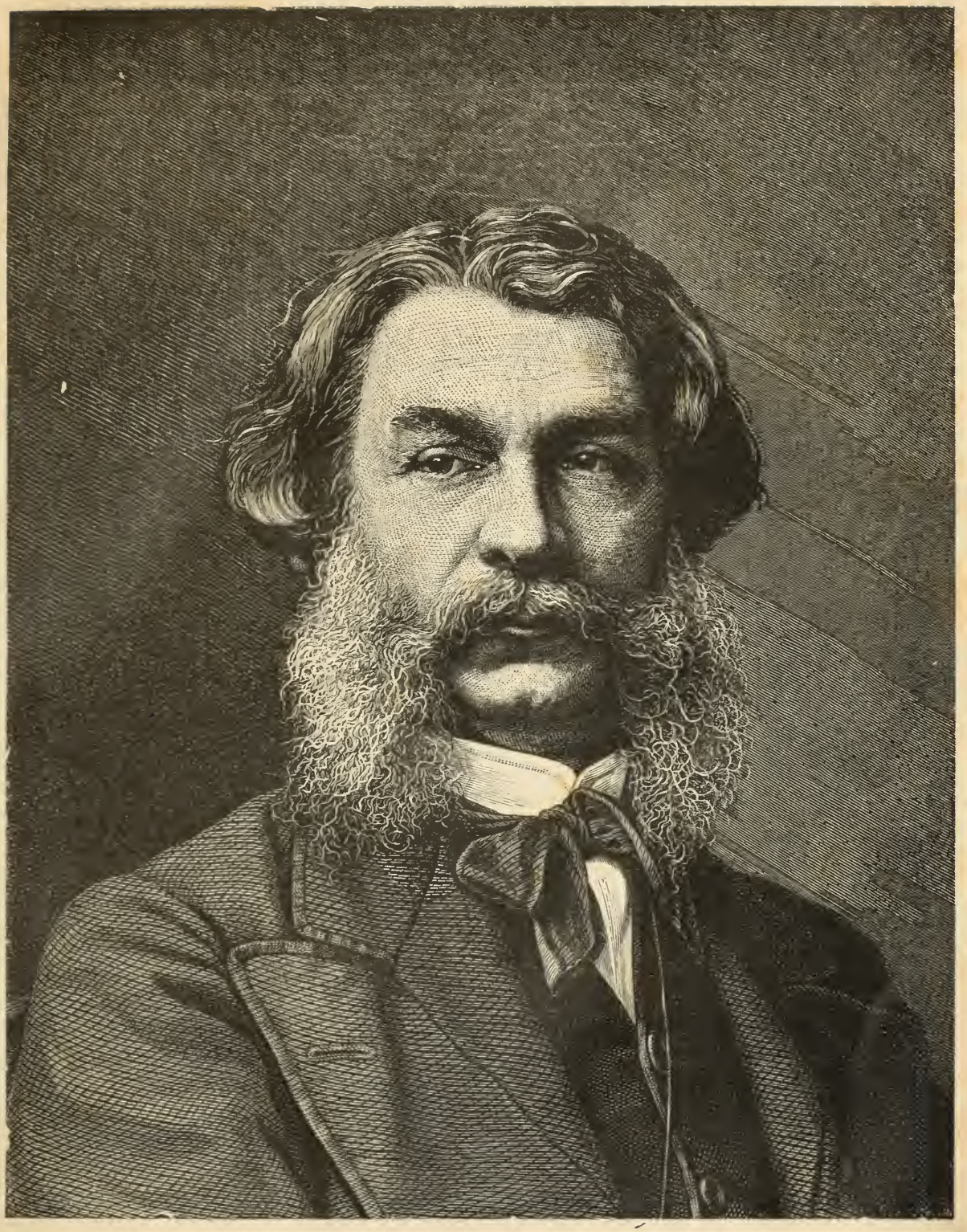
http://www.archive.org/details/polnoesobranieso02grig

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ

1849—1851 гг.



Изданіе Н. Г. Мартынова.

ПОХОЖДЕНІЕ НАКАТОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Завтракъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ кафе-ресторановъ сошлось однажды утромъ нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ между собою. Это произошло совершенно случайно: въ кафе находилась общая столовая; каждый явился туда по одиночкѣ, и уже потомъ усѣлись они вмѣстѣ за круглымъ столомъ подлѣ окна и принялись завтракать.

Ихъ было четверо.

Трое были одѣты по послѣдней модѣ; одинъ особенно отличался изысканностью своего туалета; все, начиная съ бѣлья, цѣпочки часовъ съ пучкомъ золотыхъ печатокъ и бездѣлушекъ тонкой работы и отличнаго выбора, длинныхъ ногтей, обточенныхъ въ видѣ миндалины, безукоризненнаго пробора, и кончая ботинками, обтянутыми темными штиблетами, показывало первостатейнаго франта. То былъ человѣкъ лѣтъ двадцати семи или восьми, съ продолговатымъ лицомъ, правильными чертами, прямымъ носомъ, черными какъ смоль усами и волосами, согласо-

вавшимися какъ нельзя лучше съ его смуглой физіономіей. Неподвижная правильность лица, и особенно глаза, темные, выдавшіеся, но лишенные всякой жизни и блеска, медленно, какъ бы нехотя обращавшіеся отъ одного предмета къ другому, обличали въ немъ натуру апатическую, ледяную, отжившую, что повидимому сильно должно было противорѣчить мнѣнію, которымъ вообще пользуются брюнеты. Наружность второго представляла совершенную противоположность: она принадлежала молодому человѣку средняго роста, нѣжному, бѣлокурому, розовому какъ амуръ съ вербы, съ кругленькимъ миніатюрнымъ носикомъ и пурпуровыми губами, которыя держалъ онъ постоянно раскрытыми, какъ спящій младенецъ, вѣроятно для того, чтобы каждый могъ любоваться его зубами. Совсѣмъ тѣмъ, выраженіе этого лица носило на себѣ такой положительный отпечатокъ глупости и тупоумія, что, казалось, всѣ помыслы красавца сосредоточивались исключительно на томъ, чтобы не смять воротниковъ рубашки и не пропустить случая показать зубы. Въ его движеніяхъ проглядывала какъ нельзя болѣе изящная небрежность, составляющая отличительную и вмѣстѣ съ тѣмъ—увы!—слишкомъ часто единственную принадлежность свѣтскаго человѣка.

Онъ сидѣлъ неподвижно, изрѣдка развѣ опускалъ голову или подымалъ руки и оглядывалъ розовые свои ногти или кончикъ сапога.—Сосѣдъ его, двадцати-двухъ лѣтній юноша, какъ будто вылитъ былъ въ ту же форму, да только раскрашенъ другими красками. Онъ былъ брюнетъ. Въ остальномъ—никакой разницы; то же овечье выраженіе лица, тѣ же гладенькіе, приторно-молочные пріемы. Недаромъ звали ихъ въ кругу товарищей Сіамскими близнецами. Четвертому было уже лѣтъ подъ тридцать; вдавленныя угловатыя черты, измятая кожа зеленоватожелтаго отлива ясно свидѣтельствовали, что онъ уже хорошо «пожуировалъ жизнью», какъ говорится, и воспользовался молодостью; подлѣ глазъ, окруженныхъ темною каймою, начинали показываться морщины, въ видѣ гусиныхъ лапокъ; густыя брови, сходившіяся угломъ у самой переносицы, дѣлали лицо его жестокимъ и нахму-

реннымъ, чему также не мало способствовали синій угловатый подбородокъ и рѣзко обозначенные мускулы щекъ. Въ одеждѣ его замѣтно было менѣе изысканности — недостатокъ, очевидно, зависѣвшій скорѣе отъ плохихъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ собственной его воли: шарфъ, жилетъ и сюртукъ показывали мѣстами застарѣлость и ветхость. — Небрежно прислонившись къ мягкой спинкѣ дивана и положивъ обѣ ноги на сосѣдній стулъ, онъ держалъ въ одной рукѣ закуренную сигару, въ другой рюмку коньяку, которую безпрестанно подносилъ къ губамъ, причемъ голова его опрокидывалась каждый разъ назадъ, а сѣрые наглые глаза, тонувшіе въ красномъ воспаленномъ бѣлкѣ, закатывались подъ лобъ.

Въ столовой находился еще одинъ молодой человѣкъ; но, потому ли что онъ не принадлежалъ къ обществу четырехъ собесѣдниковъ, или отношенія его къ нимъ ограничивались шапочнымъ знакомствомъ, или наконецъ онъ не былъ вовсе съ ними знакомъ, только онъ сидѣлъ за особымъ столомъ у другого окна. Онъ былъ очень молодъ — лѣтъ девятнадцати, много-много двадцати. Крошечное лицо юноши, покрытое золотушными пятнами, мѣстами изрытое оспою, мѣстами лоснящееся какъ гостинодворскій атласъ, поминутно кривлялось, гримасничало, передергивалось судорожными движеніями; если прибавить къ этому огромный ротъ и рядъ крошечныхъ, гнилыхъ, осыпавшихся зубовъ, то физіономію эту можно удачно сравнить съ тарелкою устрицъ, пролежавшихъ нѣсколько часовъ на солнцѣ. Все бы это куда ни шло — мало ли какія попадаются наружности! — еслибъ не проглядывала въ юношѣ претензія плѣнять и нравиться; жиденькіе бѣлокурые волоса, бѣловато-грязнаго цвѣта, были тщательно раздушены, завиты и расчесаны по обѣимъ сторонамъ пурпуроваго пробора, прохваченнаго чуть не до самой кости отъ излишняго старанія; на ушахъ, щекахъ и шероховатой шеѣ замѣтны были слѣды пудры; жиденькая, скользкая фигурка эта, одѣтая безъ вкуса, но съ невыразимою щепетильностью, отличалась необыкновенною юркостью и вертлявостью; ему никакъ не сидѣлось на мѣстѣ; то опрокинется въ кресло, то сядетъ бокомъ, то другимъ, то подожметъ ноги, то при-

ставитъ стеклышко къ глазу и прильнетъ къ окну, то опять повернется лицомъ къ столовой; щурившіеся глазки его не покидали только стола, гдѣ завтракали молодые люди. Каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ повертывался въ его сторону, вертлявость юноши доходила до своего предѣла; краска разливалась по лицу его съ такою силою, что осыпала, казалось, пудру, пошлая улыбка появлялась на губахъ его,—онъ замиралъ отъ восхищенія. Онъ глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то непреодолимымъ умиленіемъ, съ восторженнымъ подобострастіемъ, какъ сталъ бы глядѣть развѣ молодой безбородый художникъ на Торвальдсена или Канову.

Разговоръ за столомъ, гдѣ сидѣли молодые люди, тянулся вяло, неровно и принужденно, несмотря на нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ шампанскаго, стоявшихъ передъ ними; онъ поминутно то вдругъ разгорался, то снова затихалъ, точь-въ-точь какъ подмоченная или плохо набитая фузея.

— Скажи, пожалуйста, Бѣлостоцкій, ты все знаешь, вымолвилъ, послѣ молчанія, лежавшій на диванѣ, обращая сонливые глаза къ смуглому господину, отличавшемуся изяществомъ одежды: — какую тамъ лошадь купилъ Берестовъ?

— Караковую, отвѣчалъ тотъ, обрѣзывая сигару, съ видомъ доктора, дѣлающаго трудную операцію: — добрый конь!

— Охъ! идеальный конь! восторженно крикнулъ бѣлокурый красавецъ:—чудо! какія ноги, холка,—объяденье!..

— Поэтическая лошадь! перебилъ съ жаромъ его близнецъ, не сказавшій еще слова въ продолженіе всего завтрака.

— Ну, пошли фантазировать, замѣтилъ лежавшій на диванѣ: — я знаю эту лошадь: особеннаго въ ней ничего нѣтъ, конь какъ конь; надо взять въ соображеніе деньги...

— Чтожъ тебѣ въ ней не нравится? идеалъ! просто, идеалъ! за такую лошадь можно все дать — цѣны ей нѣтъ!.. кричали оба красавца.

— Да что не нравится, продолжалъ тотъ полунасмѣшливо: — огня нѣтъ, породы не видно...

— Черницкій правъ, господа, возразилъ глубокомысленно Бѣлостоцкій: — у этой лошади никакой нѣтъ опредѣленной породы... картина, мертвая картина... фантазіи подъ сѣдломъ нѣтъ!

Тутъ молодые люди даже воодушевились, и разговоръ сдѣлался снова на нѣсколько минутъ общимъ: предметъ, какъ видно, коснулся живой струнки всѣхъ присутствующихъ.

— Чего бы не далъ, чтобы помѣрять на бѣгу рысака съ рысакомъ Берестова! сказалъ бѣлокурый красавецъ: — послушайте, господа, Сережа — тутъ обратился онъ къ своему близнецу — представьте себѣ, въ послѣдній разъ на бѣгу какой случай вышелъ: пустился я съ Завальскимъ — вы знаете его вороного рысака? ну того, что зовутъ Муфти — вѣдь огонь, неправда ли? говорю моему Петрушкѣ: выдержи, не давай сначала ходу; пустились; вдругъ на поворотѣ мой рысакъ споткнулся; кричу: стой! думаю ногу сломалъ... какъ бы вы думали? обогналъ таки Завальскаго!..

— Да-съ, это было удивительно; я присутствовалъ при этой сценѣ, нѣжно пробормоталъ юноша съ изумрудными зубами, привставъ съ мѣста и выразивъ на лицѣ гнилую свою улыбку. Но такъ-какъ никто не обратилъ на него вниманія, онъ проворно вставилъ въ лѣвый глазъ стеклышко, болтавшееся на жилетѣ, и разсѣянно принялся глядѣть на улицу.

— Ну, спросилъ Бѣлостоцкій, закуривая сигару: — а какъ скакала вчера тройка князя Петра?

— Лѣвая пристяжная все дѣло испортила: запуталась въ постромки... какъ онъ бѣсился!

— Я думаю, станешь бѣситься, замѣтилъ Бѣлостоцкій: — послѣднія деньги убилъ на эту тройку...

— Извините меня, господа, pardon messieurs... что я васъ безпокою: позвольте мнѣ «l'Illustration»; вы, кажется, не читаете, сказалъ картаво юноша съ гнилыми зубами, выпуская стеклышко изъ глаза и подходя къ столу, гдѣ завтракали.

— Нѣтъ, не читаемъ, возьмите.

Бѣлостоцкій отнялъ локоть.

— Экой надоѣдала, пробормоталъ лежавшій на дивинѣ, хлебнувъ коньяку и показавъ при этомъ красные бѣлки свои: — скажи, пожалуйста, Бѣлостоцкій, что это за франтъ? прибавилъ онъ, когда юноша усѣлся на свое мѣсто.

— Нѣкто Гвоздиковъ, отвѣчалъ тотъ, понизивъ голосъ.

— Ты съ нимъ знакомъ?

— Да, такъ... а что?

Черницкій пожалъ плечами.

— Дивлюсь, братецъ, тебѣ... охота знаться со всякимъ, одна рожа—бррр... и чего онъ безпрестанно къ намъ лѣзетъ... нельзя ли какъ-нибудь его выпроводить, присовокупилъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ юношѣ, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы улыбнуться ему пріятнѣйшимъ образомъ.

Всѣ засмѣялись. Въ эту самую минуту въ дверяхъ столовой показался еще одинъ господинъ. Увидя передъ собою компанію, онъ закинулъ кверху обѣ руки и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, закричалъ:

— Ба! вотъ сюрпризъ! вы здѣсь? какими судьбами...

— А! Бондаревскій! здравствуй! откуда ты? радостно отозвались присутствующіе.

Бондаревскому лѣтъ двадцать шесть; черты его неправильны и не красивы, но въ общемъ представляютъ очень пріятную и оживленную наружность; длинные бѣлокурые, слегка вьющіеся волосы падаютъ ему безпрестанно на глаза, что заставляетъ его неистово закидывать назадъ голову; голосъ его пронзителенъ, хохотъ несмолкаемъ; онъ говоритъ такъ громко, какъ будто рѣчь его постоянно обращается къ глухимъ; въ его бѣглыхъ, лукавыхъ глазахъ и подвижной физіономіи сохранилось еще что-то школьническое, безпокойное, задорное.

— Здравствуй, Бѣлостоцкій! лордъ Черницкій, наше вамъ наиглубочайшее, сказалъ онъ, ударивъ въ ладонь господину, лежавшему на диванѣ: — кого я вижу! наши милые Сіамскіе близнецы... Сережа! Лушкевичъ! нѣтъ, да что же это наконецъ такое? и вы на скачкѣ?—Ну, душенька, что подѣлываютъ твои саврасыя кобылки и же-

ребчики, продолжалъ онъ, трепля по животу бѣлокураго красавца:—а, а, а!.. Mr. Гвоздиковъ! (Бондаревскій придалъ своему лицу самое серьезное выраженіе) не говорю объ удовольствіи, какое доставляетъ мнѣ ваше присутствіе... какъ ваше драгоцѣнное здравіе?..

Черницкій пожалъ плечами и отвернулся.

— Ахъ да, Черницкій, подхватилъ Бондаревскій: — ты знаешь, про тебя сію минуту съострилъ Похвостовъ; онъ сравниваетъ твою семейную жизнь, твое супружеское счастіе съ Исакіевскимъ мостомъ: то-и-дѣло, говоритъ, разводятъ тебя съ женою да опять сводятъ...

— Кончится тѣмъ, что я когда-нибудь... а тебѣ, братецъ, очень глупо повторять всякій вздоръ...

— А тебѣ еще глупѣе сердиться... э... ге, ге, да вы, какъ я вижу, сибаритствуете здѣсь не на-шутку: трюфели... такъ, узнаю въ этомъ нашего друга Черницкаго... Скажи мнѣ, какъ ты ѣшь, и я скажу, кто ты таковъ... вотъ въ самомъ-дѣлѣ истинно-то порядочные люди... Ба! да у васъ тутъ и пирогъ страсбургскій, браво! бра.. а... во! продолжалъ Бондаревскій, посылая въ ротъ огромный кусокъ пирога. — Ну, господа, какую я штуку выкинулъ третьяго дня съ Накатовымъ,—чудо! заключилъ онъ, наливая лафиту.

— Pardon, messieurs, неожиданно перебилъ Гвоздиковъ. вскакивая съ своего мѣста: — извините, что я васъ все безпокою... позвольте мнѣ огня...

Бѣлостоцкій молча, не поворачиваясь къ нему лицомъ, подалъ ему закуренную сигару.

— Что за ска...тина, шепнулъ Черницкій на ухо Бондаревскому, презрительно кивая на Гвоздикова.

— Mr. Гвоздиковъ, крикнулъ Бондаревскій: — послушайте, вотъ г. Черницкій очень желаетъ съ вами познакомиться; позвольте мнѣ вамъ его представить...

— Ахъ! Mr. Черницкій! enchanté... очень пріятно, произнесъ юноша, подлетая къ дивану и протягивая ему обѣ руки:—я давно желалъ...

— И я тоже... сухо отвѣчалъ Черницкій, подавая ему указательный палецъ.

Станъ юноши съ изумрудными зубами заколыхался

какъ стебелекъ; онъ явно обнаружилъ желаніе сѣсть подлѣ новаго своего знакомаго, но тотъ предупредилъ намѣреніе, положивъ ноги на стулъ и повернувшись какъ можно скорѣе лицомъ къ товарищамъ.

— Ну, такъ слушайте же, господа, началъ Бондаревскій, кусая губы и откидывая назадъ волосы: — какую штуку сыгралъ я съ Накатовымъ...

— Опять! смѣясь, сказалъ Бѣлостоцкій: — хоть бы подождалъ, право, немного, а то не далъ ему опомниться съ дороги... вѣдь, кажется, нѣтъ еще недѣли, какъ онъ пріѣхалъ изъ деревни... мнѣ наконецъ жаль его...

— Какъ жаль! за что? знаешь ли ты, онъ одинъ счастливѣйшій изъ смертныхъ въ эту минуту; я его только-что встрѣтилъ на Невскомъ, онъ ногъ подъ собой не слышитъ... Эхъ, досадно, что не успѣлъ поговорить съ нимъ: въ это время, нужно замѣтить, разсыпался я передъ Кларой Петровной... каково, господа, у нея опять новая карета!..

— И пара сѣрыхъ въ яблокахъ! да пара-то еще какая,—объяденье! замѣтилъ Лушкевичъ.

— Идеальная пара! воскликнулъ Сережа.

— Кстати, Лушкевичъ, она велѣла тебя разбранить: скажите ему, говоритъ, совсѣмъ забылъ меня! счастливчикъ! Я потомъ бросился-было догонять Накатова — и слѣдъ простылъ... Я вамъ говорю, ногъ подъ собой не слышитъ: такъ счастливъ! Кто-нибудь изъ васъ видѣлъ его послѣ пріѣзда?

— Нѣтъ...

— Я его видѣлъ, господа, воскликнулъ Гвоздиковъ, радостно вскакивая съ своего мѣста.

— А, вы его видѣли! сказалъ насмѣшливо Бондаревскій и, не давъ ему произнести слова, тотчасъ же обратился къ товарищамъ:—какъ перемѣнился Накатовъ, господа, потолстѣлъ, раздулся,—умора!..

— По-крайней-мѣрѣ поумнѣлъ ли, хоть сколько-нибудь? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Какое! отвѣчалъ, захохотавъ и махая руками, Бондаревскій;—ни на волосъ... Я штуку сыгралъ съ нимъ, для опыта...

— Да чтожъ ты сдѣлалъ?

— Вотъ что: это было третьяго дня; сижу я у Берестова, слово за слово, зашла какъ-то рѣчь о Накатовѣ: сошлись все старые товарищи, стали перебирать всѣ продѣлки съ нимъ; давай, думаю, припомню старое время: взялъ листокъ бумажки да и написалъ ему billet doux отъ знатной дамы; стиль—régence, бумажка—атласъ, то есть такой poulet состряпалъ, что̀ твоя маркиза...

— Неужели же онъ не пойметъ, въ чемъ дѣло... надо быть совсѣмъ дуракомъ, глубокомысленно замѣтилъ Лушкевичъ.

— Разумѣется, надо быть дуракомъ, повторилъ, смѣясь, Сережа.

— Что вы говорите! вы, стало, не знаете молодца... вѣдь ужъ это не первый разъ...

— Разумѣется, Накатовъ догадается, сказалъ Бѣлостоцкій.

— Конечно, можно, братецъ, быть набитымъ дуракомъ, какъ Накатовъ, но всему есть предѣлъ: конечно, онъ не повѣритъ, вымолвилъ Черницкій, прихлебывая коньяку и опрокидывая назадъ голову.

— Я предлагаю пари! закричалъ Бондаревскій: — бьюсь объ закладъ сколько угодно, что Накатовъ принялъ все это за чистую монету; ты, Черницкій, послѣ этого, не знаешь этого человѣка... вотъ спроси у Бѣлостоцкаго, что̀ мы съ нимъ дѣлывали... Да вотъ, разъ, этому два года на адъ—помнишь ли, Бѣлостоцкій, исторію съ старой графиней? — представьте, я и Берестовъ пишемъ къ нему письмо отъ какой-то старой вымышленной графини; въ письмѣ говорилось, что она видѣла его въ театрѣ и съ тѣхъ поръ не ѣстъ и не пьетъ отъ любви къ нему, что завтра пришлетъ карету и будетъ ждать его у себя; въ концѣ изложены, какъ водится, всѣ опасности, которымъ подвергается женщина въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ: она умоляетъ его ѣхать съ завязанными глазами... Нашъ Накатовъ въ восторгѣ: душится, помадится, суетится,—умора!.. На другой день, Берестовъ и Высицкій одѣваются лакеями, достали откуда-то старыя ливреи, наклеили усы, бакены, — словомъ отлично:

наняли извощичью карету; я сѣлъ кучеромъ: часу въ десятомъ ночи ѣдемъ къ Накатову. Накатовъ еле-дышетъ, прыщетъ себя лаваномъ, выпиваетъ стаканъ за стаканомъ воды со льдомъ,—въ такомъ тревожномъ волненіи, что даже разсказать нельзя: Берестовъ и Высицкій подсаживаютъ его въ карету, завязываютъ ему глаза... Нужно было видѣть въ эту минуту рожу Накатова! Я глядѣлъ съ козелъ въ переднія стекла. Главное то, что вѣдь ничего не замѣтилъ: впрочемъ и роли были отлично сыграны. Я ударилъ по лошадямъ, а за ними между тѣмъ ѣхали наши сани; ну, вотъ ѣдемъ, ѣдемъ... да и завезли его на Крестовскій, на самую середину, въ сугробы... представьте, двѣнадцатый часъ ночи, глушь, снѣгъ по колѣни, морозу градусовъ 20 по-крайней-мѣрѣ... лошади стали, я поскорѣй съ козелъ, Берестовъ и Высицкій съ запятокъ да въ сани, летимъ, что есть духу, домой... Ждетъ нашъ Накатовъ, стужа его пронимаетъ, онъ выглянулъ изъ дверецъ, кругомъ глушь, мятель, а нужно замѣтить, трусъ онъ страшный... что съ нимъ далѣе было, какъ онъ провелъ ночь—можно себѣ вообразить! дѣло въ томъ, что утромъ привезъ его домой дворникъ какой-то дачи... такъ что же вы хотите послѣ этого? И вѣдь это не послѣдняя штука, мы ее повторяли не разъ, да только разумѣется съ варіантами... онъ влюбчивъ какъ не знаю кто... ахъ да, въ другой разъ, назначили мы ему свиданье ночью лѣтомъ въ саду; онъ явился, а мы бросились его грабить, какъ-будто воры... вотъ была потѣха...

— Согласитесь, однакожъ, Бондаревскій, что все это было крайне глупо, замѣтилъ Бѣлостоцкій: — вѣдь часто шутки ваши выходили изъ границъ...

— Разумѣется, кто говоритъ противъ этого... да послушай однакожъ, вѣдь Накатовъ такой человѣкъ, что нельзя поступать съ нимъ иначе, онъ самъ какъ бы набивается быть шутомъ, есть такіе люди... нѣтъ такого маленькаго кружка, гдѣ бы не было своего Накатова... они начинаютъ свою карьеру съ дѣтства... Повѣрь, Накатовъ былъ, есть и всегда будетъ «пластрономъ», шутомъ, куда бы ни попалъ: ужъ такой человѣкъ!.. да,

господа, шутите-ка съ нимъ однакожъ; вѣдь вотъ того и смотри милліонеромъ будетъ.

— Чего добраго: у бабки его, говорятъ, болѣе ста тысячъ годового дохода... и денегъ, я думаю, бездна; старуха семидесяти или восьмидесяти лѣтъ, скряга, двѣнадцать лѣтъ сидитъ взаперти да копитъ; наслѣдниковъ кромѣ Накатова никого.

— Не знаю, правда ли, господа, сказалъ Бондаревскій: — мнѣ сказывали, что будто она съ ума сошла!

— Какъ! что ты?

— Да, мнѣ говорилъ докторъ, знакомый съ ея домашнимъ докторомъ; на-дняхъ у нихъ былъ консиліумъ. Ай да Накатовъ! ну, думаю, вотъ будетъ потѣха; сто тысячъ дохода, какъ бы я хотѣлъ поглядѣть на него...

— Слушать даже досадно, перебилъ Черницкій, бросая на столъ салфетку: — и ему сто тысячъ дохода... эхе—хе! да впрочемъ, чтожъ мудренаго! дуракамъ всегда счастье, прибавилъ онъ, допивая коньякъ и опрокидываясь на диванъ.

Бондаревскій толкнулъ ногою Бѣлостоцкаго и насмѣшливо подмигнулъ на Черницкаго.

Шумъ, раздавшійся въ это время за дверью, заставилъ всѣхъ обернуться въ ту сторону; слышно было, что кто-то силился войти въ столовую, но, не зная, вѣроятно, что дверь отворялась во внутрь, толкалъ ее что было мочи снаружи; наконецъ дверь отворилась, и въ комнату влетѣлъ, пыхтя и отдуваясь, Накатовъ...

II.

Душа общества.

На-видъ Накатову уже лѣтъ тридцать; роста онъ средняго, толстенькій, коренастый, съ коротенькими, неуклюжими ногами; лицо его круглое, какъ полный мѣсяцъ, багровое, какъ махровый піонъ, сохраняетъ постоянно выраженіе какого-то глупаго испуга и тупого недоумѣнія. Глаза его сѣры, водянисты и на выкатѣ; рѣденькіе, бѣ-

локурые волосы, сквозь которые сильно начинаетъ проглядывать красноватое темя, завиты съ такою тщательностью, что выдаютъ еще рѣзче грубыя очертанія его лица, сдѣланнаго какъ бы грубымъ топоромъ. Круглую свою голову держитъ онъ назадъ, что вмѣстѣ съ толстыми, раздутыми щеками и губами придаетъ его фигурѣ какую-то комическую важность. На Накатовѣ черный сюртукъ, застегнутый до-верху; воротнички рубашки, сомнительной бѣлизны и очевидной толщины, никакъ не могутъ держаться прямо, по причинѣ одутловости щекъ, которыя порываются перевалиться за край галстука.

— Накатовъ! вотъ легокъ на поминѣ! мы только-что о тебѣ говорили, mon cher! Quand on parle du soleil, on en voit les rayons! закричали всѣ, не исключая даже Гвоздикова, который точно также лѣзъ къ Накатову, бормоча сквозь свои изумрудные зубы:—Mr. Накатовъ, enchanté... и т. д.

— Здравствуй, любезный, произнесъ наконецъ Черницкій, протягивая Накатову руку и давъ ему время подойти къ дивану.

— Здравствуйте, господа, повторилъ Накатовъ, перебѣгая отъ одного къ другому и пожимая имъ поочередно руки:—какъ ваше здоровье? сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались, продолжалъ онъ, пыхтя и отдуваясь, какъ будто пробѣжалъ нѣсколько верстъ, не отставая ни на шагъ отъ рысака Берестова.

— Скажи, пожалуйста, душа общества, началъ Бондаревскій:—куда ты скрылся нынче на Невскомъ?.. Я разговаривалъ съ Кларой Петровной...

— Видѣлъ, братецъ, видѣлъ! воскликнулъ Накатовъ:—чудо что за женщина! точно графиня какая-нибудь... этакое великолѣпіе!..

— О! злодѣй!.. слышите ли, господа? каковъ! а?..

— Да, нѣтъ, ты не... пожалуйста, Бондаревскій... ради Бога, братецъ, познакомь меня съ нею... я, вѣдь, просто братецъ амурé... ей-Богу, амурé...

— Что тутъ представлять... человѣкъ своего счастья не видитъ! она сама не далѣе какъ сегодня просила меня объ этомъ... спроси вотъ всѣхъ ихъ, если не вѣришь...

— Что ты! произнесъ Накатовъ, крутя головою и поправляя галстукъ.

— Ей-Богу... да что тебѣ Клара Петровна! знаемъ, братъ, полно; ты вѣдь ничего только не говоришь. Замѣчаете ли вы, господа, что-то особенное въ глазахъ и на лицѣ Накатова: радость не радость, а такъ что-то такое, продолжалъ Бондаревскій, перемигиваясь съ товарищами:— о! пари держу, что-нибудь да есть у него; вотъ человѣкъ, не успѣлъ пріѣхать, какъ уже и того...

Накатовъ захохоталъ во все горло и, оглянувъ общество, дружески ударилъ Бондаревскаго по плечу.

— Полно, полно, хохочи сколько хочешь, не надуешь, любезный; я еще на Невскомъ замѣтилъ, что съ тобою случилось какое-нибудь происшествіе; полно, Накатовъ, право, глупо. Ну, чтожъ такое, если и есть въ самомъ дѣлѣ интрижка! разскажи намъ... эка бѣда... да полно глядѣться въ зеркало, садись и разсказывай...

— Да нѣтъ же, ей-Богу, у меня нѣтъ ничего такого, возразилъ Накатовъ такимъ тономъ, который ясно обнаруживалъ цѣль—подтвердить подозрѣнія пріятелей.

Сказавъ это, онъ отошелъ отъ зеркала и, оглянувъ еще разъ все общество, бросился въ кресло и залился звонкимъ смѣхомъ.

— Глупо, братъ, право, глупо, повторилъ Бондаревскій, дѣлая серьезную мину:—право, глупо!

— Разумѣется, смѣясь, перебилъ Бѣлостоцкій:—этимъ ты никого не увидишь, и наконецъ, самъ знаешь, мы болтать не станемъ... съ какой стати!.. мало ли что бываетъ! кому какое дѣло...

— Я вамъ даю честное мое слово, mr. Накатовъ, что буду молчать, неожиданно воскликнулъ Гвоздиковъ, вскакивая съ мѣста и подавая руку Накатову.

— Браво! mr. Гвоздиковъ, браво! ну и всѣ мы обѣщаемъ тоже, крикнулъ Бондаревскій, толкнувъ ногою Бѣлостоцкаго:—господа, не такъ ли? вы даете слово Накатову?..

— Да нѣтъ же, братецъ, этого нельзя, перебилъ Накатовъ, удерживая его за руку:—это такое дѣло... это не

какая нибудь... вы думаете... это вѣдь не то... ну, право же нельзя никакъ...

— Вотъ удивилъ! мы, братецъ, увѣрены, что ты не придешь въ восторгъ, не перемѣнится у тебя лицо, еслибъ дѣло шло о какой-нибудь магазинщицѣ... эку шутку сказалъ! Мы бы тогда и просить тебя не стали: очень любопытно, — интрижка съ модисткой!.. одолжилъ, нечего сказать!.. перестань, Накатовъ, еще разъ даемъ тебѣ слово... ну, разсказывай...

— Послушайте, господа, если вы только разболтаете, такъ это просто будетъ... низко съ вашей стороны, рѣшительно вымолвилъ Накатовъ.

— Послушай, любезный, за кого же ты насъ считаешь, сказалъ Бондаревскій, принимая раздосадованный видъ и въ тоже время закусывая губы, чтобы не лопнуть со смѣху:—хорошо шутить, когда дѣло идетъ о какой-нибудь модисткѣ, какъ я говорилъ, но тутъ совсѣмъ другое, и если мы дали честное слово, мнѣ кажется, ты можешь быть спокоенъ...

Самодовольная улыбка снова засіяла на толстыхъ губахъ Накатова; онъ окинулъ торжествующимъ взглядомъ присутствующихъ и, приложивъ пальцы къ губамъ и приподнявъ брови, сказалъ таинственно:

— То есть, господа, такая штука, что просто объяденье...

Тутъ приложилъ онъ снова пальцы къ губамъ, давъ имъ напередъ форму трубы, и выразительно чмокнулъ.

— Что ты?.. вскричали всѣ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Ей Богу! съума сойти, то есть ручки, ножки... это, это... это просто... одѣта какъ! вездѣ батистъ, кружева, то есть съума сойти... какъ мила, любезна, воспитана, говоритъ по французски какъ француженка, по-англійски, по-испански... ну, словомъ...

— Да ты-то какъ съ ней объяснялся? вѣдь ты не говоришь по-французски, и еще менѣе по-испански, сколько намъ извѣстно, замѣтилъ Вѣлостоцкій.

— Полно, перебилъ Бондаревскій, толкая его локтемъ:—ну, разумѣется, они говорили по-русски, теперь

шикъ такой... да не въ томъ дѣло... Ну, что же, Накатовъ... ахъ, голубчикъ, голубчикъ! вотъ люблю, онъ меня въ восторгъ приводитъ; вотъ то-то, господа, мы бьемся, бьемся—и все ничего, а онъ... нѣтъ, я, просто, не могу...

Тутъ Бондаревскій бросился обнимать Накатова, надрываясь со смѣху...

— Ну, такъ что-жъ, очень хорошенькая? спросили въ одно время Лушкевичъ и Сережа.

— Такая, что я никогда и не видывалъ... зубы, глаза—чудо!

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно... какъ вы счастливы, mr. Накатовъ, замѣтилъ Гвоздиковъ, кривляясь и вертясь на своемъ стулѣ.

— Да, могу сказать, пріятно-таки, отвѣчалъ Накатовъ: — да и любопытнѣе всего то, господа, что всѣ вы очень хорошо ее знаете, прибавилъ онъ, опрокидываясь на спину креслъ и самодовольно засовывая руки въ карманъ.

— Быть не можетъ!

— Серьезно; она даже очень часто бываетъ въ одномъ домѣ на балахъ, гдѣ вы бываете...

— Ай да Накатовъ! каковъ! сказалъ Бѣлостоцкій.

— Сдѣлай милость, не перебивай его, возразилъ Бондаревскій:—дай ему разсказать, какъ все это было: это самое интересное, я страхъ люблю подробности въ такихъ похожденіяхъ... ну, ну... разскажи, какъ это затѣялось у васъ, гдѣ началось, какимъ образомъ ты съ нею познакомился... вотъ счастье! ну, ужъ я думаю за то сколько хлопотъ тебѣ это стоило; я знаю, эти дамы...

— Вотъ то-то, что хлопотъ никакихъ не стоило, отвѣчалъ тотъ, улыбаясь: — она сама все дѣло начала и уладила... Третьяго дня получаю я записку... бумажка какъ пленочка, запахъ необыкновенный, сейчасъ видно откуда... развертываю: женская рука; читаю: приглашаютъ меня 12 числа, то есть вчера вечеромъ, въ Пассажъ, ровно въ восемь часовъ... мужъ, говоритъ, за-границей, разсказываетъ, что видѣла меня тамъ-то и тамъ-то, что знаетъ давно... и все это такъ тонко, такъ мило... Стукнуло восемь часовъ,—я въ Пассажъ...

— Какъ же ты ее узналъ?

— Она писала, что будетъ въ синей бархатной шубкѣ и розовой шляпкѣ, спохватился краснѣя Накатовъ: — ну, вотъ я и хожу по Пассажу, гляжу, синяя шуба... я за ней, она наверхъ, я туда же... ну, вижу, господа, прелесть женщина!.. я подхожу къ ней, она беретъ, какъ бы не замѣчая меня, билетъ, да прямо хлопъ въ діораму, или, какъ бишь—косморамy... я все смѣшиваю...

— Все равно...

— Я, разумѣется, беру билетъ и за ней, подхожу, кланяюсь, она также... слово за словомъ, разговорились... чудная женщина! восхитительная!

— Эге—ге, братъ, такъ только-то? закричалъ Бондаревскій, опуская голову: — ну, а я думалъ...

Накатовъ разразился неистовымъ хохотомъ.

— Что? спросили въ одинъ голосъ присутствующіе.

Накатовъ кивнулъ головой и захохоталъ громче прежняго.

— Неужели?..

Накатовъ всталъ съ мѣста и, раздувая щеки, началъ ходить по комнатѣ.

— Да вы бы спросили, что было послѣ, вымолвилъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ столомъ и снова запуская въ карманы руки. — Да-съ, нечего сказать, чудная женщина, продолжалъ онъ, какъ бы воодушевляясь: — какъ живетъ! какое великолѣпіе!.. Домъ блистательный!

— Такъ ты былъ у нея въ домѣ?

— Разумѣется, братецъ, вчера же; она уѣхала изъ Пассажа, а мнѣ приказала дожидаться на панели у ея дома; вотъ я и хожу; слышу, бьетъ десять часовъ; минуту спустя, подходитъ ко мнѣ женщина въ шубѣ и шляпкѣ: «вы — говоритъ — г. Накатовъ?» да такая хорошенькая — это была ея горничная — «васъ ждутъ, говоритъ, пожалуйте», я за нею... ну, знаете, сердце-то у меня такъ вотъ бррр... брр... куда мы шли, съ лѣстницы на лѣстницу, вездѣ ковры, прелесть...

— Да это ни дать, ни взять изъ Тысячи и одной ночи...

— Ужъ я вамъ говорю... вводитъ она меня наконецъ въ небольшую комнату, темно: «подождите», говоритъ... я ее за талію... «какъ, говоритъ, можно, что вы!..»

Неистовый хохотъ прервалъ на этомъ мѣстѣ Накатова; даже Черницкій покинулъ свою величественную, презрительную осанку и присоединилъ свой голосъ.

— Чего вы смѣетесь? вымолвилъ Накатовъ, выпрямляясь и отдувая щеки: — вы думаете, я вру... ей-Богу, нѣтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Бѣлостоцкій, крѣпясь изо всей мочи:—вовсе нѣтъ, продолжай; господа, дайте же ему кончить... это въ самомъ дѣлѣ становится очень любопытнымъ...

— Довольно, довольно! о! о! о! могъ только произнести Бондаревскій, надрываясь со смѣху и махая обѣими руками.

Толстое лицо Накатова побагровѣло какъ только-что очищенная свекла; онъ остановился и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на присутствующихъ. Хохотъ усилился.

— Да позвольте же наконецъ, господа, началъ Накатовъ, стараясь ободриться, но въ сущности смущаясь болѣе и болѣе: — если вы не вѣрите, я покажу вамъ ея записку, и скажу вамъ ея домъ...

— Давай записку! вскрикнулъ Бондаревскій. — Теперь слушай, Накатовъ, продолжалъ онъ, съ комическою нѣжностью: — душенька, ну, признайся, что ты все это совралъ.

— Какъ! что? Ей-Богу, я тебѣ докажу; господа, я вамъ докажу, возразилъ Накатовъ обиженнымъ тономъ.

— Экой безстыдникъ, произнесъ вполголоса Черницкій, пожимая плечами и отворачиваясь въ сторону.

— Полно, душенька, перестань... прошу тебя еще разъ, сознайся, что совралъ, продолжалъ Бондаревскій, обхватывая его руками.

— Оставь меня!.. ты братецъ... сдѣлай милость... ты всегда...

— Что за бѣда, ну, совралъ такъ совралъ... вѣдь улика на лицо...

— Какая улика?..

— А письмо...

— Да сдѣлай милость читай его...

— Что тутъ читать!.. Господа, кто хочетъ держать пари, что Накатовъ совралъ отъ слова до слова?..

— Господа! держите пари! сдѣлайте милость, перебилъ Накатовъ, пыхтя какъ самоваръ.

— Господа! сказалъ Бондаревскій, бросаясь на диванъ и поднимая записку кверху: — вы видѣли, я не читалъ ее... на задней страничкѣ звѣздочка и крестикъ... ну, Накатовъ, что ты на это скажешь?..

— Дай ее сюда! дай! горячо подхватилъ Накатовъ, вырывая записку и кладя ее на столъ: — посмотримъ...

Присутствующіе нагнулись къ запискѣ.

— Ну, гдѣ же звѣздочка... а? а? гдѣ... продолжалъ онъ, закрывая очень неловко то мѣсто пальцемъ: — гдѣ? гдѣ? продолжалъ онъ, теряясь окончательно.

— А, что? что? воскликнулъ Бондаревскій, вырывая письмо и указывая на звѣздочку и крестикъ.

Раздался снова хохотъ.

— Господа, возразилъ запальчиво Накатовъ: — я не знаю, что все это значитъ... Бондаревскій... просто, я не могу понять.

— А дѣло очень просто: вѣдь письмо-то писалъ я!..

— Вздоръ! я получилъ его отъ дамы по городской почтѣ.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, душечка; не посылать же своего человѣка... ну, такъ какъ-же, Накатовъ,—хорошенькая, а?.. и по-испански говоритъ, и горничную, злодѣй, за талію взялъ... каковъ... а!.. сказалъ Бондаревскій, схватываясь за бока.

Тутъ хохотъ охватилъ съ новою силою все общество.

Пользуясь этимъ случаемъ, Накатовъ бросился сломяголову къ шинели, накинулъ ее кой-какъ на плечи, нахлобучилъ шляпу и яростно хлопнувъ дверью, вышелъ изъ столовой, преслѣдуемый рукоплесканіями пріятелей.

— Однакожъ, скоро четыре часа, господа, сказалъ Бѣлостоцкій, когда общество немножко успокоилось:— пора, или вы, можетъ, хотите здѣсь остаться до обѣда?

— Нѣтъ, нѣтъ! отозвались всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну такъ идите же... Экая досада! продолжалъ Бѣлостоцкій, раскладывая бумажникъ: — Сережа, не можешь ли размѣнять мнѣ сто цѣлковыхъ?..

— У меня, кажется, нѣтъ...

— Позвольте, у меня есть mr. Бѣлостоцкій, живо перебилъ Гвоздиковъ, поспѣшно выкладывая на столъ пачку ассигнацій:—сколько вамъ? сто рублей, mr. Бѣлостоцкій?.. Voici 50, voici восемьдесятъ и сто... enchanté de vous obliger...

Недовольное лицо Черницкаго, выразившее въ началѣ этой выходки нѣкоторое удивленіе, внезапно прояснилось; презрительная улыбка, постоянно обращавшаяся къ господину съ изумрудными зубами, значительно смягчилась: все это такъ быстро промелькнуло въ черствыхъ чертахъ его, что никто изъ присутствующихъ ничего не замѣтилъ.

— Скажите, пожалуйста, mr. Гвоздиковъ, сказалъ онъ съ натянутою небрежностью: вамъ не родственникъ ли Платонъ Степанычъ Гвоздиковъ, саратовскій помѣщикъ?..

— Какже-съ, онъ мнѣ дядя, отвѣчалъ тотъ, вспыхнувъ отъ восхищенья.

— Неужели? онъ мнѣ очень знакомъ, продолжалъ Черницкій, стараясь придать болѣе нѣжности своему голосу: — очень радъ съ вами познакомиться. — Тутъ привсталъ онъ съ дивана и протянулъ руку, которую Гвоздиковъ горячо обхватилъ обѣими руками, причемъ жиденькое его туловище заходило и задвигалось, какъ будто въ спинномъ хребтѣ очутилась у него стальная проволока.

Бондаревскій и Бѣлостоцкій перекинулись насмѣшливымъ взглядомъ и встали изъ-за стола.

Лушкевичъ и Сережа тотчасъ же послѣдовали ихъ примѣру.

— Ну, а ты, Черницкій, раздумалъ идти съ нами? спросилъ Бѣлостоцкій, надѣвая пальто.

— Да, я еще посижу или, лучше сказать, полежу, отвѣчалъ тотъ, разваливаясь на диванѣ.

— Въ такомъ случаѣ, прощай! сухо сказалъ Бонда-

ревскій. — Желаю тебѣ всякаго благополучія, прибавилъ онъ, ударяя на послѣднія слова и еще разъ переглядываясь съ Бѣлостоцкимъ, который стоялъ уже у двери съ шляпою на головѣ.—Прощайте, mr. Гвоздиковъ, присовокупилъ онъ, кусая губы:—ну, господа, идемте!..

Сказавъ это, онъ насунулъ на брови шляпу и, повернувшись на каблукѣ, послѣдовалъ за товарищами. Въ столовой кафе-ресторана остались только Черницкій да Гвоздиковъ.

— А! такъ вы племянникъ Платона Степаныча! протяжно произнесъ Черницкій послѣ нѣкотораго молчанія:— онъ показалъ Гвоздикову на сосѣдній стулъ. — Скажите, какъ же мы прежде не встрѣчались! это тѣмъ болѣе странно, что у насъ общіе знакомые: вы вѣдь, кажется, хорошо знакомы съ тѣми господами?..

— Какъ же-съ, mr. Черницкій, сказалъ Гвоздиковъ, замирая отъ восхищенія:—я съ ними пріятель, то есть въ особенности съ mr. Бѣлостоцкимъ и Бондаревскимъ; я давно хотѣлъ сойтись съ вами, да все какъ-то не случалось.

— Отчего же они не сдѣлали этого прежде? произнесъ Черницкій съ преувеличенною досадой: — впрочемъ они не знали, что вашъ дядюшка мнѣ пріятель.

— Я даже просилъ ихъ, умолялъ объ этомъ.

— Да, они добрые ребята; но, скажите, вы давно получали письма отъ Платона Степаныча?

— Недѣлю только, съ умиленіемъ пролепеталъ Гвоздиковъ.

— Здоровъ?

— Какъ же-съ.—Гвоздиковъ хотѣлъ уже прибавить: «кланяется вамъ», да кстати спохватился.

— А, такъ онъ здоровъ... Гм!..

Тутъ Черницкій снова опрокинулся на диванъ и, повернувъ голову къ окну, произнесъ, хмуря съ неудовольствіемъ брови:

— Кажется, снѣгъ идетъ?..

— Да-съ, ужасная погода, и снѣгъ и вѣтеръ.

— Экая досада! продолжалъ Черницкій, зѣвая и потягиваясь:—что это... о-о-о!..

— А развѣ вы должны куда-нибудь ѣхать? спросилъ Гвоздиковъ.

— Да, къ несчастью, возразилъ Черницкій, бросивъ украдкою глаза на своего собесѣдника.—Вотъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана измятую повѣстку и бросая ее презрительно на столъ:—получилъ сегодня, надо ѣхать на почту... о-о-о!.. такая досада... скажите пожалуйста, что можетъ-быть гнуснѣе такой погоды? о-о-о! — (Тутъ Черницкій закинулъ обѣ руки за голову и лѣниво вытянулся на диванѣ).—Такъ ѣхать не хочется, что, право, дорого бы далъ тому, кто рѣшился бы избавить меня отъ этой коммисіи... о-о-о!.. да дѣлать иечего... что значитъ лѣнь-то: деньги нужны, а версты проѣхать не хочется.—(Черницкій усмѣхнулся и снова посмотрѣлъ на Гвоздикова).—Смѣшно и глупо, присовокупилъ онъ, перемежая слова зѣвотою и потягиваніемъ: — вотъ вѣдь сколько денегъ... а повѣрите ли — право, смѣшно — нѣтъ даже столько въ карманѣ, чтобы нанять коляску и съѣздить за ними на почту... о-о-о! да что прикажете дѣлать, ужъ жизнь такая...

— Помилуйте, mr. Черницкій, вымолвилъ Гвоздиковъ, поспѣшно подходя къ нему:—сдѣлайте милость, не ѣздите: вѣтеръ, снѣгъ... я васъ прошу объ этомъ... я буду въ восхищеньи, если вы позволите мнѣ избавить васъ отъ этого...

— О-о-о!.. нѣтъ, какъ это можно! что вы!.. что вы!.. а впрочемъ, признаюсь вамъ, не только не хочется ѣхать на почту, но даже лѣнь подняться съ мѣста... о-о-о!

— О! я это очень хорошо понимаю... угодно ли, я васъ избавлю отъ этого? я буду, право, очень счастливъ...

— Какъ! вы хотите дать мнѣ денегъ? ха, ха, ха!..

— Извините, mr. Черницкій... я думалъ...

— Нѣтъ, что-жъ такое?.. я вамъ благодаренъ, да только... о-о-о!.. у васъ, можетъ быть, съ собою только необходимое...

— Нѣтъ-съ, ей-Богу, радостно воскликнулъ юноша, выкладывая деньги,—берите сколько угодно; я очень радъ...

— Ну, хорошо, шутливымъ тономъ сказалъ Черницкій:—такъ и быть, я буду вашимъ должникомъ...

— Сколько вамъ угодно?..

— Дайте мнѣ цѣлковыхъ... ну, хоть тридцать... завтра я вамъ пришлю... о-о-о!.. Тутъ зѣвота, казалось, окончательно одолѣла Черницкаго.

— Помилуйте, что такое?.. все равно, когда хотите, отвѣчалъ Гвоздиковъ, подавая ему деньги.

— Mercі... mercі... вы, право, сдѣлали большое одолженіе; какъ не хотѣлось ѣхать! кому охота тащиться въ такую погоду?.. Пожалуйста, не забывайте же меня, загляните когда нибудь, прибавилъ онъ, бормоча невнятно послѣднія слова:—о-о-о!.. вы куда отсюда?..

— Самъ не знаю-съ, отвѣчалъ юноша, глядя ему въ глаза и обнаруживая готовность слѣдовать за новымъ знакомымъ, пожалуй, хоть на край свѣта.

— А я, ужъ такъ и быть, поѣду къ Берестову; онъ звалъ меня сегодня обѣдать, присовокупилъ Черницкій, вставая очень свободно съ дивана и небрежно засовывая деньги въ карманъ жилета: — вы отсюда направо или налѣво?..

— Направо, нерѣшительно пробормоталъ юноша: — я васъ провожу, если хотите...

— Жаль, а я налѣво... очень жаль... Итакъ, до свиданія... надѣюсь, вы меня не забудете, когда будетъ у васъ время; часа не могу назначить, но все равно... пожалуйста безъ церемоніи, говорилъ Черницкій, завертываясь въ шубу;—mercі, mercі, еще разъ... выйдемте вмѣстѣ хоть по крайней-мѣрѣ изъ кафе...

Гвоздиковъ кинулся къ пальто, взялъ шляпу, вставилъ въ лѣвый глазъ стеклышко и, восхищенный тѣмъ, что имѣлъ счастье сблизиться съ mr. Черницкимъ, побѣжалъ впередъ, предупреждая его у каждой двери и показывая встрѣчному и поперечному свои изумрудные зубы.

III.

Накатовъ.

Накатовъ вышелъ изъ кафе въ самомъ недовольномъ расположеніи духа. Онъ, нужно замѣтить, никогда не от-

личался особенною находчивостью: всякая нечаянность, острота или насмѣшка производили на него дѣйствіе дурмана, опьяненія; онъ багровѣлъ, пыхтѣлъ, выкатывалъ глаза и, спустя только нѣсколько времени послѣ пораженія, сообразивъ все случившееся, пріискивалъ въ шарообразной головѣ своей приличныя возраженія. Но возраженія эти, являвшіяся какъ горчица послѣ обѣда, ни къ чему уже не служили; они приводили въ такой восторгъ самого Накатова, что чувство самодовольствія тутъ же заглушало въ немъ окончательно враждебное чувство, какъ бы ни было оно сильно. Накатовъ, разумѣется, не сознавалъ въ себѣ недостатка находчивости, и когда кто-нибудь изъ пріятелей убѣждалъ его въ противномъ, онъ увѣрялъ, что беретъ роль безотвѣтнаго съ умысломъ, для избѣжанія скандала и исторіи.

— Ты знаешь, какъ я горячъ, говорилъ онъ обыкновенно; я себя знаю; стоитъ только начать, какъ разъ можетъ выйти бѣда, несчастіе... лучше отстать, пропадай они!..

Накатовъ не былъ злопамятенъ. Все, что ни приводилось терпѣть ему, скользило по немъ такъ-же легко, какъ еслибъ вздумали въ носорога стрѣлять огуречными сѣмечками. Происходила ли такая добродѣтель отъ природнаго его добродушія, или отъ привычки получать щелчки, рѣшить трудно,—вѣрнѣе однакожъ, что отъ привычки. Онъ возбудилъ еще всеобщій хохотъ, когда покойная матушка—ражая помѣщица—привезла его въ первый разъ въ пансіонъ, и учитель ввелъ его въ классъ; издѣвались и подсмѣивались надъ нимъ, когда ходилъ онъ въ кургузомъ синемъ фрачкѣ съ огромными свѣтлыми пуговицами и откидными воротничками изъ домотканной холстинки; смѣялись надъ нимъ и послѣ выпуска, когда онъ брилъ бороду и отпустилъ бакены по совѣту одного изъ товарищей; довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы возбудить на его счетъ кучу анекдотовъ; эти анекдоты передавались изъ класса въ классъ, переиначивались, сплетались, преувеличивались и преслѣдовали Накатова какъ кошмаръ. Хохоту, казалось, суждено было никогда не смолкать и всюду напутствовать нашего ге-

роя, тѣмъ болѣе, что онъ какъ-будто очень охотно ему поддавался.

На этотъ разъ досада, вскипѣвшая въ могучей груди его и отражавшаяся багровымъ заревомъ на его пухлыхъ дрожащихъ щекахъ, была бы, вѣроятно, продолжительнѣе, еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое тотчасъ смягчило его сердце.

Спустившись на тротуаръ Невскаго проспекта, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, очень порядочно одѣтыхъ, которые остановились передъ санями; кто восхищался наборной упряжью, кто щегольской одеждой кучера, кто санями, обшитыми малиновымъ трипомъ, кто лошадью—сѣрымъ жеребцомъ отличной породы. Увидя своего барина, кучеръ пріосанился, вытянулъ возжи и повернулся къ нему съ вопрошающимъ видомъ; вниманіе присутствующихъ также обратилось къ Накатову, который тотчасъ же закинулъ назадъ голову, раздулъ щеки и выставилъ грудь впередъ. Все это было дѣломъ секунды.

— Ермолай! крикнулъ онъ, задыхаясь отъ удовольствія:—за мной!

На Невскомъ гуляло множество народу; дамы попадались безпрестанно; и такъ какъ Накатовъ не пропускалъ ни одной, чтобы не улыбнуться и не придать лицу своему выраженія пріятной беззаботности,—вскорѣ улыбка окончательно установилась на губахъ его. На Полицейскомъ мосту онъ, казалось, уже совсѣмъ позабылъ происшествіе въ кофейной. Увидя передъ собою группу дамъ, Накатовъ поспѣшно обогналъ ихъ, махнулъ кучеру и, выждавъ минуту, когда дамы поровнялись съ нимъ, бросился въ сани, пригнулся нѣсколько на-бокъ и крикнулъ: «пошелъ!», не забывъ при этомъ покоситься на тротуаръ, чтобы увѣриться, произвели ли эффектъ его лошадь и сани.

Сани ѣхали теперь по другой сторонѣ улицы, ближе къ Казанскому собору; публики, какъ извѣстно, тутъ не очень много; Накатовъ наклонился къ кучеру, но такъ однакожъ, чтобы нельзя было подумать, что онъ съ нимъ разговариваетъ.

— Что за народъ стоялъ подлѣ саней, когда я вышелъ изъ кондитерской?

— Господа-съ! спрашивали, чья лошадь...

— Ты однакожъ, дуракъ, не поворачивайся ко мнѣ, дѣлай, какъ будто не говоришь... ну, чтожъ ты, сказалъ?

— Сказалъ-съ...

— Чтожъ они?

— Оченно, говорятъ, хороша-съ.

— Ты сказалъ имъ, что она заплачена три тысячи?..

— Сказывалъ-съ...

— Чтожъ они?..

Въ эту самую минуту карета Клары Петровны, о которой говорилъ Бондаревскій, пронеслась мимо. Накатовъ откинулся назадъ, выставилъ грудь, раздулъ щеки и шепнулъ кучеру:

— Живо обогнать вонъ ту карету,—трогай! трогай! отпусти возжи, молодцомъ смотри валяй!..

И, стрѣлою пролетѣвъ мимо Клары Петровны, велѣлъ онъ убавить шагу, чтобы дать ей время обогнать его снова. Преслѣдованіе это, примѣченное разумѣется, Кларой Петровной, продлилось бы вѣроятно до конца Невскаго, еслибъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, какъ Накатовъ выравнивался съ каретой, глаза его не встрѣтили Бондаревскаго и остальную компанію, идущихъ по тротуару, прямо къ нему на встрѣчу. Накатовъ закутался въ воротникъ и велѣлъ прибавить шагу; но, какъ на-зло, улицу переѣзжалъ обозъ; санямъ его нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ; въ то время, какъ онъ посылалъ тысячу проклятій кучеру и Невскому проспекту, неподалеку раздался громкій хохотъ. Онъ невольно высунулся изъ воротника и увидѣлъ шагахъ въ десяти карету Клары Петровны, окруженную Бондаревскимъ, Бѣлостоцкимъ и другими пріятелями, которые, какъ только показалъ онъ лицо свое, залились еще звонче прежняго. Клара Петровна высунула изъ дверецъ хорошенькую свою голову и, казалось, не уступала имъ. Это окончательно взорвало Накатова. Онъ повернулся къ нимъ спиною,

прикрылся воротникомъ, и, громовымъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули близь-стоявшія лошади, приказалъ повернуть назадъ. Минуту спустя, онъ летѣлъ домой, изрыгая тысячу проклятій пріятелямъ и даже цѣлому Петербургу.

Квартира Накатова состояла изъ трехъ или четырехъ комнатъ; и ужъ никто не захотѣлъ бы вѣрить, чтобъ господинъ, носившійся по Невскому на сѣромъ жеребцѣ, въ саняхъ, обшитыхъ малиновымъ трипомъ, съ шелковыми бахромами, могъ довольствоваться такимъ жилищемъ.

Отсутствіе вкуса и чистоты, смѣшанное съ какою-то отталкивающею безалаберщиной, отражалось на всемъ, куда только обращались глаза; закопченыя стѣны, немытый полъ, оборванная мебель, то сбитая въ кучку, то разбросанная въ безпорядкѣ, такъ-что попадалась иногда цѣлая стѣна, украшенная одними лохмотьями обоевъ, придавали квартирѣ Накатова наружность самую безобразную и нечистоплотную. Накатовъ между тѣмъ получалъ тысячъ восемь или девять годового доходу съ имѣнья, оставшагося ему послѣ матери: кромѣ того, онъ не упускалъ случая, какъ водится, приращать къ этой суммѣ, занимая то здѣсь, то тамъ,—словомъ, всюду, гдѣ только добрые люди давали подъ росписку. Въ этомъ случаѣ Накатовъ дѣйствовалъ однакожъ основательнѣе многихъ своихъ знакомыхъ: онъ разсчитывалъ на достояніе бабушки, которое, рано или поздно, должно было попасть въ его руки. Бабушка не давала однакожъ гроша своему племяннику и даже не пускала его къ себѣ. Ея скупость извѣстна была всему городу; уже нѣсколько лѣтъ не выходила она изъ своей спальни, никого не принимала, кромѣ домашняго доктора, жившаго лѣтъ двадцать въ домѣ. Итакъ, получая порядочныя деньги, Накатовъ могъ бы жить благообразнѣе; но, какъ весьма многіе изъ его круга, онъ ставилъ весь свой point d'honneur въ сѣромъ жеребцѣ да еще въ гнѣдомъ рысакѣ, охотно принося имъ въ жертву остальныя, необходимѣйшія удобства жизни. Половъ не мыли въ квартирѣ Накатова, но зато каждый годъ сани его обивались новымъ трипомъ, под-

новлялись сбруи, покупались полости съ медвѣдемъ и безъ медвѣдя... На домъ къ нему никто не ѣздилъ,— нужно же было, по-крайней-мѣрѣ, производить эффектъ хоть на улицѣ. Къ тому же самъ онъ не жилъ почти никогда дома. День свой проводилъ Накатовъ, разъѣзжая то на сѣромъ жеребцѣ, то на гнѣдомъ рысакѣ отъ одного пріятеля къ другому, или, просто, по Невскому, отдавая визиты то въ одну кофейную, то въ другую: обѣдалъ онъ не иначе, какъ въ пять или даже въ шесть часовъ, и какъ бы ни былъ голоденъ, не уступилъ бы четверти часа изъ опасенія прослыть человѣкомъ дурного тона. Всѣ помыслы Накатова, цѣль его жизни стремились къ тому только, чтобы прослыть джентльменомъ. Такъ сильно было въ немъ это желаніе, что онъ не пропускалъ ни одного бѣга, хотя часто страхъ хотѣлось ему пройтись въ это время молодцомъ по Невскому; ни за что не рѣшился бы взять онъ въ руки трубку въ присутствіи пріятелей, и хотя табакъ Жукова далеко предпочиталъ всѣмъ возможнымъ сигарамъ, однакожъ курилъ послѣднія, морщась и посылая ихъ къ нечистому. Послѣ обѣда ѣхалъ онъ въ театръ, если только шелъ балетъ или опера; Накатовъ любилъ до страсти Александринскій театръ, но, скрѣпя сердце, лишалъ себя этого удовольствія въ пользу балета или оперы, потому-что, во-первыхъ, послѣднее слыло manvais-genre,—а во-вторыхъ, онъ бился изо всей мочи, чтобы попасть въ кружокъ театраловъ. Изъ театра летѣлъ онъ къ пріятелямъ или на балъ къ какой-нибудь француженкѣ-спекулянткѣ, потомъ ужиналъ и наконецъ въ пять или шесть часовъ утра являлся домой; въ два или три часа пополудни пробуждался, подавали ему сѣраго жеребца или гнѣдого рысака, и снова начинался день. Нельзя было бы придумать большаго наказанія Накатову, какъ засадить его хоть на однѣ сутки дома. Онъ такъ рѣдко бывалъ у себя, что, узнавъ по наслышкѣ объ эффектѣ, который производитъ, въ большомъ свѣтѣ романъ графини Дашъ, не могъ въ цѣлый годъ дочитать предисловія.

Что жъ мудренаго послѣ всего этого, если Накатовъ,

пролежавъ минуты двѣ на диванѣ, почувствовалъ уже тоску смертную и сильный позывъ къ зѣвотѣ.

— Человѣкъ! крикнулъ онъ, закидывая лѣвую руку за голову.

Явился лакей, крупный, небритый человѣкъ, въ бѣломъ засаленномъ галстукѣ, сѣрой курточкѣ съ гербовыми пуговицами и въ жокейскихъ сапогахъ съ желтыми отворотами.

— Развѣ я тебя звалъ?.. сказалъ Накатовъ;—ты кто такой?..

— Громъ-съ... сударь...

— Грумъ, грумъ! сколько разъ надо тебя учить... перебилъ Накатовъ:—ступай, позови Евсѣя.

Вошелъ Евсѣй.

— Не приходилъ еще Гаврила Петровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Сходи на конюшню: посмотри, распрегъ ли Ермолай Рубина, да позвать ко мнѣ Пахома; скажи ему, чтобъ надѣлъ новый армякъ, подпоясался новымъ кушакомъ и пришелъ показаться...

Человѣкъ вышелъ; Накатовъ перевалился на спину. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рѣденькою рыжеватой бородкой, бритымъ затылкомъ и бѣльмомъ на лѣвомъ глазу. На немъ былъ синій кучерской армякъ, подпоясанный позументовымъ кушакомъ.

— Здравствуй, Пахомъ, сказалъ Накатовъ, оглядывая его съ головы до ногъ:—повернись назадъ, такъ, ладно... ну, хорошо... смотри, только беречь у меня. Ну, что, былъ ныньче на конной?

— Былъ-съ.

— Какія лошади? разсказывай...

— Да всякія есть-съ... вотъ одна, такъ ужъ нечего сказать, Борисъ Борисычъ... побѣжитъ — сто рубликовъ надбавить не жаль... съ ней обогналъ бы кого угодно...

— Такъ обогналъ бы? вымолвилъ Накатовъ, чрезвычайно довольный восторженною выходкою кучера.

— Обогналъ бы, Борисъ Борисычъ, ей-Богу бы обогналъ...

— Ну, чтожъ, Пахомъ, доволенъ ты Петербургомъ? спросилъ Накатовъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Что въ немъ, Борисъ Борисычъ, въ Петербургѣ-то... слава только, что столиція... въ деревнѣ лучше: возьмешь Побѣждая да Стрѣлку, бывало, да поохотиться пойдешь... ату ево, ату ево!..

— Ха, ха, ха! ну, ну, попорскай, попорскай, сказалъ Накатовъ, надрываясь со смѣха.

Пахомъ подошелъ къ окну и приложилъ къ губамъ ладони въ видѣ трубы.

— Ну, ну, попорскай, попорскай... ну, твердилъ Накатовъ, катаясь по дивану.

— Ату ево... ату ево... ту, ту, у-у... началъ Пахомъ, косясь на Евсѣя и Ермолая, которые выглядывали изъ-за дверей и также помирали со смѣха: — ату ево! эхъ тарахъ-тахъ! ату ево... ату, у-у...

— Ну, довольно! сказалъ Накатовъ, ухватываясь за бока, чтобы перевести духъ:—ступай! Евсѣй, трубку!..

Не мѣшаетъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Накатовъ побывалъ въ деревнѣ, гдѣ проводилъ онъ время гоняясь за зайцами, Пахомъ, напутствовавшій его всюду и старавшійся поддѣлаться подъ шутовскую, скоморошную стать, сдѣлался для него лицомъ необходимымъ. На этомъ основаніи Накатовъ привезъ его въ Петербургъ, заставляя его въ свободное время то попорскать, то разсказать какой-нибудь забавный анекдотъ. Прежде роль Пахома занималъ Евсей, который отлично представлялъ, какъ писаря отдаютъ честь проходящимъ офицерамъ, что въ свое время доставляло точно также Накатову поводъ помирать со смѣху.

Закуривъ трубку, Накатовъ зѣвнулъ нѣсколько разъ сряду, взялъ со стола романъ графини Дашъ, перевернулъ двѣ-три странички, зѣвнулъ и наконецъ закрылъ глаза.

Скрипъ двери пробудилъ его.

— А! Гаврила Петровъ! вымолвилъ Накатовъ, обращаясь къ сѣдому, подслѣповатому старику, обстриженному подъ гребенку; на немъ былъ коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и длинный жилетъ, украшен-

ный бисерною цѣпочкою съ печатками изъ сердолика. Гаврила Петровъ, служившій камердинеромъ покойному отцу Накатова, остался въ той же должности при сынѣ, котораго выводилъ и выносилъ на рукахъ своихъ. Онъ бережно подошелъ къ дивану, гдѣ лежалъ баринъ и, скрестивъ руки на груди, сказалъ ему съ упрекомъ:

— Борисъ Борисычъ!..

— Ну, что еще? спросилъ тотъ: — гдѣ ты до сихъ поръ таскался?..

— Э, э-эхъ, вотъ у васъ только это на умѣ... э-хе-хе... продолжалъ тѣмъ же тономъ старикъ: — вотъ вы, батюшка, изволите почивать здѣсь, а не знаете, какія дѣла у насъ дѣлаются... ну, что бы вамъ приказать запречь рысачка да съѣздить къ барынѣ, бабушкѣ нашей Пелагеѣ Антоновнѣ; вѣдь вотъ почитай, что два года къ ней глазъ не кажете... Ей-Богу, право, велѣли бы запречь рысачка да съѣздили, Борисъ Борисычъ...

— Развѣ съ ней случилось что нибудь, съ этой старой каргой? спросилъ Накатовъ, умышленно дѣлая удареніе на послѣднія слова...

— Господи, Боже милостивый! Творецъ милосердый! воскликнулъ Гаврила Петровъ, опустивъ голову и поднявъ обѣ руки: — что это вы сударь... побоялись бы Бога...

— А что такое? смѣясь, перебилъ Накатовъ.

— Да тоже, сударь, что барыня бабушка ваша не оченно здоровы... а вы изволите такъ-то грѣшить противъ нихъ... меня и въ домъ-то насилу допустили...

— Разсказывай, разсказывай... чтожъ тамъ такое еще, — умираетъ?..

— Христосъ съ вами! что вы, что вы батюшка... Сказывала мнѣ ключница Аграфена Кириловна, прибавилъ старикъ, понизивъ голосъ и приближаясь къ барину: — что вечоръ недоброе случилось съ бабушкой: я разспрашивать... да Христіянъ Христіянычъ подоспѣлъ; я съ тѣмъ и ушелъ; вамъ бы, право, лучше понавѣдаться... поѣзжайте, батюшка, не равно что-нибудь такое случится...

— Ну, а что, Гаврила Петровъ, если вдругъ бабушка умретъ! воскликнулъ Накатовъ, вскакивая съ дивана и

ударивъ по плечу камердинера, — а, а! вѣдь наслѣдникъ-то я! сто тысячъ дохода, бррратецъ! да денегъ сколько, я думаю! тринадцать лѣтъ копила! а? что на это скажешь?..

Каждый разъ, когда мысль эта приходила Накатову, голова его закидывалась еще болѣе назадъ; онъ запускалъ руки въ карманы и съ неописаннымъ волненіемъ принимался расхаживать по комнатѣ, не упуская однакожъ случая останавливаться при каждомъ поворотѣ передъ зеркаломъ, чтобы взбить волосы и оглянуть себя самодовольно съ головы до ногъ.

— Такъ чтожъ ты скажешь на это? а? повторилъ Накатовъ, ударивъ еще разъ по плечу камердинера.

Вмѣсто отвѣта, Гаврила Петровъ, понуривъ еще сильнѣе голову, пропустилъ пальцы одной руки между пальцами другой и, повертывая съ необыкновенной быстротою однимъ большимъ пальцемъ вокругъ другого, погрузился, казалось, въ горькія размышленія.

— Ну, братъ, Габріель, воскликнулъ тотъ, какъ бы вдохновляясь: — смотри только, какъ мы зажуируемъ! держись только, прощайся тогда, старичина ты этакая, съ твоимъ фракомъ... Вкачу тебѣ сюда вотъ этакое жабо! (Тутъ Накатовъ на аршинъ показалъ отъ груди). Надѣну на тебя голубой фракъ съ галунами, гербы на воротникѣ вотъ такіе! (Тутъ опять отодвинулъ онъ руку на аршинъ одну отъ другой). Жилетъ прошу у меня мѣнять тогда каждый день; шелковые чулки рублей во сто, коротенькіе бархатные панталоны, галуны!.. молодцомъ подтяну!.. сдѣлаю тебя мажордомомъ! крикнулъ Накатовъ въ какомъ-то азартѣ; ты знаешь-ли, что такое мажордомъ?.. это все равно, что управляющій въ домѣ, глава надъ всѣми людьми, надъ конюшнями... Чтожъ, ты радъ будешь? заключилъ онъ, принявъ недоумѣніе на лицѣ старика за изъявленіе глубочайшаго восхищенія.

— Гдѣ ужъ, батюшка, Борисъ Борисычъ, вымолвилъ наконецъ Гаврила Петровъ, разводя руками: — старъ я сталъ...

— Ну, не хочешь, такъ я оставлю тебя при своей особѣ... будешь только докладывать да сидѣть и грѣться

въ прихожей у камина... вездѣ будутъ камины у насъ, вездѣ!.. лихо заживемъ!.. Что это? произнесъ Накатовъ, кажется, позвонили? ступай скорѣй... если за деньгами, скажи, что дома нѣтъ... а если неравно бабушкинъ докторъ, проси скорѣе...

Старикъ вышелъ.

Накатовъ, собравшійся было выкинуть на воздухѣ какую-то штуку, услыша голосъ доктора, принялъ тотчасъ же степенную наружность, нахмурилъ брови, схватилъ романъ графини Дашъ и бросился на диванъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Христіанъ Христіанычъ, сказалъ Накатовъ, стараясь проявить въ голосѣ какъ можно больше густоты и въ то-же время спокойствія: — какъ это вы вошли, я не слыхалъ, какъ ваше здоровье? очень радъ васъ видѣть...

Докторъ, сморщенный, искоробившійся старикашка, вмѣсто отвѣта поставилъ въ уголъ сучковатую свою палку, крякнулъ, сѣлъ на диванъ, понюхалъ табаку, крякнулъ еще разъ и произнесъ вполголоса:

— Ну, Борисъ Борисычъ, я къ вамъ пришелъ за очень, очень важнымъ дѣломъ...

— Что такое? вы меня пугаете, почтеннѣйшій Христіанъ Христіанычъ, не случилось ли чего съ бабушкой?

— Да, я вамъ скажу, очень, очень не хорошо съ Пелагеей Антоновной...

Тутъ докторъ заботливо покрутилъ рыжимъ мочалистымъ парикомъ, изъ-подъ котораго торчали рѣденькіе, сѣдые волосы, которые казались наклеенными на вымокшій пергаментъ; вслѣдъ затѣмъ онъ снова крякнулъ и снова покачалъ головою.

— Вы меня терзаете, докторъ! воскликнулъ Накатовъ, придавая лицу испуганное выраженіе, что дѣлало его въ эту минуту крайне глупымъ.

— Да, Борисъ Борисычъ, продолжалъ Христіанъ Христіанычъ, потирая сучковатыя свои колѣни:—такъ плохо, что я и самъ не знаю какъ быть.

— Ради Бога, что такое? какое-нибудь несчастіе?

— Да, для вашей бабушки, но не для васъ!

Послѣдовала пауза; докторъ не отрывалъ глазъ отъ

Накатова, лицо котораго, вопреки усилій сдѣлать его печальнымъ, вздрагивало отъ восторга.

— Ваша бабушка... съ ума сошла! заключилъ докторъ, разводя руками и опустивъ голову почти до колѣнъ.

— Что вы говорите? произнесъ Накатовъ, вскочивъ со стула.

— Да, я это говорю, она... съ ума сошла, совсѣмъ съ ума сошла!..

— Нѣтъ, я просто ничего не понимаю... Что все это значитъ? говорилъ Накатовъ, у котораго дѣйствительно помутилось въ глазахъ и вся внутренность перевернулась какъ бы вверхъ дномъ.

— Ну, это дѣло вотъ какое, сказалъ Христіанъ Христіанычъ: — вы самый близкій родственникъ Пелагеѣ Антоновнѣ.

— Какже, Христіанъ Христіанычъ, я это знаю, перебилъ Накатовъ, едва держась на ногахъ.

— Вы ея наслѣдникъ...

— Но почему же!.. я ей Богу, то есть я думалъ такъ... а впрочемъ... Ей-Богу, не знаю... произнесъ Накатовъ, порываясь броситься на шею Христіану Христіанычу.

— Ну, какъ вамъ не знать этого, продолжалъ старикъ:—вы ея наслѣдникъ и въ качествѣ его будете назначены опекуномъ вашей бабушки, какъ ближайшій ея родственникъ...

— Не можетъ быть! какъ! какимъ образомъ... ха, ха, ха!.. вотъ забавно... перебилъ Накатовъ, не понимая рѣшительно, что съ нимъ дѣлается.

— Какъ не можетъ быть! я за этимъ дѣломъ пришелъ сюда... вы должны сейчасъ же ѣхать къ Пелагеѣ Антоновнѣ; вы ее совсѣмъ забыли...

— Ей-Богу, почтеннѣйшій, добрый Христіанъ Христіанычъ, клянусь вамъ!.. бабушка сама не хотѣла, чтобы я къ ней ѣздилъ... я... я...

— Ну, хорошо, хорошо, это не мое дѣло...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастіе! Ахъ, ахъ! повторялъ Накатовъ, закрывая поминутно лицо руками, чтобъ

удобнѣе скрыть радость, сіявшую во всѣхъ чертахъ его:— но скажите же ради Бога, какъ это случилось? отчего? Ахъ, Боже мой! Боже мой! Ахъ!..

— Очень странно случилось, продолжалъ докторъ, качая головой: — такого случая я еще не видывалъ, недѣли три тому назадъ съ нею былъ припадокъ, я собралъ консиліумъ, ну, и слава Богу все прошло хорошо; я былъ совсѣмъ спокоенъ, какъ вдругъ вчера вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ ключница бабушки, Агафья — вы знаете, та, что при ней всегда, — и говоритъ, что Пелагея Антоновна сказала, будто не можетъ обѣдать, потому что она еще маленькое дитя и ей нуженъ рожокъ или кормилица... Я, знаете, вовсе не ожидалъ этого, не понимаю, что все это значитъ... Какъ? какое дитя? спрашиваю Агафью. — Да, также дитя, говоритъ она: — маленькое дитя, вотъ которое только-что родилось. — Я поскорѣе бѣгу туда... вхожу... Пелагея Антоновна точно также увѣряетъ меня, что она дитя, и проситъ купить ей рожокъ, или привести ей кормилицу, — вотъ какое обстоятельство!..

— Что вы говорите?..

— Да; я за докторами, собрали консиліумъ, посовѣтовались, начали ее разспрашивать, она все свое: купите ей куклу, купите ей рожокъ; совсѣмъ съума сошла; я ужъ сдѣлалъ кой-какія распоряженія; надо потакать ей во всемъ: это единственное средство; положеніе не совсѣмъ еще безнадежно...

Накатовъ почувствовалъ холодъ во всѣхъ членахъ...

— А, впрочемъ, я сильно сомнѣваюсь, продолжалъ докторъ со вздохомъ: — въ ея лѣта случаи выздоровленія рѣдки...

Накатова бросило въ жаръ.

— Какже, какже, докторъ пробормоталъ онъ, поспѣшно вскакивая съ мѣста: — подождите меня, я сію секунду одѣнусь... эй, Гаврила! Евсѣй! эй! скорѣе одѣваться!..

Накатовъ долго метался какъ угорѣлый изъ угла въ уголъ и, наконецъ, съ помощью Гаврилы Петрова, который казался растеряннымъ не менѣе своего барина, одѣлся и подбѣжалъ къ доктору.

— Ѣдемте, ѣдемте, мой почтенный, мой добрый Хри-

стіанъ Христіанычъ, говорилъ Накатовъ, застегивая дрожащими руками сюртукъ: — экое несчастіе! ахъ!..

— Ну, для васъ, я думаю, не совсѣмъ несчастіе: Пелагея Антоновна очень богата, отвѣчалъ Христіанъ Христіанычъ, ковыляя за Накатовымъ, который летѣлъ стремглавъ на улицу.

IV.

Эксцентрическая бабушка.

...Они сѣли въ сани. Происшествіе съ бабушкой сильно поразило Накатова. Мысли его мѣшались; бархатная мебель, лежачія рессоры, блистательные обѣды, швейцаръ, мажордомы, грумы, ливреи сталкивались и вертѣлись въ головѣ его. Онъ принималъ тогда величественную осанку, исполненную чувства собственнаго достоинства, и торжествующимъ, орлинымъ взоромъ оглядывалъ весь людъ, катившій или шлепавшій мимо него по улицамъ; ему казалось, что весь городъ знаетъ его въ лицо, смотритъ ему въ глаза, слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ и, полный такихъ счастливыхъ мыслей, еще выше задиралъ онъ голову, еще яростнѣе раздувалъ багровыя свои щеки, и безъ того уже готовыя лопнуть каждую минуту. То вдругъ страшное безпокойство охватывало какъ ледяною корою всю внутренность нашего героя, и поза его, изъ величественной и гордой, дѣлалась самою жалкой и комической; онъ припоминалъ нѣкоторыя успокоительныя слова доктора, — слова, мгновенно бросавшія его изъ воображаемаго блеска и великолѣпія въ настоящее положеніе, казавшееся ему въ эту минуту уже невыносимымъ. Обдаваемый попеременно то жаромъ, то ознобомъ, смотря по ходу мыслей, онъ то и дѣло обращался къ доктору, осыпая его вопросами; но Христіанъ Христіанычъ, занятый своими собственными соображеніями, уходилъ еще глубже въ красный вязаный шарфъ и только неопредѣленными звуками отвѣчалъ встревоженному наслѣднику. Наконецъ они въѣхали въ ворота широкаго двора... Неукатанный мягкій снѣгъ разсыпался и летѣлъ хлопьями изъ-подъ копытъ

лошади; мрачно смотрѣлъ старинный запущенный дворъ; стѣны неопредѣленно-грязнаго цвѣта, на которыхъ всѣ четыре времени года усердно обозначали слѣды свои, окружали его со всѣхъ сторонъ; окна были до половины занесены снѣгомъ, часто спускавшимся цѣлыми глыбами съ кровли и покривившихся двухъ-трехъ крылечекъ. На широкомъ гранитномъ подъѣздѣ, кой-какъ выметенномъ и посыпаннымъ пескомъ, два огромные льва высовывали свои обезображенныя, безносыя головы изъ грязнаго снѣга и сора, горою возвышавшагося по обоимъ спускамъ лѣстницы. Такъ смотрѣло все это непривѣтливо и холодно, что даже тяжелой, невпечатлительной натурѣ Накатова стало неловко. Но когда сухощавый, сгорбившійся швейцаръ, съ слезливой физіономіей и краснымъ носомъ, выпачканнымъ табакомъ, отворилъ двери, и вся прислуга, состоящая по крайней-мѣрѣ изъ пятнадцати грязныхъ, небритыхъ лакеевъ, бросилась на-перерывъ снимать съ него шубу, низко и безпрестанно кланяясь,—непріятное впечатлѣніе, овладѣвшее Накатовымъ, мигомъ исчезло. Онъ окинулъ самодовольно грязную колонаду, окружавшую прихожую, потомъ обратился къ прислугѣ, замѣтилъ, что-то насчетъ безпорядка и запущенія, и бросивъ еще разъ украдкою глаза на позлащенную булаву швейцара, стоявшую въ углу и подернутую паутиной, величественно сталъ подыматься по парадной лѣстницѣ, устланной вмѣсто ковра мягкимъ слоемъ пыли.

Оторопѣвшая прислуга оставила безъ всякаго вниманія доктора, который, барахтаясь въ своей шубѣ и шарфѣ, напоминалъ какъ нельзя болѣе несчастнаго Лаокоона, перепутаннаго змѣями; онъ нагналъ Накатова уже въ парадныхъ комнатахъ.

Комнаты эти, занимавшія весь этажъ и убранныя, какъ видно было по всему, въ екатерининское время, представляли въ настоящее очень печальное зрѣлище. Штофные порыжѣвшіе обои висѣли по стѣнамъ безобразными лохмотьями; полинялыя шелковыя и ковровыя гардины и занавѣси, мѣстами съѣденныя молью, мѣстами отягченныя пылью, падали густыми, тяжелыми складками по обѣимъ сторонамъ мрачныхъ высокихъ оконъ; продол-

говатыя тусклыя зеркала въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, почернѣвшихъ отъ времени, смутно и неопредѣленно отражали сѣдые чахлы, покрывавшіе мебель и люстры съ милліонами граненыхъ стеклышекъ, блиставшихъ чуть видными звѣздами на темномъ, закопченомъ потолкѣ. Несмотря на то, что бабушка Накатова не выходила болѣе тринадцати лѣтъ изъ своей спальни, въ домѣ было однакожъ довольно обывателей, чтобы присмотрѣть за порядкомъ.

Кромѣ двадцати-пяти лакеевъ, занимавшихъ весь нижній этажъ и спавшихъ безъ просыпу одну половину дня, употребляя другую на игру въ дурачки замаслеными картами, въ верхнемъ этажѣ находилось болѣе десятка приживалокъ—старыхъ дѣвъ, вдовъ, прапорщицъ, утратившихъ мужей на полѣ брани, и носившихъ, въ подтвержденіе этого, черные ситцевые капоты и бѣлые чепцы; но какъ первымъ, такъ и вторымъ много было и безъ того дѣла. Къ этому же, благодѣтельница, старая барыня, любившая слушать розсказни и вѣсти бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, рѣшительно затыкала уши и гнала вонъ всѣхъ, кто заикался о предметахъ, требовавшихъ издержекъ. Одинъ развѣ Христіанъ Христіанычъ осмѣливался иногда подымать голосъ, да и тотъ большею частью сѣялъ на безплодную почву. Онъ также жилъ въ домѣ скорѣе въ качествѣ простого приживальщика, чѣмъ врача и мирно проводилъ дни свои, обклеивая картонныя коробочки съ сюрпризами, которыя постоянно, въ продолженіи двадцати лѣтъ, подносилъ Пелагеѣ Антоновнѣ. Христіанъ Христіанычъ, не пользовавшійся большою извѣстностью въ медицинѣ и жаловавшійся въ продолженіи всей своей жизни на судьбу, какъ-будто находившую какое-то особенное удовольствіе лишать его практики, былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны не видѣлъ большого труда развернуть «Друга здравія» Тиссота, когда старуха была больна,—съ другой—ему представлялась надежда не быть забытымъ въ ея завѣщаніи.—Пелагея Антоновна слѣпо довѣряла свое здоровье Христіану Христіанычу, вмѣняя ему въ непремѣнную обязанность являться каждое утро. Докторъ и-рп

нималъ озабоченный видъ, покрякивалъ, щупалъ ей пульсъ, качалъ головою, снова покрякивалъ и, набивая носъ табакомъ, произносилъ съ разстановкою, глядя внимательно на языкъ паціентки: «Легкій жаръ... но, впрочемъ, ничего; весь организмъ въ порядкѣ; вамъ нужно больше покоя, отдохновенья, почтенная Пелагея Антоновна, какъ можно больше отдохновенья...»—Плохо, отвѣчала обыкновенно старуха:—плохо, батюшка, вотъ уже и встать одна не могу, и вижу нехорошо; ухаживать-то надо за мной какъ за малымъ ребенкомъ.—Все чаще и чаще повторяла она эту фразу и въ одинъ ненастный, зимній день въ самомъ-дѣлѣ потребовала няньку. Христіанъ Христіанычъ задумался, крякнулъ и покачалъ головою; на другой день старушка объявила, что ѣсть еще не можетъ какъ большіе люди и просила купить рожокъ; Христіанъ Христіанычъ снова задумался, снова крякнулъ и прибѣгнулъ къ Тиссоту; но такъ-какъ въ Тиссотѣ не отыскалось ни одного изъ пунктовъ, подходящихъ къ состоянію Пелагеи Антоновны, почтенный врачъ рѣшился собрать консиліумъ. Консиліумъ задумывался еще усерднѣе Христіана Христіаныча и рѣшилъ, чтобы ни въ чемъ не противорѣчили больной, благо были на то средства. Христіанъ Христіанычъ совсѣмъ было успокоился и началъ даже клеить какую-то коробочку, какъ вдругъ, недѣли три спустя послѣ консиліума, старушка рѣшительно объявила себя новорожденнымъ младенцемъ, велѣла себя спеленать и привести кормилицу. Тутъ Христіанъ Христіанычъ рѣшился наконецъ отправиться къ Накатову, ближайшему ея родственнику и законному наслѣднику...

Законный наслѣдникъ успѣлъ уже однакожъ пройти почти всѣ парадныя комнаты, сопровождаемый докторомъ. Въ послѣдней комнатѣ, предшествовавшей бабушкиной спальнѣ, Накатовъ встрѣтилъ трехъ вдовствующихъ приживалокъ, которыя, завидя его, поспѣшно вынули изъ ридикюлей нарочно приготовленные чистые платки и приложили ихъ къ глазамъ. Накатовъ остановился; старухи отняли платки и почтительно поклонились.

— Батюшка! вымолвила одна изъ нихъ, здоровенная,

широкоплечая баба, годная скорѣе колоть дрова, чѣмъ проливать слезы:—батюшка, благодѣтели вы наши...

— О-о... о-хъ!.. благодѣтели вы наши... повторили тѣмъ же тономъ остальныя двѣ, кланяясь чуть не въ поясъ.

— Да, большое несчастіе, заботливо вымолвилъ Накатовъ, воображавшій, что рѣчь идетъ о его бабушкѣ:— будьте увѣрены, я употреблю всѣ старанія, чтобы успокоить бабушку...

— Батюшка! начала опять первая старуха, прерывая рѣчь рыданіями и какъ бы выжимая изъ себя слезы:— наслѣдуйте добродѣтелямъ вашей бабеньки: не оставьте насъ несчастныхъ, горькихъ сиротъ... Богъ наградитъ васъ...

— Будьте увѣрены, сударыня, я справедливъ... и... вполнѣ умѣю цѣнить достоинства, произнесъ Накатовъ, пыжась какъ индѣйскій пѣтухъ; — но мнѣ хотѣлось бы видѣть бабушку.—Это, кажется, дверь въ ея спальню? прибавилъ онъ, направляясь къ низенькой двери, завѣшанной ковромъ.

— Здѣсь-съ... пожалуйте.., но только онѣ изволили започивать, бойко произнесла атлетическая старуха, забѣгая подобострастно впередъ и приглашая всѣхъ встать на-цыпочки.

Спальня состояла изъ небольшой, но очень высокой комнаты, такъ что потолокъ терялся въ неопредѣленномъ мракѣ. Полъ былъ устланъ ковромъ, изображавшимъ какую-то сцену изъ миѳологіи. Стѣны были обиты съ трехъ сторонъ темнымъ лакированнымъ деревомъ; четвертая стѣна была почти цѣликомъ занята рѣзнымъ кіотомъ изъ чернаго дерева, покрытымъ дорогими образами, въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, съ висѣвшими повсюду яичками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ. Углы комнаты заставлены были старинною мебелью: здѣсь выглядывалъ брюхастый бюро, выложенный слоновою костью и перламутромъ,—на немъ обломанная японская ваза и севрскій сервизъ; въ другомъ мѣстѣ сверкали сквозь пыль высокіе вычурные канделябры; тамъ возвышались въ безпорядкѣ сундуки и ларцы, обшитые сафьяномъ и кожей,

шерстью вверхъ; подлѣ нихъ на пальмовомъ шесткѣ сидѣлъ встрепанный какаду, который, заслыша шумъ, тотчасъ же встрепенулся, поднялъ желтый свой хохолъ и нагнулъ на бокъ голову. Посрединѣ комнаты, между всей этой рухлядью, стояла постель Пелагеи Антоновны, примыкавшая однимъ концомъ къ мягкому тюфячку, на которомъ ворочалось полъ-дюжины старыхъ, сѣдыхъ мосекъ.

Свѣтъ изъ единственнаго окна, до половины завѣшаннаго зеленою тафтяною сторою, падалъ, благодаря усердію благотворимыхъ, прямо на сморщенное, желтоватое лицо старухи, окруженное волнистыми оборками чепчика; глядя на съежившееся, крошечное туловище, стянутое пеленками, казалось, что тутъ лежалъ скорѣе обрубокъ, кусокъ человѣка, чѣмъ цѣлый человѣкъ. Сонъ старухи былъ тихъ и спокоенъ, какъ сонъ младенца; изрѣдка только ея бѣлыя губы, оттѣненныя сѣдоватыми волосами, двигались, то вдавливаясь, то снова выступая. По обѣимъ сторонамъ ея, на бѣлой постели, пестрою клумбой разсыпались игрушки.

У изголовья сидѣла колоссальная, жирная кормилица въ красномъ кокошникѣ и сарафанѣ, туго перетянутомъ подъ мышками и порывавшемся каждую минуту лопнуть напереди. Увидя вошедшихъ, она привстала, разинула ротъ, въ которомъ оказался кусокъ лепешки, выкатила оловянные глаза и, какъ бы вдругъ запугавшись, схватила валявшійся подлѣ картонный арлекинъ, повернулась къ спящей старухѣ и принялась дергать за ниточку, причемъ всѣ члены куклы пришли въ страшное движеніе.

— Тссс... тсс... произнесъ Христіанъ Христіанычъ, махнувъ рукой.

Накатовъ смотрѣлъ на бабушку съ неописаннымъ волненіемъ; сердце его никогда еще не билось такъ сильно; сколько блестящихъ надеждъ осуществляли для него эти безсмысленныя черты!..

— Ну, пойдемте отсюда, сказалъ докторъ, трогая его за руку;—она спитъ—это хорошій признакъ; не надо ее тревожить...

Они вышли въ комнату, гдѣ Накатовъ былъ встрѣченъ тремя приживалками. Но уже теперь вмѣсто трехъ ихъ было около десятка. Комната мигомъ наполнилась стонами и оханьемъ. Каждая пробивалась впередъ, стараясь повидимому всѣми силами попасть въ лучъ зрѣнія Накатова и врѣзать чорствыя черты свои въ его тучную; затекшую жиромъ память.

— Что, спросилъ докторъ, обращаясь къ ключницѣ, которая только-что появилась:—никакихъ перемѣнъ не было послѣ меня съ Пелагеей Антоновной?..

Но ключница вмѣсто отвѣта бросилась къ Накатову и, прильнувъ къ его рукѣ, залилась горючими слезами.

Докторъ повторилъ вопросъ.

— Нѣтъ, ничего не было... о-охъ... охъ... батюшка ты нашъ, Борисъ Борисовичъ, начала ключница, цѣпляясь ему за фалды.

— Э! Агафья Кириловна, полноте, какъ вамъ не стыдно безпокоить, сказалъ Христіанъ Христіанычъ качая головой и подмигивая лѣвымъ глазомъ на Накатова.

— Батюшка! милостивый государь! закричали въ одинъ голосъ всѣ старухи, бросая свирѣпые взгляды на доктора:—батюшка, не оставьте насъ, бѣдныхъ сиротъ... наслѣдуйте добродѣтелямъ вашей бабеньки... Богъ васъ не оставитъ...

— Будьте увѣрены... я справедливъ, я очень справедливъ, съ достоинствомъ проговорилъ Накатовъ: — повѣрьте, я... я вполнѣ умѣю цѣнить добродѣтель и достоинство, прибавилъ онъ рѣшительно, уже не зная, что дѣлать:—ну, докторъ, пойдемте; мнѣ нужно поговорить съ вами; прощайте!..

— Прощайте, батюшка... дай вамъ Богъ всего... охъ... о-о-охъ!!..

— Ну, докторъ, какое ваше окончательное мнѣніе насчетъ бабушки? спросилъ Накатовъ взволнованнымъ голосомъ.

Докторъ задумался, крякнулъ, понюхалъ табаку и покачалъ головою.

— Право, не могу вамъ ничего сказать... должно думать, судя по ея лѣтамъ и быстрому ходу болѣзни,

что она неизлечима... а впрочемъ, бывали случаи излеченія... особенно часто бываетъ, что болѣзнь превращается въ періодическую... годъ здорова, другой, а тамъ опять припадокъ... такъ по крайней-мѣрѣ утверждаетъ Тиссотъ...

Накатовъ обомлѣлъ: слово «періодическую» поразило его; оно накидывало черную тѣнь на мечты его, опрокидывало частью лучшія надежды; онъ хотѣлъ бы навсегда уничтожить роковое слово.—«Э! была не была! подумалъ онъ тутъ же:—періодическая, такъ періодическая; все равно, хоть на время, да наслажусь, по-крайней-мѣрѣ, жизнью, пожуирую на-славу!..» Онъ весело распрощался съ докторомъ, объявилъ, что пріѣдетъ завтра же заняться дѣлами, и началъ спускаться съ лѣстницы, упрашивая старика оставить его одного.

Вся дворня ожидала его въ передней.

Швейцару, какъ престарѣлому и почетному лицу, уступлено было право подать ему шубу. Онъ стоялъ, растопыривъ руки какъ надломанная вѣшалка и, вцѣпившись обѣими руками въ воротникъ, моргалъ отъ восхищенія.

— Что это? спросилъ Накатовъ, останавливаясь на послѣдней ступени и хмуря брови:—развѣ это твое дѣло, любезный? На это есть другіе люди. Твоя обязанность стоять вотъ здѣсь съ булавой, а не шубы подавать... Васъ здѣсь распустили! продолжалъ онъ, надѣвая шубу и вздрагивая отъ чувства собственнаго достоинства:—дѣлаете что хотите! погодите! я заведу другой порядокъ!

Швейцаръ вытянулся по швамъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Остальные люди, стоявшіе въ почтительномъ разстояніи, невольно сдѣлали то-же самое.

V.

Старые знакомцы.

Есть люди, для существованія которыхъ Невскій проспектъ рѣшительно необходимъ, это фактъ. Пребывать

тутъ съ двухъ до четырехъ часовъ пополудни такая же точно потребность для нихъ, какъ обѣдъ или ужинъ. Такихъ людей въ Петербургѣ очень много. У иныхъ такая потребность образовалась вслѣдствіе привычки, безъ всякой другой цѣли въ основаніи, кромѣ моціона. Къ нимъ большею частью принадлежатъ такъ называемые «мышиные жеребчики», т. е. гладенькіе, свѣжіе, еще не отцвѣтшіе старички, сохранившіе любовь къ туалету, голубымъ и розовымъ галстучкамъ, завиткамъ на головѣ (или, правильнѣе сказать: на парикѣ), цѣпочкамъ, духамъ, лакированнымъ ботинкамъ и т. д... Эти мышиные жеребчики всегда почти холостяки, съ круглымъ, независимымъ состояніемъ, дозволяющимъ имъ носить тучныя енотовыя шубы, перемѣнять каждый день жилеты, накупать разныхъ благовонныхъ помадъ для окраски волосъ (также на парикѣ) и проч., которымъ нужно, во что бы то ни стало, проморить червячка до обѣда въ клубѣ или собраніи, гдѣ они непремѣнные члены. Другіе являются на Невскій на людей поглядѣть, а главное — себя показать прекрасному полу, до котораго они большіе охотники; послѣдніе, люди молодые, jeunesse dorée, особенно многочисленны. Для третьихъ наконецъ, людей возраста и состоянія неопредѣленныхъ, прогулка по Невскому отъ двухъ до четырехъ часовъ передъ обѣдомъ заключаетъ цѣли болѣе положительныя. Они уже напередъ знаютъ, что встрѣтятъ тамъ такого-то или такую-то, и всегда почти бьютъ навѣрняка. Здѣсь отдаютъ они должностные визиты, любезничаютъ съ дамами и, пользуясь удобнымъ случаемъ, повѣряютъ ихъ дочкамъ, но чаще имъ самимъ, такія вещи, которыя не удобно было сообщить въ гостиной, при постороннихъ. Нужно ли учтиво намекнуть о долгѣ, пригласить на обѣдъ, нужно ли самому быть приглашеннымъ, условиться ли на-счетъ встрѣчи въ театрѣ или на балѣ, представляется ли необходимость повидаться съ знакомымъ, котораго хотѣлось бы позвать неожиданно на ландскнехтъ, давно уже задуманный и обдуманный, — всему этому при извѣстной снаровкѣ, Невскій проспектъ представляетъ самый удобный случай. Къ числу послѣднихъ господъ принадлежалъ Бѣлостоцкій

Впрочемъ, много было у него еще и другихъ особенностей; самая главная состояла уже въ томъ, что онъ проживалъ огромныя деньги, не получая ровно никакихъ положительныхъ, извѣстныхъ доходовъ. Какъ онъ это дѣлалъ? рѣшить никто не могъ; даже самъ Бондаревскій, ближайшій знакомый Бѣлостоцкаго, и тотъ, когда спрашивали его объ источникѣ богатства петербургскаго Монте-Кристо (такъ звали Бѣлостоцкаго), пожималъ только плечами. Квартира его слыла между молодежью одною изъ самыхъ великолѣпныхъ; проигрывалъ онъ часто большіе куши; на конюшнѣ держалъ постоянно до двѣнадцати лошадей, высокой цѣны; нанималъ француза повара, задавалъ отличные обѣды, лѣтомъ жилъ на дачѣ съ широкими лѣстницами и галлереями, наполненными цвѣтами; одѣвался со всею изящною изысканностью лондонскаго денди; распространялся ли слухъ о какой-нибудь новости въ области модъ, Бѣлостоцкій первый пускалъ ее въ ходъ, и всѣ старались подражать ему; и—странное дѣло!—никогда не выѣзжая изъ Петербурга, онъ умѣлъ всегда оставлять за собою записныхъ франтовъ, являвшихся изъ-за-границы съ самыми свѣжими запасами и новостями по части туалета; имъ управляло какое-то внутреннее, инстинктивное чутье во всемъ; онъ словно предугадывалъ изобрѣтенія законодательнаго вкуса. Всякое дѣло приходилось у него какъ-то кстати; никогда не замѣтно было никакого промаха. Загадочное существованіе Бѣлостоцкаго подстрекало въ высшей степени любопытство молодежи, принадлежавшей къ одному кругу съ ним; каждый бился добраться до источника и рѣшить задачу. Главнымъ поводомъ этому служила зависть, возбуждаемая успѣхами Бѣлостоцкаго между прекраснымъ поломъ. Покажется ли какая-нибудь хорошенькая француженка, толпа поклонниковъ надсѣдается, чтобы попасть къ ней въ милость, — все тщетно; являлся Бѣлостоцкій, обнаруживалъ передъ ней въ половину подобострастія, — смотришь, не прошло и недѣли, какъ уже француженка разъѣзжаетъ въ его каретѣ, а тамъ распространялся слухъ, что Бѣлостоцкій успѣлъ подписать ей вексель и великолѣпно отдѣлалъ ея квартиру. Иные объясняли источникъ его богатства силь-

ною игрою; на дѣлѣ оказывалось однакожъ, что каждый зналъ на-перечетъ суммы, проигранныя Бѣлостоцкимъ, тогда-какъ никто никогда не слыхалъ о значительномъ выигрышѣ; другіе утверждали, что онъ барышничаетъ лошадьми и въ большомъ масштабѣ, что впрочемъ также не было основательно, ибо, сколько извѣстно, такимъ промысломъ нельзя нажить много денегъ; третьи положительно утверждали, что Бѣлостоцкій живетъ въ долгъ, и объясняли его безграничный кредитъ необыкновенною изворотливостью, умѣньемъ обращаться съ кредиторами. Они приводили въ примѣръ одного старика, который будто самъ разсказывалъ, что не смотря на крайность въ деньгахъ, не имѣлъ духу выпросить у него долга,—что каждый разъ, какъ придешь къ Бѣлостоцкому, говорилъ старикъ (что дѣлается обыкновенно рано утромъ, когда кромѣ кредиторовъ никто не дѣлаетъ визитовъ), онъ бросается съ восторгомъ на шею, радостно пожимаетъ руки, усаживаетъ подлѣ себя на бархатное кресло, прикажетъ подать завтракъ, шампанскаго, то потреплетъ за подбородокъ (буде кредиторъ простого происхожденія), то въ глазъ поцѣлуетъ, то разсмѣшитъ, то разжалобитъ, ну, словомъ, такъ завертитъ, что вотъ, кажется, и хотѣлось бы заикнуться о деньгахъ, да языкъ не поворачивается, и клянешь его въ душѣ, а благодаришь на словахъ; съ тѣмъ и уйдешь. Но и эти слухи не возбуждали довѣрія: можно было прожить такимъ образомъ годъ, много-много два, но не семь, или восемь, какъ жилъ Бѣлостоцкій. Четвертые распространяли наконецъ на его счетъ самые невыгодные слухи, забывая, что француженки, которыя не переводились у Бѣлостоцкаго, служили яснымъ противорѣчіемъ и въ конецъ должны были разрушать возможность такого рода предположеній. Мало-помалу толки совсѣмъ смолкли, и хотя многіе изъ его пріятелей, собираясь къ нему на обѣдъ, не пропускали еще случая значительно подмигивать на какой-нибудь вновь появившійся предметъ роскоши, однакожъ это нисколько не мѣшало имъ вслѣдъ затѣмъ дружески пожимать ему руку и всячески стараться поддерживать съ нимъ дружбу. Но дѣло въ томъ, что Бѣлостоцкій ни-

когда ни съ кѣмъ не сближался особенно: онъ былъ со всѣми одинаково привѣтливъ, радушенъ, одолжителенъ. Къ нему ѣздило множество народа; общество было самое смѣшанное: у него можно было встрѣтить и льва, и онагра, и безбородаго юношу, неизвѣстнаго происхожденія, какъ напримѣръ Гвоздикова, и коннозаводчика, и афериста, и актера,—словомъ, кого угодно, лишь бы, разумѣется, наружность была, какъ говорится, не слишкомъ контрабандная. Въ большинствѣ знакомыхъ Бѣлостоцкій слылъ отличнымъ малымъ и бонвиваномъ,—мнѣніе, которое онъ вполнѣ оправдывалъ на дѣлѣ. Мудрено ли послѣ того, что Бѣлостоцкаго зналъ почти весь городъ? Онъ бился однажды объ закладъ, что на пути отъ Полицейскаго моста до Аничкина встрѣтитъ пятьдесятъ знакомыхъ—и не дойдя до Казанскаго собора успѣлъ уже поклониться восемьдесятъ четыре раза . . . . . .

. . . . . .

Мѣсяцъ спустя послѣ сцены въ кафе-ресторанѣ, часу во второмъ передъ обѣдомъ, Бѣлостоцкій отправился навѣстить кой-кого изъ пріятелей, но ни одного изъ нихъ, какъ нарочно, не было дома; не зная чѣмъ убить остатокъ утра, онъ велѣлъ каретѣ остановиться на Невскомъ проспектѣ и пошелъ пѣшкомъ. Погода стояла самая дурная; снѣгъ валилъ хлопьями, пронзительный вѣтеръ жалобно завывалъ между вывѣсками и наводилъ хандру смертельную. Когда погода ясная, съ вѣтромъ легко помириться, какъ бы онъ ни былъ силенъ,—и особенно на Невскомъ проспектѣ. Онъ, правда, знобитъ точно также носъ и щеки, но за то вознаграждаетъ поминутно пѣшехода, открывая передъ нимъ то узенькую ножку, обутую соблазнительной ботинкой, то тонкій, бѣлый какъ снѣгъ чулокъ, то обрисовываетъ стройную, волнистую талію, ловко перехваченную шалью... Но въ дурную погоду, какъ теперь, когда на улицѣ никого не было, кромѣ извощиковъ, да охтенокъ, вѣтеръ не могъ быть очень пріятенъ. Бѣлостоцкій былъ того же мнѣнія и задумывалъ уже войти въ кафе, когда, поднявъ неожиданно глаза, увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ зрѣлище, которое тотчасъ же приковало его вниманіе.

Почти на серединѣ улицы ѣхала извощичья коляска съ опущеннымъ верхомъ; въ ней сидѣлъ Черницкій, облѣпленный снѣгомъ; за коляской ѣхала другая коляска, также извощичья, но порожнякомъ; за нею тянулось гуськомъ трое пустыхъ саней; владѣтели этихъ экипажей, лихачи-извощики, съ замѣтнымъ безпокойствомъ заглядывали поминутно впередъ, гдѣ сидѣлъ Черницкій и время-отъ-времени перекликались съ кучеромъ передней коляски. Черницкій между тѣмъ то опускалъ ноги на дно экипажа, такъ-что наружу выглядывала его шляпа и конецъ красно-сизаго, полуотмороженнаго носа, то выпрямлялся, высовывался впередъ и съ ужасомъ озирался на всѣ стороны.

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ увидѣлъ Бѣлостоцкаго и пришелъ въ такой восторгъ, что чуть-было не выпрыгнулъ вовсе изъ коляски.

— Стой! стой! держи ближе къ панели; ближе! закричалъ онъ кучеру:—эй, Бѣлостоцкій! mon cher! погоди, мнѣ нужно сказать тебѣ два слова!

— Что, братецъ, съ тобою? спросилъ Бѣлостоцкій, когда тотъ очутился подлѣ него на тротуарѣ: — сначала мнѣ показалось, что ты кого-нибудь хоронишь, да потомъ гляжу, гроба нѣтъ... что за чудо, думаю...

— Полно шутить!.. пренепріятная, братецъ, исторія, отвѣчалъ, переминаясь и морщась, Черницкій; — сдѣлай милость, выручи...

— Охотно, да объясни мнѣ напередъ, что значитъ это шествіе...

— Э! братецъ, негодяи! просто таки негодяи! отвѣчалъ Черницкій, бросая презрительные взгляды извощикамъ, которые впивались въ него глазами: — я имъ говорю: подождите до перваго числа (ты знаешь, какъ я акуратенъ), такъ нѣтъ же, нѣтъ; нельзя выѣхать или выйти спокойно: отбою нѣтъ... Вотъ я сегодня... поѣхалъ къ зятю... жена у меня, братецъ, больна, взялъ коляску—гляжу, одинъ присталъ: заплатите да заплатите; за нимъ другой, тамъ третій, — ну, просто срамъ... если бы не ты, я право не зналъ бы, что мнѣ дѣлать... просто, братецъ, негодяи... сдѣлай милость, mon cher, выручи...

— Сколько же имъ нужно?

— Дай... ну, хоть цѣлковыхъ двадцать!.. сказалъ Черницкій по-французски, принимая небрежную позу и презрительно оглядывая извощиковъ: — сегодня же ихъ отдамъ тебѣ... кстати мы вѣдь вмѣстѣ обѣдаемъ нынче у Накатова; часамъ къ пяти у меня будутъ деньги...

— Хорошо! хорошо! но пойдемъ въ кафе; здѣсь, на улицѣ, какъ-то неловко...

— Пойдемъ, пойдемъ!.. я же прозябъ! бррр... спасибо, mon cher!.. Тутъ обратился онъ къ извощикамъ и приказалъ дожидаться.

Они вошли въ кафе.

Черницкій былъ также во многихъ отношеніяхъ человѣкъ достойный замѣчанія.

Сначала, въ юности, онъ подавалъ большія надежды сдѣлаться вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, и вѣроятно, оправдалъ бы ихъ, еслибъ вдругъ не овладѣла имъ лѣнь, да такая, что, ставъ въ низшемъ классѣ первымъ ученикомъ, очутился въ верхнемъ на задней скамейкѣ, послѣднимъ; къ тому, какъ объяснилось потомъ, мало-помалу особенно способствовало общество богатыхъ школьниковъ, куда попалъ Черницкій. Зная напередъ, что ожидало ихъ впереди, эти богатые товарищи пренебрегали трудомъ, предпочитая ему сладкое отдохновеніе на заднихъ скамейкахъ. Черницкому никто, должно быть, не потрудился объяснить, что у него не было никакого состоянія и, полный счастливаго невѣдѣнія, онъ слѣдовалъ соблазнительному примѣру. Къ тому же, онъ съизмала еще обнаруживалъ большую склонность къ хорошему обѣду и щегольской одеждѣ, охотнѣе дружился съ тѣми, которые были подостаточнѣе, чувствовалъ непобѣдимое влеченіе сближаться съ товарищемъ хорошей фамиліи, и нужно отдать ему справедливость, обладалъ необыкновенною для его лѣтъ способностью втереться куда угодно, войти въ дружбу, и даже сдѣлаться необходимымъ. Разумѣется, жизнь на чужой счетъ какъ ни легка, однакожъ представляетъ также свои неудобства: самолюбіе Черницкаго (а у него было его очень много) частенько

получало страшные толчки. Тогда Черницкій, съ негодованіемъ и злобой, разваливался на диванъ, закуривалъ гаванскую сигару (а для этого стоило только протянуть руку, ибо онъ постоянно проживалъ то у одного изъ богатыхъ товарищей, то у другого) и принималъ рѣшительное намѣреніе найти мѣсто, но такое однакожъ, гдѣ бы можно было получать большой окладъ и какъ можно меньше работы; такого мѣста, разумѣется, трудно было сыскать, особенно лежа на диванѣ. Но въ это время досада Черницкаго успѣвала уже пройти, и онъ снова погружался въ сладкое бездѣйствіе, добровольно подвергая свое самолюбіе новымъ щелчкамъ.

Тонкіе обѣды вошли въ такую привычку Черницкому, сдѣлались подъ конецъ такою сильною потребностью, что онъ уже началъ нѣкоторымъ образомъ хладнокровно примиряться съ щелчками, и если случалось, что самолюбіе его страдало, онъ утѣшалъ себя тѣмъ. что въ душѣ презираетъ невѣждъ и смѣется надъ ними. Послѣдняго однакожъ никто не замѣчалъ. Мало-по-малу онъ пересталъ вовсе мечтать о мѣстѣ. Когда уже черезчуръ приходилось горько, мысли его принимали совсѣмъ другой оборотъ. Онъ ломалъ голову, придумывая средства, какъ бы вдругъ пріобрѣсти большія деньги или по-крайней-мѣрѣ заключить такія связи, чтобъ сравняться съ степенью, на которой стояла большая часть его товарищей. Случай скоро представился. Въ него влюбилась одна бѣдная княжна; отецъ княжны, человѣкъ чрезвычайно слабый и добрый, не смѣя противиться волѣ дочери, подписалъ ей въ приданое послѣднее состояніе—тысячъ восемьдесятъ, и отдалъ ее Черницкому. Черницкій тотчасъ обзавелся отличной парой вороныхъ рысаковъ, навѣшалъ шелковыя портьеры, купилъ ящикъ лучшихъ гаванскихъ сигаръ, шесть ящиковъ шампанскаго, бархатныя, шитыя серебромъ туфли—и завалился на кушетку. Вставалъ онъ для того только, чтобы идти обѣдать или написать на розовой атласной бумагѣ, издававшей самый тонкій запахъ, приглашеніе на трюфели или страсбургскій пирогъ. Все бы это прекрасно было, да горе въ томъ, что не успѣлъ еще Черницкій докурить до конца

ящикъ сигаръ, какъ уже онъ и жена его очутились безъ гроша денегъ. Прошелъ годъ, у Черницкаго родился сынъ, которому отецъ положилъ на-зубокъ тысячъ пятнадцать долгу. Нѣсколько лѣтъ спустя, оказалось вчетверо больше дѣтей и на столько же разъ больше долгу. Имъ овладѣла хандра; онъ озлобился на всѣхъ и на все; часть обвиненій пала на жену, которая, въ свою очередь, во всемъ рѣшительно обвиняла мужа. Старый князь помогалъ имъ, сколько могъ, наконецъ и помогать стало нечѣмъ. Кредиторы осадили со всѣхъ сторонъ Черницкаго, но къ счастью, не послѣдовало большой бѣды; онъ успѣлъ во-время сыскать себѣ мѣсто. Всѣ эти обстоятельства нисколько однакожъ не охладили въ немъ пристрастія къ трюфелямъ, страсбургскимъ пирогамъ, тонкимъ обѣдамъ и винамъ. Дѣло не новое; чѣмъ человѣкъ извѣстнаго круга бѣднѣе, тѣмъ соблазнительнѣе представляются ему всѣ прелести комфорта и роскоши, тѣмъ мучительнѣе чувствуеть онъ ихъ недостатокъ, особенно если попробовалъ того и другого. Черницкій, на этотъ разъ уже съ горя бросился снова въ кругъ богатой молодежи, къ которой такъ привыкъ еще съизмала. Но потому ли, что онъ утрачивалъ съ лѣтами свою любезность и веселость, его не встрѣтили уже съ прежнимъ радушіемъ.

Онъ увидѣлъ тогда, что въ этомъ обществѣ не существуетъ задушевныхъ связей,—что тамъ прошлое не имѣетъ никакого значенія, и довольно одного мѣсяца разлуки, чтобы изъ самаго искренняго, необходимаго пріятеля сдѣлаться совершенно постороннимъ и ненужнымъ,—что тамъ приглашаютъ на обѣды и готовы платить сколько угодно за карту, единственно для того только, чтобы не обѣдать одному, а посреди веселой компаніи, и т. д. Черницкаго однакожъ не отвергли: онъ умѣлъ отлично разрѣзать индѣйку, былъ большой знатокъ въ винахъ, съ необыкновеннымъ вкусомъ и гастрономическимъ знаніемъ умѣлъ составить обѣденную карту, зналъ отъ доски до доски Brillat-Savarin «Petit Caréme», — словомъ, былъ необходимъ очень многимъ. Онъ принялъ на себя роль мизантропа, человѣка желчнаго, но разсудительнаго, исполненнаго чувства собствен-

наго достоинства, и въ этомъ видѣ являлся на всѣ обѣды. Но такъ-какъ денегъ уже не было у него вовсе, а чувство собственнаго достоинства не позволяло постоянно обѣдать на чужой счетъ, — пошли съ новою силой маленькіе займы, которые въ образованномъ мірѣ считаются одолженіями не стоющими, чтобъ о нихъ напоминали и много безпокоились. Но совсѣмъ тѣмъ, такъ-какъ каждый считаетъ только себя одного вправѣ терять память въ подобныхъ случаяхъ—кредитъ Черницкаго скоро подорвался. Когда случилось это несчастіе, онъ сталъ прибѣгать къ жалованью, такъ-что очень часто въ то время, какъ онъ отправлялся къ Дюссо или Сен-Жоржу, его жена, сопровождаемая четырьмя дѣтьми, кухаркой, горничной и даже домашней собакой, шли обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, на Петербургскую сторону, къ старому князю...

Полчаса спустя послѣ сцены съ извощиками, Бѣлостоцкій разстался съ Черницкимъ, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Пассажъ.

VI.

Въ пассажѣ.

Бѣлостоцкій поднялся на лѣстницу и пошелъ въ кафе Пассажа. У прилавка тѣснилось, по обыкновенію, множество народа. Спиною къ мѣдному шкафику, гдѣ хранятся теплые пирожки, стоялъ Бондаревскій съ блюдечкомъ въ одной рукѣ и рюмкой въ другой; его окружало нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились сіамскіе близнецы—Сережа и Лушкевичъ.

— А, Бѣлостоцкій! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Здравствуй, братецъ, сказалъ Бондаревскій, кладя въ ротъ огромный кусокъ пирога:—а я только что... постой... гм, гм... чуть-было не подавился... я только-что хотѣлъ ѣхать къ тебѣ; ты, конечно не забылъ, что мы сегодня обѣдаемъ у моего друга Накатова?

— Скорѣе нужно тебѣ сдѣлать этотъ вопросъ, смѣясь, отвѣчалъ Бѣлостоцкій:—глядя, какъ ты объѣдаешься пи-

рогами, легко предположить, что память объ обѣдѣ исчезла изъ твоей головы, по-крайней-мѣрѣ на сегодняшній день...

— Э! любезный, на это не смотри: мой желудокъ, что бездонная бочка... А! m-r. Гвоздиковъ! какая счастливая звѣзда принесла васъ сюда?..

Гвоздиковъ, бившійся въ продолженіи этой сцены изо всей мочи, чтобы попасть на глаза Бондаревскому или его пріятелямъ, заколыхался какъ былинка, бормоча сквозь зубы: «Enchanté, m-r. Бондаревскій... здравствуйте, господа... la santé m-r. Бѣлостоцкій?..» затѣмъ поспѣшилъ онъ подать руку каждому изъ нихъ.

— Ухъ! какъ вы больно жмете! ухъ! я не думалъ, Гвоздиковъ, чтобъ вы были такъ сильны; вы, просто, атлетъ! вскричалъ Бондаревскій, щелкая пальцами: — ухъ, за это слѣдуетъ вознаградить себя еще пирожкомъ... совѣтую и вамъ, Гвоздиковъ, сдѣлать то-же самое за труды ваши... Бѣлостоцкій, пироги, право, отличные... хоть бы твоему повару... попробуй...

— И мнѣ также пирожокъ! пробормоталъ Гвоздиковъ, не зная уже чѣмъ поправить свое смущеніе.

— Господа, сказалъ Бондаревскій: — я готовъ, пойдемте пошляться въ Пассажъ...

— Пойдемте, возразилъ Бѣлостоцкій: — я давно тамъ не былъ.

— Позвольте, господа, и мнѣ съ вами, робко произнесъ Гвоздиковъ, вытягивая голову и стараясь улыбнуться какъ можно пріятнѣе.

— А пирогъ вашъ? спросилъ Бондаревскій.

— Нѣтъ-съ, я вѣдь это такъ только... отъ нечего дѣлать... pour la compagnie, отвѣчалъ юноша съ изумрудными зубами, торопливо ставя блюдечко.

Молодые люди вышли изъ кафе въ Пассажъ.

Гвоздиковъ не чувствовалъ ногъ подъ собою отъ восхищенія; онъ безпрестанно забѣгалъ то съ одной стороны, то съ другой, желая показать, что знакомъ не съ однимъ человѣкомъ хорошаго тона, что всѣ ему равно знакомы.

— Ну, Бѣлостоцкій, какой насъ ожидаетъ спектакль сегодня,—чудо! началъ Бондаревскій:—да и всѣмъ вамъ

объявляю, господа, будетъ весело! представьте себѣ Накатова богачемъ, окруженнаго великолѣпіемъ... умора!

— Ужъ будто такое великолѣпіе? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Помилуй, братецъ, квартира графа Боржинскаго,— чего же больше...

— Да въ самомъ ли дѣлѣ получилъ онъ такое богатое наслѣдство? мнѣ что-то, право, не вѣрится...

— Чего-жъ тутъ не вѣрить! состояніе его бабушки очень извѣстно: говорятъ, болѣе ста тысячъ годового дохода.

— Я даже слышалъ гораздо болѣе, господа, замѣтилъ Гвоздиковъ, забѣгая впередъ:—мнѣ говорили навѣрное: двѣсти тысячъ... кромѣ этого, у его бабушки, я самъ это очень хорошо знаю, было нѣсколько милліоновъ...

— Ну, я не думаю! произнесъ Бондаревскій, насмѣшливо глядя ему въ глаза.

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ Гвоздиковъ, краснѣя до ушей.

— Я все-таки не понимаю, какъ онъ успѣлъ такъ скоро устроиться?..

— Въ одинъ-то мѣсяцъ? вотъ прекрасно! то ли еще можно надѣлать въ мѣсяцъ съ деньгами... Къ тому же квартира Боржинскаго была уже отдѣлана, стоило только нанять людей да купить лошадей...

— А лошади, господа, у Накатова отличныя, перебилъ Сережа:—я видѣлъ, тамъ есть одинъ жеребецъ караковой масти—чудо! идеальная лошадь!..

— Нѣтъ; видѣлъ ли ты у него вороную кобылу, которую купилъ онъ у Аникѣева? Вотъ лошадь, такъ лошадь, нéчего сказать, замѣтилъ Лушкевичъ.

— Чтò лошади, господа! воскликнулъ Бондаревскій:— лучшее пріобрѣтеніе Накатова—поваръ.

— Ахъ, да, отличный поваръ! сорвалось какъ-то неожиданно съ языка Гвоздикова.

— Вы развѣ обѣдали у Накатова? живо спросилъ Бондаревскій.

— Да... нѣтъ-съ, то есть я только завтракалъ... пробормоталъ юноша съ изумрудными зубами, поспѣшно

вставляя въ лѣвый глазъ стеклышко и принимаясь разсѣянно оглядывать магазины.

— Куда вы, господа? Сережа, куда? спросилъ Бондаревскій, обращаясь къ красавцамъ, которые повернули-было назадъ.—А! понимаю, желаю успѣха! продолжалъ онъ, лукаво подмигивая на окно моднаго магазина, куда, казалось, направлялись молодые люди.

— Эти господа вѣрно къ Пальмирѣ, замѣтилъ Гвоздиковъ. Ахъ! какая милая женщина эта Пальмира!.. Вы ее знаете, mr. Бѣлостоцкій?.. нѣтъ?.. хотите, я васъ познакомлю... это мой другъ...

— Ужъ по-крайней-мѣрѣ не разочаровывайте же насъ заранѣе... описаніемъ, сказалъ Бѣлостоцкій. — Что это, братецъ, какъ онъ начинаетъ надоѣдать, прибавилъ онъ, наклонившись къ Бондаревскому.

— Вы куда, mr. Гвоздиковъ? спросилъ тотъ, останавливаясь внезапно посреди Пассажа.

— Я... прямо-съ... отвѣчалъ юноша нерѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія... Мы идемъ наверхъ...

— Впрочемъ мнѣ все равно, я вѣдь это только такъ, спохватился Гвоздиковъ:—я также пойду наверхъ; тамъ какъ-то прохладнѣе.

Бѣлостоцкій и Бондаревскій, не отвѣчая ему, повернули назадъ и пошли прямо. Но не успѣли они сдѣлать пяти шаговъ, какъ уже Гвоздиковъ нагналъ ихъ и, силясь попасть въ ногу съ Бѣлостоцкимъ, сказалъ:

— Въ самомъ-дѣлѣ, наверху скучно съ тѣхъ поръ, какъ выѣхала вафельщица. Она была очень хорошенькая... вы знали ее, господа?

— Экой неотвязчивый! пробормоталъ Бѣлостоцкій.

— Кого ты бранишь? спросилъ Бондаревскій, глядя на Гвоздикова и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Вотъ этого господина, отвѣчалъ Бѣлостоцкій, указывая глазами на шедшаго по близости толстяка: — онъ лишаетъ насъ удовольствія идти въ рядъ съ г-мъ Гвоздиковымъ.

Жиденькій станъ Гвоздикова заколыхался; онъ проворно приложилъ руку къ шляпѣ и, пробравшись боч-

комъ между толстякомъ и Бѣлостоцкимъ, заботливо притиснулся къ плечу послѣдняго.

Бондаревскій разразился хохотомъ.

— Полно, братецъ, смѣяться, сказалъ Бѣлостоцкій, повертываясь спиною къ Гвоздикову: — скажи-ка лучше, что ты завтра дѣлаешь... не хочешь ли у меня обѣдать?

— Чудесно! я даже объ этомъ думалъ.

— Вы вѣдь, кажется, живете въ Милліонной, mr. Бѣлостоцкій? нѣжно спросилъ Гвоздиковъ.

— Да-съ, а что?

— Если вы позволите... мнѣ было бы очень пріятно... прибавилъ онъ, корчась, улыбаясь и колыхаясь въ одно и то же время.

Бѣлостоцкій сухо поклонился.

— Вы въ которомъ часу обѣдаете обыкновенно, mr. Бѣлостоцкій? продолжалъ разспрашивать Гвоздиковъ, щуря глазки и стараясь придать своей физіономіи самое пріятное выраженіе.

— Какъ случится, отвѣчалъ тотъ: — меня можно застать каждый день въ десять часовъ утра.

Сказавъ это, онъ взялъ Бондаревскаго подъ руку и ускореннымъ шагомъ пошелъ впередъ.

Гвоздиковъ побѣжалъ за ними.

Въ ту минуту, какъ они настигали сіамскихъ близнецовъ, рисовавшихся передъ окномъ Пальмиры, головка которой мелькала между висѣвшими за стекломъ манжетками, кружевами и пелеринками, двери Пассажа растворились и на порогѣ появился Накатовъ. Въ его движеніяхъ замѣтна была большая перемѣна, онъ выступалъ медленнѣе, положительнѣе, пыхтѣлъ, какъ-будто платье во всѣхъ частяхъ было ему узко, и безпрестанно сморкался въ батистовый платокъ, вѣроятно, чтобы показать великолѣпный брилльянтовый перстень на указательномъ пальцѣ; онъ дѣлалъ это такъ ловко, что каждый, взглянувшій на перстень, долженъ былъ также замѣтить шитые гербы, увѣнчанные короной на углахъ платка. Увидя пріятелей, онъ сунулъ какъ можно скорѣе платокъ въ карманъ бекеши и пошелъ къ нимъ на встрѣчу; веселая

улыбка смѣнила величавое выраженіе, которое всячески старался онъ натянуть на круглое лицо свое.

— Здравствуйте, господа, произнесъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ: — очень радъ васъ видѣть.

Присутствующіе поочередно подали ему руку, сохраняя, по возможности, комическо-почтительный видъ.

— Господа, началъ Накатовъ, слегка поклонившись:— вы не хотѣли сдѣлать мнѣ чести посѣтить меня въ хижинѣ, надѣюсь, не откажете навѣстить въ палатахъ... Вы, я думаю не забыли, что обѣдаете у меня сегодня?.. и, какъ бы испугавшись того, чтобъ не подумали, что онъ слишкомъ уже дорожитъ посѣщеніемъ, отступилъ шагъ назадъ, поднялъ голову и продолжалъ: — впрочемъ, господа, если вамъ что непріятно, я не напрашиваюсь... Тутъ Накатовъ опустилъ голову, принялъ самую смиренную наружность и, слегка пожимая плечами, прибавилъ:— согласитесь сами... имѣя маленькое, такъ только крошечное состояніе... но независимое впрочемъ... смѣшно было бы...

— Вотъ вздоръ какой!..

— Полно, что за пустяки...

— Помилуй, братецъ, что ты врешь! перебилъ, смѣясь, Бондаревскій: — мы очень рады бывать у тебя и не позже нынѣшняго обѣда докажемъ, какъ охотно пользуемся твоимъ дружескимъ приглашеніемъ...

Слова Бондаревскаго возвратили Накатову нормальное состояніе духа. Онъ повеселѣлъ, и лицо его прояснилось.

— Скажи, душа моя, спросилъ Бондаревскій: — правда ли, говорятъ, что бабушка оставила тебѣ нѣсколько милліоновъ?

Краска удовольствія показалась даже на бѣлкахъ Накатова.

— Ну, милліоны, не милліоны... но такъ себѣ... пробормоталъ онъ, засмѣявшись: — кто-жъ это говоритъ?..

— Да, вотъ, mr. Гвоздиковъ сообщилъ намъ сегодня эту новость...

Накатовъ приложилъ руку къ шляпѣ и потомъ, какъ бы въ разсѣянности, опустилъ ее прямо въ руку Гвоздикова; но пожатіе его было такъ сильно, вѣроятно

также по разсѣянности, что юноша невольно вскрикнулъ и поднялъ лѣвую ногу.

— Ахъ, Боже мой, у меня совсѣмъ изъ головы вышло! воскликнулъ Накатовъ: — извините меня, Гвоздиковъ, къ тому же мой мажордомъ не зналъ вашей квартиры... пожалуйста не забывайте меня... да вотъ приходите сегодня обѣдать съ этими господами...

Гвоздиковъ чуть не плакалъ отъ радости.

— Что-жъ вы тутъ остановились, господа? пойдемте гулять по Пассажу, примолвилъ Накатовъ охорашиваясь.

— Какъ, развѣ ты не видишь, что́ насъ сюда привлекаетъ? отвѣчалъ Бондаревскій, указывая глазами на окно моднаго магазина: — посмотри какая хорошенькая француженка...

— Гдѣ? какая, какая француженка? закричалъ Накатовъ, повертываясь во всѣ стороны.

— Пальмира! отвѣчали въ одинъ голосъ сіамскіе близнецы.

— Какъ! Какая Пальмира?.. ахъ, вижу, чудо! чудо! заговорилъ Накатовъ, окончательно забывая свое достоинство.

— Ну, влюбился...

— Господа, сказалъ радостно Гвоздиковъ: — позвольте мнѣ васъ съ нею познакомить?.. это мой другъ... я тамъ очень хорошо знакомъ... Mr. Накатовъ и mr. Бѣлостоцкій!.. Messieurs, пойдемте къ ней... она будетъ очень рада...

— Ахъ, сдѣлайте милость, познакомьте! познакомьте! воскликнулъ Накатовъ, то пожимая руку Гвоздикова, то порываясь къ окну.

Гвоздиковъ торопливо отворилъ стеклянную дверь, и толпа ввалилась въ узенькій магазинъ модистки.

Первое движеніе хорошенькой француженки не обнаружило однакожъ той радости, которую обѣщалъ Гвоздиковъ.

— Qu'est ce que cela veut dire? Que voulez-vous, messieurs?.. сказала она, подходя къ конторкѣ и устремляя поочередно строгіе глазки свои на вошедшихъ.

— Гвоздиковъ, что-же вы? куда-жъ вы прячетесь?..

произнесли въ одно время Бѣлостоцкій и Бондаревскій по французски.—представьте же насъ m-lle Пальмирѣ...

Гвоздиковъ, казалось, искалъ только случая ускользнуть отъ взглядовъ француженки; но такъ-какъ дѣлать уже было нечего, онъ пробормоталъ что-то сквозь зубы, выступилъ впередъ и, переминая въ рукахъ шляпу, поклонился Пальмирѣ.

— Какъ! вы опять здѣсь, милостивый государь? воскликнула она, окинувъ его съ головы до ногъ съ явнымъ неудовольствіемъ:—какъ вы смѣли войти ко мнѣ? мало того, что вы торчите по цѣлымъ часамъ у моего окна, такъ что собираете вокругъ ватагу, мало того, что приходите надоѣдать мнѣ каждый день, вы вздумали еще водить вашихъ пріятелей... Я вамъ уже сказала, чтобы вы не смѣли входить ко мнѣ...

— Mais... m-lle Palmyre... пролепеталъ Гвоздиковъ страдальчески смущеннымъ голосомъ.

— Извольте выйти вонъ! крикнула Пальмира, указывая ему на дверь.

— Mais... m-lle Palmyre... снова повторилъ юноша, замирая отъ стыда и страха.

— N'osez pas prononcer mon nom!.. sortez, mr... sortez!..

— Mais... m-lle Palmyre... простоналъ Гвоздиковъ сквозь слезы.

— Sortez vous dis-je!

Тутъ Пальмира топнула ножкой, вышла изъ-за прилавка и отворила дверь.

Гвоздиковъ понурилъ голову и какъ собаченка, надъ которой держатъ кнутъ, поплелся изъ магазина, произнося едва внятно: «Mais m-lle Palmyre...» Далѣе нельзя было ничего разслышать; дверь магазина захлопнулась за несчастнымъ Гвоздиковымъ.

— Если вы пришли сюда изъ любопытства, господа, весело начала Пальмира, оглядывая ихъ кокетливо:— вамъ, кажется, ничего больше не остается здѣсь дѣлать...

— Бога ради, извините насъ, m-lle Palmyre, началъ Бондаревскій:—мы никогда не рѣшились бы васъ безпо-

коить, еслибъ не этотъ господинъ: онъ увѣрилъ насъ, что хорошо съ вами знакомъ, и взялся насъ представить...

— Comment! ce petit monsieur-là?

Тутъ Пальмира залилась громкимъ хохотомъ, что привело въ совершенный восторгъ Накатова, не перестававшаго бросать на модистку нѣжные медовые взгляды и повторять: «чудо! прелесть! смерть люблю француженокъ!..»

— Какъ! продолжала Пальмира:—онъ имѣлъ наглость увѣрять васъ, что знакомъ со мною... о! вы должны были заключить очень дурно о моемъ вкусѣ... ха, ха, ха!.. Да знаете ли, что ce petit monsieur такъ надоѣлъ мнѣ, что я каждый разъ гоню его вонъ...

— О, нѣтъ... нѣтъ... совершенно напротивъ: мы имѣемъ отличное мнѣніе о вашемъ вкусѣ, замѣтилъ Накатовъ, пыжась какъ индѣйскій пѣтухъ и закатывая глаза подъ лобъ.

Пальмира посмотрѣла на него, закусила губы и продолжала:

— Во-первыхъ, нужно вамъ сказать, господа, что я вовсе не знаю этого маленькаго господина; знаю только, что у него очень скверные зубы, глупое лицо, и что самъ онъ еще глупѣе своей наружности... Онъ пришелъ разъ ко мнѣ и для знакомства принялся, ни съ того ни съ сего, повѣрять свои сердечныя тайны: что онъ влюбленъ въ какую-то актрису, что сочинилъ для нея пьесу, что хочетъ на ней жениться, что препятствуютъ ему родители, которые, какъ онъ увѣряетъ, богачи и аристократы... et que sais-je encore... ah, bah! какое мнѣ дѣло! я это ему очень хорошо объяснила, а онъ все-таки каждый день является... Mais savez-vous qu'il est trés insupportable... ce petit monseur-la!..

— Чудо! прелесть! смерть люблю француженокъ! жизнь! огонь! вскричалъ Накатовъ, дергая поочередно каждаго изъ своихъ пріятелей.

— Que dit monsieur?

— Il dit ce que nous pensons tous,—que vous êtes charmante! сказалъ Бѣлостоцкій, положивъ локоть на конторку и прошептавъ еще что-то сквозь зубы.

— Только-то! возразила, слегка краснѣя, Пальмира: — прошу васъ однакожъ, господа, не мѣшать мнѣ: я сегодня очень занята...

— Кѣмъ?

— Этимъ чепцомъ.

— Извините насъ, m-lle Palmyre, произнесъ Бондаревскій, дергая Накатова, который не спускалъ съ нея глазъ и начиналъ уже издавать какіе-то неопредѣленные стоны.

— Постой, братецъ, я куплю что-нибудь.

— Ну, вотъ еще...

— Que dit monsieur?

— Il veut acheter un voile...

— Parle-il le français, ce monsieur? спросила Пальмира, едва удерживаясь отъ смѣха, возбуждаемаго взглядами и лицомъ Накатова.

— Non...

— Il sait donc que ça lui irait bien... un voile... задыхаясь, прибавила она.

— Что стоитъ, мадемуазель... ву зетъ жоли...

— Ceci, 30 roubles argent, ceci 15...

— Полно, зачѣмъ тебѣ?

— Да такъ, братецъ... вѣдь это бездѣлица... все лучше надо задобрить... я заплачу деньги и скажу, что пришлю за вещами моего мажордома или грума, да и оставлю у нея... понимаешь? Накатовъ вынулъ бумажникъ, подошелъ съ сіяющимъ лицомъ къ Пальмирѣ и, развернувъ толстую пачку депозитокъ, заплатилъ деньги, не переставая бросать ей значительные взгляды.

Пальмира улыбнулась, но уже не насмѣшливо.

У Накатова окончательно зарябило въ глазахъ.

Поболтавъ еще нѣсколько минутъ, молодые люди вышли изъ лавки очень довольные своимъ похожденіемъ. Накатовъ былъ въ восторгѣ; онъ тутъ же объявилъ, что лучшей женщины не видывалъ и что не упуститъ ее ни за что въ свѣтѣ изъ виду... Только-что они вошли въ Пассажъ, Гвоздиковъ пересѣкъ имъ дорогу.

— Извините меня, господа... Mr. Бѣлостоцкій... pardon, mille pardons...

— Что вы все ко мнѣ обращаетесь?.. возразилъ тотъ, начинавшій уже терять терпѣніе.

— Извините, господа, я, право, не понимаю, что съ ней сегодня... она должно быть не въ-духѣ... или что-нибудь такое...

— Э, э, любезнѣйшій! перебилъ Накатовъ, трепля его по плечу: — а говоритъ еще другъ, другъ; вотъ вамъ и дружба... а женщина-то какая,—прелесть!..

Накатовъ приложилъ палецъ къ губамъ и сладко чмокнулъ.

Гвоздиковъ началъ - было снова свои оправданія, но молодые люди прошли мимо, стараясь показать, что хотятъ гулять одни. Не знаю, замѣтилъ ли это наконецъ Гвоздиковъ, или удержало его позорное пораженіе у Пальмиры, но только онъ пошелъ одинъ, и, вставивъ стеклышко въ глазъ, безпечно сталъ оглядывать окна магазиновъ.

— Мнѣ однакожъ пора, господа, сказалъ Накатовъ:— прощайте...

— Куда ты?

— Да нужно до обѣда побывать еще кое-гдѣ...

— О, злодѣй! опять вѣрно какая нибудь испанка. — Ну, признайся...

Накатовъ побагровѣлъ отъ досады.

— Что-жъ мудренаго, продолжалъ Бондаревскій какъ можно серьезнѣе:—съ твоимъ-то состояніемъ, вотъ славно! Да, господа, adieu les amours!.. Накатовъ съ своими милліонами того и смотри заберетъ все къ себѣ... конечно.

Накатовъ испустилъ истерическій хохотъ, ударилъ Бондаревскаго по плечу и, повторивъ пріятелямъ, что ждетъ ихъ обѣдать къ пяти часамъ, повернулся на каблучкѣ; закинувъ назадъ голову, раздувъ щеки, направился онъ къ выходу Пассажа, не переставая снова подносить къ носу батистовый платокъ съ гербами.

У дверей Пассажа его остановилъ Гвоздиковъ.

— Извините, mr. Накатовъ, сказалъ онъ, робко взявъ его за руку; — я, право, не виноватъ, что она на меня сердится...

— Кто? спросилъ Накатовъ, глядя во всѣ глаза.

— Пальмира, mr. Накатовъ.

— А! славная!

— Я вѣдь, ей-Богу, очень хорошо съ нею знакомъ... у насъ вышли маленькія непріятности... вотъ отчего все это...

— Гм! перебилъ Накатовъ, выставляя грудь и охорашиваясь: постойте, я съ нею познакомлюсь и помирю васъ... ха, ха, ха!.. у насъ уже кое-что... того...

— Она уже мнѣ давно говорила про васъ...

— Неужто?

— Разумѣется, mr. Накатовъ, отвѣчалъ Гвоздиковъ, скромно опуская глаза:—съ вашимъ состояніемъ, конечно... то есть, конечно, лучше сказать... имѣя милліоны, можно все... это не то...

— Да скажите пожалуйста, душа моя, кто же вамъ сказалъ, что у меня милліоны? спросилъ Накатовъ полушутливо, полу-покровительственно.

— Всѣ-съ, отвѣчалъ тотъ голосомъ невинности.

— Ну, а Пальмира знаетъ, что я... очень богатъ?

— Помилуйте, mr. Накатовъ, да кто-жъ этого не знаетъ... весь городъ...

Накатовъ пожалъ руку Гвоздикова, но опять-таки съ такою силой, что тотъ снова вскрикнулъ и поднялъ лѣвую ногу.

— Пріѣзжайте же обѣдать сегодня... мы поговоримъ объ этомъ... главное — ни слова никому...

— Какъ рыба! кончилъ Гвоздиковъ, догадавшись, что дѣло шло о скромности.

— Въ такомъ случаѣ мы, надѣюсь, сойдемся... прощайте!..

— Enchanté... mr. Накатовъ... au revoir!..

Въ то время, какъ этотъ разговоръ происходилъ на одномъ концѣ Пассажа, въ другомъ разыгралась довольно забавная сцена.

— Стойте, господа, сказалъ Бондаревскій, удерживая на мѣстѣ своихъ пріятелей: — посмотрите наверхъ... на галлерею... правѣе, правѣе...

— Э! да это, кажется, Черницкій, подхватилъ Бѣлостоцкій: — куда онъ бѣжитъ?..

— Ха, ха, ха! развѣ ты не видишь, что за нимъ гонятся Бирбауеръ и Тарасенко?.. бѣдный Черницкій вотъ steeple-chase!.. Сережа, ты англоманъ, долженъ это любить...

— Кто эти два? спросилъ Сережа.

— Два мошенника, дающіе подъ залогъ деньги...

— А!..

Не прошло минуты, какъ Черницкій показался въ полномъ блескѣ на галлереѣ, преслѣдуемый двумя скверными рожами, съ которыхъ потъ лилъ ручьями.

— Однакожъ, господа, если мы здѣсь останемся, онъ насъ сію минуту увидитъ, и намъ придется...

— Да, я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нимъ сегодня, сказалъ Бѣлостоцкій: — встрѣчу еще разъ у Накатова и, право, кажется, довольно... пойдемте ближе къ магазинамъ; къ тому же мнѣ надо еще до обѣда отдать два визита... Ахъ, Боже мой! Гвоздиковъ идетъ опять на-встрѣчу; кажется, онъ побился объ закладъ, что не отстанетъ отъ насъ сегодня...

— Постой, смѣясь, перебилъ Бондаревскій:—я сыграю съ нимъ отличную штуку... Mr. Гвоздиковъ! крикнулъ онъ, подзывая рукою юношу: — вы не встрѣтили Черницкаго?..

— Нѣтъ-съ...

— Онъ, кажется, ищетъ васъ здѣсь; вы найдете его наверху.

— Merci, mr. Бондаревскій, отвѣчалъ Гвоздиковъ, пожимая ему трепетно руку:—au revoir!..

Онъ вставилъ стеклышко въ глазъ и побѣжалъ отыскивать Черницкаго.

— Mr. Гвоздиковъ! mr. Гвоздиковъ! послышался сиповатый голосъ сверху.

Гвоздиковъ поднялъ голову и увидѣлъ Черницкаго, который перегнулся черезъ перила и махалъ ему рукою.

— Bonjour!..

— Подождите меня, Гвоздиковъ, я сейчасъ сойду внизъ...

И Черницкій стремглавъ пустился съ лѣстницы, преслѣдуемый Бирбауеромъ и Тарасенко.

— Здравствуйте, другъ мой, началъ онъ, подавая за спиною знакъ двумъ рожамъ, чтобъ онѣ осадили.—Вотъ случай, продолжалъ Черницкій, простодушно пожимая руку Гвоздикова:—я васъ искалъ, чтобы... отдать вамъ... помните въ кафе... ахъ, да кстати я узналъ отъ Пальмиры—она шьетъ моей женѣ платья — что вы перевели драму съ французскаго, и уже говорилъ объ этомъ одному знакомому литератору; меня очень обрадовало, что вы выбрали эту пьесу; пьеса отличная.

— Ахъ, merci, merci, mr. Черницкій; я не знаю, какъ васъ благодарить, сказалъ Гвоздиковъ, вспыхнувъ до ушей.

— Не за что, не за что... одолженіе за одолженіе; дѣло въ томъ, что пьеса-то хороша; вы отлично-умно сдѣлали, что перевели ее... я видѣлъ ее нѣсколько разъ у французовъ и плакалъ какъ ребенокъ... особенно монологъ одинъ... а также весь характеръ Эрнестины... помните ли, когда она говоритъ... гм! гм!.. ну, да все равно... Не знаю, какъ вамъ удалось передать это порусски, впрочемъ вы должны хорошо владѣть языкомъ, вашъ дѣдушка... ну да мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе... вѣдь вы, разумѣется, обѣдаете сегодня съ нами у Накатова?—(Черницкій съ безпокойствомъ оглянулся на стороны) — я нарочно устрою такъ, чтобъ Бѣлостоцкій пригласилъ васъ къ себѣ обѣдать... тамъ будетъ пріятель мой литераторъ, и дѣло у насъ пойдетъ ладно... не пренебрегайте только, прошу васъ убѣдительно, искусствомъ, умоляю васъ объ этомъ, ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ искусство!..

Тутъ Черницкій, говорившій съ большимъ жаромъ, снова оглянулся на стороны и вдругъ, сдѣлавъ отчаянное движеніе, прильнулъ къ Гвоздикову и шепнулъ ему въ ухо:

— Нѣтъ ли у васъ двадцати-пяти цѣлковыхъ?..

Гвоздиковъ радостно засунулъ руку въ боковой карманъ. Встревоженное лицо Черницкаго просіяло мгновенно; онъ тотчасъ же принялъ видъ безпечнаго, разсѣянаго человѣка и презрительно взглянулъ на ростовщиковъ. Тѣ вздохнули свободнѣе и обтерли клѣтчатыми платками лицо...

VII.

Новоселье.

— Смотри же, Гаврила, чтобъ все исполнено было, какъ я приказывалъ, заботливо говорилъ Накатовъ старому своему камердинеру, одѣтому точь-вточь какъ обѣщалъ баринъ: въ широкій фракъ, обшитый пестрыми гербами, бѣлый, длинный жилетъ, высокое жабо и черные брюки, доходившіе до колѣнъ.—Смотри же, чтобъ ни въ чемъ не было задержки, продолжалъ онъ стараясь скрыть волненіе, кидавшее его то въ жаръ, то въ холодъ: — а главное, повтори имъ еще разъ, чтобы не стучали ногами и не суетились: это нейдетъ... ты здѣсь мажордомъ... твое дѣло слѣдить за этимъ...

Разсуждая такимъ образомъ, Накатовъ одѣвался въ самое старое платье, придавая ему какъ можно больше небрежности и запущенности. Ему хотѣлось, во что бы ни стало, показать передъ пріятелями равнодушіе къ новому положенію; замѣнивъ сюртукъ старымъ пальто, прорваннымъ на локтяхъ, придавъ туалету встрепанный, вскосмаченный видъ, онъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что выразить, этимъ какъ онъ нимало не удивляется окружающей его роскоши, какъ привыкъ къ богатству еще съ дѣтства, и только вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не пользовался имъ ранѣе; разгуливая въ великолѣпныхъ комнатахъ въ оборванномъ платьѣ, разваливаясь на штофныхъ диванахъ въ грязныхъ сапогахъ, Накатовъ былъ увѣренъ, что достигнетъ этимъ какъ нельзя лучше своей цѣли.

— Ахъ, да, вотъ еще что, Гаврила, продолжалъ онъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ и взъерошивая дрожащею рукою волосы:—помни пожалуйста, что я тебѣ говорилъ насчетъ стола: какъ только увидишь, что кончили супъ, сейчасъ же вели подавать хересъ, да повтори еще Ивану и Петру, чтобъ не смѣли спрашивать: «прикажете хересу?» а просто бы наливали въ рюмку... ну, а какъ только начнутъ жаркое, подавать шампанское... да чтобъ не смѣли хлопать пробками: теперь это не дѣлается... ты, мажордомъ, это твое дѣло; слышишь, Гаврила Петровъ?..

— Слушаю-съ, отвѣчалъ старикъ, опуская въ изнеможеніи голову.

— Не забудь также, чтобъ камины не переставали горѣть... приставь тамъ кого-нибудь... да прикажи накурить хорошенько въ комнатахъ и швейцарской...

— Ужъ и такъ два раза курили, Борисъ Борисычъ, со вздохомъ отвѣчалъ мажордомъ.

— Эка бѣда! пусть еще покурятъ,—это не мѣшаетъ... который часъ?

Мажордомъ вынулъ изъ кармана свою луковицу и произнесъ:—четверть пятаго.

— Позови ко мнѣ швейцара! или нѣтъ, я лучше самъ скажу. Распорядись же, смотри, насчетъ каминовъ и куренья.

Сказавъ это, Накатовъ вышелъ изъ кабинета.

Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, великолѣпно убранныхъ, оглядываясь направо и налѣво и кивая головою лакеямъ, которые вскакивали какъ пружинныя куклы, какъ только онъ проходилъ мимо.

— А гдѣ Иванъ? спросилъ Накатовъ, останавливаясь на верхней ступени парадной лѣстницы. — Иванъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ высокому, плечистому человѣку въ богатой ливреѣ:—помнишь ли, что я тебѣ приказывалъ?.. Возьми звонокъ и стань на свое мѣсто.

Накатовъ поспѣшно сошелъ по ковру, устилавшему лѣстницу, и подошелъ къ швейцару, стоявшему у дверей съ булавою въ рукѣ.

— Помнишь, что я тебѣ приказывалъ? спросилъ Накатовъ, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Какъ-же, сударь.

— Полно, такъ-ли?.. будь внимателенъ... ну, вотъ я, положимъ, гость, вхожу въ переднюю и отдаю шубу, что ты дѣлаешь?..

Швейцаръ бросился какъ угорѣлый къ звонку, привѣшенному къ периламъ, и началъ трезвонить изо всѣхъ силъ. Вверху, надъ швейцарской, послышался другой звонокъ, который мгновенно распространился по всѣмъ остальнымъ комнатамъ.

— Довольно! хорошо! крикнулъ Накатовъ, отвернув-

шись, чтобы скрыть самодовольную улыбку, которая, вопреки усилій, выдержать во все это время строгую, величавую физіономію, задрожала на губахъ его.

Онъ снова поднялся на лѣстницу и пошелъ въ столовую, высокую комнату, оклеенную лакированной бумагой подъ цвѣтъ корельской березы. Оглянувъ столъ, Накатовъ повторилъ еще разъ лакеямъ наставленія, сообщенныя мажордому.

— А приготовлены ли другія канделябры и вазы для шампанскаго? спросилъ онъ неожиданно. — Смотри же, какъ только прикажу взять со стола эти и поставить другія, чтобы тотчасъ же было исполнено!.. да не зѣвать у меня и не суетиться.

Съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату и, очутившись наединѣ, вдругъ подпрыгнулъ на воздухъ, сдѣлалъ что-то въ родѣ антраша и радостно потеръ руки. Въ самую эту минуту въ швейцарской послышался звонокъ, звонокъ вверху подхватили, и вмигъ квартира наполнилась пронзительнымъ трезвономъ. Накатовъ встрепенулся какъ заяцъ, заслышавшій выстрѣлъ; онъ кинулся въ гостиную, окинувъ себя въ зеркалѣ, схватилъ со стола романъ графини Дашъ, котораго не забылъ приберечь на всякій случай, и поспѣшно развалился на диванѣ, спиною къ двери, но такъ однакожъ, чтобы было видно, кто войдетъ въ комнату. Положивъ ноги на бархатную спинку дивана и упершись нарочно каблукомъ въ рѣзьбу, онъ развернулъ книгу и направилъ глаза къ двери. Въ дверяхъ послышались робкіе шаги.

— Кто тамъ пріѣхалъ?.. не графъ ли Хивцовъ? спросилъ Накатовъ, не поворачивая головы и какъ бы обращаясь къ лакею.

— Нѣтъ-съ... это я-съ, произнесъ позади нѣжный, взволнованный голосъ.

— Ахъ! это вы, Гвоздиковъ! воскликнулъ Накатовъ, закрывая книгу и медленно подымаясь съ дивана:—простите... я думалъ человѣкъ... очень радъ, очень радъ васъ видѣть... Садитесь, присовокупилъ онъ, подавая ему руку.

— Ахъ, какъ у васъ прекрасно, mr. Накатовъ! вымолвилъ Гвоздиковъ, оглядывая съ преувеличеннымъ изум-

леніемъ комнату и принимая видъ человѣка, попавшаго не на свое мѣсто и потому неловкаго. Накатовъ засмѣялся и сказалъ, какъ бы стараясь ободрить гостя:

— Э! нѣтъ, какое... очень обыкновенно... это только, знаете-ли, съ перваго разу такъ кажется... впрочемъ можетъ быть потому, что я привыкъ. Много неудобствъ: нѣтъ зимняго сада, зелени, банановъ, скромно продолжалъ Накатовъ;—я очень люблю бананы... пойдемте, я вамъ покажу другія комнаты... Я знаю, у васъ очень много вкуса, прибавилъ онъ, вставая и направляясь въ гостиную.

— Вотъ гдѣ будетъ у меня зимній садъ, сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Ахъ, какіе обои! неужели, mr. Накатовъ, вы ихъ не пожалѣете? спросилъ Гвоздиковъ чуть не со слезами.

— Неужели они вамъ нравятся? помилуйте, что вы! это дрянь... тутъ по настоящему слѣдовало быть бархату...

— Какъ, цѣлыя стѣны бархатомъ! воскликнулъ юноша, всплеснувъ руками.

Накатовъ засмѣялся.

— Разумѣется, что-жъ такое!.. вотъ эта комната останется какъ есть, она дѣйствительно удобна...

— Ахъ, mr. Накатовъ! чудо, чудо!

Гвоздиковъ снова всплеснулъ руками.

— О, да вы, какъ я вижу, человѣкъ съ большимъ вкусомъ!.. въ такомъ случаѣ пойдемте же, я вамъ покажу мой кабинетъ... войдите сюда...

Накатовъ ввелъ гостя въ небольшую комнату, устланную мягкимъ ковромъ и драпированную пестрою шелковою матеріею, на-подобіе шатра; кругомъ лѣпились низенькіе триповые диваны; въ одномъ углу стоялъ столъ изящной работы, покрытый сигарочнымъ пепломъ, повидимому нарочно размазаннымъ пальцемъ; въ другомъ углу мраморный каминъ съ часами, канделябрами и бронзой; неподалеку висѣла рѣзная этажерка; на ней возвышалась прекрасная ваза: рядомъ съ нею на стѣнѣ висѣли казачья нагайка и двѣ-три уздечки.

— Боже мой, гдѣ я? гдѣ я? говорилъ Гвоздиковъ.

подымая то одну ногу, то другую, какъ бы боясь испортить коверъ... mr. Накатовъ, ахъ, mr. Накатовъ... какое великолѣпіе!..

— Что съ вами? возразилъ тотъ:—да не бойтесь же, не провалитесь, полъ крѣпокъ, подхватилъ онъ заливаясь смѣхомъ и ударяя, что есть силы, каблукомъ въ коверъ: — вотъ часы, купленные въ англійскомъ магазинѣ; они въ-самомъ дѣлѣ замѣчательны, удивительно тонкая работа...

— О! сколько, я думаю, все это стоитъ! вымолвилъ Гвоздиковъ, закрывая лицо руками, какъ бы очутившись прямо передъ солнцемъ...

— Да, тысячи двѣ или три, а впрочемъ не помню, кажется, что-то около этого... вотъ и канделябры также отличной работы... одни только и были такіе въ цѣломъ Петербургѣ...

— Одного шелку, я думаю, пошло на нѣсколько тысячъ! воскликнулъ юноша, скрестивъ руки и съ ужасомъ оглядывая стѣны.

— Ну, пойдемте, пойдемте, перебилъ Накатовъ, обнявъ его за плечи:—покажется ли вамъ теперь моя столовая...

Гвоздиковъ прижался къ Накатову, какъ птенецъ подъ крылышко матери, порываясь однакожъ изъ его объятій передъ каждымъ стуломъ или подсвѣчникомъ.

Они вошли въ столовую.

— Я вѣдь, батюшка, нужно вамъ сказать, ничего не люблю дѣлать въ-половину, вымолвилъ Накатовъ, восторженно трепля Гвоздикова по плечу;—у меня, чтобъ все, знаете ли, было анъ-гранъ. Эй! крикнулъ онъ, обращаясь къ людямъ:—зачѣмъ поставили эти канделябры?.. какъ-будто другихъ нѣтъ! давай на мѣсто ихъ другія—съ завитками; да и вазы для шампанскаго также перемѣнить!..

Накатовъ, приготовившій этотъ эффектъ для обѣда, увлекся и не выдержалъ, желая въ конецъ поразить Гвоздикова; онъ спохватился было, да ужъ поздно: приказаніе его тотчасъ же исполнили. Онъ взглянулъ украдкою на Гвоздикова; Гвоздиковъ стоялъ, растопыря руки;

лицо его выражало удивленіе, недоумѣніе... Накатовъ мгновенно расправилъ нахмурившіяся брови, дружески взялъ его подъ руки и повелъ въ гостиную.

— Ну, другъ мой, вымолвилъ онъ, обнимая гостя: — позвольте называть васъ этимъ именемъ, я, знаете ли, ужасно скоро привязываюсь; я васъ очень полюбилъ; вы, какъ видно, человѣкъ со вкусомъ, съ тактомъ; мы, надѣюсь, сойдемся... Пожалуйста пріѣзжайте ко мнѣ когда угодно, каждый день, пріѣзжайте запросто, обѣдать... Вѣдь видите сами мою жизнь—мнѣ это, конечно, можетъ только доставлять удовольствіе; я живу какъ видите— широко, широко живу; однимъ человѣкомъ больше, однимъ меньше, все равно, всегда найдется пять-шесть лишнихъ приборовъ. Гвоздиковъ на этотъ разъ въ-самомъ-дѣлѣ прослезился и, жадно схвативъ обѣ руки Накатова, замоталъ головою, какъ бы показывая, что не можетъ говорить отъ избытка чувствъ.

— Ба! вскрикнулъ Накатовъ, взглянувъ на часы— еще и пяти нѣту. Знаете ли, душа моя, не заняться ли дѣломъ до обѣда, еще успѣемъ; я съ вами не стану церемониться... я васъ считаю уже домашнимъ человѣкомъ...

— Да, mr. Накатовъ! да я... я все готовъ исполнить, все, что хотите, бормоталъ гость, горячо пожимая жирныя ладони Накатова.

— А вотъ мы сейчасъ... сейчасъ... постойте...

Накатовъ юркнулъ въ кабинетъ и минуту спустя вернулся съ огромнымъ пучкомъ ассигнацій. Гвоздиковъ почелъ нужнымъ покачнуться, раскрыть ротъ и всплеснуть руками.

— Сдѣлайте милость, дружокъ, произнесъ Накатовъ простодушно и какъ бы не замѣчая изумленія гостя: — будьте такъ добры, пособите мнѣ сосчитать деньги, считалъ, считалъ цѣлое утро, едва успѣлъ досчитать половину. Вотъ что еще осталось, присовокупилъ онъ бросая деньги на столъ и усаживая Гвоздикова.

— Боже мой! Боже мой! повторялъ тотъ, оглядывая съ ужасомъ пачку:—какое богатство... сколько тутъ?..

— Немного, отвѣчалъ Накатовъ равнодушно: — приступимъ къ дѣлу; возьмите вотъ эту пачку.

Онъ подалъ ему самую толстую.

Гвоздиковъ началъ считать, нарочно придавая рукамъ лихорадочное движеніе. Накатовъ презрительно, какъ бы съ неудовольствіемъ, бросалъ пачку за пачкой, не упуская случая взглядывать каждый разъ на пріятеля.

— Сколько у васъ? Боже мой! Боже мой! спросилъ Гвоздиковъ.

— Пять тысячъ...

— Пять тысячъ! Неужели пять тысячъ?..

— Что-жъ такое?..

— Страшно подумать... страшно!..

— Э, помилуйте, дружокъ, присовокупилъ Накатовъ, обнаруживая явное намѣреніе разцѣловать гостя; — что это за деньги! э, э!.. вѣдь вотъ завтра ужъ ничего не будетъ...

— Какъ, что вы говорите!.. можетъ ли быть?..

— Эхъ-хе, да такъ: лошади, экипажи, содержаніе дома. Повѣрьте, душа моя, у богачей часто меньше денегъ, чѣмъ у людей съ посредственнымъ состояніемъ: тамъ идутъ грошовые счеты, здѣсь—тысячи отваливай... такъ-то-съ...

Трезвонъ на лѣстницѣ внезапно прервалъ рѣчь Накатова; услыша громкій хохотъ нѣсколькихъ человѣкъ, раздавшійся тотчасъ же вслѣдъ за звонкомъ, Накатовъ поспѣшно сунулъ деньги въ карманъ, бросился въ близьстоявшее кресло, придалъ лицу спокойное, равнодушное выраженіе и произнесъ, проводя рукою по вспыхнувшимъ щекамъ.

— А! вотъ и они наконецъ!

Гвоздиковъ стоялъ уже въ это время у зеркала, поправляя галстукъ и стараясь принять пріятную, одушевленную физіономію.

— Каковъ Накатовъ! а? Il fait les choses en grand! послышался голосъ Бондаревскаго, прерываемый поминутно смѣхомъ товарищей.

— Въ-самомъ дѣлѣ, очень хорошо, присовокупилъ Бѣлостоцкій.

— Charmant, tout à fait aristocratique! подхватили Лушкевичъ и Сережа.

Смущеніе и досада, овладѣвшія Накатовымъ по поводу смѣха, раздавшагося вслѣдъ за звонкомъ, мгновенно исчезли; широкая улыбка появилась на губахъ его.

— Но гдѣ же хозяинъ дома? А вотъ онъ, а, а, а!.. произнесъ Бондаревскій, входя въ комнату и постепенно возвышая голосъ.—Вотъ онъ! продолжалъ онъ, указывая на него торжественнымъ жестомъ.

— Охъ, ты, шутникъ, шутникъ, произнесъ Накатовъ, самъ не зная, смѣяться ему или сердиться... Здравствуйте, господа, очень радъ... очень радъ васъ видѣть...

— А! mr. Гвоздиковъ, вотъ пріятный сюрпрюзъ! какъ ваше здоровье, mon cher Гвоздиковъ?

Гвоздиковъ колебался какъ жимолость, показывая изумрудные свои зубы поочередно каждому изъ вошедшихъ.

— Ну, Накатовъ, поздравляю, произнесъ Бѣлостоцкій, подходя къ нему:—домъ у тебя отличный!..

— Восхитительный, очаровательный! воскликнулъ Гвоздиковъ, бросаясь чуть не на шею Бѣлостоцкому, и вѣроятно онъ исполнилъ бы это, еслибъ тотъ не удержалъ его слегка рукою.

— Очень мило! очень, очень!.. много вкуса, повторили сіамскіе близнецы.

— Не правда ли? простодушно сказалъ Накатовъ, пожимая руки то одному, то другому:—но это еще ничего, я еще не успѣлъ устроиться...

— Все хорошо, перебилъ Бондаревскій: — да плохо только, что ужъ черезчуръ накурено много: задыхаешься!.. посмотри, братецъ, вѣдь цѣлыя облака курева разгуливаютъ по комнатѣ; оно, конечно прекрасно, да дѣло въ томъ, что недолго получить головную боль... гдѣ у тебя форточки?.. погоди, я сейчасъ отворю...

— Полно, полно, закричалъ Накатовъ, удерживая Бондаревскаго:—на это есть, братецъ, люди... Мажордомъ... эй!..

Накатовъ бросился къ звонку, но столкнувшись съ Гвоздиковымъ, летѣвшимъ предупредить его, чуть не грох-

нулся со всего размаха на-земь. Бондаревскій упалъ на диванъ и залился звонкимъ, дребезжащимъ хохотомъ.

— Ну, что-жъ, Накатовъ, крикнулъ онъ, когда вышелъ лакей: — давай скорѣй обѣдать!.. смерть ѣсть хочется...

Зная, что всякая мало мальски циническая или безцеремонная выходка должна была оскорблять въ настоящемъ положеніи Накатова, выбивавшагося изъ силъ, чтобы придать своему дому характеръ аристократическаго отеля, Бондаревскій старался вести себя нарочно какъ можно менѣе прилично и натянуто; разумѣется, это дѣлалось не изъ чего другого, какъ чтобы посмѣяться и побѣсить новаго «мѣщанина во дворянствѣ»,—названіе, которымъ успѣлъ уже окрестить Бондаревскій Накатова. Выходки эти казались тѣмъ болѣе оскорбительны Накатову, что онъ считалъ Бондаревскаго обращикомъ свѣтскаго человѣка.

— Да, пора бы, вымолвилъ Бѣлостоцкій, садясь въ кресло противъ камина и глядя на часы; — безъ двухъ минутъ пять часовъ... вели-ка подавать супъ.

— Сейчасъ, господа, подождите немножко: еще Черницкаго нѣтъ, сказалъ Накатовъ, стараясь улыбнуться.

— Ну, если Черницкаго нѣтъ, это другое дѣло; къ тому же и ждать придется недолго... онъ, конечно, не замедлитъ явиться къ обѣду, замѣтилъ Бондаревскій, бросивъ выразительный взглядъ Бѣлостоцкому. Бѣлостоцкій закурилъ сигару; остальные придвинулись къ камину, подлѣ котораго распоряжался Бондаревскій, укладывая уголья.

— Полно, mon cher! какъ тебѣ не стыдно, говорилъ Накатовъ съ явнымъ неудовольствіемъ: — оставь это; я прикажу мажордому.

— Сдѣлай милость, не мѣшай мнѣ съ своимъ мажордомомъ! отвѣчалъ Бондаревскій, садясь на полъ у рѣшетки:—притомъ я боюсь, ты опять сшибешься съ mr. Гвоздиковымъ, который, чего добраго, не выдержитъ второго толчка, разобьется, что, конечно, можетъ разрушить всеобщее веселье.

— Дорого тебѣ стоила окончательная отдѣлка квартиры? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Нѣтъ, братецъ, такъ, не очень, отвѣчалъ Накатовъ, раздувая ноздри: — да что тутъ! пойдемъ, я тебѣ покажу остальныя комнаты; отгадай самъ... Полно, Бондаревскій; вставай! пойдемъ... Эхъ, охота, братъ, тебѣ...

— Ну, вотъ нашелъ время показывать комнаты! закричалъ тотъ: — вѣримъ на словахъ... твой вкусъ извѣстенъ! состояніе твое также!.. право, вели-ка подавать лучше обѣдать: это будетъ интереснѣе... Правда, задерживаетъ Черницкій! бьюсь объ закладъ, опять жена у него родитъ, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, а что, Накатовъ, какова Пальмира? вѣдь мы потомъ еще разъ заходили туда... Она спрашивала, почему тебя нѣтъ, сказалъ Бѣлостоцкій.

Накатовъ, огорченный тѣмъ, что мало обнаруживаютъ желанія осмотрѣть комнаты, принялъ это извѣстіе гораздо равнодушнѣе, чѣмъ ожидали пріятели. Онъ однакожъ насторожилъ уши, раздулъ щеки и произнесъ: «шутишь» съ такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что ему было не совсѣмъ непріятно.

— Серьезно, подтвердилъ Лушкевичъ:— чудная женщина! какіе глаза, какая талія,—прелесть!..

— Я не понимаю, чего ты думаешь, Накатовъ, воскликнулъ Бондаревскій. На твоемъ мѣстѣ я бы... ну, что тебѣ стоитъ броситъ какихъ-нибудь пять, шесть тысячъ,—вздоръ...

— Не въ деньгахъ сила, душа моя, возразилъ серьезно Накатовъ: — это конечно, вздоръ... А вѣдь въ самомъ-дѣлѣ великолѣпная женщина...

— Волосы-то, волосы... chevelure какая! запищалъ Гвоздиковъ, неожиданно появляясь у камина.—Я ее очень давно знаю... у насъ были маленькія непріятности, вотъ отчего вышла сцена сегодня утромъ.

Снова раздался хохотъ.

— Что вы смѣетесь, господа! перебилъ Бондаревскій: — развѣ вы не знаете, что она выпроводила вонъ Гвоздикова, чтобы не подать намъ подозрѣній... О, Паль-

мира хитра! «выгоню его вонъ, говоритъ, они и въ самомъ дѣлѣ примутъ это за чистыя деньги!»

Гвоздиковъ вытянулъ голову, прищуридъ глазки, заколыхался и рѣшительно не зналъ, чѣмъ выразить свою благодарность. На лѣстницѣ раздался еще звонокъ.

— А, вотъ и Черницкій! закричали всѣ въ одинъ голосъ: тише звонить! закричалъ Бондаревскій.—Смерть, братецъ, вѣдь этакъ, право, легко оглохнуть!

Накатовъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто не слышалъ замѣчанія, и чтобы скрыть краску, вспыхнувшую на щекахъ, повернулся какъ можно скорѣе на каблукѣ и поспѣшилъ на-встрѣчу Черницкому, который только-что появился въ дверяхъ.

VIII.

Продолженіе.

Хотя наружность Черницкаго представляла на этотъ разъ, въ отношеніи одежды, болѣе претензій—волосы его были приглажены, синяя борода тщательно выбрита, воротнички рубашки чисты и накрахмалены,—но при всемъ томъ лицо его выражало всѣ признаки самаго мрачнаго, недовольнаго состоянія духа. Молча, какъ бы черезъ силу, подалъ онъ Накатову руку, окинулъ презрительнымъ взглядомъ сверху до-низу стѣны комнаты, бросилъ на стулъ шляпу и, сухо раскланявшись съ пріятелями, опустился въ кресло противъ Бѣлостоцкаго. Все это сдѣлано было такъ поспѣшно, что Гвоздиковъ и Накатовъ, кинувшіеся къ нему на-встрѣчу, очутились совершенно неожиданно другъ противъ друга, посреди гостиной.

— Ну, господа, будемъ ли мы наконецъ обѣдать сегодня? сказалъ Бондаревскій, подымаясь на ноги:—Накатовъ, полно тебѣ шептаться съ mr. Гвоздиковымъ; наговоритесь до-сыта во время обѣда... Черницкій на-лицо, препятствій, кажется, нѣтъ, ради Бога давай обѣдать! скоро половина шестого! умираемъ съ голоду!..

— Обѣдать! обѣдать! закричали въ одинъ голосъ си-

дѣвшіе у камина, принимаясь шумѣть щипцами и каблуками.

— Господа! провозгласилъ Накатовъ, хлопая въ ладоши и стараясь быть по возможности развязнымъ. Господа! пойдемте пить водку!..

— Bravo! Bravissimo! пойдемте пить водку! повторилъ Бондаревскій, ударяя съ намѣреніемъ на послѣднія слова.

— Пойдемте, пойдемте вкусить скромнаго моего обѣда, заключилъ Накатовъ замирающимъ отъ восхищенія голосомъ.

— Пойдемте, пойдемте вкусить его скромнаго обѣда, повторилъ Бондаревскій, указывая украдкой на хозяина дома, который, вытянувъ спину и задравъ торжественно голову, повелъ гостей къ дверямъ столовой.

Войдя въ столовую, Гвоздиковъ снова увидѣлъ на столѣ старые канделябры и вазы; но не успѣлъ онъ сдѣлать своихъ заключеній, какъ уже Накатовъ закричалъ:

— Эй! зачѣмъ поставили вы эти вазы? возьмите ихъ прочь! развѣ нѣтъ другихъ? поставьте другія!..

Но такъ-какъ въ эту минуту вниманіе гостей исключительно обращено было на закуску, никто рѣшительно не замѣтилъ продѣлки, и эффектъ, къ великому неудовольствію Накатова, снова не удался.

— Бѣлостоцкій, совѣтую тебѣ попробовать вотъ этого сыру: настоящій честеръ, отличный, братецъ, вымолвилъ онъ, отдувая побагровѣвшія щеки:—ну-ка, Черницкій, что ты скажешь, душа моя, насчетъ селедокъ? чудо, братецъ, не правда ли?..

— Гм! порядочныя! отвѣчалъ тотъ, нанизывая на вилку нѣсколько кусковъ селедки и отправляя ихъ въ ротъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Какъ, порядочныя! сказалъ Накатовъ обиженнымъ голосомъ:—помилуй, братецъ! Елисѣевъ говоритъ, что лучшихъ нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ... самыя лучшія селедки!.. Сережа, Лушкевичъ! попробуйте икры, удивительная икра! смотрите, какія крупныя зерна,—объяденье!.. Елисѣевъ говоритъ... Гвоздиковъ, прибавилъ онъ, обращаясь довольно небрежно къ юношѣ:—что-жъ вы?

Накатовъ очевидно старался обнаруживать передъ сво-

ими товарищами какъ можно больше равнодушія и холодности къ Гвоздикову; тотъ, замѣтивъ это еще съ самаго начала и бившійся, напротивъ того, изо всей мочи, чтобы показать остальнымъ лицамъ дружбу съ хозяиномъ дома и Черницкимъ, окончательно приходилъ въ недоумѣніе, и не зная уже, какую принять физіономію, не переставалъ восторгаться безусловно всѣмъ, что только попадало ему въ ротъ или на глаза.

— Господа! супъ на столѣ! торжественно провозгласилъ Накатовъ:—сядемъ...

Обѣдъ начался довольно тихо: каждый усердно занялся своимъ дѣломъ; одинъ лишь Накатовъ не смолкалъ ни на минуту.

— Ну, что, Бѣлостоцкій, каковъ супъ? нравится ли тебѣ? кажется, недуренъ: тортю, братъ, тортю; я нарочно велѣлъ сдѣлать: знаю, что ты его любишь... Бондаревскій, другъ мой, возьми еще пироговъ: это, кажется, твои любимые... Что ты скажешь насчетъ моего повара, Черницкій? ты, вѣдь, знатокъ въ этомъ дѣлѣ! по мнѣ, кажется, очень недуренъ; главное—умѣетъ, братъ, отлично подать и уложить блюдо; а это уже много говоритъ въ пользу его вкуса... Господа, неужели кто изъ васъ любитъ чорствый хлѣбъ? я, просто, не понимаю, какъ можно ѣсть что-нибудь съ чорствымъ хлѣбомъ... кажется, этотъ довольно свѣжъ? а? Черницкій, свѣжъ ли онъ? кажется, свѣжъ, а? а?.. ты вѣдь знатокъ, братецъ, гастрономъ!.. э! ты, братъ, взялъ, дурной кусокъ!.. Сережа, еще супу, сдѣлай милость, ты вѣдь, говорятъ, охотникъ до тортю... Эй, хересу! отличный хересъ, господа, — отъ Рауля, три рубля серебромъ бутылка,—совѣтую... Рауль сказалъ, что отдаетъ мнѣ послѣднія бутылки... ну, что, каковъ, а? Черницкій, что ты скажешь?..

Но такъ-какъ гости частью ничего не отвѣчали, частью кивали только головою или бормотали сквозь зубы, кромѣ Гвоздикова, повторявшаго безпрестанно: «отлично! превосходно! объяденье!» — краснорѣчіе Накатова вскорѣ охладѣло, попому-что возгласы послѣдняго не имѣли для него никакого значенія передъ похвалами такихъ знатоковъ, какъ Черницкій и Бѣлостоцкій. Онъ потупилъ голову и

рѣшился не тратить по-пустому словъ; молча, движеніемъ руки или глазъ отдавалъ онъ приказанія мажордому и лакеямъ, указывая имъ на бутылку, пустое блюдо или тарелку. Изрѣдка лишь, когда на столѣ появлялась бутылка или блюдо, на эффектъ которыхъ заранѣе разсчитывалъ Накатовъ, лицо его какъ бы оживлялось, и поднявъ голову, онъ снова возвышалъ голосъ:

— Ну что̀, господа, какъ вамъ нравится?.. гм! гм!..

— Да, порядочно... доброе вино! отвѣчали гости.

И Накатовъ, ожидавшій, что стѣны столовой дрогнутъ отъ восторженныхъ кликовъ, что половина пріятелей по-крайней-мѣрѣ бросится обнимать его за такое вино, снова падалъ духомъ, хмурилъ брови и сердито потуплялъ голову: «стоитъ покупать послѣ этого хорошія вина, думалъ онъ, отправляя въ ротъ кусокъ за кускомъ; три цѣлковыхъ за лафитъ! Рауль, самъ Рауль сказалъ, что лучшаго вина нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ... а ужъ онъ, вѣрно, больше ихъ знаетъ толкъ въ винѣ... стоило также нанимать отличнаго повара, платить ему двадцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ... ну, гдѣ подадутъ имъ столько трюфелей?.. ужъ не у Дюссо ли? какъ бы не такъ! Дюссо, конечно, станетъ соблюдать свой разсчетъ; вѣдь однихъ трюфелей Богъ знаетъ на сколько тутъ! да ужъ и сервировка не та, что въ какихъ-нибудь трактирахъ: блюдо, подносы, даже кастрюли изъ чистаго серебра, — имъ это ни-почемъ! Ну, пусть бы еще Бѣлостоцкій: онъ самъ въ состояніи задавать блистательные обѣды, хоть Богъ его знаетъ, надо еще спросить откуда у него это состоянье,— положимъ даже Бондаревскій: онъ поминутно обѣдаетъ у богачей и аристократовъ... имъ это не въ диковинку; но досадно видѣть, что Черницкій и Лушкевичъ туда же лѣзутъ... корчатъ, какъ-будто все это имъ очень обыкновенно... бѣдняки, голыши, — и больше ничего! просто, не стоитъ давать имъ такіе обѣды... и, притомъ, они меня не замѣчаютъ, какъ-будто меня здѣсь вовсе и не было, какъ-будто они забыли, что у меня обѣдаютъ... Какъ-бы тамъ ни было, я все-таки здѣсь, такъ сказать, главное лицо... это даже, кажется, вовсе неучтиво, и хоть, конечно мы, товарищи... но все же... нѣтъ, рѣшительно не

стоитъ давать обѣдовъ»!.. Размышляя такимъ образомъ, Накатовъ не замѣтилъ, что между гостями, разговорившимися къ концу обѣда, воцарилось внезапное мертвое молчаніе. Бондаревскій, не спускавшій съ него глазъ, остановилъ говоръ движеніемъ руки и указалъ имъ на Накатова, который сидѣлъ, погруженный въ свои думы.

Громкій, единодушный хохотъ, отъ котораго дѣйствительно дрогнули стѣны, раздался подъ самымъ его носомъ.

Накатовъ поднялъ голову и побагровѣлъ.

— Бьюсь объ закладъ, знаю, о чемъ ты думаешь! крикнулъ Бондаревскій, стуча ложкою по столу.

— Что такое? что?.. я вовсе не думалъ... что вы смѣетесь?.. возразилъ обиженнымъ тономъ Накатовъ и, взявъ бокалъ, поспѣшно поднесъ его къ губамъ, чтобы сохранить какое-нибудь положеніе.

— Ну вотъ, съ какой стати смѣяться! смѣшного ничего тутъ нѣтъ; дѣло, напротивъ, очень серьезное, даже скорѣе плачевное, чѣмъ смѣшное...

— Да что-жъ такое? съ досадою спросилъ Накатовъ.

— Ты, конечно, думалъ о бабушкѣ?

— Вовсе нѣтъ... а развѣ ты что-нибудь слышалъ? спросилъ онъ, обнаруживая безпокойство.

— Да, по городу носятся слухи, что помѣшательство ея не совсѣмъ надежно... то есть собственно для тебя... говорятъ, будто довольно самой ничтожной причины, чтобы привести ее снова въ разсудокъ; такіе примѣры, впрочемъ, очень обыкновенны... Ну, что, Накатовъ, какъ вдругъ...

Накатовъ побѣлѣлъ какъ известь, поднялся на ноги, пошатнулся и чуть не сѣлъ мимо стула.

— Что съ тобою, братецъ? спросилъ Бондаревскій, едва удерживаясь отъ смѣха. — Впрочемъ, продолжалъ онъ, серьезно: — трудно предположить, чтобы это могло случиться съ твоей бабушкой...

— Разумѣется, она, во-первыхъ, слишкомъ уже стара, замѣтилъ Бондаревскій.

Лицо Накатова прояснилось.

— Сколько ей лѣтъ?

— Девяносто восемь, отвѣчалъ онъ съ болѣзненнымъ вздохомъ.

— Какъ! говорили, ей всего восемьдесятъ, сказалъ Бѣлостоцкій.

— Нѣтъ, девяносто восемь... ей-Богу, девяносто восемь, — отвѣчалъ Накатовъ, накидывая восемнадцать лѣтъ.

— Все равно, если даже и придетъ въ себя, такъ вѣрно не захочетъ лишить тебя состоянья. Узнавъ, какое ты сдѣлалъ изъ него употребленіе, она, конечно, увидитъ, что наслѣдство попало въ достойныя руки... Ты тратишь, правда, очень много, но все это пошло на дѣло: поваръ, экипажи, мажордомъ, швейцаръ, лошади... вѣдь, кстати, лошади, говорятъ, у тебя отличныя; я еще не видалъ ихъ...

— Ну, вотъ, какія лошади! отвѣчалъ съ наивной ироніей Накатовъ: — онѣ, конечно, заплачены пять тысячъ... да васъ вѣдь ничѣмъ не удивишь... впрочемъ, пожалуй, если хотите, я вамъ покажу ихъ послѣ обѣда.

— Ладно!.. да скажи на-милость, къ чему все это? для кого?.. ну, хорошо, пріѣдемъ мы къ тебѣ — товарищи,—и только... Вотъ, еслибъ ты выѣзжалъ въ свѣтъ, имѣлъ бы обширный кругъ знакомства; ну, тогда другое дѣло...

— Да вѣдь то-то и есть, душенька, нѣжно перебилъ Накатовъ, забывая мгновенно свою досаду: — то-то и бѣда, что я не люблю большого свѣта... Эй, человѣкъ! шампанскаго! Господа, что-жъ такое? вы меня обижаете,.. не пьете... Черницкій! Бондаревскій! господа! а! а! а! съ упрекомъ повторилъ амфитріонъ... Да, я не люблю большого свѣта, продолжалъ онъ, качая отрицательно головою:—что можетъ быть лучше такой жизни? не правда-ли, Черницкій?..

— Конечно, пробормоталъ Черницкій, становившійся мрачнѣе и мрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ обѣдъ близился къ концу и наступало время разговора.

Но мрачность Черницкаго была только видимая, внѣшняя и въ сущности нисколько не соотвѣтствовала его настоящему расположенію духа; положеніе его, что гово-

рить, было не изъ самыхъ пріятныхъ во время этого обѣда: за столомъ, кромѣ хозяина дома, не находилось человѣка, которому бы онъ не былъ долженъ и которому бы, къ довершенію несчастія, не назначилъ второпяхъ именно этого дня и обѣда для срока платежа. Другой на его мѣстѣ, предупрежденный заранѣе, конечно, подавилъ бы въ себѣ гастрономическія побужденія и не явился бы на обѣдъ Накатова; но Черницкій былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не знать дурного впечатлѣнія, производимаго въ такихъ случаяхъ продѣлками, имѣющими видъ невиннаго побѣга и лавированія; къ тому же такого рода поступокъ отзывался слишкомъ сильнымъ мѣщанствомъ, чтобы джентльменъ Черницкій рѣшился привести его въ исполненіе въ дѣлѣ съ джентльменами, каковы были Бѣлостоцкій и другіе; послѣ этого всякая возможность близкихъ сношеній и кредита (хотя послѣдняго было уже очень немного) окончательно могли бы разрушиться между ними. Итакъ, Черницкій явился на обѣдъ, но прежде задалъ себѣ программу, какъ дѣйствовать и вести себя во время этого обѣда. «Буду веселъ, говорливъ, подумалъ онъ,—сейчасъ: короткость обращенія, товарищеская безцеремонность; чего добраго, заберутъ себѣ въ голову, что я веселъ потому, что есть деньги, и если не Бѣлостоцкій, такъ уже, конечно, Бондаревскій, Лушкевичъ и Гвоздиковъ начнутъ намекать о срокѣ платежа и деньгахъ... Буду мраченъ, недоволенъ, серьезенъ, молчаливъ, огорченъ, — подумаютъ, во-первыхъ, что у меяя какое-нибудь горе, домашняя непріятность, или можетъ быть мысль, что я терзаюсь угрызеніями совѣсти въ эту минуту, потому-что не могу заплатить имъ долга, заставитъ ихъ быть совѣстливѣе, деликатнѣе со мною... Въ томъ, что я пріѣхалъ на обѣдъ, несмотря на такое щекотливое положеніе, увидятъ они черту товарищескую и въ уваженіе этого посовѣстятся заикнуться о деньгахъ...» Не мѣшаетъ замѣтить, что въ дурномъ расположеніи духа, такъ искусно наброшенномъ на себя Черницкимъ, была также частичка правды; ничто такъ не бѣсило его, особенно въ послѣднее время, какъ зрѣлище чужого благосостоянія; уже довольно было простого слуха о полученіи кѣмъ-

нибудь, даже вовсе неизвѣстнымъ и незнакомымъ человѣкомъ, наслѣдства, чтобы возбудить въ немъ сильные порывы жолчи и озлобленія; онъ никакъ не могъ переварить новое положеніе Накатова и если презиралъ его прежде, теперь рѣшительно ненавидѣлъ.

— Да, господа, продолжалъ Накатовъ, окончательно разчувствовавшись, чему не мало способствовало шампанское:—я хотѣлъ бы всю жизнь прожить въ кругу товарищей... съ вами... мы вѣдь товарищи съ дѣтства, вмѣстѣ росли... эхъ, эхъ!.. да вѣдь вы-то вотъ какіе, сегодня пріѣхали, а завтра и нѣтъ... а то бы просто расположились у меня... видите, просторъ! широко живу... лихо зажили бы всѣ вмѣстѣ.

Гвоздиковъ отдалъ бы въ эту минуту полжизни, чтобы только быть товарищемъ дѣтства Накатова.

— Все это прекрасно, возразилъ Бондаревскій съ комическимъ участіемъ:—да дѣло въ томъ, что тебѣ теперь никакъ нельзя ограничиваться одними товарищами; твое богатство, твое положеніе...

Накатовъ пріосанился.

Черницкій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Твое положеніе, говорю я, продолжалъ тѣмъ же тономъ Бондаревскій:—невольно, братецъ, принуждаетъ тебя занять мѣсто въ обществѣ. Есть, душа моя, извѣстныя общественныя положенія, въ которыхъ человѣкъ противъ воли иногда дѣлается, такъ сказать, рабомъ общества... Всѣ знали твою бабушку, всѣ знаютъ теперь Накатова, знаютъ, что у тебя сотни тысячъ дохода. Гдѣ же этотъ Накатовъ? спроситъ общество. Согласись самъ, это нѣкоторымъ образомъ смѣшно.

— Я самъ, дружокъ Бондаревскій, это понимаю, возразилъ Накатовъ, хмуря брови и заботливо потирая лобъ:—да, право, какъ-то, знаешь, не хочется... Я даже часто думаю объ этомъ, да лѣнь такая, что смерть...

— Стыдись!..

— Конечно, стыдись, перебилъ Черницкій, съ замѣтною злобою:—ты можешь быть украшеніемъ общества...

— Нѣтъ, это опять другая статья, сказалъ Бондаревскій, подымая бокалъ къ губамъ, чтобы не засмѣ-

яться:—дѣло въ томъ, что тебѣ нельзя жить медвѣдемъ... у меня уже во многихъ домахъ спрашивали о тебѣ...

— Что ты! воскликнулъ Накатовъ, разражаясь смѣхомъ, отъ котораго запрыгали его жирныя, наливныя щеки.

— И еще какія хорошенькія дамы спрашивали!.. еслибъ ты зналъ только, конечно, бросилъ бы свою лѣнь...

— Кто-жъ такія? кто?.. скажи пожалуйста!

— Не далѣе, какъ княгиня Зинзивѣева...

— Что ты!..

— Ей-Богу!

— Какая это княгиня Зинзивѣева? презрительно спросилъ Черницкій.

— Ну, Боже мой! та самая, у которой хорошенькая дочь.

— И пара вороныхъ? съ любопытствомъ спросилъ Сережа.

— Да, пара вороныхъ и голубая карета, отвѣчалъ Лушкевичъ, поправляя воротнички рубашки: — ты ее знаешь...

— Это та самая-съ, что живетъ въ Караванной, произнесъ Гвоздиковъ, вертясь и кривляясь на стулѣ.

— А развѣ вы съ ней знакомы? спросилъ Бондаревскій.

— Какже-съ, очень хорошо.

— То есть бываете въ домѣ?

— Да-съ, мы съ ней сосѣди по деревнѣ...

— Вотъ видите же послѣ этого! смѣясь, сказалъ Бондаревскій:—ну, mr. Гвоздиковъ, намъ должно быть не судьба встрѣчаться съ вами; вѣдь я также бываю тамъ очень часто... Вы когда были у нея въ послѣдній разъ?

Присутствующіе, кромѣ Черницкаго, расположившагося на диванѣ съ коньякомъ и сигарой, обратились къ Гвоздикову.

— Въ послѣдній разъ? позвольте... отвѣчалъ тотъ, сморкаясь:—да, кажется, это было... именно... это было въ четвергъ на прошлой недѣлѣ...

— Въ которомъ часу? настойчиво спросилъ Бондаревскій.

— Въ которомъ часу? повторилъ Гвоздиковъ задыхаясь:—кажется, это было въ три, именно въ три...

— Просто удивительно! я тоже тамъ былъ въ это время.

— Ахъ, нѣтъ, pardon mr. Бондаревскій, я ошибся... это было въ среду...

— Въ которомъ часу?

— Вечеромъ... сквозь слезы произнесъ Гвоздиковъ.

— Значитъ послѣ театра?

— Да-съ... я такъ только зашелъ на минуту...

— Какже мы не встрѣтились?

Гвоздиковъ побагровѣлъ какъ раздавленная клюква.

— Я у швейцара... только спросилъ... княгиня была еще въ театрѣ...

— А! ну, это другое дѣло, возразилъ Бондаревскій, пристально вглядываясь въ юношу съ изумрудными зубами, который, казалось, желалъ провалиться въ эту минуту къ антиподамъ:—ну, Накатовъ, еслибъ ты только видѣлъ дочь княгини, то есть, братецъ, просто съ ума бы спятилъ; это не чета Пальмирѣ...

— Да вѣдь я ее знаю... братецъ, чудо!..

— Будто?

— То есть такъ, встрѣчалъ на улицѣ.

— Хочешь я тебя представлю?

— Разумѣется, хочетъ: полно, Накатовъ, поѣзжай съ Бондаревскимъ, присовокупилъ Бѣлостоцкій.

— Я не прочь, пожалуй, очень радъ... говорилъ Накатовъ смущеннымъ голосомъ, но въ то-же время охорашиваясь. Когда же мы ѣдемъ?.. Надо, братецъ, послать прежде къ Іохиму, сказать, чтобы поторопился съ каретой...

— Какъ, еще карета!

— Да, я заказалъ теперь голубую... иначе, братецъ, какъ-то не ловко ѣхать... всякій знаетъ, что у меня...

— Вотъ вздоръ какой! именно поэтому-то, что знаютъ твое состояніе, ты можешь теперь ѣздить въ чемъ

хочешь... Вотъ развѣ въ другомъ отношеніи я совѣтовалъ бы повременить, по-крайней-мѣрѣ, какъ человѣкъ близкій тебѣ и товарищъ; мой совѣтъ былъ бы непремѣнно подождать.

— Что такое? спросилъ тотъ испуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, лучше послѣ скажу тебѣ, въ другое время, завтра, когда хочешь, только не въ эту минуту...

Бондаревскій перемигнулся съ товарищами; на этотъ разъ взглядъ не ускользнулъ отъ Накатова. Горя нетерпѣніемъ узнать, что хотѣлъ сказать Бондаревскій, и увѣренный, что онъ не утерпитъ сообщить это товарищамъ, какъ скоро его не будетъ, Накатовъ привсталъ со стула и, объявивъ, что идетъ въ кабинетъ за какими-то особенными сигарами, поспѣшно вышелъ изъ столовой. Притворивъ осторожно за собою дверь, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, съ намѣреніемъ стуча каблуками, потомъ остановился, хлопнулъ какъ можно громче слѣдующею дверью и, выразивъ на лицѣ лукавую улыбку, вернулся на цыпочкахъ назадъ и приложилъ ухо къ дверямъ столовой.

— Экой, право, этотъ Накатовъ! говорилъ Черницкій, кладя въ ротъ кусокъ сахару и пропуская нѣсколько капель коньяку:—онъ въ-самомъ дѣлѣ въ состояніи повѣрить тому, что ты говоришь...

— А что-жъ такое? возразилъ Бондаревскій:—онъ вправѣ вѣрить. я его не надуваю; съ его состояніемъ, онъ, разумѣется, будетъ принятъ въ какомъ угодно обществѣ. Шутишь ты двумястами тысячъ... годового дохода...

Говоря съ Черницкимъ, Бондаревскій нарочно утроивалъ и учетверялъ доходы не только извѣстныхъ богачей, но даже самыхъ близкихъ знакомыхъ; зная, какъ особенно озлобляло его внезапное богатство Накатова, онъ всячески старался напоминать о немъ, придавая при этомъ Накатову такія достоинства, которымъ, разумѣется, не вѣрилъ самъ и которыхъ, конечно, не было.

— Полно, любезный, отвѣчалъ Черницкій, не скрывая досады:—кого ты увѣряешь! Накатовъ будетъ играть роль

въ обществѣ... ха! ха! ха!... нѣтъ, воля твоя, это уже слишкомъ...

— Кто-жъ тебѣ говоритъ объ этомъ? замѣтилъ Бѣлостоцкій, переглядываясь съ Бондаревскимъ:—роли онъ, конечно, играть не будетъ, но принимать его станутъ все-таки всюду, и еще съ большимъ удовольствіемъ.

— И ты туда же, Бѣлостоцкій! перебилъ съ сердцемъ Черницкій:—признаюсь, отъ тебя я этого не ожидалъ... состояніе! богатство! сотни тысячъ дохода!.. да вѣдь одного этого мало, господа. Накатовъ, повторяю вамъ, глупъ, какъ я не знаю что, не воспитанъ, не образованъ.

— Полно, любезный, ты ужъ на него слишкомъ нападаешь, возразилъ Бондаревскій, находя удовольствіе дразнить Черницкаго:—развѣ мало видишь ты на свѣтѣ примѣровъ?.. притомъ ты очень ошибаешься насчетъ нашего амфитріона... онъ вовсе не такъ глупъ, какъ думаешь...

— Ну, хорошо, хорошо, пусть онъ будетъ что вамъ угодно! воскликнулъ Черницкій, приподымаясь съ дивана.

— Да, онъ отличный малый, добрый, истинный товарищъ, продолжалъ Бондаревскій, слѣдя за всѣми движеніями Черницкаго, расхаживавшаго взадъ и впередъ по комнатѣ и пускавшаго клубы дыма направо и налѣво.

— Однакожъ, господа, нашъ Накатовъ что-то долго ищетъ свои сигары, сказалъ Бѣлостоцкій:—ужъ не заснулъ ли онъ?..

— Пойдемте къ нему, обѣдъ конченъ... да, кажется, и въ театръ пора...

Всѣ встали изъ-за стола и пошли къ двери. Это было сдѣлано такъ неожиданно, что Накатовъ успѣлъ только броситься на сосѣдній стулъ и прикинуться спящимъ.

— Нѣтъ, не встану же, не встану, хоть они тутъ лопни! думалъ Накатовъ, сжимая вѣки; лучше скажу, что сдѣлалось дурно... съѣлъ много, выпилъ... сказать, что заснулъ, еще смѣшнѣе, да и не повѣрятъ... экое дѣло какое!..

— Что съ нимъ? ужъ не сдѣлалось ли дурно! Накатовъ! ей! господа, на него просто столбнякъ нашелъ... воды, вотъ мы его окатимъ хорошенько... скорѣе воды!

Эй, человѣкъ! люди! мажордомъ!.. послышалось въ толпѣ, окружавшей Накатова. При словѣ: «человѣкъ», Накатовъ испустилъ тяжелый, болѣзненный вздохъ и тотчасъ же открылъ глаза.

— Что съ тобою, братецъ? что случилось? ты спалъ? посыпалось отовсюду.

— Нѣтъ... охъ!.. я пошелъ, братецъ, за сигарами и вдругъ почувствовалъ головокруженіе, отвѣчалъ Накатовъ, вставая и въ то же время отыскивая сердитыми глазами Черницкаго.—Что-жъ мы здѣсь стоимъ, господа, прибавилъ онъ:—пойдемте въ гостиную полежать на диванѣ передъ каминомъ...

— Ну, любезный, онъ все слышалъ! шепнулъ Бондаревскій на-ухо Черницкому.

Накатовъ подошелъ къ Бондаревскому и Бѣлостоцкому, обнялъ ихъ и, нѣжно взглянулъ имъ въ глаза, повелъ въ гостиную, показывая, какъ-будто вовсе не замѣчаетъ Черницкаго.

— Послушай, Накатовъ, сказалъ Черницкій, когда они очутились въ гостиной:—поди-ка сюда, мнѣ надо сказать тебѣ два слова...

— Что такое?.. послѣ, братецъ, сухо отвѣчалъ Накатовъ, усаживая обоихъ пріятелей на диванъ противъ камина.

— Нѣтъ, сейчасъ... очень нужно... сдѣлай милость...

Накатовъ нехотя подошелъ къ Черницкому. Сидѣвшіе у камина пожимали плечами и смѣялись.

— Что такое?

— Ну, душа моя, поздравляю, отвѣчалъ Черницкій, отводя его къ окну:—прости меня; я ошибался на-счетъ Бондаревскаго и Бѣлостоцкаго... Они тебя любятъ... Когда ты ушелъ, я нарочно завелъ рѣчь и сталъ бранить тебя, думая, что они будутъ вторить...

— Какъ, такъ ты нарочно!..

— А развѣ ты слышалъ?

— Кое-что...

— Мнѣ хотѣлось знать, истинно ли они къ тебѣ привязаны...

Накатовъ взглянулъ на Черницкаго; ноздри его задвигались, въ глазахъ заблистали слезы.

— Спасибо тебѣ, другъ мой! я также въ тебѣ не ошибался, произнесъ онъ, крѣпко пожимая ему руку: — будь увѣренъ, я никогда этого не забуду... да, всѣ вы добрые товарищи... но что это! они, кажется, берутъ шляпы! Господа! жалобно воскликнулъ Накатовъ, подбѣгая къ пріятелямъ: — что вы? куда? Бондаревскій, дружокъ, развѣ ты не хочешь посидѣть? Бѣлостоцкій, Сережа, Лушкевичъ! вы, просто, меня обижаете!..

— Нѣтъ, Накатовъ, пора въ театръ!..

— Что̀ театръ, — посидимъ вмѣстѣ, потолкуемъ о томъ, о семъ, вспомнимъ дѣтство, пансіонскія проказы!.. ты скажешь, что̀ хотѣлъ сообщить мнѣ за столомъ...

— Изволь, да только завтра, а не сегодня... теперь пора въ театръ: видишь, семь безъ пяти минутъ; къ тому же сегодня балетъ; ты знаешь, мнѣ нельзя...

— Экіе вы какіе... вотъ бы сѣли у камина, всѣ вмѣстѣ, да потолковали... Ну, а ты куда, Черницкій? прибавилъ онъ, обнимая его...

— И мнѣ пора... есть одно дѣло...

— Эхъ, а я нарочно велѣлъ мажордому камины запалить...

— А развѣ они не цѣлый день горятъ у тебя?

— Нѣтъ, съ самаго утра, разумѣется; вѣдь я такъ только сказалъ...

— Ну, прощай, однакожъ, пора; прощай, Накатовъ... да пріѣзжай въ театръ, кто тебѣ мѣшаетъ? вѣдь ты любишь балеты? являйся же къ намъ... потомъ пойдемъ на подъѣздъ... а тамъ пустимся провожать нашихъ милыхъ... такъ что ли?..

— Хорошо, хорошо...

— Итакъ, ѣдемъ, господа! крикнулъ Бондаревскій, надѣвая шляпу: — онъ послѣ пріѣдетъ... намъ ждать нѐкогда!

Накатовъ дернулъ сзади Гвоздикова; тотъ показалъ ему всѣ свои зубы и кивнулъ головою.

— Такъ ты пріѣдешь завтра ко мнѣ, душа моя? спросилъ Накатовъ, цѣлуя Бондаревскаго.

— Непремѣнно, завтра утромъ часу во второмъ... потому что ѣхать къ княгинѣ Зинзивѣевой нельзя, ты самъ увидишь, безъ того, о чемъ я намекнулъ за обѣдомъ... положись только на меня, и все будетъ ладно!..

— Хорошо; итакъ не забудь же, я жду тебя завтра.

Сказавъ это, Накатовъ, въ избыткѣ восторга, заключилъ снова Бондаревскаго въ свои объятья. Гости вышли на лѣстницу. Трезвонъ раздался по всему дому.

Заслышавъ шумъ удаляющихся экипажей, Накатовъ поспѣшно поднялся наверхъ, взялъ руку Гвоздикова, прижалъ его къ груди и произнесъ: — Да, другъ мой, есть минуты въ жизни, когда человѣкъ бываетъ совершенно счастливъ!..

Затѣмъ онъ приказалъ заложить фіолетовую карету съ золотыми гербами, прошелъ съ Гвоздиковымъ въ кабинетъ и началъ одѣваться.

IX.

Приготовленія.

Не проходитъ дня, чтобы у Накатова не являлись новыя затѣи. Распространялся ли слухъ о продажѣ необыкновенной пары рысаковъ, Накатовъ тотчасъ же покупалъ ее, не только не заботясь о цѣнѣ, но даже и о томъ, нужна ли была она ему, или нѣтъ. Глядя на него, казалось, какъ-будто вмѣстѣ съ обязанностями опекуна бабушки пала на него и другая обязанность: пріобрѣтать рѣшительно все, что получало нѣкоторую извѣстность въ Петербургѣ. Минута, когда самые богатые покупатели отступались, запуганные цѣнами, предлагаемыми Накатовымъ, была для него верхомъ блаженства. Онъ истинно торжествовалъ въ такія минуты.

На этомъ основаніи появились у него совершенно неожиданно два наемныхъ арапа, нѣсколько ненужныхъ экипажей, лошадей; прислуга его утроилась; онъ нанялъ оркестръ и былъ совершенно вознагражденъ за издержки и проказы музыкантовъ, когда спрашивали его: «Ска-

жите, пожалуйста, это вашъ оркестръ игралъ вчера въ клубѣ?.. отличный оркестръ!» Узнавъ, что одна очень извѣстная дама продавала мебель по случаю отъѣзда за-границу, Накатовъ велѣлъ тотчасъ же позвать парикмахера. Въ то время, какъ онъ душился и завивался, мажордомъ и еще два другіе лакея носились сломя голову изъ одного магазина въ другой, отыскивая какъ-то особенно вышитыя рубашки, оказавшіяся необходимыми Борису Борисычу для визита къ извѣстной дамѣ. Окончивъ свой туалетъ, Накатовъ полетѣлъ къ ней въ блистательномъ шарабанѣ съ арапомъ вмѣсто грума. Плѣненный красотою и любезностью продавщицы, а также желая показать свои свѣдѣнія по части великосвѣтскихъ приличій, онъ восторженно, безъ торга, разумѣется, согласился на всѣ условія, заплативъ ей огромныя деньги и даже сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ, или что-то въ этомъ родѣ. На другой день доложили ему, что мебели некуда было дѣвать. Взбѣшенный тѣмъ, что осмѣливаются безпокоить его такими пустяками, Накатовъ затопалъ на мажордома, приказалъ ему поставить въ кабинетъ кушетку, на которой лежала извѣстная дама во время его визита, а съ остальною мебелью распорядиться, какъ знаетъ, — отослать ее на толкучій или, попросту, запрятать на чердакъ.

Внутреннія, домашнія заботы Накатова обращены были въ то время почти исключительно къ двумъ бульдогамъ, которые составляли въ одну и ту же пору его гордость и отчаяніе. Бульдоги были дѣйствительно отличные и льстили какъ нельзя болѣе самолюбію хозяина, когда онъ гулялъ съ ними по Невскому; да дѣло въ томъ, что дома онъ никакъ не могъ пріучить ихъ лежать замертво на возвышеніяхъ, покрытыхъ ковромъ и находящихся по обѣимъ сторонамъ камина, имѣя въ виду произвести картину, которая бы сразу поражала входившаго въ гостиную. Накатовъ, какъ извѣстно, страшно любилъ эффекты. Удивленный нѣсколько тѣмъ, что къ нему не только не съѣзжается весь Петербургъ, но что даже самые близкіе пріятели являются очень рѣдко. Накатовъ не переставалъ однакожъ сыпать деньгами на уборку и устройство дома;

онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Петербургъ не ѣдетъ потому вѣроятно, что ждетъ окончанія приготовленій или сигнала.

Дѣло въ томъ, что Накатова начали въ-самомъ дѣлѣ замѣчать въ городѣ. Иначе впрочемъ и быть не могло. Нѣтъ, кажется, города въ цѣломъ мірѣ, гдѣ бы такъ легко можно было произвести эффектъ и поразить внѣшнимъ блескомъ, какъ въ Петербургѣ; тутъ общій, одинъ салонъ для всѣхъ—это Невскій проспектъ, и рѣшительно нельзя показаться новому лицу, чтобы не быть замѣчену; привычники Невскаго проспекта никакъ не пропустятъ его безъ вниманія; какъ татуированный индіецъ или караибъ, онъ непремѣнно бросится всѣмъ въ глаза. Каждая мало-мальски отличительная особенность является тутъ какъ на блюдечкѣ; петербургская публика, привыкнувшая сходиться и встрѣчать каждый день на Невскомъ одни и тѣ же лица, знаетъ уже почти въ лицо другъ друга, не говорю о привычникахъ, которые узнаютъ каждаго сзади по походкѣ. Если не встрѣтишь отъ Полицейскаго моста до Аничкина хоть одного обыденнаго гуляльщика, съ которымъ между прочимъ вовсе и незнакомъ, кажется уже какъ будто что-то не такъ на Невскомъ, не все въ порядкѣ, хотя однакожъ никакъ не опредѣлишь, чего нѣтъ и чего именно недостаетъ ему. Мудрено ли послѣ всего этого, что появленіе Накатова, прогуливавшагося то съ двумя необыкновенными бульдогами и тростью съ изумруднымъ набалдашникомъ (которую, разумѣется, старался онъ держать на-виду), то въ шарабанѣ, ландо или купе, запряженныхъ отличными рысаками, въ англійскихъ шорахъ, съ арапами вмѣсто грумовъ,—бросалось всѣмъ и каждому въ глаза.

— Кто это? кто? кто? спрашивали попеременно гуляющіе.

На это обыкновенно отвѣчали вопросомъ:

— Вы слышали исторію богатой старушки, которая съ ума сошла?

— Разумѣется, кто-жъ этого не знаетъ!

— Ну, такъ это ея внучекъ.

— А! а! а! вотъ оно что! повторяли въ одинъ голосъ

спрашивавшіе, слѣдя съ особеннымъ любопытствомъ за экипажемъ счастливаго внучка.

А Накатовъ между тѣмъ, не перестававшій коситься на тротуаръ и слѣдившій за эффектомъ, произведеннымъ его появленіемъ, выламывалъ спину, выставлялъ грудь, пыхтѣлъ и самодовольно раздувалъ щеки. Онъ захлебывался отъ восторга. Но часто сіявшее лицо его вдругъ омрачалось какъ солнце во время затменія: посреди самыхъ сильныхъ порывовъ радости, отъ которыхъ сладостно вздрагивала его внутренность, ему западали въ голову слова Христіана Христіаныча, продолжавшаго утверждать, что положеніе бабушки не совсѣмъ еще безнадежно и болѣзнь ея легко можетъ обратиться въ «періодическую». Смертельный холодъ мгновенно распространялся по всѣмъ его членамъ; при словѣ «періодическая», онъ вздрагивалъ, какъ-будто слышалъ роковой выстрѣлъ и чувствовалъ уже смертельную пулю въ могучей груди своей. Нужно замѣтить, что философія нашего героя, воскликнувшаго когда-то, что все равно ему, лишь бы пожуировать хоть на-время жизнью — постепенно исчезала, по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе и болѣе пробовалъ богатства. Мысль вернуться къ прежнему состоянію была уже такъ невыносима, что каждый разъ, какъ она приходила ему въ голову, онъ закрывалъ глаза, какъ человѣкъ, падающій въ бездну, и тутъ же для ободренія выпивалъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго сряду.

Проживши долгое время посреди нужды, грязи и пренебреженія и потомъ сдѣлаться вдругъ обладателемъ блистательнаго дома, состоянья, давать обѣды, видѣть себя предметомъ всеобщаго любопытства, предметомъ подобострастнаго движенія въ магазинахъ, гдѣ стоитъ выставить грудь и бросить зря тысячу-другую, чтобы васъ величали: «mr. le comte» или «ваше сіятельство!» обращать вниманіе хорошенькихъ женщинъ, тогда-какъ прежде никто и смотрѣть не хотѣлъ,—всего этого слишкомъ достаточно, чтобы вскружить голову, особенно когда въ головѣ настолько же мало здраваго смысла, насколько много чванства и мелочного самолюбія. Для полнаго блаженства, Накатову недоставало только блистать въ боль-

шомъ свѣтѣ, какъ блисталъ онъ на Невскомъ. Онъ бѣсился и проклиналъ Бондаревскаго, который обманулъ его, обѣщавъ пріѣхать на другой же день послѣ обѣда; досада эта оправдывалась безпокойствомъ, которое испытывалъ Накатовъ, не перестававшій спрашивать себя: «Что бы могли значить намеки Бондаревскаго? отчего, по его мнѣнію, слѣдовало выждать прежде, чѣмъ пуститься въ свѣтъ?..»

Встрѣтивъ его нѣсколько разъ послѣ этого, Накатовъ не намекнулъ ему однакожъ объ этомъ ни слова, частью, чтобы не показать пріятелю, что онъ слишкомъ нуждается въ его протекціи, частью опасаясь надоѣсть ему, потому-что, какъ бы тамъ ни было, Накатовъ довѣрялъ вполнѣ Бондаревскому, разсчитывалъ на его покровительство и боялся его лишиться. Княгиня и княжна Зинзивѣева не давали ему покоя.

Недѣли полторы послѣ извѣстнаго обѣда, часу во второмъ пополудни, домъ Накатова былъ погруженъ въ мертвое молчаніе: всѣ спали. Швейцаръ, усѣвшись на стулѣ и упершись булавою, предавался сладкому отдыху; Иванъ, приставленный на верху лѣстницы къ звонку, также спалъ отъ нечего дѣлать; арапы, прислонились бочкомъ къ дивану и преисправно кивали другъ другу головою; бульдоги, не принуждаемые арапникомъ, какъ на-зло теперь своему господину, лежали неподвижно на своихъ ковровыхъ пьедесталахъ; и наконецъ самъ Накатовъ спалъ непробуднымъ сномъ въ своемъ кабинетѣ. Свалившись нѣсколько на-бокъ съ высокой перины и страшно раскрывъ ротъ, онъ, казалось, съ трудомъ вдыхалъ въ себя воздухъ; мало-по-малу грудь его стѣснилась; онъ смутно почувствовалъ, что какая-то невѣдомая сила давитъ его, что дыханіе останавливается въ его горлѣ, и вдругъ чихнулъ и раскрылъ глаза; но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ передъ собою густое облако дыма и почувствовалъ уже наяву, что кто-то его давитъ. Онъ испустилъ пронзительный крикъ, но въ ту-жъ минуту облако дыма разсѣялось, и сквозь рѣдѣвшія его струйки четко обозначилась фигура Бондаревскаго съ сигарою во рту.

— Эй! вставай! скоро два часа! кричалъ Бондаревскій,

смѣясь во все горло: — какъ тебѣ, братецъ, не совѣстно! вѣдь Невскій проспектъ давно на ногахъ и ждетъ своего яснаго солнышка... проснись!

— А! а! это ты?.. вымолвилъ Накатовъ, протирая глаза: — здравствуй, душа моя; что это тебя не видать такъ долго?.. Ишь, злодѣй, надулъ меня! обѣщался пріѣхать, помнишь ли когда еще? гдѣ ты пропадалъ?

— Серьезно, нельзя было; минуты свободной не выберется... утромъ то бѣгъ, то горы, то визиты, а вечеромъ и говорить нечего, — самъ знаешь... Ну, Накатовъ, я долженъ тебѣ сказать, ты, братецъ, производишь рѣшительный фуроръ на Невскомъ съ твоими лошадьми и арапами... всѣ о тебѣ спрашиваютъ...

— Да, душенька, да, да, знаю... слышалъ, перебилъ Накатовъ съ восхищеніемъ, пожимая ему руку: — мнѣ то-же самое говорилъ Черницкій; онъ былъ у меня...

— А! ну что, какъ онъ? я его давно не видалъ...

— Да что, душа моя, плохо, жаль мнѣ его... представь себѣ, прибѣжалъ ко мнѣ растрепанный, въ отчаяніи, рветъ на себѣ волосы...

— Вѣрно, жена у него родитъ?

— Ты почемъ знаешь?..

— Догадываюсь... вѣдь это случается у него, если не ошибаюсь, почти каждый мѣсяцъ...

— Тѣмъ хуже: каждый разъ нужны деньги, а у него гроша нѣтъ... ужасное, братецъ, положеніе...

— Что-жъ, ты помогъ ему?

— Какже, душа моя, помилуй, человѣкъ въ отчаяніи, рветъ на себѣ волосы, нельзя не помочь; притомъ въ моемъ положеніи, съ моимъ состояніемъ, согласись, могутъ ли составить счетъ какіе-нибудь сто цѣлковыхъ? Я всегда радъ пособить товарищу... ахъ, да кстати... Ну что-жъ, былъ ты у княгини Зинзивѣевой? неожиданно прибавилъ Накатовъ.

— Какъ же... спрашивали опять про тебя... я обѣщалъ имъ непремѣнно тебя представить...

— Что ты! вскричалъ Накатовъ, подпрыгивая на постели: спасибо, душенька, спасибо... ну, а насчетъ того... помнишь, что ты хотѣлъ мнѣ сообщить за обѣдомъ?..

— Я затѣмъ и пріѣхалъ сегодня.

— Ахъ, дружокъ, вотъ спасибо, вотъ одолжилъ!..

— Ну, вставай же скорѣе, одѣвайся. я подожду тебя въ гостиной...

— Хорошо, хорошо, посиди передъ каминомъ, я сію минуту явлюсь къ тебѣ! говорилъ Накатовъ, поспѣшно соскакивая съ постели: — эй! кто тамъ?

Накатовъ позвонилъ. Въ комнату вбѣжали изъ одной двери арапы, изъ другой мажордомъ съ Иваномъ, изъ третьей еще два человѣка. Бондаревскій вышелъ изъ кабинета.

Минутъ пять послѣ этого, въ гостиной показался Накатовъ въ шелковомъ халатѣ и розовыхъ бархатныхъ туфляхъ, шитыхъ шелками, надѣтыхъ криво и косо на толстые и грязные носки.

— Бондаревскій, ты чего хочешь, чаю или кофе?..

— Какъ, развѣ ты утромъ пьешь чай?

— А что?..

— Охота вливать въ тощій желудокъ нѣсколько стакановъ кипятку!.. Я давно замѣнилъ это варварское обыкновеніе и дѣлаю какъ англичане...

— Ну, да вѣдь я точно также... я такъ только спросилъ...

— Чѣмъ же ты завтракаешь? насмѣшливо спросилъ Бондаревскій.

Вопросъ этотъ поставилъ Накатова въ сильное затрудненіе; но чтобы не показать пріятелю своего незнанія, онъ поспѣшно отвѣчалъ: «да такъ себѣ, какъ случится, шоколадъ...»

— Ну, это, братъ, скорѣе по-французски!.. Англичане держатся превосходной системы завтракать ростбифомъ, котлетами, яйцами въ смятку, масломъ и другими болѣе или менѣе хорошими вещами... впрочемъ это до меня не касается въ настоящую минуту; ты, пожалуйста, не хлопочи: я уже два раза сегодня завтракалъ... и охотно выпью теперь чашку чаю...

— Чаю! крикнулъ Накатовъ·—Ну, дружокъ, продолжалъ онъ, приближаясь къ пріятелю и нѣжно трепля его по колѣнкамъ:— скажи мнѣ теперь, что хотѣлъ сообщить...

признаюсь, меня это немножко безпоко... то есть интересовало... Ты знаешь, какъ я вѣрю твоему вкусу и знанію свѣта; знаю, что ты меня любишь.

— Вотъ на этомъ-то основаніи, не иначе, и хочу сообщить тебѣ то, что другой, конечно, не рѣшился бы сдѣлать.

Лицо Накатова приняло заботливое выраженіе; онъ еще ближе придвинулся къ пріятелю, который все-таки старался избѣгнуть его взглядовъ, чтобы сохранить во время разговора по возможности серьезную наружность.

— Слушай-же, Накатовъ, началъ Бондаревскій, роясь въ каминѣ:—ты, братецъ, до сихъ поръ почему-то избѣгалъ общества, хотя, право, не нужно тебѣ было ждать огромнаго состоянія, чтобы бывать въ свѣтѣ...

— Знаю, знаю, душа моя; что-жъ дѣлать! дуракъ! прибавилъ Накатовъ, шлепая себя по лбу.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Бондаревскій, тужась, чтобы не засмѣяться: — дѣло въ томъ, говорю я, что, живя внѣ общества, ты, конечно, не знаешь многихъ условій... Разумѣется, это мелочи, бездѣлицы, если хочешь, но все же такія бездѣлицы, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись... Вотъ насчетъ этого-то я и хотѣлъ поговорить съ тобою.

— Ахъ, душенька ты моя! вотъ истинный-то другъ. Впрочемъ, я всегда ожидалъ отъ тебя...

— Хорошо, хорошо, возразилъ, смѣясь, Бондаревскій: — во-первыхъ, тебѣ нужно обратить вниманіе какъ можно больше вниманія на туалетъ... Кто шьетъ тебѣ платье?.. Ты, я знаю, на этотъ счетъ философъ: ты думаешь, все равно носить толстыя рубашки или вотъ такіе носки напримѣръ (Накатовъ проворно подобралъ ноги)... я понимаю, что если тебѣ все равно, никому не можетъ быть дѣла, пока ты станешь жить медвѣдемъ; но въ обществѣ, братъ, этого нельзя; ты знаешь, какіе въ этомъ случаѣ плохіе философы наши дамы и барышни— бѣда! довольно не только грязныхъ, но просто криво надѣтыхъ перчатокъ, чтобы погубить тебя окончательно въ ихъ мнѣніи!.. Онѣ рѣшительно все замѣчаютъ, все видятъ! Тамъ, братецъ, подъѣзжай сколько хочешь съ ара-

пами, скажутъ только: богачъ! милліонеръ! но этого — не правда-ли?—мало! этимъ не можетъ ограничиться самолюбіе человѣка... Ты еще молодъ, свѣжъ, притомъ не совсѣмъ дуренъ собою (Накатовъ искалъ глазами зеркала и крутилъ головою); тебѣ предстоитъ, слѣдовательно, въ свѣтѣ еще другое: тебѣ нужно стараться не уронить себя въ гостиныхъ нашихъ хорошенькихъ и модныхъ женщинъ, точно также, какъ ты не роняешь себя на Невскомъ, гдѣ обратили только вниманіе на твоихъ араповъ, лошадей и карету... Повѣрь мнѣ, одежда вещь великая въ свѣтѣ, то есть вообще внѣшность, наружность...

— Помилуй, душа моя, я это очень хорошо понимаю...

— То-то же... Ты шьешь, напримѣръ, себѣ всегда широкое платье; въ этомъ случаѣ ты раздѣляешь, точно также какъ я, англійскій вкусъ; но дѣло въ томъ, что между нами разница большая, и что хорошо для меня, тебѣ рѣшительно не годится. Я худъ какъ щепка и похожъ на скелетъ, обернутый въ яичную пленочку; мнѣ идетъ широкое платье; ты, слава Богу, награжденъ здоровьемъ и свѣжестью,— толстенекъ, и широкій сюртукъ, естественно, дѣлаетъ тебя еще толще; право, даже какъ-то неуклюже сидитъ на тебѣ широкое платье... Шей себѣ непремѣнно все въ обтяжку; чего тебѣ бояться! сложенъ ты очень хорошо, формы у тебя — хоть бы лѣпить съ нихъ статуи... это можетъ только принести тебѣ выгоду... Позови Оливье: онъ обтянетъ тебя словно въ чернилы окунетъ... цѣна тебѣ все равно?..

— О, разумѣется!..

— Ну, вотъ видишь ли! Кромѣ этого ты непремѣнно долженъ запастись батистовыми галстуками и лакированными ботинками, — слышишь, лакированными, не иначе!.. потомъ шитыми батистовыми рубашками...

— У меня уже есть... я купилъ на-дняхъ три штуки!

— Вотъ славно! да кто же покупаетъ эти вещи поштучно! Это хорошо дѣлать какому-нибудь свѣтскому голышу, а не тебѣ!.. Купи себѣ три-четыре дюжины! Вѣдь стоитъ только разъ толкнуться тебѣ куда-нибудь,

и пойдутъ расхватывать! каждый вечеръ будешь званъ то на балъ, то на чай... А утренніе визиты! что ты! Христосъ съ тобою! три рубашки!.. Утромъ вышелъ гулять— одну надѣлъ, визитъ — другую, вечеръ — третью, спектакль или балъ случится въ тотъ же день — четвертую... экъ его! три рубашки!.. Да знаешь, любезный Накатовъ, сколько по настоящему порядочный человѣкъ, денди, какимъ ты хочешь быть, долженъ носить въ день перчатокъ? ну, какъ ты думаешь?

— Двѣ... три пары... нерѣшительно произнесъ Накатовъ.

— Стыдись! а еще джентльменъ! ради Бога, не ляпни такой штуки предъ какимъ нибудь великосвѣтскимъ львомъ... Какъ три! Слушай: утромъ идешь гулять — одна пара цвѣтная, то есть смотря по цвѣту пальто или панталонъ: замѣть себѣ это; катаешься верхомъ около часу, какъ подобаетъ каждому джентльмену — другую пару замшевую, то есть такъ же сообразно цвѣту остальной одежды или особенно масти твоего ponney, лошади, замѣть это; ѣдешь обѣдать — желтыя или палевыя: это три; въ театръ—четыре, на балъ, бѣлыя — пять; въ маскарадъ случится — шесть. Такъ вотъ какъ, любезный: вдвое ровно... Потомъ, Накатовъ, ради самого Бога, перестань такъ немилосердно намазывать себѣ голову помадой, ты же, какъ на-зло, предпочитаешь гвоздичную, запахъ которой, извини, братецъ, напоминаетъ горничныхъ, да и то только провинціальныхъ! фи! возьми себѣ куаферомъ Грильона: онъ устроитъ тебѣ все это какъ нельзя лучше... а также не прыскай на себя духовъ, особенно крѣпкихъ: это mauvais genre въ высшей степени!..

— Да помилуй же, душенька моя! воскликнулъ съ ужасомъ Накатовъ:—что-жъ мнѣ дѣлать! я, знаешь, немножко толстенекъ и какъ-то... прибавилъ онъ таинственно, наклонившись къ Бондаревскому.

— На это есть средство, милый мой: бери во-первыхъ каждый день душистыя ванны; твое состояніе позволяетъ тебѣ купаться хоть по горло въ розовой водѣ; ну и въ бѣльѣ вели наложить какой нибудь sachet, —

только не Пачули, замѣть это; лучше всего спроси у Renommée кусокъ испанской кожи...

— Погоди, стой!.. я запишу, сказалъ Накатовъ:—ей, человѣкъ, вели записать мажордому, чтобъ купить испанской кожи!.. Ну, ну... охъ, какъ я тебѣ благодаренъ; и въ самомъ-дѣлѣ какъ дернетъ вотъ этакъ нелегкая не ѣздить въ общество, такъ ничего и не соблюдаешь... Да что прикажешь дѣлать! дуракъ! прибавилъ онъ, стукая себя по головѣ.

— Ну, теперь есть еще одно обстоятельство, продолжалъ Бондаревскій, закрывая нижнюю губу: — если хочешь, оно довольно важно, но впрочемъ и этого будетъ довольно...

— Нѣтъ, нѣтъ, Бондаревскій, сдѣлай милость, говори: я вѣрю тебѣ вполнѣ и совершенно во всемъ согласенъ.

— Видишь ли, Накатовъ, я бы охотно сказалъ тебѣ, но это такой предметъ!.. я, право, боюсь, чтобъ ты не принялъ моихъ словъ въ дурную сторону... къ тому же ты немножко щекотливъ...

— Вотъ вздоръ какой! между товарищами! вскрикнулъ Накатовъ, протягивая руку пріятелю.

— Да нѣтъ, ты не знаешь въ чемъ дѣло...

— Я и прошу тебя, чтобъ ты сказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Ты вѣришь, что все, что я ни говорю, внушено мнѣ истиннымъ участіемъ?

— Вѣрю! клянусь, ей-Богу, вѣрю!

— Ну, когда такъ, спрашивай же... Скажи мнѣ напередъ, какая твоя главная цѣль бывать въ обществѣ?

— Ты же самъ говорилъ... мое положеніе, состояніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, все это въ сторону, — еще нѣтъ ли другой цѣли?..

Накатовъ замялся.

— Хочешь ли ты нравиться нашимъ женщинамъ? спросилъ Бондаревскій, устремляя на него сѣрые, насмѣшливые глаза.

— Отчего нѣтъ! отвѣчалъ Накатовъ, поправляя волосы и свертываясь кренделемъ на диванѣ.

— Въ такомъ случаѣ, совѣтую тебѣ обратить какъ

можно больше вниманія... на лицо твое, сказалъ Бондаревскій, краснѣя до ушей отъ усилія удержать смѣхъ, подступившій къ горлу.

— Какъ, на лицо? этого не понимаю. Что-жъ ты находишь такого въ моемъ лицѣ? спросилъ Накатовъ, краснѣя въ свою очередь и отыскивая безпокойными глазами зеркало.

— А вотъ что: я долженъ тебѣ сказать, прежде всего что ты его запустилъ,—оно слишкомъ толсто (Накатовъ поспѣшно обхватилъ щеки обѣими ладонями).. самъ знаешь, какъ это не нравится женщинамъ; и потомъ — это главное, замѣть хорошенько — оно уже черезчуръ красно (Накатовъ бросился къ зеркалу)... это, братецъ, не хорошо и, разумѣется глупо, если хочешь,—но считается mauvais genre...

— Но что-жъ мнѣ съ нимъ дѣлать? что будешь дѣлать, когда раздуваетъ его во всѣ стороны! возразилъ отчаяннымъ голосомъ Накатовъ, дергая себя немилосердно то за одну щеку, то за другую: — я самъ, братъ, знаю, самъ вижу, что скверно, но какъ помочь этому... говорятъ, барышни ѣдятъ мѣлъ, уголь, магнезію...

— Да; но замѣть, это дѣлаютъ барышни, ихъ дѣло магнезія, а ты мужчина и притомъ еще мужчина здоровый, крѣпкій: тебѣ нужны болѣе сильныя средства... на твоемъ мѣстѣ я просто-на-просто велѣлъ бы приставить себѣ дюжины двѣ піявокъ или пустить кровь... что дѣлать! самъ ты видишь, что не хорошо.

— Какой не хорошо! срамъ!.. ишь разгорѣлись какъ!.. повторялъ Накатовъ, топая передъ зеркаломъ отъ досады.—Чего ты смѣешься, Бондаревскій! ей-Богу досадно, душа моя...

— Ну, такъ вотъ, Накатовъ, что я хотѣлъ тебѣ сообщить, по-пріятельски, продолжалъ Бондаревскій, поднося поминутно платокъ къ лицу и сморкаясь: — теперь твоя воля! можешь послѣдовать моему совѣту или нѣтъ, мнѣ, братецъ, согласись, все равно; поѣдемъ пожалуй хоть сейчасъ къ княгинѣ Зинзивѣевой, я готовъ... но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ впечатлѣніе княжны было полно... представь, она воображаетъ тебя красавцемъ; не знаю, почему

она такъ вообразила,—женщины странны, причудливы!.. мнѣ, право, смѣшно... но что-жъ прикажешь дѣлать! Ужъ если женщина вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову, кончено,—бѣда!..

— Съ чего она это взяла и вообразила... плутовочка! сказалъ усмѣхаясь, Накатовъ.

— Ну, однакожъ, прощай, прибавилъ Бондаревскій:— я ѣду... извини, милый мой, если я высказалъ тебѣ нѣсколько истинъ; но я сдѣлалъ это, желая тебѣ успѣха и пользы отъ всего сердца... ты вступаешь на новое поприще...

— Душенька! что ты говоришь! прибавилъ Накатовъ:— онъ еще вздумалъ извиняться! да я не знаю, какъ благодарить тебя... повѣрь я никогда не забуду твоей услуги... Когда же ты пріѣдешь ко мнѣ?

— Когда хочешь... я теперь буду на нѣсколько дней свободенъ; напиши, когда будешь дома....

— Я теперь недѣли полторы никуда не хочу показываться... Что ты думаешь, дружокъ, можетъ въ это время поправиться бѣда, а? а?

— Разумѣется, слишкомъ даже достаточно... Итакъ, во-первыхъ, я пришлю тебѣ Оливье... смотри же, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорилъ: вели шить въ обтяжку... во-вторыхъ, пришлю Грильона...

— Хорошо, хорошо, непремѣнно; я послѣдую въ точности всѣмъ твоимъ совѣтамъ... Еще разъ спасибо, душенька, продолжалъ Накатовъ, обнимая и цѣлуя пріятеля—спасибо, спасибо!..

— Не за что, не за что! ну, прощай же, я еще можетъ быть заверну къ тебѣ завтра... до свиданія...

Бондаревскій уѣхалъ.

Весь этотъ день Накатовъ провелъ въ страшномъ волненіи и первый разъ въ жизни просидѣлъ дома. Онъ поминутно подходилъ то къ одному зеркалу, то къ другому, щупалъ одутловатыя свои щеки, топалъ каблукомъ, снова ходилъ по комнатѣ и снова останавливался передъ зеркаломъ. Онъ какъ-будто внезапно прозрѣлъ; ему казалось теперь также страшно и совѣстно показаться на Невскій, какъ наканунѣ еще было пріятно и необходимо. «Всѣ

видѣли, что у меня красное лицо и пухлыя, глупыя щеки!» безпрестанно восклицалъ онъ, ломая въ отчаяніи руки. Итакъ Накатовъ заточился дома. Вмигъ разосланы были всѣ люди по магазинамъ, портнымъ, парикмахерамъ; мажордому поручено было сходить за цирюльникомъ. Не мало тужилъ, качалъ головою и повертывалъ мизинцами старый Гаврило, но дѣлать было нечего: онъ отправился въ полной увѣренности, что на Бориса Борисыча нашелъ такой же столбнякъ, какъ на Пелагею Антоновну. Къ вечеру Накатову выпустили двѣ чашки крови; онъ тотчасъ же велѣлъ подать зеркало, внимательно осмотрѣлъ лицо, ощупалъ щеки и приказалъ выпустить еще чашку къ совершенному недоумѣнію цирюльника, увѣрявшаго, что и такъ уже слишкомъ много. На другой день первымъ долгомъ Накатова было спросить зеркало... Онъ остался какъ будто доволенъ своею наружностью, усмѣхнулся и даже подпрыгнулъ на постели, но вдругъ вспомнилъ княжну Зинзивѣеву, и снова лицо его омрачилось. Онъ бросилъ зеркало и велѣлъ немедленно ѣхать за докторомъ.

Никто не можетъ утвердительно сказать, на что жаловался Накатовъ врачу; — достовѣрно только то, что послѣ совѣщанія врачъ прописалъ лекарство, отъ котораго Накатовъ поблѣднѣлъ и ослабъ окончательно, такъ-что цѣлые два дня не могъ приподняться съ постели. Онъ впрочемъ вознагражденъ былъ какъ нельзя лучше за свои страданія; щеки его значительно осунулись и побѣлѣли; когда онъ взглянулъ на нихъ дня черезъ три послѣ исполненія рецепта, тысячи благословеній полились изъ устъ его врачу и Бондаревскому. Онъ разослалъ по всѣмъ своимъ пріятелямъ, прося ихъ навѣстить больного; въ ожиданіи Накатовъ скучалъ страшно. Лежа одинъ въ своемъ кабинетѣ, загроможденномъ теперь помощью Грильона баночками съ настоящимъ и поддѣльнымъ медвѣжьимъ жиромъ, коробочками съ притираньями и душистой пудрой, флакончиками, щеточками, порошками, онъ предавался то печальнымъ, то радостнымъ думамъ, смотря потому, попадало ли на мысль слово: «періодическая», или нѣтъ. Образъ мечтаній Накатова, какъ каждый можетъ легко

представить, не отличался особеннымъ разнообразіемъ; даже въ хорошія минуты мысли его вертѣлись постоянно около одного и того же предмета. Большею частью онѣ ограничивались слѣдующимъ: «Что, думалъ онъ, еслибъ вдругъ продать все мое имѣнье, все, что у меня есть: и домъ бабушкинъ, и деревни, все, все, даже двухъ бульдоговъ, и обратить все это въ капиталъ, — сколько бы вышло? я думаю, страшная сумма?.. за милліонъ хватитъ, куда! за пять милліоновъ?..» или: «Ну, а еслибъ весь этотъ капиталъ размѣнять на золото, на червонцы, какъ бы велика вышла куча?.. я думаю, мало-мало, что ни съ эту комнату...» и пр. Часто мысли его прерывались на самомъ интересномъ мѣстѣ появленіемъ кого-нибудь изъ пріятелей, чаще всего Гвоздиковымъ и Черницкимъ. Послѣдній, узнавъ, что Накатовъ завтракаетъ съ нѣкоторыхъ поръ по-англійски—ростбифомъ, котлетами и портвейномъ, являлся каждое утро; визиты его не были впрочемъ продолжительны; онъ входилъ въ кабинетъ хозяина, пожималъ ему руку, потомъ завтракалъ, ходилъ снова пожать хозяину руку, говорилъ: «прощай!» и ѣхалъ немедля ни минуты. Но появленія Гвоздикова не ограничивались завтракомъ и продолжались съ утра вплоть до поздней ночи, такъ что даже надоѣли Накатову.

Что за странный человѣкъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ этотъ маленькій Гвоздиковъ! Чего онъ юлилъ? чего искалъ и добивался, — рѣшительно нельзя было понять. Отецъ его, богатый купецъ-откупщикъ, давалъ ему много денегъ; была у него и семья и свой кругъ, — нѣтъ, Гвоздиковъ не уживался тамъ, гдѣ ему хорошо было. Онъ имѣлъ необъяснимую страсть знакомиться безъ всякой видимой цѣли, такъ-себѣ, любилъ знакомство для знакомства; онъ, правда, замиралъ и чувствовалъ біеніе сердца, когда удавалось ему заговорить съ графомъ или княземъ, но въ то же время біеніе сердца и замираніе чувствовалъ онъ и при встрѣчѣ съ французскими и рускими актерами, съ литераторами и художниками. И главное то странно, что чѣмъ болѣ щелкали его эти знакомые, привязанность его къ нимъ усиливалась. Какъ женщины извѣстнаго разряда, онъ любилъ, чтобы его тиранило то, къ чему онъ

чувствовалъ сердечную слабость. Въ пансіонѣ, куда отдалъ его отецъ, Гвоздикова чуть было не заколотили товарищи; его взяли изъ пансіона, но Гвоздиковъ отбивался руками и ногами и рыдалъ по товарищамъ ровно тридцать дней и тридцать ночей; думали, умретъ мальчикъ. Съ младенчества онъ былъ плакса и вертлявъ, какъ маленькая собаченка; въ немъ не было ни ума, ни образованія, ни веселости, ни такта, — ну, словомъ, ровно ничего особенннаго, кромѣ развѣ искусства показывать всѣмъ и каждому свои изумрудные зубы. Ему такъ часто удавалось слышать истины, что наконецъ онъ самъ началъ понимать, до чего долженъ былъ быть несноснымъ, и совсѣмъ тѣмъ не могъ никакъ побѣдить въ себѣ несчастной страсти совать свой носъ и лѣзть, куда его вовсе не спрашивали. Кто же разгадаетъ послѣ этого, чего юлилъ, искалъ и добивался юноша съ изумрудными зубами!..

Накатовъ былъ совершенно счастливъ! лицо его, походившее прежде на очищенную свеклу, приближалось постепенно цвѣтомъ и видомъ къ крупичатому недопеченому хлѣбу,—обстоятельство, заставлявшее его не отходить отъ зеркала и принимать всевозможные роды улыбокъ и обольстительныхъ выраженій. Наконецъ насталъ счастливый день, назначенный Бондаревскимъ, чтобы ѣхать къ княгинѣ Зинзивѣевой. Съ ранняго утра поднялась тревога по всему дому, несмотря на старанія Накатова показывать людямъ спокойную, исполненную достоинства физіономію. Въ двѣнадцать часовъ явился Оливье. Платье, дѣйствительно, оказалось такимъ, какъ совѣтовалъ Бондаревскій: пышныя формы Накатова выказывались въ немъ такъ-же чотко, какъ груда арбузовъ, накрытая мокрымъ полотномъ. Къ часу Накатовъ былъ уже совсѣмъ готовъ.

Оставшись одинъ, онъ вышелъ въ гостиную, оглянулъ себя еще разъ съ головы до ногъ, взялъ шляпу и приблизился на цыпочкахъ къ трюмо. Расшаркавшись нѣсколько разъ сряду и пробормотавъ привѣтствія, посреди которыхъ вырывались слова: «княгиня!» «княжна!», Накатовъ подпрыгнулъ кверху и произнесъ, трепля себя

ласково по правой щекѣ: «Ммм... дрянь, дрянь, соблазнитель... седюктёръ! мм...» Такъ продолжалось до половины второго. Но тутъ восторженное настроеніе духа начало постепенно измѣнять Накатову. По мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка приближалась къ двумъ, часу отправленія, часу, когда въ первый разъ предстояло ему представиться въ аристократическую гостиную княгини Зинзивѣевой,— имъ начинало овладѣвать какое-то лихорадочное безпокойство, такъ-что когда ударило два часа, и почти въ то же время раздался на лѣстницѣ звонокъ, возвѣстившій пріѣздъ Бондаревскаго, Накатовъ почувствовалъ внезапно такую слабость въ желудкѣ и колѣняхъ, что долженъ былъ прислониться къ дивану, чтобы удержаться на ногахъ.

X.

У княгини Зинзивѣевой.

Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ княгиня Зинзивѣева и ея дочка не пропускаютъ ни одного бала дворянскаго собранія, ни одного вечера, раута или обѣда; рѣшительно не было новаго спектакля, гулянья, празднества и бенефиса, гдѣ бы не бросались въ глаза могучія, крутыя формы старой княгини и фальшивыя букли, перехваченныя пышнымъ кружевнымъ чепцомъ съ яркими цвѣтами, и рядомъ съ ними бѣлокурое, блѣдное, но миловидное личико молодой княжны.

Княжна, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, умѣла еще довольно искусно сохранить всю внѣшнюю грацію и наивность молоденькой дѣвушки; правда, ночи, проводимыя на балахъ, почти каждыя сутки въ продолженіе восьми лѣтъ, утомили ея свѣтлые голубые глазки, обозначили на вискахъ желтоватыя, прозрачныя тѣни, но и это, какъ увѣряли очень многіе, придавало ея лицу что-то страстно-мечтательное и «интересное». — Первые дебюты ея въ свѣтѣ были блистательны. Никто не танцовалъ такъ граціозно и просто; никто такъ очаровательно не пѣлъ новыхъ романсовъ Loisa-Pujet и Варла-

мова; ея гибкій станъ былъ всегда безукоризненно зашнурованъ; свѣжій, тонкій башмачокъ обтягивалъ ея стройную ножку... чего же больше? — Ей аплодировали, ею восхищались всѣ безусловно, кромѣ, разумѣется, маменекъ, ловившихъ жениховъ своимъ дочкамъ. Три поколѣнія корнетовъ и прапорщиковъ истратили запасъ вздоховъ, любезности и остроумія. Успѣхи эти подали старой княгинѣ такія сильныя надежды въ будущемъ, что, рѣшившись-было отправиться въ деревню послѣ смерти мужа, оставившаго ей тысячу заложенныхъ душъ и триста тысячъ долгу,—она вдругъ перезаложила свои помѣстья, отдѣлала великолѣпно цѣлый бельэтажъ и осталась въ Петербургѣ. Она была увѣрена, что ничто теперь не можетъ препятствовать найти дочери знатнаго и богатаго супруга. На этомъ основаніи пошли балы да вечера. Княгиня, не входившая до этого времени ни во что, не занимавшаяся рѣшительно ничѣмъ кромѣ туалета, вскорѣ увидѣла, что сильно ошиблась въ своихъ предположеніяхъ и соображеніяхъ. На дѣлѣ оказывалось, что корнеты и прапорщики умѣютъ только вздыхать, любезничать, танцовать, восхищаться и ужинать; мало по-малу она увѣрилась, что всѣ они по большей части люди безъ вкуса и такта, ибо для супружескаго счастія предпочитали искусству пѣть романсы стройному стану, тоненькой ножкѣ и благозвучному имени,—кого угодно и что угодно, лишь бы находился при этомъ капиталъ или незаложенныя души. Годы шли между тѣмъ за годами, имѣнье княгини разстроивалось, дѣла запутывались... Но княгиня, къ счастью, принадлежала къ числу тѣхъ смертныхъ, которые какъ бы закаляются въ неудачахъ, и энергія которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ усиленія препятствій; каждая новая неудача заставляла ее, казалось, преслѣдовать съ большею настойчивостью свою цѣль; въ три-четыре года она пріобрѣла такія тонкія познанія въ практической жизни, что нашла средства поддерживать хоть наружный блескъ своего дома. Дочка тѣмъ временемъ продолжала танцовать и шнуроваться; она жила какъ птичка, находя вокругъ себя все нужное и готовое для жизни; она была въ

полной увѣренности, что повара, музыканты, дорогая мебель, лошади и экипажи составляютъ такую же естественную принадлежность каждаго дома, какъ плоды на деревьяхъ, цвѣты—на поляхъ и въ оранжереяхъ. Наконецъ практическія свѣдѣнія старой княгини, вынуждаемыя и изощряемыя обстоятельствами, приняли такіе широкіе объемы, что сдѣлались замѣтными; въ свѣтѣ, гдѣ жила она, ничто не ускользаетъ; даже взгляды и легкія, почти неуловимыя движенія имѣютъ тамъ сильный смыслъ и значеніе. Вскорѣ, при появленіи княгини и ея дочки стали шептаться; послѣдняя очевидно начинала танцовать меньше и меньше; ей минуло уже двадцать пять лѣтъ. Это обстоятельство произвело два послѣдствія: княгиня, видя близкую, вѣрную погибель своихъ надеждъ, закрыла глаза и принялась дѣйствовать съ отчаяніемъ человѣка, идущаго на приступъ; на лицѣ дочки начало проглядывать досадливое выраженіе... Въ такомъ-то положеніи находилась княгиня, когда Бондаревскій выпросилъ у нея позволенія представить Накатова...

Въ небольшой гостиной, довольно изящно убранной цвѣтами и условными бездѣлушками всѣхъ гостиныхъ извѣстнаго разряда, передъ большимъ зеркаломъ, стояла княжна; она безпечно поправила складки двуличневаго шелковаго платья, перевязала бантъ галстука, оглянула себя со всѣхъ сторонъ и, сдѣлавъ маленькую гримасу, подошла къ столу, гдѣ были разбросаны журналы и нѣсколько новыхъ романовъ; недосмотрѣвъ модныхъ картинокъ, лежавшихъ тутъ же, она отбросила ихъ въ сторону, подошла къ роялю и, съ видомъ неотразимой скуки, начала наигрывать новую польку. Дверь растворилась и показалась княгиня, сопровождаемая горничной съ картономъ въ рукахъ.

Княгиня Зинзивѣева, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, была еще то, что называютъ—женщина свѣжая, видная: большого роста, она распространялась еще больше въ ширину; какъ ни были полны ея щеки, губы и подбородокъ, они все-таки не могли затопить окончательно тонкихъ чертъ лица, напоминавшихъ очень красивую наружность.

— Это вы, maman? спросила княжна, перебирая клавиши и не поворачиваясь къ ней лицомъ.

— Да, другъ мой... уфъ! какъ устала! произнесла княгиня, переваливаясь какъ утка съ ноги на ногу и приглаживая волосы:—уфъ! Тутъ она тяжело опустилась на диванъ, и взявъ изъ рукъ горничной картонку, углубилась въ разсматриваніе всевозможныхъ цвѣтовъ и лентъ.

Княжна насмѣшливо слѣдила за каждымъ ея движеніемъ.

— Посмотри, Соня, какая прелесть, продолжала старуха, протягивая мощную свою руку съ эфирнымъ букетомъ искуственныхъ незабудокъ: — c'est tout-à-fait distingué... я лучше ничего не могла найти у мадамъ Споль...

Княжна взглянула изъ-за плеча на мать, быстро наклонилась къ роялю, взяла сильный акордъ и спросила разсѣянно:

— Что мы сегодня дѣлаемъ?

— Ахъ, батюшки!.. что это ты, ma chère, развѣ забыла, что сегодня балъ у Ниловскихъ?.. возразила княгиня, приставляя незабудки къ бѣлой атласной лентѣ и наклоняя на бокъ голову.—До бала надо еще заѣхать въ Большой театръ, присовокупила она:—говорятъ, интересный спектакль, много будетъ... ахъ, посмотри, другъ мой, какъ мило, прелесть, charmant!.. вотъ бы тебѣ надѣть сегодня, Соня... ахъ, кстати (тутъ обратилась она къ горничной), была мадамъ Лабюсьеръ?..

— Нѣтъ-съ...

— Сію же минуту поѣзжай къ ней: скажи, чтобъ платье княжны готово было къ пяти часамъ...

Горничная вышла. Княгиня отодвинула картонку и, охая, развалилась на диванѣ.

— Ужъ ты, Сонечка, будь какъ можно милѣе сегодня...

— Что такъ? насмѣшливо перебила княжна.

— У Ниловскихъ вѣрно будетъ графъ Боржинскій, ma chère...

Княжна проворно повернулась къ матери; блѣдныя ея щеки ярко вспыхнули.

— Ужъ вамъ пятьдесятъ лѣтъ, maman, сказала она довольно рѣзко:—а у меня воображеніе не такъ пылко, какъ у васъ...

— Ахъ, Боже мой, ma chère, да что-жъ я такое сказала? ну, не онъ, такъ будутъ другіе... comme c'est ridicule!.. à propos... вѣдь, кажется, сегодня Бондаревскій хотѣлъ представить намъ Накатова?

— Да... кажется...

Княгиня окинула быстрымъ взглядомъ дочь.

— Повернись на минуту ко мнѣ, Соня, сказала она.

— Что вамъ угодно?

— Да, это платье очень тебѣ къ лицу; я замѣтила, къ тебѣ вообще идутъ свѣтлые цвѣта... А знаешь, прибавила она, какъ бы въ разсѣянности:—говорятъ, этотъ Накатовъ очень богатъ...

— Но страшно глупъ! замѣтила княжна, принимаясь снова перебирать клавиши.

— Но двѣсти тысячъ дохода, другъ мой, замѣняютъ очень многое, покусилась сказать медовымъ голосомъ княгиня.

Княжна опрокинулась на спинку стула и залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Что ты? разумѣется, двѣсти тысячъ въ годъ замѣняютъ очень многое, повторила старуха.

— Вѣрю, вѣрю... вымолвила дочь.—M-me Накатовъ! M-me Накатовъ! продолжала она, смѣясь громче и громче.

На лѣстницѣ послышался звонокъ.

— Это онъ! воскликнула старуха поспѣшно приподымаясь на ноги:—Соня, Соничка!.. Бога ради, продолжала она, становясь почти на колѣни передъ дочерью; Бога ради, будь умна... если ты только хочешь что-нибудь сдѣлать для своей матери... если ты только любишь меня...

На лѣстницѣ послышались шаги. Княжна судорожно встала съ своего мѣста, выразительно взглянула на мать, но почти въ ту-жъ минуту лицо ея смягчилось; она подошла къ креслу и опустилась туда съ видомъ тяжелой рѣшимости. Княгиня въ это время успѣла уже припод-

нять портьеру, бросить картонъ и ленты въ сосѣднюю комнату; потомъ кинулась она на кушетку и схватила въ руку батистовый платокъ. Все это было дѣломъ секунды.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ Накатова и Бондаревскаго. Лица обѣихъ дамъ приняли самое пріятное, безпечное выраженіе.

Краснѣя и блѣднѣя, вошелъ Накатовъ въ гостиную княгини Зинзивѣевой, осуществлявшую для него идею общества, ему неизвѣстнаго, о которомъ онъ едва смѣлъ мечтать; и вотъ двери этого общества растворились передъ нимъ: онъ будетъ знакомъ съ княгиней Зинзивѣевой!.. будетъ раскланиваться съ ней на Невскомъ, въ виду всѣхъ, будетъ входить къ ней въ ложу. «Я былъ вчера у княгини Зинзивѣевой»... «Мнѣ говорила это княгиня Зинзивѣева!» «Я ѣду вечеромъ къ княгинѣ Зинзивѣевой!» Мысли Накатова терялись, сердце его словно хотѣло выпрыгнуть.

— Княгиня, честь имѣю представить вамъ моего друга Накатова, сказалъ Бондаревскій, взявъ его за руку и въ то-же время взглядывая на княжну.

Та усмѣхнулась.

— Мм... мм... м... пробормоталъ сквозь зубы Накатовъ, почтительно опуская глаза и перенося двадцать разъ сряду свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Княжна, m-r Накатовъ! произнесъ Бондаревскій, обращаясь къ дочери.

— Мм... мм... м... пробормоталъ снова Накатовъ, вспыхивая мгновенно какъ петергофская иллюминація.

Княжна граціозно поклонилась Накатову и подала руку Бондаревскому.

— Очень пріятно съ вами познакомиться, mr. Накатовъ, начала старуха, окидывая его проницательнымъ взглядомъ:—я была когда-то очень хорошо знакома съ вашей бабушкой.

— Мм... мм... м... княгиня... княгиня... мм... повторилъ Накатовъ, переминая шляпу.

Онъ взглянулъ на Бондаревскаго, опустилъ шляпу на колѣни и тотчасъ же вытянулъ ноги, положилъ ихъ одну на другую. Бондаревскій подогнулъ ноги и поставилъ

шляпу на полъ; Накатовъ мгновенно поставилъ шляпу на полъ и подогнулъ ноги. Княжна и Бондаревскій переглянулись снова.

— Мы однакожъ, княгиня, явились, кажется, вовсе не кстати, сказалъ Бондаревскій, придвигаясь къ старухѣ:—мнѣ показалось, что ваша карета у крыльца...

— Да, княгиня, я видѣлъ вашу карету, прибавилъ Накатовъ, также придвигаясь къ старухѣ.

— Нѣтъ, мы сегодня дома; я ѣздила кой-куда и не велѣла откладывать... Вечеромъ мы не будемъ дома: балъ у Ниловскихъ; но прежде мы еще заѣдемъ въ Большой театръ: сегодня балетъ; я очень люблю балеты...

— Княжна, вы не забыли, что обѣщали мнѣ вторую кадриль у Ниловскихъ? спросилъ Бондаревскій.

— Нѣтъ, но, пожалуйста запаситесь любезностью, чтобъ заставить меня забыть первую кадриль, которую я танцую съ...

— Знаю, знаю...

Бондаревскій поклонился.

— Вы не знаете, княгиня, происшествія, которое случилось съ Lise Ниловской на прошлой недѣлѣ? спросилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, скажите пожалуйста, что такое? elle est si espiègle, cette Lise...

— Вы слышали, княжна?

— Нѣтъ... скажите...

— Часовъ въ восемь вечера, приказываетъ она заложить двумѣстныя сани... вы знаете, ея страсть кататься по ночамъ... Не помню гдѣ, на Невскомъ ли, или на Литейной, замѣчаетъ она, что за нею слѣдуютъ чьи-то сани...

— Oh! mais c'est tout un roman!.. я узнаю въ этомъ Лизу Ниловскую, смѣясь произнесла княжна...

— Она приказываетъ кучеру ѣхать скорѣе; смотритъ, сани за нею... она не взяла съ собою лакея, нужно замѣтить... Вдругъ на поворотѣ въ какую-то улицу, сани выравниваются съ нею cote â cote, и молодой человѣкъ, закутанный въ шинель, начинаетъ изъясняться съ нею...

заговариваетъ о томъ, о семъ, о морозѣ, наконецъ предлагаетъ ей свою шубу...

— Что вы!

— Я васъ увѣряю, княгиня... Лиза Ниловская сначала смѣялась съ минуту, потомъ мало-по-малу вступила въ разговоръ... а тамъ предложила ему ѣхать за нею и проводить ее до дому...

— Ah! mais c'est une horreur!.. неужели это правда?

— Послушайте же, чѣмъ все это кончилось!.. c'est le plus curieux de la chose... она сама мнѣ разсказывала... молодой человѣкъ ѣдетъ за нею... Она проситъ его войти въ домъ.

— Неужто!

— Серьезно... И—какъ бы вы думали?—представляетъ его мужу; можете вообразить положеніе бѣднаго предлагателя услугъ... Мужъ, разумѣется, принялъ дѣло въ шутку, посмѣялся надъ нимъ, и все обошлось какъ нельзя лучше.

— Мнѣ, право, очень жаль этого бѣднаго молодого человѣка, замѣтила княжна.

— Вотъ еще! есть кого жалѣть, ma chère, произнесла княгиня:—за дѣло... Какъ можно дѣлать такія вещи? хорошо, что такъ кончилось... oh! elle n'en fait jamais d'autres!.. ну, а что съ ея сестрою Julie?..

— Опять новая пассія... теперешній предметъ, faute de mieux, какой-то черкесъ; она каждое воскресенье ѣздитъ въ одно мѣсто, чтобы его видѣть...

Бондаревскій имѣлъ всегда на-готовѣ нѣсколько подобныхъ исторій, которыми нарочно запасался для маменекъ и тетушекъ—заботливость, вознаграждавшая его большимъ расположеніемъ съ ихъ стороны; какъ опытный человѣкъ, онъ добивался всѣми силами этого расположенія, зная, что оно служило лучшимъ проводникомъ къ достиженію нѣкоторой свободы и кредита подлѣ племянницъ и дочекъ. Княжна Зинзивѣева вовсе не нравилась Бондаревскому, но онъ все-таки старался разъигрывать передъ нею роль поклонника, — роль, которую принималъ онъ рѣшительно передъ всѣми барышнями, для того, чтобы хоть сколько-нибудь оживлять отношенія, существующія

между молодыми людьми и дѣвушками на балахъ и въ гостиныхъ.

— Я не понимаю, какъ можно ѣхать на балъ или вечеръ безъ всякой цѣли, говорилъ всегда Бондаревскій: — я ни въ кого не влюбленъ, и сердце мое совершенно спокойно, но покрайней-мѣрѣ все-таки пріятнѣе знать, что тебя ждутъ на балѣ, что на тебя немножко разсчитываютъ!..

Пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ разсказалъ княгинѣ всѣ текущія новости, слышанныя имъ наканунѣ. Княгиня была очень довольна; княжна смѣялась. Накатовъ, не зная тѣхъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь, ничего не понималъ; но это нисколько не мѣшало ему хитро улыбаться и щурить глазки каждый разъ, какъ хозяйка дома обращалась къ нему. Въ остальное время онъ не спускалъ глазъ съ Бондаревскаго, стараясь перенять каждую его позу, каждое движеніе; онъ вообще чувствовалъ себя очень неловко, несмотря на внутреннее восхищеніе, возбуждаемое въ немъ присутствіемъ княжны. Накатова терзали двѣ мысли: «Что можетъ быть глупѣе моей фамиліи... Накатовъ! думалъ онъ, косясь на пріятеля и улыбаясь княжнѣ:—хоть бы баронъ Накатовъ, все бы благозвучнѣе... вѣдь вотъ въ Германіи, говорятъ, продаютъ графства и баронства... чего бы, кажется, не далъ въ эту минуту за графа!.. да вотъ еще проклятый этотъ французскій языкъ... оно, конечно, съ моимъ состояніемъ, съ милліонами не бѣда... но все какъ-то неловко... по-русски рѣшительно не знаешь, что сказать дамѣ... какъ бы я пустился теперь съ княжною, еслибъ зналъ по-французски... ахъ, какъ мила! Боже, какъ мила и очаровательна! весь міръ можно отдать!..» присовокупилъ Накатовъ, украдкою бросая страстные взгляды на княжну, живописно сидѣвшую въ креслѣ.

— Скажите, Бондаревскій, вымолвила княгиня: —что дѣлается у насъ въ театрѣ?

— Черезъ двѣ недѣли идетъ новый балетъ... Ахъ, какая прелесть, княгиня!—я былъ случайно на репетиціи,—какія группы, декораціи—чудо!

— Какже это вы не сказали мнѣ прежде!.. я думаю

теперь невозможно достать бель-этажа: прошлаго года, я помню, за три недѣли мы едва добились.

Лицо Накатова просіяло.

— Княгиня... если вы позволите... я... я буду очень счастливъ... имѣю случай доставать билеты, проговорилъ онъ, поминутно прерываясь.

— Ахъ, merci, mr. Накатовъ, вы меня этимъ очень обяжете.

— О! княгиня, м... м... м... пробормоталъ Накатовъ, покачиваясь на своемъ стулѣ, какъ свая, подмываемая потокомъ.

— Mr. Бондаревскій, прервала княжна, подходя къ роялю: слышали вы новую оперу?.. я отъ нея въ восхищеньи... какъ оригинально! n'est ce pas?..

Она сѣла и начала играть финалъ второго дѣйствія «Графа Ори», безпрестанно сбиваясь и болтая съ Бондаревскимъ, который стоялъ наклонившись за спиною ея стула. Накатовъ также-было всталъ, но старуха удержала его подлѣ себя и начала съ нимъ разговоръ, не замѣчая взглядовъ, бросаемыхъ на нихъ дочерью и Бондаревскимъ. Минутъ черезъ двадцать, Бондаревскій подошелъ къ княгинѣ съ шляпою въ рукѣ; Накатовъ поспѣшно отыскалъ свою шляпу и сдѣлалъ то-же.

— Прощайте, княгиня, à ce soir! сказалъ Бондаревскій.

— Княгиня, мм... мм... пробормоталъ Накатовъ, прижимая руками шляпу и отвѣшивая низкій поклонъ сначала княгинѣ, потомъ дочери.

— Мы, вѣроятно, будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодня въ театрѣ, mr. Накатовъ? сказала старуха, слегка приподымаясь.

— Какъ-же, княгиня, мм... вы можете быть увѣрены, что...

— Итакъ, до свиданья! надѣюсь, что вы насъ не забудете...

— Помилуйте, княгиня... произнесъ Накатовъ, почтительно наклоняя голову и въ то же время косясь назадъ, чтобы не запутаться въ стульяхъ.

Тутъ онъ поклонился еще разъ дамамъ, и выгнувъ

молодецки спину, выворотивъ носки, послѣдовалъ за Бондаревскимъ.

Какъ только шаги ихъ умолкли на лѣстницѣ, княжна упала на кушетку и, закрывъ лицо платкомъ, залилась смѣхомъ. Княгиня посмотрѣла на нее съ видомъ явнаго неудовольствія и пожала плечами.

. . . . . .

— Бондаревскій! другъ мой! какъ мнѣ благодарить тебя? кричалъ Накатовъ, метаясь какъ угорѣлый въ каретѣ и не переставая обнимать пріятеля: — это не женщина, это... это ангелъ, божество!.. Да, другъ мой, я можетъ быть... подумай самъ... у меня огромное состояніе... что мнѣ съ нимъ дѣлать?.. Послушай, дружокъ, я хочу жениться...

— Э! ге, ге... вотъ оно что! смѣясь, возразилъ Бондаревскій.

— Душенька... да... и ты будешь тогда другомъ дома, просто таки, живи у меня... все твое!.. Какъ ты думаешь, пошла бы за меня княжна?

— Ну, братецъ, на это отвѣчать трудно; женщины капризны, а впрочемъ, отчего-жъ не пойдти... я пошелъ бы на ея мѣстѣ, отвѣчалъ Бондаревскій, кутая лицо воротникомъ.

— Я просто влюбленъ въ нее до безумія! произнесъ съ комическимъ жаромъ Накатовъ... Сегодня увижу ее въ театрѣ! Не будетъ билета... сто, триста, пятьсотъ рублей за билетъ! И мать, братецъ, то есть княгиня, отличная женщина... добрая, обходительная... А что, большое у нихъ состояніе?

— Нѣтъ, не очень, отвѣчалъ Бондаревскій.

— Тѣмъ лучше... Эхъ! еслибъ только она пошла за меня! все отдамъ ей: на, молъ, тебѣ, дѣлай, что хочешь! Стой! стой! закричалъ онъ, дергая за шнурокъ и указывая кучеру на подъѣздъ Дюссо,—стой тамъ! поговоримъ, душенька, объ этомъ за обѣдомъ... жаль только, что нельзя собрать пріятелей.

— Не безпокойся, они вѣрно будутъ тамъ и безъ сбора.

— Отлично... я имъ хочу сообщить свой восторгъ... о! Софи! что-то ты теперь дѣлаешь?

— Смотри, однакожъ, Накатовъ, будь осторожнѣе, замѣтилъ Бондаревскій: — ты разболтаешь и вдругъ ничего не будетъ... ты этимъ какъ разъ окомпрометируешь дѣвушку... и наконецъ меня... вѣдь я представилъ тебя въ домъ... сдѣлай милость, молчи лучше...

Накатовъ нахмурилъ брови и опустился на подушку на дно кареты. Карета остановилась у подъѣзда Дюссо.

XI.

Въ театрѣ.

Бѣлостоцкій, Лушкевичъ и Сережа дали себѣ какъ нарочно слово обѣдать въ этотъ день у Дюссо. Накатовъ былъ въ восхищеніи. Несмотря на предостереженія Бондаревскаго, онъ не утерпѣлъ однакожъ, чтобъ не сообщить каждому изъ нихъ порознь (и разумѣется по секрету) о своихъ планахъ и предположеніяхъ касательно княжны Зинзивѣевой; Бѣлостоцкому объявилъ онъ (отводя его въ другую сторону), что дѣло это уже почти рѣшено, и что со стороны княгини и княжны нѣтъ никакихъ препятствій; въ приливѣ искренности, онъ присовокупилъ къ тому, что надѣется видѣть его у себя другомъ дома, проситъ его распоряжаться всѣмъ и даже переѣхать къ нему жить. Затѣмъ онъ заказалъ блистательный обѣдъ. Пока готовили столъ, Накатовъ велѣлъ позвать человѣка и, вынувъ сто рублей, приказалъ ему немедленно ѣхать въ кассу Большого театра, разспросить, во-первыхъ, гдѣ должна была сидѣть княгиня Зинзивѣева, а во-вторыхъ, достать, во что бы то ни стало, противъ ея ложи бенуаръ. На возраженія человѣка, Накатовъ закрылъ уши указательными пальцами, затопалъ ногами и наконецъ нетерпѣливо махнулъ ему рукою на дверь. Человѣкъ вышелъ.

Къ концу обѣда посланный вернулся съ билетомъ, перекупленнымъ кассиромъ у какого-то знакомаго афериста.

— Что стоитъ? спросилъ Бондаревскій.

— Ну, вотъ еще вздоръ, mon cher, перебилъ Накатовъ.—Осталось что-нибудь? спросилъ онъ человѣка.

Тотъ протянулъ руку съ деньгами.

— Возьми себѣ! сказалъ Накатовъ.

Человѣкъ вздрогнулъ, открылъ ротъ, поклонился и вышелъ.

— Ну, господа, пора, безъ пяти минутъ семь часовъ, сказалъ Накатовъ:—ѣдемте!..

— Что съ тобою? забылъ развѣ, что до балета идетъ водевиль?..

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора... нужно еще кой-куда заѣхать, прощайте!.. пріѣзжай скорѣе, Бондаревскій... надѣюсь, господа, вы завернете ко мнѣ въ ложу?..

Проговоривъ все это какъ можно скорѣе, Накатовъ взялъ шляпу и сѣлъ въ карету, приказавъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе въ Большой театръ. Спектакль еще не начинался; съѣздъ, какъ это бываетъ обыкновенно къ семи часамъ, былъ въ полномъ своемъ разгарѣ; коридоры театра были залиты публикою, спѣшившею освободиться отъ шинелей, шубъ, давки, шума и тѣсноты. Накатовъ былъ очень радъ потискаться между дамами: это доставляло ему случай выставлять грудь, поворачиваться бочкомъ и произносить съ пріятной улыбкой, давая дорогу: — «Pardon, mesdames... pardon...и: посторонитесь, господа, дамы идутъ!..» Съ другой стороны, онъ былъ очень недоволенъ, что не послушался пріятелей и пріѣхалъ слишкомъ рано: подобно многимъ любителямъ театра, онъ держался обыкновенія входить въ залу во время самаго представленія, чтобы обращать на себя вниманіе публики, сидѣвшей въ ложахъ. Прежде всего кокетливо оправлялся онъ въ фойе или буфетѣ, потомъ укладывалъ руки на подобіе самоварныхъ ручекъ, выламывалъ спину, запрокидывалъ молодецки голову и наконецъ торжественно вступалъ въ залу, дѣлая gros-dos какъ котъ, у котораго щекотятъ за ушами. На этотъ разъ, однакожъ, Накатовъ не рѣшился дожидаться начала представленія и вошелъ въ кресла.

Верхніе ярусы ложъ и партеръ были уже почти полны,

въ бельэтажѣ, бенуарахъ и во второмъ ярусѣ показывались безпрестанно новыя группы дамъ, блистающихъ красотою или туалетомъ; за ними, въ темномъ углубленіи, сверкали стекла биноклей или выдвигались фигуры мужчинъ въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Ослѣпительный блескъ залы, роскошь туалетовъ, каменьевъ, перьевъ, обнаженныхъ плечъ и рукъ, покрытыхъ драгоцѣнными браслетами, говоръ, шопотъ, хлопанье дверей ложъ, звуки инструментовъ, которые настраиваютъ въ оркестрѣ, даже удушливая, раскаленная атмосфера залы,—все это производитъ какое-то страстно опьяняющее, одуряющее дѣйствіе, понятное и испытываемое одними лишь привычниками, фанатическими любителями театра.

Накатовъ остановился по серединѣ партера, съ помощью бинокля, взятаго у капельдинера, отыскалъ свой бенуаръ, потомъ мгновенно обернулся къ нему спиною и жадно обвелъ глазами бельэтажъ. Княгини Зинзивѣевой еще не было. Увѣрившись еще разъ, что не ошибается, онъ величественно опустилъ бинокль и, сдѣлавъ gros-dos, направился прямо къ первому ряду. Тутъ толпилось множество молодежи.

— А! Накатовъ, здравствуй! произнесъ красивый господинъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ, рисовавшійся подлѣ перилъ оркестра.

— Здравствуй, Берестовъ.

— Тебя что-то давно не видать въ театрѣ, сказалъ Берестовъ.

— Некогда, братецъ; я бы, признаться, и сегодня не пріѣхалъ, еслибъ... мм... м... пробормоталъ Накатовъ, направляя бинокль къ пустой ложѣ Зинзивѣевой.

— А! вотъ оно что! понимаю! возразилъ тотъ, обращаясь мгновенно въ ту сторону, куда смотрѣлъ пріятель.

— Нѣтъ, братецъ, ей-Богу, не то, что ты думаешь... я пріѣхалъ повидаться, для одного дѣла, съ княгиней Зинзивѣевой... произнесъ Накатовъ съ комическою важностью.

— Ба! давно ты съ нею знакомъ?

— Да... я съ нею... знакомъ...

Сказавъ это, Накатовъ приблизился къ толпѣ молодыхъ людей, слѣдившихъ съ изступленнымъ, жаднымъ любопытствомъ за всѣми движеніями занавѣси и переглядывавшихся съ литерною ложею налѣво, изъ которой выглядывало множество суетливыхъ головъ, не спускавшихъ также глазъ съ завѣтнаго угла занавѣси, гдѣ поминутно показывались: то бѣленькая, тоненькая ручка, то ловко выгнутая ножка, обутая атласнымъ башмачкомъ и обтянутая трико, то высовывалась хорошенькая головка, убранная цвѣтами, или сверкали быстрые, плутовскіе глазки. Каждый разъ, какъ это случалось, толпа внизу, точно также, какъ литерная ложа, приходила въ необыкновенное волненіе, всѣ бинокли обращались мгновенно въ ту сторону и, часто пальцы, державшіе бинокли, опускались книзу, или поднимались кверху наподобіе телеграфическихъ знаковъ, что̀ заставляло хорошенькую головку, показавшуюся въ углу, то прятаться за занавѣсъ, то высовываться еще болѣе; нерѣдко, когда восторгъ молодыхъ людей доходилъ до своего предѣла, на мѣстѣ хорошенькой головки показывалось вдругъ круглое, опухшее лицо, съ густыми бакенбардами и крупнымъ носомъ, — обстоятельство, которое тотчасъ же перемѣняло ихъ радость въ негодованіе, и особенно сердившее одного господина, высокаго роста, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, золотыхъ очкахъ и гладко обстриженнаго, который, казалось, былъ старостою господъ «театраловъ».

— Господа, сказалъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, обращаясь къ толпѣ и указывая на Накатова:—вотъ еще одинъ. Накатовъ, пожалуйста, шикайте какъ можно больше Ласточкиной... будете шикать?..

— О! князь, съ величайшимъ удовольствіемъ... вы знаете, я всегда радъ...

— Et demain, venez diner chez moi... сказалъ князь.

— Извольте, извольте?..

Въ то время, какъ происходило все это, Берестовъ обошелъ вторую половину перваго ряда, гдѣ находилось также много знакомыхъ Накатова, и каждому изъ нихъ пошепталъ что-то на ухо. Вскорѣ цѣлая толпа окружила Накатова, пользовавшагося каждымъ взглядомъ, обращен-

нымъ на него, чтобы направлять бинокль на ложу княгини Зинзивѣевой.

— «Кого это ты поджидаешь, Накатовъ?» — «Что ты все туда смотришь?» — «Что такое, братецъ?» — «О, злодѣй! вѣрно какая-нибудь интрига!..» посыпалось со всѣхъ сторонъ. На всѣ эти вопросы Накатовъ отвѣчалъ, принявъ сначала разсѣянный и безпечный видъ: — «Нѣтъ, братецъ... тутъ должна быть сегодня княгиня Зинзивѣева... мнѣ нужно ее видѣть... нужно ей сообщить кое-что...»

Наконецъ за занавѣсью послышался звонокъ; два сухіе удара палочки раздались на пульпитрѣ капельмейстера, оркестръ грянулъ увертюру, и публика заколыхалась, спѣша убраться по своимъ мѣстамъ. Въ коридорѣ Накатовъ встрѣтилъ Бондаревскаго и остальную компанію, которая увлекла его, какъ онъ ни отбивался, въ литерную ложу къ «театраламъ». Такъ-какъ въ этой ложѣ происходили рѣшительно тѣ же продѣлки, та же «стрѣльба» (выраженіе, означающее на нарѣчіи театраловъ смотрѣнье въ завѣтный уголъ, или изъ завѣтнаго угла на нихъ), что и въ первомъ ряду, — упоминать о нихъ было бы совершенно лишнее. Накатовъ просидѣлъ тутъ всю русскую пьесу, и только когда раздалась увертюра передъ балетомъ, спустился внизъ и усѣлся съ Лушкевичемъ и Бондаревскимъ въ бенуаръ.

Балетъ начался; залпы рукоплесканій и браво! огласили залу. Накатовъ ни на что не обращалъ вниманія и разъ только, взглянувъ случайно, на господина съ золотыми очками, который яростно хлопалъ и неистово шикалъ въ одно и то же время, — принялся ему вторить. Онъ не спускалъ бинокля съ пустой ложи, не взирая на увѣщанія Бондаревскаго, увѣрявшаго, что онъ такимъ образомъ скоро обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Вдругъ Накатовъ побагровѣлъ и вздрогнулъ: княгиня Зинзивѣева и дочка ея показались прямо противъ него въ бельэтажѣ.

— Помилуй, братецъ, перестань, что ты дѣлаешь?.. говорилъ Бондаревскій, поспѣшно уходя въ глубину бенуара и дергая Накатова, который высовывался впередъ, стараясь всячески обратить на себя вниманіе княгини, чтобы ей поклониться.

Накатовъ откинулся на спинку креселъ, раздулъ щеки, вздрагивавшія отъ удовольствія, и принялся разсѣянно глядѣть на сцену.

— Послушайте, Накатовъ... я однакожъ выйду... мнѣ нужно зайти въ одну ложу... сказалъ Бондаревскій, видя что увѣщанія его дѣйствуютъ на слишкомъ короткое время.

— Ну, вотъ! я это зналъ!.. ничего не хочешь для меня сдѣлать... ради Бога останься.

— Нѣтъ, нельзя: я приду.

Накатовъ взглянулъ снова на княжну и, наклонившись внезапно къ уху Лушкевича, началъ повѣрять тайну, сообщенную Бѣлостоцкому у Дюссо, то-есть, что уже свадьба почти рѣшена и нѣтъ никакихъ препятствій со стороны родственниковъ невѣсты. Первое дѣйствіе приближалось къ концу, когда вернулся Бондаревскій.

— Ну, вотъ, Накатовъ, направилъ ты свой бинокль на одну точку, да ужъ больше ничего и не видишь, сказалъ онъ, стараясь отвлечь его вниманіе въ другую сторону;—ты бы лучше поглядѣлъ хоть разъ направо...

— А что такое? что?..

— Да то, что Клара Петровна не спускаетъ съ тебя глазъ во все время спектакля.

— Гдѣ?.. какъ!.. ахъ, ахъ! вотъ она...

— Ей-Богу, не спускаетъ глазъ, продолжалъ Бондаревскій, кусая губы:—посмотри самъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ Лушкевичъ.

Накатовъ покачнулся на стулѣ, взялъ руки обоихъ пріятелей, закрылъ глаза и произнесъ нѣжнымъ голосомъ:

— Merci, merci...

— Да за что-жъ ты благодаришь?

— Нѣтъ, братецъ, я вѣдь такъ только... ахъ, какая прелестная женщина!.. Кто съ нею сидитъ?.. ба! да это Пальмира! вотъ прекрасно! старая знакомая...

— Да, онѣ недавно подружились.

— Очаровательная женщина! прелесть! ну, просто аристократка... но, нѣтъ, нѣтъ, господа! посмотрите однакожъ, все есть что-то такое!.. взгляните, Бондаревскій, на княжну; а? какова? вѣдь просто ангелъ!.. Послушай,

душенька, прибавилъ онъ, наклонившись къ уху Бондаревскаго:—я думаю, ничего, если въ антрактѣ заверну къ княгинѣ въ ложу... я думаю, этого даже требуетъ учтивость!..

— Разумѣется: ты съ ними знакомъ...

— Merci, merci!..

Кончилось первое дѣйствіе; публика ринулась изъ залы. Накатовъ и его пріятели вышли изъ бенуара; первый поднялся по лѣстницѣ и направился нерѣшительно по коридору бель-этажа.

— Ты знакомъ съ княгиней Зинзивѣевой? хочешь, зайдемъ къ нимъ въ ложу... говорилъ онъ каждому попадавшемуся на встрѣчу пріятелю.

Но такъ какъ никто изъ пріятелей не изъявилъ особеннаго желанія, Накатовъ вскорѣ очутился одинъ передъ ложей. Но тутъ овладѣла имъ вдругъ такая неловкость, что онъ вѣроятно вернулся бы назадъ, еслибъ не встрѣтилъ Берестова.

— Куда ты? къ княгинѣ Зинзивѣевой? спросилъ Берестовъ.

Вопросъ этотъ заставилъ Накатова войти въ ложу. Княгиня Зинзивѣева приняла его довольно привѣтливо, княжна ласково кивнула ему головою. Несмотря на это, неловкость и смущеніе Накатова нимало не уменьшились; несмотря на всѣ усилія казаться развязнымъ, онъ чувствовалъ, что находится въ положеніи человѣка, провалившагося сквозь потолокъ и попавшаго посреди совершенно чуждыхъ ему людей. Къ счастью, увертюра, раздавшаяся почти въ тоже время, выручила его изъ пытки. Онъ поспѣшно раскланялся съ дамами и вышелъ изъ ложи; въ коридорѣ попался ему Бондаревскій.

— Куда же ты дѣвался, Накатовъ? я ищу тебя по всему театру...

— А я, братецъ, былъ у княгини Зинзивѣевой, громко, во всеуслышаніе, произнесъ Накатовъ.

— А! ну, а я вотъ зачѣмъ искалъ тебя: Клара Петровна непремѣнно желаетъ съ тобою познакомиться и просила меня представить тебя...

– Не можетъ быть! что ты?.. пойдемъ, пойдемъ, я

очень радъ... очаровательная женщина!.. пойдемъ къ ней въ ложу...

— Пожалуй... но я бы тебѣ не совѣтовалъ...

— Отчего?

— А княгиня Зинзивѣева?..

— Такъ что-жъ?

— Еслибъ ты не былъ сейчасъ въ ея ложѣ, другое дѣло; но теперь, согласись, какъ-то неловко... княгиня можетъ тебя увидѣть въ ложѣ Клары Петровны... ее всѣ знаютъ...

— Правда; ну, такъ когда же? нетерпѣливо спросилъ Накатовъ.

— Откладывать незачѣмъ; сегодня же, тотчасъ послѣ театра, прямо поѣдемъ къ ней чай пить; она такъ впрочемъ и просила...

Накатовъ чуть не бросился на шею Бондаревскому; во все продолженіе второго дѣйствія онъ не переставалъ глядѣть то на Клару Петровну, то на княжну. Клара Петровна начинала уже сильно занимать нашего героя. Какъ только кончился спектакль, Накатовъ бросился въ коридоръ, надѣлъ шубу, шляпу и расположился у самой двери. Сильно забилось сердце его, когда онъ увидѣлъ Клару Петровну и Пальмиру, спускавшихся по лѣстницѣ; онъ кинулся-было очищать имъ дорогу.

— Pardon, monsieur... раздалось позади его. Накатовъ обернулся и обомлѣлъ: рядомъ съ нимъ стояли княжна Зинзивѣева и ея матушка, поддерживаемая гайдукомъ.

— Господа, мѣсто, пожалуйста, пропустите дамъ, сказалъ Накатовъ, отслоняя спиною толпу.

— Merci, mr., merci, вотъ нашъ человѣкъ, сказала княжна, подходя къ другому гайдуку, который тотчасъ же нагнулся къ ея ногамъ съ бархатными ботинками, опушенными горностаемъ. Княжна протянула узенькую свою ножку и, откинувъ локоны, обратилась къ матери, стоявшей уже въ шубѣ. Накатовъ взглянулъ на ножку княжны и обмеръ, все разомъ помутилось въ глазахъ его; онъ мысленно цѣловалъ эту ножку и минуту цѣлую простоялъ въ какомъ-то опьяненіи; когда онъ поднялъ

голову, княжны уже не было; передъ нимъ стоялъ Бондаревскій.

Минуту спустя, оба ѣхали къ Кларѣ Петровнѣ.

— Съ кѣмъ теперь Клара Петровна? спросилъ Накатовъ, подымаясь по парадной лѣстницѣ гостинницы Кулона.

— Ни съ кѣмъ, отвѣчалъ Бондаревскій. — Еслибъ было иначе, она вѣрно не жила бы у Кулона... Она, нечего сказать, теперь въ довольно плохихъ обстоятельствахъ; жаль: женщина отличная... я ее чрезвычайно люблю...

— Что говорить, что говорить, чудная женщина! такихъ женщинъ мало въ Петербургѣ... скажи, пожалуйста, она, вѣдь, кажется, говоритъ по-французски?..

— Какъ же, и очень порядочно...

— Э! произнесъ Накатовъ, замедляя шагъ: — послушай, сдѣлай мнѣ дружбу...

— Что такое?

— Говори съ ней по-русски...

— Хорошо, хорошо...

Накатовъ вошелъ въ переднюю Клары Петровны гораздо свободнѣе, чѣмъ можно было ожидать; мысль, что хозяйка дома въ плохихъ обстоятельствахъ придала ему тотчасъ же бодрость. Кругленькая, свѣженькая горничная сняла съ нихъ шубы. Услыша въ слѣдующей комнатѣ женскій говоръ и хохотъ, тотъ хохотъ, нѣсколько натянутый, усиленный, которымъ хозяева даютъ обыкновенно чувствовать гостямъ, что появленіе ихъ вовсе имъ не въ диковинку, Накатовъ нѣсколько смутился; но это было только на минуту: онъ тотчасъ же оправился и поспѣшилъ за Бондаревскимъ, который стоялъ уже въ дверяхъ.

Они вошли въ просторную, отлично-убранную комнату; Клара Петровна взяла лучшій нумеръ у Кулона съ условіемъ перенести туда свою мебель. Подлѣ высокаго камина, обитаго малиновымъ трипомъ, за круглымъ столомъ, на мягкой шелковой кушеткѣ, полу-лежала Клара Петровна; она держала между тоненькими, прозрачными своими пальцами крошечную японскую чашечку съ чаемъ; подлѣ нея, въ фіолетовыхъ бархатныхъ

креслахъ, обитыхъ бронзовыми гвоздями, сидѣла Пальмира; положивъ узенькую ножку свою, обутую щегольской ботинкой, на кушетку, она также держала въ одной рукѣ чайную чашку, въ другой папироску. Фарфоровая карсельская лампа, покрытая бѣлымъ колпакомъ, разливала тонкій прозрачный свѣтъ на лица обѣихъ женщинъ. Яркій, ослѣпительный блескъ падалъ только на столъ, заставленный дорогими бездѣлушками, папиросками и модными картинками.

Клара Петровна была прелестная женщина,—съ этимъ рѣшительно соглашался весь Петербургъ. Высокаго роста, она соединяла въ себѣ всѣ прелести рослыхъ женщинъ, не имѣя ни одного изъ ихъ недостатковъ; недостатки рослыхъ женщинъ извѣстны: излишняя худощавость и слѣдовательно сухость и шероховатость кожи, слишкомъ явная толщина и дородность, или, что всего хуже, большія руки и ноги. Талія Клары Петровны, умѣщавшаяся очень свободно между большимъ и указательнымъ пальцами, казалось выточенною изъ закаленной дамаской стали; несмотря на это, позади круглыхъ, бархатныхъ плечъ ея виднѣлись двѣ соблазнительныя родимыя ямочки: спину свою, бѣлую и чистую какъ сливки, держала она чуть-чуть согнувши, что придавало ей, по словамъ знатоковъ, въ то время, какъ она ходила или танцовала, что-то невыразимо-завлекающее; шея ея, нѣсколько выгнутая, сквозившая какъ алебастръ, была верхъ совершенства; лицомъ была она не красавица, но, если можно только такъ выразиться, Клара Петровна была лучше всякой красавицы. У красавицъ чаще всего нѣтъ физіономіи; лица ихъ мертвы, какъ миніатюрные портреты, правильно-холодны и большею частью не симпатичны; наружность ея, начиная съ блѣдно-голубыхъ глазъ, окаймленныхъ темнымъ ободкомъ и кокетливо щурившихся, и кончая тоненькими, прозрачными, подвижными ноздрями, дышала въ высшей степени жизнью и чувственностью. Когда она смѣялась, трудно было сыскать что-нибудь привлекательнѣе, миловиднѣе ея кругленькаго личика; она какъ-то особенно граціозно умѣла тогда поворачивать своею шейкой, которой, казалось, уже не въ

мочь было поддерживать шелковыя пряди сухихъ бѣлокурыхъ волосъ, гладко подобранныхъ на головѣ и закругленныхъ пышнымъ, душистымъ пучкомъ на макушкѣ. Ножка и ручка ея были историческія, кромѣ того, что онѣ на самомъ дѣлѣ послужили поводомъ многимъ исторіямъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ, но были рѣшительно выставляемы всѣми, какъ образчикъ красоты. Правда, искусство обуваться, носить перчатки и вообще одѣваться, со вкусомъ, данное ей въ совершенствѣ отъ природы, не мало способствовало ея славѣ и извѣстности.

Клара Петровна успѣла уже переодѣться послѣ театра и приняла нашихъ гостей въ темно-фіолетовомъ распашномъ капотѣ, обшитомъ такими же шнурками; прическа осталась та же; красный натуральный цвѣтокъ, нѣсколько поблекшій, живописно мѣшался въ ея пепельныхъ, нѣсколько взбившихся волосахъ; кружевной воротникъ, окружавшій ея шею, упадалъ волнистыми складками на плечи и заманчиво сквозилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась грудь. Увидя гостей, Клара Петровна привстала съ дивана и съ радостнымъ видомъ пошла къ нимъ на встрѣчу. Пальмира не тронулась съ мѣста, ожидая, вѣроятно, чтобы гости подошли къ ней.

— А! Бондаревскій! здравствуйте, mon cher ami! привѣтливо сказала Клара Петровна, подавая ему руку. Тутъ съузила она свои глазки и граціозно поклонилась Накатову.

— М-г Накатовъ, очень рада видѣть васъ у себя.

Она протянула ему руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.

— Влюбленъ въ васъ по-уши, шепнулъ ей въ это время Бондаревскій, подмигивая на пріятеля.

Клара Петровна сдѣлала видъ, какъ будто не слышала этого.

— Еслибъ вы знали, Клара Петровна, началъ Накатовъ: — какъ я давно искалъ случая... быть вамъ представленнымъ... но вотъ все эти господа виноваты... потомъ я уѣхалъ въ деревню...

Въ это время Бондаревскій успѣлъ раскланяться и подсѣсть къ Пальмирѣ, съ которою онъ былъ уже хорошо

знакомъ, ибо въ продолженіе трехъ недѣль, какъ она сдружилась съ Кларой Петровной, онъ встрѣчалъ ее почти каждый день у петербургской лоретки. Выслушавъ довольно нетерпѣливо тираду Накатова, Клара Петровна представила его Пальмирѣ.

— Oh! mais nous nous connaissons déjà! воскликнула та, поспѣшно подавая ему руку.

Накатовъ поцѣловалъ руку Пальмиры.

— M-r Накатовъ сядьте сюда, подлѣ меня, сказала Клара Петровна, бросая недовольные взгляды Бондаревскому, который продолжалъ шептаться съ хорошенькой француженкой.—Вотъ вамъ папиросы, m-r Накатовъ, но, можетъ-быть, вы курите сигары?—вотъ сигары... господа, васъ ждетъ чай... Бондаревскій, перестанете ли вы шептаться, — это неучтиво... продолжала она, устремляя на него бойкіе взгляды и усаживая подлѣ себя Накатова.

Клара Петровна, нужно замѣтить, имѣла маленькую слабость, свойственную впрочемъ почти всѣмъ женщинамъ: она, во что бы ни стало, хотѣла первенствовать въ томъ обществѣ, которому принадлежала; она рѣшительно ссорилась или, по крайней мѣрѣ, глядѣла косо на тѣхъ молодыхъ людей, которые осмѣливались въ ея присутствіи ухаживать за другими; даже у себя дома, когда давала она вечера, никому не позволялось оказывать столько предпочтенія, сколько хозяйкѣ дома. И то сказать надо, Клара Петровна давала вечера не для того, чтобъ веселить своихъ пріятельницъ, она мало объ этомъ заботилась: главная роль вечеровъ заключалась въ томъ, чтобы показываться передъ ними во всемъ своемъ величіи, давить ихъ на каждомъ шагу своимъ блескомъ, вкусомъ и великолѣпіемъ. Пріятельницамъ, разумѣется, это не нравилось; и вотъ почему не было бала, гдѣ бы не происходило маленькихъ ядовитыхъ сценъ между хозяйкою дома и тою или другою гостьей,—сценъ, вслѣдствіе которыхъ пріятельницы дѣлались заклятыми врагами, переставали ѣздить другъ къ другу и смѣнялись новыми.

Бондаревскій продолжалъ любезничать съ Пальмирой; Клара Петровна, задѣтая за-живое, продолжала ухаживать за Накатовымъ; это обстоятельство распоясало, какъ

говорится, окончательно нашего героя; поддерживаемый хозяйкою дома, онъ хохоталъ, расказывалъ глупые анекдоты, былъ любезенъ, развязенъ, такъ что даже удивилъ Бондаревскаго. Съ нимъ случилось то же, что случается съ посредственными актерами, когда, по какому-нибудь особенному приливу счастья, публика начинаетъ имъ хлопать: они играютъ тогда отлично. Впрочемъ для этого Клара Петровна пустила въ ходъ все свое кокетство, которое постепенно усиливалось, по мѣрѣ того, какъ Бондаревскій продолжалъ любезничать съ Пальмирой. Наконецъ Бондаревскій подсѣлъ къ хозяйкѣ дома, и разговоръ сдѣлался общимъ; но это не могло долго продолжаться; Клара Петровна уже раскусила Накатова; она поняла, что не нужно было много труда, чтобы держать его постоянно на привязи, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которымъ довольно позволить поцѣловать кончикъ пальчика, чтобы вскружить имъ голову и заставить разорваться на-двое. На этомъ основаніи, она положила на столъ локоть, повертѣла обнаженною рукой нѣсколько разъ передъ Накатовымъ и мало-по-малу занялась Бондаревскимъ. Клара Петровна не ошиблась. Не смотря на всѣ старанія Пальмиры, усѣвшейся подлѣ Накатова и безпрерывно нашептывавшей ему что-то на ухо, онъ не отрывалъ тоскливо-страстныхъ взглядовъ отъ чудной руки, вертѣвшейся передъ его глазами, и только когда всѣ встали и пошли къ роялю, онъ въ первый разъ обратилъ полное вниманіе на француженку.

— Накатовъ, полноте вамъ шептаться съ m-lle Пальмирой. Я уже сказала Бондаревскому, что это не совсѣмъ учтиво, произнесла Клара Петровна, перебирая ноты.— Накатовъ, вы любите музыку?..

— Ахъ, страстно, Клара Петровна, особенно если вы будете играть... я... я...

— Клара Петровна, сыграйте-ка болеро изъ «Пахиты», вымолвилъ Бондаревскій, покачивая ее слегка на стулѣ.

— То, которому выучилъ меня Черницкій?.. Ахъ, кстати,—скажите, пожалуйста, господа, куда онъ дѣвался? я его нигдѣ не вижу, спросила Клара Петровна, быстро оборачиваясь къ обоимъ мужчинамъ.

— У него большое несчастье... опять жена... подарила его на-дняхъ новымъ наслѣдникомъ, смѣясь, отвѣчалъ Бондаревскій.

Клара Петровна залилась громкимъ, дребезжащимъ хохотомъ и громко ударила по клавишамъ.

— Восхитительно! божественно! ахъ, Клара Петровна! чудо! тамъ-тара-рамъ, тамъ-тара... жоли! комъ се жоли! повторялъ Накатовъ, припадая поминутно къ рукѣ Пальмиры:—прелесть, Клара Петровна! чудо! тамъ-тара-рамъ!.. Охъ, братецъ, что это за женщина, продолжалъ онъ, дергая Бондаревскаго и произнося такъ громко слова, чтобы часть ихъ доходила до Клары Петровны;—я влюбленъ до безумія, рѣшительно это первая женщина въ Петербургѣ... я въ восторгѣ, въ упоеньи!..

Накатовъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ на этотъ разъ правду: онъ находился въ томъ сладостномъ опьяненіи, какое невольно овладѣваетъ каждымъ молодымъ человѣкомъ, попавшимъ впервые въ жаркую, распаленную атмосферу, окружающую нашихъ модныхъ красавицъ. Къ тому же въ этотъ день привелось ему однимъ залпомъ испить больше наслажденій, чѣмъ во всю жизнь; утро, проведенное за щегольскимъ туалетомъ, посреди блистательнаго отеля и прислуги, княгиня Зинзивѣева, ея дочка, надежды; тамъ тонкій обѣдъ и вина; затѣмъ обворожительный балетъ, музыка, аристократическая ложа, послѣ этого вечеръ, проведенный между двумя хорошенькими женщинами,—женщинами, о которыхъ говорилъ цѣлый городъ, за которыми ухаживала почти вся молодежь; и эти-то недосягаемыя красавицы, о которыхъ онъ прежде помышлялъ съ трепетомъ, заискивали сами его знакомства, украдкою подавали ему руку... Нужна большая привычка къ такой жизни, нужно вести ее каждый день, чтобы остатьоя ровнымъ и не потерять голову.

— Ну, что, Накатовъ, какъ тебѣ понравилась Клара Петровна? спросилъ Бондаревскій, когда они усѣлись въ карету.

— Другъ мой! воскликнулъ тотъ, яростно пожимая ему руки:— я ужъ и не знаю, какъ благодарить тебя!..

очаровательная женщина!.. я просто съ ума сошелъ! какъ, бишь, это она играла: трамъ-тамъ, тамъ...

Бондаревскій, смѣясь, пропѣлъ ему болеро.

— Ахъ, да, да: трамъ-тара-рамъ... а знаешь ли, душа моя... что я скажу тебѣ по секрету, эта маленькая Пальмира... гм! гм! просто-таки вѣшается мнѣ на шею; представь, братецъ, назначила мнѣ завтра свиданіе у себя... Я непремѣнно пойду... отчего-жъ не пойти,—не правда-ли? а? а вѣдь она миленькая... ну, разумѣется, не Клара Петровна! Клара Петровна—это, это... ты только ради Бога не разсказывай мои похожденія у Пальмиры... ахъ да, какъ бишь это, я все забываю трамъ-тамъ, трамъ?

Бондаревскій повторилъ ему снова мотивъ.

— Ну, а что же Накатовъ, княжна Зинзивѣева? спросилъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха: прошла любовь? вѣдь не далѣе какъ часа четыре тому назадъ ты готовъ былъ жертвовать для нея всѣмъ состояніемъ, хотѣлъ уже жениться... и чуть не выпрыгнулъ изъ ложи, когда ее увидѣлъ...

— Ахъ, братецъ, вотъ ты всегда такой, переминаясь, отвѣчалъ Накатовъ: ты никакъ не хочешь раздѣлить двѣ вещи... Это... это совсѣмъ другая статья; съ одной стороны общество, разныя условія, согласныя, какъ самъ же ты говорилъ, съ моимъ положеніемъ и богатствомъ (съ нѣкоторыхъ поръ Накатовъ пересталъ вовсе говорить «состояніе») съ другой — наслажденіе, жизнь, удовольствіе!.. О! погоди, воскликнулъ онъ, какъ бы внезапно вдохновляясь: — погоди! я закачу балъ для Клары Петровны,—балъ на славу! объ этомъ балѣ будутъ говорить въ цѣломъ Петербургѣ; за это ужъ я тебѣ ручаюсь!..

Накатовъ довезъ Бондаревскаго до дому, распрощался съ нимъ и поѣхалъ къ себѣ, не переставая напѣвать вкривь и вкось болеро, игранный Кларой Петровной.

— Ахъ, какая женщина! какая женщина! трамъ,— тарарамъ-тамъ... твердилъ онъ, подымаясь на лѣстницу:— ну, что еслибъ... а впрочемъ что-жъ мудренаго? трамъ, тара-рамъ, та... та... Эй! скорѣй свѣчей въ кабинетъ!..

Накатовъ бросился къ столу, взялъ бумагу, перо и, къ величайшему изумленію мажордома, глядѣвшаго изъ-за

плеча барина на бумагу, написалъ слѣдующее: «трамъ, тара-рамъ, трамъ-тамъ, тамъ...» и т. д.

— Слава Богу, вспомнилъ! сказалъ Накатовъ, бросая перо:—завтра встану, прочту и буду отлично знать болеро изъ «Пахиты», которое она такъ очаровательно сыграла... Эк... чудная женщина!..

И Накатовъ легъ въ постель, перебирая въ головѣ всѣ происшествія дня и безпрерывно напѣвая въ какомъ-то изступленномъ восторгѣ болеро изъ «Пахиты».

XII.

Клара Петровна.

— Вставай, Накатовъ! вставай! скоро часъ, говорилъ Бѣлостоцкій, дергая его за руку:—я пріѣхалъ везти тебя на бѣгъ... Мой орловскій рысакъ перескакивается сегодня съ рысакомъ Завольскаго.

— А! Бѣлостоцкій! ммм... здравствуй... неужто часъ?.. Ахъ, братецъ, какой вечеръ провелъ я вчера,— чудо! я былъ съ Бондаревскимъ у Клары Петровны... что за восхитительная женщина! всю ночь во снѣ грезилась...

— Хорошо, хорошо, ты мнѣ разскажешь это послѣ: одѣвайся поскорѣе...

Бѣлостоцкій направился къ двери, но, проходя мимо стола, остановился, нагнулъ голову и вдругъ залился смѣхомъ.

— Что такое? что съ тобою?.. спросилъ Накатовъ, вскакивая съ постели.

— О... охъ! охъ!.. скажи на милость, что значатъ эти гіероглифы? спросилъ тотъ, указывая на бумажку, гдѣ были нацарапаны рукою Накатова: трамъ-тара-тамъ... и т. д.

— Ахъ, братецъ, оставь это; тутъ записано болеро которое Клара Петровна играла вчера на фортепьяно.

— И ты думаешь запомнить его по этимъ новымъ нотамъ? ха! ха! ха!.. чудесно! ну-ка, ну-ка, какой-же болеро.

— Трамъ-тара... началъ Накатовъ и остановился въ недоумѣніи; болеро рѣшительно вышелъ изъ его памяти.— Странно, сказалъ онъ;—я вчера нарочно написалъ его... Ахъ, братецъ, какая женщина тамъ была! также наша Пальмира... ну, душа моя, эта просто-таки вѣшается мнѣ на шею... назначила мнѣ сегодня свиданіе! пожалуйста, только не говори никому... Который часъ?..

— Скоро половина второго.

— Ахъ, Боже мой! рандеву ровно въ два часа... Эй! одѣваться!..

— Такъ, стало-быть, ты не ѣдешь со мною на бѣгъ?

— Нѣтъ, душа моя, видишь, никакъ нельзя... я не то чтобы слишкомъ дорожилъ такими побѣдами, но, согласитесь, не поѣхать къ ней какъ-то...

— Въ такомъ случаѣ, прощай; если rendez-vous,—и говорить нечего, причина законная.

— Да куда-жъ ты? еще рано. Бѣгъ когда кончается?

— Въ четыре.

— Я подъѣду къ тому времени.

— На это надежда плохая, если только Пальмира назначила тебѣ свиданіе.

— Хочешь пари?

— Изволь, только не на то, явишься ли ты на бѣгъ, или нѣтъ. Будемъ держать попросту, чья лошадь опередитъ; я держу за своего рысака.

— А я за Завольскаго! разсѣянно отвѣчалъ Накатовъ.

— Сколько? Пятьсотъ рублей.

— Хорошо! сказалъ Накатовъ, ударяя въ руку Бѣлостоцкаго.—Да куда жъ ты? позавтракай у меня...

— Нѣтъ, спасибо, я уже завтракалъ; прощай!..

Накатовъ принялся по своему обыкновенію упрашивать пріятеля, но Бѣлостоцкій настоялъ на своемъ и уѣхалъ, пожелавъ ему всякаго счастья. Какъ ни мало дорожилъ Накатовъ свиданіемъ съ Пальмирой, однакожъ взбудоражилъ весь домъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ. За нѣсколько минутъ до назначеннаго часа, карета его остановилась передъ Пассажемъ. Первый человѣкъ, попавшійся ему на встрѣчу, былъ Гвоздиковъ.

— А! здравствуйте! сказалъ Накатовъ нѣжно-покро-

вительственнымъ тономъ: — что это васъ давно не было видно?.. вы знаете, какъ я васъ люблю, какъ радъ васъ всегда видѣть... гдѣ вы пропадали?

— Со мной случилось большое несчастіе, mr. Накатовъ, отвѣчалъ тотъ, корчась и колыхаясь:—я чуть было не ослѣпъ; золотуха кинулась въ глаза...

Не дослушавъ Гвоздикова, Накатовъ оглянулся сначала вокругъ, потомъ взялъ его подъ руку и, отведя подъ колонну, сказалъ шутливо:

— Помните ли вы это мѣсто?

— Какже-съ, отвѣчалъ тотъ съ недоумѣвающей физіономіей.

— Ну, а на повѣрку-то вышло такъ, какъ я вамъ говорилъ здѣсь, мѣсяцъ тому назадъ: мнѣ придется помирить васъ съ Пальмирой...

— Что вы?

— Да ужъ такъ, если я говорю, смѣясь, сказалъ Накатовъ.—Тутъ наклонился онъ къ уху Гвоздикова и прибавилъ таинственно:—она назначила мнѣ свиданіе сегодня въ два часа... шт... ни слова только никому: это секретъ...

— Помилуйте, какъ можно... клянусь вамъ, mr. Накатовъ.

— Хорошо, хорошо... подождите-же меня здѣсь, я скоро вернусь назадъ... у меня, батюшка, дѣла эти живо обдѣлываются...

Сказавъ это, Накатовъ значительно пожалъ руку Гвоздикову и, выгнувъ спину, выставивъ грудь, торжественно направился къ магазину. Терзаемый любопытствомъ, Гвоздиковъ не остался однакожъ на своемъ посту; онъ потихоньку подобрался къ стеклянным окнамъ магазина и, дѣлая видъ, какъ-бы прогуливается мимо, бросалъ туда поминутно жадные взгляды. Но сколько ни старался юноша съ изумрудными зубами, сколько ни нагибался, ни подглядывалъ и ни протиралъ своего стеклышка, ничего ровно не могъ видѣть. Окна магазина, какъ нарочно на этотъ разъ, были завѣшаны непроницаемыми рядами блондъ, чепцовъ и шемизетокъ. Такимъ образомъ прошло добрыхъ четверть часа; нако-

нецъ дверь магазина отворилась и появился Накатовъ; сіяющее лицо его напоминало какъ нельзя лучше Бахусовъ и Силеновъ, которыхъ такъ любилъ изображать Рубенсъ. Гвоздиковъ кинулся къ нему навстрѣчу, но Накатовъ, увидя вдалекѣ Черницкаго, придержалъ его рукою. «Сейчасъ, погодите, душа моя... мнѣ нужно сказать, два слова Черницкому»... Вымолвивъ это, онъ подошелъ къ Черницкому, который издалека кивалъ Гвоздикову головою, взялъ его подъ руку и пошелъ по Пассажу.

— Сдѣлай милость, братецъ, сказалъ Черницкій, оглядываясь назадъ:—пойдемъ отсюда; я, признаться сказать, смерть не люблю встрѣчаться съ этою дрянью Гвоздиковымъ, привяжется, и тогда ужъ никакъ не отстанетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ужасная дрянь! вымолвилъ Накатовъ:—я и самъ не знаю, какъ отъ него отдѣлаться... пойдемъ на Невскій... Знаешь ли, Черницкій, прибавилъ онъ, улыбаясь:—откуда я теперь?.. ну, какъ ты думаешь?

— Право, не знаю.

Тутъ Накатовъ подхватилъ еще крѣпче Черницкаго подъ руку и разсказалъ ему свиданіе съ Пальмирой. Они вышли на Невскій; было уже три часа, народу гуляло множество.

— Видишь ли ты эту барыню въ голубой шляпкѣ и бархатной шубѣ, впереди насъ? спросилъ Черницкій.

— Вижу, а что?

— Хочешь держать пари, что она хороша собою, даже очень хороша?..

— Пожалуй, разсѣянно сказалъ Накатовъ:—я держу пари, что она ни то, ни се, такъ-себѣ...

— Сколько?

— Все равно, что хочешь, небрежно отвѣчалъ Накатовъ.

— Сто рублей серебромъ... нетерпѣливо произнесъ Черницкій.

— Изволь.

Они принялись обгонять даму. Въ эту самую минуту дама обернулась: каково же было удивленіе Накатова. когда онъ увидѣлъ Клару Петровну.

— Ради Бога, не сказывай ей о нашемъ пари, шепнулъ онъ, дергая пріятеля за руку.

— Ты, однакожъ, долженъ мнѣ сто рублей?

— Разумѣется!

Оба подошли къ Кларѣ Петровнѣ.

— Ахъ, господа, какъ я рада, что встрѣтила васъ, сказала она, привѣтливо кивая имъ головою;—у меня сегодня маленькій вечеръ: я рѣшительно не знала, гдѣ васъ отыскать... Надѣюсь, вы не забудете пріѣхать, mr. Накатовъ? въ Черницкомъ я увѣрена... А! да вотъ и остальные ваши пріятели идутъ къ намъ навстрѣчу... какъ это кстати!..

Пока Черницкій и Накатовъ раскланивались, Лушкевичъ, Сережа, Бѣльскій и Бондаревскій загородили имъ дорогу и подошли къ Кларѣ Петровнѣ.

— Я долженъ тебѣ сказать, Накатовъ, что ты проигралъ пари, произнесъ Бѣлостоцкій, откланиваясь на приглашеніе Клары Петровны:—мой Муфти двумя саженями обогналъ Цербера Завольскаго... позравляю!

— Очень радъ, mon cher, очень радъ, небрежно отвѣчалъ Накатовъ, глядя на Клару Петровну съ такимъ видомъ, которымъ ясно хотѣлъ высказазать, что въ ея присутствіи онъ не въ состояніи замѣтить бездны подъ ногами.

Накатовъ наклонился уже къ ея уху, чтобы сказать какой-то комплиментъ, и вдругъ, какъ бы обжегшись, отпрянулъ назадъ, побагровѣлъ страшно и растерялся окончательно.

Навстрѣчу прямо противъ него, изъ толпы показались княгиня Зинзивѣева и ея дочка. Накатовъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто идетъ въ противоположную сторону отъ Клары Петровны и, поровнявшись съ княгинею, суетливо раскланялся. Лушкевичъ, Бондаревскій и Бѣлостоцкій присоединились также къ княгинѣ. Клара Петровна посмотрѣла вслѣдъ двумъ барынямъ и продолжала прогулку съ Черницкимъ.

— Что, Клара Петровна, какъ вамъ нравится вообще вашъ новый знакомый! смѣясь, спросилъ Черницкій.

— Кто такой?

— Накатовъ.

Вмѣсто отвѣта, Клара Петровна устремила свои глазки на Черницкаго и усмѣхнулась. Тотъ тоже засмѣялся.

— Знаете ли, что этотъ дуракъ женится на княжнѣ Зинзивѣевой, той самой, что сейчасъ прошла мимо насъ?..

— Что вы? воскликнула съ любопытствомъ Клара Петровна:—нѣтъ, мнѣ этого не говорили... Скажите пожалуйста, Черницкій, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ богатъ?

— Да, болѣе ста тысячъ доходу, произнесъ Черницкій, ударяя на каждое слово и пристально глядя на Клару Петровну:—я, право, удивляюсь, что вы этого до сихъ поръ не знали... нельзя въ этомъ упрекнуть одну изъ вашихъ пріятельницъ, прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ своей дамѣ.

— Какъ! какая пріятельница?

— Я говорю о Пальмирѣ...

— А что такое? живо перебила Клара Петровна.

— Да то, что она успѣла уже опутать его своими сѣтями: онъ, кажется, влюбленъ въ нее по уши...

— Въ Пальмиру?.. презрительно спросила Клара Петровна:—вотъ вздоръ...

— Да, въ Пальмиру!.. и, если хотите знать, не далѣе какъ сегодня, часъ тому назадъ, Накатовъ былъ у нея въ магазинѣ... вчера вечеромъ, у васъ, назначила она ему свиданіе... онъ въ восторгѣ!.. Вы посмотрите только, что изъ этого выйдетъ... Накатовъ сыплетъ деньгами какъ пескомъ; къ тому же онъ самолюбивъ, какъ всѣ дураки, и довольно уже взгляда хорошенькой женщины, чтобы вскружить ему голову и заставить бросить тысячи... Когда я узналъ объ этомъ, мнѣ стало ужасно досадно... Клара Петровна, продолжалъ Черницкій, глядя на нее еще пристальнѣе:—мы сколько лѣтъ уже знакомы?

— Да ужъ очень давно; а что?

— Это разрѣшаетъ мнѣ, слѣдовательно, очень многое, не правда ли? Можно прямо сказать то, о чемъ я теперь думаю?..

— Говорите...

— Меня, право, удивляетъ, что вы не замѣтили продѣлокъ Пальмиры, и гдѣ же? у себя въ домѣ! тогда какъ одинъ взглядъ вашъ, одно движеніе могли бы уложить этого дурака навсегда у вашихъ хорошенькихъ ножекъ... Такими дураками нужно всегда пользоваться, присовокупилъ Черницкій, въ видѣ любезности.

— Но вы говорите, что онъ женится, перебила Клара Петровна, съуживая глазки и кусая губы.

— Э! Боже мой! это когда еще! онъ всего только раза два-три былъ въ домѣ... а наконецъ, если на то пошло, такъ вамъ — особенно вамъ, замѣтьте — легко устроить такъ, чтобъ этого вовсе не было... Ну, хотите, по старой дружбѣ, я помогу вамъ въ этомъ?..

— Хорошо...

Оба засмѣялись. Какъ ни были лишни эти совѣты и предостереженія, ибо Клара Петровна знала, какъ нельзя лучше, всѣ подробности касательно Накатова, кромѣ происшествія съ Пальмирой, о которомъ она имѣла впрочемъ поводъ догадываться, тѣмъ не менѣе однакожъ она осталась очень довольна. Клара Петровна въ настоящее время, какъ справедливо замѣтилъ Бондаревскій, находилась въ самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Туалеты, ложа въ театрѣ, первый нумеръ въ гостинницѣ Кулона, лошади и вечера ровно еще ничего не доказывали; опытный глазъ открывалъ въ этомъ наружномъ блескѣ тотъ же, часто удачный, разсчетъ, который заблаговременно стараются проявлять во всемъ молодые, начинающіе практику доктора, желающіе возбудить къ себѣ кредитъ и довѣріе. Но нужно отдать справедливость Кларѣ Петровнѣ: она обнаруживала разсчетъ въ крайнихъ только случаяхъ; когда же наступали благопріятныя обстоятельства, она какъ бы вдругъ обращалась въ одну безпощадную расточительность, сыпала деньгами куда ни попало, ни мало не заботясь о томъ, что ждало ее впереди. «Завтра» для нея не существовало тогда; страшныя суммы, цѣлыя состоянія таяли между розовыми ея пальчиками такъ же быстро, какъ ледъ; она кажется, была бы въ состояніи выиграть безъ малѣйшаго затрудненія пари, предлагаемый когда-то англичанами тому, кто истратитъ милліонъ въ одинъ

годъ собственно на свою особу. Ея безпечность и небрежность проявлялись рѣшительно во всемъ, кромѣ туалета; въ этомъ случаѣ она не слѣдовала примѣру многихъ дамъ, которыя складываютъ обыкновенно оружіе, когда одерживаютъ побѣду; Клара Петровна, напротивъ того, какъ бы одушевляясь своимъ торжествомъ, пускала въ ходъ всю силу своего кокетства и тактики, чтобы загнать побѣжденнаго въ самыя заднія траншеи. Взявшись разъ за преслѣдованіе, она такъ же точно безпощадна и неумолима, какъ старый полководецъ, котораго уже не возмущаютъ предсмертные стоны и муки. И — страшное дѣло! — жестокая для иныхъ, она въ то же время часто обнаруживала къ другимъ необыкновенную мягкость и слабость; въ ней вообще была бездна противорѣчій; она утверждала постоянно, что не можетъ рѣшительно любить никого, кромѣ богатаго человѣка, что презираетъ бѣдность; на дѣлѣ оказывалось однакожъ, что любила она (если только любила) однихъ лишь бѣдняковъ, преслѣдовала и загоняла въ заднія траншеи богачей. Накатову угрожала, слѣдовательно, большая опасность. Планъ нападенія, какъ каждый легко себѣ представитъ, не трудно было составить Кларѣ Петровнѣ противъ Накатова. Атака началась въ тотъ же вечеръ. Началось съ того, что Клара Петровна отрѣзала окончательно всѣ сообщенія между Накатовымъ и Пальмирой. Она не дала имъ сказать двухъ словъ въ продолженіе всего вечера. Пальмира съ своей стороны создала, должно быть, также свой планъ нападенія; отъ этого произошла маленькая борьба, которая привела въ совершенный восторгъ Накатова. Но не по силамъ Пальмирѣ было мѣряться съ Кларой Петровной: бой былъ не равенъ; выстрѣлы послѣдней были такъ ловки и мѣтки, что Накатовъ, выходя отъ нея вмѣстѣ съ товарищами, объявилъ во всеуслышаніе, что Клара Петровна владѣетъ съ этой минуты его сердцемъ и что наконецъ не знаетъ онъ, какъ бы учтивѣе отдѣлаться отъ Пальмиры, преслѣдованія которой могутъ повредить ему подлѣ первой.

— Бѣда въ томъ, господа, прибавилъ онъ: — меня дернуло далеко зайти съ Пальмирой!.. сегодняшнее свиданіе...

— Вотъ вздоръ выдумалъ! перебилъ Бондаревскій. — Скажите пожалуйста, о чемъ хлопочетъ человѣкъ! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ что у нихъ тамъ было! Хочешь, я научу тебя, какъ сдѣлать? Отправляйся прямо къ Пальмирѣ и предложи ей услуги, но такія скромныя, чтобъ она выгнала тебя изъ магазина...

— Помилуйте, она знаетъ, что я богатъ, какъ это можно? возразилъ Накатовъ. — Къ тому же, ты думаешь тутъ интересъ? — Она, братецъ, просто какъ говорится, въ меня втюрилась, прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ лѣвымъ глазомъ.

— Ну, какъ ты себѣ тамъ думаешь, а только если хочешь избавиться отъ ея преслѣдованій, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ говорю...

Оставшись наединѣ, Накатовъ составилъ параллель между двумя женщинами и нимало не поколебался пожертвовать Пальмирой для Клары Петровны. Онъ очень хорошо понялъ, что послѣдняя воспользуется по крайней мѣрѣ достойнымъ образомъ его богатствомъ: съумѣетъ выказать его въ учетверенномъ видѣ, доставитъ даже чрезъ это ему, Накатову, случай задирать на каждомъ шагу голову, тогда какъ первая обнаруживала большую склонность къ порядку и устройству собственныхъ своихъ интересовъ, что подтвердилось ея магазиномъ въ Пассажѣ. «Она жить не умѣетъ! въ ней нѣтъ разгула! Ее никто даже не замѣтитъ; да притомъ ее и не такъ знаютъ въ Петербургѣ, какъ Клару Петровну; о Кларѣ Петровнѣ заговоритъ тотчасъ же весь городъ!»... Обдумавъ такимъ образомъ дѣло, Накатовъ приступилъ къ исполненію. Но, къ несчастію, онъ былъ скорѣе хорошій теорикъ, чѣмъ практикъ: нельзя же обладать въ совершенствѣ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ! На практикѣ оказалось, что холодность, которую онъ чувствуетъ къ Пальмирѣ въ присутствіи Клары Петровны мгновенно исчезала каждый разъ, какъ онъ сталкивался глазъ на глазъ съ хорошенькой француженкой. Это дѣлалось даже какъ-то совершенно противъ его воли; ибо при каждой встрѣчѣ съ Пальмирой онъ твердо рѣшался исполнить совѣтъ Бондаревскаго; выходя отъ Клары Петровны, Накатовъ покупалъ обыкно-

венно браслетъ или брошку и отправлялся къ француженкѣ, давъ себѣ слово воспользоваться этимъ случаемъ и разомъ порѣшить дѣло; но въ результатѣ оказывалось, что браслетъ отданъ, а толку все-таки не вышло никакого.

Исторія этихъ брослетовъ и брошекъ, разумѣется, стала вскорѣ очень извѣстна, а вмѣстѣ съ тѣмъ до Накатова дошли слухи черезъ Черницкаго, что Клара Петровна влюблена въ него по уши и сохнетъ какъ порошинка. Въ порывѣ неодолимаго восторга, Накатовъ бросился на шею Черницкому и чуть не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

XIII.

Первое пораженіе.

Восхищенный своими побѣдами, Накатовъ значительно сталъ охладѣвать къ княжнѣ Зинзивѣевой; мало-по-малу онъ пересталъ даже упоминать о женитьбѣ; когда спрашивали его объ этомъ пріятели, онъ отвѣчалъ, что дѣло еще не рѣшено, что онъ не любитъ большого свѣта, предпочитаетъ ему кругъ добрыхъ товарищей, чувствуетъ въ себѣ слишкомъ много огня и молодости, чтобы закабалиться подъ ярмо супружеской жизни, что домъ еще не совсѣмъ отдѣланъ, дѣла не приведены въ порядокъ, — и много другихъ причинъ приводилъ онъ въ оправданіе своего непостоянства. Взамѣнъ этого, онъ не переставалъ говорить о прелестяхъ жизни вдвоемъ съ такою женщиной, какъ напримѣръ Клара Петровна, восторженно потрясалъ при этомъ руками, сладостно закатывалъ глаза подъ лобъ, опускалъ голову и задумывался... Вѣроятно, тѣмъ бы и покончилось; княжна Зинзивѣева не увидала бы болѣе цвѣтущей наружности Накатова; розы съ его щекъ пришлось бы срывать Кларѣ Петровнѣ, если бы не случилось одного маленькаго обстоятельства, которое снова возвратило его въ гостиную старой княгини и снова повергло къ ногамъ ея хорошенькой дочки. На другой день послѣ того какъ Черницкій повѣдалъ ему тайну Клары

Петровны, рано утромъ, Накатовъ получилъ письмо. Въ письмѣ этомъ Клара Петровна убѣдительно просила его заѣхать вечеромъ; въ концѣ говорилось вскользъ, что гостей не будетъ; просили отвѣта. Уже сказано было, что всякая нечаянность имѣла свойство ставить нашего героя втупикъ; но никогда, можетъ-быть, затрудненіе его не было такъ сильно, какъ въ эту минуту. Внезапная радость, точно также, какъ внезапное горе, производятъ одни и тѣ же дѣйствія. Накатовъ принялся писать отвѣтъ, черкалъ, маралъ строку за строкой, вновь переписывалъ, скоблилъ, чинилъ перо за перомъ, взвалилъ по обѣимъ сторонамъ креселъ цѣлыя кучи рваной бумаги, измучился страшно и наконецъ произвелъ слѣдующее посланіе:

«Mamzelle!

«Я въ восторге не знаю што отвечать на ваше очаровательное приглашѣнье... пріеду, конешно пріеду, очаровательная Клара Петровна будь я въ Америке или въ Африке и тогда бы прилетѣлъ. Не смею еще надеятца на будущее... но я оставлю перо, воображая ваше прекрасное будущее adieu, цалую ваши ручки...»

— Эхъ! воскликнулъ Накатовъ, опрокидываясь на спинку креселъ и отирая потъ съ лица:—какъ бы подписаться?.. Написать фамилію, какъ-то не то... Накатовъ! фамилія, пропади она, какая-то глупая, грубая... Хвачу Борисъ, собственное имя, да только не по русски: по-русски неловко, грубо; напишу; tout à vous Moriz! отлично, мягко, плавно, деликатно и бонтонно!..

Переписавши записку на розовой душистой бумажкѣ, Накатовъ вручилъ ее собственноручно лакею, одѣлся, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ англійскій магазинъ. Въ магазинѣ находилось, по обыкновенію, множество покупателей. Накатовъ окинулъ первую залу и, подобравшись, какъ бы нечаянно, къ самой многочисленной группѣ дамъ, сказалъ, чтобы показали ему лучшій фермуаръ. Краска удовольствія покрыла лицо его, когда онъ увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ взоровъ, обращенныхъ на фермуаръ.

— Заверните, пожалуйста, сказалъ онъ, бросивъ небрежный взглядъ на драгоцѣнное украшеніе:—что стоитъ?

— Двѣ тысячи восемьсотъ...

Нужно было видѣть радость, съ какою Накатовъ вынулъ бумажникъ и расплатился.

— Прикажите отнести это въ мою карету!..

Сказавъ это, онъ задралъ кверху голову, яростно раздулъ щеки и, стукая каблуками, вышелъ изъ магазина. Проѣзжая мимо Думы, онъ вспомнилъ, что у него не было свѣжихъ перчатокъ, и приказалъ остановиться противъ косметическаго магазина. Толстый, отекшій господинъ, въ енотовой шубѣ, торговалъ хрустальную вазу; передъ нимъ, за конторкой, стоялъ прикащикъ-французъ, съ жиденькой бородкой и выщипанными бакенбардами. Въ магазинѣ никого не было.

— Перчатки! отрывисто произнесъ Накатовъ, обращаясь къ французу.

— Tout de suite, monsieur... сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, продолжая торговаться.

— Нѣтъ, это дорого, говорилъ отекшій господинъ:— помилуйте, неслыханная цѣна...

— Заграничное, отвѣчалъ французъ, пожимая сухощавыми, жиденькими плечами.

— Будь оно хоть сто разъ заграничное, этакой цѣны дать не могу.

— Я спрашивалъ пер...чат...ки! нетерпѣливо повторилъ Накатовъ.

— Tout de snite, monsieur... à l'instant!.. отвѣчалъ французъ, отвѣшивая поклонъ и продолжая разговаривать съ толстякомъ, который махнулъ наконецъ рѣшительно рукою и пошелъ прочь.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! закричалъ Накатовъ.

Онъ подошелъ къ конторкѣ и сбросилъ вазу на полъ, которая тутъ же разлетѣлась въ-дребезги.

— Ну, дадите ли вы мнѣ теперь перчатки? сказалъ Накатовъ, перемѣнивъ строгую интонацію на мягкую и шутливую.

Французъ и толстый господинъ стояли съ открытыми ртами и поднятыми руками.

— Monsieur! monsieur! вскрикнулъ прикащикъ, приходя въ себя.

— Что стоитъ? смѣясь, спросилъ Накатовъ, указы-

вая величественнымъ движеніемъ руки сначала на то мѣсто, гдѣ стояла ваза, потомъ на осколки.

— Полтораста рублей!..

— Хорошо, хорошо...

Накатовъ расплатился очень весело, не забывъ при этомъ повертѣть хорошенько бумажникомъ передъ глазами прикащика и отекшаго господина, который все еще, казалось, не приходилъ въ себя...

— Дайте же мнѣ пару желтыхъ перчатокъ, сказалъ Накатовъ, обращаясь со смѣхомъ къ французу:—восьмой нумеръ. Хорошо, онѣ, кажется, будутъ мнѣ въ пору; вотъ вамъ деньги...

Онъ подалъ ему сторублевую бумажку.

— Нѣтъ ли меньше-съ? нѣжно спросилъ прикащикъ, протягивая ему еще нѣжнѣе два длинные пальца съ исполинскими ногтями, между которыми вертѣлась ассигнація.

— Помилуйте! что это такое? возразилъ Накатовъ, разводя руками и сердито пожимая плечами: — скажите на милость, неужели долженъ я носить въ карманахъ мѣдныя деньги, гроши, да пятаки!.. Срамъ, какой безпорядокъ! я, право, никогда не буду у васъ брать...

— Si monsieur voudrait attendre...

— Ну, вотъ прекрасно, стану я ждать!... я лучше пришлю деньги съ человѣкомъ или мажордомомъ... adieu!..

Прикащикъ выпрыгнулъ изъ-за прилавка и кинулся отворять двери; Накатовъ повернулся на каблукѣ, раздулъ ноздри и вышелъ изъ магазина, не забывъ самодовольно взглянуть на отекшаго господина, который, казалось, все еще никакъ не могъ прійдти въ себя. Накатовъ рѣдко находился въ такомъ веселомъ расположеніи духа; онъ приказалъ каретѣ ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, переваливаясь съ ноги на ногу и поминутно ощупывая задній карманъ, куда запряталъ онъ фермуаръ.

Громкій хохотъ раздался за нимъ. Онъ быстро оглянулся и увидѣлъ Бѣлостоцкаго, Бондаревскаго, Лушкевича и Сережу, шедшихъ рука объ руку къ нему навстрѣчу.

— А! здравствуйте, друзья мои, развязно произнесъ Накатовъ:—что васъ не видно? гдѣ вы запропастились? гдѣ?...

Пріятели протянули ему руки, но вмѣсто отвѣта залились новымъ смѣхомъ.

— Что съ вами?

— Ооохъ! оохъ! преуморительная исторія, могъ только произнести Бондаревскій, прикладывая фуляръ къ губамъ.—Пойдемъ въ кафе... я тебѣ разскажу, если хочешь... ха! ха! ха!..

— А я вамъ покажу штуку, которая вѣрно будетъ лучше всякой исторіи, возразилъ Накатовъ, подымаясь по лѣстницѣ кафе и лукаво подмигивая каждому изъ пріятелей. — Ну, какъ вамъ нравится? а? что? спросилъ онъ, открывая передъ ними неожиданно фермуаръ.

— Чудо! прелесть! отлично!..

— То-то же, вымолвилъ Накатовъ, крутя самодовольно головою.

— Что это стоитъ? Помилуй, Накатовъ, вѣдь тутъ пахнетъ тысячею...

Накатовъ засмѣялся.

— Отгадай, сказалъ онъ, сдѣлавъ бѣсовски-плутовскую мину.

— Тысячу двѣсти?

— Подымай выше!

— Двѣ?

Накатовъ снова усмѣхнулся.

— Неужто три?

— Подымай выше.

— Четыре? быть не можетъ!..

— Однакожъ такъ! ровно четыре тысячи! произнесъ Накатовъ, оглядывая присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ.

— Развѣ ты женишься? Рѣшено, что ли? Кому это? спросили пріятели въ одинъ голосъ.

— Кларѣ Петровнѣ! таинственно отвѣчалъ Накатовъ, захлопнувъ крышку футляра и щелкнувъ языкомъ.

Страшный, оглушительный хохотъ задребезжалъ во-

кругъ него; онъ оглянулся: половина пріятелей лежала на стульяхъ и заливалась, ухватившись за бока.

— Что это значитъ, господа? что съ вами? я право, не понимаю... говорилъ Накатовъ, повертывая недоумѣвающее лицо свое то къ одному, то къ другому.

— Оо! оохъ! о, бѣдный Морицъ, несчастный Морицъ! злосчастный Морицъ, повторилъ Бондаревскій, катаясь на своемъ стулѣ.

— Что такое, какой Морицъ? Богъ знаетъ, Бондаревскій, ты, братецъ, всегда сочинишь что-нибудь...

— Морицъ! Морицъ! повторили остальные пріятели, задыхаясь отъ смѣха.

— Да скажете ли вы наконецъ, господа, какой Морицъ? что значитъ этотъ Морицъ? произнесъ Накатовъ, багровѣя какъ полный мѣсяцъ на исходѣ.

— Помилуй, любезный, сказалъ Бондаревскій: — да вѣдь ты же самъ назвалъ себя этимъ именемъ.

— Какъ! когда?

— Ну, а въ письмѣ къ Кларѣ Петровнѣ... мы сейчасъ отъ нея... Ай, Морицъ, Морицъ, какже несовѣстно тебѣ отпираться отъ своего имени?..

— Я не понимаю, съ чего ты вздумалъ сердиться, Накатовъ? вымолвилъ Бѣлостоцкій, закусывая губы: — я нахожу, что Морицъ очень хорошее имя...

Всѣ засмѣялись.

— Такъ стало-быть Клара Петровна показывала вамъ мое письмо? запальчиво спросилъ Накатовъ.

Хохотъ усилился цѣлою октавой. Накатовъ насунулъ на брови шляпу, положилъ въ карманъ фермуаръ, плюнулъ себѣ прямо на ноги и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ кафе.

«А! она смѣется надо мною! такъ вотъ оно каково выходитъ на повѣрку!» бормоталъ онъ сквозь стиснутые зубы. «А! а! ну, хорошо? Показывать мои письма! и кому же? какому-нибудь Бондаревскому! Нѣтъ, я не таковъ! надо мною трунить, моя милая... я вѣдь не то, чтобы... Посмотримъ, я тебѣ покажу... Такъ вотъ не будетъ же тебѣ фермуара! не будетъ, не будетъ, не видать тебѣ его, какъ ушей своихъ!.. Впрочемъ, это тебѣ урокъ, лю

безный: не связывайся впередъ съ такими женщинами... А я думалъ!.. Э! да чего жъ тутъ искать: извѣстно, невѣжество, необразованіе, невоспитанность, грубость чувствъ! это не то что какая-нибудь княжна Зинзивѣева... Эхъ! дуракъ, дуракъ! зачѣмъ я такъ рѣдко сталъ туда ѣздить!.. вотъ тебѣ и урокъ! А впрочемъ, можетъ-быть, это къ счастью, кто знаетъ! я даже увѣренъ, что къ счастью... Завтра же поѣду къ княгинѣ... прочь съ этой жизнью!.. товарищи дрянь на дряни, — не стòятъ они того, чтобъ объ нихъ долго думать... Рѣшено, завтра же ѣду къ княгинѣ, дѣлаю предложеніе, и фермуаръ, того...» заключилъ Накатовъ, садясь въ карету.

Вѣроломство Клары Петровны, какъ говорилъ Накатовъ, такъ охладило его къ ней, что къ вечеру онъ уже окончательно пересталъ о ней думать. Мысли его безпрестанно носились теперь вокругъ будуара очаровательной княжны; онъ уже воображалъ себя у ея ногъ, счастливымъ супругомъ, цвѣткомъ аристократическаго круга и, засыпая, рѣшилъ, что вовсе не дурно будетъ звучать сочетаніе двухъ фамилій: «Зинзивѣевъ-Накатовъ».

На другой день, часа въ два, Накатовъ вошелъ къ княгинѣ, приготовивъ заблаговременно все, что нужно было сказать, и увѣренный заранѣе въ успѣхѣ своего дѣла. Княжны не было въ гостиной; его приняла княгиня. Накатовъ остановился въ дверяхъ и отвѣсилъ ей почтительный поклонъ. Старуха окинула его съ головы до ногъ, потомъ кивнула головою и указала на кресло подлѣ кушетки. Сухость пріема смутила гостя, ожидавшаго распростертыхъ объятій и криковъ восторга; онъ тотчасъ же опустился на край кресла и завертѣлъ шляпой.

— Что это васъ давно не видать, mr. Накатовъ? спросила какъ бы нехотя старуха.

— Дѣла, княгиня, нѣжно произнесъ Накатовъ. (Что значитъ этотъ пріемъ? подумалъ онъ тутъ же:—вѣрно ей что-нибудь на меня наговорили... гм! гм!) — Я привожу свои дѣла въ порядокъ; вы не повѣрите, сколько хлопотъ, безпокойства, времени...

— Развѣ они у васъ въ безпорядкѣ? перебила ста-

руха, бросивъ на гостя инквизиторскій взглядъ: — мнѣ кажется, ваша бабушка...

— Нѣтъ-съ, княгиня, я въ другомъ отношеніи говорю... я преимущественно занимаюсь теперь устройствомъ дома... Я давно думаю перемѣнить образъ жизни... Да, княгиня, грустно жить какъ всѣ мы живемъ, молодые люди... особенно если...

— Вы хотите жениться? спросила старуха, небрежно поправляя шемизетку.

«Нѣтъ, это просто удивительно, подумалъ Накатовъ:— она со мною совсѣмъ не то, что прежде... Э! была не была! ляпну ей прямо...»

— Да, княгиня! отвѣчалъ онъ, поднявъ на нее свои водянистые, на выкатѣ глаза:—я думаю жениться,—мое состояніе, мое общественное положеніе позволяютъ мнѣ это сдѣлать... признаться сказать, княгиня, я затѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ...

Накатовъ потупилъ голову, голосъ его дрожалъ.

— Ко мнѣ? съ удивленіемъ спросила старуха.

— Да, княгиня, запинаясь, началъ Накатовъ: — вы знаете мою бабушку... и я думалъ...

— Конечно, я знала когда-то вашу бабушку, mr. Накатовъ, но согласитесь... зная васъ всего одинъ лишь мѣсяцъ, мнѣ, право, странно...

— Княгиня! позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно! воскликнулъ гость, показывая ей пурпуровое лицо свое: — вы знаете мое состояніе, — оно извѣстно цѣлому Петербургу!.. я готовъ рѣшительно на всѣ пожертвованія съ своей стороны, чтобы сдѣлать счастье женщины, которая согласится раздѣлить его со мною...

— Позвольте мнѣ также говорить съ вами откровенно, mr. Накатовъ, перебила княгиня тономъ, который ясно показывалъ что она намѣрена прекратить разговоръ:— ваше предложеніе, если только оно обращается къ намъ, дѣлаетъ намъ много чести, но въ положеніи, какое занимаетъ въ свѣтѣ моя дочь, мало однихъ личныхъ достоинствъ человѣка... вы сами знаете, какую роль играетъ нынче состояніе...

Накатовъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; княгиня остановила его рукою.

— Состояніе, которымъ вы пользуетесь, продолжала старуха:—значительно, очень даже значительно и, конечно, съ этой стороны не было бы никакихъ препятствій, но... тутъ есть одно обстоятельство... вы пользуетесь имъ временно, какъ опекунъ вашей бабушки, и оно вамъ еще не принадлежитъ; ваша бабушка не сегодня, такъ завтра можетъ выздоровѣть... вы знаете, какого рода ея болѣзнь; всѣ единогласно утверждаютъ, что болѣзнь «періодическая»...

Внутренность Накатова облилась смертельнымъ холодомъ; онъ вздрогнулъ и оглянулся на стороны; ему казалось въ эту минуту, что растворились настежъ всѣ окна гостиной.

— Помилуйте, княгиня! это клевета! произнесъ онъ съ натянутою усмѣшкой:—я имѣю вѣрныя доказательства, что бабушка неизлечима...

— Я однакожъ слышала это изъ вѣрныхъ рукъ, сказала старуха съ убійственнымъ хладнокровіемъ:—мнѣ даже недавно говорили, что она чувствуетъ себя съ нѣкоторыхъ поръ гораздо лучше..

— Не можетъ быть: нѣтъ, княгиня, это невозможно! воскликнулъ Накатовъ голосомъ человѣка, которому прочли смертельный приговоръ:—я еще вчера былъ у бабушки... она въ томъ же положеніи и окончательно неизлечима...

Тутъ Накатовъ сильно привралъ: съ тѣхъ поръ, какъ съ Пелагеей Антоновной приключилось несчастіе, онъ ни разу не заглянулъ къ ней.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ, конечно, лучше знать, вымолвила княгиня:—повторяю вамъ, mon cher mr. Накатовъ, предложеніе ваше дѣлаетъ намъ много чести, и не будь этого обстоятельства, я охотно приняла бы его... я должна вамъ объявить, что состояніе наше весьма ограниченно, а безъ него, вы понимаете... какъ мать, mr. Накатовъ, я ни за что не рѣшусь подвергнуть будущность дочери неизвѣстности; платя откровенностью за откровенность, скажу вамъ, что рука моей дочери никогда

не будетъ принадлежать человѣку безъ вѣрнаго и прочнаго состоянія...

— Ахъ! княгиня... Я несчастнѣйшій изъ людей! произнесъ Накатовъ съ комическимъ отчаяніемъ.

— Э! полноте, mr. Накатовъ, возразила княгиня, взявъ со стола платокъ и приподнимаясь съ кушетки, какъ-будто сбираясь покинуть гостиную;—вы молоды и скоро успокоитесь... Нынѣшніе молодые люди очень вѣтрены и скоро забываютъ такого рода горести... Извините меня, если я васъ оставлю, прибавила она, поправляя складки на платьѣ:—я дала слово заѣхать въ три часа къ одной изъ моихъ кузинъ.

Накатовъ вышелъ отъ Зинзивѣевой въ совершенномъ отчаяніи. Съ одной стороны нестерпимо дребезжало въ ушахъ его слово «періодическая», съ другой—представлялся отказъ княгини, позорный отказъ, который не замедлитъ распространиться по всему городу, съ третьей—весь ужасъ картины выздоровленія бабушки и сокрушительнаго разрушенія его собственнаго блеска, съ четвертой—слышались уже насмѣшки и преслѣдованія пріятелей: такъ силенъ былъ толчокъ, что не будь онъ на улицѣ и притомъ поддерживаемъ двумя арапами, которые подсаживали его въ карету, онъ вѣрно не поддержалъ бы собственнаго достоинства, разразился бы воплемъ или грохнулся со всѣхъ ногъ на панели.

По пріѣздѣ домой, вмигъ разослано было нѣсколько человѣкъ къ бабушкѣ, разузнать обстоятельно—какъ было дѣло, въ какомъ положеніи ея здоровье, и разспросить подробно Христіана Христіановича вѣрны ли были свѣдѣнія, полученныя отъ Зинзивѣевой. Самъ Накатовъ не посмѣлъ ѣхать. Онъ боялся, чтобы столкновеніе съ дѣйствительностью, глазъ на глазъ съ горькою истиной (буде она справедлива), не лишило его самого разсудка. Онъ заперся въ кабинетъ, сѣлъ на постели и трепетно ожидалъ роковой вѣсти. Къ счастью ждать пришлось не очень долго; вѣсти оказались однакожъ совсѣмъ несправедливыми. Христіанъ Христіановичъ, не замедлившій явиться, объявилъ ему, покрякивая, что на прошлой недѣлѣ дѣйствительно всѣмъ имъ показалось, какъ будто Пелагеѣ Анто-

новнѣ стало легче, но что это была только обманчивая надежда, что она по прежнему не перестаетъ просить рожокъ, и что хотя Тиссотъ сильно напираетъ на возможность «періодическаго» состоянія въ такого рода болѣзняхъ, однако онъ сильно сомнѣвается, взявъ въ соображеніе лѣта, чтобы предположеніе Тиссота была надежно. Это обстоятельство значительно успокоило нашего героя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, грусть, смѣшанная съ нѣкоторою досадой, не покинула его во весь день и продолжала налегать на него во весь слѣдующій; самолюбіе его было сильно оскорблено отказомъ княгини. «Она даже не просила меня продолжать къ нимъ ѣздить!..» Мысль эта не выходила изъ его головы. Всему есть однакожъ конецъ; мало-по-малу мысли Накатова успокоились; грусть и досада дали мѣсто достойному пренебреженію и забвенію, такъ-что наконецъ на третій день онъ приказалъ заложить фіолетовую карету и отдалъ повелѣніе арапамъ надѣть самыя блистательныя ливреи.—«Дай, покажу же я этой княгинѣ, какъ плохо идутъ мои дѣла!» думалъ Накатовъ, направляясь съ шляпою на головѣ къ двери— и вдругъ совершенно неожиданно столкнулся съ Черницкимъ.

XIV.

Торжество Накатова.

Лицо Черницкаго было привѣтливѣе и веселѣе обыкновеннаго, лобъ и брови пріятно разглажены; одни бѣлки сохраняли прежнюю, непріятную красноту.

— Помилуй, Накатовъ! всѣ мы давно рѣшили, что ты умеръ! вымолвилъ Черницкій, подымая обѣ руки кверху.

— Хороши пріятели, нечего сказать, отвѣчалъ тотъ съ шутливымъ упрекомъ:—мнѣ кажется, хоть въ самомъ дѣлѣ умирай, никто не заглянетъ... я, братецъ, чувствовалъ себя какъ-то не совсѣмъ ладно всѣ эти дни...

— Ба! я не зналъ этого! да кто-жъ можетъ это знать? ты бы написалъ, по крайней мѣрѣ... Ахъ, да, скажи

пожалуйста, Накатовъ, произнесъ Черницкій, бросаясь на диванъ:—отчего ты не ѣздишь къ Кларѣ Петровнѣ?.. она просто въ отчаяніи, не знаетъ, что бы это могло значить...

— Полно, братецъ, полно меня морочить, смѣясь, сказалъ Накатовъ: — знаю я теперь, какова эта Клара Петровна!.. Сначала я сдуру и въ самомъ дѣлѣ тебѣ повѣрилъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? сдѣлай милость, объясни мнѣ... развѣ что-нибудь произошло между вами?..

— Просто, братецъ, прескверное дѣло; она поступила со мною очень неделикатно; признаться сказать, я даже вовсе не ожидалъ отъ нея этого; она пишетъ мнѣ записку, проситъ къ себѣ; я отвѣчалъ, разумѣется, а она въ тотъ же день показала мою записку Бондаревскому, Бѣлостоцкому и кому угодно...

— А, такъ вотъ оно что! ну, братецъ, я очень радъ, что дѣло это объяснилось... Клара Петровна нисколько не виновата.

— Какъ не виновата! вотъ прекрасно! помилуй, душа моя, показывать мои записки...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, не виновата она, говорю тебѣ! сказалъ съ нѣкоторымъ жаромъ Черницкій:—я знаю дѣло; изъ этого даже чуть не вышло исторіи; слушай: ея не было дома; прочитавъ письмо твое, она оставила его, по разсѣянности, на этажеркѣ; явились наши пріятели, согласились подождать ее и случайно прочли записку — вотъ и вся штука. Клара Петровна была въ отчаяніи.

— Странно какъ-то... бормоталъ Накатовъ, вставая съ дивана и принимаясь расхаживать по комнатѣ.

— Я тебѣ говорю, какъ было, и говорю потому, что мнѣ, право, жаль... ты пренебрегаешь женщиной, лучшею женщиной въ Петербургѣ, которую ты могъ бы сдѣлать счастливою, и съ которой самъ былъ бы очень счастливъ, потому что, нешутя, она расположена къ тебѣ... Гдѣ ты найдешь женщину, которая могла бы поспорить съ нею въ чемъ бы то ни было?.. Ужъ не Пальмира ли?.. Эхъ, братецъ, жить ты не умѣешь, вотъ что; дай мнѣ твое состояніе, твои средства, я тебѣ покажу какъ жить на-

до! фррр!.. а то задумалъ еще жениться, правда, что ли? Ну, такъ, такъ!.. Помилуй, Накатовъ, въ твои ли лѣта! что ты? молодой человѣкъ! Спросилъ бы у меня, что значитъ рано жениться... эхъ, хе, хе... Жениться когда можно? во-первыхъ, по разсчету, когда вовсе нѣтъ состоянія; во-вторыхъ, когда есть посредственное, кругленькое состояніе, такъ, чтобы наслаждаться супружескимъ счастьемъ припѣваючи, не нуждаясь ни въ чемъ; но спрашивается, не глупость ли жениться съ огромнымъ, колоссальнымъ состояніемъ? все твое тогда! И притомъ, жениться тебѣ! тебѣ!.. произнесъ Черницкій, пожимая плечами:—ты долженъ жениться не иначе, какъ на знатной дамѣ или дѣвушкѣ: таково твое положеніе, не такъ ли? Ну, хорошо, женишься ты, ну, хоть, пожалуй, на твоей княжнѣ, какъ бишь ее... Зин... Зунъ... Занъ... да, Зинзивѣевой; свѣта большого ты не любишь, жена потащитъ тебя въ свѣтъ, вздохнуть не дастъ; сегодня балъ, — завтра балъ; что ты станешь тогда дѣлать?.. Какое назначеніе дашь ты своему состоянію? Все оно будетъ истрачиваться на балы, на обѣды, туалетъ твоей супруги... Ну, а ты-то что? молодость-то, молодость—съ нею что ты будешь дѣлать? скрутишь себя по рукамъ и по ногамъ женою да общественными условіями...

— Я, душенька, совершенно согласенъ съ тобою, и признаюсь тебѣ, очень радъ, что Клара Петровна не виновата, какъ ты говоришь, произнесъ Накатовъ, плохо скрывая просіявшую на лицѣ радость.

— Разумѣется, братецъ, брось всѣ эти дрязги, поѣзжай къ ней, она будетъ въ восторгѣ... Я признаюсь, отчего такъ сильно настаиваю свести васъ вмѣстѣ: Бондаревскій, котораго, какъ ты вѣдаешь, я не очень жалую, строитъ ей куры: онъ увѣренъ, что она къ нему неравнодушна и мнѣ смерть бы хотѣлось, чтобы ты, ну, разумѣется, человѣкъ съ состояніемъ, съ богатствомъ, далъ бы хорошенькій щелчокъ его самолюбію... это было бы отлично!.. Кромѣ этого, я долженъ тебѣ сказать, что распространяются слухи, будто бабушка твоя выздоравливаетъ...

— Кто это говоритъ? вскричалъ Накатовъ, блѣднѣя:—

что за вздоръ!.. Они рѣшительно посягаютъ на мою жизнь! экія подлости дѣлаются на свѣтѣ!.. Помилуй, душа моя, продолжалъ онъ успокоительнымъ голосомъ, какъ будто дѣло касалось лично Черницкаго: — я еще вчера видѣлъ бабушку, говорилъ съ ея докторомъ; кому же лучше знать...

— Ну, вотъ то-то-же,— я объ этомъ и говорю; тебѣ предстоитъ самый блистательный случай опровергнуть всѣ эти толки, которые, если будутъ продолжаться, могутъ сильно повредить тебѣ, — брось нѣсколько тысячъ, задай два-три великолѣпныхъ вечера, разумѣется, въ кругу молодежи, — и горю конецъ! Слухъ пронесется, что все, что ни говорили, — сплетни, вздоръ, чепуха, и кредитъ твой снова возстановленъ какъ нельзя лучше...

— Душа моя! ты просто воскресаешь меня! воскликнулъ Накатовъ, горячо пожимая руку Черницкому:—рѣшено, ѣду къ Кларѣ Петровнѣ! ѣду нынче же, мирюсь съ нею! о! мы увидимъ, чья возьметъ!.. ѣдемъ сейчасъ-же, ѣдемъ вмѣстѣ!..

— Нѣтъ, ужъ лучше поѣзжай одинъ, и вечеромъ, иначе ты рискуешь встрѣтиться со всею нашей компаніей.

— Эй, человѣкъ! мажордомъ! кто тамъ? завтракъ!.. закричалъ Накатовъ, хлопая восторженно въ ладоши.

— Ну, вотъ, къ чему затѣвать хлопоты! если ужъ ты непремѣнно хочешь завтракать, поѣдемъ лучше къ Дюссо, сказалъ Черницкій, зѣвая и потягиваясь на диванѣ.—Ахъ кстати, Накатовъ... о-о-о! (тутъ зѣвота одолѣла его)... нѣтъ ли у тебя до завтра... о-о-о! цѣлковыхъ тридцать? жена больна, надо послать за лекарствами, а въ домѣ какъ нарочно ни гроша...

— Изволь, изволь, сколько хочешь душенька... ты знаешь, я всегда готовъ...

— Ладно, ты отдашь мнѣ ихъ у Дюссо...

— Какъ хочешь, у Дюссо, такъ у Дюссо, говорилъ Накатовъ, застегивая сюртукъ.—Ну, я готовъ, Черницкій, вставай!

И оба, рука въ руку, вышли на лѣстницу. Часу въ восьмомъ вечера, послѣ тонкаго гастрономическаго обѣда,

которымъ распорядился Черницкій, Накатовъ поѣхалъ къ Кулону и постучался дрожащимъ пальцемъ въ дверь Клары Петровны. Дверь отворилась сама собою, какъ будто тамъ уже кого-то ждали.

— Что, душенька, дома Клара Петровна? спросилъ Накатовъ у горничной.

— Дома-съ...

— Гостей нѣтъ?

— Нѣтъ-съ; они никого не приказали принимать кромѣ васъ, отвѣчала субретка, показывая ему рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Сердце Накатова вздрогнуло; онъ запустилъ руку въ карманъ и, какъ бы нечаянно положилъ въ ладонь субретки крупную ассигнацію, которую та мгновенно скрыла подъ передникомъ.

— Пожалуйте, сказала она, отворяя двери въ знакомую уже залу.—Ахъ! да ихъ нѣтъ-съ здѣсь... онѣ должно быть въ гостиной, пожалуйте...

Сказавъ это, субретка заперла за собою дверь и оставила Накатова одного посреди слабо освѣщенной залы. Накатовъ, какъ уже знаютъ, былъ человѣкъ робкій и нерѣшительный въ извѣстныхъ случаяхъ. Имъ овладѣли внезапно такая неловкость и смущеніе, что онъ попятился уже къ двери, но, къ счастью, остановился: «Что скажетъ горничная?» подумалъ онъ: мысль эта заставила его тотчасъ же приподняться на цыпочки и сдѣлать нѣсколько шаговъ къ двери гостиной. Не смотря однакожъ на всевозможные ободрительные доводы, онъ никакъ не могъ освободиться отъ дрожи, которая приводила въ страшное движеніе его челюсти, такъ-что онъ прижалъ ихъ наконецъ плотно другъ къ дружкѣ, чтобы не слышно было щелканья зубовъ. Онъ вошелъ въ гостиную и вмигъ почувствовалъ, что трепетное, неловкое чувство замѣнилось неодолимо сладостнымъ разслабленіемъ, какъ будто его вдругъ окунули въ теплую паровую ванну.

Небольшая карсельская лампа, прикрытая розовымъ колпакомъ, драпировавшимся на стеклѣ какъ тончайшее кружево, разливала полусвѣтъ на коверъ, на мебель и

стѣны, обтянутыя блѣдно-розовыми обоями; у рѣзного стола, подлѣ лампы, стояла низенькая оттоманка, касавшаяся почти до ковра; на ней отдыхала Клара Петровна. Головка ея, освѣщенная сполна лампою, покрытая длинными, густыми, нѣсколько взбитыми локонами, свѣсилась на атласную подушку, слабо поддерживаемую обнаженною рукою. На ней былъ легкій пеньюаръ изъ бѣлаго матоваго атласа, обшитый волнистыми оборками, въ которомъ гибкій, стройный станъ хорошенькой женщины тонулъ какъ въ морской пѣнѣ. Кругомъ царствовала тишина мертвая: ничто не могло потревожить сладкаго ея сна. Накатовъ, упоенный, очарованный, едва смѣлъ дохнуть; тонкій, благоухающій воздухъ, который окружаетъ всякую хорошенькую женщину во время сна, начиналъ уже проникать во всѣ его поры; онъ стоялъ передъ нею, чувствуя постепенно, какъ размягчалось и таяло его сердце... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и окончательно растерялся, когда увидѣлъ двѣ узенькія ножки, свѣсившіяся на коверъ; на одной изъ нихъ, чуть-чуть, на пальчикахъ только, держалась кокетливая синяя бархатная туфля; туфля другой ножки, обтянутой тоненькимъ шелковымъ чулкомъ à jour, лежала, опрокинутая подошвою кверху, на оттоманкѣ.

Накатовъ невольно преклонилъ передъ нею колѣни. Въ это самое мгновеніе Клара Петровна раскрыла глазки,— вскрикнула, поспѣшно поправила волосы и пеньюаръ.

— Ахъ, Накатовъ, какъ вы меня испугали!.. Извините меня... я вовсе не ожидала... Встаньте же,— что̀ съ вами?.. я на васъ очень сердита...

— На меня! Клара Петровна... за что? что я такое сдѣлалъ?.. проговорилъ Накатовъ, едва переводя дыханіе.

— Зачѣмъ вы такъ долго не ѣздили ко мнѣ... fi! fi! какой вы дурной! Впрочемъ, я вовсе не зла и охотно прощаю вамъ.

Сказавъ это, она протянула ему душистую свою ручку. Накатовъ взялъ руку и замеръ на ней губами. Въ глазахъ его зарябило окончательно; онъ видѣлъ только передъ собою зеленые и красные кружки, вращавшіеся съ неимовѣрною быстротою.

— Вы на меня не сердитесь?.. произнесъ надъ нимъ мелодическій голосъ, и почти въ то же время почувствовалъ онъ на щекѣ горячее дыханіе; онъ поднялъ голову и встрѣтилъ губами пылающую щеку Клары Петровны...

Въ гостиной раздался поцѣлуй.

XV.

МЕЖДУ ДВУМЯ ПЕРЕКРЕСТНЫМИ ОГНЯМИ.

Недѣли три спустя послѣ описанной выше сцены, пріятели Накатова, а именно: Бѣлостоцкій, Бондаревскій, Лушкевичъ и Сережа, пообѣдавъ у Дюссо, спросили сигары и расположились на диванахъ вокругъ камина.

— Какъ бы тамъ ни было, а мнѣ, право, жаль его, господа, сказалъ Бѣлостоцкій, продолжая заранѣе начатый разговоръ:—вы увидите, что онъ плохо кончитъ.

— Полно, любезный, возразилъ Бондаревскій, пуская струю дыма въ потолокъ:—кончится очень обыкновенно; не забудь, что Накатовъ—мѣдный лобъ: на этихъ людей ничто не дѣйствуетъ слишкомъ сильно. Если хочешь, я тебѣ разскажу конецъ исторіи: Накатовъ прокутитъ, если уже не прокутилъ, половину состоянія, бабушка его выздоровѣетъ,—что весьма вѣроятно, потому что, какъ говорятъ, она все чаще и чаще начинаетъ приходить въ себя,—лишитъ внучка наслѣдства и пожертвуетъ остатки состоянія на какой-нибудь вдовій домъ; внучекъ будетъ ревѣть какъ быкъ трое сутокъ, потомъ переѣдетъ на старую свою квартиру, велитъ запречь рысака и поѣдетъ по Невскому, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Ну, я не думаю, чтобы это было совсѣмъ такъ, перебилъ Бѣлостоцкій:—во-первыхъ, прокутитъ онъ, если уже не прокутилъ, не половину состоянія, а все состояніе...

— Прекрасно! ну, что-жъ изъ этого послѣдуетъ?.. ты думаешь, разница будетъ большая?—его посадятъ въ тюрьму; бабушкѣ восемьдесятъ или восемьдесятъ пять

лѣтъ,—она умретъ, его выпустятъ; и все кончится все-таки катаньемъ по Невскому.

— Въ самомъ дѣлѣ, до чего глупъ этотъ Накатовъ! сказалъ Бѣлостоцкій: — онъ въ полной увѣренности, что Клара Петровна влюблена въ него; не далѣе какъ вчера онъ говорилъ мнѣ объ этомъ...

— И мнѣ также, произнесъ Сережа.

— Какое, половину состоянія! шутишь ты, Бондаревскій, подхватилъ Бѣлостоцкій:—одинъ вчерашній балъ чего стóитъ! помилуй, mon cher, у нашихъ богачей не видывалъ я такой роскоши. Нужно быть Накатовымъ, чтобы дѣлать подобныя глупости: лѣстница, обвитая виноградомъ въ январѣ мѣсяцѣ, комнаты, запруженныя розанами, померанцовыя деревья въ цвѣту въ столовой... И замѣтьте, господа, что уже четвертый вечеръ въ этомъ родѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится подъ крылышкомъ Клары Петровны... Возьмите теперь въ соображеніе ея квартиру, экипажи, лошадей,—все это заведено вновь и притомъ, вдругъ, въ какую-нибудь недѣлю,—что, какъ извѣстно, набавляетъ на все значительную цѣну; возьмите также его собственный домъ; содержаніе одного оркестра чего стоитъ; а безалаберщина во всемъ этомъ! а подарки Кларѣ Петровнѣ! дня не проходитъ безъ этого... Какое, половину состоянія! половину онъ уже брякнулъ, я увѣренъ, еще до Клары Петровны... да вотъ, чего же лучше: я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, онъ занялъ у Гринера восемнадцать тысячъ серебромъ.

— Что ты... (Бондаревскій протяжно засвисталъ).

— Серьезно, и занялъ за огромные проценты...

— А балъ, что ни говорите, былъ удивительный, господа,—лучше еще первыхъ трехъ, сказалъ Лушкевичъ.

— Не трудно угадать, почему онъ тебѣ больше нравится, замѣтилъ Бондаревскій: — тамъ были французскія актрисы, къ которымъ ты неравнодушенъ... особенно къ Делиль... По мнѣ, первый балъ былъ самый удачный...

— Ну, вотъ, отвѣчалъ Лушкевичъ, разглядывая свои ногти:—вовсе не потому, совсѣмъ не Делиль... мнѣ несравненно больше нравится Жозефина.

— Ахъ да, господа, Жозефина, какъ хотите, лучше всѣхъ! что за прелесть! какіе волосы, какіе глаза, какъ всегда одѣта! воскликнулъ Сережа, потрясая завитою, напомаженной гривой.

— Вы замѣчаете, что Пальмиры не видать у Клары Петровны?

— О! онѣ уже давно поссорились... еще до Накатова.

— Вотъ, также, господа, миленькая женщина; какая талія, какой шикъ!.. подалъ голосъ Сережа.

— Не замѣчаешь ли ты, Бондаревскій, какую роль играетъ во всемъ этомъ нашъ другъ Черницкій? спросилъ Бѣлостоцкій.

— Не говори мнѣ о немъ, братецъ, отвѣчалъ Бондаревскій: — впрочемъ надо было всегда ожидать отъ него...

— Что же онъ такое сдѣлалъ? спросили въ одно время сіамскіе близнецы.

— Во-первыхъ, онъ немилосердно обираетъ бѣднаго Накатова, занимаетъ у него безпрестанно деньги, втерся къ нему въ интимность, подличаетъ, разсказываетъ ему всякія сплетни... Ахъ, кстати: онъ увѣрилъ его, будто я ухаживаю за Кларой Петровной! Мало того, онъ занимаетъ деньги и у нея; потомъ я узналъ недавно одну штуку, которая еще лучше всего этого: онъ познакомилъ Клару Петровну гдѣ-то на Невскомъ или въ магазинѣ съ графомъ П** (она сама проболталась), вѣроятно и у него также занимаетъ...

— Неужели! воскликнулъ Бѣлостоцкій, заливаясь смѣхомъ:—и Накатовъ этого не знаетъ?

— Разумѣется, нѣтъ... Я не считаю еще Гвоздикова, котораго Черницкій также упросилъ Накатова познакомить съ Кларой Петровной, и который, вѣроятно, за эту честь приноситъ свою дань Черницкому... ну, словомъ, такія низости, что не знаю, какъ вы, господа, а я рѣшился прекратить съ нимъ всякаго рода сношенія...

— Господа, вы здѣсь? послышался за дверью голосъ Накатова.

— Здѣсь, здѣсь,—войди! отвѣчали всѣ, перекинувшись взглядомъ.

Накатовъ влетѣлъ съ сіяющимъ лицомъ въ комнату, растопырилъ руки и бросился обнимать каждаго изъ пріятелей.

— Вотъ радъ-то, господа, что засталъ васъ! спрашиваю у Дюссо: здѣсь ли вы? — всѣ, говорятъ, здѣсь, — я тотчасъ и прилетѣлъ сюда... А гдѣ-жъ Черницкій? что я его не вижу? продолжалъ Накатовъ, оглядываясь на стороны.—Онъ сказалъ мнѣ, что также обѣдаетъ сегодня у Дюссо... Каково, господа, я его расшевелилъ? совсѣмъ повеселѣлъ нашъ Черницкій... О! погодите, я изъ него вытрясу хандру!..

Бѣлостоцкій и Бондаревскій перемигнулись.

— Ну, что, господа, продолжалъ Накатовъ, бросаясь на диванъ:—каковъ былъ вчерашній вечерокъ, а?

— Очень хорошъ! очень! отвѣчали пріятели.

— Это еще что! перебилъ Накатовъ: погодите-ка, друзья мои, то ли еще будетъ! Я хочу устроить у себя въ домѣ зимній садъ; закачу просто-таки цѣлый лѣсъ изъ банановъ! Вездѣ фонтаны, гроты этакіе... освѣщу все это матовыми цвѣтными фонарями, — огонь-то въ зелени, — вѣдь это чудо какой будетъ эффектъ! да и задамъ тамъ балъ, то-есть, какъ говорится, балъ на славу!.. И то надо сказать, господа, вѣдь женщина-то какая! для нея ничего не жаль! готовъ, ей-Богу, право, отдать все свое богатство; она первая подала мнѣ мысль устроить зимній садъ, да-съ, Клара Петровна-съ умѣетъ-таки жить!.. Посмотрите-ка, что я купилъ ей.

Накатовъ вынулъ изъ кармана зеленый футляръ и показалъ пріятелямъ великолѣпное ожерелье.

— Ну, каково-съ?

— Отлично!

— Очень хорошо!

— Сколько денегъ, я думаю, это стоитъ...

— Отгадай!

— Да что... тысячу рублей...

Накатовъ подмигнулъ глазомъ и щелкнулъ языкомъ.

— Подымай выше! произнесъ онъ, пропуская каменья между неуклюжими пальцами.

— Полторы тысячи?

— Двѣ съ половиною, дружокъ! двѣ съ половиною, воскликнулъ онъ восторженно;—найдешь за полторы тысячи такіе камни? какъ бы не такъ! но, повторяю вамъ, друзья мои, для нея ничего не пожалѣю! Вотъ жизнь, господа, такъ жизнь!

Накатовъ привсталъ съ дивана и, наклонившись къ пріятелямъ, произнесъ вполголоса:

— Влюблена въ меня какъ сто тысячъ кошекъ! сердится и плачетъ, когда я ухожу отъ нея... Господа, продолжалъ онъ громко:—хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе? умоляю васъ!..

— Что такое?

— Поѣдемте сейчасъ къ ней, проведемъ тамъ вечеръ, напьемся чаю, поужинаемъ, вѣрно кто-нибудь еще забредетъ... славно убьемъ вечеръ, она будетъ очень рада...

— Помилуй, любезный, теперь рано.

— Вотъ вздоръ какой, рано! что за рано, семь часовъ!.. къ тому же вы домашніе люди... ѣдемъ!..

Дѣлать было въ самомъ дѣлѣ нечего, сигары были докурены, пріятели послѣдовали за Накатовымъ.

— Клары Петровны дома нѣтъ-съ... сказала субретка, отворяя настежъ всѣ двери.

— Какъ! быть не можетъ! воскликнулъ Накатовъ.

— Мы говорили тебѣ, что слишкомъ рано, прибавилъ Бондаревскій.

— Клара Петровна сегодня дома не кушали, прибавила субретка.

— Какъ! стало быть у барыни прошла головная боль?

— Не знаю-съ, только онѣ уѣхали въ три часа...

— Должно быть она поѣхала къ Делиль, замѣтилъ Накатовъ:—скажи Кларѣ Петровнѣ, какъ она пріѣдетъ, что всѣ мы явимся сегодня чай пить... Господа, продолжалъ онъ, я попросилъ бы васъ остаться здѣсь, да скучно будетъ безъ хозяйки; притомъ и нехорошо сидѣть тотчасъ же послѣ обѣда; въ ожиданіи чаю не пошляться ли намъ гдѣ-нибудь?

— Гдѣ же?

— Ну, хоть въ Пассажѣ... въ восемь часовъ какъ разъ будемъ здѣсь; такъ, что ли?

— Хорошо!

Пять минутъ спустя они входили въ Пассажъ.

— Господа, зайдемте къ Пальмирѣ, сказалъ Накатовъ.

— Ну, не совѣтую, особенно тебѣ, возразилъ Бондаревскій:—она, того и смотри, тебѣ глаза выцарапаетъ; знаешь ли, что она ругаетъ тебя всѣмъ и каждому?

Накатовъ самодовольно засмѣялся.

— Ну, ну, что-жъ она говоритъ, душенька? скажи, пожалуйста, это очень забавно... Понятно, зависть къ Кларѣ Петровнѣ... Ну, что же говоритъ она?..

— Во-первыхъ, она называетъ тебя не иначе, какъ Морицомъ...

Накатовъ побагровѣлъ какъ піонъ.

— Ахъ, она дрянь! произнесъ онъ запальчиво.

— Полно, братецъ; стоитъ сердиться за то, что несетъ изъ зависти или ревности всякая женщина, сказалъ Бондаревскій, закусывая губы.

— Да вотъ развѣ то, что она женщина, вымолвилъ сквозь зубы Накатовъ, разжимая кулаки:—пойдемте, пойдемте, пожалуйста, поскорѣе мимо ея оконъ, мнѣ противно глядѣть на эту дрянь... Я вамъ предложу вотъ что: такъ какъ Пассажъ довольно пустъ, подымемся на верхъ, возьмемъ въ кафе-ресторанѣ особую комнату, спросимъ мороженаго или шампанскаго со льдомъ и посидимъ въ ожиданіи чаю...

— Вѣдь самъ же ты говорилъ, что вредно сидѣть послѣ обѣда...

— Мы уже прошлись довольно... Идемте, господа, пожалуйста, прошу васъ.

Всѣ поднялись во второй этажъ Пассажа.

— Особую комнату, сказалъ Накатовъ слугѣ, останавливаясь въ темномъ, узенькомъ коридорѣ, въ стѣнѣ котораго виднѣлось нѣсколько дверей.

— Есть-съ, пожалуйте...

— Тутъ, что ли?

— Нѣтъ-съ, эта занята, пожалуйте въ этотъ нумеръ или этотъ...

Слуга отворилъ дверь рядомъ съ дверью занятаго нумера, и всѣ вошли въ очень миленькую, свѣтлую ком-

натку. Затопился каминъ, явились шампанское и мороженое и началась бесѣда.

. . . . . .

— Что съ тобою, Накатовъ? спросили почти въ одинъ голосъ пріятели, прерывая мгновенно разговоръ и устремляя на него любопытные взгляды; — дурно тебѣ, что-ли?

— Нѣтъ, господа, позвольте... мнѣ послышалось одно слово...

— Какое слово?

Не отвѣчая имъ, Накатовъ дернулъ за колокольчикъ.

— Скажи, пожалуйста, любезный, спросилъ онъ вполголоса, обращаясь къ вошедшему слугѣ:—кто у васъ въ этой комнатѣ?

Онъ указалъ налѣво.

— Не знаю, сударь, какіе-то два старые господина изволили спросить шоколаду, холодной воды и газеты; они уже здѣсь полчаса.

— Хорошо, ступай! отрывисто отвѣчалъ Накатовъ.

— Скажешь ли намъ, наконецъ, что такое случилось? снова спросили его пріятели, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

— Нѣтъ, ничего, такъ, мнѣ почудилось, вымолвилъ развязно Накатовъ—и вдругъ поблѣднѣлъ, раскрылъ ротъ и покачнулся.

Въ эту минуту говоръ въ сосѣднемъ нумерѣ усилился.

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, послышался примирительный голосъ: — могу васъ увѣрить, что случаи эти не такъ рѣдки, какъ вы думаете; такого рода болѣзни очень часто обращаются въ періодическія...

— Нѣтъ, Ѳедоръ Иванычъ, какъ вы тамъ себѣ хотите, отвѣчалъ кто-то густымъ басомъ: — а случаи эти рѣдки; я по-крайней мѣрѣ первый разъ вижу, чтобы субъектъ ея лѣтъ излечился отъ помѣшательства, чтобы помѣшательство, коснувшись разъ дряблаго и почти отжившаго организма, не дѣлалось постояннымъ, хроническимъ... повѣрьте, это не сумасшествіе! это просто продолжительный припадокъ, приливъ крови къ мозговой

оболочкѣ; ручаюсь вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, что она радикально выздоровѣла... Замѣтили вы сегодня на консиліумѣ: она говорила, какъ мы съ вами, никакого признака умственнагс поврежденія, совершенное высвобожденіе мозговой перепонки...

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, Иванъ Петровичъ, не согласенъ, совершенно не согласенъ: посмотрите, если черезъ годъ— какое! черезъ два-три мѣсяца, не повторится съ нею опять та же исторія... Я наблюдалъ за нею сегодня, также во время консиліума: глазъ ея безпокоенъ... бѣлокъ нѣсколько воспаленъ и какъ будто прозраченъ... Что она у васъ спрашивала?..

— Не знаю ли я ея внучка...

— Ахъ, да вѣдь у ней внучекъ!.. любопытно было бы посмотрѣть...

Пріятели взглянули на Накатова. На немъ лица не было: губы его поблекли и опустились, щеки судорожно подергивались; окинувъ дикимъ взглядомъ комнату, онъ вскочилъ на ноги и бросился къ двери. Пріятели обхватили его руками.

— Полно, Накатовъ, опомнись, что ты дѣлаешь? шептали ему всѣ за одинъ разъ—это вѣрно не о тебѣ идетъ рѣчь; развѣ ты одинъ въ Петербургѣ, у котораго сумасшедшая бабушка?.. сядь, выпей... къ тому же—слышишь? кто-то подымается по лѣстницѣ...

Накатова силою усадили на диванъ и влили ему въ горло стаканъ воды. Въ самую эту минуту въ коридорѣ послышались шаги; дверь, въ сосѣдній нумеръ, направо, отворилась, и почти въ то же время послышался звонкій женскій хохотъ. Накатовъ вздрогнулъ, побагровѣлъ и выкатилъ глаза; пріятели его переглянулись въ недоумѣніи.

— О, въ этомъ отношеніи, графъ, намъ не предстоитъ никакой опасности! сказала мелодическимъ голосомъ Клара Петровна: — я объявила, что у меня мигрень и отправила его къ пріятелямъ; онъ вѣрно у Дюссо.

— Да-съ, Клара Петровна, да, графъ, произнесъ картавый пискливый голосишко, по которому пріятели и самъ Накатовъ узнали тотчасъ же Гвоздикова: — я видѣлъ, какъ онъ вылѣзалъ изъ кареты передъ подъѣздомъ Дюссо...

— Клара Петровна, что прикажете? нѣжно спросилъ графъ.

— Позвольте, графъ, предоставьте распоряжаться Черницкому: я полагаюсь на его вкусъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Черницкій. — Человѣкъ! закричалъ онъ въ коридоръ: — мороженаго, воды со льдомъ и шампанскаго! смотри только: frappé à la glace! понимаешь?..

Бондаревскій и Бѣлостоцкій должны были развязать Накатову галстукъ: онъ задыхался.

— Могу васъ увѣрить, Ѳедоръ Иванычъ, послышалось снова въ нумерѣ налѣво.

— Неужто, Иванъ Петровичъ?

— Мнѣ говорилъ это Христіанъ Христіанычъ, ея домашній врачъ, то есть врачъ, вы понимаете... такой же, какъ мы съ вами архитекторы, но все-равно... Она рѣшительно объявила, что лишаетъ внучка наслѣдства...

— Старушка-то, говорятъ, скуповата.

Накатовъ вскочилъ на ноги, но почти въ ту же минуту опустился въ изнеможеніи на диванъ, протянулъ руки, какъ будто хотѣлъ за что-то уцѣпиться, закрылъ глаза и наконецъ залился слезами.

— Пусть ужъ лучше за одинъ разъ выпьетъ чашу до дна, шепнулъ Бондаревскій на ухо Бѣлостоцкому.

Тотъ кивнулъ головою.

— Нѣтъ, господа, вы ужъ, право, кажется, слишкомъ сильно нападаете на Накатова, весело воскликнула Клара Петровна: — онъ въ самомъ дѣлѣ очень добрый человѣкъ, глупъ немножко, но что жъ дѣлать, нельзя быть безъ недостатковъ...

— Какъ! только немножко глупъ? сказалъ шутливо Черницкій: — о! о! Клара Петровна, Клара Петровна!.. если такъ, я, чего добраго, начну вѣрить, что вы къ нему неравнодушны...

— Правда ли это, Клара Петровна? спросилъ графъ.

— Нѣтъ-съ, графъ, я ручаюсь, запищалъ Гвоздиковъ:— у Клары Петровны слишкомъ много вкуса...

— Браво, Гвоздиковъ, бррраво! закричалъ Черницкій: — Messieurs et madame, шампанское къ вашимъ услугамъ!..

— Злодѣи! простоналъ Накатовъ, сжимая кулаки и опускаясь на руки пріятелей...

— Полно, братецъ, что за вздоръ! смѣясь, говорилъ Бондаревскій: — неужто ты не можешь выдержать хладнокровно...

— Злодѣи! повторилъ Накатовъ, порываясь впередъ и снова опускаясь на диванъ.

— Тише, братецъ, какъ тебѣ не совѣстно! шепнулъ ему на ухо Бѣлостоцкій:—изъ этого можетъ выйти исторія; не забудь, что ты въ публичномъ мѣстѣ...

— Злодѣи! едва внятно пролепеталъ Накатовъ, жалостливо качая головою.

Наконецъ кой-какъ уговорили его, успокоили, вывели изъ нумера и усадили въ карету.

— Злодѣи! закричалъ Накатовъ, который, почувствовавъ себя въ собственной каретѣ, далъ уже полную волю слезамъ и отчаянію:—нѣтъ, я не переживу этого! друзья мои, не покидайте меня въ такую минуту!..

Бѣлостоцкій и Бондаревскій усѣлись съ нимъ вмѣстѣ: Лушкевичъ и Сережа поѣхали сзади въ коляскѣ Бѣлостоцкаго.

XVI.

Шахъ и матъ.

Кареты вскорѣ остановились передъ параднымъ подъѣздомъ Накатова. При входѣ въ переднюю, пріятели точчасъ же замѣтили перемѣну въ домѣ: люди, ходившіе всегда мѣрно и плавно, не торопясь и на цыпочкахъ, какъ строго предписывалъ взыскательный хозяинъ, заботившійся такъ усердно объ этикетѣ и комфортѣ, теперь суетились немилосердно или стояли неподвижно, вперивъ любопытный взглядъ на гостей и особенно на своего барина; швейцаръ такъ оторопѣлъ, что забылъ даже броситься къ звонку. Всѣ они какъ будто употребляли неимовѣрныя усилія, чтобы раскрыть рты и сообщить Накатову что-то особенное; но рты не раскрывались, и они стояли, вытя-

нувъ шею и видимо страдая отъ тщетнаго усилія привести въ повиновеніе челюсти.

— Ничего... кажется, нѣтъ новаго?.. кажется никто не былъ у меня сегодня, сказалъ ободрительнымъ, но нетвердымъ голосомъ Накатовъ, обращаясь къ швейцару и стараясь, по обыкновенію, показать ему спокойную, развязную наружность.

— Никакъ нѣтъ-съ... докторъ... началъ швейцаръ.

— Какъ! какой докторъ?.. воскликнулъ Накатовъ, мгновенно измѣняясь въ лицѣ.

— Христіанъ Христіанычъ, отвѣчалъ швейцаръ, запинаясь.

— Зачѣмъ?.. развѣ я его велѣлъ звать?.. спросилъ Накатовъ, лицо котораго покрылось чистѣйшимъ пурпуромъ.

— Отъ Пелагеи Антоновны, присовокупилъ швейцаръ.

У Накатова зарябило въ глазахъ.

— Бондаревскій, проговорилъ онъ, теряя тутъ же всю развязность и спокойствіе:—господа... сдѣлайте милость... подите впередъ... Спросите, ради Бога, что ему нужно, прибавилъ онъ, опускаясь на руку Бѣлостоцкаго, какъ мѣшокъ, изъ котораго вытрясли разомъ мякину.

— Полно, братецъ, выдержи характеръ хоть по крайней мѣрѣ передъ людьми, шепнулъ ему Бѣлостоцкій.

Слова эти тотчасъ же придали Накатову силы: онъ обернулся къ лакеямъ, сдѣлалъ даже какое-то движеніе головою, потомъ снова подхватилъ Бѣлостоцкаго и началъ подыматься по лѣстницѣ. На послѣднемъ поворотѣ лѣстницы попался сѣдой Гаврило, переименованный какъ-то въ мажордомы. Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, раскрылъ ротъ, какъ-будто хотѣлъ также что-то сказать, но вмѣсто этого покривилъ плаксивно губами, опустилъ голову и завертѣлъ мизинцами. Толпа прошла мимо, не обративъ на него никакого вниманія.

Войдя въ гостиную и увидя Христіана Христіаныча, Накатовъ ринулся назадъ и принялъ позу, какую принимаетъ актеръ, когда приходится спрашивать въ патетическую минуту: «Кто ты, грозное привидѣнье?..» Пріятели поклонились Христіану Христіанычу и усадили Накатова на диванъ.

— Ну, Борисъ Борисычъ, я къ вамъ пришелъ за очень важнымъ дѣломъ, началъ Христіанъ Христіанычъ, покрякивая и усаживаясь подлѣ внучка своей благодѣтельницы: — для васъ это конечно будетъ большая непріятность, но что же дѣлать? Такъ видно Богу угодно!..

Тутъ докторъ развелъ руками, заботливо покрутилъ угловатою своею головой и вслѣдъ затѣмъ снова крякнулъ и снова покрутилъ головой.

— Я... боленъ, докторъ... ужасно боленъ... сказалъ Накатовъ, распуская губы и схватываясь за голову.

— О, о, о, о! жалостливо произнесъ Христіанъ Христіанычъ, щупая ему пульсъ:—да, да; большой жаръ... пульсъ неровенъ...

— Охъ! докторъ, перебилъ Накатовъ: — я чувствую, что не переживу... О, злодѣи! злодѣи! перебилъ онъ, свѣшивая въ изнеможеніи голову.

— О, о, о, о! произнесъ еще мягче Христіанъ Христіанычъ:—зачѣмъ такъ говорить! ваша бабушка...

— Что же съ ней, докторъ... что? скажите мнѣ наконецъ... это мои пріятели... говорите при нихъ... вымолвилъ Накатовъ, подавая руку каждому изъ присутствующихъ.

— Пелагея Антоновна пришла ныньче утромъ въ себя, началъ докторъ успокоительнымъ тономъ.

— Такъ это правда? спросили въ одно время пріятели.

— Да-съ, еще двѣ недѣли тому назадъ я началъ замѣчать въ ней перемѣну... Восемь дней тому назадъ, я думалъ даже, что она совсѣмъ выздоровѣла: она приказала выгнать кормилицу, приказала продать купленныя для нея игрушки, не забыла даже велѣть принести ей деньги; и вдругъ къ вечеру ей стало опять хуже да хуже, такъ что я отложилъ было всякія надежды и, признаться, усомнился въ Тиссотѣ, который утверждаетъ, что такого рода болѣзни обращаются большею частью въ періодическія... Наконецъ, продолжалъ Христіанъ Христіанычъ, крякнувъ и поскрипѣвъ табакеркою:—ныньче ночью Пелагея Антоновна присылаетъ за мною; я прихожу, щупаю пульсъ: ровный, безъ всякаго признака тревожнаго, лихо-

радочнаго состоянія; я говорю съ нею: она отвѣчаетъ совершенно здраво на всѣ мои вопросы; къ утру ужъ и память ея прояснилась еще болѣе; я созвалъ консиліумъ: всѣ рѣшительно утвердили, кромѣ меня однакожъ и еще Ѳедора Ивановича, что она радикально выздоровѣла...

Тутъ Христіанъ Христіанычъ поднялъ брови и опять-таки развелъ руками. Накатовъ, лежавшій въ совершенномъ изнеможеніи на диванѣ, но со всѣмъ тѣмъ прислушивавшійся чуткимъ ухомъ къ разговору доктора, вскочилъ на ноги и ударилъ себя кулакомъ въ голову.

— Все кончено! произнесъ онъ отчаянно, взъерошивая на себѣ волосы.

— О! о! о! успокойтесь, Борисъ Борисычъ, сказалъ Христіанъ Христіанычъ, нѣжно прикасаясь къ его рукѣ.

— Нѣтъ! кричалъ Накатовъ, расхаживая по комнатѣ и продолжая взъерошивать волосы:—вы думаете, я послѣ этого останусь въ Петербургѣ?.. нѣтъ! уѣду въ деревню! буду жить тамъ: ѣсть, пить, спать! обрюзгну, запущу себя, подавлю въ себѣ просвѣщеніе, одичаю... Куда все это пойдетъ! присовокупилъ онъ, протягивая руки къ стѣнамъ и карнизамъ:—кто этимъ воспользуется? Девяностолѣтняя старуха, которая не съумѣетъ оцѣнить всего этого, заведетъ тутъ богадѣльню или мелочную лавочку, напуститъ сюда всякой сволочи... все пропадетъ!..

Пріятели не могли долѣе держаться и разразились хохотомъ. Накатовъ сѣлъ на диванъ и закрылъ лицо руками.

— Успокойтесь, Борисъ Борисычъ, снова началъ докторъ, насупивъ брови и наклонивъ на бокъ сухощавую, какъ щепка, шею:—раздѣляя вполнѣ мнѣніе Тиссота, я рѣшительно отвергаю мнѣніе нашихъ врачей, которые увѣряютъ, будто бабушка ваша радикально выздоровѣла... Вздоръ, быть не можетъ! Тиссотъ совершенно правъ, и я съ нимъ согласенъ! Какъ это можно? Болѣзнь ея неизлѣчима и непремѣнно обратится въ періодическую...

— Нѣтъ, докторъ, теперь ужъ мнѣ все равно,—періодическая ли, хроническая ли, или вѣчная! все равно!

— Ну, не все равно, замѣтилъ Христіанъ Христіанычъ, покрякивая и поднося табакерку къ худощавому

своему носу:—конечно, для вашей бабушки большое несчастіе періодическое состояніе болѣзни, но для васъ — это совсѣмъ другое дѣло.

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, все равно... Что мнѣ теперь?.. всѣ, весь городъ, весь Петербургъ утверждаетъ, что она лишаетъ меня навсегда наслѣдства!..

Христіанъ Христіанычъ поднялъ значительно брови.

— Да, примолвилъ онъ, пожимая губами. — Пелагея Антоновна очень вами недовольна... она, дѣйствительно, говорила въ томъ смыслѣ...

При этомъ всѣ двери, ведущія въ гостиную, скрипнули; сквозь щели ихъ видно было сильное волненіе между лакеями, которые тискались одинъ на другого.

— Ну, однакожъ, прощай, Накатовъ, сказалъ Бѣлостоцкій, взявшись за шляпу.

— Какъ!.. ты оставляешь меня въ такую минуту?..

— Да, братецъ, нельзя иначе: я званъ на вечеръ къ Высицкимъ... къ тому же, согласись, я ничѣмъ не могу помочь въ твоемъ дѣлѣ...

— Вы куда?.. и вы также покидаете меня? горестно воскликнулъ Накатовъ, обращаясь къ сіамскимъ близнецамъ, которые тоже взялись за шляпы.

— Нельзя, Накатовъ, право нельзя: мы оба обѣщали сегодня пріѣхать къ Жозефинѣ; у нея маленькій вечеръ; тамъ будутъ французскія актрисы... Делиль, Зюльма... Анна...

— Ступайте же, ступайте! отчаянно произнесъ Накатовъ, махая во всѣ стороны руками:—всѣ меня оставляютъ!.. Одинъ человѣкъ, продолжалъ онъ, обнимая Бондаревскаго:—одинъ другъ, который не покидаетъ меня въ несчастіи...

— Очень ошибаешься, любезный, сказалъ Бондаревскій, схватываясь также за шляпу:—въ другое время я бы, разумѣется, сдѣлалъ это... но я званъ сегодня на вечеръ...

— Куда?

— Къ княгинѣ Зинзивѣевой...

При этомъ имени Накатовъ выпустилъ Бондаревскаго изъ рукъ, закрылъ лицо обѣими ладонями и бросился на

диванъ. Пріятели поклонились Христіану Христіанычу и поспѣшно, на цыпочкахъ, вышли изъ гостиной.

— Успокойтесь, Борисъ Борисычъ, говорилъ докторъ, покрякивая и качая головою:—не отчаявайтесь; повѣрьте мнѣ, опытному человѣку. Пелагея Антоновна, продолжалъ онъ, наклонившись къ Накатову: — неизлечима; болѣзнь ея періодическая... Повѣрьте наконецъ Тиссоту... онъ никогда не ошибался...

Но уже Накатовъ не слушалъ Христіана Христіаныча: онъ отчаянно моталъ головою и рыдалъ на весь домъ.

НЕУДАВШАЯСЯ ЖИЗНЬ.

I.

Покупатель.

Недалеко отъ Сѣнной площади, на Екатерининскомъ каналѣ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ лавочка, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя. Она въ самомъ дѣлѣ не лишена оригинальности. Расположенная въ огромномъ домѣ, подъ старыми, полусгнившими воротами, заколоченными наглухо со всѣхъ сторонъ, кромѣ калитки, которая служитъ и входомъ, — лавочка эта съ перваго разу бросается въ глаза. Наружность ея облѣплена справа и слѣва снизу и сверху пестрыми рядами лубочныхъ картинокъ и книжонокъ, прикрѣпленныхъ на бичевкахъ раздвоенными колышками и щепками. Владѣтель этихъ сокровищъ — старичокъ лѣтъ семидесяти. Его знаютъ всѣ окрестные обыватели. Лицо его, скомканное какъ вымокшій пергаментъ, длинные, сѣдые волосы, тронутые кое-гдѣ желтизною, сгорбленная, сухая фигурка и сѣрые слезивые глазки мутно выглядывающіе поверхъ круглыхъ оловянныхъ очковъ,—все это могло бы служить художнику отличною моделью для колдуна или алхимика среднихъ вѣковъ. Особенно хорошъ былъ старикъ, когда онъ цѣликомъ появлялся у темнаго входа

калитки, причемъ свѣтъ падалъ на него прямо сверху. Это случалось очень часто. То вызывалъ его «Еруслан Лазаревичъ», котораго вѣтеръ перегибалъ изнанкой кверху и грозилъ сбросить въ лужу, то приводилось прикрикнуть на зѣвакъ, неотступно толкавшихся у входа и заслонявшихъ часто свѣтъ Божій. Нечего и говорить, что послѣднихъ было болѣе, чѣмъ покупателей. Ни на одной выставкѣ, можетъ-статься, не толпилось столько народа. Иначе, впрочемъ, и быть не могло.

Идетъ ли «служба», передъ нимъ подвиги «Русскихъ съ Кабардинцами», или картина, изображающая воина на конѣ: подъ копытомъ лошади, слѣва, копошатся, въ страшныхъ судорогахъ, изрубленные, безголовые турки, справо непоколебимо вытягиваются строи русскихъ войскъ, надъ которыми, однакожъ, патріотъ художникъ немного трудился: мазнулъ сурикомъ—вышли воротники, мазнулъ синькой—мундиры, мазнулъ сажей съ клеемъ—сапоги, и т. д.

— Эй, тетка, говоритъ солдатъ, указывая проходящей курносой бабѣ на «Чертову мельницу»:—погляди-ка, какъ вашего брата, старухъ беззубыхъ, чортъ съ лекаремъ въ молоденькихъ перемолачиваютъ!..

И бабу забираетъ любопытство, и она останавливается. Грамотѣй-лабазникъ также не прошмыгнетъ мимо, не перечитавъ въ слухъ «занятныхъ» похожденій «Ваньки Каина, Кондрашки Булавина» или «новѣйшаго, полнѣйшаго оракула». Тащится ли ватага каменьщиковъ, поравнявшись съ лавочкою, они тотчасъ же разсыпаются: кто таращитъ глаза на мужиковъ «Долбилу и Гвоздилу, побивающихъ французовъ», кто на приключенія «Носа и Сильнаго мороза»... Долго стоятъ они въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и развѣ когда товарищъ прочтетъ имъ вслухъ нѣсколько поучительныхъ изреченій изъ тутъ же вывѣшенныхъ книжонокъ: «Вредъ отъ пьянства» или «Убѣгай кабака», рѣшаются они промѣнять лавку на сосѣднюю распивочную.

Но часто не одни лубочныя издѣлія украшаютъ входъ знаменитой лавочки. Иногда, посреди ихъ ослѣпительной пестроты, попадается строгая античная головка или этюдъ съ натуры, писанный труженикомъ-художникомъ, или,

наконецъ, древній итальянскій эстампъ съ картины великаго мастера, занесенный Богъ вѣсть какимъ случаемъ, между «Погребеніемъ кота» и портретомъ «Кизляръ-аги»...

Послѣ знойнаго іюльскаго дня, часу въ седьмомъ вечера, толпа любопытныхъ замуравливала, по своему обыкновенію, входъ въ лавочку, къ совершенному отчаянію хозяина, который сидѣлъ внутри и, вѣроятно, долженъ былъ задыхаться отъ жары. На этотъ разъ всеобщее вниманіе было обращено къ купчику, гнусливо читавшему во всеуслышаніе похожденія «Великаго шута и плута, Совестдрала большаго носа»... Почти въ то же время, молодой человѣкъ, очень бѣдно одѣтый,—на немъ было сѣренькое, твиновое пальто и порыжѣвшая шляпа,—остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы. Еще издали, когда лавочка, съ облипавшими ее картинками, представлялась общимъ пятномъ, ярко блистающимъ на концѣ, онъ жадно всматривался въ ту сторону. Прекрасное, но блѣдное и нѣсколько истомленное лицо молодого человѣка озарилось радостною улыбкой, когда онъ остановился.

— Ну, слава Богу, еще не проданъ!.. произнесъ онъ вполголоса, нетерпѣливо устремляя глаза на темный, желтоватый эстампъ, покрытый по краямъ зазубринами, но все-таки отличавшійся отъ блестящихъ сосѣдей своихъ, какъ лилія посреди піоновъ и подсолнечниковъ.

Эстампъ изображалъ одну изъ послѣднихъ мадоннъ Рафаэля. Молодой человѣкъ отошелъ нѣсколько въ сторону, повернулся лицомъ къ Екатерининскому каналу, вынулъ изъ кармана жиденькій кошелекъ и принялся считать деньги. Но видъ цѣлковаго, двугривеннаго и гривенника, оказавшихся въ кошелькѣ, повидимому, не очень его обрадовалъ. Взглянувъ еще разъ на скудную сумму, онъ уже приготовился было всыпать ее назадъ, но въ эту минуту глаза его «случайно» встрѣтили эстампъ, и онъ снова остановился въ нерѣшимости. Наконецъ, онъ перешелъ улицу и присоединился къ толпѣ, окружавшей гнусливаго купчика.

— «Что-жъ, шепнулъ онъ себѣ подъ носъ:—сахару

у меня покуда еще довольно... Чаю станетъ также... Сегодня ужъ пятнадцатое число,—жалованье черезъ двѣ недѣли... Что-жъ касается до булочника,—онъ не можетъ не вѣрить въ долгъ—давно ли я заплатилъ ему? А наконецъ, что за бѣда, если и не повѣритъ... Не въ первый разъ,—э...»

Тутъ онъ махнулъ рукой съ такой рѣшимостью, какъ будто дѣло шло о жизни или смерти: смѣло протискался до входа лавочки и остановился передъ мадонною.

— Здравствуйте, батюшка, здравствуйте, произнесъ хриплый голосъ въ лавочкѣ и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась сгорбленная, съежившаяся фигура старика.— Здравствуйте, батюшка, продолжалъ онъ, обращая мутные зрачки свои на молодого человѣка:—а чай опять пришли на эстампикъ поглядѣть... Что-жъ, купите, коли понравился, важная штучка!.. присовокупилъ онъ, проводя костлявою, изрытою ладонью по нѣжнымъ, плавнымъ очертаніямъ эстампа:—я дешево съ тебя возьму, купите!..

— Дядя, а дядя, что стоитъ? неожиданно перебилъ дюжій, плечистый солдатъ, суя ему подъ носъ огромный листъ, изображающій «Обжору».

— Пятакъ.

— Э—ужъ и пятакъ!.. копѣйку бери...

— Пошли вы, пострѣлы, прочь! зашумѣлъ старикъ, поворачиваясь спиною къ служивому и обращаясь съ сердцемъ къ толпѣ босыхъ мальчишекъ въ затрапезныхъ халатахъ, напиравшихъ чуть не въ самую лавочку: — вотъ я васъ! ишь повадились... ну, чего уставились, окаянные...

Этимъ временемъ, молодой человѣкъ проворно отвелъ глаза отъ эстампа и, остановивъ ихъ на грубой копіи съ Орловскаго, сдѣлалъ видъ, какъ будто разсматривалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ.

— Что-жъ «баринъ», купите эстампикъ-то, снова присталъ хозяинъ.

— Нѣтъ, что мнѣ въ немъ, отозвался покупатель, презрительно кивая въ ту сторону: — старье!.. Скажи-ка лучше, что возьмешь за эту тройку, она будетъ почище того... Къ тому же у меня есть такой... Эхъ, старикъ,

старикъ, самъ не знаешь цѣны своему товару! прибавилъ онъ, стараясь придать насмѣшливое выраженіе своему голосу.

Старикъ недовѣрчиво покосился.

— А что дадите! вымолвилъ онъ:—троечка славная... ишь кони-то залихватскіе какіе... ишь... а я бы право дешево взялъ: да ужъ такъ и быть, эстампикъ-то за одно возьмите, парочка славная будетъ!

— Пожалуй, я бы и его взялъ, отвѣчалъ какъ бы нехотя покупатель: — да ты послѣдній разъ заломилъ за него цѣлковый... а что въ немъ? самъ посмотри, точно тряпка!

— Меньше цѣлковаго нельзя взять, сами видите, какая работа... Вотъ за «Долбилу» возьму пожалуй гривенникъ, за то разнота будетъ... меньше нельзя.

— Азбука есть? спросилъ вдругъ мужикъ, просовывая рыжую бороду.

— Есть, ступай сюда.

Старикъ и борода нырнули въ лавочку.

Молодой человѣкъ взглянулъ еще разъ на мадонну, сжалъ рукою кошелекъ и съ грустною рѣшимостью направился къ Кокушкину мосту. Но не сдѣлалъ онъ и двадцати шаговъ, какъ опять остановился, вынулъ кошелекъ и снова принялся считать деньги. Пересмотрѣвъ и перевернувъ каждую монету, то копьемъ, то рѣшеткой, онъ наконецъ круто повернулъ къ лавочкѣ и нетерпѣливыми шагами подошелъ къ старичку, только что отпустившему азбуку.

— Ну, такъ и быть, сказалъ онъ шутливо: — что станешь съ тобою дѣлать, давай эстампъ!.. Не тронь, не тронь, крикнулъ онъ, высвобождая мадонну изъ жосткихъ рукъ старика!—я самъ сверну. На, возьми, вотъ тебѣ цѣлковый...

Сказавъ это, молодой человѣкъ ухватился за эстампъ, свернулъ его въ трубочку и выбрался на улицу, чуть не прыгая отъ радости, но со всѣмъ тѣмъ тщательно обходя прохожихъ, какъ будто онъ несъ въ карманахъ хрустальную или фарфоровую посуду. Удовольствіе проглядывало во всѣхъ его движеніяхъ: то шагъ его уско-

рялся, онъ чуть не бѣжалъ, подвергаясь попасть подъ ноги лошадямъ или запутаться въ постромкахъ, то внезапно останавливался, бралъ свертокъ въ обѣ руки, но не находя, вѣроятно, возможности развернуть его, не пропускалъ, однакожъ, случая заглянуть въ отверстіе. Онъ похожъ былъ на молоденькаго гимназиста, получившаго первый хорошій атестатъ: довольный тѣмъ, что будетъ чѣмъ похвастать передъ семьею, домашними, даже старою няней и людьми,—онъ готовъ показать его всѣмъ и каждому на улицѣ, цѣлому Петербургу, воображая въ простотѣ души, что каждый долженъ непремѣнно принимать участіе въ его гордости. На Измайловскомъ мосту, молодой человѣкъ встрѣтилъ нищенку, и, въ порывѣ необдуманнаго великодушія, свойственнаго радостному чувству, отдалъ ей «цѣлый» гривенникъ. Миновавъ мостъ, онъ пошелъ направо по набережной Фонтанки и, не доходя до Египетскаго или Цѣпного моста, свернулъ въ узенькій переулокъ, предшествующій Коломнѣ. По мѣрѣ того, однакожъ, какъ онъ удалялся отъ шумныхъ улицъ, юношескіе порывы восторга, блиставшіе въ его свѣтлыхъ глазахъ, отражавшіеся такъ чистосердечно на чистомъ, блѣдномъ лицѣ его, замѣтно стали охлаждаться. Ихъ постоянно смѣняла тихая задумчивость, согласовавшаяся, впрочемъ, какъ нельзя лучше, съ печальными, пустынными переулками, составляющими предмѣстье «Новыхъ мѣстъ», которыя, въ свою очередь, составляютъ почти предмѣстье Петербурга. Чувство одиночества и неотвязчивой грусти, ощущаемое посреди этихъ пустырей, дѣйствительно въ состояніи усмирить какое угодно воображеніе, привести въ порядоъ и сосредоточить самыя растрепанныя мысли. Но, взявъ въ соображеніе увѣренность, съ какою молодой человѣкъ огибалъ заборы и закоулки,—мѣсто, казалось, было ему слишкомъ знакомо, чтобы могло дѣйствовать своею внѣшностью на его расположеніе; а между тѣмъ, чѣмъ далѣе подвигался онъ, тѣмъ замѣтнѣе обнаруживалъ и признаки грусти.

Печальное ли воспоминаніе дѣтства такъ некстати проскользнуло въ головѣ молодого человѣка; набрели ли случайно мысли его на какой-нибудь суровый неотрази-

мый фактъ дѣйствительной жизни, который, хотя и вчужѣ совершился, но тѣмъ не менѣе тяжело ложится на душу человѣка, еще юнаго и впечатлительнаго, полнаго огня и поэзіи, смотрящаго на все сквозь розовую призму, такую же чистую и свѣтлую, какъ собственная душа его; или же, наконецъ, внезапно овладѣло имъ чувство неопредѣленной, но тревожной тоски, чувство, похожее на предчувствіе, когда самъ не знаешь, отчего вдругъ сжимается болѣзненно сердце и плакать хочется, — но, во всякомъ случаѣ, уже трудно было узнать въ немъ того юношу, который за часъ какой-нибудь скакалъ и прыгалъ, какъ дитя, по поводу купленнаго имъ стараго ободраннаго эстампа. Такимъ образомъ вышелъ онъ къ Обводному каналу. Тутъ мѣсто стало еще пустыннѣе. Достигнувъ самой возвышенной точки берега, молодой человѣкъ снялъ шляпу, сѣлъ на траву и, положивъ голову на ладони, принялся глядѣть на Петербургъ, который съ этого мѣста виднѣлся на всемъ своемъ протяженіи.

Жаркое лѣтнее солнце медленно спускалось за городъ. Отдаленныя зданія, тонувшія въ огненномъ, золотистомъ облакѣ пыли, постепенно окутывались голубоватымъ туманомъ. Мѣстами, длинныя, фіолетовыя пятна неопредѣленнаго очертанія скользили надъ кровлями, то съуживаясь, то расширяясь и захватывая каждый разъ на пути своемъ башню или церковь, которыя вдругъ четко обозначались тогда на пламенѣющемъ небѣ. Слѣва, въ отдаленномъ горизонтѣ, показывалась, словно дымкой окутанная, профиль Исакія, и только на кругломъ его куполѣ сквозившемъ какъ опалъ, играли и дробились послѣдніе лучи заходящаго солнца. Впереди, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, ближайшіе заборы окончательно стемнѣли. Огромное кирпичное зданіе сахарнаго завода, съ высокою своею трубою, похожею на египетскій обелискъ, отдѣлялось уже какъ черное пятно на сѣровато-прозрачномъ тонѣ, ложившемся полосами на предмѣстья и городъ. Стукъ экипажей начиналъ ослабѣвать; онъ сливался въ какой-то общій гулъ, напоминающій отдаленный шумъ плотины, въ которой постепенно, одинъ за однимъ, запираютъ шлюзы.

Молодой человѣкъ не отрывалъ глазъ отъ города. Но

великолѣпная картина, растилавшаяся передъ нимъ, вмѣсто того, чтобы его разсѣять, казалось, еще сильнѣе, еще сознательнѣе развила раздумье, овладѣвшее имъ на дорогѣ. Взглянувъ на бѣлокурую, кудрявую голову молодого человѣка, съ трудомъ вѣрилось, однакожъ, чтобы видъ великолѣпной столицы успѣлъ уже такъ рано пробуждать въ немъ грустныя мысли. Казалось ничего еще общаго не могло быть между ними, кромѣ безпечнаго веселья, развлеченій и тысячи увлекательныхъ соблазновъ, щедро разсыпанныхъ въ каждомъ большомъ городѣ для человѣка молодого, неопытнаго. Ему особенно все бы должно было покуда улыбаться. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою, много ума и мыслей отражалось на чистомъ, выгнутомъ лбу его, въ глазахъ такъ много еще блистало жизни, одушевленія... А между тѣмъ, онъ неподвижно сидѣлъ, уперши прорванные локти въ колѣна, и съ безотраднымъ, горькимъ выраженіемъ смотрѣлъ на городъ. Преданный весь какой-то неотвязчивой мысли, онъ забылъ даже о существованіи драгоцѣнной покупки; эстампъ валялся подлѣ на травѣ; онъ не глядѣлъ на него, хотя теперь можно было, не опасаясь каретъ и толпы, любоваться имъ вдоволь.

Уже стало смеркаться, когда онъ покинулъ свое мѣсто. Машинально поднялъ онъ свертокъ, взглянулъ еще разъ на городъ, покрытый свинцовою тѣнью, судорожно провелъ ладонью по блѣдному лицу и быстрыми шагами направился къ дому. Вскорѣ изъ-за заборовъ показались кирпичные дома «Новыхъ мѣстъ», — отдаленной части города, избираемой не всегда безъ причины любителями строить «капитальныя» зданія. Молодой человѣкъ вступилъ на дворъ одного изъ такихъ домовъ. Въ то время, какъ проходилъ онъ къ заднему углу, изъ окна, расположеннаго въ верхнемъ этажѣ того же угла, выглянуло кругленькое женское личико и черные быстрые глазки устремились на молодого человѣка, который, въ свою очередь, достигнувъ середины двора также, глянулъ украдкою въ ту сторону. Но личико въ ту же минуту скрылось за занавѣскою. Такія продѣлки повторялись неоднократно, и всякій разъ одинаково удачно со стороны жен-

щины, пока, наконецъ, предметъ такого настойчиваго любопытства не исчезъ окончательно на лѣстницѣ.

II.

Подъ кровлею.

Квартира Андреева (такъ звали молодого человѣка) состояла изъ небольшой, продолговатой комнаты объ одномъ окнѣ, выходившемъ на извѣстный уже дворъ. Двойная дверь, обитая снутри и снаружи грубой клеенкой, отворялась прямо на лѣстницу, — обстоятельство, которымъ всегда какъ-то дорожатъ молодые люди, осужденные проживать въ конуркахъ «съ отопленіемъ и прислугой», отдаваемыхъ обыкновенно жильцами. Ничего не могло быть бѣднѣе этого жилища; но это далеко не была, однакожъ, та безалаберная, грязная, отталкивающая бѣдность, какую часто встрѣчаешь въ подобныхъ уголкахъ. Общее съ ними заключалось развѣ въ недостаткѣ свѣта. Между краемъ кровли и противоположною стѣною дома оставалась лишь тоненькая полоска неба. Въ сумерки, съ трудомъ уже можно было различать въ заднемъ углу, за ширмами, диванъ, служившій постелью, и ночной столикъ. Но чистота и порядокъ, отражавшіеся всюду, придавали все-таки комнатѣ видъ веселый и уютный. Прежде всего бросался въ глаза ветхій письменный столъ, на которомъ молодой жилецъ сосредоточилъ, казалось, всю свою роскошь. Тутъ помѣщались самыя красивыя книжки; голубая стеклянная вазочка для перьевъ и костлявая гипсовая анатомія, со вздернутою кверху рукою, возвышались на ящикѣ стародавняго фасона изъ корельской березы,— подарокъ, или, вѣрнѣе, наслѣдіе какой-нибудь провинціальной прабабушки. Надъ ними висѣло нѣсколько древнихъ эстамповъ, тщательно наклеенныхъ на папку; подлѣ, гипсовая маска Венеры, освѣщенная сбоку, четко вырѣзывалась на темной, закопченой стѣнѣ. Столъ былъ покрытъ тетрадками и бумагами, испещренными головками, фигурками, а иногда и цѣлыми эскизами, ловко набро-

санными карандашомъ. По всему видно было, что столъ этотъ любили и холили, что тутъ-то преимущественно занимались и работали. Полуразвалившіяся кресла, обтянутыя красноватой, набивной байкой, показывавшей мѣстами мочалку, примыкали къ столу. Далѣе, вправо, лѣпился кривой комодъ съ прорѣхами, вмѣсто замочныхъ скважинъ; на немъ чайникъ, стаканы, тарелки, прикрытыя толстымъ деревенскимъ полотенцемъ. Тутъ же на гвоздикахъ висѣла старая шинель и двѣ-три принадлежности гардероба, закутанныя разодранною простынею. Три разнокалиберные стула довершали мебель. Но комнату болѣе всего оживляли этюды съ извѣстныхъ античныхъ головъ и фигуры, рисованныя съ натуры итальянскимъ карандашомъ. Всѣ три стѣны были усѣяны ими; на каждомъ изъ этихъ рисунковъ, прикрѣпленныхъ мякотью или воскомъ, виднѣлся еще внизу красный нумеръ, свидѣтельствовавшій о ихъ академическомъ происхожденіи.

Когда Андреевъ вошелъ въ комнату, тамъ уже было совершенно темно. Не давъ даже времени снять шляпу, онъ подбѣжалъ къ окну и, притаившись за простѣнокъ, посмотрѣлъ къ сосѣдямъ. Нужно замѣтить, что окно его, вмѣстѣ съ окномъ, гдѣ была занавѣска и откуда показалась женская головка, составляли уголъ дома, такъ что легко было, и особенно вечеромъ, при внутреннемъ освѣщеніи комнатъ, наблюдать изъ одной квартиры въ другую. Не желая, вѣроятно, чтобы знали его дома и, разумѣется, не подозрѣвая, сколько такая предосторожность была уже лишнею, онъ тщательно занавѣсилъ окно свое старымъ одѣяломъ. Убѣдясь хорошенько, что не будетъ просвѣту, Андреевъ зажегъ свѣчку, усѣлся въ кресло, вынулъ изъ бокового ящика листъ бумаги и началъ писать:

«Вотъ ровно двѣ недѣли, какъ я каждый день, каждую минуту собираюсь писать тебѣ, сестра. Мнѣ грустно, Богъ знаетъ, какъ грустно! а отчего,—самъ не знаю. Не потому ли, кажется, что было прежде слишкомъ легко и весело? Никогда еще чувства и мысли мои не находились въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ все это время. То представляются мнѣ съ раздирающею ясностью печальныя наши обстоятель-

ства,—я падаю духомъ и прихожу въ отчаяніе; то, самъ не знаю почему, поддаюсь сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, вопреки всякому здравому разсудку, самымъ обольстительнымъ надеждамъ,—и на душѣ дѣлается вдругъ весело, какъ десятилѣтнему школьнику. Я вижу, однакожъ, всю несообразность оставить службу. Какъ это сдѣлать, когда всѣ вы нуждаетесь въ этихъ несчастныхъ ста рубляхъ, которые удѣляю я изъ годичнаго жалованья? Я понимаю, какъ нельзя лучше, что, не имѣя никакихъ залоговъ въ будущемъ, не зная даже навѣрное, есть ли во мнѣ талантъ (ты, сестра, право, кажется, судишь пристрастно), страшно было бы рѣшиться на такое дѣло даже и тогда, еслибъ не связывали меня наши домашнія обстоятельства. Согласись сама, чѣмъ сталъ бы я жить тѣ три или четыре года, которые необходимы мнѣ, чтобы добросовѣстно заняться своимъ предметомъ, учиться и работать? Кто возьмется обезпечить меня на это время хоть кускомъ хлѣба? Кому какая нужда до меня? Кто повѣритъ на слово, что я не употреблю во зло довѣрія и въ самомъ дѣлѣ готовъ неутомимо трудиться? Учиться и въ то же время заработывать хлѣбъ, — я самъ не хочу. Я раздѣляю твое мнѣніе. Правда, такая жизнь способна только охлаждать человѣка къ труду задушевному. Примѣровъ, къ несчастью, много. Но со всѣмъ тѣмъ, повѣришь ли, сестра, все-таки не достаетъ силъ примириться съ горькою судьбою. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что изъ меня могло бы что-нибудь выйти... На дняхъ случай свелъ меня въ первый разъ съ нѣсколькими учениками нашей академіи. Мнѣ привелось обѣдать на Васильевскомъ острову за общимъ столомъ, куда они обыкновенно сходятся. Они возвращались изъ этюднаго класса; съ ними была работа. Сказать тебѣ не могу, какъ все это показалось мнѣ слабо и безцвѣтно; главное то, что въ ихъ работахъ не видно ни малѣйшей любви къ искусству; все кой-какъ писано и рисовано, какъ будто нехотя, по долгу или заказу. А между тѣмъ, всѣ эти молодые люди (ихъ было четверо) поставлены въ то положеніе, за которое я Богъ вѣсть чѣмъ бы готовъ былъ жертвовать! Кромѣ этого, самое ихъ общество пришлось

мнѣ какъ-то не по сердцу. Еслибъ не Борисовъ и Петровскій,—два художника, которыхъ мнѣ показали на прошедшей выставкѣ,—я, вѣроятно, никогда бы не вернулся обѣдать на островъ. Помнишь, съ какимъ восторгомъ описывалъ я тебѣ картину:—«Агарь въ пустынѣ»,—это работа того самого Петровскаго. По отрывчатымъ слухамъ о немъ на выставкѣ, меня влекло уже къ нему, какъ я писалъ тебѣ, сильное сочувствіе. Это въ полномъ смыслѣ то, что называютъ: художникъ. Впрочемъ, я встрѣтилъ его всего одинъ разъ у Юргенсъ (хозяйки общаго стола). Онъ и товарищъ его, Борисовъ, кажется, даже вовсе меня не замѣтили. Представить себѣ не можешь, какъ благодѣтельно подѣйствовала на меня эта встрѣча. Я никогда еще не чувствовалъ такой сильной потребности приняться за живопись. Самъ не знаю отчего, но видъ талантливаго художника или артиста всегда какъ-то увлекаетъ меня; онъ возбуждаетъ какъ будто горячее соревнованіе; невольно уважаешь тогда искусство и вѣруешь въ него. Я пришелъ домой, чертилъ эскизъ за эскизомъ, и не сомкнулъ глазъ во всю ночь. До сихъ поръ еще не совсѣмъ отрезвился, и не далѣе какъ сегодня, вѣроятно, подъ тѣмъ же вліяніемъ, не могъ устоять чтобы не купить эстампа съ мадонны Рафаэля. Послѣ этого я былъ два раза у Юргенсъ, думая снова встрѣтить Петровскаго, но оба раза одинаково безуспѣшно. Я узналъ, однакожъ, что онъ часто тамъ бываетъ, и на этомъ основаніи завтра, въ воскресенье, снова отправлюсь туда попытать счастье, авось приведется его увидѣть. Ахъ, сестра, сестра, какъ грустно быть бѣднякомъ! Я бы, кажется, вынесъ безропотно свое состояніе, еслибъ только оно не мѣшало мнѣ идти по дорогѣ, которую избрало мое сердце. Если нѣтъ у меня дарованія, я бы, кажется, все равно, трудомъ и любовью взялъ то, что такъ легко дается таланту; я увѣренъ, что трудъ добросовѣстный никогда не пропадаетъ даромъ. Но довольно объ этомъ. Надѣюсь, что на этотъ разъ я много говорилъ о себѣ и ты останешься довольна, хотя покуда не сказалъ тебѣ ничего утѣшительнаго. Но что-жъ дѣлать! не могу писать тебѣ иначе, когда мнѣ грустно, — самъ не

знаю, какъ это дѣлается. Говорятъ, будто въ веселыя минуты становишься эгоистомъ; но такъ какъ это чувство не можетъ имѣть мѣста между нами, я считаю заключеніе несправедливымъ, точно такъ же, какъ и то, что дружба и привязанность охлаждаются въ разлукѣ; послѣднее, думаю, еще несправедливѣе. Когда я сижу, какъ теперь, одинъ въ своей комнатѣ, и вспоминаю нашу прежнюю жизнь, сердце мое невольно наполняется неизъяснимою любовью ко всему прошедшему. Я даже забываю все дурное въ этомъ прошедшемъ и, право, многое бы отдалъ, чтобы прожить хоть одинъ день постарому. Я кляну свое равнодушіе, не постигаю, какъ можно было просиживать съ тобою по цѣлымъ вечерамъ, не обнявъ тебя ни разу, не высказавъ тебѣ все то, что хотѣлось бы сказать теперь. Повѣришь ли, сестра, я даже съ любовью вспоминаю иногда пустынные переулки нашего уѣзднаго городка, нашъ ветхій домикъ подлѣ оврага; мнѣ милъ каждый камень въ этомъ оврагѣ, каждый кустъ; я часто думаю, какъ могло статься, что я не засиживался по цѣлымъ часамъ на берегу нашей чудной рѣки? Разумѣется, я не отдѣляю тебя ни отъ одного изъ этихъ воспоминаній, сестра моя; я даже думаю, не люблю ли ихъ потому, что они связываются такъ тѣсно съ тобою. Но смотря на все это, я все-таки хочу побранить тебя. Скажи пожалуйста, какъ могла придти въ твою чудесную, умную голову мысль прислать мнѣ денегъ?.. Неужели ты думаешь, что я скрылъ бы, еслибъ въ самомъ дѣлѣ въ нихъ нуждался? Я бы хотѣлъ только, чтобъ ты видѣла (впрочемъ, можешь судить по рисунку, присланному прошлаго года), какая у меня славная комната, какъ много въ ней всего и даже сколько лишняго. Вы всѣ почему-то предубѣждены въ провинціи противъ дороговизны петербургской жизни, между тѣмъ какъ здѣсь все дешевле, чѣмъ у васъ: причина ясная—производства больше и покупателей больше. Помилуй, сестра, знаешь ли что у меня теперь цѣлыхъ «пятьдесятъ рублей» въ кошелькѣ! Увѣряю тебя, что я ни въ чемъ не нуждаюсь; лучшимъ доказательствомъ служитъ покупка эстампа, о которомъ я тебѣ

говорилъ. Чтобы прислать мнѣ эти пять цѣлковыхъ, ты, вѣроятно, просидѣла нѣсколько дней за работой, и это меня очень огорчаетъ. Ради Бога не дѣлай этого впередъ. Если тебѣ непремѣнно хочется прислать мнѣ что-нибудь, такъ ужъ лучше пришли еще платковъ. У меня, какъ и прежде, на нихъ какое-то особенное несчастіе. Ужъ чего, кажется: и берегу, и карманы ощупываю, — а кончается всегда тѣмъ, что затеряю. Ты меня очень обрадовала, сообщивъ, что крестный отецъ отозвался обо мнѣ отцу и матери съ хорошей стороны. Главное въ томъ, что такія похвалы набрасываютъ на тебя, на мою воспитательницу, выгодный свѣтъ въ ихъ глазахъ... Сестрамъ, думаю, это, однакожъ, не очень пріятно... впрочемъ, можетъ ли ихъ радовать все, что лично до нихъ не касается? Но что намъ до нихъ, пусть себѣ дуются сколько угодно, это не помѣшаетъ намъ любить другъ друга по прежнему,—не такъ ли?.. Ахъ, кстати о крестномъ отцѣ: нельзя ли, ради Бога, устроить какъ-нибудь, чтобы отецъ и мать не надоѣдали ему безпрестанно просьбами и разспросами обо мнѣ. Онъ то и дѣло попрекаетъ меня этимъ. Прощай, пиши какъ можно скорѣе, обнимаю тебя крѣпко, крѣпко; прощай еще разъ»...

Письмо это замѣтно разсѣяло Андреева. Хотя оно ровно ничего неизмѣняло изъ настоящихъ его обстоятельствъ, однакожъ, — какъ это часто бываетъ, — тяжелая тоска, давившая сердце молодого человѣка, мгновенно исчезла. Онъ даже какъ будто снова повеселѣлъ.

Письмо было уже запечатано, и Андреевъ писалъ слова адреса, какъ вдругъ за стѣною кто-то постучался и вслѣдъ затѣмъ послышался басистый голосъ хозяина квартиры.

— Григорій Петровичъ, будете пить чай?—скоро восемь часовъ,—пора!

— Да, да, крикнулъ Андреевъ, быстро подскакнувъ на своемъ креслѣ; но почти въ ту же минуту спохватился. Онъ вспомнилъ, что на днѣ кошелька оставался только всего одинъ двугривенный; что если онъ соблазнится и будетъ пить чай, завтра не на что станетъ обѣдать у Юргенсъ и надо будетъ отказаться отъ встрѣчи

съ Петровскимъ. Сообразить такіе доводы и счеты было нетрудно. Андреевъ бросился къ стѣнкѣ, откуда раздался стукъ, и тутъ же объявилъ хозяину, что не чувствуетъ сильнаго голода, ибо только что напился чаю у «одного знакомаго».

Послѣ того онъ спряталъ письмо и принялся ходить по комнатѣ. Въ одну изъ тѣхъ минутъ, какъ онъ приближался къ столу, глаза его случайно упали на эстампъ. Лицо его снова просіяло. Не прошло и пяти минутъ, какъ Андреевъ сидѣлъ съ карандашомъ передъ гравюрой и чертилъ что-то на бумагѣ.

Въ комнатѣ стало тихо. Пламя свѣчки, прикрытое бумажнымъ колпакомъ собственнаго издѣлія, обливало ослѣпительнымъ блескомъ часть стола и худощавыя руки молодого человѣка; лицо его оставалось въ тѣни, но желтоватый, горячій отблескъ бумаги, надъ которой оно склонялось, позволялъ различать выразительныя, оживленныя черты его. Остальная часть комнаты была въ полумракѣ, и только вздрагивавшій кругъ свѣта на потолкѣ набрасывалъ на ближайшіе предметы прозрачныя, блѣдныя пятна.

Андреевъ былъ такъ занятъ своею работою, что не замѣтилъ, какъ дверь, которую онъ забылъ запереть въ торопяхъ, отворилась, и въ комнату вошла молоденькая женщина. Вытянувъ впередъ голову, на которую былъ наброшенъ клѣтчатый темный платокъ, и приложивъ палецъ къ губамъ, она долго не рѣшалась тронуться впередъ; увѣрившись такимъ образомъ, что не подозрѣвали ея присутствія, она осторожно заперла дверь и слегка подобравъ платье, тихонько, какъ котенокъ, пробирающійся къ мышкѣ, прокралась къ самому креслу.

Андреевъ продолжалъ также усердно рубить карандашомъ справа и слѣва. Молодая женщина, съ невыразимою легкостью перегнулась черезъ спинку и, балансируя такимъ образомъ на воздухѣ, тихо склонила свою голову надъ работою Андреева.

Кругленькое ея личико, освѣщенное сполна пламенемъ свѣчки, выглядывающимъ поверхъ колпака, представляло самую подвижную, оживленную физіономію. Вздернутый

носикъ, тоненькія, черныя какъ смоль, брови, приподнятыя въ ту минуту нѣсколько кверху, и красныя, смѣющіяся губки, сквозь которыя сверкалъ рядъ бѣлыхъ, крошечныхъ зубовъ, — придавали ей что-то лукавое, безпечное и бойкое. Черные глаза, бѣгавшіе въ одно время по всему столу, не пропускали ни одного движенія молодого человѣка. Соскучась, вѣроятно, однимъ холоднымъ наблюденіемъ, она вдругъ перевернулась всѣмъ тѣломъ черезъ кресло, прильнула губами къ его уху, вскрикнула и, откинувшись въ ту-жъ секунду на середину комнаты, принялась хохотать и хлопать въ ладоши.

— Боже мой, произнесъ Андреевъ, оправившись отъ испуга и вскакивая съ мѣста:—помилуй, Катя, что тебѣ за охота шалить!.. О! право какая... ну посмотри, что я теперь стану дѣлать?.. я испортилъ изъ-за тебя рисунокъ, прибавилъ онъ, не скрывая своей досады.

Катя упала на стулъ и залилась звонче прежняго.

— Вѣчно вздоръ затѣваешь! продолжалъ Андреевъ, бросая съ сердцемъ карандашъ на столъ и попавъ прямо въ чернильницу.

Но тутъ хохотъ Кати дошелъ до того, что Андреевъ долженъ былъ броситься къ ней и обхватить ее руками, чтобы она не упала на полъ. Катя быстро, однакожъ, вывернулась и, ставъ на ноги, принялась прыгать и дергать его то съ одной, то съ другой стороны за платье.

— Да перестань же, сдѣлай милость, говорилъ Андреевъ, поворачиваясь на одномъ мѣстѣ: — что скажутъ сосѣди?.. подумаютъ, что здѣсь какіе нибудь сумасшедшіе...

Но, вмѣсто отвѣта, Катя приняла трагическую позу и запѣла тоненькимъ голосомъ слова извѣстнаго куплета:

Окончивъ курсъ моей науки,
Завелъ я сумасшедшій домъ,
Тра-ла — ла — ла — ла!..

— Тьфу ты пропасть, что говори ей, что не говори, все одно...

— Брррр... перебила Катя, неожиданно проводя ладонью по губамъ Андреева. — Да что вы, въ самомъ дѣлѣ,

раскричались? тсс! прибавила она внезапно останавливаясь и топнувъ ножкой.

— Я вовсе не кричу, сказалъ Андреевъ, понижая голосъ и разглаживая волосы: — да только право...

— Что такое?.. вотъ еще новости, я не смѣю смѣяться передъ нимъ!.. Да вы бы должны радоваться, что я пришла... А онъ смѣетъ еще дуться — скажите пожалуйста! присовокупила она, хмуря брови.

— Я вовсе не дуюсь... я радъ тебя видѣть...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она, перегнувъ на бокъ голову и насмѣшливо съуживая глазки: — а кто занавѣсилъ окно? Скажите, господа, это онъ хотѣлъ меня видѣть!.. славно, Григорій Петровичъ, прекрасно, нечего сказать!.. А кто сказалъ мнѣ, что придетъ въ шесть часовъ?.. гдѣ вы были, позвольте васъ спросить?..

— Я ходилъ гулять...

Андреевъ замялся.

— Знаю, знаю, перебила Катя, внезапно перемѣнивъ интонацію: — знаю, вы всегда ходите гулять, и только когда я прошу васъ пойти со мною, говорите, что вамъ надо работать. Тутъ она принялась его передразнивать, но ужъ видно было, что сердца было болѣе, чѣмъ шутки.

— Знаю, все знаю, продолжала она: — вамъ стыдно со мною ходить по улицамъ...

— Вотъ еще вздоръ выдумала, произнесъ Андреевъ, смягчая болѣе и болѣе голосъ: — какъ тебѣ не стыдно говорить такія пустяки! ты, право, сегодня, какъ сумасшедшая!

— Да, да, я сумасшедшая, воскликнула она обиженнымъ тономъ: — я это также знаю... пожалуйста оставьте меня, сухо сказала она, отталкивая его руку, которая протягивалась къ ея рукѣ:—не нужно мнѣ вашихъ ласкъ... совсѣмъ не нужно!

— Полно же, вымолвилъ Андреевъ, стараясь принять веселую наружность:—вѣдь ты, чего добраго, вздумаешь разсердиться не на шутку;—глупо, право глупо.

— Вотъ славно! онъ станетъ дѣлать разныя штуки, а я не смѣй и слова сказать; да, всегда скажу: вы для

меня никогда ничего не дѣлаете, никогда никакого удовольствія, никогда, никогда! тебѣ все равно...

— Выслушай же, наконецъ, хоть разъ; ну, скажи пожалуйста, изъ чего ты все это затѣваешь, ну, изъ чего?.. Катя, ты знаешь, откуда возьму я денегъ? У меня гроша теперь нѣтъ!..

— А это откуда? радостно воскликнула Катя, схвативъ со стола эстампъ и махая имъ по воздуху.

— Это... послушай...

— И слышать ничего не хочу, закричала она, закрывъ уши и мотая головою: — вы еще сегодня утромъ, когда я просила пойти въ Александринскій театръ, говорили, что у васъ нѣтъ денегъ... Для меня у васъ никогда ничего нѣтъ; вы скорѣе накупите всякой дряни, вашихъ глупыхъ рисунковъ, отдадите нищенкѣ какой-нибудь! Я знаю, вы любите больше ваше мерзкое рисованье, чѣмъ меня! вы только говорите, что любите, но хорошо, теперь я ничему не вѣрю, ничему, ничему; я вижу, что вы меня только обманываете, да! Вы думаете... (Катя повернулась къ двери и, закрывъ лицо руками, притворилась плачущею).

— Ну, опять начинается! сказалъ Андреевъ, отходя въ сторону и махнувъ рукою.

— Да, начинается, живо подхватила Катя, подступая къ Андрееву:—и всегда будетъ начинаться, вы сами виноваты. Я вамъ надоѣла, не правда ли?.. Работаю, работаю... (Тутъ она снова принялась его передразнивать), а какая у васъ работа? такъ только, вздоръ, пустой предлогъ; ненужно мнѣ всѣхъ вашихъ хитростей, скажите лучше прямо: я надоѣла...

— Я вовсе этого не думаю, да и думать не хочу; ты сама знаешь... Я только не понимаю, какъ тебѣ не совѣстно капризничать...

— Хочу, хочу, хочу!.. перебила Катя, топая ногами и принимаясь не на шутку плакать.

Хотя Андреевъ зналъ по опыту, что лучшимъ средствомъ прекратить сцену было сохранить равнодушіе, не возражать и не обращать вниманія, однакожъ, мягкое его сердце не выдержало; теорія его, какъ это обыкно-

венно водится въ подобныхъ случаяхъ, ровно ни къ чему не послужила. Онъ подошелъ къ Катѣ и нѣжно взявъ ее за руки, принялся увѣщевать. Но Катя, какъ на зло, ничего не хотѣла слушать; она не переставала плакать и отбивалась руками и ногами. Самъ Андреевъ потерялъ наконецъ терпѣніе. Онъ бросился въ кресло и, повернувшись къ ней спиной, углубился въ разсматриваніе своего эстампа. Катя зарыдала еще громче прежняго.

— Я самая несчастная женщина и проклинаю тотъ день, въ который встрѣтила васъ... повторяла она усиленно-отчаяннымъ голосомъ и въ то же время косясь на кресло.

Андреевъ продолжалъ, молча, что-то скоблить на бумагѣ.

— Боже мой, за что мнѣ такое несчастіе? продолжала Катя: — ничего не хочу теперь, все кончено, все брошу,—все!..

Андреевъ не трогался съ мѣста. Мало-по-малу онъ склонился къ столу, карандашъ снова очутился въ рукахъ его и, почти незамѣтно, Андреевъ увлекся своей работой.

Такъ прошло по крайней мѣрѣ добрыхъ полтора часа. Рисунокъ уже приближался къ концу, когда Андреевъ вспомнилъ сцену съ Катей. Онъ поднялъ голову и быстро обернулся назадъ. Но тамъ никого уже не было. Тишина мертвая царствовала въ комнатѣ, прерываемая лишь мѣрнымъ постукиваніемъ маятника за сосѣднею стѣной. Не довѣряя своему слуху, Андреевъ снялъ со свѣчки колпакъ, бережно отодвинулъ кресло и, приподнявшись на цыпочки, взглянулъ за ширмы.

Въ полусвѣтѣ, проникавшемъ за ширмы и ложившемся полосами на диванъ, онъ увидѣлъ Катю. Подогнувъ подъ себя разутыя ножки свои и положивъ обѣ ладони подъ лѣвую щеку, она спала сладкимъ сномъ ребенка, заснувшаго во время слезъ и горя. На пухленькой щекѣ виднѣлись еще слѣды крупной слезы, остановившейся въ ямочкѣ подбородка и сверкавшей тамъ, какъ капля росы на днѣ розоваго листка. Покатость подушекъ, живописно перегнувъ ей шейку, усиленно выдвинула узенькое бѣ-

ленькое плечико, полированное, какъ мраморъ и казавшееся еще бѣлѣе посреди черныхъ, смолистыхъ волосъ, разсыпавшихся въ безпорядкѣ.

У Андреева отлегло сердце. Онъ потихонечку опустился на колѣни передъ диваномъ, расправилъ ей волосы, пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и тихо склонилъ свою голову надъ пылающею щекой Кати. Такъ кончалась у нихъ, впрочемъ, всякая ссора.

III.

Первая любовь.

Андреевъ не былъ петербургскимъ уроженцемъ. Дѣтство и юность его прошли въ глухомъ уѣздномъ городкѣ одной изъ самыхъ отдаленныхъ нашихъ губерній. Отецъ его, выслужившійся протоколистъ, въ званіи четырнадцатаго класса, занималъ въ этомъ городкѣ одно изъ самыхъ ничтожныхъ мѣстъ. Семейство старика было многочисленно, слишкомъ даже велико, принимая въ соображеніе средства. Оно состояло изъ старухи-жены (дочери какого-то чиновника, отставленнаго изъ земскаго суда), трехъ дочерей, сына, и находилось постоянно въ крайней бѣдности. Не входя ни въ какія обстоятельства, не разбирая большую или меньшую способность старика-отца, можно отчасти объяснить безуспѣшность его стараній улучшить благосостояніе семейства. Къ несчастію (такъ думалъ и видѣлъ отецъ Андреева), фразы: «обремененъ многочисленною семьею, дѣти маленькія, бѣдность одолѣла»... и другія въ томъ же родѣ, приправляемыя, какъ водится, пожиманіемъ плечъ, перевертываніемъ одного большого пальца руки вокругъ другого и уничиженнымъ опусканіемъ глазъ къ землѣ, — теперь уже совершенно утратили кредитъ и съ трудомъ пособляютъ добывать копѣйку. Нужны другія болѣе дѣйствительныя мѣры. Вѣкъ ушелъ впередъ, — что-жъ прикажете дѣлать? — на время пенять нечего! Къ тому же, такая ужъ, видно, у насъ почва: сколько не сѣй филантропіи, — филантропія

съ каждымъ годомъ даетъ менѣе роста и способствуетъ только къ разведенію эгоизма.

Дѣтство молодого Андреева, какъ каждый легко себѣ представитъ, было незавидно обставлено. Старуха-мать, всѣ помыслы которой сосредоточивались на печеніи кулебякъ съ вязигой и морковью; двѣ сестры, — старыя дѣвы, немногимъ опередившія мать; нѣсколько писцовъ и протоколистовъ — старыхъ товарищей отца, да засѣдатель (аристократъ этого круга) — вотъ и все. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный мальчикъ, сдѣлавшись разъ юношею, захлѣбнулся бы въ этомъ омутѣ, еслибъ не спасла его заблаговременно третья сестра, вернувшаяся къ этому времени въ домъ родительскій. Но, вѣроятно, и это не помогло бы, еслибъ три года спустя, когда ему минуло девятнадцать лѣтъ, кто-то (и чуть-ли не засѣдатель,— умная голова!) не надоумилъ отца отправить сына въ Петербургъ, благо представлялся случай. Кто не желаетъ своему дѣтищу пользы?.. Но когда польза, приносимая дѣтищу, можетъ, въ добавокъ, обратиться и на родителей,—желаніе пользы дѣлается еще убѣдительнѣе. Колебаться и раздумывать въ такомъ случаѣ — просто нелѣпость. Попавъ разъ на эту мысль, отецъ Андреева, немедля ни минуты, написалъ крестному отцу Гриши, служившему въ Петербургѣ, прося его снизойти къ мольбамъ бѣднаго семейства, «обремененнаго» скорбями и несчастіями, «угнетеннаго» и разстроеннаго. Спустя нѣсколько времени, крестный отецъ отвѣчалъ, что, пожалуй, готовъ исполнить просьбу.

Разумѣется, немного заботились о тонѣ, съ какимъ былъ написанъ отвѣтъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы не получить отказа. Гришу принялись снаряжать въ дорогу.—Насталъ день разлуки. Старики благословили сына, снабдили его общепринятыми наставленіями, смыслъ которыхъ заключался, однакожъ, въ томъ, что онъ единственная надежда и подпора семейства, и проч., и проч. Старшія сестры въ это время сунули ему мѣшокъ съ лепешками и ватрушкой. Началось прощанье.—Все прошло, какъ нельзя спокойнѣе, и только, когда бѣдный мальчикъ обнялъ въ послѣдній разъ младшую сестру свою,

громкія рыданія, вырвавшіяся внезапно у обоихъ, прервали на минуту тишину дворика, посреди котораго стояла дорожная телѣжка.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, молодой человѣкъ остановился у крестнаго отца.

Какъ и всякому человѣку, вышедшему изъ ничтожества, добившемуся, помощію разныхъ лишеній и трудовъ, до кой какого состоянія, крестному отцу тотчасъ же представилось, что тутъ мѣтятъ, вѣроятно, болѣе, чѣмъ на одно покровительство съ его стороны. Два, три водевиля, виденные имъ случайно въ Александринскомъ театрѣ, подтвердили его предположеніе. Въ этихъ водевиляхъ, крестный отецъ и дядя играли всегда роль положительныхъ благодѣтелей. Запугавшись не на шутку, чтобы вредная мысль господъ водевилистовъ не запала какъ-нибудь въ голову крестника или отца его, — онъ поспѣшилъ сообщить свои опасенія женѣ. Та подтвердила ихъ. Воображеніе у женщинъ еще горячѣе, нежели у мужчинъ.

На другой же день, крестный отецъ принялся допытываться у крестника истины, объясняя ему въ то же время обиняками о дороговизнѣ столичной жизни, о неудобствахъ квартиры, о заботахъ и хлопотахъ, связывающихся съ его пріѣздомъ,—словомъ, далъ ему понять, что держать у себя лишняго человѣка было бы для него крайне затруднительно. Андреевъ, заранѣе приходившій въ отчаяніе отъ мысли жить подъ одною и тою же кровлею съ крестнымъ отцемъ и его женою (такъ сильно развилось къ нимъ сочувствіе молодого человѣка послѣ перваго бѣглаго взгляда), услыша все это, чуть было не бросился на шею благодѣтелей. Это обстоятельство тотчасъ же вызвало пріятныя улыбки на лицахъ обоихъ супруговъ, и крестный отецъ началъ искать ему мѣсто въ своемъ вѣдомствѣ.

Первые дни, проведенные Андреевымъ въ той самой комнатѣ, гдѣ видѣлъ его читатель, промелькнули незамѣтно. Отсутствіе семейной зависимости, о которой такъ горячо мечтаетъ каждый юноша, какъ бы ни было хорошо въ родномъ гнѣздѣ, свобода ходить и думать, не

отдавая никому отчета, — все это занимало его. Къ тому же, все окружающее было для него столько же ново, сколько самая жизнь. Бѣдное дитя скромнаго уѣзднаго городка, онъ восхищался безусловно всѣмъ, что только попадалось на глаза. Первое впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ принялъ сначала рѣшительное намѣреніе перерисовать весь городъ, всѣ зданія, всѣ памятники, не выключая даже статуй Лѣтняго сада, передъ которыми просиживалъ онъ цѣлые часы въ нѣмомъ восторгѣ. Восторженность молодого провинціала, какъ слѣдовало ожидать, была непродолжительна. Мало-по малу онъ началъ отрезвляться. Все вокругъ него, одно за другимъ, принимало свою обыденную, холодную, несообщительную наружность. Нѣжное сердце юноши сжималось впервые отъ какого-то темнаго, неопредѣленнаго сознанія своего сиротства посреди шумнаго, многолюднаго города.

Но когда мѣсто, отыскиваемое крестнымъ отцомъ, было найдено, и Андреевъ вступилъ въ кругъ новыхъ своихъ товарищей, разочарованіе окончательно положило свою ледяную руку на пылающую, восторженную его голову. Какъ всѣ молодые люди съ горячимъ воображеніемъ, обманутые разъ въ своихъ ожиданіяхъ, Андреевъ почувствовалъ вдругъ тоску страшную. Къ этому, впрочемъ, немало способствовалъ его характеръ, въ которомъ, несмотря на живость и жажду сообщительности, заключалась еще какая-то тонкая деликатность сердца, мѣшавшая ему скоро сближаться и заключать связи. Неохотное сближеніе это происходило частью, можетъ статься, отъ дикости, отъ непривычки жить между чужими, частью также отъ новыхъ товарищей, не возбуждавшихъ въ немъ сочувствія.

И загрустилъ бѣдный Андреевъ. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя столько одинокимъ. Возращаясь въ свою комнату, гдѣ отнынѣ должна была заключаться жизнь его, онъ вспомнилъ съ сожалѣніемъ глухой городишко; ему казалось, что многое было тамъ лучше, чѣмъ онъ прежде думалъ; тутъ только въ первый разъ понялъ онъ какъ сильно любитъ сестру свою. Подавленный иногда грустью, онъ писалъ ей письмо за письмомъ, и

въ этомъ проходили у него дни за днями. Изрѣдка, когда легче было на сердцѣ, онъ бралъ карандашъ и принимался чертить все, что приходило въ голову. Рисованіе было съ дѣтства любимою мечтою, любимымъ занятіемъ Андреева. Руководимый въ послѣднее время младшею сестрою, прежній самоучка, чертившій мѣломъ и углемъ на стѣнахъ и заборахъ улицъ,—онъ уже ловко передавалъ свою мысль бумагѣ.

Но такія минуты увлеченія часто приносили больше горя, чѣмъ радостей. Ему тотчасъ же припоминались слова одного изъ сослуживцевъ, которому онъ какъ-то нечаянно проговорился:

— Эге, ге!.. такъ вы, батюшка, художникъ, вотъ оно что-съ!.. Что-жъ вы не поступили тогда въ академію? Здѣсь, любезнѣйшій, художество вотъ какое...

Причемъ сослуживецъ выразительно черкнулъ перомъ по бумагѣ и насмѣшливо подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, повторилъ Андреевъ:—къ чему все это?.. Развѣ затѣмъ меня сюда прислали?..

И увлеченье уже звучало въ душѣ его упрекомъ. Онъ начиналъ понимать свое назначеніе. Передъ двадцатилѣтнимъ юношею раскрывалась понемногу горькая, неотразимая дѣйствительность; сердце его обливалось смертельнымъ холодомъ, глаза отуманивались слезою и любимый карандашъ падалъ изъ рукъ на неоконченный рисунокъ...

Уже два мѣсяца, какъ Андреевъ живетъ въ своей комнатѣ подъ кровлею. Разъ (это было лѣтомъ), поздно вечеромъ, сидѣлъ онъ у отвореннаго окна; ночь была чудесная, свѣтлая, теплая, какія бываютъ только въ Петербургѣ. Положивъ голову въ ладони, онъ глядѣлъ въ раздумьи на дворъ, разсѣянно прислушиваясь къ шуму засыпающаго города. Легкій кашель, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ, заставилъ его приподнять глаза. Каково было удивленіе Андреева, когда онъ увидѣлъ въ окнѣ, составляющемъ, вмѣстѣ съ его окномъ, уголъ дома, фигуру женщины, повернувшуюся къ нему лицомъ. Блескъ свѣтлаго, звѣзднаго неба позволялъ различать ея черты. Она была очень молода, хороша собою и, казалось, гля-

дѣла прямо на него своими темными глазами. Застигнутый въ расплохъ, Андреевъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы откинуться назадъ, но молоденькая женщина предупредила его и еще быстрѣе скрылась за стѣною.

Открытіе хорошенькой женщины мигомъ разсѣяло раздумье молодого человѣка. Какъ робкій и неопытный мальчикъ, стоялъ онъ съ минуту въ нерѣшительности, раздумывая очень серьезно, что ему дѣлать. Любопытство взяло, однакожъ, верхъ. Онъ осторожно выдвинулся за окно и бросилъ украдкою глаза къ сосѣдкѣ. Сосѣдка, появившаяся снова на прежнемъ мѣстѣ и не ожидавшая, вѣроятно, такого упорнаго преслѣдованія, опять скрылась.—«Ужъ не разсердилась ли она?.. что я надѣлалъ!».. подумалъ Андреевъ, отскочивъ въ самый задній уголъ своей комнаты. «Но что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ?.. неужели по ея милости я долженъ простоять здѣсь цѣлый вечеръ? вотъ славно! я также хочу сидѣть у окна... Ахъ, какая она, однакожъ, хорошенькая!».. Послѣднее заключилъ онъ, стоя уже за простѣнкомъ подлѣ окна. Сосѣдка снова появилась; сначала она протянула обнаженную свою ручку, чтобы запереть окно, но тутъ же отложила намѣреніе и, откинувъ концы темнаго платка на перекладину, положила на нихъ круглые свои локти и продолжала глядѣть на дворъ. Мало-по-малу, головка ея повернулась къ стѣнѣ Андреева; выраженіе веселости и тонкаго лукавства промелькнуло на лицѣ ея. Она вытянула впередъ свою шейку, приподняла тоненькія свои брови и, съуживая глазки, казалось нетерпѣливо искала чего-то на сосѣднемъ окнѣ. Сердце Андреева никогда еще не билось такъ сильно. Онъ не отрывалъ глазъ отъ хорошенькой женщины и простоялъ за своимъ простѣнкомъ до тѣхъ поръ, пока она, потерявъ, вѣроятно, терпѣніе, не захлопнула окна и не скрылась изъ виду. Тутъ онъ зажегъ свѣчку и сталъ расхаживать по комнатѣ, удивляясь, какъ могло статься, чтобы онъ до сихъ поръ не замѣтилъ присутствія хорошенькой женщины, жившей съ нимъ почти стѣна объ стѣну.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ не пропускалъ случая заглянуть къ ней каждый разъ, какъ проходилъ мимо

окна. Внезапно у сосѣдки мелькнулъ свѣтъ. Андреевъ бросился сломя голову къ постели, сорвалъ одѣяло, завѣсилъ имъ окно, задулъ свѣчку и, прильнувъ къ скважинѣ между рамой и одѣяломъ, обратился весь въ зрѣніе. Онъ явственно различилъ тогда часть бѣлой стѣны, комодъ, край постели и нѣсколько юбокъ, висѣвшихъ на гвоздикѣ. Немного погодя, высокая тѣнь задрожала на потолкѣ и вдругъ вся фигурка сосѣдки цѣликомъ показалась на днѣ комнаты. Поставивъ свѣчку на комодъ, она неожиданно сбросила платокъ и, смотрясь, вѣроятно, въ зеркало, приподняла плечи, окруженныя плохо стянутой сорочкой. Вслѣдъ затѣмъ, быстрымъ движеніемъ повернула она спину къ свѣчкѣ, перегнула назадъ голову и, положивъ руку на красныя полоски, оставленныя шнурками сорочки на спинѣ и плечахъ, принялась ихъ разглаживать. Дыханіе занялось въ груди бѣднаго Андреева; онъ прильнулъ всею силою къ стеклу окна; но въ эту самую минуту сосѣдка скрылась и свѣтъ угасъ въ ея комнатѣ. Какъ провелъ Андреевъ эту ночь, предоставляю судить всякому, кто только былъ молодъ и случайно видѣлъ на сонъ грядущій подобное зрѣлище.

На другое утро, первымъ дѣломъ его было броситься къ завѣтному окну; глаза его встрѣтились прямо съ глазами хорошенькой сосѣдки. Она разсмѣялась и, какъ бѣлка, прыгнула въ глубь комнаты. Въ это утро Андреевъ опоздалъ цѣлою четвертью часа къ должности, за что и получилъ нагоняй отъ крестнаго отца. Но ему уже ни почемъ были теперь нагоняи. Онъ думалъ только, какъ бы скорѣе прибѣжать домой и взглянуть на сосѣдку. Вечеромъ того же дня онъ былъ влюбленъ по уши. Онъ весь переселился мысленно въ комнату къ хорошенькой женщинѣ; тысяча самыхъ наивныхъ плановъ и предположеній бродили въ головѣ его.

— Но кто же она, кто? повторялъ онъ, расхаживая въ волненіи взадъ и впередъ, изъ одного угла въ другой. — Прекрасно, вотъ счастливая мысль! воскликнулъ наконецъ юноша, подпрыгивая чуть не до потолка: — спрошу у жены моего хозяина, она вѣрно знаетъ!

Привести въ исполненіе такую мысль было не трудно.

Онъ постучался въ стѣну и, назвавъ по имени хозяйку, попросилъ ее войти.

Варвара Гавриловна, жирная, грязная тихвинская мѣщанка, глупая до безконечности, проводившая день-деньской, рыская по кухнямъ и дѣвичьимъ и наполнявшая ихъ своими жалобами на мужа, съ которымъ жила не въ ладахъ, не замедлила явиться. Она не прочь также была выпить въ трудныя минуты жизни и чувствовала (если только что-нибудь чувствовала) сильное расположеніе къ жильцу, у котораго всегда находила способъ выманивать пятачки и гривеннички. Зная подноготную исторію каждаго семейства въ домѣ, она очень легко могла удовлетворить любопытство молодого человѣка. Въ нѣсколькихъ словахъ она сообщила ему, что подлѣ жилъ старикъ, выгнанный за пьянство изъ питейной конторы, что у него была старая кухарка и дочь; что кухарка, баба вострая и «пронзительная», вотъ уже седьмой годъ, какъ держитъ хозяина въ ежовыхъ рукавицахъ. Онъ боится ее пуще огня и шагу не смѣетъ ступить безъ ея вѣдома. Дочь, по словамъ Варвары Гавриловны, терпитъ страшный загонъ. Ей житья нѣтути. Нерѣдко приходилось ей ночевать у сосѣдей или проводить цѣлые дни у знакомыхъ. Варвара Гавриловна привела разные случаи изъ частной жизни сосѣдей, — между прочимъ, какъ Катя (такъ звали дѣвушку) прибѣжала разъ къ ней ночью вся избитая и истерзанная. Она насказала много другихъ примѣровъ, но и этого было довольно Андрееву. Воображеніе его, управляемое добрымъ, впечатлительнымъ сердцемъ, уже рисовало передъ нимъ страшныя картины, передъ которыми, кажется, въ самомъ Ловласѣ должны были пробудиться человѣческія чувства.

Въ двадцать лѣтъ, когда сердце уже почти созрѣло и рвется впервые на встрѣчу женщины, ничто не возбуждаетъ такого горячаго сочувствія, какъ женщина тихая, обиженная, загнанная, несчастная. Робкій и неопытный юноша боится всегда, какъ огня, женщинъ свободныхъ и смѣлыхъ: — такая женщина, по его мнѣнію, никогда не можетъ любить—ему непремѣнно нужна жертва. Плаксивыя барышни, сиротки, угнетенныя гувер-

нантки, — вотъ идеалы почти каждаго неиспорченнаго, чистаго двадцатилѣтняго молодого человѣка. Тутъ, по крайней мѣрѣ, чувство его не будетъ отвергнуто; его примутъ съ благодарностью. Роль покровителя подлѣ угнетенной кажется ему во сто разъ лучше роли счастливаго любовника. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ и чувствовалъ Андреевъ.

Въ нѣсколько дней разсказъ Варвары Гавриловны принялъ самые широкіе размѣры въ головѣ его. Каждый крикъ или шумъ за стѣною казался уже ему воплемъ несчастной Кати. Онъ бросался къ окну, и чаще всего встрѣчалъ веселое, улыбающееся личико дѣвушки. Но это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы успокоить, казалось еще сильнѣе возмущало его сердце. Онъ не понималъ, какъ могла она смѣяться и быть веселою посреди такой жизни. Согласно роману, созданному его фантазіей, онъ хотѣлъ, чтобы она являлась передъ нимъ не иначе, какъ въ слезахъ, съ признаками отчаянія на лицѣ. Веселый видъ придавалъ Катѣ, въ глазахъ Андреева, холодность, равнодушіе, безчувственность... Но, несмотря на то, съ каждымъ днемъ, онъ сильнѣе и сильнѣе привязывался къ мысли любить Катю и мало-по-малу начиналъ любить ее не на шутку. Время проходило не даромъ. Оба они достигли уже того періода, когда, не сказавъ еще ни слова, понимали другъ друга какъ нельзя лучше. Болѣе или менѣе сильное движеніе занавѣски, свѣчка, поставленная ниже или выше — говорили имъ лучше всякой рѣчи. Когда она долго не возвращалась домой, Андреевъ занавѣшивалъ окно и не показывался цѣлый вечеръ. Эти отлучки приводили его въ истинное отчаяніе. Полный весь своимъ романомъ, онъ уже воображалъ Катю, доведенную до крайности обращеніемъ «пронзительной» кухарки и искавшую убѣжища въ чужомъ домѣ; онъ видѣлъ, какъ она разсказывала свое горе, какъ брали ее за руку... Сердце Андреева кипѣло ревностью. Какъ всѣмъ влюбленнымъ, ему казалось, что онъ одинъ могъ спасти Катю, что всякій долженъ былъ непремѣнно обманыть и погубить ее, что всюду подвергалась она неминуемой опасности, что въ немъ одномъ

заключалась способность любить горячо, съ преданностью и самоотверженіемъ. И думалъ онъ все это искренно, забывая, что самъ искалъ и требовалъ отъ Кати того, чего такъ боялся со стороны другихъ... Но таковы всѣ влюбленные! Съ нѣкоторыхъ поръ, однакожъ, Катя замѣтно рѣже стала отлучаться изъ дому. Наступила осень, полились дожди, и Катя, къ совершенному восхищенію Андреева, не покидала уже окна. Они видѣлись каждый часъ, каждую минуту. Не доставало имъ только встрѣтиться и подать другъ другу руку. Вскорѣ случай представился.

Однажды, возвращаясь изъ служебнаго мѣста, Андреевъ столкнулся подъ тёмными воротами дома съ Катею, которая шла гулять, а можетъ статься, по просту ожидала его. Встрѣча была такъ неожиданна, что страстные монологи, приготовленные Андреевымъ на случай нерваго свиданія, разсѣялись какъ зажженный порохъ... Языкъ рѣшительно не повиновался ему. Простоявъ съ минуту передъ ней въ какой-то мучительной лихорадкѣ, онъ наконецъ, приподнялъ дрожащею рукою шляпу и поклонился. Катя засмѣялась, посмотрѣла ему въ лицо и выбѣжала на улицу. Андреевъ проклялъ свою глупость и рѣшился прибѣгнуть къ письму, которое было уже давнымъ-давно приготовлено. Но какъ доставить его? Какимъ способомъ?

Мысль обратиться къ Варварѣ Гавриловнѣ развязала всѣ трудности. Онъ собралъ всю свою мелочь, позвалъ хозяйку и, объяснивъ ей въ чемъ дѣло, отдалъ письмо. Варвара Гавриловна охотно взяла посланіе и, выразивъ на отекшемъ лицѣ своемъ глупую улыбку, не лишенную тупого лукавства, положила деньги въ карманъ и обѣщалась сегодня же доставить отвѣтъ. Но прошли три мучительные дня, которые не принесли ничего новаго въ жизни двухъ сосѣдей. Онъ видѣлъ Катю каждую минуту, видѣлъ какъ она показывала ему письмо его, подавала какіе-то знаки, ждалъ каждую минуту отвѣта, а отвѣта все-таки не было. Щепетильный, обидчивый, какъ всѣ влюбленные, Андреевъ подумалъ, что Катя надъ нимъ потѣшается. Онъ занавѣсилъ окно и, скрѣпя сердце, рѣшился не подходить къ нему, пока не получитъ отвѣта.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда разъ, вернувшись домой, онъ замѣтилъ странную перемѣну въ своей комнатѣ. Все вокругъ сіяло необыкновенной чистотой и порядкомъ. Бумаги и книги были тщательно и симетрически разложены; даже на рабочемъ столѣ, къ которому строго было запрещено прикасаться хозяину, виднѣлись слѣды чьей-то руки, замѣтно постаравшейся придать всему кокетливый видъ. Андреевъ постучался въ стѣнку и позвалъ Варвару Гавриловну. Вошла хозяйка.

— Скажите, пожалуйста, что это значитъ? спросилъ онъ, оглядывая съ недоумѣніемъ комнату.

Варвара Гавриловна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, нагнувшись къ жильцу, произнесла съ таинственностію:—«Катерина Андреевна приходила безъ васъ!»

— Какъ, что вы говорите? воскликнулъ Андреевъ:— быть не можетъ!..

— А что съ ней станешь дѣлать? отвѣчала самодовольно хозяйка: —пришла объ утро ко мнѣ: дай, говоритъ, Гавриловна, ключъ, хочу посмотрѣть, какъ живетъ твой жилецъ... Что вы, говорю, барышня!—Ничего, говоритъ, онъ не разсердится. Ну, взяла это она, батюшка, ключъ, а я за нею... Ужъ чего только она здѣсь не дѣлала; ни одной книжки не оставила въ покоѣ, до всего, вишь, ей дѣло. Что вы, говорю, барышня? Ничего, говоритъ, я теперь ему приберу все къ мѣсту. Ужъ трудилась это она, трудилась, инда изнемоглась, сердечная... Я, говоритъ, и завтра приду, и послѣ завтра, не говори только ему смотри, Гавриловна... Я стояла такъ-то у окна. Катерина Андреевна, говорю, баринъ идетъ! Она шмыгъ ко мнѣ, дождалась, пока вы постучались въ стѣну, — да давай Богъ ноги; ужъ такая-то бѣдовая... Я чай, сидитъ теперь дома, да сюда поглядываетъ.

Андреевъ бросился, какъ сумасшедшій къ окну и глаза его прямо встрѣтили Катю, которая, увидѣвъ его, захлопала въ ладоши, и ухватившись за бока, принялась хохотать и выдѣлывать какія-то па. На другой день Андреевъ не пошелъ на службу. Въ девять часовъ онъ стоялъ уже подъ воротами и караулилъ минуту, когда Катя пробѣжитъ черезъ дворъ на его лѣстницу. Это не

замедлило случиться. Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, Андреевъ собралъ, наконецъ, всю свою бодрость, взлетѣлъ на лѣстницу, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Катя сидѣла преспокойно въ креслахъ и, положивъ ножки на сосѣдній стулъ, разсматривая какія-то картинки. Заслыша стукъ двери, она быстро приподняла голову и, увидя Андреева, немножко смутилась. Но смущеніе было непродолжительно. Почти въ ту-же секунду она оправилась, спустила на полъ ножки, весело подошла къ нему и сказала довольно бойко:

— Вы не сердитесь, что я пришла къ вамъ въ гости?..

. . . . . .

Въ тотъ-же вечеръ оба сидѣли на одномъ и томъ-же креслѣ и говорили другъ другу: «ты». Андреевъ, не вѣря еще своему счастью, казался нѣсколько задумчивъ. Катя, напротивъ того, была весела, какъ птичка весною. Она скакала, смѣялась и прыгала по комнатѣ. Она была какъ дома; съ Андреевымъ обходилась, какъ съ старымъ другомъ. Она поминутно вытаскивала его на середину комнаты, тормошила во всѣ стороны, поворачивала его на одномъ мѣстѣ, смѣясь и глядя ему въ глаза, проводила ладонью по лицу его путала ему волосы и не давала ни минуты опомниться.

Съ этого вечера, Андреевъ и Катя видѣлись каждый день. Преданный весь своей любви, Андреевъ забылъ въ первое время всѣ свои горести, всѣ воспоминанія; забылъ и уѣздный городъ, и настоящее и прошедшее. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ это время многое успѣло уже измѣниться, если не въ сердцѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ головѣ обоихъ молодыхъ людей.

Андреевъ ясно увидѣлъ что романъ, сотканный имъ вокругъ Кати, нисколько не соотвѣтствовалъ героинѣ въ дѣйствительности. Катя его фантазіи являлась окруженная ореоломъ страдалицы, существомъ глубоко страждущимъ, тогда какъ Катя настоящая была веселая, безпечная, вѣтренная дѣвушка, для которой страданія не существовали, а горе (если только и приходило) разсѣевалось

какъ нельзя лучше прогулкою на Крестовскомъ, особенно когда много было народа, трескотни, шума и давки. Веселье было также необходимо ей, какъ вода для рыбы. Это была ея сфера. Внутренній міръ, со всѣми его душевными волненіями и скорбями, съ приливами и отливами тоски и радостей, былъ для нея рѣшительно недоступенъ. Когда печальныя обстоятельства Андреева подступали ему къ сердцу и онъ задумывался, Катя переставала также быть веселою, но это вовсе не потому, что она раздѣляла его горе,—ей, просто, становилось скучно,—онъ не забавлялъ ее, не занималъ, не бѣгалъ съ нею. Добрая по натурѣ, но не получившая никакого воспитанія и развитія, закаленная съ дѣтства среди грубой жизни и дурныхъ примѣровъ, — въ ней не было той тонкой деликатности, тѣхъ возвращеній къ нѣжности, которыя заставляютъ прощать любимой женщинѣ самыя рѣзкія, охлаждающія выходки. Ей было скучно, она начинала дразнить Андреева; если это не помогало—она бѣжала искать развлеченій къ старымъ своимъ пріятельницамъ, и все это нимало не подозрѣвая, сколько должна была она огорчать Андреева, и Боже упаси, если онъ обнаруживалъ, особенно не шутя, свое неудовольствіе. Сценамъ конца тогда не было, и рѣдко обходилось безъ слезъ, сопровождаемыхъ самыми жестокими упреками. Тутъ забывалось, что Андреевъ просидѣлъ тридцать ночей сряду, переписывая бумаги, чтобы заработать ей шляпку, что онъ голодалъ цѣлую недѣлю и питался, бѣдный, однимъ ячменнымъ кофе, чтобы свести ее въ театръ, и многое еще другое. А между тѣмъ она любила Андреева. Стоило только показаться веселой улыбкѣ на лицѣ его—и грозу уносило, какъ вихремъ. Она снова являлась тогда безпечною, рѣзвою, любящею; она бросалась къ нему на шею, осыпала его самыми нѣжными именами и готова была на всѣ жертвы, чтобы только какъ можно долѣе продлилось веселье.

Впрочемъ, внѣ этихъ маленькихъ сценъ, кончавшихся большею частью всегда миролюбиво и приносившихъ даже больше сердечныхъ радостей, чѣмъ ровная и тихая страсть,—они были до сихъ поръ очень счастливы. Голова Андреева

только охладѣла немного; что-жъ касается до сердца, оно еще полно было огня и щедро тратило всѣ свои сокровища навстрѣчу первой женщинѣ, привѣтливо ему улыбнувшейся. Онъ любилъ, какъ любятъ въ первый разъ, когда всѣ помыслы о женщинѣ, всѣ женщины вообще, соединяются покуда въ одной.

IV.

У Юргенсъ.

На другой день послѣ того, какъ Андреевъ написалъ сестрѣ письмо, сообщенное читателю во второй главѣ, часу въ первомъ по полудни онъ сталъ готовиться въ путь. По случаю воскресенья службы не было. Онъ могъ, слѣдовательно, располагать цѣлымъ днемъ. Программа этого дня, ожидаемаго съ нетерпѣніемъ, была уже давнымъ-давно обдумана: въ два часа онъ будетъ обѣдать за общимъ столомъ у госпожи Юргенсъ, наслушается въ волю разсказовъ о художникахъ, мастерскихъ, картинахъ: встрѣтится снова, можетъ статься, съ Петровскимъ. Затѣмъ, часа въ четыре, отправится на острова; толпа будетъ страшная; но онъ пройдетъ мимо, заберется въ самую глухую чащу Елагина и прорисуетъ тамъ съ натуры вплоть до вечера.

Андреевъ заранѣе потиралъ руки. Запрятавъ на дно кармана единственный свой двугривенный, сунувъ подъ мышку тетрадь съ этюдами, онъ нетерпѣливо спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. День былъ чудесный: на небѣ ни облачка, все вокругъ дышало весельемъ и чѣмъ-то праздничнымъ, соотвѣтствовавшимъ какъ нельзя лучше расположенію самого Андреева.

Не мѣшаетъ воспользоваться дорогою Андреева, чтобы сказать нѣсколько словъ объ общемъ столѣ госпожи Юргенсъ, который игралъ въ то время большую роль на Васильевскомъ островѣ. Сюда собирался преимущественно весь тогдашній кругъ молодыхъ художниковъ. Ни знаменитый Гейде—Дюссо или Сен-Жоржъ Васильевскаго

острова,—ни множество другихъ трактировъ и кухмистеровъ, разсѣянныхъ въ изобиліи по линіямъ, не въ состояніи были отвлечь привычныхъ посѣтителей Каролины Карловны Юргенсъ. Столъ ея, говоря по совѣсти, нельзя, однакожъ, было назвать отличнымъ. Картофель, ветчина и луковый супъ—главныя основы его—приправлялись, по нѣмецкому обычаю, такъ немилосердно перцемъ и всякими другими пряностями, что у посѣтителей по цѣлымъ днямъ болѣлъ языкъ и щипало горло; но, со всѣмъ тѣмъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы въ блестящихъ кафе Петербурга ѣли съ такимъ хорошимъ апетитомъ, чтобы царствовало тамъ когда-нибудь столько распашного, непринужденнаго веселья.--Общество Каролины Карловны, не смотря на свои однородныя стихіи, представляло все-таки въ цѣломъ сборище самыхъ разнохарактерныхъ образчиковъ и типовъ.

Тутъ были и истинные художники—люди съ талантомъ, сосредоточившіе сознательно всю свою жизнь, всѣ помыслы въ любимомъ выше всего искусствѣ, благородные, неутомимые труженики, съ любовью жертвовавшіе ему всѣми сокровищами своего мозга и сердца; были и такіе, которымъ искусство представлялось выгоднымъ, и въ то же время не очень тяжелымъ ремесломъ; попадались, наконецъ (и это чаще всего), восторженные ребята, съ длинными вскосмаченными гривами, широкополыми шляпами, одѣтые съ умышленною, разительною небрежностью, которымъ улыбнулось искусство потому только, что здѣсь предстояло широкое поле разгула и безнаказанно давался поводъ восторгаться всѣмъ, чѣмъ угодно. Кромѣ этого, появлялись иногда и стороннія лица. Тамъ, гдѣ собираются художники, какъ бы ни была ничтожна ихъ степень, ужъ непремѣнно слѣдуютъ, по чутью какому-то, словно мелкорыбица за акулою, такъ называемые «любители», не столько художествъ, разумѣется, сколько общества художниковъ. Это неизбѣжно. Любители эти большею частью люди молодые, вертлявые, жиденькіе, заискивающіе; иногда добрые, разгульные ребята и неглупые; но чаще нестерпимо скучные и надоѣдающіе до смерти. Но никому не было особенной нужды опредѣлять

тогда эти подраздѣленія, да никто объ этомъ и не думалъ. Общій колоритъ молодости сглаживалъ частныя различія и всѣмъ было одинаково хорошо и привольно у г-жи Юргенсъ.

Въ три часа, столовая была обыкновенно полнешенька. Стукъ вилокъ, ножей, тарелокъ, покрываемый попеременно шумными возгласами и неистовымъ хохотомъ, слышались чуть ли съ не одного проспекта до другого. Лѣтомъ Каролина Карловна, сорокалѣтняя вдова, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, съ добродушною улыбочкою и рыжими буклями, боязливо глядѣвшими изъ-подъ вздрагивающаго чепчика, переѣзжала на «дачу», т. е. переставляла столы, и стулья изъ столовой на маленькій дворикъ, примыкавшій непосредственно къ ея кухнѣ. Дворикъ, обнесенный съ другихъ трехъ сторонъ дырявыми барачными досками и тщательно усыпанный пескомъ, отражалъ ту же чистоту и опрятность, какими отличалось все заведеніе. По серединѣ его возвышалась тощая рябина: несмотря на свои чахлыя вѣтви, прокопченныя насквозь дымомъ, деревцо это доставляло неизъяснимое утѣшеніе посѣтителямъ. Получасомъ раньше приходили, чтобы только завладѣть мѣстомъ подъ его тѣнью, и ужъ, конечно, тощей этой рябинѣ привелось слышать на вѣку своемъ болѣе тостовъ въ честь Италіи и Рима, чѣмъ слышалъ ихъ самый Римъ. Обѣдать на этомъ дворикѣ — считалось верхомъ благополучія. Когда Каролина объявляла въ первый разъ, что съ завтрашняго дня столъ накроютъ на «дачѣ», радостныя восклицанія неслись отовсюду и страшный, оглушительный тостъ въ честь хозяйки дома потрясалъ стѣны, кухню и все зданіе до фундамента. На другой день она и сама уже не радовалась своей выдумкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, веснѣ ли рады, свѣжему ли воздуху, но только гости шумѣли еще болѣе, тосты повторялись еще чаще, хохотъ раздавался звонче, курили немилосерднѣе, такъ курили, что проѣзжающій по Невѣ, взглянувъ въ ту сторону, могъ легко принять столбъ дыма надъ кровлей нѣмки за дымъ парохода, готовящагося къ отплытію по Малой Невкѣ. И, несмотря на всю бѣдность такой обстановки, посѣтители общаго стола были тогда счастливы,

и какъ еще счастливы! Многіе, вѣроятно, и теперь вспоминаютъ о немъ съ сожалѣніемъ...

Тутъ-то беззаботно промелькнули лучшія, золотыя минуты многихъ изъ насъ! Эти сѣренькія, закопченныя комнаты, этотъ дворикъ съ его тощей рябиной, составляли для очень многихъ чуть ли не единственный теплый уголъ, какого они уже потомъ нигдѣ не встрѣчали. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, часто съ истиннымъ, неприттворнымъ, ненатянутымъ увлеченіемъ говорили объ искусствѣ, возникали жаркіе литературные споры; здѣсь восторженно встрѣчалась всякая счастливая мысль собрата художника; никто не стыдился своихъ восторговъ, никто не смѣялся надъ ними. Каждый почти вѣрилъ тогда, что пылкая, страстная воспріимчивость души, что эти восторги—лучшее, драгоцѣннѣйшее сокровище юности. И что-жъ мудренаго? Сюда стекалась по большей части молодежь, сосредоточившая богатый запасъ своихъ силъ и способностей на одной благородной цѣли—любви къ искусству, и дружно, рука въ руку, съ ребяческою безпечностью взбиравшаяся по скользкой крутизнѣ художества, сама еще не вѣдая, что ожидало ее впереди!..

Итакъ, каждый день часу во второмъ, когда рука уставала упираться на муштабель *), когда натурщикъ или, какъ говорится, «натура» начинала покрякивать и просила, чтобы отпустили ее подкрѣпить силы въ погребокъ или харчевню,—большая часть художниковъ укладывали палитру и краски, покидали академію и шумною ватагой отправлялись къ доброй нѣмкѣ.

Было уже два часа, когда Андреевъ вошелъ къ Каролинѣ Карловнѣ. Онъ снялъ пальто, положилъ на стулъ тетрадь, прикрылъ ее шляпой и вступилъ на маленькій дворикъ, потопленный голубоватой тѣнью, бросаемой кухней. Посѣтителей было очень мало: Въ числѣ ихъ, Андреевъ увидѣлъ двухъ художниковъ, Вахрушева и Сидоренко, съ которыми уже встрѣчался оба раза, какъ обѣдалъ у Юргенсъ.

---

*) Длинная палочка, посредствомъ которой художники поддерживаютъ руку во время работы.

Вахрушевъ былъ малый лѣтъ двадцати-пяти, красивой, но утомленной наружности, съ глазами на выкатѣ, похожими на глаза изъ фарфора, какіе дѣлаются на фабрикѣ Корнилова для гостинодворскихъ куколъ; бѣлокурые, безобразно длинные волосы его были тщательно прилизаны и подогнуты снизу, на подобіе театральныхъ париковъ временъ рыцарства. Рѣденькіе, волнистые усики, закругленные кверху, и эспаньолка напоминали нѣсколько портретъ Вандика. (Несчастное это сходство было единственной причиной, заставившей Вахрушева перемѣнить званіе чиновника, къ которому обнаруживалъ онъ издѣтства большія склонности, на званіе художника, хотя къ послѣднему не было у него ни малѣйшаго влеченія). На немъ былъ широкій плащъ, подбитый чернымъ бархатомъ, конецъ котораго закидывалъ онъ на спину, но такъ искусно, однакожъ, что весь бархатъ оставался навиду. Широкая сѣрая шляпа и бархатъ на плащѣ довершали сходство Вахрушева съ Вандикомъ, и потому онъ никогда не являлся въ другомъ костюмѣ. Наружность Сидоренко показывала, что онъ также билъ на эффектъ, но только иными средствами. Коренастый, приземистый хохолъ, съ раздавленной, рябой физіономіей, раздутыми ноздрями, двумя пучечками щетины подъ носомъ — онъ видимо старался соблюсти гармонію наружности съ туалетомъ. «Чтобъ сейчасъ можно было сказать: это художникъ»! — Такова была задача Сидоренко. Разодранный, покрытый пухомъ картузъ, холстяное пальто, выпачканное красками, встрепанные волосы, раскрытая напереди рубашка,—все это, по понятіямъ Сидоренко, достигало, какъ нельзя лучше, предположенной цѣли.

Оба они сидѣли подъ рябиной, въ сторонѣ отъ другихъ, за круглымъ столомъ, сдѣланнымъ въ видѣ гриба, и курили трубки. Передъ ними лежали въ безпорядкѣ остатки обѣда, между которыми возвышались двѣ бутылки портеру. Когда вошелъ Андреевъ художники обернулись въ его сторону и поклонились. Отвѣтивъ тѣмъ-же, Андреевъ спросилъ себѣ приборъ и сѣлъ подлѣ за другимъ столомъ.

— Фу, жара какая, смерть! произнесъ Сидоренко,

обращая красное лицо свое, имѣвшее въ эту минуту большое сходство съ крошеною свеклой, сначала ко всей компаніи, потомъ къ Андрееву, который утиралъ лобъ и щеки.

— Да, градусовъ двадцать будетъ, отвѣчалъ кто-то изъ сидѣвшихъ по-одаль.

— Какое! вѣрныхъ тридцать! воскликнулъ Вахрушевъ, выпустивъ длинную струю дыма:—ужъ на-что, кажется, люблю я жаркій климатъ, а сегодня работать не могъ, даже «натура» не выдержалъ; у меня стоялъ Тарасъ: отпустите, говоритъ, силушки нѣтъ стоять! Впрочемъ, я ему и позу закатилъ, нечего сказать! прибавилъ онъ, смѣясь и самодовольно покручивая усы.

— Ну что, Вахрушевъ, что подѣлываетъ твой Прометей? спросилъ безконечный господинъ, похожій на цаплю и сидѣвшій за другимъ столомъ.

— Разумѣется, не подвигается, недовольно отвѣчалъ Вахрушевъ:—да чорта ли что нибудь сдѣлаешь! Зимою писать нельзя—свѣту нѣтъ, все выходитъ сѣро и тускло, стынетъ всякое воображеніе; лѣто придетъ—задыхаешься отъ духоты и пыли... Нѣтъ, господа, тысячу разъ, нѣтъ! Достигнувъ извѣстной степени, нашъ братъ можетъ жить только въ Италіи. Заготовилъ здѣсь эскизы, набросалъ мысли,—да скорѣе въ Римъ, во Флоренцію!.. Я, право, не понимаю, какъ дѣлаетъ этотъ Петровскій.—чортъ его знаетъ!

— Что-жъ тутъ мудренаго? экъ хватилъ—Петровскій! Петровскій! возразилъ, отдуваясь, Сидоренко:—дай любому изъ насъ нѣмецкое терпѣніе, которое, между прочимъ, называютъ они любовью къ искусству, прибавилъ онъ, смѣясь:—и мы то же самое сдѣлаемъ!

— Ну нѣтъ, братъ, одного терпѣнья мало, замѣтилъ долговязый художникъ:—чтобы написать такую программу, какъ Петровскій; нуженъ талантъ, да еще какой!..

— Конечно, Петровскій талантъ, первоклассный талантъ! крикнулъ кто-то.

— Эхъ, господа! да кто-жъ это опровергаетъ? горячо перебилъ Сидоренко:—я говорю только, нужно терпѣніе... Пусть каждый изъ насъ станетъ сиднемъ сидѣть передъ

одной и той же холстиной, да „отконопачивать» каждый пальчикъ, каждый волосокъ, разумѣется, къ концу года выйдетъ оконченная картина, — да что-жъ изъ этого? Что въ нихъ,—въ этихъ картинахъ, если говорить по совѣсти? Возьмемъ хоть «Агарь въ пустынѣ» Петровскаго. Рисунокъ, композиція, все это прекрасно, то есть то, что именно дается высиживаніемъ, но зато живописи нѣтъ, нѣтъ размаха, все это не «широко», не «сочно», не «планисто», какъ должно быть у самобытнаго таланта,—вездѣ проступаетъ отдѣлочка, да «лесировочка»— словно у послѣдняго нѣмца! Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, всѣ эти господа—сидни, а не самобытные, смѣлые таланты!— размаха нѣтъ!

— Помилуй, братъ Сидоренко! оконченности добивается всякій художникъ, въ ней-то вся штука! воскликнулъ снова долговязый художникъ.

— Ну, да кто-жъ тебѣ говоритъ, отвѣчалъ Сидоренко:—я самъ это знаю, но оконченность оконченности рознь...

— Конечно, оконченность оконченности рознь, небрежно замѣтилъ Вахрушевъ.

— Уфъ! жара какая, перебилъ Сидоренко, раздувая пѣну портера и поднося стаканъ къ губамъ:—пьешь, пьешь, а все не утолишь жажды... Да скажи на милость, Вахрушевъ, точно ли придетъ сюда Чибезовъ? Кто тебѣ сказалъ?.. Я безъ этого ни за что не стану дожидаться...

— Навѣрное, навѣрное придетъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ:—мы сами пришли, чтобъ съ нимъ видѣться.

— Когда онъ пріѣхалъ?

— Третьяго дня, отвѣчалъ Вахрушевъ. — Чудесно, говорятъ, разсказываетъ про Италію.

— Да какимъ чортомъ занесло его туда, господа, на свой счетъ поѣхалъ онъ, что ли?

— Нѣтъ, его бралъ съ собою одинъ изъ нашихъ баричей, графъ какой-то, не помню... а впрочемъ, сказываютъ, онъ привезъ оттуда отличную копію съ Гвидо-Рени.

— Не тотъ человѣкъ, сказалъ Сидоренко, наливая

стаканъ:—какъ же, станетъ онъ работать! я думаю, онъ ровно ничего не дѣлалъ,—кутилъ только!..

Въ это самое время въ кухнѣ, двери которой были растворены на дворъ, послышался страшный шумъ:

— Каролина Карловна, голубушка! кричалъ кто-то— здравствуйте!.. ну что, какъ?.. да поцѣлуемтесь-же!.. Матрена, здорово!.. ну что! Эхъ ты полоротая дура,—аль не узнала?.. Каролина Карловна, душенька вы моя!..

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричали въ одинъ голосъ художники, вставая съ своихъ мѣстъ.

Но не успѣли они сдѣлать шага впередъ, какъ ужъ Чибезовъ, приплясывая и прищелкивая въ воздухѣ пальцами, очутился посреди двора.

Увидя компанію, онъ остановился.

— А, чортъ ихъ возьми! ишь, черти, по старому, всѣ здѣсь! произнесъ Чибезовъ.

Тутъ онъ ударилъ себя ладонями по колѣнямъ, подогнулъ ноги и залился дребезжащимъ смѣхомъ.

Чибезовъ былъ человѣкъ средняго роста, съ угловатою головою, острымъ носомъ, черными, короткими волосами, изъ которыхъ торчали во всѣ стороны вихры. На немъ была парусинная блуза, съ огромными костяными пуговицами, красный оборванный платокъ на шеѣ и скомканная соломенная шляпа. Сначала онъ бросился къ Вахрушеву, ухватилъ его за плечи, посмотрѣлъ ему въ лицо, крикнулъ: «Вандикъ!» и, растопыривъ руки, снова залился во все горло. Такимъ же точно порядкомъ поздоровался онъ съ Сидоренко, долговязымъ художникомъ и всѣми присутствующими,—обниметъ, дастъ какую-нибудь особенную кличку, подогнетъ ноги и зальется смѣхомъ. Наконецъ подошелъ онъ къ Андрееву:

— И вы также нашъ, произнесъ онъ раскрывая объятія.

— Нѣтъ-съ, я не художникъ, отвѣчалъ Андреевъ, весело глядя ему въ глаза.

— Ну, извините, не зналъ!.. Эй! Каролина Карловна!..

— Садись, Чибезовъ, ступай сюда, здѣсь, разсказы-

вай!.. заговорили въ одно время художники, хватая его за руки.

— Да ну, черти, чего обрадовались, стойте! дайте духъ перевести! кричалъ Чибезовъ, опускаясь съ явнымъ удовольствіемъ на руки, то тому, то другому. — Эй, Каролина Карловна! голубушка! прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ:—а нѣтъ ли, по старой памяти, бутылочки того... хереску... помните? за Чибезовымъ дѣло не станетъ, вы его знаете!

Добрая нѣмка, любившая привычныхъ посѣтителей, какъ собственныхъ дѣтей, и обрадованная не на шутку возвращеніемъ Чибезова, поспѣшила исполнить его просьбу.

Тутъ Чибезовъ вырвался изъ рукъ товарищей, закричалъ во все горло: «ур-р-ра»! и бросился на стулъ. Вскорѣ вино принесено, стаканы налиты, товарищи усѣлись вокругъ Чибезова, и начались разспросы объ Италіи.

Хотя Андреевъ тотчасъ понялъ, что присутствіе посторонняго лица и даже цѣлой аудиторіи не могло ни въ какомъ случаѣ смутить Чибезова, однакожъ, онъ поспѣшилъ присоединиться къ кружку и слегка даже вмѣшался въ разговоръ, чтобы придать разсказчику еще больше развязности.

— Э, господа, что говорить,—чудно! восклицалъ поминутно Чибезовъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, не выключая даже Андреева, котораго уже мимоходомъ ударилъ раза два по плечу: — представьте себѣ, братцы, небо, то-есть чистѣйшій кобальтъ! хоть бы на столько шифервейсу! (Чибезовъ положилъ на ноготь кусочекъ сургуча съ пробки и пустилъ его по воздуху). Мы ѣхали моремъ. Въ отдаленьи Неаполь... Мы всѣ на палубѣ... Стоимъ да, просто, плачемъ (онъ провелъ всею пятернею отъ глазъ до подбородка)—чортъ знаетъ, что дѣлается,— не выдержать! А тутъ вдругъ вѣтеръ съ берега, просто фабрика духовъ,—весь воздухъ пахнетъ померанцами да лимонами; вѣдь тамъ они круглый годъ въ цвѣту,—чудо!.. А макароны-то, ребята, макароны! «Date un poco macaroni!»—навалятъ тебѣ на грошъ цѣлую миску... А лазарони-то,—э, э, э, э! Пиферари, чортъ ихъ подери, да и только! Лежитъ себѣ голый, чортъ его возьми, на пескѣ,

поглядитъ на заливъ, опуститъ руку въ море, побарахтаетъ въ водѣ, вынетъ какой-нибудь frutto di mare,— устрицу или раковину, съѣстъ тутъ же, да опять поглядитъ на заливъ, — знать никого не хочетъ!.. Везувій, импровизаторы,—все видѣлъ! Но повѣрите ли, все это рѣшительно безхвостаго чорта не стоитъ передъ Римомъ! О, Roma! и особенно для нашего брата художника! Ватиканъ, Петръ, фонтаны... Что ни шагнулъ — наступилъ на Рафаэля да Микель-Анджело,—ей-Богу! А женщины-то, братцы, римлянки-то! Высокая, стройная,—куда ни глянешь—красавица; бери палитру, пиши, — и великій человѣкъ, коли напишешь! Я сколько разъ смотрѣлъ на нихъ у фонтана: рукой подберетъ до икры красную юбку (у всѣхъ красныя юбки, — ей-Богу!), одна икра цѣлой Флоры фарнезской стоитъ;—другой рукой поддерживаетъ на головѣ длинный мѣдный кувшинъ... волосы совсѣмъ синіе, густые, подобранные пучкомъ на затылкѣ (Чибезовъ стукнулъ себя ладонью по затылку). Нагнется черпать воду—съ ума спятишь: вода брызжетъ ей на обнаженныя ноги, голая шея и грудь освѣщена яркимъ солнцемъ... не наши, братцы, цвѣта: вездѣ лазурь, жженая земля, баканъ, — ей-Богу! (Чибезовъ махнулъ рукой и восторженно хлебнулъ хересу.) Ну, братцы, продолжалъ онъ, крякнувъ: — какое я только пилъ тамъ красненькое винцо, —объяденье! Меня все поилъ одинъ англичанинъ, лихой парень! Мы съ нимъ душа въ душу жили, а вѣдь ни слова другъ друга не понимали, ей-Богу, право! Скажу ему «io!» и онъ мнѣ «io»,—да и все тутъ. Бывало, все вмѣстѣ, живмя жили въ казино или аустеріи, то-есть въ трактирѣ по-нашему!..

— Эка жизнь!.. а? воскликнулъ Сидоренко, съ восторгомъ потрясая головою:—скажи, братецъ, Чибезовъ, правда ли, что есть въ Римѣ русскій трактиръ, куда собираются...

— Ахъ, да, торопливо перебилъ Вахрушевъ:—русскій трактиръ: маленькій живописный домикъ, заглохшій, какъ гнѣздо, въ виноградникѣ, плющѣ и цвѣтахъ?.. скажи, пожалуйста, такъ ли это?

— Ну, въ виноградникахъ-то хоть онъ и не заглохъ, потому что, еслибъ и былъ виноградъ, такъ наши ребята

его давно бы вытоптали, а есть такой трактиръ—Лепри: мы туда-то и захаживали съ англичаниномъ.

— Вотъ жизнь, такъ жизнь, сказалъ Вахрушевъ, вставая съ мѣста и принимаясь расхаживать нетерпѣливо по двору, вмѣстѣ съ двумя-тремя другими товарищами, восторженно махавшими руками:—ѣдемъ, братъ Сидоренко, въ Италію! тамъ только можно сдѣлаться художникомъ!

— Да, чортъ возьми! закричалъ Сидоренко:—утромъ будемъ работать въ мастерской... натурщица... римлянка... Заглянетъ какая-нибудь аристократка-путешественница. которая здѣсь и смотрѣть на тебя не хотѣла... вѣдь нашего брата художника любятъ въ Италіи,—это всѣ говорятъ; тамъ пойдемъ обѣдать къ Лепри, ляжемъ подъ какой-нибудь виноградникъ... Эхъ, славно тогда помечтать о матушкѣ-Россіи... спросимъ себѣ у Лепри щей, каши... эхъ, эхъ!

Тутъ Сидоренко восторженно налилъ стаканъ, приставилъ его къ лѣвому глазу, поглядѣлъ на свѣтъ и поднесъ его къ губамъ, залпомъ выпилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ во все горло:

— Р-р-р-усскій, чортъ возьми!.. художникъ, чортъ побери!..

— Ну, расходились... экъ ихъ! проговорилъ Чибезовъ, надрываясь со смѣху:—да ну... къ сатанѣ... полно вамъ; разскажите-ка, что дѣлается у насъ, что новаго въ нашихъ мастерскихъ! я еще нигдѣ не былъ.

— И заходить, братецъ не для чего, презрительно сказалъ Вахрушевъ, садясь подлѣ Чибезова:—что въ нашихъ мастерскихъ! сушь страшная...

— Что-жъ они разсказываютъ? возразилъ Чибезовъ, расправляя вихры на головѣ:—говорятъ, будто программа Петровскаго «Агарь въ пустынѣ», за которую онъ получилъ первую золотую медаль,—чудо изъ чудесъ!.. что-жъ они толкуютъ?..

— Превосходная, превосходная картина! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Вахрушевъ и Сидоренко подняли головы, какъ лягавыя собаки, заслышавшія выстрѣлъ.

— Ну вотъ, поди-жъ ты! воскликнулъ первый:—

представь себѣ, братъ, Чибезовъ! продолжалъ Вахрушевъ скороговоркою:—во первыхъ, маленькая картина, въ полтора аршина всего нà-все (замѣть себѣ, это они называютъ: историческая картина!); во вторыхъ, тощая группа изъ двухъ фигуръ посреди гладкой пустыни, и все это «отконопачено», вылизано, вылощено... Ты знаешь манеру Петровскаго—нѣмецъ! ни «плановъ», ни «лѣпки»... Наконецъ, самъ сюжетъ говоритъ за себя: ну, что въ немъ? никакого интереса; да и расходиться негдѣ, не предстоитъ даже возможности бросить яркое, сочное пятно свѣта или тѣни...

— Все это такъ, подалъ голосъ долговязый художникъ:—но каковы у него за .то ракурсы, каковъ рисунокъ, каковы головы.

— Кто-жъ противъ этого! запальчиво возразилъ Сидоренко:—ему что говори, что не говори, все равно что арапа мыть, онъ все свое поетъ: рисунокъ, рисунокъ! тебѣ говорятъ про живопись, про сюжетъ.

— Что касается до сюжета, совершенно согласенъ съ Вахрушевымъ, сказалъ какой-то маленькій художникъ въ синихъ очкахъ:—я самъ не понимаю, что за охота брать библейскіе сюжеты: это хорошо было въ Италіи, въ четырнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ, когда вся Италія, весь міръ воодушевленъ былъ религіознымъ чувствомъ.

— Браво! брависсимо! воскликнулъ Чибезовъ: — вотъ погодите-ка, дружки, я вамъ напишу картину, — мысль богатая: «Паденіе Ниневіи»; холстина въ десять сажень, закачу фигуръ пятьсотъ... что вы на это скажете... а? произнесъ онъ, обращаясь неожиданно къ Андрееву, который давно глядѣлъ на всѣхъ такими глазами, какъ будто хотѣлъ что-то сказать.

— Я съ вами не совсѣмъ согласенъ, рѣшился наконецъ произнести Андреевъ, смущаясь и краснѣя.

— Какъ! въ чемъ вы несогласны? спросилъ удивленный Чибезовъ.

— Не столько съ вами, сколько съ этими господами, продолжалъ Андреевъ, смущаясь еще болѣе и указывая на Бахрушева и Сидоренко.

— Это любопытно, пробормотали въ одно время оба

художника, придвигаясь и подмигивая остальной компаніи.

— Мнѣ кажется, началъ Андреевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — вы несправедливо вооружаетесь противъ библейскихъ сюжетовъ.

— А почему-жъ вы такъ думаете? спросилъ иронически Сидоренко.

— Потому, отвѣчалъ Андреевъ, тронутый на этотъ разъ за-живое,—то нѣтъ такого библейскаго сюжета, въ которомъ бы не было поэтическаго лица и содержанія: Рахиль, Ревекка, Агарь, Сара, патріархи... Гдѣ, въ какой исторіи найдете вы образы, исполненные большей граціи, любви и поэзіи? Возьмите даже мѣсто дѣйствія, природу, посреди которой жили эти лица, костюмъ, наконецъ,—все изящно, живописно, и въ высшей степени способствуетъ для картины. Кромѣ этого, кажется, всѣ эти лица такъ знакомы всѣмъ и каждому, такъ сильно къ нимъ сочувствіе, такъ сроднились мы съ ними, что невольно радуешься, встрѣчая ихъ, изображенныхъ на полотнѣ, какъ будто встрѣтилъ старыхъ друзей, которыхъ привыкъ любить съ дѣтства...

— Все это прекрасно! возразилъ удивленный Чибезовъ:—но, воля ваша, я все-таки не вижу тутъ мѣста для картиннаго эффекта...

— Кромѣ того, перебилъ Вахрушевъ: — въ библейскихъ сюжетахъ слишкомъ много покоя: движенья нѣтъ, ни малѣйшаго движенья...

— По моему, въ движеніи нѣтъ большой нужды, у всякаго искусства есть свои предѣлы, бойко возразилъ Андреевъ и вдругъ остановился.

Въ самую эту минуту въ дверяхъ кухни показались Петровскій и Борисовъ.

— А, Петровскій! произнесъ Чибезовъ, вставая и бросаясь къ Петровскому съ меньшею, однакожъ, восторженностью, чѣмъ къ Вахрушеву и Сидоренко:—какъ поживаете? какъ радъ васъ видѣть...

— И я также, отвѣчалъ Петровскій, сухо пожимая ему руку:—когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня... А, Борисовъ! здравствуй! продол-

жалъ Чибезовъ, обращаясь къ второму художнику, и на этотъ разъ принялся душить его въ своихъ объятіяхъ:— здорово! ну что, какъ тебя перевертываетъ?

— Хорошо, хорошо, голубчикъ! отвѣчалъ Борисовъ, освобождаясь изъ тисковъ Чибезова:—ну, радъ тебя видѣть, очень радъ.

Онъ пожалъ еще разъ руку Чибезову, суетливо раскланялся съ остальными и присоединился къ Петровскому, который усѣлся за особымъ столомъ.

Петровскій былъ высокаго роста, чрезвычайно строгой, но величавой и красивой наружности. Продолговатое лицо его было блѣдно, какъ мраморъ. Черные, какъ смоль, сухіе, кудрявые волосы оттѣненные близъ корня синею полосою, черные, глубокіе глаза, тонувшіе въ голубоватомъ бѣлкѣ, и густыя брови, слегка нахмуренныя, придавали еще болѣе бѣлизны этому лицу, въ которомъ все вообще было какъ-то смѣло, бойко, но правильно очерчено. Высокій лобъ его былъ чистъ и покоенъ, какъ у олимпійскаго Зевса. И тогда какъ угловатыя, рѣзкія черты этого лица обозначали присутствіе страшной энергіи и душевной силы, крупныя губы, пріятно загнутыя по угламъ, тотчасъ же примиряли съ его строгой, задумчивой наружностью.

Товарищъ его, Борисовъ, былъ крошечный, сухощавый человѣкъ, съ кругленькимъ лицомъ и свѣтлыми, смѣющимися глазами. Рѣдкіе волосы, мягкіе какъ степной ковыль, просвѣчивали до темени. Ему было уже за тридцать лѣтъ. Но еще столько нѣжнаго, добродушнаго, дѣтскаго проглядывало въ этихъ чертахъ, что нельзя было не полюбить его съ разу. Разсѣянный до невѣроятности, онъ вѣчно суетился, бѣгалъ, искалъ чего-то; но никогда для себя, — всегда для другихъ.

— Жаль, Петровскій! вы немножко опоздали, сказалъ Чибезовъ, когда усѣлись оба художника.

— А что? спросилъ Петровскій, какъ бы нехотя поворачивая голову.

— Да у насъ тутъ былъ споръ; вотъ они, присовокупилъ Чибезовъ, указывая на Андреева, который поба-

гровѣлъ до ушей и приподнялся, какъ бы желая уйти: — они утверждали...

— Нѣтъ, куда-жъ вы? полноте, перебилъ Сидоренко. удерживая Андреева: — погодите еще; во первыхъ споръ нашъ еще не оконченъ...

— Помилуйте, господа! возразилъ Андреевъ, смѣясь. но вмѣстѣ съ тѣмъ говоря такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что онъ не намѣренъ продолжать разговоръ:— я вовсе не спорилъ съ вами...

— Нѣтъ, но вызывали на споръ, что почти одно и то же. Вы, кажется, отвергали движеніе въ картинѣ, прибавилъ насмѣшливо Чибезовъ.

— Если вы непремѣнно этого хотите, спокойно отвѣчалъ Андреевъ:—я и теперь повторяю, что изображеніе сильныхъ движеній въ картинѣ не есть необходимость...

— Ну, ну, извольте, докажите это... смѣясь перебилъ Сидоренко.

— Да, сильныя движенія уже потому невыгодны въ картинѣ, продолжалъ Андреевъ: — что какъ бы ни было живо передано движеніе, — воображеніе зрителя всегда будетъ въ какомъ-то недовольномъ ожиданіи, всегда опередитъ и, слѣдовательно, пересоздастъ по своему мысль художника... Мнѣ кажется, продолжалъ Андреевъ, робко взглянувъ на Петровскаго, который неожиданно повернулся къ нему лицомъ и сталъ внимательно вслушиваться: — мнѣ кажется, нельзя не согласиться, что, при видѣ бѣгущихъ, испуганныхъ лицъ въ картинѣ, воображенію остается еще работа: невольно ждешь, когда и чѣмъ разрѣшится это движеніе. Кромѣ того, движеніе отвлекаетъ часто вниманіе зрителя отъ истинныхъ, болѣе достойныхъ красотъ художественнаго произведенія...

— Прекрасно! прекрасно! воскликнулъ Борисовъ, внезапно бросаясь къ Андрееву и пожимая ему руку.—Какъ, господа! неужели вы спорите противъ этого? они... (извините, пожалуйста, я не имѣю чести съ вами быть знакомымъ, но это все равно) они совершенно справедливо замѣтили...

Тутъ Чибезовъ, Сидоренко и Вахрушевъ лукаво подмигнули Петровскому, но тотъ, вмѣсто отвѣта, сурово

нахмурилъ брови и повернулся съ участіемъ къ Андрееву.

— Сдѣлайте милость, подхватилъ Борисовъ, подбѣгая снова къ Андрееву: — пожалуйста, продолжайте вашъ споръ... отлично, отлично...

Взглядъ Чибезова не ускользнулъ отъ Андреева; въ другомъ случаѣ, робость и непривычка къ спорамъ заставили бы его снести подмигиваніе Чибезова и компаніи, но искреннее, добродушевное заступничество Борисова и, еще болѣе, участіе Петровскаго въ его пользу, придали ему духу. Онъ взросъ на своихъ художественныхъ убѣжденіяхъ, вѣровалъ въ нихъ, и какъ молодой дебютантъ, сробѣвшій при первомъ выходѣ, но поддержанный, смѣло обратился къ Чибезову и сказалъ ему довольно рѣзко:

— Вотъ вы, господинъ Чибезовъ, говорили, что хотите писать «Паденіе Ниневіи», скажите, пожалуйста, что вамъ за охота?

— Отчего-жъ? возразилъ Чибезовъ насмѣшливо: — что-жъ, развѣ это также недостойный сюжетъ для картины?..

Улыбка, пробѣжавшая по губамъ Петровскаго, и смѣющіяся, прыгающія отъ удовольствія щеки Борисова, придали Андрееву еще болѣе бодрости.

— Я не говорю этого, сказалъ онъ:—картина ваша можетъ быть очень хороша въ отношеніи исполненія,— да что-жъ изъ этого? пожалѣешь только время, употребленное на нее «даровитымъ» художникомъ.

— Какъ! почему? спросилъ Чибезовъ, разглаживая вихры и хмуря лобъ.

— Живопись, по моему, такое трудное искусство:— усовершенствованіе въ немъ достигается только такими усиліями, что нельзя жертвовать имъ для изображенія безусловно всего того, что видишь въ природѣ на каждомъ шагу или вычитываешь изъ книгъ. Нѣтъ, продолжалъ онъ, ободряемый болѣе и болѣе взглядами Петровскаго: — нѣтъ, предметомъ живописи должно служить изображеніе одной только идеальной, поэтической стороны природы—такихъ красотъ, передъ которыми бы въ

восторгѣ останавливался зритель, чувствуя себя побѣжденнымъ силою высокаго, творческаго воображенія художника. Какое было бы тогда превосходство художника надъ толпою, что бы онъ значилъ, еслибъ могъ только передавать на полотнѣ то, что каждый легко въ состояніи себѣ представить...

— Браво! браависсимо! кричалъ Борисовъ, суетясь вокругъ Андреева и пожимая ему восторженно руки.

Петровскій пересталъ ѣсть и весь обратился въ слухъ.

— Я сужу по собственнымъ впечатлѣніямъ, продолжалъ Андреевъ воодушевляясь: — я былъ много разъ въ Эрмитажѣ и, признаюсь, на меня до сихъ поръ ни однѣ картины не производили такого впечатлѣнія, какъ тѣ, гдѣ изображенъ покой. Возьму, хоть для примѣра, Мадонну д'Альба, Рафаэля; тутъ воображенію, побѣжденному высокими красотами, ровно дѣлать нечего,—стоишь въ какомъ то упоеньи, увлеченный весь идеаломъ формъ, граціею... Тутъ въ каждой головкѣ, въ каждомъ слѣдкѣ, въ пейзажѣ даже, съ его цвѣточками и облаками, видѣнъ великій поэтъ-художникъ, искавшій вездѣ и во всемъ одно идеально-прекрасное!..

Борисовъ неистово хлопалъ въ ладоши.

— Возьмите теперь пейзажную живопись или морскую (я все защищаю свою мысль противъ движенія въ живописи). Скажите сами, господа, что сильнѣе дѣйствуетъ на васъ: буря ли, бѣгущіе валы и облака, или затишье въ минуту чистаго, свѣтлаго утра, когда тихо свѣтитъ мѣсяцъ въ синемъ, прозрачномъ небосклонѣ?.. Одна картина Айвазовскаго передаетъ лучше мою мысль, не знаю только, помните ли вы ее?... Первый планъ изображаетъ холодную полосу моря; вода не шелохнется. Солнце еще не показатось. Небо чисто и прозрачно; на немъ ни облачка. Посреди моря плыветъ, едва качаясь, бочка; надъ бочкой медленно спускается какая-то темная морская птица, съ длинными ногами, — и только! Чудо! кажется, боишься дыханіемъ возмутить спокойствіе; стоишь и вполнѣ наслаждаешься именно потому, что воображеніе совершенно довольно и ничего не ждетъ... Нѣтъ, господинъ Чибезовъ! картины, изображающія груды

обнаженныхъ женщинъ съ перламутровой кожей, перепутанныя драгоцѣнными тканями и жемчугами, облитыя неестественными лучами свѣта, похожими на бенгальскій огонь, недостойны кисти, точно такъ же, какъ изображеніе франковъ, шлемовъ, париковъ, огня и дыма... Что въ нихъ? Они не производятъ бдагодѣтельнаго впечатлѣнія, не доставляютъ того мирнаго, чистаго, эстетическаго наслажденія, которое и составляетъ цѣль изящныхъ искусствъ. Я, по крайней мѣрѣ, всегда пройду мимо такихъ произведеній и съ любовью останавлюсь передъ скромнымъ пейзажемъ.

Андреевъ остановился. Всѣ присутствующіе встали однимъ движеніемъ и подошли къ нему. Борисовъ бросился обнимать его. Петровскій быстро приподнялся съ своего мѣста и протянулъ ему руку.

Въ эту самую минуту, огромная толпа художниковъ, съ крикомъ и говоромъ, ворвалась на дворикъ Каролины Карловны.

На минуту все смѣшалось въ общей суматохѣ. Когда Петровскій и Борисовъ обернулись къ Андрееву, его уже не было. Испугавшись минутнаго своего увлеченія (Андреевъ, по многимъ причинамъ, долженъ былъ подавлять въ себѣ такія вспышки), онъ воспользовался всеобщей сумятицей, кинулся въ комнаты, подобралъ пальто и рисовальную книжку, сброшенную толпою, расплатился съ хозяйкой, и полный еще тревожнаго волненія, направился быстрыми шагами къ Елагину острову.

V.

Встрѣча.

На Елагиномъ есть, или, по крайней мѣрѣ, было въ то время, одно чудесное мѣсто,—это оконечность острова, обращенная къ Финскому заливу. Елагинъ начинающійся у Каменнаго острова великолѣпнымъ паркомъ, покрытымъ мохнатыми, раскидистыми и тучными купами зелени, между которыми змѣятся тоненькія желтыя до-

рожки, мелькаютъ свѣтлыя лужайки и маленькое озеро, постепенно бѣднѣетъ и съуживается приближаясь къ морю. У моста, ведущаго на Крестовскій, паркъ почти прерывается; отъ него остается всего на все одна лишь дорожка, которая продолжаетъ островъ. Мѣстами, высокіе кусты, идущіе по обѣимъ сторонамъ дорожки, составляютъ надъ ней темный сводъ и непроницаемую стѣну зелени, мѣстами расходятся и позволяютъ различать, слѣва Малую Невку и противоположный берегъ Крестовскаго, покрытый коренастыми соснами; справа — другой рукавъ Невы, за нимъ огороды и пустынное, кочковатое болото. Наконецъ, дорожка исчезаетъ, сырѣетъ, сглаживается съ почвой и неожиданно кончается пучкомъ вѣковыхъ, сѣровато-синихъ елей. Тутъ собственно кончается островъ для обыкновеннаго гуляльщика; но гуляльщикъ любопытный, наблюдательный не пропуститъ случая заглянуть за эти ели—и, право, хорошо сдѣлаетъ. За ними, непосредственно послѣ маленькаго песчанаго обрыва, исполосованнаго корнями, обмытыми вокругъ водою, остается всего на все нѣсколько аршинъ песку, въ соприкосновеніи съ водою, тысячу крошечныхъ мысовъ и впадинъ. Впереди разстилается на неоглядное пространство—серебристый заливъ. Слѣва—Крестовскій островъ давно уже кончается, и только справа, сквозь дымчатый, лиловый паркъ, сѣрѣетъ плоскій берегъ Финляндіи. Кругомъ царствуетъ тишина невозмутимая; сюда уже не доходитъ шумъ заселенной части сосѣднихъ острововъ.

Андреевъ давно зналъ это мѣсто. Группа столѣтнихъ елей, брошенныхъ на произволъ судьбы, казалась ему всегда выгоднымъ этюдомъ. Покинувъ Юргенсъ, онъ отправился прямо туда, согласно съ планомъ, обдуманнымъ еще поутру. Но, несмотря на то, что прошло довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ художниковъ, онъ, повидимому, не прикоснулся даже къ рисовальной книгѣ. Очиненный карандашъ показывалъ остріе свое между закрытыми листами книжки, лежавшей подлѣ. Самъ онъ сидѣлъ на пескѣ и, прислонясь локтемъ, разсѣянно глядѣлъ на море. Въ задумчивости его не было,

однакожъ, грусти. Онъ, казалось, съ какою-то гордостью припоминалъ сцену у Юргенсъ. Горячая, восторженная голова его создавала самые великолѣпные планы. Счастливо настроенный встрѣчею съ Петровскимъ, онъ уносился воображеніемъ въ міръ искусства; передъ нимъ раскрывалась дружба Петровскаго, академія, а тамъ, кто знаетъ!— можетъ быть, Италія!.. извѣстность!.. Но вдругъ, какъ-бы испугавшись высоты, на которую занесло его воображеніе, онъ останавливался посреди воздушнаго полета, соображая разстояніе отъ земли или дѣйствительности. Лицо его внезапно отуманивалось. Но, вообще, это продолжалось недолго; онъ подымалъ глаза и снова свѣтлыя мечты несли его въ безпредѣльное пространство... А, между тѣмъ, приближался вечеръ. Солнце садилось. Заливъ и небо сливались въ одно багровое, пылающее зарево, перерѣзанное искристою полосою горизонта, въ которой висѣли паруса и флаги. Въ воздухѣ было такъ тихо, что можно было различать крики рыбаковъ съ отдаленной тони, подымавшейся, помощью длинныхъ свай своихъ, какъ журавль надъ поверхностью моря. Пробуждаемый чудною картиной, Андреевъ примирялся съ дѣйствительностью. Отбросивъ мечты, онъ жадно вслушивался въ тихій плескъ воды, въ едва внятный говоръ рыбаковъ, въ отдаленные звуки колокола, мѣрно звучавшіе съ какой-то фабрики, и мало-по малу весь отдавался стройной гармоніи потухающаго вечера!

Внезапно ему послышались шаги. Онъ проворно обернулся назадъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ надъ обрывомъ фигуры Петровскаго и Борисова.

— А, вотъ онъ, нашъ бѣглецъ! вотъ онъ, закричалъ Борисовъ, прыгнувъ съ обрыва на песокъ: — ахъ, голубчикъ вы мой, продолжалъ онъ, торопливо подбѣгая къ Андрееву:—куда это вы отъ насъ скрылись? Ужъ я искалъ, искалъ... Ну, радъ, радъ, что встрѣтилъ... А мы вотъ только что о васъ говорили съ Петровскимъ; да скажите-же, какими судьбами вы здѣсь очутились?

— Я нарочно пришелъ сюда; я люблю это мѣсто, отвѣчалъ Андреевъ, радостно пожимая ему руку.

— Какъ видно, мнѣ съ вами и въ этомъ суждено

сойтись, весело сказалъ Петровскій, протягивая ему руку;— три года тому назадъ, я приходилъ сюда каждый день; я даже сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ съ этихъ елей, присовокупилъ онъ, протягивая руку къ коренастымъ пнямъ, охваченнымъ послѣдними лучами солнца и казавшимся въ эту минуту какъ будто вылитыми изъ золота:—и вотъ теперь, по старой памяти, завернулъ сюда, и такъ кстати... Чудный вечеръ! продолжалъ Петровскій, снявъ шляпу, проводя ладонью по волосамъ и обращаясь къ морю: — чудный вечеръ! Нѣтъ! заключилъ онъ, бросаясь на песокъ:— напрасно бранятъ нашу петербургскую природу... Какъ будто природа, самая скучная и бѣдная, не имѣетъ своей прелести и поэзіи, — блаженъ тотъ, кто умѣетъ отыскать ее...

Слабый крикъ, раздавшійся въ эту минуту подлѣ, заставилъ его оглянуться въ ту сторону.

— Превосходно! отлично! кричалъ Борисовъ, потрясая рисовальною книжкою Андреева: — я тебѣ говорилъ, Петровскій, я тебѣ говорилъ! это не могло быть иначе...

Андреевъ протянулъ было руку, но Борисовъ предупредилъ его, проворно подвернулъ листы книжки и показалъ Петровскому рисунокъ карандашомъ, изображавшій опрокинутое дупло, перепутанное косматыми травами, нѣсколько кустовъ позади и клочокъ бурнаго неба. У Андреева дрогнуло сердце.

— Очень, очень хорошо, сказалъ наконецъ Петровскій, отрывая глаза отъ рисунка и обращая ихъ къ Андрееву, у котораго занималось дыханіе.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ! радостно повторялъ Борисовъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы учились? спросилъ Петровскій съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Нигдѣ... то-есть почти нигдѣ, отвѣчалъ Андреевъ полусмущеннымъ, полувеселымъ голосомъ.

— Странно! сказалъ Петровскій:—въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ: вашъ карандашъ можетъ смѣло поспорить съ карандашомъ лучшихъ нашихъ молодыхъ академиковъ.

— Это мнѣ нравится! горячо перебилъ Борисовъ: —

а я скажу вамъ, что никто у насъ изъ молодыхъ художниковъ не нарисуетъ такъ съ натуры, да-съ! скажу это хоть передъ кѣмъ угодно, хоть въ глаза скажу всѣмъ и каждому—да-съ!

Тутъ взялъ онъ съ недовольнымъ видомъ альбомъ изъ рукъ Петровскаго и снова принялся разсматривать рисунки.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, много работали? продолжалъ спрашивать Петровскій, не отрывая удивленныхъ глазъ отъ Андреева, который чуть не прыгалъ отъ радости.

— Да, я довольно много работалъ, отвѣчалъ онъ: — особенно прежде... теперь мнѣ почти нѣтъ времени...

Борисовъ поднялъ голову и нетерпѣливо воткнулъ локти въ песокъ.

— Какъ, нѣтъ времени? чѣмъ вы занимаетесь?..

— Извините, нескромный вопросъ, но мнѣ неменѣе удивительно, сказалъ Петровскій: — я хотѣлъ бы знать, чѣмъ можете вы заниматься, кромѣ рисованья, достигнувъ уже такой степени?..

— Я служу, отвѣчалъ Андреевъ.

— Какъ! вскричалъ Борисовъ, вскакивая со своего мѣста:—э! голубчикъ, э! бросайте весь міръ и ступайте въ академію!

— Къ несчастью, этого нельзя сдѣлать, возразилъ Андреевъ, подавляя вздохъ.

— Э! полноте! какія обстоятельства могутъ быть въ ваши лѣта, голубчикъ! воскликнулъ Борисовъ, горячась не на шутку.—Вотъ смотрите: мнѣ далеко за тридцать, а люблю искусство,—все пошло къ сатанѣ, все бросилъ,— корка хлѣба, оборванное пальто, шляпенка — и больше ничего не надо, лишь бы было на полотно и краски... Полноте, дружокъ, бросьте все, ну какія обстоятельства, какія? продолжалъ онъ, наступая съ жаромъ.

— Полно, Борисовъ, сказалъ Петровскій, качнувъ головою и указавъ украдкою на Андреева, который молчаливо сидѣлъ на пескѣ: — послушайте, прибавилъ онъ, взявъ за руку молодого человѣка: — если обстоятельства заставляютъ васъ идти по другой дорогѣ, если это не-

избѣжно, — по крайней мѣрѣ, не пренебрегайте искусствомъ, работайте... Кто знаетъ, можетъ быть, со временемъ обстоятельства перемѣнятся, вы будете свободны располагать собою... Вы еще такъ молоды... У васъ есть талантъ; грѣшно имъ пренебрегать! Пожалуйста, не дѣлайте этого... Приходите ко мнѣ, я всегда буду радъ видѣться съ вами. Борисовъ, съ которымъ я живу, полюбилъ васъ съ перваго взгляда; въ немъ и во мнѣ найдете вы добрыхъ товарищей. Оба мы, если не пригодимся къ чему нибудь другому, такъ будемъ стараться подбивать васъ къ работѣ.

— Господа! сказалъ Андреевъ, глядя на нихъ сіяющими глазами:—я не знаю, какъ благодарить васъ!.. Вы меня воскрешаете... Да, я буду работать, какъ бы ни были грустны мои обстоятельства, какъ бы они ни вредили мнѣ, я буду трудиться и не брошу искусства.

— Браво! браво! воскликнулъ Борисовъ:—ахъ, милый мой! продолжалъ онъ, бросаясь обнимать Андреева: — Петровскій! дай ему руку! онъ нашъ! Откладывать дѣло нечего: завтра же, вы явитесь къ намъ въ мастерскую, принесете всѣ, всѣ ваши рисунки, всѣ до одного, и мы славно проведемъ день... такъ, что ли?

— Я такъ счастливъ, такъ счастливъ, что словъ не нахожу, какъ благодарить васъ, восторженно произнесъ Андреевъ.

— Покуда еще не за что, весело отвѣчалъ Петровскій.—Не забудьте только уговора: приносите съ собою, безъ выбора, всѣ ваши рисунки; послѣ того, что я видѣлъ, мнѣ очень любопытно было бы взглянуть на остальное... Пойдемте вмѣстѣ отсюда; кромѣ удовольствія идти вмѣстѣ, вы узнаете, гдѣ мы живемъ.

Сказавъ это, Петровскій взялъ подъ руку Андреева, Борисовъ подбѣжалъ съ другой стороны и вскорѣ всѣ трое очутились на дорожкѣ, ведущей къ Елагинскому парку.

Вечеръ смѣнился тихой, свѣтлой ночью. Темные кусты и деревья озаренные сверху мѣсяцемъ, блиставшимъ между вѣтвями, начинали бросать сквозныя тѣни на дорожку. Небо было усѣяно звѣздами. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая

иногда между влажными листьями, производилъ нѣжный шелестъ, дополнявшій молчаливую гармонію ночи. Кругомъ было такъ тихо, что веселый говоръ трехъ молодыхъ людей раздавался звучными перекликами съ сосѣднихъ береговъ.

Андрееву было такъ легко на сердцѣ, какъ еще никогда не бывало. Подобно одинокому, осиротѣлому ребенку, обласканному въ первый разъ, ему стоило много усилій, чтобы не броситься на шею новымъ своимъ пріятелямъ. Онъ глядѣлъ на Петровскаго съ какимъ-то восторженнымъ напряженіемъ, прислушиваясь къ звуку его голоса, къ шуму его шаговъ и готовый въ эту минуту раскрыть передъ нимъ весь запасъ своихъ чувствъ и вѣрованій. Надобно быть молодымъ, чтобы понять сколько нѣжнаго, глубокаго чувства пробуждается иногда въ душѣ молодого человѣка, встрѣтившаго симпатичные порывы въ людяхъ, которые казались ему прежде недосягаемыми, холодными и совершенно чуждыми. Самъ Петровскій, вообще несообщительный, серьезный, чувствовалъ себя почему-то свободнымъ съ Андреевымъ. Въ словахъ его было столько простоты и непринужденности, какъ будто обращались они къ старому пріятелю.

— Ну, скажите же мнѣ теперь, Андреевъ! произнесъ Петровскій, послѣ того, какъ покинули они Тучковъ мостъ, съ котораго любовались видомъ Невы, освѣщенной мѣсяцемъ: —скажите мнѣ, только откровенно, пожалуйста, какъ понравилось вамъ общество нашихъ художниковъ у Юргенсъ?

— Какъ вамъ сказать... отвѣчалъ тотъ: — право не знаю... не очень...

— Я тоже думаю, смѣясь возразилъ Петровскій.

— Пожалуйста, голубчикъ! будьте впередъ осторожнѣе, сказалъ съ заботливымъ участіемъ Борисовъ: — они добрые ребята, но могутъ повредить вамъ; вы будете, Богъ дастъ, въ академіи (я даже увѣренъ въ этомъ), а тамъ не всѣ раздѣляютъ наши мысли.

— Разумѣется, вымолвилъ Петровскій: — да вотъ чего же лучше: вы не успѣли уйти, какъ уже начали они трубить Богъ вѣсть что; на силу я и Борисовъ могли

ихъ усовѣстить, особенно Вахрушева и Сидоренко... Въ чемъ другомъ они плохи, но распустить втихомолку нелѣпость—ихъ дѣло: общая черта всѣхъ пустыхъ головъ.

— Да! съ жаромъ возразилъ Борисовъ: — да, общая замашка пошляковъ безъ сердца и мозга, пускающихъ съ самодовольною улыбкою тупую остроту свою на встрѣчу всякому благородному порыву души, какъ бы въ оправданіе тому, что сами они или отжили способность думать и чувствовать, или, вѣрнѣе, никогда не думали и не чувствовали!

— Скажите, господа! что-же это за странный народъ? что-жъ они дѣлаютъ въ академіи; ну, напримѣръ, хоть Вахрушевъ и Сидоренко?

— Ровно ничего—живутъ себѣ сложа руки и ждутъ въ сладостномъ забвеніи первой золотой медали, то есть тоже, что ждать у моря погоды... Если хотите, я сообщу вамъ легкій физіологическій очеркъ этихъ господъ, то есть Вахрушевыхъ, потому что не надо смѣшивать ихъ съ другими. Въ академіи, слава Богу, не всѣ на нихъ похожи...

— Пожалуйста, пожалуйста!..

— Во первыхъ, нужно вамъ сказать, что всѣ эти Вахрушевы—незаконныя дѣти нашихъ музъ... Впрочемъ, не думайте, однакожъ, чтобъ вслѣдствіе этого, музы, по примѣру иныхъ матерей, любили ихъ больше дѣтей законныхъ. Главное то, что вѣдь они, большею частью, насильно, своевольно навязываются въ дѣти музамъ. Похвалы на выставкѣ, обращенныя къ какой-нибудь картинѣ, знакомство съ художникомъ, который разскажетъ имъ, какъ живутъ русскіе художники въ Римѣ, или какъ пируютъ у Юргенсъ, подаетъ имъ первую мысль переступить порогъ академіи; но чаще всего соблазняетъ ихъ нашъ выпускной экзаменъ. Торжественность при раздачѣ медалей, звукъ цимбалъ, шумъ, который раздается, когда произносятъ имя художника, удостоившагося медали, — все это рѣшаетъ судьбу ихъ. Въ наше время особенно сильно возбуждаетъ такую рѣшимость успѣхъ К. П. Брюлова... не правда ли, Борисовъ?

— Какъ же, помилуй, братецъ! весь гипсовый классъ

на половину набитъ такими господами; я самъ многихъ знаю: тутъ есть и чиновники и матушкины сынки, никогда не думавшіе прежде объ искусствѣ...

— Да, успѣхъ «Послѣдняго дня Помпеи» многимъ вскружилъ голову, перебилъ Петровскій: — разумѣется, восторженная настроенность продолжалась недолго. «Послѣдняго дня Помпеи» не удалось имъ написать въ первые два мѣсяца,—тѣмъ дѣло и кончилось. Съ академіею имъ не зачѣмъ было, однакожъ, разставаться, — художники народъ веселый. И, въ самомъ дѣлѣ, не Богъ знаетъ какъ трудно, лежа на диванѣ, создавать сотнями колоссальныя произведенія, особенно когда батюшка или матушка, настроенные сынкомъ, — видя въ немъ (все таки, судя по успѣху Брюлова) новаго Микель-Анджело, который много-много если не черезъ два года получитъ заказовъ на полмилліона, — снабжаютъ его деньжонками. Итакъ, нашъ художникъ посѣщаетъ классы, но не ради другого чего, какъ чтобы находиться среди толпы веселыхъ товарищей, ни дать ни взять съ тою же цѣлью, какъ наши барыни ѣздятъ въ театръ. Въ классѣ время проходитъ у него не совсѣмъ, однакожъ, праздно: онъ подмѣчаетъ, какая у профессора палка и шляпа, какъ онъ говоритъ и ходитъ. Черезъ нѣсколько времени, смотришь, и у него появилась такая же шляпа и палка; говорилъ онъ прежде чисто, — слушаешь, теперь гнуситъ или картавитъ. Они вообще заражены мыслью, что художникъ долженъ непремѣнно отличаться чѣмъ-нибудь оригинальнымъ. Для достиженія этого не щадятъ они дѣятельности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, они покоятся въ сладкомъ far-niente, то есть ровно ничего не дѣлаютъ. Этюды ихъ—постоянно самые плохіе и безцвѣтные, точно также, какъ рисунки и эскизы, хотя на послѣднихъ никогда не бываетъ менѣе двадцати фигуръ и содержаніе всегда сложно и замысловато.

— А между тѣмъ, замѣтьте, господа! перебилъ Борисовъ: — никто изъ истинныхъ художниковъ не говоритъ съ такимъ жаромъ объ искусствѣ...

— Это еще, впрочемъ, лучшая ихъ сторона, отвѣчалъ Петровскій: — это доказываетъ, что въ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, совѣсть...

— Какъ! какимъ образомъ?..

— Очень просто. Толкуя всѣмъ и каждому съ преувеличеннымъ энтузіазмомъ объ искусствѣ, они думаютъ оправдать въ чужихъ глазахъ свою лѣнь и тунеядство. Послушайте любого изъ нихъ; у каждаго тысяча самыхъ похвальныхъ замысловъ, плановъ, проектовъ, картоновъ, программъ и эскизовъ... (Замѣтьте къ тому, что размѣръ предполагаемыхъ совершенствъ искусства не бываетъ менѣе двухъ-трехъ сажень). Для исполненія великихъ своихъ замысловъ, ждутъ они обыкновенно весны или лѣта, — это уже всегда такъ водится; въ ожиданіи этого времени, они проводятъ мѣсяцы въ соображеніяхъ о цѣнѣ красокъ, полотна, натурщика и особенно натурщицы... Наступило лѣто и уже сыплятся всевозможныя проклятія на петербургскую природу: небо сѣро — писать нельзя; лѣто проходитъ, они ничего не дѣлали и работа откладывается до счастливой минуты, когда первая золотая медаль откроетъ имъ путь въ Италію. Въ послѣднемъ они всѣ рѣшительно увѣрены. Они думаютъ единодушно, что уже довольно родиться отъ какой нибудь Анны Семеновны, что-бы получать лишнія права противъ другихъ. Въ сужденіяхъ своихъ они строже всякаго другого маститаго, опытнаго профессора. Не зная труда, съ какимъ дается совершенствованіе, имъ все кажется легкимъ. Поэтому самому, художника-труженика называютъ они бездарнымъ нѣмцемъ; оконченная картина отзывается для нихъ сухостью или «конопаткою», какъ они говорятъ: «лѣпки» нѣтъ, «плановъ, размаху», и т. д. Такіе отзывы не мѣшаютъ имъ, однакожъ, завидовать всякому произведенію (безъ «плановъ и лѣпки») если только оно имѣло успѣхъ. Успѣхъ приписывается тогда случаю... о! я ихъ хорошо знаю!..

— Ну, я также могу этимъ похвалиться, хоть они мнѣ никогда и не завидовали, возразилъ Борисовъ.

— Сколько общій трудъ и общая цѣль способны соединить людей, продолжалъ Петровскій:—столько же общее тунеядство, лѣнь и бездарность сближаютъ этихъ господъ другъ съ другомъ. Нигдѣ, быть можетъ, духъ товарищества не преобладаетъ такъ сильно. И немудрено: тамъ, гдѣ связь ограничивается одними мечтами, сладкими гре-

зами да попойками, зависти и другимъ разъединяющимъ чувствамъ нѣтъ мѣста. Но самолюбіе, — котораго у нихъ, какъ вообще у всѣхъ людей, не имѣющихъ на него ровно никакого права, очень много, — не даетъ имъ покоя. Но какъ и чѣмъ взять? Отсюда эта афектація въ одеждѣ, какъ, напримѣръ, у Вахрушева, если вы замѣтили, или у Сидоренко...

— Я самъ слышалъ, какъ Сидоренко говорилъ, размазывая пальто кистью: «чтобъ сразу, по крайней мѣрѣ, былъ виденъ художникъ, чортъ побери!» заключилъ, смѣясь, Борисовъ.

Разговаривая такимъ образомъ, всѣ трое незамѣтно почти очутились у академіи. Тутъ Петровскій и Борисовъ разстались съ Андреевымъ, напомнивъ ему вторично обѣщаніе принести завтра рисунки и провести вмѣстѣ день.

— Да не забудьте ни одного клочка бумажки, смотрите, и приходите какъ можно раньше: мы васъ ждемъ, и кофейку сваримъ! крикнулъ Борисовъ, неожиданно выглядывая изъ калитки.

Но Андреевъ былъ уже далеко. Онъ бѣжалъ подпрыгивая по мостовой и благословляя счастливый день, давшій ему такихъ пріятелей, какъ Петровскій и Борисовъ.

VI.

Мастерская.

«Идти мнѣ сегодня въ должность? да или нѣтъ?» — Съ такимъ вопросомъ проснулся Андреевъ, полный свѣтлыхъ впечатлѣній вчерашняго вечера.– «Нѣтъ, не пойду!» заключилъ онъ, окончательно раскрывая глаза. «Что ни говори крестный отецъ, а исправнѣе меня нѣтъ у него покуда подчиненнаго... Въ полтора года я, кажется, всего два раза не явился на службу, да и то по болѣзни. Я хочу, чтобъ нынѣшній день ничто неомрачало; чтобъ былъ онъ такъ же хорошъ, какъ вчерашній». Андреевъ одѣлся торопливо, выпилъ стаканъ чаю, и принялся собирать рисунки. Не утаивъ ни одного клочка бумаги, онъ за-

перъ за собою дверь, отдалъ ключъ Варварѣ Гавриловнѣ и выбрался изъ дома.

Нечего говорить, какъ длиненъ показался ему путь отъ Новыхъ мѣстъ до Васильевскаго острова и до воротъ академіи. Разспросивъ у сторожа, какъ и куда пройти въ мастерскую Петровскаго, Андреевъ очутился вскорѣ въ длинномъ, внутреннемъ коридорѣ, огибающемъ вокругъ все зданіе академіи художествъ. Тутъ, однакожъ, сердце какъ будто нѣсколько измѣнило ему. Каждый шагъ, каждый взглядъ давалъ чувствовать Андрееву неизмѣримое разстояніе, которое находилось между настоящимъ его положеніемъ и тѣмъ, что его окружало. Проходя поминутно мимо дверей, на которыхъ были начертаны имена знаменитыхъ художниковъ и профессоровъ, Андреевъ останавливался, пронятый насквозь нерѣшительностью и страхомъ. — «Сколько таланта, неусыпныхъ трудовъ, силы воли и, наконецъ, случая или счастливой обстановки нужно было, чтобы достигнуть извѣстности и славы!» подумалъ Андреевъ. Мысль эта отнимала у робкаго его сердца послѣднюю увѣренность и силу.

Какъ путникъ, внезапно очутившійся посреди необъятно-громадной картины природы, онъ чувствовалъ все свое ничтожество въ виду именъ, гремѣвшихъ чуть ли не во всей Европѣ.

Онъ бросилъ на длинный свертокъ своихъ рисунковъ, грустный, безотрадный взглядъ,—взглядъ, какой бросаетъ нѣжная мать на дѣтище, оказавшееся слабымъ и никуда неспособнымъ, тогда какъ она, бѣдная, увлеченная къ нему всѣми своими чувствами, возложила на него всѣ свои мечты и надежды. Съ такими чувствами постучался онъ нетвердою рукою въ клеенчатую дверь съ надписью мѣломъ: «Мастерская художника Петровскаго».

— А, голубчикъ! закричалъ Борисовъ, отворяя дверь, обнимая Андреева и вталкивая его въ мастерскую, что дѣлалось въ одно и тоже время;—а мы ужъ думали, вы заспесивились и не придете, ну, ну... э! какой славный, честный свертокъ, присовокупилъ онъ, взявъ въ руки свертокъ и поднимая его надъ головою:—я тебѣ говорилъ, Петровскій, я тебѣ говорилъ... ну, ну, посмотримъ...

— Полно, Борисовъ! дай ему, братецъ, отдохнуть, сказалъ Петровскій, укладывая на деревянный табуретъ палитру и кисти:—здравствуйте, Андреевъ! здравствуйте, продолжалъ онъ привѣтливо:—очень радъ васъ видѣть.

Тутъ Петровскій подошелъ къ пришедшему и съ радостнымъ чувствомъ подалъ ему обѣ руки. Послѣ первыхъ привѣтствій съ той и другой стороны, и пока Борисовъ хлопотливо приставлялъ къ свѣту столъ и стулья, освобождая ихъ отъ хлама, неизбѣжнаго спутника всѣхъ художниковъ, Андреевъ окинулъ жаднымъ взглядомъ мастерскую.

Она состояла изъ очень высокой, квадратной комнаты темно-кирпичнаго цвѣта, выходившей на уголъ и освѣщенной съ каждой стороны угла однимъ огромнымъ окномъ, закругленнымъ сверху. Окно налѣво было занавѣшено съ средины до низу красноватымъ коленкоромъ, прибитымъ гвоздями и падавшимъ густыми, пыльными складками на полъ, заваленный на этомъ мѣстѣ разбитыми гипсами, черепками и рамами. Другое окно было цѣликомъ закрыто старымъ клѣтчатымъ одѣяломъ, и заставлено сверхъ того папками и этюдами, обращенными лицомъ къ стеклу. Свѣтъ изъ перваго окна, оставленный сверху, падалъ косыми голубыми лучами прямо на картину, поставленную на мольбертъ и перегораживавшую комнату на двѣ половины. Большей части мастерской сообщался поэтому какой-то горячій, желтоватый полусвѣтъ, часто встрѣчаемый на фламандскихъ картинахъ. Въ этомъ полусвѣтѣ, на темныхъ стѣнахъ, мелькали гипсовыя головы, суровыя и улыбающіяся, угловатыя и граціозныя, маски, члены, гравюры, полотна, палитры; выгнутый шиворотъ-на-выворотъ манекенъ выглядывалъ подлѣ, изъ чернаго угла, вмѣстѣ съ оборванными лохмотьями шаманскаго костюма, висѣвшими на гвоздикѣ, и посреди всего этого безпорядка, спокойно вырѣзывалась строгая гипсовая фигура Германика, поставленная на деревянныя подмостки и причудливо раздрапированная синею шерстяною матеріей. Въ углу, противъ картины, стояла узенькая сосновая постель Петровскаго; къ подушкамъ примыкалъ ночной столъ; на немъ, вмѣстѣ съ подсвѣчникомъ, чернильницею и бумагами,

лежала «Иліада», нѣсколько чертежей Флаксмана и цѣлая кипа старыхъ гравюръ съ Рафаэля, Пуссена и Лесюера. Часть комнаты позади картины принадлежала Борисову. Тутъ уже безпорядку конца не было. Одежда, краски, стклянки съ масломъ, кисти, кончики сигаръ, сапоги,—все мѣшалось вмѣстѣ, какъ въ винегретѣ. Лучъ солнца, скользнувшій поверхъ картины Петровскаго, проникалъ въ этотъ хаосъ и, изломавшись, какъ молнія по стѣнѣ, игралъ и дробился на стаканѣ съ прилипшимъ къ боку обрѣзкомъ лимона, кофейникѣ, бутылкахъ и горшкахъ, устилавшихъ поверхость небольшой желѣзной печки, служившей Борисову вмѣсто ночного столика. Посреди владѣній Борисова возвышался долговязый мольбертъ, уставленный въ одно время нѣсколькими пейзажами, одинъ на другой. Уголъ этотъ, ни дать ни взять, былъ вѣчно похожъ на прихожую женатаго художника въ минуту пожара, несмотря на суеты и хлопоты бѣднаго Борисова, проводившаго день-деньской въ уборкѣ и приведеніи всего въ лучшій, строжайшій порядокъ.

Дѣло въ томъ, что на Борисовѣ лежала хозяйственная часть мастерской, какъ-то: варенье кофе, подогрѣваніе воды, починка, штопка, и проч. Надѣленный природою небольшими способностями, но весь преданный любви къ искусству и Петровскому (что для него составляло почти одно и то же), доходившей до фанатизма, добрый, какъ голубь или ягненокъ, Борисовъ ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ уступить хлопоты товарищу и постоянно метался, какъ маятникъ, отъ начатой картины къ кофейнику, отъ ящика красокъ къ печкѣ или иголкѣ. Послѣднее время особенно сбивало съ толку Борисова. Съ перваго же дня, какъ Петровскій началъ новую свою картину, Борисовъ принялъ на себя добровольно и съ самымъ добродушнымъ увлеченіемъ роль бабушки этой картины. Петровскій, страстно полюбившій свое произведеніе, далеко такъ не безпокоился о своемъ дѣтищѣ, какъ Борисовъ. Борисовъ ходилъ за картиною, какъ за ребенкомъ. Тысячу разъ на день подбѣгалъ къ ней, разглядывалъ, щупалъ, стиралъ пыль, щурилъ глаза, натиралъ ладонью лобъ до красна и съ озабоченнымъ видомъ бросался за собственную кисть.

Сколько ни старался Петровскій успокоить своего товарища, онъ ровно ничего не могъ сдѣлать. Окинувъ взглядомъ мастерскую, Андреевъ внезапно остановилъ глаза на картинѣ Петровскаго.

— Ага! ну что, каково мы пишемъ-съ?.. а? а? какъ вамъ нравится, дружокъ, эта картиночка? что вы скажете? говорилъ Борисовъ, обнимая Андреева и какъ бы благодаря его за восторженное выраженіе лица.

Картина изображала блуднаго сына, застигнутаго посреди угрюмаго стада, во время грозы и раскаянія. Андреевъ пожиралъ глазами каждый ударъ кисти, каждую черту.

— Точно-съ! сказалъ Борисовъ, шутливо трепля его по плечу: — я думаю, любитель скажетъ намъ за нее спасибо?

— Какой любитель? воскликнулъ Андреевъ.

— Любитель, заказавшій эту картину, продолжалъ Борисовъ, махая руками и не обращая вниманія на Петровскаго, который стоялъ позади и давалъ ему знаки молчать: — Петровскій, нужно вамъ сказать, крикнулъ Борисовъ: — получилъ нынѣшнею весною за «Агарь въ пустынѣ» первую золотую медаль и долженъ былъ ѣхать въ Италію... да у Петровскаго, дружокъ мой, есть мать и сестра, которыхъ онъ хочетъ обезпечить на то время, какъ будетъ въ Италіи... вотъ потому-то онъ отложилъ поѣздку и принялъ заказъ одного любителя... Аллегорія не дурна по этому поводу... а? блудный сынъ! Петровскій—блудный сынъ!.. Ну, а что вы скажете о Вахрушевѣ и Сидоренко?.. Я думаю, они не напишутъ лучше?..

Тутъ Борисовъ ухватился за бока и залился добродушнымъ смѣхомъ.

— Ну что, какъ вамъ, голубчикъ, понравилась наша мастерская, наше житье-бытье? продолжалъ Борисовъ, увлекая Андреева въ свой уголъ.

— Чудо! чудо! восклицалъ юноша, не зная, куда обратить глаза: — чудо! я даже съ наслажденіемъ вдыхаю въ себя этотъ воздухъ.

— Пропитанный терпентиномъ и красками! смѣясь присовокупилъ Борисовъ: — еще бы! запахъ этотъ долженъ

быть точно также милъ истинному художнику, какъ запахъ пороха настоящему воину, какому-нибудь кавказскому солдату!

Пока Борисовъ говорилъ, Петровскій откинулъ коленкоръ, занавѣшивавшій окна, придвинулъ къ нему столъ, приготовленный Борисовымъ, и разложилъ на немъ свертокъ Андреева. Андреевъ и Борисовъ подбѣжали къ столу.

— А! а! а!.. ну, ну!.. вотъ это ладно, посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Борисовъ, прижимаясь къ Андрееву и потирая руки: — вотъ это дѣло, — что дѣло, то дѣло!..

— Можно? произнесъ Петровскій, обращаясь съ доброю улыбкою къ Андрееву и восторженно пожимая ему руку: — но что съ вами? присовокупилъ онъ, тревожно глядя ему въ лицо.

— Что съ вами? повторилъ Борисовъ, испугавшись не на шутку безпокойства, показавшагося внезапно въ чертахъ Андреева.

— Господа! отвѣчалъ юноша взволнованнымъ голосомъ: — до сихъ поръ я еще никому въ свѣтѣ не показывалъ своихъ рисунковъ; вы еще не знаете... Скажу вамъ откровенно: тутъ всѣ мои мечты, всѣ надежды... Ради Бога не шутите со мною, прибавилъ онъ, подымая на двухъ художниковъ смущенное лицо: — скажите мнѣ прямо, искренно ваше мнѣніе... Я цѣню ваши мнѣнія и пристрастный отзывъ можетъ увлечь меня... Кто знаетъ, ваши слова могутъ рѣшить судьбу мою, а я долженъ быть заранѣе твердо увѣренъ въ своихъ силахъ, чтобы пожертвовать настоящимъ положеніемъ и посвятить себя живописи... Въ противномъ случаѣ, я подвергаю гибели не только себя, цѣлое семейство... Ради Бога не шутите со мною и скажите правду!..

— Послушайте, Андреевъ! если это такъ, сказалъ Петровскій твердымъ голосомъ: — даю вамъ честное слово, что употреблю все свое вниманіе, всю свою опытность, все знаніе этого дѣла и, отбросивъ въ сторону всѣ предразсудки, всѣ мелочи, скажу вамъ съ братской искренностью свое мнѣніе... Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что я не поступилъ бы иначе съ вами ни въ какомъ

случаѣ: это мой обычай, прибавилъ онъ, расправляя брови и дружески пожимая ему руку.

— Клянусь вамъ честью! закричалъ въ свою очередь Борисовъ, но увидя, что лицо Андреева просвѣтлѣло, онъ взялъ его подъ руку и повелъ къ столу.

Петровскій развернулъ свертокъ. Всѣ нагнулись къ рисункамъ и сердце Андреева снова забилось. Петровскій молча и медленно принялся пересматривать каждый рисунокъ, изрѣдка лишь прерываясь, чтобы взглянуть на Борисова, который поминутно бросалъ взгляды на Петровскаго и, уловивъ на лицѣ его одобрительное выраженіе, не могъ выдержать, чтобы не вскрикивать каждый разъ:

— Чудесно! превосходно! Я тебѣ говорилъ, Петровскій! я тебѣ говорилъ!..

Но когда рисунки пришли къ концу, Петровскій поспѣшно поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ Андрееву.

— Вѣрите вы мнѣ? спросилъ онъ, глядя ему пристально въ лицо своими темными глазами.

— Вѣрю! твердо отвѣчалъ Андреевъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажу вамъ, что у васъ такой талантъ, какого еще мнѣ не приходилось видѣть! Да, прибавилъ онъ: — какія-бы ни были ваши обстоятельства, — смѣло жертвуйте всѣмъ для искусства и вѣрно ни вы, ни ваше семейство не останетесь въ проигрышѣ... Чтобы разсѣять окончательно ваши сомнѣнія, позвольте мнѣ завтра-же показать ваши рисунки нѣкоторымъ изъ нашихъ профессоровъ?.. Я заранѣе увѣренъ въ блистательномъ успѣхѣ... Тогда, послѣ этого мы смѣло начнемъ дѣйствовать, — не такъ-ли?

Андреевъ согласился во всемъ. Онъ не помнилъ себя отъ радости.

— Ну, Борисовъ, полно тебѣ обнимать его, сказалъ Петровскій: — успѣешь еще, теперь можно надѣяться, что часто приведется видѣться, — свари-ка намъ на радости кофе — это будетъ лучше! вѣдь онъ у насъ хозяйка, Андреевъ, — вы еще этого не знали? смѣясь, присовокупилъ онъ, подмигивая на Борисова, который метнулся въ свой уголъ и загремѣлъ посудою.

Спустя нѣсколько времени, Петровскій раскрылъ передъ Андреевымъ всѣ свои папки, показалъ ему всѣ свои эскизы, этюды и эстампы. Слѣдствіемъ этого было то, что Петровскій окончательно растерялся въ заключеніяхъ своихъ насчетъ молодого человѣка. Свѣдѣнія послѣдняго въ изящныхъ искусствахъ, очевидно, превосходили его практическія познанія. Встрѣчая эстампы съ великихъ мастеровъ, онъ толковалъ о нихъ, какъ бы вѣкъ былъ окруженъ ими. Различіе школъ, біографическія замѣчанія, — онъ ни передъ чѣмъ не останавливался.

— Послушайте, Андреевъ, сказалъ наконецъ Петровскій, послѣ минутнаго молчанія, окидывая молодого человѣка удивленными глазами:—я вѣрю, что съ большимъ природнымъ талантомъ можно совершенствоваться безъ сторонняго пособія, можно даже сдѣлать значительные успѣхи,—но скажите, Бога ради, какимъ образомъ... откуда вы знаете все это?.. присовокупилъ онъ, указывая на кипы эстамповъ, разбросанныхъ по столу.

— Что-жъ тутъ удивительнаго?.. произнесъ, краснѣя, Андреевъ.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ! крикнулъ Борисовъ, неожиданно высовыя голову изъ-за картины и размахивая руками, обнаженными до локтей.

— Какъ, что удивительнаго! возразилъ Петровскій:— вы вѣроятно, не знаете еще, какое чудо встрѣтить между нами человѣка съ артистическимъ образованіемъ,— но это уже другой вопросъ — скажите пожалуйста, гдѣ вы воспитывались?

— Нигдѣ.

— Можетъ ли быть?

— Серьезно.

— Тогда вы, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ ходить начали, до настоящаго времени прожили въ Эрмитажѣ или въ какой-нибудь значительной галлереѣ, наполненной, кромѣ картинъ, эстампами и книгами...

— Въ Эрмитажѣ я былъ всего три раза, смѣясь отвѣчалъ Андреевъ:—времени не было бывать чаще,—наконецъ, я вовсе и не жилъ въ Петербургѣ.

— Гдѣ же?

— Въ провинціи.

— Вы давно здѣсь?

— Скоро два года.

— У меня просто руки отнимаются! Помилуйте, я очень хорошо знаю нашу провинцію: тамъ трудно чему нибудь научиться; еслибъ вы обнаружили богатыя познанія въ собачьихъ породахъ, въ розыскиваніи заячьихъ или волчьихъ слѣдовъ, въ лошадиныхъ мастяхъ,—я бы легко вамъ повѣрилъ;—но получить въ провинціи свѣтлыя понятія о художествахъ... согласитесь сами...

— Васъ вѣроятно, еще больше удивитъ, если скажу вамъ, что всему этому способствовала бѣдная провинціальная дѣвушка...

— Что вы говорите?

— Я тебѣ говорилъ, Петровскій, что тутъ что-нибудь да есть такое... закричалъ Борисовъ, показываясь изъ-за картины съ кофейникомъ въ рукахъ.

— Да,—сестра моя, сказалъ Андреевъ.

— Вы простите мнѣ мое любопытство?

— Разскажите, голубчикъ, разскажите дружокъ, заговорилъ Борисовъ, подбѣгая торопливо къ гостю.

— Исторія не очень веселая, началъ со вздохомъ Андреевъ..—Нужно вамъ сказать, что отецъ мой служитъ въ уѣздномъ городѣ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, кромѣ службы, онъ занимался еще дѣлами одной знатной барыни; имѣнье ея находилось въ пяти верстахъ отъ нашего города. Мы были еще тогда дѣти, т. е. мнѣ только что минулъ шестой годъ, сестрѣ—двѣнадцатый.—У меня есть еще двѣ сестры,—но тѣ были уже тогда взрослыя.—Отправляясь очень часто лѣтомъ по дѣламъ графини, отецъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою меня или младшую сестру мою. Сестра понравилась графинѣ. Часто она оставляла ее у себя на нѣсколько дней. Мало-помалу старушка привязалась къ дѣвочкѣ. Кончилось тѣмъ, что она взялась воспитать ее, попросила ее у отца и въ одинъ прекрасный день узнали мы, что старая графиня уѣхала въ Петербургъ и взяла съ собою сестру. Графиня прожила въ Петербургѣ четыре года сряду. Не думая, хорошо ли, дурно ли будетъ, она окружила ее учителями,

одѣвала какъ куклу, —словомъ, сдѣлала изъ нея барышню, которая была ничемъ не хуже ея племянницъ и внучекъ. Необыкновенные успѣхи сестры подстрекали самолюбіе старушки. Сестра была хороша собою,—всѣ были отъ нея въ восторгѣ: графиня выставляла ее всюду, какъ свою воспитанницу. Растроенное здоровье старухи заставило ее ѣхать за границу; она взяла съ собою сестру. Такимъ образомъ, онѣ объѣхали почти всю Европу и, наконецъ, остановились года на два въ Италіи. Графиня была женщина съ современными понятіями; она любила изящныя искусства, часто приглашала къ себѣ художниковъ и поощряла всѣми средствами врожденную склонность сестры къ живописи. Кончилось все это, однакожъ, очень печально... какъ впрочемъ, и должно было, рано или поздно, кончиться. Графиня пріѣхала въ Петербургъ, прожила еще два года и скончалась, не успѣвъ даже сдѣлать никакихъ распоряженій на-счетъ сестры. Наслѣдники отправили сестру домой. Семейство мое... да что вамъ говорить, вы поймете положеніе дѣвушки, воспитанной со всею роскошью утонченнаго аристократизма, — и вдругъ брошенной въ бѣдный уѣздный городишко, посреди круга становыхъ и засѣдателей... Много нужно было силы воли, терпѣнія, чтобы выдержать такую жизнь безропотно... Оскорбленная (невольно разумѣется) на каждомъ шагу всѣмъ, что ее окружало, отчужденная воспитаніемъ и понятіями отъ всѣхъ близкихъ,—она невольно какъ-то искала тогда сблизиться со мною. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ, ей двадцать-два. Я былъ мальчикъ кроткій и тихій, очень любознательный, очень любопытный. Съ первыхъ же дней я полюбилъ ее со всею пылкостью дѣтскаго сердца. Къ тому же я былъ почему-то заброшенъ въ домѣ, — старшія сестры меня не любили, — это обстоятельство сблизило насъ еще болѣе. Вскорѣ мы стали неразлучны. Не могу передать вамъ, съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою материнскою нѣжностью слѣдила она за моимъ развитіемъ. Замѣтивъ во мнѣ склонность къ рисованію (я тогда еще чертилъ мѣломъ и углемъ по заборамъ), она тотчасъ же принялась учить меня. Надо вамъ сказать, что послѣ графини остался у сестры, кромѣ тряпья

и платьевъ, цѣлый сундукъ книгъ, литографій и эстамповъ, подаренныхъ ей въ разныя времена графинею. Книги были большею частью художественныя: Лессингъ, Де-Пиль, Катремеръ-де-Кенси, Зульцеръ, Лерессъ, Ватле, Альгаротти... Она окружила меня ими. Цѣлые дни проводилъ я у нея въ свѣтелкѣ, перерисовывая въ сотый разъ какой-нибудь эстампъ и заслушиваясь разсказовъ объ Италіи и художникахъ. Какъ одинокій мальчикъ, я развивался не по лѣтамъ, — общества у меня не было. Многое начинало уже тогда проясняться въ головѣ моей. Часто, въ сумерки, когда я сидѣлъ съ нею, мнѣ вдругъ становилось грустно, грустно за нее, за себя, за всѣхъ почему-то, и я бросался, рыдая, къ ней на шею. Э! да что говорить, господа,—повѣрьте, грустная исторія...

— Гдѣ-жъ теперь ваша сестра? что съ нею?.. спросилъ съ участіемъ Петровскій.

— Да, да, гдѣ она? произнесъ Борисовъ, щуря сѣренькіе свои глазки.

— Тамъ... дома... отвѣчалъ Андреевъ, отворачиваясь къ окну.

Борисовъ взглянулъ украдкою на Андреева, потомъ на Петровскаго и вдругъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ, бѣгая и суетясь по мастерской:

— Господа, — кофе готовъ! садитесь поскорѣе, садитесь,—не то простынетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, мы совсѣмъ было забыли; Андреевъ, давайте завтракать! сказалъ Петровскій, взглядывая на Андреева и стараясь улыбнуться.

— Господа! честь имѣю донести, что кофе будетъ отличный:—полчаса кипѣлъ! произнесъ Борисовъ, торопливо ставя на столъ подносъ, покрытый стаканами и сухарями.—Голубчикъ, кладите сахаръ! положили?.. Петровскій, не замѣчаешь ли ты, какъ вдругъ стало у насъ мало сахару?..

— Нѣтъ.

— Ну, господа, держите теперь стаканы, хлопотливо говорилъ Борисовъ, подымая къ верху кофейникъ: — батюшки! что это такое?.. произнесъ онъ, разглядывая стаканъ Андреева, въ который вмѣсто кофе, полилась какая-

то бѣловатая густая жидкость; — ахъ, батюшки, что я надѣлалъ?

Петровскій поставилъ блюдечко на столъ и залился смѣхомъ. Андреевъ обмочилъ губы въ стаканъ и послѣдовалъ примѣру Петровскаго.

— Что такое? что это значитъ!.. повторилъ Борисовъ, стоя въ какомъ-то недоумѣніи съ кофейникомъ въ одной рукѣ, съ полотенцомъ въ другой.

— Помилуй, Борисовъ, знаешь ли, что кипятилъ ты такъ усердно вмѣсто кофе,—ну, какъ ты думаешь?..

— Что такое?.. что я такое кипятилъ? повторилъ Борисовъ, недоумѣніе котораго возрастало съ каждой секундой, —что я кипятилъ такое?..

— Сахаръ! произнесъ, задыхаясь, Петровскій.

— Можетъ ли быть?

— Серьезно, — вотъ отчего тебѣ вдругъ показалось, что его стало меньше,—я думаю—ввалилъ, вмѣсто кофе, цѣлый фунтъ сахару!

— Эхъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Борисовъ, шлепая себя по лбу:—эхъ, господа: а все вы: та, та, та, та... заслушался я васъ, развѣсилъ уши, да и надѣлалъ дѣла... Ну, пеняйте на кого хотите, только угольевъ больше нѣтъ!..

Это обстоятельство развеселило всѣхъ присутствующихъ. Часа въ три Петровскій вызвался вести Борисова и Андреева къ Гейде. Тѣ приняли приглашеніе и вскорѣ мастерская опустѣла. Остатокъ дня проведенъ былъ на островахъ, и веселье, начавшееся такъ внезапно въ мастерской, ни разу не прерывалось до самаго вечера.

Часу въ десятомъ, Андреевъ вернулся домой.

— Ключъ у васъ? спросилъ онъ, постучавъ къ Варварѣ Гавриловнѣ.

— Катерина Андреевна взяла его, отвѣчала та.

Андреевъ подошелъ на цыпочкахъ и приложилъ ухо. За дверью раздавалась качуча, сопровождаемая щелканьемъ пальцевъ и шарканьемъ по полу. Затаивъ дыханіе, Андреевъ потихонько вошелъ въ комнату.

На полу горѣли двѣ свѣчки и еще какой-то огарокъ, воткнутый въ чернильницу; посреди этой иллюминаціи

стояла Катя. Приподнявъ слегка платье и юбку обѣими руками, она глядѣла себѣ на ноги и выдѣлывала самыя замысловатыя па, подпѣвая слова извѣстнаго куплета.

Тальони, прелесть, восхищенье,
Такъ неподдѣльно хороша, а, а, а! и т. д.

Андреевъ не далъ ей докончить и бросился обнимать ее. Но Катя рванулась впередъ, подняла свѣчки, сѣла въ кресло, надула губки и повернулась къ нему спиною; все это было дѣломъ секунды.

— Катя, душенька, ради Бога, не сердись на меня, говорилъ Андреевъ, цѣлуя ей руки: — полно ребячиться, будь весела сегодня, ты не повѣришь, какъ я нынче счастливъ, полно тебѣ...

Катя быстрымъ движеніемъ повернулась къ нему лицомъ, окинула его проницательнымъ взглядомъ и, хмуря тоненькія свои брови, сказала:

— А, вы сегодня счастливы!—очень рада!.. Ступайте къ тѣмъ, кто васъ дѣлаетъ счастливымъ...

— Полно, Катя, что за глупости!..

— Не хочу, не хочу, не хочу!.. закричала она, ежась на своемъ креслѣ, какъ вьюнъ на свободѣ: — не хочу! Вотъ славно, онъ оставляетъ меня одну, не видитъ по цѣлымъ днямъ и потомъ я еще и весели его... да, да, полноте... О! я васъ знаю! присовокупила она сердито качая головою:—вы вѣчно со своими художниками, вы для нихъ готовы тысячу разъ промѣнять меня... Ну, такъ не хочу же и я скучать безъ васъ, и я сегодня весела! прибавила она, прыгнувъ внезапно на полъ и принимаясь скакать по комнатѣ.

— Давно бы такъ! весело сказалъ Андреевъ, преслѣдуя Катю, которая каждый разъ перевертывалась на одной ножкѣ и, сдѣлавъ ему гримасу, бросалась въ сторону: — проведемъ вечеръ вмѣстѣ, пойдемъ гулять; ты разскажешь мнѣ, что ты дѣлала въ эти два дня, а я разскажу, что со мной случилось, хочешь?..

— Ну, хорошо, сказала Катя, неудовольствіе которой разсѣялось въ ту же секунду.

— Во первыхъ, какой добрый геній принесъ тебя сюда?

— Я была у Левицкихъ! ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ тамъ было весело... сколько народу... отвѣчала она восторженно размахивая руками.

— Опять! сказалъ Андреевъ недовольнымъ голосомъ:— ты для меня ничего не хочешь сдѣлать. О! сколько разъ я просилъ тебя бросить этихъ Левицкихъ... Скажи на милость, ну что общаго можетъ быть между ними и тобою?.. Повѣрь мнѣ, это не поведетъ къ добру... ты никогда не хочешь мнѣ вѣрить...

— Бррр... произнесла Катя, быстро проводя ладонью по губамъ его,—пожалуйста не говори пустяковъ!..

— Я правду говорю...

— Опять! закричала Катя, зажимая ему ротъ, приподымаясь на носки и грозя ему пальцемъ:—ну, миленькій, ну, дружокъ, не сердись, перестань, прибавила она, передразнивая Андреева.

Оба засмѣялись.

— Давно бы такъ! сказала въ свою очередь Катя, повиснувъ у него на шеѣ:—ну, пойдемъ гулять!..

И вскорѣ оба шли рука объ руку, весело огибая пустынные заборы и переулки. Ночь была тихая и ясная. Полный мѣсяцъ медленно плылъ по синему, звѣздному небу, осеребряя дорогу, кровли и зданія.

VII.

Свѣтъ и тѣнь

Дней пять послѣ знакомства съ Петровскимъ и Борисовымъ, Андреевъ возвращался часу въ третьемъ изъ должности домой. Проходя по двору, онъ не взглянулъ даже на окно Кати. Онъ казался какимъ-то озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Очевидно было, что мысли его находились далеко отъ всего окружающаго. Подымаясь по лѣстницѣ, Андреевъ услышалъ за поворотомъ разговоръ, посреди котораго то и дѣло повторялось его имя. Онъ невольно остановился и сталъ прислушиваться.

— А кто его знаетъ, отецъ родной, — здѣсь, ка-

жись, нѣтъ такого... повторялъ сиповатый женскій голосъ.

— Какъ, быть не можетъ, голубушка! торопливо перебилъ мягкій ласковый голосъ:—быть не можетъ!.. Дворникъ сказалъ мнѣ, что на этой лѣстницѣ: вспомните: средняго роста, блѣдный, бѣлокурый, вы его вѣрно видѣли,—помилуйте, какъ не знать: чиновникъ Андреевъ.

— Чиновникъ! возразилъ съ увѣренностью сиповатый голосъ;—давно бы такъ сказали, отецъ родной, ступайте на самый верхъ, на лѣво...

Дверь хлопнула и вслѣдъ за тѣмъ послышалось нетерпѣливое шарканье чьихъ-то подошвъ по верхнимъ ступенямъ лѣстницы. Андреевъ пустился въ догонку и прямо противъ дверей своей комнаты столкнулся носъ съ носомъ съ Борисовымъ.

— А! голубчикъ, вскричалъ художникъ также радостно, какъ бы встрѣтилъ родного брата послѣ трехлѣтней разлуки:—слава Богу, наконецъ-то я васъ поймалъ!.. Хорошо, нечего сказать, пять дней и глазъ не кажетъ!.. Ну, Андреевъ, что было въ это время, еслибъ вы только знали, голубчикъ, что было!..

И не дожидаясь отвѣта, онъ тащилъ Андреева внизъ по лѣстницѣ. Напрасно онъ увѣщевалъ Борисова войти въ комнату и отдохнуть, представляя ему его усталость и дальность предстоявшей дороги. Борисовъ ничего не хотѣлъ слышать; онъ ограничивался только тѣмъ, что отиралъ потъ, капавшій съ лица и тащилъ своего пріятеля вонъ изъ дому, приговаривая:—э! голубчикъ, какой тутъ отдыхъ! не до того теперь: — скорѣй, скорѣй къ Петровскому!..

— Что же такое случилось? спросилъ Андреевъ, обнаруживая явное нетерпѣніе.

— Случилось то, что... да нѣтъ, нѣтъ не поддѣнете... я сдержу обѣщаніе: не скажу ни слова... узнаете... все узнаете въ свое время.

Тутъ Борисовъ поднялся на носки, глянулъ украдкою въ лицо Андреева, восторженно потрепалъ его по плечу и, взявъ его подъ руку, снова потащилъ по улицѣ, крѣпко сжавъ, однакожъ, на этотъ разъ губы, какъ бы боясь

противъ воли проронить лишнее слово. Такъ прошли они нѣсколько времени.

— Ну, Андреевъ, какія новости! началъ неожиданно Борисовъ.

Андреевъ насторожилъ слухъ.

— Нѣтъ, вскричалъ тотъ, ни за что на свѣтѣ:—выдержу до конца,—Петровскій останется доволенъ!

Молчаніе Андреева видимо подстрекало болтовню Борисова. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ отошелъ въ сторону, остановился, взглянулъ на товарища, потеръ руки и засмѣялся.

— Довольно, Борисовъ, сказалъ Андреевъ: — полно вамъ меня мучить, объясните мнѣ, что все это значитъ...

Борисовъ шагнулъ впередъ, быстро оглянулся во всѣ стороны и махнулъ отчаянно рукою.

— Эхъ, чортъ побери, не выдержалъ! воскликнулъ онъ:—ну ужъ теперь за одно, все равно...

Онъ поспѣшно пригнулся къ уху товарища и произнесъ скороговоркою:

— Всѣ профессора въ восторгѣ!.. Петровскій показывалъ имъ ваши рисунки... ну, дружокъ, ага?.. какова новость, прибавилъ онъ, взглянувъ на лицо Андреева, покрывшееся внезапнымъ румянцемъ: — ну что, весело теперь? а?— Еще бы! еще бы! продолжалъ онъ не дождавшись отвѣта. И желая, вѣроятно, въ конецъ обрадовать пріятеля, онъ принялся передавать ему, отъ слова до слова все, что говорено было профессорами, не выключая ни замѣчаній, ни похвалъ, ни даже выраженій лица, движеній, интонацій, характеристики и физіономіи каждаго профессора при этомъ случаѣ. Разсказъ Борисова заключалъ въ себѣ такія подробности, такую точность, что когда Андреевъ очутился въ академіи и Петровскій передалъ ему свои четырехъ-дневныя похожденія, онъ не услышалъ уже ничего новаго.

— Послушайте, Андреевъ, заключилъ наконецъ Петровскій, обнаруживая нѣкоторое удивленіе: — въ продолженіе всего времени, какъ я говорилъ съ вами, я не спускалъ глазъ съ вашего лица: скажите, съ вами вѣрно

что нибудь случилось непріятное... вы совсѣмъ не тотъ, что были пять дней тому назадъ... что съ вами?

— Да, я самъ это замѣтилъ, говорилъ Борисовъ, обращаясь мгновенно къ Андрееву, который обнаруживалъ сильное волненіе:—я самъ это замѣтилъ; чего бы кажись лучше; все ему улыбается... За четыре дня онъ съ ума сходилъ при одной мысли объ академіи, теперь академія ему открыта, то-есть сдѣлайте только милость, потрудитесь войти, а онъ нахмурился, и какъ бы глядѣть на академію не хочетъ... Онъ насъ обманулъ, Петровскій, онъ просто не любитъ искусства.

— Въ самомъ дѣлѣ, Андреевъ, глядя на васъ въ эту минуту, и особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, невольно согласишься съ Борисовымъ... Ну, полноте, садитесь, разскажите, почему, вмѣсто того, чтобы радоваться вмѣстѣ съ нами, вы смотрите сентябремъ?

— Вотъ видите ли, господа, сказалъ Андреевъ:—въ эти четыре дня я много обдумалъ, много пересудилъ...

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? нетерпѣливо перебилъ Борисовъ.

— Мы затѣваемъ страшное дѣло, отвѣчалъ Андреевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Отчего, что такое?.. спросилъ Петровскій.

— Оттого, что я не завишу отъ себя, не могу располагать собою и ни въ какомъ случаѣ не долженъ бы оставлять службы... въ послѣдній разъ я непростительно увлекся...

— Какъ вамъ не стыдно! возразилъ Борисовъ, потрясая съ комическимъ достоинствомъ свою пушистую голову:—что за слабость! Неужели какіе-нибудь шестьсотъ или семьсотъ рублей жалованья заставляютъ васъ колебаться? Нѣтъ, — быть не можетъ! — Неужели у васъ не достанетъ силы и духа потерпѣть какіе-нибудь дрянные четыре года, лишить себя на время этихъ дрянныхъ финтифлюшекъ, жилетишковъ и розовыхъ галстучковъ?.. Посмотрите, я постарѣе васъ, а вотъ видите... присовокупилъ Борисовъ, трепля съ какимъ-то азартомъ лацканы своего коричневаго, рыженькаго пальто.

— Нѣтъ, Борисовъ, вы ошибаетесь, перебилъ Андре-

евъ съ грустною улыбкою: — у меня хватило бы силы отказаться не только отъ розовыхъ галстуковъ, о которыхъ вы говорите, но даже и отъ самыхъ необходимыхъ вещей, еслибъ на то пошло; да дѣло въ томъ, что часть изъ этихъ пятисотъ рублей жалованья (я получаю всего пятьсотъ), если не обезпечиваетъ мое семейство, такъ, по крайней мѣрѣ, служитъ ему залогомъ будущаго обезпеченья... Если я оставлю службу и брошусь въ академію, скажите пожалуйста, откуда буду я брать эти сто рублей, которые посылаю каждый годъ изъ своего жалованья домой и безъ которыхъ рѣшительно не могутъ обойтись мои родные?.. Кромѣ этого, отецъ и мать убѣждены, что въ жизни положительно одно только—служебное мѣсто. Кто увѣритъ ихъ, не разрушивъ ихъ спокойствія, что, сдѣлавшись художникомъ, я обезпечу ихъ со временемъ вдесятеро надежнѣе? Кому они повѣрятъ? Но это куда бы еще ни шло, — положимъ, они бы повѣрили, успокоились и могли бы обойтись безъ моихъ ста рублей, — теперь другой вопросъ: въ эти четыре года, какъ я буду въ академіи, откуда возьму я денегъ, чтобы жить, съѣсть утромъ и вечеромъ кусокъ хлѣба, имѣть пристанище, покупать полотно, карандаши и краски?.. Нѣтъ, господа, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышны были слезы: — не лучше ли намъ оставить все это? Что-жъ дѣлать!.. Разумѣется, что̀ говорить, горько думать, сознавая въ себѣ силы, что судьба твоя зависитъ отъ какихъ нибудь тысячи рублей въ годъ, что есть на свѣтѣ Италія, Римъ, и что придется умереть въ какомъ-нибудь глухомъ уѣздномъ городкѣ, не видавъ ни Рима, ни Италіи!.. Вы правы, Петровскій! въ эти четыре дня я много перемѣнился... повѣрите ли—я почти примирился съ своею долей...

— Нѣтъ, — этому не бывать! закричалъ Борисовъ, отчаянно размахивая руками,—этому не бывать! Андреевъ! — вы должны съ нынѣшняго-же дня бросить всѣ пустые предразсудки; съ нами вамъ нечего церемониться,—я дѣлюсь пополамъ съ вами всѣмъ, что у меня есть!.. У Петровскаго семья, — онъ другое дѣло. Если вы несогласны,—буду имѣть честь объявить вамъ, что дѣлаю

это не для васъ, а для искусства, во имя вашего таланта... Я, наконецъ, дѣлаю это изъ интереса: талантъ вашъ ручается мнѣ, что черезъ четыре года я возвращу всѣ свои убытки,—если только будутъ убытки!.. прибавилъ онъ торжественно, закинувъ руки назадъ и принимаясь расхаживать по мастерской.

— Борисовъ совершенно правъ, сказалъ съ живымъ участіемъ Петровскій: — падать духомъ и примиряться, какъ вы говорите, съ вашею долей — рѣшительно не зачѣмъ. Вы можете оставить свою должность, не нанося вреда ни себѣ, ни семьѣ своей. Борисовъ передалъ вамъ свой планъ, я предлагаю съ своей стороны также свой: съ завтрашняго-же дня вы подаете въ отставку и переѣзжаете къ намъ въ мастерскую. Мастерская намъ ничего не стоитъ и потому вы можете принять наше предложеніе безъ возраженій. — Что-жъ касается до денегъ, которыя вы должны посылать роднымъ, — можете быть покойны. У меня отбою нѣтъ отъ разныхъ чиновниковъ, которые просятъ портретовъ женъ и дочекъ. Сдѣлать портретъ карандашомъ,—для васъ сущій вздоръ. Я вамъ передаю свою практику. Ни я, ни Борисовъ не пострадаемъ отъ этого. Я пишу программу, — какъ видите,—и мнѣ некогда; у Борисова свои заказы Вы, я увѣренъ, столько любите искусство, что не увлечетесь деньгами и не сдѣлаете изъ портретовъ чиновническихъ женъ и дочерей своей спеціальности... У васъ, слѣдовательно, явится не сто рублей, а гораздо больше...

— Браво, Петровскій, браво!.. закричалъ Борисовъ, хлопая въ ладоши и подпрыгивая въ воздухѣ: — браво! ну, что, Андреевъ,—а? попался, голубчикъ!..

— Итакъ, перебилъ Петровскій: — завтра утромъ вы переѣзжаете къ намъ?

Молнія радости блеснула въ глазахъ Андреева; но онъ вспомнилъ Катю и замялся.

— Нѣтъ,—я не могу этого сдѣлать, произнесъ онъ, потупляя голову и краснѣя до ушей.

— Фу, ты пропасть!—это изъ рукъ вонъ! воскликнулъ Борисовъ, махнувъ рукою.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ? спросилъ Петровскій.

— Я вамъ послѣ разскажу, отвѣчалъ Андреевъ:—но только ради Бога не спрашивайте меня...

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ честное слово, что исполните въ точности то, о чемъ попрошу васъ, произнесъ Петровскій: — тутъ нѣтъ рѣшительно ничего, чего бы вы не могли исполнить.

Борисовъ насторожилъ уши.

— Даю вамъ честное слово! сказалъ Андреевъ, горячо пожимая руку художника.

— Вы должны ходить въ академическіе классы.

— Петровскій,—цѣлую тебѣ руки и ноги! вскричалъ Борисовъ:—да, вы должны ходить въ классы, заключилъ онъ, грозно подбѣгая къ Андрееву.

— Служба ваша отъ этого ни мало не пострадаетъ, продолжалъ Петровскій:—а между тѣмъ вы будете идти впередъ и усовершенствуетесь въ рисункѣ; классы, какъ вамъ извѣстно, отъ пяти до семи часовъ вечера.

— Неужели вы думаете, что я давно бы этого не сдѣлалъ, еслибъ только удалось мнѣ прежде попасть между вами обоими, отвѣчалъ Андреевъ. — Меня брало всегда раздумье, — я не довѣрялъ себѣ... До сихъ поръ я жилъ въ Петербургѣ, какъ въ лѣсу, — одинъ, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе падалъ духомъ.

— Итакъ, дѣло кончено! торжественно произнесъ Борисовъ, негодованіе котораго обратилось тотчасъ-же въ нѣжность: — вы нашъ! Петровскій! — обними новаго товарища!..

— Ну, Андреевъ, когда же въ классы? весело спросилъ Петровскій.

— Какъ, когда?.. разумѣется завтра же!.. перебилъ Борисовъ:—утромъ возьметъ билетъ, запишется въ конторѣ, отобѣдаемъ вмѣстѣ, а вечеромъ всѣ трое отправимся въ классы...

— Завтра невозможно... отвѣчалъ съ явною неловкостью Андреевъ...

— Какъ! отчего?..

— У меня денегъ нѣтъ... то есть покуда... а впрочемъ, черезъ восемь дней я получу жалованье... и... тогда...

— Но вѣдь вы получаете пятьсотъ рублей всего, произнесъ Петровскій:—сто дожны посылать домой, останется четыреста... сколько-же вамъ придется получить въ мѣсяцъ?..

— Тридцать три съ полтиной...

— Ну хорошо; вы возьмете билетъ, — онъ стоитъ тридцать рублей,—на житье останется, слѣдовательно, въ будущій мѣсяцъ, всего три рубля!.. Вотъ прекрасно! а карандаши, а бумага?.. сказалъ Борисовъ, горячась и не обращая вниманія на Петровскаго, который дѣлалъ ему знаки за головою Андреева:—нѣтъ, я этого не допущу;— да, наконецъ, и невозможно, — этакъ вы, пожалуй, никогда и не дождетесь академіи...

— Я возьму переписывать на домъ бумаги и сяду на ячменный кофе, отвѣчалъ Андреевъ, стараясь улыбнуться: — есть теперь у меня славный случай: пріѣхалъ одинъ помѣщикъ и ищетъ писца!.. Черезъ двѣ недѣли, много, много черезъ три я буду въ классахъ.

Петровскій и Борисовъ перемигнулись и замолчали. На этомъ дѣло покончилось.

Андреевъ вернулся домой спокойнѣе и веселѣе. Мысль о помѣщикѣ, искавшемъ писца, такъ неожиданно и счастливо мелькнувшая въ головѣ его, не давала ему покоя. На другой же день онъ принялся отыскивать случая, чтобы осуществить по возможности счастливую импровизацію. Чай и сахаръ были немедленно запрятаны въ самую глубину шкафа, къ совершенному отчаянію Кати, которая не могла надивиться такому перевороту. Ихъ замѣнилъ медъ изъ лавочки и ячменный кофе, — благодѣтельный ячменный кофе, частый гость чердачковъ и крошечныхъ конурокъ подъ кровлею, вѣрный другъ, спасшій въ свое время многихъ изъ насъ отъ голодной смерти! Въ дѣлѣ Андреева, ячменный кофе оказался, какъ и всегда, надежнѣе всякихъ обѣщаній, увѣреній и готовностей достать работу. Прошла недѣля—и все-таки не представлялось никакого случая для переписыванья; пріѣзжій помѣщикъ рѣшительно не хотѣлъ осуществиться на дѣлѣ и съ каждымъ днемъ терялся болѣе и болѣе въ какомъ-то туманѣ. Андреевъ не на шутку начиналъ безпокоиться.

Отказаться отъ академическихъ классовъ и ждать, пока экономія, съ содѣйствіемъ ячменнаго кофе, дастъ ему сорокъ или пятьдесятъ рублей, — казалось уже теперь Андрееву жестокою мѣрой.

Но безпокойство Андреева ровно еще ничего не значило передъ безпокойствомъ и суетами Борисова. Нуженъ былъ весь спокойный, здравый смыслъ Петровскаго, чтобы охлаждать Борисова, который подбѣгалъ къ нему каждыя пять минутъ съ новымъ планомъ или проектомъ, для освобожденія Андреева отъ переписыванья и ячменнаго кофе.—«Ну, что помѣщикъ?—какъ идетъ переписыванье?..» нетерпѣливо спрашивалъ Борисовъ каждый разъ, какъ встрѣчался съ Андреевымъ. — «Пишу, пишу», отвѣчалъ тотъ:—«да какъ-то медленно... Дѣло помѣщика тянется:— на мою долю достается всего по три листа въ день...— «Эхъ, плохо, чортъ возьми, плохо... И что, право, за охота этимъ чиновникамъ такъ долго тянуть производство дѣла»... отвѣчалъ обыкновенно Борисовъ, потрясая своей головой,—причемъ рѣденькіе и мягкіе его волосы становились торчмя и волновались, какъ сухая трава отъ вѣтра.—Нельзя ли какъ нибудь этакъ... эхъ»... заключалъ художникъ.

Тутъ онъ щурился, изкоса поглядывалъ на Андреева, потомъ на Петровскаго и отходилъ въ сторону, свирѣпо потирая руки.

Въ одно прекрасное утро Борисовъ, долго рывшись въ своемъ углу, вынырнулъ наконецъ изъ-за картины Петровскаго, таща подъ мышкою огромный свертокъ. Праздничный видъ сіялъ во всей его наружности. На немъ было его рыженькое неизмѣнное пальто, фуражка съ ободраннымъ козырькомъ покрывала голову. На шеѣ красовался, къ совершенному изумленію Петровскаго красный фуляръ.

— Куда ты? спросилъ Петровскій, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Въ этюдный классъ... пробормоталъ несвязно Борисовъ, стараясь отвернуться какъ можно скорѣе къ двери.

Спустя два часа, Борисовъ вернулся въ мастерскую.

Свертка уже не было въ рукахъ его. Онъ снялъ пальто и началъ вертѣться вокругъ Петровскаго, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ты, Борисовъ, вѣрно что-нибудь да напроказилъ? спросилъ Петровскій, ставя на табуретъ палитру и кисти и устремляя на пріятеля черные глаза свои. — Вмѣсто отвѣта, Борисовъ вынулъ изъ кармана сорокъ рублей и разсказалъ ему какую то плачевную, но вмѣстѣ съ тѣмъ, очень фантастическую и запутанную исторію о настойчивомъ покупателѣ, отъ котораго нельзя будто было бы отдѣлаться, прибавивъ въ скобкахъ, что деньги могутъ пригодиться на билетъ Андрееву. На повѣрку, къ вечеру, оказалось, что онъ продалъ въ перинной линіи гостинаго двора, въ картинной лавкѣ, два залежавшіеся пейзажа собственнаго издѣлія.

Дня два послѣ этого, въ мастерскую явился Андреевъ, рѣшившійся наконецъ возложить окончательно всѣ свои надежды на ячменный кофе и потому не очень веселый. Борисовъ и Петровскій, какъ каждый легко себѣ представитъ, не долго оставили его въ такомъ расположеніи духа.

— Вотъ, сказалъ Петровскій, подавая ему академическій билетъ: — возьмите, Андреевъ; случай доставилъ мнѣ его отъ профессора... Онъ ничего не стоитъ... прибавилъ Петровскій, взглянувъ на Борисова, который рылся суетливо въ какихъ-то бумагахъ.—Карандашей и бумаги покупать не зачѣмъ,—берите покуда у меня; вамъ, слѣдовательно, остается только сходить въ контору, объявить вашъ адресъ,—и дѣлу конецъ. Обѣдайте сегодня съ нами чѣмъ Богъ послалъ, — а вечеромъ отправимся въ классы. Сегодня, къ счастью, дежуритъ въ классахъ профессоръ, который болѣе другихъ восхищался вашими рисунками, и вы смѣло можете надѣяться сѣсть прямо въ гипсовыя фигуры.

Предсказанія Петровскаго сбылись даже сверхъ ожиданія. Вечеромъ, когда Андреевъ вошелъ въ классы, сопровождаемый двумя пріятелями, ихъ тотчасъ же окружила толпа любопытныхъ. Слухъ объ эскизахъ и рисункахъ Андреева успѣлъ уже распространиться по академіи:

рисовальныя книги его, переходя отъ одного профессора къ другому, перебывали въ рукахъ учениковъ, которые, въ свою очередь, обѣгали съ ними всѣ мастерскія. Каждый наперерывъ старался протиснуться впередъ, чтобы познакомиться съ Андреевымъ. Вахрушевъ, Сидоренко и Чибезовъ кричали громче всѣхъ; они первые подбѣжали къ Андрееву, засыпали его восторженными похвалами и уже трепали его по плечу, какъ старые друзья и пріятели. Появленіе его производило рѣшительный эффектъ. Вскорѣ оно распространилось по классамъ. Каждый хотѣлъ видѣть новое лицо; даже тѣ, которые не слыхали объ Андреевѣ, бросали карандаши и спѣшили, подстрекаемые всеобщимъ любопытствомъ, на встрѣчу новому товарищу, — такъ что когда Петровскій представилъ Андреева профессору и тотъ повелъ его въ гипсовый классъ, — огромная толпа, прибывавшая со всѣхъ концовъ, повалила за ними шумною вереницей.

Борисовъ ликовалъ, торжествовалъ, какъ будто его самого вѣнчали въ это время лаврами въ Капитоліи.

Успѣхъ Андреева, казалось, выразилъ будущее его академическое поприще.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ уже всѣ, начиная съ профессоровъ и кончая учениками, признали въ немъ единодушно талантъ, выходившій изъ ряду обыкновенныхъ. Въ продолженіе этого времени, Андреевъ подавалъ каждый мѣсячный экзаменъ, кромѣ рисунка, нѣсколько эскизовъ, которые сряду удостоились первыхъ нумеровъ. Это обстоятельство охладило нѣсколько къ Андрееву пріязненныя отношенія Вахрушева и Сидоренки. Хотя по прежнему они и продолжали трепать его дружески по плечу, обнаруживая передъ нимъ самое закадычное запанибратство, но тѣмъ не менѣе, оставаясь промежъ своихъ, значительно пожимали плечами и дѣлали разныя заключенія о дружбѣ Петровскаго съ Андреевымъ, относя успѣхи Андреева къ сотрудничеству Петровскаго. Но слухи эти не могли найти отголоска — какъ недоносокъ или уродъ, они умирали тотчасъ же послѣ своего рожденія. Андреевъ, предупрежденный Петровскимъ и Борисовымъ, блистательно опровергалъ каждый вечеръ, въ виду всѣхъ ма-

ленькія сплетни, пущенныя съ утра Сидоренкомъ и всѣми вообще Вахрушевыми.

Но сколько былъ счастливъ и доволенъ Андреевъ своимъ положеніемъ въ академіи, столько-же, казалось, непріятнаго готовилось ему каждый разъ когда онъ возвращался домой. Катя какъ будто заключила тайное условіе мучить его и не давать ему покоя. Съ той минуты, какъ Андреевъ разсказалъ ей свои успѣхи, — думая наконецъ возбудить въ ней, если не сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, терпимость къ его занятіямъ,—академія, искусство и всѣ художники безусловно сдѣлались окончательно смертельными ея врагами.

Первый пылъ любви давно уже угасъ въ ея сердцѣ; оставалась одна лишь привычка. Чувство это, заключающее въ себѣ еще столько прелести и поэзіи между людьми съ развитымъ сердцемъ, рѣдко бываетъ понятно такимъ женщинамъ, какова была Катя. Имъ доступна одна только страсть и вообще крайнія чувства. Страсть, если только западаетъ въ сердце такой женщины, охватываетъ ее всю, развиваетъ въ ней мгновенно тысячу тончайшихъ чувствъ и инстинктовъ; она отдается вся съ полнымъ довѣріемъ и любитъ, можетъ быть, сильнѣе всякой другой. Но стоитъ только пройти порыву, и вся мелочность души и сердца, подавленная на время, выплываетъ снова наружу. Жизнь вдвоемъ, обратившаяся уже въ привычку, даетъ ей на каждомъ шагу поводъ къ безчисленному множеству маленькихъ ядовитыхъ сценъ; отсутствіе деликатности и тонкаго чувства заставляетъ ее пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы присвоивать себѣ разныя матеріальныя права домашняго управленія, человѣкъ въ ея сердцѣ становится уже какою-то положительною собственностью, и жизнь обращается въ безпрерывную тиранію. Вообще, можно сказать, что взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной дѣлаются ясными тогда только, когда страсть смѣнилась привычкою; привычка въ этомъ случаѣ—пробный камень истинныхъ привязанностей, душевнаго сродства и симпатіи.

Итакъ, Катя не переставала надоѣдать Андрееву. Ей досадно было видѣть, что между нею и имъ помѣстилось

какое-то третье существо,— академія,— которое привязывало его столько же, сколько она сама. Она принялась ревновать его къ Петровскому, карандашамъ и рисункамъ. Ненависть къ Борисову, съ которымъ случайно встрѣтилась она какъ-то разъ у Андреева, давала поводъ къ безчисленнымъ ссорамъ. Она осыпала Андреева упреками. Каждый разъ, какъ онъ, засидѣвшись въ классахъ или у товарищей, приходилъ поздно домой, — Катя находила особенное удовольствіе дразнить его, разсказывая, какъ провела она день у знакомой уже Левицкой. Свѣтлыя минуты въ комнатѣ подъ кровлей становились рѣже и рѣже.

Мало по малу, Андреевъ сталъ замѣчать перемѣну въ Катѣ. Она вдругъ сдѣлалась задумчивѣе и покойнѣе. Спокойствіе это, при ея характерѣ, не предвѣщало ему ничего добраго. Въ послѣднее время, Андреевъ также далеко не былъ влюбленъ въ Катю,—но при мысли объ измѣнѣ или о потерѣ Кати, сердце его невольно обливалось кровью, и чувства его какъ бы съ новою силою пробуждались къ дѣвушкѣ. Обращеніе Кати, переставшей надоѣдать ему, сдѣлавшейся равнодушною къ его занятіямъ, даже оставившей въ покоѣ Борисова,—все давало ему чувствовать, сколько она къ нему охладѣла. Вскорѣ ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились еще и другія.

Крестиый отецъ пронюхалъ какимъ-то образомъ связь «облагодѣтельствованнаго» имъ крестника съ академіею. Этого уже было довольно, чтобы вооружить его противъ молодого человѣка. Люди, сосредоточившіе въ продолженіе многихъ лѣтъ всю свою умственную и жизненную дѣятельность на столѣ, покрытомъ бумагами и чернильными пятнами,—вообще смотрятъ всегда какъ-то недоброжелательно на художниковъ. Артистъ въ ихъ понятіяхъ осуществляетъ типъ праздности и тунеядства. Въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, Андреевъ, спѣшившій окончить къ экзамену свои эскизы, не явился нѣсколько дней сряду въ должность. По этому случаю, крестный отецъ, старавшійся прежде отдалять по возможности родственныя отношенія между собою и крест-

никомъ,—вдругъ ни съ того, ни съ сего, какъ будто муха какая его ужалила, — вооружился всѣми правами стараго друга отца Андреева и благодѣтеля его семейства.

Попавъ разъ на этого конька, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ осыпать его упреками въ неблагодарности, представляя ему бѣдственное состояніе обманутыхъ родителей, возложившихъ на единственнаго сына всѣ свои надежды. Иногда, нравоученія крестнаго отца, доходившія до трогательнаго паѳоса, — когда онъ былъ не въ духѣ, — перемѣняли тонъ и обращались въ язвительныя шуточки,—когда ему было весело. И онъ трунилъ, трунилъ до поту лица надъ крестникомъ передъ подчиненными, которые, въ свою очередь, обрадовавшись случаю сдѣлать угодное своему начальнику, трунили надъ товарищемъ въ перегонку,—кто лучше.

У всѣхъ женатыхъ людей, не имѣющихъ дѣтей, и доживших уже до извѣстнаго возраста, — тѣ же почти наклонности, что у старыхъ дѣвъ. Какъ ни черствѣетъ сердце тѣхъ и другихъ отъ недостатка живительнаго чувства, однакожъ, въ ихъ груди все таки остается что-то похожее на высохшій стручокъ. Въ этомъ стручкѣ шевелятся обыкновенно два чувства: любовь къ болонкамъ и моськамъ и тайная, досадливая ненависть ко всему, что молодо и порывается къ жизни. Моська крестнаго отца Андреева была его собственная жена, — къ кому же было обратить другое чувство, какъ не къ родному, облагодѣтельствованному крестнику, въ глазахъ котораго свѣтилось столько огня и одушевленія?..

Все это способствовало, однакожъ, тому, что Андреевъ, раздосадованный въ домашней своей жизни, съ большею еще страстью привязался къ академіи и искусству. Онъ рѣшился сбросить съ себя, разъ навсегда, всѣ ребяческія, юношескія побужденія и укрѣпиться волею и разсудкомъ возмужалаго человѣка, понимающаго здраво и ясно свое положеніе. Принявъ такое намѣреніе, онъ рѣшился молча сносить капризы и выходки Кати, точно также, какъ поучительныя наставленія крестнаго отца; далъ себѣ клятву являться въ должность исправнѣе вся-

каго другого, остальное время посвящать любимому искусству, работать и трудиться, а будущее—предоставить волѣ провидѣнія...

Такъ прошло нѣсколько времени, единственнаго, можетъ быть, счастливаго времени въ жизни Андреева, пока, наконецъ, одинъ случай не поколебалъ въ основаніи благородную его рѣшимость.

Онъ сидѣлъ однажды вечеромъ въ классѣ. Мѣсячный экзаменъ только что кончился; работающихъ было очень мало. На темныхъ ступеняхъ, расположенныхъ амфитеатромъ съ середины залы почти до потолка, мелькало въ разбросъ какихъ нибудь двадцать головъ, наклоненныхъ на папки, — куда устремлялся яркій свѣтъ лампъ, прикрытыхъ жестяными колпаками.—Въ классѣ царствовала тишина не совсѣмъ обыденная. Изрѣдка лишь скрипъ карандаша или шелестъ бумаги прерывался тихимъ говоромъ или отрывистымъ восклицаніемъ.

Андреевъ сидѣлъ на самой верхней ступени, прямо противъ группы двухъ натурщиковъ, освѣщенной сверху и ярко блистающей на темно-красной стѣнѣ, составлявшей фасъ амфитеатра. Онъ усердно чертилъ на бумагѣ и, казалось, весь преданъ былъ своей работѣ. Внезапно рука его остановилась; онъ отодвинулъ нетерпѣливо папку и нагнулся черезъ перила. Окинувъ быстрымъ взглядомъ амфитеатръ, глаза его остановились на Вахрушевѣ и еще какомъ-то художникѣ съ длинными волосами, лежавшими какъ щепки на воротникѣ и плечахъ блузы. Оба они сидѣли отъ него наискось и говорили въ полголоса. Андреевъ затаилъ дыханіе и сталъ вслушиваться:

— Можетъ ли быть? говорилъ длинноволосый художникъ.

— Ей Богу!.. отвѣчалъ Вахрушевъ.

— Когда же это было?

— Двѣ недѣли тому назадъ.

— Какъ же ты съ нею познакомился?

— Видишь ли ты: у меня есть одинъ пріятель, — золотопромышленникъ, недавно пріѣхавшій изъ Сибири,— бочка золота! отвѣчалъ «Вандикъ», самодовольно покручивая усы:—онъ рекомендовалъ меня одной дамѣ, то есть

дамѣ, гм!—понимаешь... m-me Левицкой, и просилъ написать съ нея портретъ (сущая, братъ, Клеопатра); — я тамъ и познакомился съ нею... Я тебѣ говорю, — прелесть что за дѣвочка! Глаза черные, черные... какъ владимірская вишня, — такъ вотъ и прыщутъ страстью! — кипятокъ!—Сухенькая, нервная (ты знаешь, я люблю такихъ) зовутъ ее Катя... Екатерина Андреевна; то есть, я тебѣ говорю,—восхитительная дѣвочка... Какія формы, какія ножки,—объяденье!—Я съ нея непремѣнно напишу Вакханку!..

— Ну, братъ, погоди еще, перебилъ волосатый художникъ:—скоро больно хочешь...

— Вотъ славно! произнесъ Вахрушевъ:—давай пари!.. чего тутъ скоро,—не далѣе, какъ вчера вечеромъ, я проводилъ ее до дому...

— Гдѣ же она живетъ?

— Чертовски, братъ, далеко,—на Новыхъ мѣстахъ!..

Андреевъ не дослушалъ Вахрушева и выбѣжалъ изъ академіи. Какое дѣйствіе произвелъ на него разговоръ двухъ художниковъ, — предоставляю судить тѣмъ, кто когда-нибудь любилъ съ истинною страстью.—Чья взаимная любовь проходила ровно и постепенно, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ страшно потрясаетъ внезапный, неожиданный ударъ. Часто, до такой минуты живешь въ невѣдѣньи счастливомъ и самъ не знаешь, да и не заботишься знать, любишь ли еще или нѣтъ. Кажется даже иной разъ, какъ будто пересталъ вовсе любить. А между тѣмъ, когда настигнетъ одинъ изъ тѣхъ неожиданныхъ случаевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и ясно, въ первый разъ, можетъ статься, заглянешь къ себѣ въ сердце,—поймешь, подобно Андрееву, какъ много еще было въ немъ любви и привязанности къ любимой женщинѣ.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ Андреевъ приближался къ дому, злоба и ревность, раздиравшія на части его сердце, постепенно смѣнялись нѣмымъ отчаяніемъ. Онъ чувствовалъ, какъ силы покидали его; несмотря на всѣ усилія сохранить хоть по крайней мѣрѣ наружное спокойствіе, — онъ измѣнялъ себѣ на каждомъ шагу; часто,

не успѣвъ обойти прохожаго, онъ долженъ былъ повернуться къ нему спиною, чтобы утереть украдкою слезу. Поднявшись къ себѣ на лѣстницу, Андреевъ остановился въ нерѣшимости противъ двери. Катя могла быть въ его комнатѣ... При этой мысли, сердце его застучало сильнѣе прежняго.

Наконецъ, онъ отворилъ дверь и прямо очутился противъ Кати, которая расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ, напѣвая какую-то веселую пѣсню. Андреевъ остановился и не могъ произнести ни слова; ноги его тряслись какъ въ лихорадкѣ; онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, какъ полотно. Катя едва взглянула на него, подошла къ окну и притворно засмѣялась. Андреевъ не въ силахъ былъ долѣе владѣть собою; онъ бросился къ ней, судорожно схватилъ ее за руку и произнесъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ:—гдѣ ты была вчера?..

— Вы съума сошли! вскричала Катя, вырвавъ руки: — что вамъ отъ меня надо? чего вы хотите?.. Я пришла сюда за работою, которую оставила вчера, а вовсе не къ вамъ...

Задыхаясь отъ бѣшенства, Андреевъ снова подбѣжалъ къ ней, но въ эту самую минуту кто-то сильно застучалъ въ дверь.

— Опять ваши проклятые художники!.. съ досадою прошептала Катя, видимо очень довольная, потому что не на шутку начинала пугаться Андреева.—Вы меня нисколько не жалѣете, заключила она притворно обиженнымъ тономъ:—хотите чтобъ всѣ знали, всѣ срамили меня...

Стукъ въ дверяхъ прервалъ ее, она бросилась за ширмы. Андреевъ не успѣлъ подойти къ двери, какъ она отворилась настежъ и въ комнату вошелъ его крестный отецъ.

Это былъ человѣкъ апоплексическаго свойства, наглаго вида, грязный, толстый, съ лысиной и серьгами въ ушахъ. Онъ медленно снялъ шляпу, оглянулъ комнату, отдулся и, обративъ къ Андрееву багровое лицо свое, покрытое красными и синими жилками, произнесъ хрипло:

— А я, батюшка пришелъ, уфъ! — уфъ! — пришелъ объясниться съ тобою.

Тутъ только Андреевъ пристально посмотрѣлъ на толстяка и замѣтилъ, что онъ былъ краснѣе обыкновеннаго.

— Что вамъ угодно?.. спросилъ смущеннымъ голосомъ Андреевъ, бросая робкій взглядъ на ширмы.

— Какъ, что угодно? я думаю, самъ знаешь, спрашивать кажется нечего...

Андреевъ хотѣлъ подать ему кресло, стоявшее спиною къ ширмамъ, но глаза его упали прямо на шляпу Кати, забытую на днѣ креселъ, и онъ поспѣшилъ подать стулъ.

— Не въ этомъ дѣло, любезный, сказалъ крестный отецъ, отталкивая стулъ;—я получилъ письмо отъ твоего отца... Скажи, пожалуйста, батюшка, ты не на шутку вбилъ себѣ въ голову, что ты художникъ и можешь шаламберничать?.. продолжалъ крестный отецъ, закидывая толстыя руки за жирную спину,—да покажи мнѣ наконецъ, прибавилъ онъ съ возрастающимъ азартомъ: — покажи мнѣ этихъ мерзавцевъ, которые подбиваютъ тебя заниматься всякимъ вздоромъ и бросать дѣло... покажи мнѣ ихъ!..

— Прошу васъ никого не упрекать, отвѣчалъ отрывисто Андреевъ:—меня никто, ни къ чему не подбиваетъ... Если я дѣлаю что нибудь, такъ самъ отъ себя, по собственному произволу...

— Что? вскричалъ апоплексическій господинъ, багровѣя какъ клюква:—что-о-о?.. ахъ, ты, мальчишка! Вздумалъ еще учить меня!.. Я тебѣ благодѣтельствовалъ, далъ тебѣ кусокъ хлѣба, а ты еще грубіянить вздумалъ... Да знаешь ли, что твой отецъ Христомъ-Богомъ просилъ меня о твоемъ опредѣленіи; а ты, вмѣсто того, чтобы благодарить да чувствовать, что̀ для тебя сдѣлали, связался съ какими-то мерзавцами, да только баклуши бьешь!.. Тебѣ вѣрно ни почемъ, что у семьи врядъ ли есть кусокъ хлѣба... Ты шаламберничать хочешь... То-то я разспрашивалъ у дворника: и красотки разныя повадились ходить къ тебѣ,—денегъ, знать, у тебя много... э! э! да вона, вона... произнесъ онъ съ какимъ-то радостнымъ азартомъ, указывая на шляпку:—одна мерзавка и то здѣсь!..

Что притаилась, голубушка, — выходи! прибавилъ онъ, дѣлая шагъ къ ширмамъ.

— Не подходите!.. закричалъ Андреевъ, отуманенный бѣшенствомъ.

— Какъ!—ахъ, ты, негодяй! крикнулъ было толстякъ, но взглянулъ на блѣдное, дрожащее лицо Андреева и невольно отступилъ къ двери.

— Ахъ ты разбойникъ! разбойникъ! продолжалъ толстякъ, взявшись за ручку замка и отступая въ сѣни:— погоди-жъ, голубчикъ,—я тебѣ это припомню!..

Андреевъ захлопнулъ дверь и какъ сумасшедшій бросился за ширмы. Но Катя уже предупредила его. Она стояла посреди комнаты и торопливо надѣвала платокъ. Щеки ея горѣли, глаза сверкали неподдѣльною злобой. Движеніе руки ея, завязывавшей бантъ шляпки, казалось, довершило отчаяніе Андреева. Рыданіе вырвалось изъ груди его; онъ бросился къ дѣвушкѣ, но та какъ кошка вывернулась изъ рукъ его и подбѣжала къ двери.

— Катя! крикнулъ Андреевъ:—выслушай меня, ради Бога... хоть одно слово...

— Что мнѣ ваши слова! произнесла она, дѣлая нетерпѣливое движеніе головою: — пожалуйста не притворяйтесь такимъ отчаяннымъ,—я знаю, вамъ все равно... Надѣюсь, однакожъ, все теперь между нами кончено. Здѣсь всякій будетъ приходить оскорблять меня... а я должна молчать... Слышите-ли,—все кончено между нами... ноги моей не будетъ у васъ послѣ этого!..

— Катя! Катя! закричалъ Андреевъ, протягивая къ ней руки.

— Ничего не хочу, ничего! ничего!.. отвѣчала она, отворачиваясь: — мнѣ уже давно надоѣла такая жизнь, продолжала она, взявшись за ручку двери:—ступайте къ художникамъ, — я сама теперь, слава Богу, кое-что понимаю, вижу какъ вы мною пренебрегаете... ну, да что объ этомъ,—прощайте!.. прощайте, — будьте счастливы!.. заключила она, выходя на лѣстницу и хлопнувъ дверью.

Андреевъ опустилъ голову, закрылъ лицо руками и, рыдая, бросился на диванъ.

VIII.

СЕСТРА.

На другой день Андреевъ не пошелъ въ должность. Утро цѣлое просидѣлъ онъ за письмомъ къ Катѣ. Вечеромъ того же дня Варвара Гавриловна возвратила ему письмо: оно было не распечатано. Такъ повторялось нѣсколько дней сряду; пока наконецъ, Варвара Гавриловна не объявила Андрееву, что Катя уѣхала гостить къ Левицкой. Черезъ недѣлю, Андрееву не зачѣмъ уже было ходить въ должность. Ему отказали отъ мѣста. Раздумывать было нечего. Андреевъ отправился слѣдомъ въ академію и разсказалъ Петровскому обо всемъ случившемся. Разсказъ произвелъ два послѣдствія: Петровскій настоятельно потребовалъ, чтобы Андреевъ переѣхалъ немедленно къ нему; Борисовъ бросился къ Андрееву на шею и чуть не задушилъ его отъ радости.

Тяжелая тоска невольно овладѣла сердцемъ Андреева, когда вынесли постепенно, одну за другой, мебель и онъ остался одинъ посреди опустѣлой комнаты, въ которой провелъ три года своей юности. Человѣку, глубоко чувствующему, никогда не бываетъ легко разстаться съ привычнымъ жилищемъ; кажется, какъ будто покидаешь что-то родное и близкое сердцу. — Легче сродниться съ закоптѣлыми четырьмя стѣнами, чѣмъ съ великолѣпными чертогами или природой. Тутъ разсѣевается всякое чувство,—тамъ все сосредоточивается между этими четырьмя стѣнами, свидѣтельницами самыхъ сокровенныхъ тайнъ нашей частной, задушевной жизни и часто единственными друзьями нашими...

Еще грустнѣй стало Андрееву, еще неотвязчивѣй заныло его сердце, когда, очутившись на дворѣ, онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на окно Кати. Уголъ занавѣски уже не приподнялся, какъ прежде. Занавѣску даже вовсе сняли, какъ будто въ комнатѣ былъ покойникъ. На подоконникѣ, вмѣсто двухъ горшковъ бальзамина и ерани, подымалась цѣлая груда тряпья и домашней рухляди.

Подавленный тоскою, онъ покинулъ дворъ и, взваливъ на плечи свой узелокъ, медленнымъ шагомъ направился на Васильевскій островъ.

Несмотря на всѣ старанія Петровскаго и Борисова, впечатлѣнія, испытанныя Андреевымъ, такъ глубоко потрясли его душу, что онъ не могъ скоро забыть ихъ. Мало по малу, однакожъ, усиленная работа и успѣхи, которые день ото дня обращали на себя всеобщее вниманіе, разсѣяли Андреева. Этому также способствовалъ блистательный переходъ его изъ гипсоваго класса въ «натурный». Переходъ этотъ составляетъ чуть ли не главную эпоху въ жизни художника. Тутъ уже карандашъ смѣняется кистью, бумага — полотномъ, раскрывается обольстительный міръ цвѣтовъ и красокъ,—и природа— гордая, недоступная красавица для робкаго и незрѣлаго художника, — тронутая, наконецъ, настойчивымъ, упорнымъ преслѣдованіемъ, протягиваетъ ему въ первый разъ свою руку.

Андреевъ принялся за работу со всею страстью и увлеченіемъ, понятнымъ только истинному художнику, — художнику по призванію. Петровскій, получившій первую золотую медаль, поставившій на выставку программу, возбудившую всеобщее восхищеніе, не пропускалъ ни одного натурнаго класса; признанный всѣми за даровитѣйшаго художника академіи между молодежью, удостоившійся быть отправленнымъ на казенный счетъ въ Италію,—Петровскій не отрывался ни на минуту отъ работы, спалъ пять часовъ въ сутки, просиживалъ цѣлые дни въ академической библіотекѣ, перелистывая художественныя книги и эстампы... Примѣръ такой любви къ искусству увлекалъ еще сильнѣе Андреева. Портреты съ чиновничьихъ женъ и дочекъ отрывали его иногда отъ занятій, но онъ не пенялъ на это. Согласно желаніямъ папенекъ и маменекъ, онъ сглаживалъ ловкою рукою грубыя черты нѣжнолюбимыхъ чадъ, обращалъ тупые или немилосердно заостренные носы въ римскіе и греческіе, не щадилъ румянъ на зелено-желтоватыя щеки, и былъ счастливъ Богъ знаетъ какъ, когда отправилъ домой первые сто рублей, заработанные карандашомъ и кистью.

Кромѣ этихъ денегъ, Андрееву покуда не нужно было другихъ. Петровскій открылъ ему безграничный кредитъ въ красочной лавкѣ: краски, кисти, полотно доставлялись ему въ изобиліи,—работай только! И Андреевъ работалъ и работалъ, на сколько хватало силъ. Къ концу года, онъ сталъ на первомъ планѣ. Годичный экзаменъ приближался и вся академія, упираясь на слова профессоровъ, единодушно утверждала, что первая серебряная медаль за рисунокъ достанется Андрееву. Борисовъ, прибѣжавшій въ попыхахъ какъ-то утромъ, первый сообщилъ ему эти слухи.

— Да это еще не все! заключилъ художникъ, подпрыгивая передъ Андреевымъ: — есть у меня еще одна штука, которая тоже не будетъ тебѣ менѣе пріятна; ну, какъ ты думаешь, что бы это такое было?.. угадай!..

И, спрятавъ руки за спину, Борисовъ принялся отступать отъ Андреева, не отрывая отъ него узенькихъ, смѣющихся глазъ своихъ.

— Ей-Богу не знаю! отвѣчалъ Андреевъ.

Но въ эту минуту, Петровскій, подкравшись къ Борисову, дернулъ его за руку. На полъ упало письмо.

— Письмо отъ сестры! закричалъ Борисовъ, подавая его Андрееву:—я узналъ его по почерку.

Андреевъ схватилъ письмо, прочелъ надпись на конвертѣ, радостно сломалъ печать и принялся читать.

Оба товарища подсѣли къ нему и, устремивъ на него нетерпѣливые взгляды, казалось, хотѣли узнать заранѣе, что говорило письмо.

Послѣ разсказовъ Андреева о своемъ дѣтствѣ, дополненныхъ Петровскому и Борисову во время житья вмѣстѣ,—оба художника принимали каждую вѣсть о сестрѣ его съ живѣйшимъ участіемъ. Но радостно-нетерпѣливое выраженіе на ихъ лицахъ, понемногу, смѣнилось тревожнымъ и безпокойнымъ. Лицо Андреева внезапно омрачилось. Онъ повернулъ дрожащею рукою страницу и опустилъ голову.

— Что она пишетъ? спросили въ одно время художники.

— Прочтите! отвѣчалъ Андреевъ, подавая письмо

Петровскому и обращая на двухъ товарищей блѣдное лицо свое, исполосанное слезами.

Петровскій прочелъ слѣдующее:

«Добрый братъ и другъ! ты не перестанешь увѣрять меня, что перемѣнился! Въ каждомъ письмѣ твоемъ я встрѣчаю слѣдующую фразу: «Съ каждымъ днемъ чувствую, какъ отрезвляюсь отъ всѣхъ ребяческихъ помысловъ и мечтаній; ты не узнаешь меня, сестра,—я уже смотрю на жизнь положительно, какъ подобаетъ человѣку въ мои лѣта и особенно въ моемъ положеніи»... Никогда быть можетъ не представится тебѣ случая доказать свое благоразуміе, какъ теперь. Докажи же мнѣ на дѣлѣ, что ты не ребенокъ и, мнѣ кажется, я буду тогда любить тебя еще сильнѣе,—если это только возможно. Слушай: насъ всѣхъ постигло... большое несчастіе... Страшно сказать, что случилось: отецъ нашъ по какому-то важному дѣлу лишился своего мѣста!.. Никто еще не знаетъ, чѣмъ дѣло это можетъ для него кончиться. Всѣ мы въ горѣ. Отецъ не вынесъ удара: онъ слегъ въ постель и, если вѣрить нашему лекарю,—очень опасенъ. Не стану утѣшать тебя,—это ни къ чему не ведетъ. Прочитавъ письмо до конца, ты увидишь, что много отчаяваться еще не зачѣмъ. Впереди не такъ туманно, какъ можно ожидать. Собери все твое вниманіе и слушай. Ты понимаешь, что мы не можемъ оставаться въ настоящемъ положеніи. У отца, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ никакого состоянія, кромѣ нашего полуобвалившагося домика. Мы жили однимъ его жалованьемъ. Много, много, если мѣсяцъ еще можемъ прожить безъ посторонней помощи. Твои сто рублей тоже теперь что капля въ морѣ и значатъ развѣ что-нибудь для одной меня, да и то въ другомъ смыслѣ: каждый рубль твой—цѣлое сокровище для меня: мнѣ жаль тратить эти деньги, какъ будто они присылаются на память; но мать, отецъ и сестра иначе смотрятъ. Имъ нужны средства, положительныя средства... Теперь скажу тебѣ, что я придумала. Напередъ прошу: не создавай себѣ, по обыкновенію, тысячу воображаемыхъ страстей и несчастій; не приписывай этому дѣлу самопожертвованія съ моей стороны, не возмущай себя Бога ради тѣмъ, что

я рѣшусь на это съ отчаяньемъ въ сердцѣ, и т. д.,—будь разсудителенъ, обдумай хорошенько, — словомъ, докажи, что ты не ребенокъ, пора бы кажется!.. Вотъ въ чемъ дѣло: ты знаешь, что еще четыре года тому назадъ, Иванъ Петровичъ Куницынъ (помнишь, тотъ самый, у котораго три дома,—одинъ еще такой хорошенькій, на самомъ берегу рѣки) просилъ руки моей. Тогда я ребячилась и не хотѣла идти за него, несмотря, что тяжело было мнѣ жить въ собственномъ домѣ. Не думай однакожъ, чтобъ и тогда былъ онъ мнѣ не очень по сердцу, но въ то время я была еще слишкомъ молода и довольно было пятидесяти лѣтъ Куницына, чтобы я отъ него отказалась. Теперь я сужу иначе. Къ тому же я разузнала кое-что о немъ: — онъ человѣкъ добрый. Говорятъ, будто онъ скупъ,—но что мнѣ до этого! я не мотовка, не прихотлива,—ты это знаешь. Главное въ томъ, что Иванъ Петровичъ обѣщаетъ пристроить все наше семейство въ случаѣ, если я буду его женою. Я съ радостью отдаю ему свою руку. Надо же когда нибудь этимъ кончить. Можешь судить по сестрамъ, что значитъ остаться въ дѣвушкахъ. Обстоятельства наши, какъ видишь, не такъ еще плохи. Я даже надѣюсь избавить тебя отъ этихъ несчастныхъ ста рублей, которые тебѣ такъ нужны въ Петербургѣ. Да, я счастлива, дружокъ, когда думаю, что разсѣяла страшную тучу, которая чуть было не разразилась грозою надъ бѣдною твоею головкой. Въ первую минуту нашего несчастія думали вытребовать тебя сюда и даже начали было довольно успѣшно хлопотать о твоемъ опредѣленіи на какое-то вакантное мѣсто,—чуть-ли даже не въ здѣшнемъ почтамтѣ,—какъ тебѣ это нравится! Но одного моего слова довольно было, чтобы разрушить такой блистательный планъ. Нужно тебѣ сказать, что съ той минуты, какъ я дала обѣщаніе Ивану Петровичу, вся семья смотритъ на меня другими глазами: pleine estime, liberté et confiance... Крестный отецъ не писалъ еще ни слова о твоей отставкѣ; ты представить себѣ не можешь, съ какимъ страхомъ смотрѣла я на каждое письмо, получаемое отцомъ. Вотъ, вотъ, думаю, пришло роковое извѣстіе... Но теперь, говорю тебѣ, я уже ничего

не боюсь! Пусть пишетъ крестный отецъ свои жалобы, я защищу тебя и мнѣ повѣрятъ. Еслибъ не грѣхъ было оторвать тебя, на время, отъ мольберта, я непремѣнно потребовала бы, чтобъ ты явился на мою свадьбу. Но, Христосъ съ тобой, работай! Я такъ рада, что теперь, авось, ничто уже не помѣшаетъ тебѣ. Ты представить себѣ не можешь, какъ восторженно бьется мое сердце, я представляю тебя сидящимъ въ мастерской за картиной. Мнѣ кажется, я тогда вполнѣ счастлива. (Пожми крѣпко, крѣпко отъ меня руку Петровскому и Борисову; еслибъ у меня было послѣ тебя еще два брата, я не любила-бы ихъ болѣе). Итакъ, видишь, дружокъ, что обстоятельства не такъ дурны, какъ можно было ожидать. Не будь Ивана Петровича, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, особенно для тебя. Ты былъ-бы истинно несчастливъ, тогда какъ я... э! да что говорить обо мнѣ!.. Подумай только, какая разница между тѣмъ, что сдѣлалъ-бы ты, пріѣхавъ сюда, и тѣмъ, что я теперь дѣлаю. Съ твоей стороны было-бы самопожертвованіе съ горькимъ сознаніемъ вѣрной погибели; передъ тобою блестящая будущность, слава, деньги, а я-то? суди самъ: бѣдная дѣвушка, вся будущность которой должна заключаться въ жалкомъ, тѣсномъ кругу, посреди такихъ-же, какъ я, бѣдныхъ родителей, слышать охи и жалобы матери, вѣчное ворчанье не очень любезныхъ сестрицъ... Скажи самъ, не завиднѣе-ли будетъ предстоящая доля и не должна-ли я ей радоваться? Не жалѣй-же меня по пустому, не приходи въ отчаяніе. Работай, работай! не падай духомъ, не унывай! вотъ о чемъ проситъ тебя твоя сестра. Во всемъ этомъ одно только горе: когда-то приведется намъ свидѣться?.. Прощай, братъ и другъ, прощай! Пиши мнѣ скорѣе; ты сталъ что-то лѣниться. Не трать цѣлаго часа на письмо, я не требую такой жертвы. Возьми просто листъ бумаги (только побольше) и каждый день приписывай мнѣ по нѣскольку строчекъ, да пиши подробнѣе о самомъ себѣ, что дѣлаешь, какъ живешь; о Петербургѣ и петербургскихъ новостяхъ я знать не хочу. Совѣтую тебѣ также написать отцу, это порадуетъ больного. Не говори ему только ни слова объ академіи; предоставь это мнѣ,—

я обдѣлаю лучше дѣло. Объясненія живымъ голосомъ, съ глазу на глазъ, убѣждаютъ лучше всякаго письма. Прощай еще разъ! Дай тебя обнять крѣпко, крѣпко... ну, теперь, хорошо, поцѣлуй меня еще разъ, твоя сестра и другъ.

P. S. У меня еще просьба: пришли мнѣ свой портретъ. Не прошу теперь,—теперь, я знаю, ты занятъ,—но когда кончится экзаменъ. Попроси объ этомъ кого-нибудь изъ товарищей. Портретъ, который ты нарисовалъ съ себя когда-то съ зеркала, вовсе меня не удовлетворяетъ, хотя гляжу на него по сто разъ въ день. Прошу тѣмъ настойчивѣе, что въ эти четыре года, самъ ты говоришь, много перемѣнился, особенно нравственно. А такъ какъ нравственныя перемѣны сильно дѣйствуютъ на наружность,—je suis curieuse de vous voir, monsieur le Caton...»

Чтеніе письма произвело три различныя дѣйствія на трехъ художниковъ. Андреевъ, блѣдный, разстроенный, ходилъ взадъ и впередъ по мастерской, обнаруживая всѣ признаки глубокаго отчаянія. Борисовъ сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и не переставалъ какъ-то неловко щуриться, какъ будто смотрѣлъ на солнце. Петровскій стоялъ съ письмомъ въ рукахъ, поднявъ къ верху кудрявую свою голову; восторгъ сіялъ въ его черныхъ глазахъ и рѣзкія черты блѣднаго лица его отражали воодушевленіе.

— Ну, что вы на это скажете? воскликнулъ Андреевъ, отчаянно всплеснувъ руками.

— Скажу, что такихъ женщинъ, такихъ благородныхъ созданій, какъ сестра твоя, немного на свѣтѣ! восторженно отвѣчалъ Петровскій.

— Какая женщина, это... это ангелъ, ангелъ, а не женщина! закричалъ Борисовъ, вскакивая съ мѣста и потрясая въ воздухѣ руками: — послушай, Андреевъ... на будущій годъ тебѣ вѣрно зададутъ программу, ты ее кончишь, поѣдешь домой и возьмешь меня съ собою... я хочу видѣть твою сестру!..

— Скажу, кромѣ того, продолжалъ Петровскій:—что она въ тысячу разъ умнѣе и благоразумнѣе тебя! Полно

ломать руки и приходить въ отчаяніе, ты долженъ во всемъ ея слушаться...

— Какъ! и ты можешь думать, что я приму такую жертву съ ея стороны?

— Ты можешь судить по тону ея письма, что она совсѣмъ не такъ несчастлива... Наконецъ, она довольно ясно, кажется, говоритъ тебѣ, что жертвы нѣтъ ровно никакой...

— И ты вѣришь этому! вскричалъ Андреевъ: — да знаешь ли, что этотъ господинъ Куницынъ негодяй, мерзавецъ первой руки, накравшій себѣ состояніе самыми подлыми поступками. И она... она, сестра моя, умная, воспитанная, съ возвышенною душою, будетъ его женой... и все это ради меня и спасенія моего семейства, — возможно-ли это дѣло!.. Меня въ отчаяніе приводитъ только то, что я могу опоздать...

— Что-жъ ты хочешь дѣлать? спросили оба художника.

— Разумѣется, ѣду туда... Кто знаетъ еще, что ожидаетъ меня здѣсь...

— Какъ, что ты? вскричали въ одинъ голосъ Петровскій и Борисовъ: — образумься, тебѣ ли не надѣяться на себя, слава Богу!.. Укажи намъ человѣка во всей академіи, который бы такъ блистательно подвигался впередъ? Не забудь, Андреевъ, что много-много, если осталось еще потерпѣть три года и тогда твое семейство не будетъ знать, какъ благодарить тебя...

— Да, и въ эти три года сестра моя, вышедши за мерзавца и негодяя, успѣетъ, можетъ статься, зачахнуть съ горя!..

Петровскій я Борисовъ принялись снова увѣщевать Андреева, призывая на помощь всю свою дружбу; — все было напрасно. Андреевъ ничего ее слушалъ; онъ бросилъ кисти и сталъ готовиться въ дорогу. Но, къ счастію, за нѣсколько дней до отъѣзда, онъ получилъ отъ сестры вторичное письмо, въ которомъ она объявляла ему, что уже вышла замужъ.

Извѣстіе это страшно подѣйствовало на Андреева. Сначала Петровскій и Борисовъ не отходили отъ него

ни на шагъ, думая, что все это разрѣшится какою-нибудь опасною болѣзнью; все прошло, однакожъ, благополучно. Черезъ нѣсколько дней Андреевъ принялся даже ходить въ классы. Мало по малу, оба пріятеля стали замѣчать въ немъ большую перемѣну; карандашъ его ходилъ какъ-то вяло и безжизненно по бумагѣ; самъ онъ видимо худѣлъ; глаза его окружились темною, прозрачною каймою. Въ наружности его начало выказываться невниманіе къ самому себѣ, во всемъ,—въ одеждѣ, прическѣ, пріемахъ. Онъ сдѣлался молчаливъ, несообщителенъ и рѣдко удавалось пріятелямъ вырвать у него слово. Часто заставали его сидящаго неподвижно и погруженнаго въ мрачную меланхолію. За нѣсколько дней до экзамена, Петровскому и Борисову показалось, какъ будто Андреевъ нѣсколько оживился; онъ принялся дѣятельнѣе за работу. Искра вдохновенія и прежней горячности снова какъ будто промелькнула на блѣдномъ лицѣ его. День этотъ былъ для нихъ истиннымъ праздникомъ. Оба рѣшили въ сердцѣ, что успѣхъ, который ожидалъ Андреева, медаль и поощренія возвратятъ имъ прежняго товарища, и каждый, оставя его на время въ покоѣ, потиралъ себѣ руки, ожидая экзамена.

IX.

Самопожертвованіе.

Вскорѣ, однакожъ, Петровскій и Борисовъ увидѣли, что сильно ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Экзаменъ кончился, слухи, носившіеся въ академіи объ Андреевѣ, оправдались даже сверхъ ожиданія: онъ получилъ первый нумеръ и серебряную медаль; кромѣ этого, ему назначили программу и выдали вспомогательную сумму денегъ—но все это нимало не произвело на Андреева благодѣтельнаго дѣйствія, котораго такъ нетерпѣливо ожидали его пріятели. Онъ, правда, принялся за работу; каждый вечеръ отъ пяти до семи часовъ являлся въ классы,—но уже трудно было не замѣтить въ немъ ка-

кого-то охлажденія, — какъ будто работалъ онъ противъ собственной воли. Иногда по цѣлому часу не сводилъ онъ глазъ съ одной точки и вдругъ потомъ, какъ бы спохватившись, быстро нагибался къ папкѣ;—но минуту спустя, рука его снова чертила разсѣянно и мысли видимо отвлекали его отъ занятій. Борисовъ приходилъ въ совершенное отчаяніе. Онъ не спускалъ глазъ съ Андреева и ухаживалъ за нимъ, какъ нянька. Разъ какъ-то (это случилось мѣсяца два послѣ экзамена), Борисовъ невольно удвоилъ свое вниманіе.

Оба они сидѣли въ натурномъ классѣ; рѣзкій свѣтъ лампы, прикрытой бѣлымъ колпакомъ, падалъ прямо на голову Андреева, такъ что Борисовъ, сидѣвшій ступенью ниже, могъ легко различать малѣйшее движенье на лицѣ товарища. Андреевъ показался ему еще блѣднѣе обыкновеннаго; несмотря на это, во всѣхъ чертахъ его замѣтно было какое-то спокойствіе, что-то строгое, схожее съ выраженіемъ твердой, непоколебимой рѣшимости. Съ самаго начала класса, онъ не дотронулся до карандаша и, скрестивъ на груди руки, медленно переносилъ задумчивые взгляды изъ одного конца залы въ другой. Наконецъ, онъ неожиданно закрылъ папку и принялся затягивать завязки съ тѣмъ стараніемъ, какое прикладываетъ гробовщикъ, завинчивая крышку гроба.

Движеніе это, сопровождаемое подавленнымъ вздохомъ и слезою, внезапно блеснувшею на рѣсницахъ, не ускользнуло отъ Борисова. Мягкое сердце бѣднаго художника сжалось отъ предчувствія чего-то недобраго. Онъ поспѣшно спряталъ свои рисунки и вышелъ изъ класса, давъ себѣ слово дождаться Андреева въ коридорѣ и заговорить съ нимъ. У воротъ академіи онъ остановилъ его.

— Ну что, голубчикъ, какову группу поставилъ профессоръ?.. много ты сдѣлалъ сегодня?.. спросилъ Борисовъ, взявъ Андреева подъ руку и стараясь принять свою обыденную, суетливо-смѣющуюся физіономію.

— Нѣтъ, я сегодня ничего не дѣлалъ, отвѣчалъ тотъ, проводя ладонью по лицу: — ты знаешь, я смерть не люблю не оконченныхъ работъ, а такъ какъ эту врядъ-ли придется мнѣ кончить,—я и не начиналъ.

— Вотъ славно!.. такая чудная группа!.. я тебя не понимаю... перебилъ Борисовъ, измѣняя своему голосу.

— Я ходилъ прощаться съ академіею. присовокупилъ Андреевъ, судорожно пожимая ему руку. Голосъ Андреева обдалъ холодомъ всю внутренность Борисова.

— Что ты говоришь?.. спросилъ онъ, останавливаясь какъ пригвожденный на одномъ мѣстѣ: — помилуй, Андреевъ, что это ты съ нами дѣлаешь?

— Пойдемъ домой... все узнаешь... Борисовъ окончательно растерялся. Тысяча мыслей осадили слабую его голову. Онъ не зналъ, что сказать, что думать, и какъ шальной бѣжалъ въ притруску за Андреевымъ.

Вскорѣ достигли они мастерской. Едва только затворилась за ними дверь,—Борисовъ бросился къ Петровскому, который сидѣлъ противъ оконченной картины своей и радостно ее осматривалъ.

— Не вѣрь ему, Петровскій, не вѣрь,—онъ съ ума сошелъ! крикнулъ Борисовъ, задыхаясь на каждомъ словѣ и указывая на Андреева, который готовился что-то сказать:—такой вздоръ несетъ, что просто уши вянутъ; говоритъ, что ходилъ нынче въ классы, чтобы проститься съ академіей, что не думаетъ, удастся ли ему окончить рисунокъ...

— Что ты говоришь? весело спросилъ Петровскій, приподымаясь съ мѣста и слегка удерживая Борисова рукою.

— Нѣтъ, Петровскій, онъ говорилъ правду, сказалъ Андреевъ:—Борисовъ ошибся въ томъ только, что счелъ меня за сумасшедшаго. Повторяю, я ходилъ нынче въ классы, чтобы проститься съ академіею, и нынѣшній вечеръ будетъ послѣдній, который я проведу съ вами... прибавилъ онъ, устремляя мокрые глаза свои сначала на Петровскаго, потомъ на Борисова.

Слова эти и движеніе, которое ихъ сопровождало, обледенили сердце обоихъ художниковъ. Слова были сказаны тѣмъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ явственно звучала рѣшимость непреклонная и обдуманная.

— Что же все это значитъ?.. что такое?.. вымолвилъ

Петровскій, хмуря брови и подходя къ Андрееву:—помилуй, братецъ, опомнись, что ты говоришь,—подумай...

— Полно Петровскій, спокойно отвѣчалъ Андреевъ:—не трать по пустому увѣщаній, продолжалъ онъ, протягивая ему руку:—теперь они рѣшительно ни къ чему не послужатъ,—поздно!.. заключилъ Андреевъ, вынимая изъ кармана скомканное письмо:—сядьте-ка лучше, прочтите, и потомъ оба скажите: правъ ли я или нѣтъ...

Петровскій развернулъ письмо, Борисовъ придвинулся ближе и оба прочли слѣдующее:

«Любезный сынъ! Не знаю, чѣмъ прогнѣвили мы Творца небеснаго, что онъ такъ горько наказываетъ насъ; мало того несчастія, которое случилось съ отцомъ твоимъ, и въ тебѣ не видимъ мы утѣшенія на старости лѣтъ нашихъ. Твое безпутное поведеніе дошло до нашего слуха: стыдно тебѣ противъ насъ, родныхъ твоихъ, и грѣшно передъ Господомъ Богомъ не помнить благодѣяній добрыхъ людей. Мы все узнали отъ твоего крестнаго отца и извѣстіе это такъ опечалило отца (который и безъ того уже еле живъ), что мы, думали, оно сведетъ его въ могилу. Къ тому же, нисчастіе еще другое постигло насъ въ мужѣ сестры твоей Софьи. Горько обманулись мы въ немъ! Онъ вышелъ подлый человѣкъ и что ни на есть обманщикъ и наглецъ. Онъ формально отказался теперь давать намъ пособіе, какъ обѣщался по уговору до Сонюшкиной свадьбы, а мы, какъ ты знаешь, съ тѣмъ только отдавали ее. Теперь какъ самъ видишь, мы лишены всякой надежды на пропитаніе и если ты не отступишься отъ развратныхъ друзей своихъ, не бросишь безпутной жизни, —мы принуждены идти поміру. Послѣ несчастія съ отцомъ, всѣ отъ насъ отступились и знать не хотятъ. Одинъ только Никаноръ Акимычъ, нашъ засѣдатель,—добрый человѣкъ, — не оставляетъ насъ своими совѣтами и утѣшеніями. Если ты не захочешь заслужить проклятія нашего родительскаго, исполни волю матери и отца. По полученіи этого письма, отецъ со смертнаго одра приказываетъ тебѣ не медля ѣхать сюда и всѣ мы убѣдительно и слезно о томъ тебя просимъ. Тебѣ пріискалъ здѣсь отецъ хлѣбное мѣсто на

почтѣ, благодаря заботамъ Никанора Акимыча. Ты теперь вся наша надежда и спасеніе и вѣрно не захочешь своею волею уморить родныхъ съ голоду и печали. Сестры твои, Лизавета и Дарья, и всѣ мы просимъ тебя со слезами исполнить нашу общую волю. Получишь это письмо, продай, что есть у тебя, да подумай объ насъ и не допусти безпутныхъ твоихъ товарищей отнять у тебя эти деньги, — а привези сюда. Проклятый лекарь (оказался злодѣемъ) сказалъ, что ходить не станетъ къ отцу, если денегъ давать не будутъ, а отецъ при-смерти. Скоро и въ аптекѣ лекарствъ отпускать не будутъ. Злодѣй и то пригрозился намъ этимъ. Прощай, любезный сынъ нашъ, молимъ всѣ Творца милосерднаго, чтобы навелъ тебя на путь спасенія и не попустилъ оставить безъ крова и призрѣнія бѣдныхъ родителей твоихъ. Бѣлья только не продавай, смотри, а то дома надо будетъ покупать, да шить; а чай у васъ въ Петербургѣ и дадутъ-то дешево. Сестры всѣ тебѣ кланяются, кромѣ Софьюшки, которую мы, по причинѣ ссоры нашей съ ея наглецомъ мужемъ, уже мѣсяцъ какъ не видали. Таетъ она, бѣдная, какъ свѣчка. Прощай, молю Бога о спасеніи души твоей. Многолюбящая твоя мать, Анна Андреева».

Окончивъ чтеніе, оба художника молча опустили головы. Возражать было нечего; утѣшать также. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда несчастіе слишкомъ явно, неотклонимо, — утѣшенія раздражаютъ еще сильнѣе раны и безъ того уже истерзаннаго сердца.

. . . . . .

Дня три послѣ прочтенія письма, около полудня, Андреевъ, одѣтый по дорожному, ѣхалъ на дрожкахъ, сопровождаемый Петровскимъ и Борисовымъ, сидѣвшими на другомъ извощикѣ. Оба художника, казалось, избѣгали разговора. Петровскій, повернувшись нѣсколько бокомъ къ колесамъ, не отрывалъ грустнаго, задумчиваго взгляда отъ мостовой; Борисовъ смотрѣлъ въ противоположную сторону и изрѣдка лишь жмурившіеся глазки его, не сходившіе съ Андреева, устремлялись искоса на Петровскаго. Молчаливое раздумье товарища видимо начинало

безпокоить Борисова. Въ эту минуту, болѣе, чѣмъ когда нибудь, мягкая душа его, подавленная грустью, искала сообщительности. Онъ пытался уже нѣсколько разъ завести разговоръ, но глаза его встрѣчали каждый разъ стиснутыя брови Петровскаго и Борисовъ, подавивъ глубокій вздохъ, по неволѣ продолжалъ молчать. Къ концу дороги, онъ, однакожъ, не выдержалъ, пододвинулся ближе къ Петровскому и сказалъ, переминаясь на своемъ мѣстѣ, какъ курица, которая боится раздавить яйца: «Кажется, будто дождичекъ собирается»... Петровскій окинулъ холоднымъ взглядомъ мутно-свинцовое небо и молча повернулся въ сторону. Немного погодя, Борисовъ снова началъ: «Скажи, пожалуйста, куда это валитъ отовсюду народъ?.. должно быть сегодня какой-нибудь праздникъ». На этотъ разъ Петровскій не поднялъ даже головы, и Борисовъ послѣ этого не рѣшился пускаться въ объясненія.

А между тѣмъ, дорога отъ Васильевскаго острова до Ямской, куда направились художники, проходя по самымъ шумнымъ улицамъ Петербурга, дѣлалась съ часу на часъ многолюднѣе. Пестрыя толпы народа, коляски, омнибусы, дрожки, наполненныя разряженными обывателями, катили имъ прямо на встрѣчу и поминутно заграждали путь. Все это скакало и толкалось, не смотря на пасмурное, ненадежное небо, по направленію къ островамъ, гдѣ должно было произойти въ этотъ день гулянье и фейерверкъ. Весь городъ какъ будто за одно пробудился въ это утро. Во всѣхъ концахъ его раздавался грохотъ экипажей, слышались восклицанія, хохотъ и гулъ толпы, напиравшей изо всѣхъ улицъ длинными, волнующимися полосами. Медленно тащились дрожки нашихъ художниковъ, пробираясь между народомъ и рядами экипажей; веселыя лица мѣщанъ, принужденныхъ давать имъ иногда дорогу, останавливались съ любопытствомъ на печальныхъ лицахъ трехъ художниковъ, какъ бы не понимая, на какого чорта могли тащиться люди куда-нибудь, кромѣ Крестовскаго или Елагина. Наконецъ, кой-какъ пріятели наши достигли Ямской. Извощикъ, нанятый наканунѣ Андреевымъ, уже давно дожидался. Андреевъ уложилъ чемоданъ, сѣлъ

въ телѣжку, и протянулъ въ послѣдній разъ руки двумъ товарищамъ. Прощанье совершилось также молчаливо, какъ и проводы. Каждый сознавалъ въ глубинѣ души свою потерю и нѣмые признаки скорби на лицахъ говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ и нѣжныхъ изліяній. Одинъ Борисовъ рыдалъ какъ ребенокъ.

. . . . . .

Вечеромъ того же дня, послѣ того какъ прошло первое тяжелое впечатлѣніе, Петровскій и Борисовъ оставили мастерскую и пошли бродить по острову. Преданные оба грустнымъ своимъ мыслямъ, они не замѣтили, какъ очутились въ первой линіи. Лѣтомъ, подъ вечеръ, и особенно въ праздничные дни, первая линія Васильевскаго острова представляетъ самую оживленную панораму. Она служитъ самымъ близкимъ сообщеніемъ между Петербургомъ и островами, заселенными въ лѣтнее время почти половиною городского люда. Въ такіе дни, мостовая ея не перестаетъ гремѣть подъ тысячами колесъ и сотнями тысячъ ногъ. Тутъ встрѣтите вы денежную и родовую аристократію, летящую въ каретахъ, кабріолетахъ, ландо и шарабанахъ на Каменный островъ, застроенный великолѣпными дачами и виллами; встрѣтите купцовъ въ вычурныхъ, росписныхъ телѣжкахъ или на бѣговыхъ дрожкахъ; колоссальнымъ извощичьимъ каретамъ, не мытымъ со времени наводненія 1824 года, — нѣсть числа; начиненныя розовыми бантами, чепцами, платочками и коленкоровыми шляпками, покрывающими плеча и головки женъ и дочекъ средняго купеческаго и чиновничьяго сословія,—онѣ медленно ползутъ, какъ неуклюжіе морскіе раки, между тѣсными рядами жиденькихъ извощичьихъ дрожекъ, которыя, въ свою очередь кажутся подлѣ нихъ какими то муравьями. Между омнибусами, напоминающими Ноевъ ковчегъ, часто попадаются фаэтоны и экипажишки особеннаго устройства, дешевенькіе, но комфортабельные, принадлежащіе петербургскимъ нѣмцамъ и французамъ: хозяевамъ магазиновъ, зажиточнымъ мастерамъ, ремесленникамъ,—счастливымъ обывателямъ дачъ, величиною съ карточный домъ, въ Чухонской или Новой деревнѣ. Тротуары запружены народомъ. Мелочные чи-

новники — женатые съ зонтиками, холостые съ тросточками, — щеголи-писаря, размалеванныя красавицы, гостинодворцы съ супругами, мѣщане, подмастерья въ затрапезныхъ халатахъ, съ «гармоніею» подъ мышкою, — все это тискается, давится и суетится, спѣша на Крестовскій, осуществляющій для нихъ Эльдорадо.

Петровскій и Борисовъ, затертые толпою, какъ два крупичатыя зерна жерновомъ мельницы, — послѣдовали общему направленію и, почти противъ воли, очутились на шумныхъ островахъ. Свѣжій водяной воздухъ, шумъ пестрой толпы, волнующейся по живописнымъ берегамъ, покрытымъ зеленью, отдаленные звуки музыки, открытые балконы и террасы, наполненные женщинами, стукъ экипажей, движеніе, — все это произвело свое обаяющее дѣйствіе на двухъ художниковъ и мало по малу взяло верхъ надъ упорною тоскою. Согласившись провести здѣсь остатокъ вечера, они пробирались уже на Елагинъ, центръ увеселеній, — какъ вдругъ на самой серединѣ Крестовскаго моста столкнулись совершенно неожиданно съ толпою художниковъ, предводительствуемыхъ Чибезовымъ, Вахрушевымъ и Сидоренко. Всѣ они, желая, вѣроятно, привести расположеніе своего духа подъ общій тонъ, — были нѣсколько на-веселѣ.

— А! Петровскій, Борисовъ, куда? какими судьбами?.. закричали они въ одинъ голосъ, окружая товарищей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы скорѣе пробраться впередъ. — Куда-жъ вы, господа!?. пойдемте съ нами, я вамъ покажу дочь канатнаго плясуна Вейнарда, — сейчасъ должно кончиться представленіе, — чудо дѣвчонка! ноги, руки, торсъ, — хоть сейчасъ пиши вакханку... произнесъ Вахрушевъ бойко черкнувъ указательнымъ пальцемъ по воздуху.

— Эхъ, господа... эхъ, Петровскій... лихо! веселись душа!.. просто римскій карнавалъ, чортъ побери... Roma! Napoli!.. кричалъ Чибезовъ, махая картузомъ во всѣ стороны. — Ну, а гдѣ же Андреевъ, что-жъ я не вижу Андреева?

— Андреевъ уѣхалъ нынче утромъ, сухо отвѣчалъ Петровскій.

— И въ самомъ дѣлѣ... вѣдь я совсѣмъ забылъ... экъ я!.. воскликнулъ Чибезовъ, шлепнувъ себя по лбу.

— А жаль, право жаль, перебилъ Вахрушевъ, дѣлая строгую, задумчивую физіономію: — онъ былъ съ талантомъ; я недавно еще смотрѣлъ его послѣдній этюдъ съ натуры,—сочно, чертовски сочно и планисто сталъ было писать...

— Да, и лѣпка и планы дались ему какъ-то въ послѣднее время, мрачно сказалъ Сидоренко, въ которомъ вино производило всегда нѣчто въ родѣ меланхоліи: — но какой-же лѣшій велѣлъ ему бросить академію и ѣхать въ печальную нашу провинцію?..

Петровскій и Борисовъ, вмѣсто отвѣта, раскланялись съ пріятелями и готовились уже перекинуть ноги за перила, чтобы пробраться на другую сторону моста, но въ эту самую минуту, извощичья коляска пересѣкла имъ дорогу и снова заставила ихъ втереться въ толпу художниковъ. Борисовъ поднялъ глаза къ верху и остолбенѣлъ; удивленіе бѣднаго художника увеличилось втрое болѣе, когда Вахрушевъ рванулся, сломя голову, къ периламъ и принялся раскланиваться съ хорошенькой женщиной, сидѣвшей въ коляскѣ, которая въ свою очередь послала ему съ веселою улыбкою нѣсколько поклоновъ.

— Кто это? кто такая!.. спросили въ одинъ голосъ художники, окружая Вахрушева, который не переставалъ кланяться вслѣдъ давно исчезнувшему экипажу.

— Какова! произнесъ «Вандикъ», надѣвая на бокъ бѣлую свою шляпу и самодовольно забрасывая за лѣвое плечо бархатные отвороты плаща.

— Чудо! прелесть! Но кто же она?.. Охъ, злодѣй, султанъ! кого онъ только не знаетъ, чортъ его возьми... Ну, да говори же, кто она?.. зашумѣли вокругъ Вахрушева.

Борисовъ затаилъ дыханіе.

— Это одна изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, отвѣчалъ «Вандикъ», трепля себя за усы, — она живетъ у одного моего знакомаго — золотопромышленника; я, впрочемъ, давно ее знаю; она ходила прежде къ одной, Левицкой, которая тоже нѣсколько мнѣ знакома... прибавилъ онъ,

выразивъ на лицѣ безпечную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, демонски-плутовскую улыбку; ее зовутъ Катерина Андреевна,—да что говорить, вотъ на-дняхъ или когда-нибудь, если хотите, можете увидать ее у меня въ мастерской,— я обѣщалъ написать ея портретъ въ видѣ вакханки...

Петровскій и Борисовъ обмѣнялись взглядами и молча разстались съ художниками. Обстоятельство это мигомъ возвратило имъ всѣ грустныя мысли. Они вспомнили Андреева, который тащился теперь по пустынной дорогѣ и, полные тяжелой тоски, достигли мастерской, не дождавшись окончанія праздника.

X.

Заключеніе.

Пять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ выше происшествій, имя Петровскаго было уже извѣстно во всѣхъ почти академіяхъ Европы. Новая картина, написанная имъ въ Италіи, была привезена, послѣ парижской выставки, въ Петербургъ. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ и Петровскій. Окруженный славою, осажденный со всѣхъ сторонъ блистательными заказами, Петровскій не забылъ, однакожъ, стараго своего товарища Борисова. Онъ отыскалъ его гдѣ-то въ восемнадцатой линіи Васильевскаго острова, на чердачкѣ и, тронутый бѣдностью пріятеля, предложилъ ему работу. Работа заключалась въ томъ, что надо было исполнить по эскизамъ Петровскаго иконостасъ и куполъ собора въ одной изъ южныхъ нашихъ губерній. Каждый легко себѣ представитъ, съ какою радостью принялъ Борисовъ такое предложеніе. Онъ получилъ задаточную сумму денегъ, накупилъ кистей и красокъ, взялъ мѣсто, простился съ Петровскимъ и уѣхалъ.

Вотъ отрывокъ изъ письма Борисова, полученнаго Петровскимъ по прошествіи нѣсколькихъ дней.

«Итакъ, голубчикъ, согласно уговору нашему передъ моимъ отъѣздомъ, я завернулъ въ городокъ, гдѣ живетъ нашъ бѣдный Андреевъ. Передать тебѣ не могу чувство,

которое овладѣло мною, когда я увидѣлъ этотъ городокъ. Мысли ли мои были такъ настроены, но онъ показался мнѣ въ высшей степени печальнымъ и унылымъ. Было около полудня, когда я въѣхалъ въ полуобвалившуюся заставу. Тишина мертвая царствовала на улицахъ, какъ будто жители, запугавшись, наконецъ, ветхости своихъ лачужекъ, перебрались заблаговременно въ другое мѣсто. Хозяинъ постоялаго двора,—что-то среднее между мѣщаниномъ и мужикомъ,—на вопросъ мой: «здѣсь ли почтмейстеръ Андреевъ?» отвѣчалъ утвердительно; онъ объяснилъ мнѣ, какъ пройти къ нему. Результатомъ этого объясненія было, однакожъ, то, что, сдѣлавъ два или три поворота, я очутился между двумя заборами, которые примыкали къ огромному оврагу; на днѣ бѣжалъ потокъ и высился колодезь, прикрытый часовней. Я сталъ рѣшительно въ тупикъ. Если приводилось тебѣ испытывать минуты, предшествующія свиданію, даже самому радостному, ты долженъ понимать, какою невыносимо тяжелою тоскою давятъ онѣ сердце; кажется даже, что въ поспѣшности человѣка, который бѣжитъ на свиданіе, заключается столько же желанія скорѣе освободиться отъ этого тягостнаго чувства, сколько нетерпѣнія обнять друга или пріятеля. Не знаю, долго ли простоялъ бы я такимъ образомъ между заборами, еслибъ не выручила меня баба, явившаяся у колодца на днѣ оврага. Я спустился къ ней, и она указала мнѣ домъ Андреева, выступившій однимъ бокомъ надъ пропастью. Съ этой стороны нельзя было подойти къ нему; требовалось сначала обогнуть весь оврагъ и выбраться на улицу. Когда я поровнялся съ домомъ, сердце мое почему-то сильно забилось. Я заглядывалъ въ каждое окно, но окна были занавѣшены полинявшимъ ситцемъ: въ домѣ, казалось, было такъ же тихо, какъ и на улицѣ. Я вошелъ въ растворенныя настежъ ворота на небольшой дворикъ, окруженный сараями, заросшій полынью и крапивой, покрытый обручами и сушившимися кадочками. Кое-гдѣ бѣгали куры. На кривомъ крылечкѣ сидѣлъ сѣдой старикъ въ солдатской шинели и чинилъ на солнцѣ какія-то лохмотья.

— «Здѣсь живетъ Андреевъ? спросилъ я.

— «Григорій Петровичъ?» — «Да». — Здѣсь, — да его теперь дома нѣтъ, съ должности не пришелъ, нынѣ почта»...

«Минутъ десять спустя, я входилъ въ низенькія сѣни почтовой конторы; отворивъ дверь, я очутился въ тѣсной толпѣ мужиковъ и кучеровъ. На днѣ комнаты, за небольшимъ столомъ, уставленнымъ конвертами и пятаками, сидѣлъ Андреевъ. Согнувшись въ три погибели, онъ записывалъ одною рукою въ книгу, другою считалъ деньги... Трудно тебѣ разсказать, какъ онъ измѣнился. Сердце замерло во мнѣ. Я подошелъ къ нему и тронулъ его по плечу.

— «Сейчасъ, сейчасъ, подождите, проговорилъ онъ, продолжая писать:—но вдругъ поднялъ глаза, смутился, всталъ съ своего мѣста, схватилъ меня за руки и съ радостнымъ крикомъ бросился обнимать меня. — «Григорій Петровичъ, произнесъ грубый голосъ изъ-за другого стола,—почта ждетъ»...

— «Сейчасъ, сейчасъ... подождите немножко»...

«И онъ снова кинулся мнѣ на шею. Черезъ пять минутъ почта была отправлена и мы очутились оба на улицѣ.

— «Что, какъ? откуда? Какими судьбами?!.. вскричалъ Андреевъ, не помня себя отъ радости.

«Я разсказалъ ему цѣль своего путешествія; мы разговорились о тебѣ. Онъ слушалъ меня съ восторгомъ и боялся, кажется, пропустить слово; но только что подошли мы къ его дому,—восторженность и вниманіе какъ рукой сняло. Онъ растерялся. Сдѣлавъ движеніе, какъ будто внезапно пробуждался отъ сна, онъ боязливо оглянулъ окна, остановилъ меня подъ калиткою и попросилъ Христа ради не обнаруживать передъ домашними настоящаго моего званія.

— «Слова: художникъ и живописецъ производятъ на нихъ по сію еще пору самое неблагопріятное дѣйствіе... Скажи имъ, что ты чиновное лицо, и все будетъ прекрасно...» Говоря это, Андреевъ не переставалъ оглядываться во всѣ стороны.

«Съ стѣсненнымъ сердцемъ поднялся я за нимъ на

крылечко. Въ сѣняхъ меня обдало запахомъ утюга, мыла, жареной рыбы. Въ перекосившихся дверяхъ мелькнула женская фигура, съ засученными по локоть рукавами, и почти въ то же время чьи-то два глаза сверкнули въ скважинѣ. Мы вошли въ крошечную, душную комнатку, съ кривымъ потолкомъ, усѣяннымъ до-черна мухами. Ободранный диванъ, два стула и надъ ними пыльная ландкарта лѣпились криво и косо вдоль стѣнъ грязно-молочнаго цвѣта. Отъ всего этого за-версту пахло нищетою. Между простѣнками болтались на гвоздикахъ холстяные мѣшечки, вѣроятно съ сушившимися сѣменами. На подоконникѣ лежала крошечная подушка, съ пришпиленною къ ней ситцевою наволочкой. Мѣдный наперстокъ, игольникъ и ножницы показывали, что комната не совсѣмъ принадлежала Андрееву. Пустившись въ разспросы, я узналъ, что онъ женатъ, что отецъ его и сестра Софья умерли. Разговоръ происходилъ шопотомъ. Андреевъ не переставалъ коситься на дверь.—«Ну, да что тебѣ говорить, произнесъ онъ, наклонившись къ моему уху:—пробудь здѣсь нѣсколько часовъ и лучше узнаешь мою настоящую жизнь, чѣмъ еслибъ я сталъ ее описывать».—«Григорій Петровичъ!» произнесъ чей-то кисленькій голосъ за дверью.

«Андреевъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно скрылся. Мнѣ послышался тогда шелестъ платья и вслѣдъ затѣмъ шопотъ нѣсколькихъ голосовъ. Минуту спустя, Андреевъ ввелъ въ комнату высокую, сухощавую, нѣсколько сгорбленную старуху, въ очкахъ и въ затасканномъ траурномъ чепцѣ на головѣ.

— «Вотъ, матушка, рекомендую вамъ моего стараго петербургскаго пріятеля, сказалъ Андреевъ, стараясь придать своему голосу самую мягкую и нѣжную интонацію.

«Старуха опустила сухощавыя руки свои кофейнаго цвѣта и, прищуриваясь на меня сквозь мутное стекло очковъ, сказала нерѣшительнымъ, черствымъ голосомъ:

— «Очень рада, батюшка,—прошу покорно садиться, просимъ милости... вы давно изъ Петербурга-то?

— «Съ недѣлю.

— «Ась?.. не слышу я, батюшка?..

Я повторилъ отвѣтъ.

— «А чѣмъ изволите заниматься, батюшка?

«Не трудно было замѣтить, что одна мысль о томъ, что я былъ, можетъ-статься, одинъ изъ тѣхъ пріятелей, которые сбили съ толку ея сына, предубѣждала противъ меня старуху; я смѣло назвался чиновникомъ, не помню уже какого вѣдомства.

— «Охъ, батюшка, произнесла старуха плаксиво-несчастнымъ тономъ,—какъ же вы это запамятовали Гришу?.. стòитъ ли онъ, чтобы вы, должностной и важный человѣкъ, о немъ думали?.. вы, я чай, знали же его въ Петербургѣ...

Тутъ старуха, къ величайшему моему удивленію, начала бранить сына, укорять въ лѣности, въ безпутномъ поведеніи, присовокупивъ, что еслибъ онъ только захотѣлъ, то вѣрно достигъ бы, подобно мнѣ, почетнаго и доходнаго мѣста; что своимъ прежнимъ безпутствомъ заставилъ ихъ всѣхъ глаза выплакать, и проч. и проч. Бѣдный нашъ Андреевъ стоялъ во все это время потупя голову, краснѣлъ и мялся. Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— «Надолго ли вы, батюшка, остановились въ нашемъ городѣ?

— «Нѣтъ. всего на одинъ день, отвѣчалъ Андреевъ, ласково обращаясь къ матери.

— «Не тебя спрашиваютъ, сурово произнесла старуха:—развѣ не видишь, я говорю съ ними...

«Я удовлетворилъ ее отвѣтомъ.

— «Я пригласилъ «ихъ» обѣдать у насъ, робко сказалъ Андреевъ.

«Старуха быстро подняла голову и бросивъ на сына нетерпѣливый взглядъ, сказала довольно грубо, но стараясь, однакожъ, придать черствому лицу своему жалостливое выраженіе:

— «Не взыщите, батюшка, вы, я чай, въ Петербургѣ-то привыкли къ хорошему столу... у насъ не то... не взыщите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады...

«Старуха встала и вышла въ дверь, которая съ трудомъ уступила ей, потому что на нее, вѣроятно, напи-

рали изнутри любопытные. Не успѣлъ я подойти къ Андрееву, какъ тотъ же кисленькій голосъ снова позвалъ его. Я услышалъ тогда въ сосѣдней комнатѣ стукъ тарелокъ, который не помѣшалъ мнѣ разслышать отрывистый, недовольный шопотъ. Андреевъ вернулся ко мнѣ окончательно растерянный. Мы пошли обѣдать. Комната, въ которую мы вступили, была нѣсколько просторнѣе первой, но до того завалена всякою рухлядью, что оставалось только по срединѣ мѣсто для стола. Кромѣ матери, тутъ находились еще три женщины. Одна изъ нихъ толстая, расплывшаяся, съ лицомъ, похожимъ на плохо выпеченное яблоко, съ взглядомъ дерзкимъ; другая помоложе, лѣтъ тридцати-пяти, длинная, рябая, — весь портретъ матери, съ пучкомъ рыжихъ волосъ на затылкѣ въ видѣ рѣдьки; третьей было всего лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Лицо ея, бѣлое и пухлое, отражало всѣ признаки глупости и тупости непроходимой.

— «Рекомендую тебѣ: жена моя... сказалъ Андреевъ, протягивая къ ней руку:—а это сестры, продолжалъ онъ, указывая на первыхъ двухъ.

«Всѣ три жеманно поклонились, и мы сѣли за столъ.— Разговоръ, какъ можешь себѣ представить, не былъ очень пріятенъ; сказано было между прочимъ, съ явною ироніею, что столичному жителю скучно должно быть въ ничтожномъ уѣздномъ городкѣ, что всѣ столичные люди стараются всегда подмѣчать, что̀ и какъ говорятъ провинціалы, потомъ постепенно рѣчь зашла о погодѣ, и жена Андреева, молчавшая все время, сказала, покраснѣвъ до ушей, точно такъ же, какъ и мужъ ея, что погода стоитъ нынче «прикрасная», и т. д. Словомъ, грустно, голубчикъ Петровскій.—Въ продолженіе этого злосчастнаго обѣда, я успѣлъ замѣтить, что всѣ члены семейства, кромѣ самого Андреева, разумѣется, ненавидѣли другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ имѣлъ противъ другого хоть временную «контру». Не легко было также видѣть, что съ Андреевымъ обращались съ какою-то невнимательностью и пренебреженіемъ. Въ эти полчаса, настоящая жизнь его раскрылась передо мною во всемъ своемъ безобразіи. Онъ видимо находился

подъ вліяніемъ всей этой сволочи. Что-жъ мудренаго? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это понятно: страхъ, который овладѣваетъ всякимъ порядочнымъ человѣкомъ при одной мысли о ссорѣ, скандалѣ или сценѣ—особенно въ семействѣ,—заставляетъ его иногда невольно терпѣть и смалчивать; люди грубыхъ свойствъ, невоспитанные, никогда не въ состояніи оцѣнить такого чувства; оно, напротивъ того, служитъ, какъ-бы потачкою ихъ дерзости. Объясняя терпѣніе робостью или трусостью, они всегда воспользуются ими, чтобы сѣсть человѣку на шею.

«Наконецъ обѣдъ, или вѣрнѣе сказать: мука моя—кончилась. Я и Андреевъ снова очутились въ первой комнатѣ. Передать тебѣ не могу, голубчикъ, тяжелое, стѣсненное чувство, въ какомъ я находился: грусть, тоска, досада кипѣли въ одно и то же время въ моемъ сердцѣ. Я слышалъ за дверью ворчливый шопотъ, видѣлъ взгляды сквозь щели и трещины, и думалъ только, не смотря на удовольствіе встрѣтиться съ Андреевымъ,—какъ бы поскорѣе вырваться на волю. Мнѣ душно становилось въ этомъ домѣ. Андреевъ понялъ, вѣроятно, что во мнѣ происходило. Онъ подошелъ ко мнѣ:—«пойдемъ отсюда», шепнулъ онъ, наклоняясь, какъ бы нечаянно, къ моему уху. Какъ воры, вышли мы украдкою изъ дома. Миновавъ домà и заборы, мы обогнули городъ и очутились на самой возвышенной точкѣ крутого берега, омываемаго широкою рѣкою. Подъ ногами у насъ, въ страшной глубинѣ лѣпились вдоль берега лачужки рыбаковъ, окруженныя ветлами и сушившимися бреднями. За рѣкою стлались Богъ вѣсть куда необозримые луга, пересѣченные кой-гдѣ темными клиньями сосноваго лѣса. Вправо, къ оврагу, за небольшимъ пустыннымъ валомъ, виднѣлось городское кладбище. Андреевъ повелъ меня прямо туда.

— «Вотъ, сказалъ онъ, указывая на глинистый бугорокъ, прикрытый плитнякомъ и осѣненный тщедушною ветелкой:—и ты любилъ ее когда-то... о! еслибъ ты зналъ только, Борисовъ, до какой степени потеря сестры осиротила меня!.. прибавилъ онъ, проводя пальцами по глазамъ:—смерти отца я почти не замѣтилъ,—мнѣ стало

только грустно;—насъ связывали одинъ долгъ и привычка,—но тутъ я сталъ, какъ одинъ на свѣтѣ.

«Мы сѣли на траву подлѣ могилки и долго говорили. Я замѣтилъ, что Андреевъ перемѣнился, когда мы вышли изъ его дома; но теперь, мало-по малу, перемѣна эта сдѣлалась еще замѣтнѣе; онъ сталъ совсѣмъ какъ бы другимъ человѣкомъ.

— «Да, Борисовъ, для меня все уже кончено... говорилъ онъ:—я уже далеко не тотъ, какимъ зналъ ты меня пять лѣтъ тому назадъ; давно угасла во мнѣ внутренняя борьба, когда вопросы: быть, или не быть?—попеременно смѣняются одинъ другимъ. Переломъ въ судьбѣ моей уже совершился, — я умеръ, умеръ для жизни. И, что всего хуже, чувствую, что выбиваюсь изъ послѣднихъ силъ. Не обвиняй меня! Возьми какого хочешь человѣка, перенеси его въ уѣздный городъ, окружи его моими обстоятельствами,—повѣрь не выдержитъ и кончитъ тѣмъ же, чѣмъ и я; ни убѣжденія, ни воля не помогутъ. Бой будетъ неравенъ, и рано или поздно обстоятельства возьмутъ свое... А вѣдь было же время, когда и мнѣ улыбалась такъ привѣтливо жизнь! Часто думаю я: за что было судьбѣ такъ жестоко подшутить надо мною?.. Какъ часто, сидя вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, обернувшись лицомъ за рѣку, къ сѣверу, къ Петербургу, — какъ теперь, — припоминаю я свои восторги, свои надежды, нашу мастерскую, бѣдную мою комнату на Новыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ я такъ счастливъ... Катю... Посреди жизни, какую я веду, даже воспоминанія страданій доставляютъ душѣ неизъяснимыя наслажденія... Скажи, не слыхалъ-ли ты чего нибудь объ Катѣ? гдѣ-то она теперь? что съ нею?.. Я увѣрилъ его, что ничего не знаю о ней; что съ той поры, какъ мы разстались, мнѣ не удалось уже ни разу встрѣтить ее.

— «И право, Богъ знаетъ, какъ горько дѣлается на душѣ, Борисовъ, когда подумаешь, что могло бы ожидать меня при другихъ обстоятельствахъ; прибавилъ онъ со вздохомъ.—Какъ ни говори, судьба моя, судьба всей моей жизни разрѣшалась отъ того, что не было какихъ-нибудь пятисотъ рублей или тысячи, одной тысячи.

Но кто повѣритъ, да и кому какая нужда до несчастій, въ какія ввергаетъ нашего брата недостатокъ. Несчастіе, совершающееся въ тиши, между четырьмя стѣнами, несчастіе, прикрытое жиденькимъ, но чистымъ пальто, въ шляпѣ безъ видимаго разрушенія, — никого не трогаетъ; оно не возбуждаетъ даже довѣрія: «Какъ можно, чтобы молодой человѣкъ, во всемъ порядочный, образованный и воспитанный, не нашелъ себѣ мѣста или куска хлѣба?.. Вздоръ!—значитъ не хочетъ, когда нѣтъ!» — Вотъ что говорятъ обыкновенно люди, которые могли бы подать руку помощи. Они не трудятся вникнуть поглубже въ дѣло и разобрать, что часто есть другія потребности, кромѣ куска хлѣба. Есть, конечно, добрые люди, для которыхъ помощь ближнему обратилась въ долгъ и убѣжденіе, — но, со всѣмъ тѣмъ, они смотрятъ почти также близоруко, какъ и первые. Горе въ одномъ. Подобно первымъ, они довѣряютъ только несчастію живописному, эффектному, покрытому безобразными лохмотьями, съ исковерканными членами, ползущему по грязной мостовой и просящему подаянія хриплымъ голосомъ... Попробуй разсказать имъ, пожалуй, хоть мою собственную исторію; особенно не забудь въ видѣ предисловія сообщить, что дѣло идетъ о служащемъ въ провинціальномъ городѣ, — и всякое участіе, какъ рукой сняло! Имъ покажется до невѣроятности забавенъ провинціальный писецъ, — «писецъ Вертеръ или Руссо!.. Да на что-же это въ самомъ дѣлѣ похоже?» —А намекни, что у этого писца мать, сестры, семейство, да еще въ добавокъ «домъ», собственный домъ, оставшійся въ наслѣдство послѣ отца,— такъ они тебѣ въ глаза засмѣются и скажутъ:—«Чего-жъ ему еще надо?..» Тебя, вѣроятно, удивляетъ, какъ могъ я, сознавая ясно свое положеніе, примириться со всѣмъ тѣмъ, что меня окружаетъ? Тебя, кажется, удивляетъ моя женитьба? продолжалъ Андреевъ: — но вникни поглубже и ты увидишь, что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Сестра умерла. Тоска овладѣла мною страшная. Не съ кѣмъ было даже подѣлиться горемъ. Въ такомъ состояніи глубокаго одиночества, сочувствіе друга или брата недостаточно. Въ эти минуты, сердце инстик-

тивно проситъ излиться въ женское сердце; кажется тогда,—и часто ошибаешься,—что будто въ немъ только источникъ истиннаго, нѣжнаго сочувствія. Я встрѣтилъ теперешнюю жену мою, она показалась мнѣ дѣвушкою доброй, простой... и я женился, чтобы скорѣе вырваться изъ глухого одиночества; я не очень несчастливъ... прибавилъ Андреевъ, краснѣя до ушей. Съ живописью я разстался почти также, какъ съ покойною сестрою,—невозвратно! Сохраняю старые рисунки свои, какъ незабвенную память всего минувшаго, какъ залогъ, что и у меня былъ когда-то талантъ. Я часто смотрю на нихъ... Меня утѣшаетъ мысль, что не добровольно заглушилъ я въ себѣ дарованіе, что не растратилъ его на вѣтеръ, и еслибъ не обстоятельства — я точно также былъ бы художникъ!..»

«Онъ еще ничего не знаетъ о существованіи «Общества поощренія художниковъ» — я не рѣшился (ты понимаешь отчего?) заговорить о немъ съ Андреевымъ, но втайнѣ благословилъ благородное учрежденіе, осѣнившее благодѣтельнымъ крыломъ своимъ нашихъ молодыхъ художниковъ! Да, Петровскій, теперь уже, вѣроятно, никого изъ насъ не постигнетъ жалкая участь нашего бѣднаго Андреева!..

«И долго еще говорилъ такъ-то Андреевъ. Грустны были рѣчи его; еще грустнѣй и безотраднѣй раскрывалась передо мною жизнь этого бѣднаго товарища, страдающаго въ тиши, безъ ропота и ненависти, съ полнымъ сознаніемъ своего горя, — жизнь полная высокаго самопожертвованія,—и для кого все это?.. Для семьи, которая не только не понимала высокой жертвы, но старалась еще отравлять каждую секунду такой жизни... И сколько разъ самопожертвованіе Андреева казалось мнѣ выше всякаго другого, сдѣланнаго въ минуту увлеченія, передъ восторженно-плещущей толпою. Тотъ, кто способенъ на великое въ минуту воспаленныхъ чувствъ и мозга, не всегда, въ минуту холоднаго разсудка, найдетъ въ себѣ энергію и на половину такого дѣла! Уже вечерѣло, когда мы кончили нашу бесѣду.

«Кругомъ, въ городѣ и за рѣкою, довольно уже стих-

ло. Чуть внятные звуки колокола изъ отдаленнаго монастыря, приносимые легкимъ вѣтромъ, пробѣгали надъ необозримымъ пространствомъ. Мы молча прошли кладбище... Уныло глядѣли глинистые бугорки, покрытые тѣнью, и только жиденькая ветелка надъ могилою сестры Андреева, да кругомъ ея нѣсколько желтыхъ цвѣтковъ подымали золотыя свои головки, освѣщенныя багровымъ блескомъ тихо заходящаго солнца... Черезъ часъ я простился съ Андреевымъ и пожалъ ему, можетъ статься, въ послѣдній разъ руку»...

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНІЕ.

I.

Было около десяти часовъ ночи, прозвучалъ первый ударъ колокола... Звукъ этотъ, разливаясь волнистыми кругами, посреди ночного затишья, не замедлилъ проникнуть въ избушки, къ совершенной радости старушекъ и дѣдовъ, давно уже ждавшихъ заутрени. Не было, впрочемъ, человѣка, который не встрѣтилъ бы съ радостнымъ сердцемъ благовѣсти. Въ эту минуту, за пять верстъ въ окружности, въ самыхъ дальнихъ лачужкахъ, все разомъ встрепенулось и сотворило крестное знаменіе... То же самое сдѣлалъ пахарь Андрей — изъ Выселокъ, лежавшій въ какомъ-то забытьи на своей печкѣ. Заслышавъ говоръ сосѣдей, сбиравшихся на улицѣ, онъ сбросилъ овчину, спустился наземь, сѣлъ на лавку и началъ приготовляться въ дорогу.

Угасающій, чуть вздрагивавшій свѣтъ лучины озарялъ тусклымъ блескомъ стѣны и лавки избушки. Кругомъ было мрачно и холодно. Черный земляной полъ, голыя заплеснѣвшія стѣны, подпертыя кое-гдѣ осиновыми плахами, кой-гдѣ вымазанныя глиной, недостатокъ тепла, столь любимаго мужичкомъ, отсутствіе горшечковъ, домашняго обиходнаго хлама и всего того, что свидѣтель-

ствуетъ присутствіе хлопотливой хозяйки, или бабушки-радѣльницы, показывало, что Андрей далеко не принадлежитъ къ числу мужиковъ зажиточныхъ. Наружность самого хозяина, длиннаго, худого, прикрытаго ветхимъ кожухомъ и сутуловато-пригнувшагося къ лучинѣ, еще краснорѣчивѣе подтверждала такое мнѣніе. Все это было совершенно справедливо; но со всѣмъ тѣмъ, тяжелое чувство, возбуждаемое окружавшею бѣдностью, мгновенно исчезало, какъ только пахарь подымалъ голову. Блѣдное, продолговатое лицо его дышало такою добротою, такимъ тихимъ, невозмутимымъ покоемъ, что невольно становилось легче на сердцѣ. Движеніе мужика, точно такъ же, какъ и глаза его, спокойно обращавшіеся вокругъ, обличали нравъ тихій и терпѣливый. Свѣтлое выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ благовѣсти, казалось, ясно передавало состояніе мягкой и кроткой души его и еще сильнѣе располагало въ его пользу.

Тишина въ избушкѣ, перерываемая говоромъ народа, спѣшившаго къ заутрени, мало-по-малу распространилась надъ всей деревней. Стало вдругъ такъ тихо, что можно было слышать, какъ вѣтеръ шумѣлъ соломой на макушкѣ кровли. Изрѣдка звуки колокола, то умолкавшіе и какъ будто пропадавшіе въ отдаленіи, то внятно звучавшіе, какъ серебрянная струна, проносились надъ избушкой...

Андрей поднялся на ноги, провелъ ладонью по лбу и бережно подошелъ къ печкѣ. Мѣрное, легкое дыханіе, раздавшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его; онъ вернулся къ свѣтцу, взялъ лучину и, заслоняя свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ. Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырехъ, свернувшуюся клубкомъ между трубой и перекладиной; подложивъ обѣ ручки подъ щечку, слегка закраснѣвшуюся, пригнувъ худенькія, длинныя ручки къ локтямъ, она казалась миловидною даже подъ лохмотьями. Продолговатое личико, которому бѣлокурые, курчавые и взбитые, какъ пухъ, волосы придавали еще болѣе худобы, было схоже во всемъ съ лицомъ Андрея. Каждая черта дѣвочки напоминала пахаря. Замѣтивъ, что свѣтъ безпокоилъ сонъ ребенка, Андрей поспѣшно

отвелъ руку съ лучиной за уголъ, потомъ нагнулся къ лицу дѣвочки и, прикоснувшись слегка къ плечу ея, произнесъ нерѣшительно:

— Проснись, Ласточка... слышь, благовѣстятъ... пора къ заутрени...

Она медленно протянула ножки и вздохнула; вслѣдъ затѣмъ не открывая глазъ, перевернулась она на спину, закинула тоненькія свои ручки за голову и снова вздохнула. Секунду спустя, ровное дыханіе ребенка извѣстило Андрея, что Ласточка заснула еще крѣпче прежняго. Ему стало жаль будить ее. Спустившись на земь, Андрей прикутался потеплѣе въ кожухъ, снялъ съ шестка старый зипунъ, взлѣзъ на печь, завернулъ въ него дѣвочку и, уложивъ ее между своею овчинкою и грудью, сошелъ на полъ. Онъ погасилъ лучину и вышелъ на улицу, плотно заперевъ за собой калитку.

Деревушка, къ которой принадлежалъ Андрей, была ни что иное, какъ выселки изъ большого села, лежавшаго верстъ за пять. Выселки состояли всего-на-все изъ десятка лачужекъ, брошенныхъ въ кучу, посреди неоглядныхъ полей и болотъ, глухихъ и топкихъ, безъ признака кусточка, или дерева. Слѣва только, по дорогѣ къ селу, подымалась высокая гора, усѣянная рѣдкими стеблями тощаго хвороста и перерѣзанная оврагами. Но гора эта уединяла еще болѣе равнины, тянувшіяся къ Выселкамъ. Мертвыя во всякое время года, кромѣ развѣ лѣта, когда оживляли ихъ хоры болотныхъ лягушекъ, крики коростелей и дикихъ утокъ, или сѣрыя долговязыя цапли, появлявшіяся кой-гдѣ на кочкахъ, равнины не представляли покуда ни малѣйшаго одушевленія.

Андрею немного нужно было времени, чтобы оставить за собой деревню: изба его стояла второю отъ околицы. Пройдя по шаткой доскѣ, перекинутой въ видѣ моста черезъ канавку, огибавшую гумна, онъ вскорѣ очутился на проселкѣ, извивавшемся по направленію къ горѣ. Ночь была свѣтлая. Мѣсяцъ еще не зарождался, но взамѣнъ его миріады звѣздъ дрожали въ темно-синемъ, безоблачномъ небѣ. Хотя, по всѣмъ примѣтамъ, ждали теплой весны, морозъ, однакожъ, былъ порядочный. Овражки и ко-

леи, обращенныя во время дня въ веселые, журчащіе ручьи, были наполнены ледяными иглами, звонко хрустѣвшими подъ ногами. Было такъ тихо, что шаги Андрея, ступавшаго по мерзлой дорогѣ, отдавались за цѣлую версту.

II.

По мѣрѣ того, какъ Андрей приближался къ горѣ, шагъ его замѣтно становился медленнѣе; свѣтлое выраженіе на лицѣ его смѣнялось грустью — чувствомъ, согласовавшимся какъ нельзя болѣе съ пустынною мѣстностью. Казалось даже, что самые звуки колокола, долгіе и дребезжащіе, къ которымъ прислушивался онъ съ такою радостью, потеряли для него свою прелесть. Да, тяжелыя воспоминанія долженъ былъ пробуждать въ немъ этотъ вечеръ!

Годъ тому назадъ, не болѣе, шелъ онъ къ той же заутренѣ, по той же дорогѣ, и все улыбалось ему. Онъ, правда, былъ точно также бѣденъ: бѣднѣй его тогда не было во всемъ околоткѣ; но, что до этого! Бѣдность свою перемогалъ онъ терпѣливо и безропотно. Онъ зналъ, что иначе не могло статься, трудно было тянуть въ уровень съ сосѣдями. Въ какомъ домѣ не сыщешь, кромѣ хозяина, хозяйки да малыхъ ребятъ, подмогу: гдѣ братъ — лишнія руки, гдѣ старикъ со старухой, гдѣ батракъ наемный; у Андрея—ни, того ни другого; онъ да жена на все про все. Оба они не любили сидѣть сложа руки или обжигаться на печкѣ, Андрей и покойная жена его работали дружно день-деньской, наровя ни въ чемъ не упустить: ни въ полѣ, ни въ хозяйствѣ. Онъ доволенъ былъ малымъ: скирда ржицы, возка два сѣна для лошади, и слава тебѣ Господи! А какъ придетъ съ поля домой, возьметъ на руки трехлѣтнюю Ласточку, здоровенькую и крѣпенькую, сядетъ съ нею за столъ супротивъ горячихъ щецъ, которыя приготовитъ бывало хозяйка, — такъ куда! и веселъ нашъ Андрей, не натѣшится! Смиренъ былъ. Легче ему было потерять лишній клокъ соломы или хвороста, чѣмъ взять то и другое на-

храпомъ да поднять шумъ на улицѣ. «Э, Господь съ ними! моимъ добромъ не расживутся!..» скажетъ бывало, махнетъ рукой да и поплетется въ избу съ легкимъ сердцемъ. Кроткой душѣ его скорѣе сродни были тяжелыя работы по хозяйству, непокорная соха и кляча, чѣмъ мировыя ссоры да выпивки. Хотя въ крестьянскомъ быту, точно также какъ во всякомъ другомъ (если еще не болѣе), трудно взять кротостью... какъ разъ прослывешь просто оплетеннымъ и сядутъ тебѣ на шею, но съ Андреемъ жили однакожъ, ладно и безобидно. Рѣдкій, впрочемъ, не былъ въ долгу у него: тому подсобилъ ось подвести, другому смастерилъ, всѣмъ на удивленье, конька на макушку кровли, или подвелъ узорочье подъ окно, третьему клячу на ноги поставилъ. На все былъ гораздъ, и будь сила въ семьѣ, вытянулъ бы не хуже другого.

Итакъ, Андрей жилъ счастливо, какъ вдругъ, неожиданно, сразило его страшное горе: онъ овдовѣлъ. Безпечный и веселый онъ совсѣмъ упалъ духомъ; съ потерею жены онъ впервые почувствовалъ всю свою бѣдность. Къ счастью еще, время было такое, что недолго позволяло горевать: пора стояла лѣтняя, рабочая; что ни сѣкни— лишняя копна въ скирдѣ, а оплошалъ — ея какъ бы и вовсе не бывало. (Не топоръ кормитъ мужика—іюльская работа!) Андрей поднялъ на руки дѣвчонку свою, проводилъ покойницу на погостъ, да скорѣй за серпъ и косу; некогда было, горькому, кулакомъ слезъ отереть. Клонитъ онъ, сердяга, свою голову, приближаясь вечеркомъ къ лачужкѣ. Уже не слышится ему знакомый шумъ веретена, не летятъ на встрѣчу ласковое слово, или веселая пѣсня, не вьется надъ горшечкомъ трубы сизой струйкой дымъ... нѣтъ! уже не согрѣетъ ему души привѣтливый огонекъ лучины, когда возвращаясь позднимъ зимнимъ вечеркомъ, покрытый снѣгомъ и инеемъ, устремитъ онъ глаза на мелькающую вдалекѣ избенку! Одинъ сталъ, сирота круглый; и пуще еще клонитъ онъ свою голову, войдя въ пустынное жилище. Какое житье мужику безъ хозяйки!.. тоже, что одна лучина горитъ въ избѣ—много ли свѣту въ ней?.. Кто жъ этого не знаетъ: какъ одѣтъ тепло, да поѣшь хорошо, да лошадка сыта—

на душѣ покойно и сработаешь лишнее: безъ этого человѣкъ безъ духа, что вино безъ хмѣля; сколько ни надсажайся, никакой спорины въ рукахъ не будетъ.

Минуло лѣто, минула и осень. Не успѣлъ Андрей и горе свое выплакать, какъ смотритъ, ужъ и Матрена зимняя пришла—встала зима на ноги. Подули вѣтры сѣверные, принесли съ собой стужу и вьялицу. Лютый вихрь крутитъ опавшіе звонкіе листья, шипитъ и воетъ, обѣгая помертвѣлыя поля и овражки, врываясь въ ворота и потрясая до заваленокъ смоченную ливнемъ избушку. Тоска еще неотступнѣе запала въ душу Андрея, когда лачужку его занесло сугробами снѣга, когда наступила зима съ своими трескучими морозами.

Въ эту пору всѣ поселяне сбиваются подъ одну кровлю, въ одно родное гнѣздо, подъ одинъ кожухъ, на одну печку. И тогда какъ лѣсъ, занесенный снѣгомъ, трещитъ подъ бременемъ инея, въ поляхъ темно и холодно, въ теплыхъ избушкахъ каждая семейка — ребята, старики, отцы и матери — усаживаются вокругъ лучины, начинаются длинные розсказни, — Андрей одинъ, какъ воробышекъ, забился въ темный уголъ на холодной печкѣ и сидитъ себѣ нахохлившись. Къ тому же къ тоскѣ начала одолѣвать его не на шутку бѣдность. Рубашенка пообносилась, кафтанишко худенькій; Ласточку не во что стало прикутать, да и самому-то совѣстно въ люди показаться. И видитъ Андрей близкую свою гибель, видитъ, что придется грызть окна да просить милостыню...

Было, правда, въ тѣхъ же Выселкахъ одно доброе существо, которое старалось, и часто не безуспѣшно, отвести душу Андрея. Дарья (такъ звали это существо) была бѣдная дѣвушка, сирота круглая, проживавшая, въ качествѣ батрачки, у одного изъ зажиточныхъ мужиковъ деревушки. Общая почти доля, близкое сосѣдство (избы ихъ отдѣлялись всего-на-все однимъ плетнемъ) какъ-то невольно сблизили ее съ Андреемъ. Оба смирные, работящіе, они легко пришлись по нраву другъ другу. Хотя до сихъ поръ не было между ними близкаго разговора, Андрей зналъ, однакожъ, что дѣвушка не прочь была выйти за него замужъ, и самъ частенько объ этомъ ду-

малъ. Но какъ уладить это дѣло? Онъ ясно видѣлъ всю несбыточность такихъ помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, до свадьбы ли людямъ, которые, какъ говорится, крыты свѣтомъ да обнесены вѣтромъ, когда обоимъ надо было думать о томъ только, какъ бы прожить день Господень!..

Такъ всегда думалъ Андрей, такъ думалъ онъ и теперь, приближаясь къ горѣ, отдѣлявшей приходское село отъ полей Выселокъ. То забываясь въ прошломъ, то переходя къ настоящему, мысли его остановились наконецъ на Дарьѣ; это обстоятельство усилило только тоску пахаря. Преданный весь своимъ думамъ, онъ не замѣтилъ, что началъ уже подыматься въ гору. Холодъ становился, однакожъ, ощутительнѣе; при поворотѣ дороги изъ рытвины на ровный скатъ вѣтеръ пахнулъ съ такой силой въ лицо Андрея, что онъ невольно остановился поправить шапку. Ощупавъ Ласточку, которая спала крѣпкимъ сномъ, и, увѣрившись, что ей было тепло, онъ окинулъ глазами мѣстность, исполосованную темными колеями и оврагами; измѣривъ мысленно то, что оставалось ему пройти въ гору, онъ снова пустился было въ путь, когда до слуха его нежданно коснулись шаги, звонко раздавшіеся въ тишинѣ ночи. Андрей повернулся назадъ. Немного погодя, изъ-за крутого поворота, недавно имъ покинутаго, показалось бѣлое пятно, которое замѣтно выростало на темной дорогѣ. Думая, что это какая-нибудь баба изъ Выселокъ, запоздавшая къ заутрени, Андрей рѣшился выждать ее. Баба замѣтила, съ своей стороны, мужика и, обрадованная, вѣроятно, случаю напасть на проводника въ такую позднюю пору, спѣшила къ нему на встрѣчу.

III.

Андрей не мало удивился, когда женщина поровнялась съ нимъ и онъ узналъ въ ней Дарью. Дѣвушка, съ своей стороны, казалось, также была не менѣе удивлена неожиданной встрѣчей.

— Вотъ не чаялъ, не гадалъ! воскликнулъ Андрей, невольно обнаруживая радость въ голосѣ и движеніи, съ

какимъ поспѣшилъ онъ приподнять шапку:—гляжу... кто бы, думаю, такая?.. а это ты... Ну, здорово, здорово...

— Здравствуй, Андрей! весело отвѣчала дѣвушка.

Дыханіе, спиравшееся въ груди ея отъ быстрой ходьбы въ гору, заставило ее на минуту остановиться; она приподняла довольно полновѣсный узелокъ, висѣвшій у нея за плечами, и бережно поставила его на земь. Послѣ этого она взглянула на пахаря и, приложивъ руку къ груди своей, сказала:

— А я и вовсе не думала съ тобой встрѣтиться; иду: ужъ какъ-то страшно показалось мнѣ одной-то... подняла голову, вижу—идетъ человѣкъ: должно быть изъ нашихъ стариковъ запоздалъ за дорогой, думаю, гляжу, а это ты...

— Я развѣ молодой, по твоему?.. пробормоталъ, усмѣхаясь, мужикъ.

Онъ надѣлъ шапку, взглянулъ на дѣвушку и прибавилъ:

— Что такъ поздно собралась?

— И сама не рада, да что станешь дѣлать! раньше нельзя никакъ. Хозяева велѣли нести въ церковь куличъ, пасху и яйца, велѣли да ушли... Я дожидалась, пока куличъ испечется... послѣ обѣда только поставили...

— Ну, ладно, пойдемъ вмѣстѣ... все веселѣе будетъ!

— Пойдемъ!

Дѣвушка торопливо подняла узелокъ, Андрей поправилъ шапку, и оба, ставъ рядышкомъ, продолжали взбираться на гору. Крутизна ли дороги, или тяжесть ноши на груди Андрея тому способствовали, но только сердце его билось почему-то сильнѣе; грустныя мысли, бросавшія тѣнь на лицо его, мигомъ разсѣялись; свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось въ душѣ пахаря.

— Что ты несешь? спросила послѣ минутнаго молчанія Дарья, кивнувъ головою на грудь своего спутника, приподнятую спавшимъ подлѣ нея ребенкомъ.

Андрей взглянулъ на дѣвушку и засмѣялся.

— Что ты смѣешься?..

— Угадай! произнесъ онъ, прикоснувшись слегка къ полушубку.

Дѣвушка остановилась, сдѣлала шагъ къ мужику и

съ любопытствомъ пригнулась къ полушубку: въ эту минуту ребенокъ проснулся, открылъ глаза, протянулъ ножки и, взглянувъ въ лицо Дарьи, молча обвилъ ея шею рученками. Андрей по неволѣ долженъ былъ наклониться къ своей спутницѣ.

— А! такъ вотъ это кто!., сказала Дарья, разглаживая одной рукой волосы дѣвочки, тогда какъ другая рука ея старалась, но тщетно, отвести руки ребенка:—ну, полно, Ласточка, пусти меня... Послушай, Андрей, прибавила она, очутившись на свободѣ: — дай мнѣ, я понесу ее...

Ребенокъ потянулся къ дѣвушкѣ и сказалъ, что хочетъ къ ней на руки.

— А развѣ тебѣ тетушку Дарью не жаль сказалъ отецъ убѣдительно: — вишь мы теперь въ какую гору идемъ; и безъ тебя ей тяжело, съ тобою — и совсѣмъ умается... Пойдемъ подъ гору—ступай къ ней, слова тогда не скажу.

Ласточка свернулась по прежнему клубочкомъ подъ кожухомъ, но такъ, однакожъ, чтобы можно было глядѣть на дорогу.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, впродолженіе которыхъ Андрей раздумывалъ, что́ бы такое сказать своей спутницѣ. Дарья также не говорила ни слова, думая, вѣроятно, о томъ же. Обоимъ, видимо, стало почему-то неловко.

— Ты что это, Дарья, несешь? спросилъ наконецъ Андрей не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Куличъ, пасху и яйца несу святить, отвѣчала дѣвушка, поднявъ голову.—А гдѣ же твоя пасха? спросила она, оглядывая, Андрея.

— Гдѣ моя пасха?.. возразилъ вздохнувъ, пахарь.

— Что жъ, развѣ нѣтъ у тебя? Экой ты какой! да ты бы къ намъ понавѣдался, попросилъ бы мою хозяйку... Она не стала бы перечить. У насъ много творогу осталось.

— Нѣтъ, Дарья, тошно ходить по людямъ, я и такъ, кажись, всѣмъ прискучилъ своею бѣдностью: нынче попросишь, завтра попросишь, а напослѣдяхъ и языкъ не

повернется... Тошно такъ-то канючить, когда самъ, бывало, ни въ чемъ не нуждался!.. Что говорить! своей доли не переможешь; такъ, знать, Творцу угодно... А давно ли, кажись, давно ли, вотъ шелъ я, какъ нынче иду съ тобою къ святой заутрени? были у меня и куличъ и пасха, хошь и не больно велики, а все же не безъ нихъ шелъ, было чѣмъ встрѣтить праздникъ Господень! Шла со мной тогда и хозяйка... Помнишь? добрая была, дай ей Господь Богъ царствіе небесное! А теперь все отошло отъ меня, остался сирота круглый... Тяжко, что говорить! а все, кажись, легче, коли кой-какъ самъ собой перемогаешься... Горекъ чужой хлѣбъ! ты чай и сама это вѣдаешь? прибавилъ онъ, взглянувъ на дѣвушку, которая шла подлѣ него молча, опустивъ голову. — Вотъ, повѣришь-ли, до чего дошелъ, продолжалъ Андрей, придерживая Ласточку, которая не отрывала темныхъ глазъ отъ блѣднаго лица пахаря;—до того дошелъ, что нынче не было чѣмъ печь истопить: хворостина вся вышла, солома также, а купить не на что... Да чего! гроша нѣтъ на свѣчку; какъ вернусь домой съ заутрени, нечего будетъ поставить передъ образомъ...

Рука Дарьи быстро опустилась за пазуху и, секунду спустя, вынула клинушекъ холста, плотно связанный узломъ; она торопливо развязала зубами узелокъ, въ которомъ оказались два гроша, и, подавая одинъ изъ нихъ Андрею, сказала:

— Возьми... у меня два...

— Зачѣмъ?.. пробормоталъ Андрей, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Пригодится на свѣчку, отвѣчала Дарья, положивъ грошъ въ руку Андрея и, принимаясь поправлять узелокъ на плечахъ.

Андрей хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на сиротку, замялся, махнулъ рукою и сжавъ грошъ въ ладони, продолжалъ подыматься.

Минуту спустя, оба они очутились на вершинѣ горы, откуда открывались необозримыя поля, посреди которыхъ чернымъ, неопредѣленнымъ пятномъ раскидывалось село. Избушки, сараи и ветлы, ихъ осѣнявшія, сливались въ

одну темную, непроницаемую массу, и только въ маленькихъ окнахъ деревянной церкви, которой остроконечная кровля четко вырѣзывалась на свѣтломъ небѣ, мелькало и бѣгало несмѣтное множество огоньковъ. Когда Андрей и Дарья остановились, первый, чтобы передать сироткѣ свою дочку, вторая, чтобы принять ее, звуки колокола, смолкнувшіе на время, снова охватили окрестность.

IV.

Вскорѣ достигли они села, обогнули его задами, чтобы избавиться отъ собакъ, и очутились на тонкомъ, хворостинномъ мосту. Направо отъ моста, за поворотомъ рѣчки, сверкавшей какъ лезвіе косы, въ крутыхъ берегахъ, подымалась мельница, казавшаяся съ своими ветлами какою-то черною глыбой; налѣво, изъ-за небольшого косогора выглядывали кресты сельскаго погоста; прямо вилась дорога на бугоръ съ возвышавшеюся на немъ церковью, мрачною и старинною; ее окружали со всѣхъ сторонъ крытые навѣсы и выступы, изъ-подъ которыхъ ярко свѣтились окна. Дарья передала Андрею Ласточку, взяла свой узелокъ и, немного погодя, оба поднялись на паперть, а оттуда проникли въ церковь.

Церковь раздѣлялась пополамъ на два придѣла и вторая половина, въ которой совершалось богослуженіе, залитая ослѣпительнымъ блескомъ свѣчей и паникадила, рѣзко отдѣлялась отъ первой, оставшейся въ полумракѣ. Народу собралось такое множество, что нечего было и думать пробраться ко второму придѣлу. Отдѣленный толпою отъ Дарьи, Андрей кой-какъ протискался, однакожъ, между рядами прихожанъ, купить на грошъ тоненькую, желтую свѣчку, и достигнулъ угла, откуда можно было видѣть часть алтаря и своды, увѣшанные иконами. Немало стоило также трудовъ Андрею, чтобы угомонить Ласточку; обвивъ рученками шею отца и устремивъ глаза на ярко блиставшую часть церкви, она не переставала его засыпать вопросами. «Это что?.. это что?..» спрашивала она поминутно, ласково поворачивая за подбородокъ

голову отца. Мало-по-малу, однакожъ, головка дѣвочки опустилась на отцовское плечо, и сладкій сонъ оковалъ ея члены. Андрей бережно опустилъ дочку на полъ, прислонилъ ее къ углу, зажегъ свѣчку, перекрестился и сталъ вслушиваться въ чтеніе евангелія.

Тишина, царствовавшая въ первомъ придѣлѣ, располагала какъ нельзя лучше къ молитвѣ. Изрѣдка лишь прерывала Андрея старушка сосѣдка, которая, постучавъ ему по плечу свѣчкой, просила его передать ее сосѣду и поставить ее къ образу. Андрей бралъ свѣчку, стучалъ такимъ же порядкомъ въ плечо сосѣда, передавалъ ему просьбу старухи и снова углублялся въ молитву. Опустившись на колѣни и устремивъ глаза въ пропадавшую глубину церковнаго свода, Андрей, казалось, одно время забылъ все окружающее. Усердно молился бѣдный пахарь. Онъ молилъ Бога укрѣпить его духомъ, чтобы вынести терпѣливо и безропотно бѣдность и горе, его постигшее, молилъ ниспослать ему утѣшеніе и радость въ родномъ дѣтищѣ, молилъ не покидать его, горькаго, въ тоскѣ и кручинѣ сердечной...

Внезапно радостное, торжественное пѣніе послышалось съ клироса; свѣчи въ рукахъ прихожанъ угасли, какъ будто однимъ дуновеніемъ, и дымъ отъ нихъ, смѣшиваясь съ дымомъ ладона, потянулся легкимъ, фіолетовымъ облакомъ въ темную даль свода. Народъ задвигался и заволновался. Веселье проглядывало на всѣхъ лицахъ; торжественное пѣніе, смѣшиваясь съ радостными восклицаніями «Христосъ воскресъ!» раздалось во всѣхъ концахъ и огласило всю церковь. Всѣ цѣловались и обнимали другъ друга. Немало поцѣлуевъ пришлось также на долю Андрея. Едва-едва поспѣвалъ онъ отвѣчать тѣмъ же. Всѣ почему-то тѣснились вокругъ него. Зная его бѣдность, каждый почти навязывалъ ему кусокъ кулича, пасхи, или красное яйцо. Было теперь чѣмъ разговѣться бѣдняку!..

Андрей провелъ ладонью по глазамъ своимъ, поднялъ на руки дочку, перекрестилъ ее, вышелъ изъ церкви и вскорѣ очутился на дорогѣ. Вездѣ попадались веселыя лица сосѣдей, возвращавшихся цѣлыми семьями по до-

мамъ; отовсюду раздавались радостныя, привѣтливыя восклицанія брата брату, мужа женѣ, отца или дѣда къ дочери, или сыну... Спускаясь съ горы къ Выселкамъ, Андрей увидѣлъ ряды огоньковъ, блиставшихъ въ избушкахъ; онъ обратилъ глаза къ околицѣ: одна его лачужка глядѣла темнымъ пятномъ...

V.

Когда онъ пришелъ домой, внутренность избушки показалась ему еще непривѣтливѣе ея наружности. Мрачно и холодно! Андрей снялъ съ себя кожухъ, закуталъ въ него спавшую Ласточку и уложилъ ее на лавочку. Уставивъ столъ обломками кулича и пасхи, полученными въ церкви, онъ нащупалъ кончикъ желтой восковой свѣчки, тщательно сбереженной имъ послѣ заутрени, и подавивъ вздохъ, подошелъ къ печкѣ. Онъ отодвинулъ заслонку и принялся шарить въ загнеткѣ [1]). Тутъ только вспомнилъ Андрей, что печь его не топилась нѣсколько дней, и что нечѣмъ было ему засвѣтить свѣчки передъ образомъ. Тоска одолѣла его. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ какой-то тяжелой нерѣшимости и наконецъ покинулъ избу.

Улица, исполосованная свѣтомъ, выходившимъ изъ оконъ, ярко выступала изъ мрака; говоръ и восклицанія, раздававшіеся внутри избушекъ, придавали Выселкамъ что-то праздничное. Очутившись на улицѣ, Андрей направился прямо къ сосѣдней избѣ. Онъ приблизился къ заваленкѣ и постучался въ окно.

— Кто тамъ? отозвался хриплый, разбитый голосъ.

— Я... Андрей...

— Чего тебѣ?

— Ссуди огонькомъ, тетушка Анна, нечѣмъ лучины вздуть...

Окно поднялось; изъ него выглянуло сморщенное лицо старушонки.

---

[1]) Такъ называютъ лѣвый уголъ въ печкѣ, куда обыкновенно загребаютъ жаръ.

— Вишь нашелъ время огня просить! нешто не вѣдаешь, нонѣ день какой?.. Самъ, небось, не топилъ печки, да на сторону ходишь!..

— Что-жъ, тетушка Анна, не убудетъ у тебя: — полно! произнесъ Андрей, качнувъ головой.

— То-то не убудетъ, не убудетъ! подхватила старушка полушутливо, полуворчливо; — а ты, касатикъ, поди къ сосѣдямъ, что они тебѣ скажутъ... Словно, право, новый ты человѣкъ, не знаешь...

— Ну, Господь съ тобой, коли такъ! отвѣчалъ Андрей, повернулся и пошелъ на противоположный конецъ улицы—стучаться въ другое окно.

Но изъ этого окна вышелъ тотъ-же отвѣтъ. Онъ повернулся въ третье, въ четвертое — никто не рѣшался исполнить его просьбу, каждый отсылалъ его къ сосѣду [1]).

Понуривъ голову, съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращался Андрей домой; онъ уже подходилъ къ воротамъ, когда, поднявъ голову, остановился и невольно устремилъ глаза за околицу.

Тамъ, далеко-далеко, въ темной, пустынной равнинѣ, дрожалъ огонекъ.

«Должно быть, чумаки какіе, либо обозники собрались на ночевье, подумалъ Андрей.—А что, пойду-ка я къ нимъ: авось не отгонятъ!» присовокупилъ онъ, направляясь къ свѣтящейся точкѣ, которая между тѣмъ разгоралась и увеличивалась.

Андрей ускорилъ шагъ и вскорѣ очутился подлѣ огня.

Десятка два подводъ, съ пригнутыми кверху оглоблями, обступали серпомъ костеръ изъ древесныхъ сучьевъ, надъ которымъ висѣлъ котелъ. Подлѣ подводъ и немного поодаль лежали волы, казавшіеся огромными мѣловыми

---

[1]) Въ большіе праздники и особенно наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья рѣдкій поселянинъ рѣшится дать сосѣду огня, изъ опасенія, чтобы требуемое взаемъ не вывелось изъ дому. То же соблюдается и въ тѣ дни, когда въ полѣ въ первый разъ засѣваютъ. Если у кого-нибудь изъ сѣющихъ недостанетъ хотя одного гарнца сѣмени, будь онъ братъ родной, другой не одолжитъ ему зерна на полѣ, боясь, чтобы не вывелся у него хлѣбъ и не перешелъ къ другому.

глыбами посреди глубокой тѣни, наброшенной на нихъ подводами и спинами чумаковъ, заслонившихъ пламя. Чумаки сидѣли рядышками и, поджавъ подъ себя ноги, тѣсно окружали костеръ. Смуглые, усатые, покрытые загаромъ и дегтемъ, они не трогали ни однимъ членомъ, не произносили ни одного слова только движеніе пламени, бросая поперемѣнно свѣтъ, или черныя тѣни, оживляло ихъ лица съ мрачно нависнувшими бровями. Погруженные въ молчаливое раздумье, они, казалось, не замѣчали посторонняго лица.

— Здравствуйте, братцы! произнесъ Андрей, подходя ближе.

— Здравствуй и ты! отозвались въ одинъ голосъ сидѣвшіе.

— Хлѣбъ да соль, братцы! — Христосъ воскресъ! — присовокупилъ Андрей, нагибаясь къ первому, сѣдому какъ лунь, старику съ бѣлыми какъ снѣгъ усами.

Старикъ медленно приподнялся съ своего мѣста, сотворилъ крестное знаменіе, произнесъ: — «Воистину воскресъ!», провелъ ладонью по усамъ и поцѣловался съ Андреемъ. Такимъ образомъ Андрей обошелъ весь кружокъ, и перецѣловавшись съ каждымъ, вернулся снова къ старику, который сидѣлъ уже передъ огнемъ.

— А я, братцы, вотъ зачѣмъ, началъ онъ, оглядывая присутствующихъ, которые по прежнему стали неподвижны:—я вотъ зачѣмъ: не ссудите ли вы меня огонькомъ?..

— Изволь! отрывисто сказалъ старикъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ засучилъ по-локоть прорванные рукава рубахи, запустилъ жилистыя, обнаженныя руки въ самую середину костра, который яростно трещалъ, метая золотыя искры въ темно-синее небо, и набравъ полныя пригоршни пылающаго угля, подалъ ихъ Андрею, промолвивъ:

— Держи полу!

«Что-жъ, подумалъ Андрей: — коли Христовъ человѣкъ своими руками, творившими крестное знаменіе, жаръ загребаетъ и не обжигается, бояться знать нечего: и моя грѣшная пола не прожжется!..»

Онъ подставилъ полу подъ руки старика; старикъ высыпалъ въ нее пылающій уголь и снова повернулся къ костру.

— Спасибо вамъ, братцы, за добро ваше! сказалъ Андрей, кланяясь.

— Съ Богомъ! отвѣчалъ старикъ.

— Съ Богомъ! повторили въ одинъ голосъ остальные чумаки.

Андрей поклонился еще разъ и бѣгомъ, безъ оглядки, пустился домой.

VI.

Войдя въ избу, Андрей высыпалъ уголь подлѣ заслонки и, убѣдившись хорошенько, что пола его была цѣла, вздулъ лучину. Минуту спустя, кончикъ желтой восковой свѣчи затеплился въ красномъ углу передъ иконой и, смѣшавшись съ свѣтомъ лучинки, озарилъ избушку яркимъ блескомъ. Все вокругъ какъ бы улыбнулось и повеселѣло. Даже у самого Андрея отлегло отъ сердца. Вѣрный святому обряду, онъ разбудилъ Ласточку, усадилъ ее на лавку противъ обломковъ кулича и пасхи, перекрестилъ ребенка, самъ перекрестился, и оба принялись разговляться. Трапеза приближалась уже къ концу, когда кто-то неожиданно постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ Андрей.

— Я, я, касатикъ! отвѣчалъ разбитый голосъ.

Дверь скрипнула, и въ избу вошла сгорбленная, сморщенная старушонка.

— Это ты, тетушка Анна!.. добро пожаловать!.. Ну, тетушка: «Христосъ воскресъ!» весело произнесъ Андрей, подходя къ сосѣдкѣ и принимаясь обнимать ее.

— «Воистину воскресъ!» касатикъ... воистину:—охъ, родной ты мой!.. а я чаяла, ты серчать на меня станешь...

— Съ чего-жъ серчать: всякъ властенъ въ добрѣ своемъ, тетушка Анна; ты пожалѣла ссудить огонькомъ— ссудили другіе... Видитъ Богъ, я на тебя не серчаю... Скажи, зачѣмъ пришла?

— Касатикъ! начала старушка, скрестивъ руки на

груди и наклонивъ на бокъ голову. — Касатикъ, продолжала она заискивающимъ голосомъ: — одолжи кочергу! родной: ребятенки затащили нашу ни вѣсть куда; бились, бились, —не найдемъ; хлѣбы поспѣли, а вынуть нечѣмъ...

— Только-то!.. э!.. есть о чемъ разговаривать!.. бери...

— Охъ, касатикъ ты мой! да гдѣ жъ она у тебя?

— А вонъ тамъ, у печки.

Старушка подошла къ печкѣ и начала шарить. Вдругъ она всплеснула руками, нагнулась къ заслонкѣ, вскрикнула, опять всплеснула руками и заметалась какъ угорѣлая.

— Батюшки! касатики вы мои!.. Охъ, Андрей! подь сюда; погляди-ка, что это у тебя!.. Охъ, родные вы мои!.. ахъ!.. ахти, Господи!..

— Что ты, тетушка?.. что съ тобой? произнесъ Андрей, подбѣгая къ сосѣдкѣ.

— Погляди-кась, продолжала она, указывая на то мѣсто, куда Андрей высыпалъ уголь.

— Ну, что жъ? уголь!.. Что ты?

— Какой уголь!.. Ахъ ты, простой сынъ!.. погляди-ка, погляди... деньги! Батюшки, касатушки... ворохъ... цѣлый ворохъ денегъ...

Андрей подошелъ ближе и остановился какъ вкопанный. На мѣстѣ золы и угля сверкали двѣ добрыя пригоршни золота!

— Я тетушка, не знаю... пробормоталъ пахарь, крестясь и отступая:—видитъ Богъ, не знаю...

— Какъ не знаешь?.. да отколь же у тебя? слышь ты... охъ! воскликнула старушка, снова всплеснувъ руками.

— Видитъ Богъ, не знаю, тетушка Анна!.. пошелъ я за огнемъ... чумаки стоятъ у насъ въ полѣ... они мнѣ насыпали... двѣ пригоршни насыпали...

— Чумаки! батюшки! двѣ пригоршни!.. ахти, Господи!.. касатики вы мои! воскликнула старушка и, не договоривъ остального, бросила кочергу и кинулась со всѣхъ ногъ изъ избы.

Всѣ мысли заходили кругомъ въ головѣ Андрея; нѣсколько минутъ стоялъ онъ какъ прикованный къ полу; наконецъ подошелъ къ печкѣ, перекрестился и притро-

нулся къ блистающей горкѣ, которая зазвенѣла подъ руками его; точно передъ нимъ лежали цѣлыхъ двѣ пригоршни золотыхъ червонцевъ, одинъ другого краше и лучше. Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ пахаря; крики и шумъ, раздававшіеся на улицѣ, заставили его, однакожъ, скоро опомниться; полный неопредѣленнаго страха, онъ плотно заперъ за собой дверь и выбѣжалъ за ворота.

На улицѣ происходила какая-то суматоха и сутолока; всѣ бѣгали изъ конца въ конецъ какъ шальные; всѣ кричали и суетились. Посреди всеобщаго гама раздавались пронзительныя восклицанія Анны: — «Батюшки, свѣтики мои! Чумаки въ полѣ у насъ! охъ!.. чумаки деньгами обдѣляютъ... Андрею... сама видѣла... двѣ пригоршни насыпали!..» Только и слышно было: — «Гдѣ? какіе чумаки? ой-ли? пойдемъ туда!.. скорѣй!.. тащи рѣшето! тащи ведро!.. бери горнушку!.. скорѣй, вотъ они!.. туда! туда!..»

Андрей провелъ ладонью по головѣ, потомъ протеръ глаза и взглянулъ за околицу. Посреди темной равнины все еще пылалъ костеръ.

— Что такое, Андрей? что они? произнесъ тихій голосъ за спиною пахаря.

Андрей обернулся. Передъ нимъ стояла Дарья.

— Куда это бѣжитъ народъ? продолжала сиротка: — что съ ними?.. слышь, слышь... твое имя поминаютъ... вонъ... ну, всѣ ударили за околицу!..

— Чумаки! могъ только проговорить Андрей, указывая дрожащею рукою на костеръ, пылавшій въ отдаленіи: — я пошелъ къ нимъ, за огнемъ... они насыпали мнѣ двѣ пригоршни угля, пришелъ домой, смотрю: деньги!..

— Что ты, какія деньги?

— Деньги... всѣ на подборъ золотыя... Ступай, погляди сама, коли не вѣришь...

Сиротка оглянулась на стороны и, сопровождаемая Андреемъ, вошла въ избу.

— И взаправду!.. вотъ диковинка, сколько ихъ! воскликнула дѣвушка: — а гдѣ же Ласточка?.. Ласточка, Ласточка! подь сюда скорѣй, продолжала она, поднявъ на

руки ребенка и подходя съ нимъ къ печкѣ:—погляди-ка, погляди, что у тятьки!.. Батюшки, и не пересчитаешь!.. Плакался ты, Андрей, на свою бѣдность: вотъ Богъ и послалъ тебѣ... теперь ты богатъ!.. Богаче тебя у насъ въ Выселкахъ не будетъ! прибавила она, устремляя блиставшіе отъ радости глаза на лицо пахаря.

Сердце сильно застучало въ груди Андрея; онъ взглянулъ на золото, потомъ на дѣвушку, отступилъ шагъ и произнесъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:

— А пойдешь за меня замужъ, Дарья?..

— Пойду!.. отвѣчала она, опустивъ голову и принимаясь перебирать съ необыкновенною поспѣшностью окраину передника.

. . . . . .

Народъ изъ Выселокъ успѣлъ между тѣмъ давно очутиться подлѣ костра.

— Батюшки, родные вы наши, касатики, ненаглядные! кричали наперерывъ двадцать человѣкъ, тискаясь другъ на дружку и обступая чумаковъ, которые сидѣли по прежнему, такъ же неподвижно: — не оставьте насъ: ссудите огонькомъ, родные вы наши!..

— Изволь! произнесъ наконецъ старшій изъ чумаковъ, тотъ самый, къ которому обращался Андрей.

— Батюшки, касатики, родные! закричали въ одинъ голосъ выселовцы, громоздясь какъ угорѣлые другъ на дружку и подставляя кто руки, кто рѣшето, кто ведра.

Старикъ засучилъ рукава и, не поворачивая головы къ обступившему его народу, прибавилъ:

— Много васъ... не хватитъ помногу, мы думали одинъ...

— Золотой ты мой, хоть пригоршенку! закричала Анна, просовывая отчаянно между руками и головами сосѣдей подолъ новой понявы.

— Хошь уголечекъ, касатикъ! крикнула другая, подставляя рѣшето.

— Сюда, сюда, дѣдушка!.

— Охъ, мнѣ не досталось! пропустите!.. ой, касатики, пропустите!..

— Держи полу! сказалъ старый чумакъ, запуская

руки въ костеръ и выгребая остатокъ горячаго угля въ подставленные зипуны, подолы и шапки.

Такимъ образомъ всѣ были надѣлены.

— Съ Богомъ! произнесъ отрывисто старый чумакъ, насупливая брови и поворачиваясь къ костру.

— Съ Богомъ! промолвили другіе чумаки.

Но выселовцы ничего уже не слышали. Они стремглавъ бѣжали къ околицѣ, поддерживая руками полы зипуновъ и кармановъ. Очутившись на улицѣ, выселовцы поубавили шагъ.

— Ой, батюшки! воскликнула неожиданно тетка Анна, останавливаясь посреди тѣснившихся вокругъ нея сосѣдей.

— Охъ, касатики! внезапно послышалось съ другой стороны бѣжавшей толпы.

— Что тамъ?

— Ухъ! пронзительно взвизгнулъ кто-то въ другомъ концѣ.

— Обманули, разбойники! заголосила вдругъ Анна, выпуская полу, изъ которой валилъ чадъ и сыпался уголь.

— Батюшки, горю! крикнула другая баба.

— Тушите, тушите, понява горитъ!.. ой, зипунъ! новый зипунъ! обманули!.. туши! туши! ахъ! заголосили въ одинъ голосъ на улицѣ Выселокъ.

И всѣ, сколько ни было народу, опустили подолы, побросали шапки и запрыгали другъ подлѣ друга.

Какъ только прошелъ первый страхъ, всѣ оглянулись къ околицѣ. Но костра уже не было. Вдалекѣ лишь, посреди темной равнины, слышался скрипъ телѣгъ и мѣрный топотъ воловъ, который постепенно умолкалъ и терялся...

— Держи ихъ! крикнулъ кто-то изъ толпы.

Но никто не послушался этого крика. Ощупывая полы прожженной одежды и повѣсивъ головы, выселовцы печально расходились по домамъ.

Можно смѣло утверждать, что одинъ Андрей былъ счастливъ и веселъ въ этотъ вечеръ. Онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь, никогда не встрѣчалъ онъ такъ

радостно Свѣтлаго праздника! Едва блеснулъ день, Андрей не выдержалъ и вышелъ за ворота. Утро было чистое и ясное. Народъ сбирался на улицѣ. Длинная плетеница парней и дѣвушекъ, впереди которыхъ шла Дарья, выходила за околицу (выкликать весну). Звонкая пѣсня огласила окрестность:

Весна, весна, красная!
Приди, весна, съ радостью!
Весна, красна,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ!..

И никогда еще ни одна пѣсня не отзывалась такъ радостно въ кроткой душѣ Андрея!

СВИСТУЛЬКИНЪ.

I.

Поверхностныя наблюденія.

Съ нѣкоторыхъ поръ, на Невскомъ проспектѣ сталъ показываться одинъ молодой человѣкъ, совершенно никому неизвѣстный. А такъ какъ нѣтъ возможности показаться на Невскомъ нѣсколько разъ сряду, чтобы не быть замѣченнымъ привычными посѣтителями этой замѣчательной улицы, то естественнымъ образомъ, и молодой человѣкъ былъ замѣченъ. Въ наружности его и пріемахъ не было ничего, особенно рѣзко бросающагося въ глаза; одно развѣ: онъ поминутно оглядывалъ свои сапоги и перчатки и вообще казался очень довольнымъ своею физіономіею и туалетомъ—очевидно, однакожъ, пріобрѣтеннымъ по случаю и въ разные сроки. Но это ничего не значитъ. Уже довольно было явиться новому лицу, чтобы возбудить вниманіе. Послѣднее обстоятельство покажется страннымъ и даже, въ нѣкоторой степени, невѣроятнымъ провинціальному жителю; мудренаго нѣтъ: усердно перечитывая петербургскіе фельетоны и по нимъ составляя себѣ понятіе о Петербургѣ, легко оставаться въ заблужденіи касательно этого города.—Какъ! воскликнетъ читатель фельетоновъ:—

какъ! и посреди этого «шумно волнующагося моря головъ». въ этомъ «пестромъ цвѣтникѣ, движущемся отъ Полицейскаго моста до Аничкина!» — въ этомъ «великолѣпномъ каскадѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ тысячъ шляпокъ, шалей, бантовъ, галстуковъ, хорошенькихъ личекъ, жилетовъ и бакеновъ?» — и вы хотите, чтобы посреди всего этого можно было замѣтить новое лицо, и притомъ лицо не имѣющее въ себѣ ничего особеннаго! Да это просто невозможно — это явная нелѣпица!.. Все это приводитъ меня только къ заключенію, что вы незнакомы съ Петербургомъ, или, по крайней мѣрѣ, знаете его по однимъ фельетонамъ. Я вообще какъ-то не склоненъ къ фантастическому и потому никакъ не могу сравнить гуляющихъ по Невскому съ океаномъ, клубящимъ свои атласныя, бархатныя и шляпныя волны. Не знаю, какъ это дѣлается, но мнѣ казалось всегда, какъ будто весь людъ, гуляющій по Невскому проспекту, составленъ неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же лицъ — право такъ. Сколько разъ случалось разставаться съ Петербургомъ и разставаться надолго. Пріѣзжаешь назадъ, выходишь на Невскій — и повѣрите ли? — заранѣе знаешь, кого встрѣтишь, и даже на какомъ мѣстѣ. Не знаю, какъ съ другими, но со мною вотъ что постоянно происходитъ: едва повертываешь изъ Караванной, тотчасъ же и наталкиваешься на господина съ желчной физіономіей, портфелемъ подъ мышкой, и руками, глубоко запрятанными въ карманы; не знаешь, разумѣется, кто онъ и откуда, хотя радуешься ему какъ пріятелю — и онъ кажется узналъ васъ и улыбнулся; далѣе, попадается высокая статная дама съ орлинымъ носомъ, величавою поступью, дама съ мохнатой желтой муфтой и такими бровями, какія встрѣчаются на портретахъ персидскихъ шаховъ; слѣдомъ за нею выступаетъ кругленькій, гладкообстриженный толстякъ, съ добродушной улыбкой на добродушномъ лицѣ: фамилія его и занятія вамъ незнакомы, но вы давно уже прозвали его «имянинникомъ», и вамъ пріятно его встрѣтить на своемъ мѣстѣ. — «Боже! какъ посѣдѣлъ этотъ старичокъ!» думаете вы, покачивая головою и слѣдя глазами за новымъ знакомымъ - незнакомцемъ, который, припадая съ

ноги на ногу и склонивъ кудрявую сѣдую голову къ плечу, проплелся мимо.—«Ужъ не случилось ли съ нимъ несчастія въ мое отсутствіе?.. Болѣзнь, можетъ быть?.. параличъ?..» И снова новыя встрѣчи, и т. д. до безконечности, или вѣрнѣе, до Полицейскаго моста. Но вы еще не досчитались: вамъ какъ словно недостаетъ кого-то... вы заботливо начинаете перебирать въ памяти знакомыя лица... Точно, недостаетъ старичка, постоянно лѣтъ десять, прогуливающагося съ двумя пожилыми дочками въ розовыхъ шляпкахъ.—«Неужто онъ умеръ?» думаете вы, и сердце ваше сжимается. Но опасенія ваши неосновательны: какъ разъ противъ Большой Морской вы сталкиваетесь съ почтеннымъ старцемъ и его пожилыми дочками въ розовыхъ шляпкахъ, и онѣ васъ узнали; едва вы прошли дальше, онѣ пригнулись другъ къ другу, какъ бы бесѣдуя о долгомъ вашемъ отсутствіи и благополучномъ возвращеніи. Кому знакомъ Невскій проспектъ и его публика, тотъ вѣрно испытывалъ тоже самое. Въ этихъ встрѣчахъ, повѣрьте, есть даже что-то трогательное, умиляющее душу и невольно заставляющее вѣрить въ привязанность и память сердца. Чтожъ мудренаго, послѣ всего сказаннаго, если появленіе новаго незнакомаго лица заинтересовало привычныхъ посѣтителей тротуара солнечной стороны?

Наружность его, какъ я уже замѣтилъ, ничѣмъ уже не отличалась; она была непривлекательна — вотъ и все. Никто не удивится послѣ этого, если онъ старался придать ей нѣкоторую пріятность; но выходило всегда, что чѣмъ больше стремился онъ къ такой цѣли, тѣмъ меньше достигалъ ее. Ступивъ на тротуаръ Невскаго проспекта, онъ выпрямлялъ спину и голову, проявлялъ на бѣловатомъ лицѣ улыбку, покачивался раза два корпусомъ какъ бы для пробы, и наконецъ смѣшивался съ гуляющими. Во все время прогулки онъ не переставалъ покачиваться, постоянно держалъ правую руку и крючокъ тросточки въ правомъ карманѣ пальто и кивалъ глазами направо и налѣво съ самымъ разсѣяннымъ, безпечнымъ видомъ. Но какъ только издали показывались дамы, онъ замедлялъ шагъ; за десять шаговъ до встрѣчи, тускло-голубоватые

глаза его, окруженные красными вѣками — онъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, мылъ ихъ мыломъ каждый день по нѣсколько разъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого они пріобрѣтаютъ особенный блескъ и свѣжесть — глаза его начинали постепенно съуживаться, а въ минуту самой встрѣчи дѣлались чрезвычайно похожими на глаза умирающаго теленка: вся его фигура принимала тогда необычайное сходство съ вертлявою фигуркой англійской леврeтки, прыгающей на заднихъ лапкахъ. Лицо его, напротивъ, дѣлалось чрезвычайно серьезнымъ и даже строгимъ при встрѣчахъ съ особами мужского пола; выраженіе строгости смягчалось не иначе, какъ когда встрѣтившійся мужчина принадлежалъ къ высшему обществу, носилъ громкое имя или одѣвался съ особенною изысканностью.

Онъ приходилъ на Невскій регулярно каждый день въ два часа и пробывалъ здѣсь до пяти включительно; иногда являлся даже по вечерамъ; изъ этого я смѣло заключилъ, что онъ не былъ ни приказчикомъ изъ моднаго магазина, ни комедіантомъ, ни парикмахеромъ; не могъ онъ также служить въ конторѣ — словомъ, былъ безъ должности. Мнѣ никогда не приходилось видѣть его съ пріятелемъ, или вступающимъ въ разговоръ съ кѣмъ бы то ни было; онъ часто, однакожъ, раскланивался съ дамами, проѣзжавшими въ каретахъ, хотя дамы эти никогда не отвѣчали ему на поклонъ и казались скорѣе удивленными, чѣмъ обрадованными такимъ изъявленіемъ учтивости; легко было догадаться, что кругъ его знакомства довольно тѣсенъ. Время свое проводилъ онъ очень однообразно: сдѣлавъ одинъ конецъ по Невскому, онъ становился на верхнюю ступень при входѣ въ Пассажъ и, закинувъ правую ногу за лѣвую, стоялъ такимъ образомъ минутъ пять; потомъ дѣлалъ новый конецъ и снова возвращался на ступеньки Пассажа; но, какъ мнѣ казалось, все это происходило въ тѣхъ только случаяхъ, когда у него были новые сапоги и онъ могъ похвастать ими съ высоты пассажныхъ ступеней: въ другихъ случаяхъ, онъ не покидалъ тротуара и, сколько могъ я высмотрѣть, видъ его былъ тогда какъ-то раздражительно-грустенъ.

Жилеты свои мѣнялъ онъ часто, но часовая цѣпочка оставалась неизмѣнно одна и та же; самъ не знаю почему, но цѣпочка эта, съ нѣкоторыхъ поръ, стала казаться мнѣ подозрительною; разъ я подошелъ къ нему и попросилъ сказать, который часъ; онъ торопливо отвернулся въ другую сторону и сдѣлалъ видъ, какъ будто ничего не слышитъ; я снова повторилъ вопросъ: «извините... отвѣчалъ онъ съ сожалѣніемъ, сквозь которое проглянуло явное неудовольствіе; извините, часы мои остановились..» и быстрыми шагами пошелъ впередъ. Что жъ мнѣ оставалось дѣлать, посудите сами? что жъ оставалось дѣлать, если не пожалѣть объ отсутствіи часовъ въ карманѣ молодого человѣка? Я никогда не видалъ его въ галошахъ и постоянно изумлялся искусству, съ какимъ переходилъ онъ грязную улицу; онъ вывертывалъ какъ-то особенно ноги и ставилъ ихъ съ неподражаемою ловкостью въ слѣды прошедшихъ прежде него людей; въ крайнихъ случаяхъ, когда грязь или мокрый снѣгъ лежали сплошною массою, онъ отчаянно, со всѣхъ ногъ кидался впередъ, разбивалъ подошвами грязь—и выходилъ всегда на тротуаръ съ чистыми почти сапогами. Трогательно было видѣть, какъ обходился онъ съ своей шляпой: онъ никогда не прикасался пальцами къ передней части борта, но всегда приподымалъ ее, взявшись за боковые края; публичныя увеселенія, какъ-то выставки и концерты, гдѣ при входѣ снимаютъ шляпы, которыя при выходѣ оказываются превращенными въ блинъ, рѣдко посѣщались молодымъ человѣкомъ. Шляпные эти эпизоды болѣе важны, чѣмъ думаютъ; всѣ части туалета, начиная съ сапогъ, жилетовъ, галстуковъ и кончая завивкой часто обманываютъ насъ касательно финансоваго состоянія ихъ владѣльца; шляпа, замѣтьте, никогда не обманетъ; шляпа единственный предметъ мужского туалета, который нельзя взять въ долгъ; она покупается не иначе, какъ на чистыя деньги. Внимательность къ шляпѣ, естественнымъ образомъ, привела меня къ мысли, что молодой человѣкъ далеко не въ блестящемъ положеніи; вскорѣ явились еще и другія подтвержденія такой мысли.

Я самъ былъ когда-то бѣденъ и съ тѣхъ поръ у меня

остался особенный тактъ узнавать бѣдняка подъ самой джентльменской оболочкой: шармеровское пальто, гордая осанка, щегольская карета, изящная небрежность пріемовъ меня не озадачиваютъ. Скажу болѣе: на меня слабо дѣйствуютъ даже нѣкоторые люди, разъѣзжающіе на кровныхъ рысакахъ и въ собственныхъ каретахъ; я остаюсь равнодушнымъ къ такимъ зрѣлищамъ; но потому, можетъ быть, что знавалъ владѣтелей рысаковъ и каретъ, которые кругомъ были должны своему кучеру и камердинеру. Они, разумѣется, не занимаютъ денегъ — нѣтъ: кто жъ унизится до того, чтобы просить въ займы у слуги или кучера! Они задерживаютъ только ихъ жалованье, а иногда вовсе даже не отдаютъ его. Самые неуловимые признаки бѣдности, самые тонкіе маневры, пускаемые въ ходъ, чтобы скрыть эти признаки, извѣстны мнѣ въ совершенствѣ; чутьемъ своимъ я вижу рожки жалкой улитки тамъ, гдѣ часто другіе видятъ одну блистательную, переливающуюся всѣми цвѣтами раковину; бѣдность имѣетъ свои пріемы, свои движенія, свои знаки, которыхъ ничѣмъ не скроешь, которыхъ нѣтъ даже надобности скрывать по моему; но не всѣ философы! Для многихъ неудобная сторона бѣдности заключается въ томъ именно, что ее трудно скрыть.

Несмотря на разные пріемы нашего молодого человѣка, несмотря на его новое пальто, жилетъ, часовую цѣпочку и лаковыя ботинки—я тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло. Воображеніе мигомъ перенесло меня въ его квартиру.

Передо мной предстала тѣсная комната въ пятомъ этжѣ, отдаваемая отъ жильцовъ,—комната, выкрашенная сѣро-молочной краской, украшенная сосновою кроватью, издающею скрипъ при первомъ прикосновеніи, двумя стульями съ Апраксина двора и окномъ съ форточкой; въ углу комодъ; нѣтъ въ немъ ни простынь, ни наволочекъ, но тщательно уложены три миткалевыя рубашки съ передами, воротничками, нарукавниками—словомъ, всѣми тѣми частями, которыя видны—изъ тончайшаго голландскаго полотна; тутъ же въ сосѣднемъ ящикѣ находится пиджакъ: въ одномъ карманѣ пиджака тонкій и

чистый носовой платокъ, въ другомъ — подобіе тряпки: послѣдняя служитъ для стиранія пыли съ сапоговъ — украдкою, разумѣется, когда готовишься повернуть на Невскій. Хотя молодой человѣкъ въ моемъ присутствіи обнаруживалъ очевидное отвращеніе къ дыму жуковскаго табаку и курилъ однѣ благовонныя папиросы, но я отсюда вижу на окнѣ его табачный пепелъ и коротенькую трубку самаго жалкаго свойства; на столѣ возвышается небольшое складное зеркальце—частый свидѣтель, это не подлежитъ сомнѣнію,—отчаянно-свирѣпыхъ выходокъ своего владѣльца въ минуты неудачнаго наверчиванія галстучнаго банта, что составляетъ, какъ извѣстно, камень преткновенія каждаго щеголя; тутъ же завивальные щипцы, бронзовое кольцо въ видѣ змѣи—въ то время такія кольца были въ большомъ ходу; банки съ помадой, пудра въ аптекарской коробочкѣ и роговой гребень... Роговой гребень!.. Но что за бѣда! вѣдь гребень не привѣшивается къ петличкѣ пальто во время прогулки, онъ можетъ быть изъ чего угодно—лишь бы хорошо разчесывалъ волосы. Дѣйствіемъ воображенія переношу наконецъ и самого молодого человѣка въ его комнату: вижу, съ какою тревожною заботливостью осматриваетъ онъ воротникъ своего пальто подошвы и кожу своихъ ботинокъ; боязливо оглянувшись кругомъ, онъ вынимаетъ изъ кармана булку и, отправивъ корку въ ротъ, начинаетъ чистить мякотью перчатки; во время этой операціи, часто смотритъ онъ въ зеркало, ласково прищуриваетъ глаза и съ ужасомъ откидывается назадъ каждый разъ, какъ чудится ему прыщикъ на носу или пятно на лицѣ. Окончивъ дѣло, онъ торопливо выпиваетъ стаканъ холоднаго чаю, оставленный въ его отсутствіе хозяйкой, жадно доѣдаетъ булку, и снова одѣвается и снова покидаетъ комнату, въ которой остается тогда ровно на два гроша имущества. Все это, какъ оказалось въ послѣдствіи, было совершенно справедливо.

Въ четыре часа по полудни, когда публика на Невскомъ начинаетъ рѣдѣть, нашъ молодой человѣкъ входилъ обыкновенно въ кафе Пассажа. Если мало было посѣтителей, онъ спрашивалъ всегда порцію макаронъ и

съѣдалъ при этомъ такое множество хлѣба, которое служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что макароны были лишь предлогомъ и спрашивались съ единственною цѣлью— съѣсть какъ можно больше хлѣба. Если-жъ много было посѣтителей, онъ ограничивался двумя пирожками и съѣдалъ ихъ медленно, какъ бы отъ нечего дѣлать. Въ пять часовъ являлся онъ въ одномъ изъ лучшихъ кафе-ресторановъ, располагался въ креслахъ, углублялся въ чтеніе карты и говорилъ человѣку: «Нѣтъ... что-то не хочется ѣсть... подожду немного...» И въ ожиданіи спрашивалъ чашку кофе. Если представлялась возможность завладѣть хлѣбомъ на сосѣднемъ приборѣ, онъ завладѣвалъ имъ; если же нѣтъ, то довольствовался своимъ кофе. Замѣчено было однакожъ, что въ послѣднемъ случаѣ, онъ дольше останавливался на ступенькахъ при выходѣ изъ кафе-ресторана, вынималъ изъ жилетнаго кармана зубочистку и долго чистилъ зубы.

Когда погода была скверная, онъ изъ кафе-ресторана прямо направлялся въ кафе Пассажа, но уже ничего не съѣдалъ: въ это время въ кафе мало посѣтителей и ѣсть рѣшительно не для кого. Онъ садился къ окну и принимался читать газеты. Чтеніе это, нужно замѣтить, было совсѣмъ особеннаго рода: политика, фельетоны, заграничныя извѣстія—все это нисколько его не занимало. Онъ читалъ лишь заднія страницы и преимущественно останавливался на объявленіяхъ о продажѣ домовъ. Ничего, кажется, не было общаго между нимъ и покупкою дома, а между тѣмъ, могу васъ увѣрить, онъ ни о чемъ другомъ никогда не читывалъ. Отыскавъ объявленіе, онъ вынималъ изъ кармана жиденькій бумажникъ и подробно, цѣликомъ, вписывалъ туда прочитанное объявленіе. Послѣ этого онъ возвращался домой, одѣвался со всевозможною тщательностью, осыпалъ лицо пудрой, даже завивался— и отправлялся отыскивать продающійся домъ. Осмотрѣвъ его съ улицы, онъ звонилъ обыкновенно въ колокольчикъ или стучалъ въ дверь дворника. Тогда между нимъ и дворникомъ происходилъ всегда разговоръ слѣдующаго рода:

— Скажи, пожалуйста, любезный, домъ этотъ продается?

— Продается.

— То-то... Я вотъ тутъ гулялъ, такъ ужъ кстати зашолъ посмотрѣть. Домъ порядочный... да; немножко вотъ тутъ какъ-будто... присовокуплялъ онъ, неопредѣленно возводя глаза къ зданію:—но это ничего... Сколько за него просятъ?

Дворникъ произносилъ довольно полновѣсную сумму, но это обстоятельство встрѣчало всегда страшное равнодушіе со стороны покупщика и онъ снова завязывалъ разговоръ:

— Отчего же продаютъ его?

— А не могу знать; сказано только: продается.

— Хозяинъ у себя, дома?

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?

— Можно.

— Да... А какъ, бишь, его фамилія?..

— Иванъ Андреевичъ...

— Нѣтъ, нѣтъ—фамилія какъ?

Если же фамилія была довольно извѣстная, и по дальнѣйшимъ справкамъ оказывалось, что человѣкъ, ее носившій, былъ богатъ или имѣлъ значительный титулъ, нашъ молодой человѣкъ какъ бы мгновенно откладывалъ намѣреніе вступать съ нимъ въ совѣщаніе; онъ говорилъ дворнику:

— Хорошо, братецъ, я еще зайду,—послѣ чего уходилъ и никогда уже больше не возвращался.

Если фамилія была темнаго происхожденія, онъ продолжалъ бесѣду уже въ слѣдующемъ духѣ:

— Такъ, стало быть, я могу его застать теперь дома?

— Можно.

— Ты мнѣ скажи, братецъ, навѣрное, потому что, что-жъ я пойду даромъ... и наконецъ я могу побезпокоить... можетъ-быть, хозяинъ человѣкъ женатый, семейный... множество дѣтей...

Если дворникъ говорилъ, что хозяинъ холостякъ, результатъ былъ тотъ же, что и въ первомъ случаѣ: покупатель уходилъ и никогда уже больше не возвращался.

Если же хозяинъ дома былъ человѣкъ семейный и, особенно, если имѣлъ много дочерей, молодой человѣкъ поспѣшно запускалъ пальцы въ карманъ жилета и говорилъ:

— Тебѣ, братецъ, надо однакожъ дать на водку... Экая досада! Никакой мелочи!... ну, видно не твое счастье, присовокуплялъ онъ шутливо:—знать до другого случая... Ну, вотъ видишь ли, и неловко, стало-быть, пойти къ хозяину, не зная, что онъ дѣлаетъ... можетъ быть, онъ теперь обѣдаетъ... неловко придти, особенно если большія у него дочери... А что, дочери-то ужъ большія?

— Да вотъ одна, Марья Ивановна, невѣста.

— Ну, вотъ видишь ли — и неловко... (Истина, которой мы поклоняемся, заставляетъ насъ сказать, что при такомъ извѣстіи лицо молодого человѣка проявляло всѣ признаки величайшей радости). — Можетъ-быть и другія дочери также взрослыя? присовокуплялъ онъ.

— Никакъ и второй шестнадцатый пошелъ.

— Спасибо, любезный, спасибо... Такъ я пойду, переговорю съ хозяиномъ... помни же, двугривенный за мною!

Когда хозяинъ помѣщался въ продающемся домѣ, молодой человѣкъ шелъ прямо туда, или же разспрашивалъ его квартиру и направлялся въ ту сторону; но большею частью онъ заходилъ по дорогѣ въ кандитерскую и не прежде рѣшался предстать въ качествѣ покупщика, какъ осмотрѣвъ себя внимательно въ зеркалѣ кандитера. Въ денежное время—этого почти никогда не бывало — онъ нанималъ извозчика и подкатывалъ къ крыльцу хозяина дома на пролеткѣ. Войдя въ квартиру, онъ приказывалъ доложить о себѣ какъ о покупщикѣ. Хозяинъ выходилъ на встрѣчу, и естественно радовался найти молодого человѣка: съ молодыми, неопытными людьми всегда какъ-то пріятнѣе вести дѣла. Молодой человѣкъ разсыпался передъ хозяиномъ въ учтивостяхъ; говорилъ, что осматривалъ домъ, что домъ пришелся ему по вкусу во всѣхъ статьяхъ, что о немъ много говорилъ ему одинъ знакомый — тутъ онъ придумывалъ всегда самую звонкую фамилію, — что цѣль его при покупкѣ дома заклю-

чается единственно въ томъ, что хочется ему навсегда поселиться въ Петербургѣ и что время наконецъ пришло остепениться и зажить хозяйственнымъ образомъ, — прибавлялъ онъ въ видѣ шутки; затѣмъ онъ просилъ хозяина потрудиться и пойти съ нимъ снова осмотрѣть зданіе. При этомъ осмотрѣ, молодость и опытность покупателя дѣлались еще очевиднѣе: обстоятельство, которое окончательно еще располагало хозяина дома къ покупщику. Они возвращались въ квартиру; хозяинъ предлагалъ чашку чаю, знакомилъ его съ женою и представлялъ дочерямъ. По уходѣ покупщика, и послѣ того какъ дочери удалялись въ свою комнату, передавать другъ другу впечатлѣнія о новомъ знакомцѣ, хозяинъ дома придвигался къ женѣ и держалъ обыкновенно такого рода рѣчь:

— Ну что, душенька, что ты на это скажешь... а?.. Вотъ еслибъ такого жениха нашей Олинькѣ... а? Чего кажется лучше: ужъ когда покупаютъ домъ, и притомъ не торгуются, повѣрь мнѣ, значитъ есть состоянье! Молодой человѣкъ такъ еще неопытенъ, что дѣлая покупку, не умѣетъ даже скрывать своихъ средствъ... Истинная была бы находка, еслибъ только домъ продали, и Олиньку выдали бы замужъ... а?

На это жена отвѣчала:

— Ну что-жъ, другъ мой, я не прочь, ты знаешь, я всегда желала счастья моимъ дѣтямъ!

А нашъ молодой человѣкъ, возвращаясь назадъ, думалъ между тѣмъ слѣдующее:

— Очень миленькая дѣвушка... право... и отецъ того... совершеннѣйшій добрякъ... и мать тоже... Что-жъ, не худо бы? Средства ихъ мнѣ неизвѣстны, но если продаютъ домъ съ тѣмъ, чтобы выстроить новый вдвое больше, стало-быть средства хорошія... Главное дѣло надо понравиться матери и дочери — въ этомъ вся штука... Потому что, потомъ, когда дѣло будетъ улажено и насъ обвѣнчаютъ, если и окажется тогда, что я не могу купить дома... потому что... ну, потому что не могу — дѣло ужъ будетъ сдѣлано... изъ-за этихъ пустяковъ не лишать же дочери, и какъ кажется, еще любимой дочери, на-

значеннаго приданаго... Да, главное дѣло, надо понравиться ей и матери...

На слѣдующій день, молодой человѣкъ завивался еще тщательнѣе и снова являлся въ знакомое семейство. Проникнутый своей цѣлью, онъ мало говорилъ о покупкѣ дома, больше любезничалъ съ дамами. День за день покупка дома откладывалась. Всѣ жили пока надеждой—и молодой человѣкъ, и почтенное семейство. Все шло изрядно, пока не являлся новый покупщикъ. Тутъ наступала драма. Новый покупщикъ выкладывалъ деньги и предлагалъ задатокъ. Наступала критическая минута... Молодой человѣкъ не могъ дать задатка и удалялся, съ тѣмъ, чтобы никогда ужъ больше не возвращаться!

Такія происшествія приключались съ нимъ довольно часто; онъ каждый почти день вписывалъ въ бумажникъ адресы продающихся домовъ, и часто въ одно и то же время велъ переговоры со многими семействами, но результатъ былъ всегда одинаковъ. Неудачи не ослабляли однакожъ, его духа и энергіи, и неустанно продолжалъ онъ читать газеты, выписывать адресы, бесѣдовать съ дворниками и являться въ дома. Замѣчательнѣе всего то однакожъ, что неудачи свои ни мало не приписывалъ онъ появленію настоящаго покупщика или недостачѣ денегъ въ собственномъ карманѣ; нѣтъ, онъ питалъ въ душѣ твердую увѣренность, что дѣло рушилось потому лишь, что не съумѣлъ онъ понравиться—въ томъ было все дѣло. Такое убѣжденіе, какъ вы можете себѣ представить, должно было повергать его въ глубокое отчаяніе.

II.

Эпизоды изъ дѣтства и юности.

Что-жъ такое, еслибъ и на самомъ дѣлѣ оно было такъ: еслибъ онъ хотѣлъ нравиться — и приходилъ въ отчаяніе, когда ему не удавалось? Не всѣ ли мы подвержены той же слабости? Не всѣ ли, болѣе или менѣе, желаемъ нравиться! Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ человѣка, который не старался бы, тѣмъ или другимъ

способомъ, развить въ себѣ средства для вѣрнѣйшаго достиженія такой цѣли. Но большая часть изъ насъ, въ скорбныя минуты неудачъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, хоть какія-нибудь утѣшенія: Нолинскому предстоятъ развлеченія большого свѣта; Богучаровъ утѣшается покупкою славнаго рысака; Тетюшинъ возвращается къ балету и записывается въ число театраловъ; Бузулкинъ получаетъ наслѣдство; утѣшеніе Пейпусова заключается въ справедливомъ сознаніи красоты своей: онъ увѣренъ, что если она не произвела дѣйствія въ настоящемъ случаѣ, то непремѣнно произведетъ въ другомъ, и т. д. Кромѣ того, неудачи Пейпусова, Богучарова, Бузулкина и Тетюшина не должны повергать ихъ въ отчаяніе, или заставлять ихъ считать себя пораженными въ голову ударомъ булавы; желаніе нравиться не составляетъ еще, сколько мнѣ кажется, главной основы ихъ существованія. Дѣло нашего героя совсѣмъ другого рода; желаніе производить пріятное впечатлѣніе составляло главную, и въ то же время единственную потребность его умственной и нравственной природы; это выходило у него совершенно естественно—дѣйствіемъ внутренняго неодолимаго побужденія; онъ хотѣлъ нравиться, какъ только что оперившаяся птица хочетъ летѣть, котенокъ, открывшій глаза, хочетъ ловить мышей, и т. д. Отчего же, скажите на милость, нестерпимо вилялъ онъ корпусомъ и сѣменилъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ только замѣчалъ, что смотрятъ на него дамы? Какъ объяснить теперь это безпокойство, это внутреннее сомнѣнье, если можно такъ выразиться, которое испытывалъ онъ даже въ присутствіи мущинъ? Какое ему было дѣло до того, что скажутъ или подумаютъ о немъ совершенно посторонніе, вовсе незнакомые люди, попадавшіеся на улицѣ, въ кафе, въ театрѣ и проч.? Что заставляло его заискивать знакомство, вступать въ разговоръ, предлагать газету, уступать мѣсто на гуляньѣ, предостерегать прохожаго касательно лужи или апельсинной корки, украшающей тротуаръ? Что заставляло его, наконецъ, дѣлать глазки въ то время, когда другіе сосутъ еще грудь или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ еще твердо стоятъ на ногахъ? Отчего же все это?

Надо было видѣть, когда покойная маменька спрашивала его: «Ваня, ты хорошенькій?» — надо было видѣть, говорю я, съ какою увѣренностью отвѣчалъ онъ: «хорошенькій!» Это происходило, надо вамъ сказать, на третьемъ году отъ рожденія. — «Ваня, кто лучше, я — или ты?» спрашивала его мать; «я лучше!» отвѣчалъ всегда Ваня, а между тѣмъ, могу васъ увѣрить, покойная маменька Вани была очень недурна собой. Мать скоро умерла и Ваня перешелъ въ домъ дяди, единственнаго близкаго родственника. Дядя былъ управителемъ какого-то дома; къ нему ѣздило много гостей, привозившихъ и дѣтей своихъ. Но Ваня, — ему было тогда около восьми лѣтъ — чуждался дѣтей. Онъ предпочиталъ сидѣть въ гостиной, и не было для него лучшаго удовольствія, какъ когда ласкали его женщины. Случалось пріѣзжимъ гостямъ заговориться и забыть о существованіи Вани. Ваня садился тогда въ уголъ гостиной, скрещивалъ ножки, свѣшивалъ на бокъ голову и прикидывался спящимъ; картина спящаго ребенка вызывала всегда трогательную улыбку на губахъ дамъ, которыя обыкновенно будили его поцѣлуемъ: то были сладчайшія минуты въ дѣтствѣ Вани. Первый гривенникъ, полученный имъ отъ дяди, пошелъ на покупку складного гребешка съ зеркальцемъ, и хотя зеркальце показывало одинъ только глазъ или часть носа, но Ваня былъ въ такомъ восхищеніи, что клалъ гребешокъ даже подъ свою подушку, когда ложился спать.

Тринадцати лѣтъ его отдали въ школу. Для вытверживанія уроковъ онъ преимущественно выбиралъ мѣсто у окна, книга бралась затѣмъ собственно, чтобы прятать лицо отъ учителя; глаза ученика не отрывались отъ оконъ противуположнаго дома, гдѣ жило многочисленное семейство. Въ свободное отъ занятій время, онъ наводилъ глянецъ на пуговицы своего коротенькаго фрачка, или же чистилъ самое платье маленькой щеточкой, купленной какъ только завелось тридцать копѣекъ серебромъ. Любимымъ удовольствіемъ его было попросить маленькаго товарища выбросить на улицу книжку или тетрадь въ то время, когда барышни противоположнаго дома глазѣли у своихъ оконъ; онъ весь тогда какъ-то подбирался, подтягивался:

выступая пѣтушкомъ по улицѣ и самодовольно покручивая напомаженной головкой, онъ переходилъ улицу, ловко нагибался, подымалъ брошенную книгу и, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ барышень, возвращался тѣмъ же порядкомъ въ класную комнату. Какая мысль воодушевляла его при этомъ — неизвѣстно; надо полагать, уже тогда безпокоило его желаніе возбуждать вниманіе прекраснаго пола.

Весьма натурально, что съ возрастомъ и безпокойство это шло возрастая; въ восемьнадцать лѣтъ, онъ былъ зачисленъ тогда въ какую-то контору, откуда скоро вышелъ по негодности: обстоятельство, послѣ котораго дядя совсѣмъ почти отступился отъ племянника; время проходило въ наблюденіяхъ надъ окнами, гдѣ сидѣли дамы, и въ прогулкахъ мимо этихъ оконъ. Въ Испаніи, можетъ статься, что нибудь и вышло бы изъ этого. но въ холодномъ Петербургѣ похожденія юноши остались безъ послѣдствій. Эта эпоха его молодости можетъ назваться вообще — эпохою неудачъ. Есть дни, въ которые ничего не удается, есть также и люди, которымъ ничего не удается. Невозможно перечесть всѣхъ неудачъ нашего героя: лелѣялъ ли онъ, напримѣръ, мысль пріобрѣсти модныя панталоны съ большими клѣтками — точь въ точь какія видѣлъ на знаменитомъ львѣ — выходило всегда, что какъ только мысль его осуществлялась, мода на такія панталоны уступала мѣсто другимъ панталонамъ, а именно, съ полосками или зубчиками. Таже самая исторія происходила съ жилетами, штрипками, штиблетами, воротничками рубашки и проч. и проч.: онъ всегда опаздывалъ. А между тѣмъ, еслибъ кто зналъ, сколькихъ пожертвованій стоило ему пріобрѣтеніе этихъ предметовъ!

Разъ, цѣлые три мѣсяца отказывался онъ отъ обѣда, довольствуясь въ три часа одною французскою булкой или пеклеваннымъ хлѣбомъ, когда черезчуръ уже надоѣдала булка; немногіе, надѣюсь, въ состояніи обнаружить такую твердость характера, особенно если дѣло пойдетъ на составленіе капитала, необходимаго для покупки брелокъ къ часовой цѣпочкѣ. Но дѣло сдѣлано, брелоки куплены; насталъ день, когда прицѣпилъ онъ ихъ

къ часовой цѣпочкѣ, замирая отъ внутренняго самодовольствія, и вышелъ на Невскій. Но каково же было изумленіе его, когда въ это утро не увидѣлъ онъ брелокъ ни на одномъ истинно франтовскомъ жилетѣ! Онъ рѣшился даже разспросить объ этомъ обстоятельствѣ. Увы! ему сообщили, что брелокъ никто уже не носитъ, кромѣ парикмахеровъ!

Въ другой разъ съ нимъ произошло еще лучше. (Онъ пренебрегалъ тогда заглядываньемъ въ окнахъ глухихъ переулковъ своего квартала; гулялъ по Невскому, и зналъ наизусть фамиліи всѣхъ почти знаменитыхъ щеголей). Узналъ онъ какъ-то, что въ одномъ аристократическомъ отелѣ устроился базаръ въ пользу неимущихъ вдовъ и сиротъ. На этомъ базарѣ каждое утро сходился весь цвѣтъ изящной молодежи; самыя хорошенькія женщины лучшаго круга, стоя за прилавками, продавали лимонадъ, мороженое, вафли и проч.; носились слухи, что всѣ эти дешевые предметы продавались неслыханно дорого. Извѣстіе это, конечно, не устрашило пылкаго юношу: ему такъ давно хотѣлось побывать въ аристократическомъ домѣ, потолкаться между знаменитыми денди, и особенно хотѣлось посмотрѣть вблизи на первыхъ красавицъ города. Какъ нарочно, въ ту пору дядя далъ денегъ; капиталъ состоялъ изъ двадцати пяти цѣлковыхъ: немного, конечно, но что значило бросить пять рублей для такого удовольствія! — «Э! была не была!» подумалъ онъ и, одѣвшись какъ можно изящнѣе, отправился. Не станемъ описывать его впечатлѣній, скажемъ только, что онъ затрепеталъ отъ восхищенія съ головы до ногъ, когда очутился почти лицомъ къ лицу съ одною изъ самыхъ хорошенькихъ графинь и услышалъ ея мелодическій голосъ, приглашавшій купить пирожокъ. Онъ тотчасъ же подошелъ къ прилавку и, граціозно изогнувъ корпусъ взялъ пирожокъ. Говорятъ, въ эту минуту имъ овладѣло такое волненіе, что онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своимъ пріобрѣтеніемъ: съѣсть его, казалось, ему крайне неучтивымъ; спрятать въ карманъ, какъ бы на память, онъ не рѣшился; наконецъ, онъ поднесъ его ко рту и, взглянувъ не безъ особеннаго выраженія на прелестную

продавщицу, медленно сталъ его ѣсть. Въ головѣ его мелькнула между тѣмъ игривая мысль взять еще пирожокъ; за вторымъ послѣдовалъ третій, за третьимъ четвертый и наконецъ дошло до пятаго. Ему хотѣлось уже теперь, во что бы ни стало, возбудить вниманіе графини, и точно, графиня обратилась къ нему, улыбнулась и сказала, что онъ долженъ ей двадцать пять цѣлковыхъ. Такимъ-то образомъ лишился онъ въ одно утро всего капитала и, обезпечивъ на цѣлый мѣсяцъ убогую вдову, принужденъ былъ безконечное время питаться однѣми булками. Эти несчастные пирожки были, можно сказать, первымъ основнымъ камнемъ его долговъ въ мелочную лавочку.

Но долгъ въ мелочную лавочку ничего еще не значилъ сравнительно съ долгомъ портному Шамбахеру. Шамбахеръ, портной изъ Лондона, гласила вывѣска, вызывавшая всегда добродушную улыбку на лицахъ родственниковъ портного, знавшихъ что Карлъ Шамбахеръ уроженецъ изъ Митавы. Этотъ долгъ пуще всего сокрушалъ молодого человѣка: мало того, что Шамбахеръ отказался на-прямикъ шить платье до уплаты долга, но немилосердно даже преслѣдовалъ своего должника. Герой нашъ еще не вполнѣ усвоилъ себѣ даръ смягчать кредиторовъ, не отдавая имъ денегъ; онъ не имѣлъ ни надлежащаго дара слова, ни снаровки. Шамбахеръ прямехонько врывался въ его комнату и подымалъ страшную тревогу, такъ что хозяйка и жильцы ея выбѣгали въ коридоръ съ испуганными лицами.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что такія же точно отношенія существовали между интереснымъ юношей и сапожникомъ Шамбахеромъ, роднымъ братомъ лондонскаго Шамбахера. Въ цвѣтущія времена нашего героя, портной Карлъ Шамбахеръ, поспѣшилъ доставить его практику брату своему, Готлибу Шамбахеру. Но обстоятельства перемѣнились, и теперь оба Шамбахера съ остервенѣніемъ преслѣдовали прежнюю свою практику. Онъ боялся ихъ пуще огня, и потому-то, я полагаю, такъ рѣдко сидѣлъ въ своей квартирѣ, предпочитая прогулку по Невскому, гдѣ такое множество дверей, воротъ и выходовъ.

Тѣмъ не менѣе однакожъ, онъ страшно тяготился своимъ положеніемъ. Вотъ именно въ одну изъ этихъ скорбныхъ минутъ и пришла ему вдохновенная мысль являться въ качествѣ покупателя домовъ въ семейства съ невѣстами. Но мы видѣли, что это ни къ чему не повело.

Раззореніе, оборванное пальто, скомканная шляпа съ рыжими краями, лопнувшіе сапоги начинали глядѣть ему прямо въ глаза; отчаяніе стало являться къ его изголовью, и нѣтъ сомнѣнія, онъ кончилъ бы трагически и лишилъ бы насъ удовольствія описывать дальнѣйшія его похожденія, еслибъ не умеръ скоропостижно дядя. Наслѣдство оказалось незначительнымъ, хотя дядя и управлялъ домомъ: найдена была всего тысяча рублей серебромъ, которую и препроводили къ законному наслѣднику. Можете представить себѣ восторгъ молодого человѣка! Лучше всего было то, что деньги пришли кстати: наступала осень, жители переѣзжали съ дачъ, и Невскій проспектъ наполнялся гуляющими; у нашего героя не было между тѣмъ теплаго пальто, да и вообще, если правду сказать, остального платья, соотвѣтственнаго сезону.

«Но какъ! неужели снова обратиться къ Шамбахеру изъ Лондона? думалъ онъ; Шамбахеръ дѣлалъ мнѣ всевозможныя дерзости, отравлялъ, можно сказать, каждый часъ, что я говорю! — каждую секунду моего существованія,—и за все это, я снова дамъ ему свою практику... нѣтъ! ни за что въ свѣтѣ! Онъ, чего добраго, захочетъ еще отмстить мнѣ. Я отдамъ ему тѣ триста рублей, которые долженъ, онъ возьметъ да и откажется на меня работать... Нѣтъ, не бывать этому! воскликнулъ онъ съ ожесточеніемъ:—пускай же знаетъ онъ, что я не позволю себѣ безнаказанно говорить дерзости; закажу платье Альфреду Коко, портному изъ Парижа, — вотъ и все тутъ! Всѣ рѣшительно говорятъ, что Альфредъ Коко шьетъ еще лучше Шамбахера... Кончено!»

Тутъ разгоряченному его воображенію представилась фигура другого Шамбахера—Готлиба-сапожника—и негодованіе овладѣло имъ окончательно; онъ рѣшился разомъ покончить дѣло и прекратить всякія сношенія съ этими

грубыми братьями. Затѣмъ, не медля ни минуты, отправился онъ къ Альфреду Коко.

Коко взялъ очень дорого, но, надо правду сказать, одѣлъ его по послѣдней модѣ, или въ послѣднемъ стилѣ, какъ принято говорить: панталоны — fantaisie; жилетъ — idem; пальто-сакъ—à la midschman anglais; все это сидѣло превосходно; на каждой пуговицѣ было даже выбито: Alfred Coco, successeur de ci-devant Dindonet. Затѣмъ, по рекомендаціи того же Коко, молодой человѣкъ отправился къ французскому сапожнику и накупилъ обуви. Затѣмъ, явилась необходимость зайти въ магазинъ: «au petit-maitre», куда привезенъ былъ большой ассортиментъ галстуковъ. Французъ, къ которому обратился онъ, взглянулъ сначала на лицо его, потомъ на жилетъ, далъ замѣтить, что галстукъ долженъ быть непремѣнно средняго цвѣта между цвѣтомъ лица и жилета и, сказавъ: je sait ce qu'il vous faut», выложилъ передъ нимъ ассортиментъ съ такою поспѣшностью, какъ будто показывалъ фокусъ. Выбраны два галстука — одинъ à la Colin, другой à la Montpensier; французъ предлагалъ еще третій: à la Jean-Jacques, но молодой человѣкъ былъ настолько благоразуменъ, что отказался. Рядомъ съ магазиномъ «au petit maitre» — находилась стеклянная дверь съ золотою надписью «Alménor, — coiffeur»; тутъ молодой человѣкъ вспомнилъ, что, примѣряя часъ тому назадъ платье, долженъ былъ встрепать себѣ волосы, и пошелъ къ куаферу.

— Un petit coup de ciseau; un petit coup de fer, — rien que pour rafraichir les pointes... M-r, a-t'il lu les Mystères de Paris?.. un soupçon de pomade, une idée de bandoline», — и нашъ молодой человѣкъ вышелъ изъ рукъ de l'artiste en cheveux, въ прическѣ à la petite polka!

При выходѣ изъ парикмахерской, глаза его случайно упали на окна съ изображеніемъ, красками на стеклѣ. перчатокъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Онъ вошелъ, и вскорѣ явился на Невскомъ въ такомъ блескѣ, въ какомъ никогда еще не являлся. Завернувъ въ Пассажъ и оглянувъ себя въ зеркалѣ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшился тотчасъ же снять съ себя дагеротипъ; и точно уже совсѣмъ было отправился, но сдѣлавъ двад-

цать шаговъ, пожалѣлъ разстаться съ Невскимъ проспектомъ и отложилъ свое намѣреніе до другого раза.

Такъ блисталъ онъ нѣсколько дней сряду и эти дни, можно сказать съ увѣренностью, были лучшими днями его жизни. Но нѣтъ такого яснаго неба, которое не омрачилось бы тучами. Туча на ясномъ небѣ нашего героя предстала въ образѣ Карла Шамбахера. Встрѣтивъ прежнюю свою практику въ совершенно новомъ костюмѣ, и основательно заключивъ изъ этого, что практика получила деньги, но заблагоразсудила обратиться къ новому портному прежде, чѣмъ расплатиться съ прежнимъ,— Шамбахеръ пришелъ въ такую ярость, что чуть-было не погибъ отъ паралича. Но этимъ еще не кончилось; въ тотъ же день герой нашъ встрѣтился съ сапожникомъ Шамбахеромъ, который, какъ только взглянулъ на новые сапоги должника, поднялъ кулаки и закричалъ: Donner Wetter! такимъ громовымъ голосомъ, что нашъ молодой человѣкъ кинулся стремглавъ въ сосѣднія ворота, пробѣжалъ безъ оглядки дворъ, вышелъ въ заднія ворота и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не уткнулся въ какой-то заборъ.

Съ этого дня, братья Шамбахеры начали преслѣдовать его съ особеннымъ, какимъ-то злобнымъ, неукротимымъ остервенѣніемъ. Нашъ герой готовъ былъ отдать имъ долгъ; онъ подъ конецъ пламенно даже желалъ этого, и денегъ оставалось у него ровно на столько, чтобы удовлетворить Шамбахеровъ, но дѣло въ томъ, что тутъ явилось одно обстоятельство, которое рѣшительно стало поперегъ его желаній: блестящее положеніе нашего героя было временно, онъ самъ это чувствовалъ, и потому, нисколько не увлекаясь улыбкою фортуны, благоразумно продолжалъ читать объявленія о продающихся домахъ и посѣщалъ семейства съ невѣстами.

Весьма недавно познакомился онъ съ однимъ почтеннымъ и повидимому, богатымъ булочникомъ Беккеромъ. Беккеръ продавалъ домъ съ цѣлью купить другой, сосѣдній домъ, огромнѣйшаго размѣра. У Беккера была дочь, единственная дочь, и какъ человѣкъ, нажившій большое состояніе въ Россіи, онъ изъ чувства благодарности, вѣ-

роятно, хотѣлъ выдать ее замужъ непремѣнно за русскаго. Нашъ герой явился, познакомился и, сказать ли?— кажется даже понравился. — Мы говоримъ кажется, потому что ничего еще не обнаруживалось рѣшительно, кромѣ того развѣ, что госпожа Беккеръ сказала послѣ перваго визита его: — «очень учтивый молодой человѣкъ»; отецъ сказалъ: ja wohl», а дочка примолвила: «ganz comme il faut!» Но нашъ герой былъ уже опытнѣе; бесѣдуя съ дамами, онъ не пропускалъ случая занимать отца разговорами о покупкѣ дома. Та же самая житейская опытность воспрещала ему платить до поры до времени Шамбахерамъ.

«Ну, а какъ явится вдругъ покупатель дома, и Беккеръ спроситъ у меня задатокъ?... думалъ онъ: — нѣтъ, пускай ужъ лучше подождутъ Шамбахеры; они все получатъ въ свое время, все, даже проценты... но теперь... теперь главное дѣло понравиться дѣвицѣ, отцу, матери и—покончить скорѣе съ Беккерами!..

При такихъ мысляхъ и въ такомъ положеніи застали мы нашего героя гуляющимъ по Невскому въ началѣ этого правдиваго разсказа.

III.

Встрѣча за встрѣчей.

Что, еслибъ вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что такого-то числа, всѣ портные, существующіе въ Петербургѣ, будутъ прогуливаться отъ двухъ часовъ по-полудни до пяти включительно, по Невскому проспекту?.. Какъ вы думаете, произвело бы такое извѣстіе впечатлѣніе на Невскомъ проспектѣ, или не произвело бы никакого впечатлѣнія? Что до меня касается, я имѣю основаніе думать, что было бы произведено нѣкоторое впечатлѣніе. Можно по крайней мѣрѣ держать сто противъ одного, что въ означенное утро васъ крайне бы озадачило отсутствіе многихъ, весьма милыхъ молодыхъ людей, которыхъ привыкли вы встрѣчать здѣсь каждый день; говоря откровенно, я сомнѣваюсь даже въ появленіи большей части

этихъ молодыхъ милыхъ людей. Но такъ какъ прогулка портныхъ принадлежитъ къ разряду самыхъ фантастическихъ, несбыточныхъ предположеній, то на Невскомъ проспектѣ не было замѣтно никакого измѣненія.

Въ три часа не было такой плитки тротуара, по которой не ступала бы, вкусная, какъ пирожное, прюнелевая ботинка, или узкій лакированный сапогъ; попадалась, конечно, и неуклюжая обувь, но мы питаемъ къ послѣдней глубочайшее равнодушіе и—прошу замѣтить—никогда о ней не упоминаемъ. Джентльмены, львы и денди попадались на каждомъ шагу, какъ простые смертные. Они выступали съ тою увѣренностью, съ тѣмъ непринужденіемъ, какъ будто прогуливались по собственнымъ владѣніямъ; лица ихъ выражали безпечность и вмѣстѣ съ тѣмъ дышали какъ бы сознаніемъ, что это было лучшее мѣсто и лучшій часъ для прогулки. Съ послѣднимъ легко согласиться, дѣйствительно это былъ лучшій часъ: въ это время портные—не говоря уже о другихъ мастеровыхъ, которымъ могутъ быть должны денди, утомленные бѣготнею по долгамъ, или предаются отдыху, или все еще бѣгаютъ, отыскивая должниковъ своихъ; а такъ-какъ по множеству визитовъ такого рода, они по большей части ѣздятъ на извозчикахъ — иначе имъ бы никакъ не угоняться, то и я нахожу съ своей стороны, что это самый лучшій часъ для прогулки.

Несмотря на страшно холодный вѣтеръ, дувшій прямо съ моря, хорошенькихъ женщинъ было по обыкновенію очень много, и всѣ онѣ старались казаться веселыми. Замѣчательно, однакожъ, что истинно веселыя лица принадлежали одной только половинѣ публики, именно той, которая шла отъ Полицейскаго моста къ Аничкину, то есть спиною къ вѣтру; лица другой половины, шедшей отъ Аничкина моста къ Полицейскому, принимали только веселый видъ, но въ сущности были синеваты, нахмурены и напоминали выраженіе на лицахъ актеровъ, которые играютъ веселую роль, между-тѣмъ какъ утромъ схоронили ближайшаго родственника. Но это продолжалось недолго; едва лишь достигали они Полицейскаго моста и снова поворачивались къ Аничкину—лица ихъ ожив-

лялись неподдѣльною веселостью, на губахъ появлялось даже что-то насмѣшливое, саркастическое при встрѣчѣ съ лицами, шедшими на встрѣчу и, за минуту передъ тѣмъ, казавшимися столь торжествующими. Эта маленькая игра физіономій, которая споконъ вѣку существуетъ на Невскомъ проспектѣ и которую можно бы назвать игрою въ маленькое мстительное пересмѣиванье, составляетъ одну изъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ этой безспорно прекрасной прогулки.

Около этого времени, то есть часа въ три, на Аничкиномъ мосту показался и нашъ молодой человѣкъ. Но пора, однакожъ, сказать настоящее его имя: его звали Иваномъ Александровичемъ; что жъ касается до фамиліи— я, право, робѣю... фамилія его: Свистулькинъ!.. Тутъ, безъ сомнѣнія, многія особы пожмутъ плечами, отвернутся и скажутъ: фи!.. Но скажите пожалуйста, отчего не стали бы вы отворачиваться и не сказали бы фи! если бы вамъ пришлось встрѣтить въ разсказѣ брюссельскаго изданія имя m-r Siffleur или m-r Siflottin! Отчего это? Держу какое угодно пари, что фамилія m-r Siflottin показалась бы вамъ очень забавною—право такъ!

Странное дѣло: какой-нибудь Ѳедоръ Сапогъ приводитъ въ содроганье, а m-r Soulié возбуждаетъ пріятную улыбку: чѣмъ же сапогъ хуже башмака? Вы отворачиваете взоръ отъ Горшкова и Корешкова, и готовы подать руку и танцовать мазурку съ m-r Potier или mr Racine, даже еслибъ они не были потомками знаменитыхъ людей, а попросту назвались m-r Potier или m-r Racine? Развѣ m-r Corneil, не тотъ же Галочкинъ? m-r Poiret, не тотъ же Горохинъ или Грушкинъ? Потѣевъ не тотъ же Sue?.. и т. д. Рѣшительно, не понимаю такого предубѣжденія и не знаю, право, до чего оно можетъ дойти; впрочемъ, если хотите, оно уже и дошло вотъ до чего: я зналъ одну даму, которая говорила очень свободно: Pierre, ne salissez pas vorte pantalon, — скорѣе умерла бы, чѣмъ сказала: Pierre, не марай своихъ панталонъ. Я положительно даже знаю, что она во всю свою жизнь ни разу не произнесла этого неблагозвучнаго слова. Но такъ-какъ, несмотря на всѣ возможныя разсужденія, большинство будетъ стоять

всегда скорѣе за слово: pantalon, чѣмъ за слово панталоны, то оставимъ это, и обратимся лучше къ нашему дѣлу.

Иванъ Александровичъ былъ такъ же изященъ, какъ вчера и третьяго-дня. Къ сожалѣнію, несмотря на изящество, несмотря даже на то, что лицо его сохраняло постоянную улыбку, хотя и было обращено къ вѣтру, Ивана Александровича менѣе чѣмъ когда-нибудь можно было принять за джентльмена. Не туалетъ былъ тому причиной: благодаря Альфреду Коко, туалетъ сидѣлъ безукоризненно; не лицо Ивана Александровича измѣняло ему — нѣтъ: его выдавала походка! Онъ выступалъ съ какою-то принужденною торопливостью и поминутно оглядывался назадъ, какъ будто боялся чьего-то преслѣдованія. Походка составляетъ такой важный предметъ въ общественной жизни, что требуетъ глубокаго изученія. Выраженіе походки давнымъ-давно опредѣлено на Невскомъ, гдѣ наблюдательность развита больше чѣмъ думаютъ; такъ напримѣръ, если вы шагаете такъ же быстро, какъ Свистулькинъ, но вмѣсто того, чтобы оборачиваться назадъ, бросаете разсѣянные взгляды направо и налѣво, скажутъ, что вы ни о чемъ не думаете; вы можете впрочемъ прослыть тогда за очень милаго молодого человѣка: вы размышляете о настоящемъ вашемъ положеніи, когда устремляете взоръ впередъ; о прошедшемъ— когда смотрите внизъ, о будущемъ — когда смотрите вверхъ; медленные, ровные и какъ бы вымѣренные шаги обозначаютъ солидность и нѣкоторую независимость состоянія; перекачиванье съ ноги на ногу — нерѣшительность и запутанныя обстоятельства; походка съ припрыжкою выражаетъ глупое самодовольство и вѣтренность и т. д. Но Боже упаси, если вы, подобно Свистулькину, будете оглядываться поминутно назадъ: всякій тотчасъ же заключитъ, что васъ преслѣдуетъ кредиторъ.

Иванъ Александровичъ выдавалъ себя еще тѣмъ, что слишкомъ ужъ часто улыбался и старался показать видъ, что ему вовсе не холодно: всѣмъ между тѣмъ въ глаза бросались его синія щеки, красный носъ и слезы на рѣсницахъ; онъ черезчуръ также распахивалъ пальто и

выставлялъ на показъ жилетъ; но послѣднюю продѣлку я прощаю ему отъ всей души: онъ только что велѣлъ прикрѣпить къ жилету круглыя пуговки изъ крашеной кости, весьма искусно впрочемъ поддѣланныя подъ цвѣтной камень и такъ какъ пуговицы стоили три цѣлковыхъ, то, весьма натурально, ему хотѣлось показать ихъ всему свѣту.

Подвигаясь такъ скоро, онъ, безъ сомнѣнія, достигнулъ бы въ четверть часа до адмиралтейства, еслибъ не задержало его одно обстоятельство; обстоятельство было благопріятное, одно изъ тѣхъ, на которыя мы сами очень охотно наталкиваемся. Противъ сквера Александринскаго театра онъ встрѣтился съ дѣвицею Беккеръ и ея маменькой.

Хотя Иванъ Александровичъ не шутя начиналъ чувствовать влеченіе къ своей невѣстѣ даже мимо ея приданаго—онъ называлъ ее своею невѣстой, потому что, на другой день послѣ этой встрѣчи, рѣшился объясниться серьезно и просить ея руки, — но въ настоящемъ случаѣ надо отдать ему справедливость, поступилъ истиннымъ джентльменомъ: онъ не далъ воли своимъ чувствамъ, не бросился ей на встрѣчу, но пріостановился и быстрымъ взглядомъ окинулъ туалетъ обѣихъ дамъ. Нельзя же было господину въ новомъ пальто, новой шляпѣ, галстукѣ à la Montpensier и новыхъ сапогахъ рискнуть идти рядомъ съ дурно одѣтыми дамами! Въ подобныхъ случаяхъ, будь эти дамы родныя тетки или сестры, Ивану Александровичу надо быть всегда готовымъ броситься въ первый магазинъ или юркнуть подъ сосѣднія ворота. Иванъ Александровичъ, конечно, сдѣлалъ бы то же самое, но это оказалось лишнимъ; дамы были одѣты очень удовлетворительно; госпожа Беккеръ, мать, обращала даже на себя вниманіе. Улыбка мгновенно заиграла на губахъ Ивана Александровича; онъ покрутилъ головкой, провелъ языкомъ по губамъ и пошелъ на встрѣчу, сохраняя на лицѣ выраженіе пріятнаго удивленья.

Госпожа Беккеръ точно заслуживала вниманія. Она принадлежала къ разряду такъ называемыхъ «маменекъ», то есть была женщина коротенькая, но значительно рас-

пространившаяся въ ширину; она пыхтѣла какъ самоваръ подъ своимъ бархатнымъ фіолетовымъ бурнусомъ, обшитымъ бахромою и стеклярусомъ въ видѣ гранатъ; шляпка ея, изъ розоваго крепа, украшалась изнутри пышными махровыми розанами, снаружи виноградными листьями съ ихъ завитками и такою роскошною виноградною кистью, что будь она только не поддѣльная, а настоящая, изъ нея легко вышла бы бутылка добраго вина. Но цвѣтъ шляпки значительно блѣднѣлъ передъ пурпуровымъ, жирнымъ лицомъ Вильгельмины Беккеръ; туалетъ ея довершался голубымъ платьемъ съ волнами и таліей, тѣмъ самымъ платьемъ, въ которомъ явилась она, прошлую зиму, послѣдній разъ на вечерѣ шустеръ-клуба; потому что, хотя Вильгельмина Карловна и доживала свою пятидесятую весну—что состовляло, въ сущности, уже изрядное начало зимы—она охотно посѣщала общественныя увеселенія, больше, впрочемъ, для дочки, для Лотхенъ, какъ она говорила.

Дочка была одѣта несравненно проще: темный бурнусъ, обшитый тесьмою, темное шелковое платье, бѣлая шляпка—вотъ и все. Наружность ея опровергала совершенно понятіе, которое составилось почему-то о дочеряхъ булочниковъ. Щеки ея, конечно, представили бы привлекательную смѣсь крови съ молокомъ и отличались бы округлостью, свойственною вообще булочницамъ, еслибъ она находилась въ положеніи этихъ обыкновенныхъ смертныхъ; но отецъ ея разбогатѣлъ и не имѣлъ никакой надобности держать Лотхенъ въ пекарнѣ, заставлять ее обсыпать сахаромъ плюшки или мѣсить выборгскіе крендели, которые, скажемъ мимоходомъ, называются выборгскими потому лишь, что пекутся въ Петербургѣ. Съ десяти лѣтъ она воспитывалась въ школѣ, откуда вышла только годъ назадъ; она съ успѣхомъ рисовала греческую профиль, свободно могла прочесть «La laitière de Montfermeil», и разыгрывала какую угодно музыкальную піесу à livre ouvert; съ наклонностью къ музыкѣ, свойственною всѣмъ нѣмцамъ, она судила даже о музыкѣ и восклицала не хуже другихъ барышень: «Oh, Chopin! Oh, Rossini!» когда рѣчь заходила объ этихъ композиторахъ.

Все это, какъ можете себѣ представить, приводило въ восторгъ отца ея; одно не нравилось Андрею Андреевичу: Лотхенъ, съ пріобрѣтеніемъ драгоцѣнныхъ талантовъ, утратила свой прежній цвѣтъ лица, свою свѣжесть! Лицо ея было блѣдно-тусклаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ. Это не мѣшало, однакожъ, личику Лохтенъ быть очень миловиднымъ: оно сдѣлалось еще миловиднѣе, когда встрѣтилось съ лицомъ Ивана Александровича: улыбка тотчасъ же заиграла на блѣдныхъ губахъ Лотхенъ.

— Ахъ! Иванъ Александровичъ! Mutterchen, Иванъ Александровичъ! воскликнула она, кивая головою Свистулькину, который приподнялъ шляпу и шаркнулъ, но получивъ сзади толчокъ, торопливо посторонился, бросивъ гордый взглядъ на неучтиваго господина; онъ закинулъ руки за спину и пошелъ рядомъ съ дамами.

— Ваше здоровье, Вильгельмина Карловна? спросилъ онъ, выдвигая на ходу правый носокъ и наклоняя впередъ голову.

— Мое очень хорошо, слава Богу, благодарю васъ... привѣтливо отвѣчала госпожа Беккеръ съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

— Ничего, мысленно разсудилъ нашъ герой: — подумаютъ, еще баронесса какая-нибудь... Здоровье Андрея Андреича? примолвилъ онъ громко.

— Не совсѣмъ хорошо... голова болитъ! простодушно отвѣчала Вильгельмина Карловна: —сегодня большой обѣдъ въ Морской и ужинъ въ Гороховой, заказано сто хлѣбовъ и печенье къ чаю... такъ онъ...

— Ахъ, маменька! съ упрекомъ шепнула Лотхенъ, толкая ее локтемъ.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ видъ, какъ будто идетъ самъ по себѣ, но это продолжалось секунду.

— Ну что-жъ такое?.. Was noch?.. простодушно спросила мать.

— О вашемъ здоровьѣ я не спрашиваю, Шарлота Андреевна, поспѣшилъ замять Свистулькинъ: — это было бы совершенно лишнее... но... прибавилъ онъ, понижая голосъ:—вы какъ и всегда... цвѣтущи...

— Совсѣмъ напротивъ... я...

— Отчего же напротивъ?.. повѣрьте мнѣ... впрочемъ я ужъ вамъ передалъ мои мысли... вы... Ахъ! неожиданно заключилъ Иванъ Александровичъ. раскланиваясь съ первой дамой, проѣхавшей въ каретѣ.

— Кому вы поклонились? спросила Лохтенъ.

— А это... это графиня... Су... Суздальцева...

— Скажите, Иванъ Александровичъ, отчего вы у насъ вчера не были? проговорила мать:—мы васъ ждали, думали придете кофе пить.

— Невозможно было, никакъ невозможно! подхватилъ Свистулькинъ:—вы знаете, Вильгельмина Карловна, еслибъ это отъ меня зависѣло хоть на волосъ, я конечно радъ бы всей душою... но вчера какъ на зло былъ вечеръ... Тутъ Иванъ Александровичъ снова поклонился проѣхавшей каретѣ.

— Кто такая? спросила Лотхенъ.

— Княгиня Бабуева, рѣшительно произнесъ Иванъ Александровичъ: — да, такъ я говорилъ вамъ, что былъ на балѣ... Ахъ, еслибъ вы только знали, mesdames, что это за скука! страшно даже подумать!.. Но что прикажете дѣлать!.. Сами знаете, когда принадлежишь къ обществу, невольно подчиняешься его условіямъ; хочешь-не-хочешь, долженъ подчиняться... Нельзя, никакъ нельзя! А право, Вильгельмина Карловна, право, радъ бы душою бросить все это и жить спокойно и тихо... надоѣло все это: пустота, страшная пустота!.. и для души рѣшительно ничего...

— Полноте, полноте, вы совсѣмъ не то думаете... сказала Лотхенъ:—вы всегда съ такимъ удовольствіемъ разсказываете о балахъ и вечерахъ этого общества...

— Я?... ха, ха, ха! хорошо же вы меня знаете послѣ этого! съ горечью возразилъ Иванъ Александровичъ; — тутъ онъ снова понизилъ голосъ и даже наклонился къ дѣвушкѣ: — вѣрьте мнѣ или нѣтъ, Шарлота Андреевна, но вотъ вамъ признаніе тоскующей души моей: все это великолѣпіе свѣта, всѣ эти раззолоченные салоны,— все это отдалъ бы я — и какъ еще охотно отдалъ бы! — за скромный уголокъ и добраго, любящаго друга... Въ этомъ вся цѣль моей жизни! добавилъ онъ съ

грустною улыбкой, направленной къ Гостиному двору.

Легкая краска заиграла на щекахъ Лотхенъ и она украдкою взглянула на мать; но та гордо выступала съ своей виноградной лозой на головѣ и ни о чемъ, казалось, не думала.

— Когда же вы къ намъ придете?.. робко спросила Лотхенъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Завтра, непремѣнно завтра... возразилъ Иванъ Александровичъ: — о! завтра великій день, завтра все должно рѣшиться...

— Зачѣмъ же такъ скоро?.. пролепетала Лохтенъ.

— Скоро?.. вы находите, что это скоро?.. замѣтилъ герой нашъ тономъ упрека.

— Да... подхватила краснѣя Лотхенъ, голосъ ея слегка даже дрогнулъ: — вы купите завтра нашъ домъ, и тогда ужъ не будете съ нами знакомы... забудьте насъ...

— О, вы все говорите о домѣ! Боже, Боже! шепнулъ съ жаромъ Иванъ Александровичъ: — что мнѣ домъ! Домъ—вздоръ и ничтожество!.. Я говорю о такой вещи, которая гораздо... въ милліонъ... что я говорю, въ тысячи, тысячи милліоновъ разъ выше всякаго дома... Можетъ ли домъ что нибудь для меня значить! подхватилъ онъ съ большею еще горячностью: —то, о чемъ я говорю вамъ, рѣшитъ судьбу всей моей жизни,—тутъ все... все... слышите ли: все! заключилъ онъ, бросивъ выразительный взглядъ на дѣвушку, которая снова покраснѣла и потупила глаза.

Иванъ Александровичъ вздохнулъ, грустнымъ взглядомъ обвелъ вокругъ себя, снова вздохнулъ, и наконецъ обратившись къ матери, сказалъ съ принужденною веселостью:

— Славная нынче погода, Вильгельмина Карловна, и много гуляющихъ!..

— Да, очень много, отвѣчала та съ невозмутимымъ своимъ добродушіемъ: — да, очень много и такъ всѣ хорошо выглядятъ... ganz elegant... prächtig-schön!..

Ведя такой пріятный разговоръ, всѣ трое дошли до Аничкина моста. Тутъ Иванъ Александровичъ, жадно искавшій случая дѣлать таинственные намеки Лотхенъ,

готовился уже предложить дамамъ сдѣлать новый конецъ по Невскому, какъ вдругъ, глаза его, смотрѣвшіе прямо и весело, запрыгали во всѣ стороны и, казалось, посоловѣли за одно съ лицомъ.

Точно было отчего; еще одна минута, еще десять шаговъ—и онъ бы погибъ, погибъ навсегда вмѣстѣ съ своими надеждами. Дѣло въ томъ, что въ толпѣ, шедшей на встрѣчу, неожиданно выставилась во всемъ рельефѣ своемъ толстая фигура Карла Карловича Шамбахера. Къ счастію еще, Шамбахеръ смотрѣлъ въ другую сторону и не замѣтилъ Ивана Александровича. Герой нашъ судорожно схватилъ руку Лотхенъ и, не давъ ей опомниться, исчезъ въ толпѣ. Лотхенъ была до того взволнована пожатіемъ—это было первое пожатіе — что не бросила даже взгляда въ ту сторону, куда онъ скрылся.

— А вотъ и брудеръ Карлъ! неожиданно воскликнула Вильгельмина Карловна. Восклицаніе это привело въ себя Лотхенъ; она подняла глаза и увидѣла передъ собою дядю, портного Шамбахера, родного брата матери.

— Вотъ и я! киндерхенъ! Was macht ihr da?.. Ге, ге! весело произнесъ Шамбахеръ, человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, имѣвшій одну изъ тѣхъ наружностей, которая, такъ сказать, предвѣщала апоплексическій ударъ, на что, замѣтимъ мимоходомъ, разсчитывали многіе, въ томъ числѣ, разумѣется, и Свистулькинъ; на немъ было гороховое пальто, худо скрывавшее его кривыя ноги—недостатокъ, отличающій всѣхъ портныхъ, которые, подобно Шамбахеру, провели тридцать лѣтъ сидя на турецкій манеръ съ иглою и ножницами.

— Прекрасная погода, вымолвила по-нѣмецки Вильгельмина Карловна: — вышли прогуляться... вотъ нашъ кавалеръ... но гдѣ же онъ? присовокупила она, озираясь во всѣ стороны.

— Его встрѣтилъ какой-то знакомый... пролепетала Лотхенъ, все еще находившаяся подъ вліяніемъ пожатія руки.

— Какой же это кавалеръ? спросилъ Шамбахеръ: — ужъ не тотъ ли, о комъ вы намедни говорили? прибавилъ онъ, прищуривая правый глазъ на племянницу.

— Да, да, тотъ самый, подхватила мать: — жаль, Карлъ, что онъ ушелъ, мы бы тебя познакомили... очень милый молодой человѣкъ... ganz comme il faut!..

— Да, братъ Андрей говорилъ мнѣ... чтожъ: pojaluy; надо сперва спросить у Лотхенъ, можетъ она не хочетъ... ге! довершилъ портной изъ Лондона, лукаво подмигивая племянницѣ.

Лотхенъ потупила глаза и улыбнулась, а дядя разразился веселымъ, добродушнымъ хохотомъ; Шамбахеръ— дядя и Шамбахеръ портной изъ Лондона, особенно когда ему не платили долга,—были два существа, далеко непохожія другъ на друга: первый Шамбахеръ, по всей справедливости, заслуживалъ названіе шутника, весельчака и добраго малаго; во второмъ случаѣ, Шамбахеръ являлся строгимъ, неумолимымъ и вполнѣ заслуживалъ названіе звѣря или verfluchter Kerl!

— Ну, что-жъ мы стоимъ какъ какія-нибудь вѣшалки?.. Wollen wir noch ein Tour aufs Nefsky!.. заключилъ весельчакъ Шамбахеръ и, ставъ между сестрою и племянницей, пошелъ по направленію къ адмиралтейству.

IV.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ПАССАЖѢ.

Герой нашъ, тѣмъ временемъ, давно успѣлъ пройти Итальянскую, миновалъ площадь, гдѣ возвышалась когда-то панорама Палермо и приближался къ Пассажу.

«Вѣдь надо же, чтобъ это всегда такъ случалось! Шагу не успѣешь ступить, ужъ непремѣнно да ввернется какая-нибудь гадость... и всегда, какъ нарочно, въ такую именно минуту, когда... э! разсуждалъ Иванъ Александровичъ: — право, еслибъ не страхъ, что къ Беккерамъ того и смотри явится покупщикъ дома; еслибъ не надо было беречь денегъ для задатка — отдалъ бы, такъ ужъ и быть, отдалъ бы долгъ обоимъ Шамбахерамъ! право, отдалъ бы!.. Но невозможно; никакого средства!.. съ одной стороны — задатокъ, съ другой... вдругъ получу согласіе: необходимо тотчасъ же сдѣлать подарокъ невѣстѣ: серьги

ли, или браслетку... ужъ это такъ заведено вѣками... скверныя обстоятельства... Слава Богу, что Шамбахеръ меня не замѣтилъ... вотъ была бы штука... ухъ!.. прощайся тогда совсѣмъ... и какъ подумаешь, право, на какомъ волоскѣ виситъ иногда судьба человѣка... ахъ, ахъ! (при этомъ Свистулькинъ началъ дышать такъ тяжело, какъ будто грудь его, и безъ того узенькая и впалая, уменьшилась вдругъ на половину). Что-жъ касается до моего исчезновенія, пріищу отговорку для старухи... проговорилъ онъ, какъ только дыханіе его пошло ровнѣе. Лохтенъ скажу: я такъ былъ взволнованъ, что не могъ дольше продолжать разговора съ вами... хорошо еще, что я нашелся и пожалъ ей руку... а то, право, не зналъ бы чѣмъ оправдать свое исчезновеніе... Эхъ-хе! скверно, скверно, все это скверно!.. Эти два брата Шамбахера просто-таки отравляютъ мое существованіе, рѣшительно — отравляютъ!..

Ведя самъ съ собою такую бесѣду, Иванъ Александровичъ поднялся на ступеньки Пассажа, оглянулся съ этой высоты направо и налѣво и, повторивъ такой маневръ въ третій разъ, вступилъ въ кафе. Былъ четвертый часъ въ началѣ, тотъ часъ, въ который Свистулькинъ привыкъ съѣдать два пирожка или порцію макаронъ, смотря по обстоятельствамъ. На этотъ разъ онъ долженъ былъ довольствоваться пирожками, хоть чувствовалъ нестерпимый голодъ — необходимое слѣдствіе сильныхъ ощущеній. Нельзя сказать, чтобы много было посѣтителей. Въ числѣ ихъ, и это была главная причина, заставившая Ивана Александровича отказаться отъ макаронъ, находился графъ Слапачинскій; Свистулькинъ въ тайнѣ благоговѣлъ передъ графомъ; графъ былъ его идеаломъ. Онъ всматривался въ жилеты графа, и если были деньги, не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не заказывалъ себѣ такой-же; налюдалъ за галстучными бантами графа, затверживалъ въ своей памяти его пріемы, движенія и даже нѣкоторыя отрывчатыя фразы, схваченныя на лету. Нечего говорить, что Иванъ Александровичъ не былъ знакомъ съ Слапачинскимъ, никогда даже не перемолвилъ съ нимъ слова.

Не удостоивъ взглядомъ двухъ плѣшивыхъ старичковъ, читавшихъ газеты, Свистулькинъ подошелъ къ конторкѣ, кивнулъ головою приказчику, взялъ пирожокъ, и не снимая шляпы, прислонился спиною къ периламъ. Подлѣ перилъ, вмѣстѣ съ графомъ, стояли другіе джентльмены; въ числѣ ихъ находилось двое, трое очень молоденькихъ, лѣтъ семнадцати, никакъ не старше, но представлявшихъ изъ себя людей возмужалыхъ и по этому случаю пившихъ absinthe; несмотря на увядшія ихъ лица, дѣйствительно свидѣтельствовавшія объ ихъ образѣ жизни, они секунды не оставались въ покоѣ и болтали безъ умолку; рѣчи ихъ преимущественно обращались къ италіянцу-конторщику, котораго называли они: mon cher monsieur Ulysse. Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, сопровождался хохотомъ молодыхъ людей и частыми per bacco! ah-bah! diavolo, fichtre и тому подобными.

— Eh! dites donc, mon cher m-r Ulysse, et l'opéra, per bacco!—comment q'ça va? bien?..

— Ma je vous zé deza dit, je né sais pas moa! отвѣчалъ Улиссъ съ такою интонаціею, которая ясно показывала, что онъ начиналъ терять терпѣніе.

— Et la Grizi, per bacco, a? Vous l'avez entendu? приставали юноши.

— O! divina, pourquoi moa zé né antandou zanté...

— Et Tamberlic,—est-ce un bon chanteur?..

— Eh jé sais pas moa, pourquoi, zé né l'ai pas antandou... отвѣчалъ нетерпѣливо Улиссъ, поворачиваясь къ нимъ спиною и накладывая макароны.

«И въ самомъ дѣлѣ, на дняхъ открывается итальянская опера, а я хоть бы зналъ имя одного какого-нибудь пѣвца или пѣвицы,—не хорошо; вдругъ случайно, смотришь и оборвался...» подумалъ Свистулькинъ, не спускавшій до того времени глазъ съ Слапачинскаго, который улыбался, слушая молодыхъ людей.

Иванъ Александровичъ доѣлъ пирожокъ, подошелъ къ столу, гдѣ лежали афишки, отыскалъ объявленіе объ оперѣ и углубился было въ чтеніе; но такъ-какъ почти въ ту же минуту Слапачинскій заговорилъ съ сосѣдомъ, Иванъ Александровичъ снова подошелъ къ конторкѣ; вскорѣ вни-

маніе его привлечено было другимъ предметомъ: графъ вынулъ изъ кармана папиросы, заключенныя въ простой бумажной пачкѣ, и принялся курить.

— Куда же дѣвалась его кожанная папиросочница? да еще другая изъ слоновой кости съ медальономъ?.. сказалъ самъ себѣ Свистулькинъ: — надо полагать, теперь уже брошены папиросочницы... Если Слапачинскій ходитъ съ пачкой въ карманѣ, такъ ужъ это значитъ... Охъ, досадно, что я купилъ папиросочницу... напрасно только убилъ два цѣлковыхъ!..

— Вамъ не нужна, кажется, афишка? спросилъ графъ. неожиданно обращаясь къ Свистулькину.

— Ахъ, нѣтъ-съ, сдѣлайте одолженіе... торопливо вымолвилъ Иванъ Александровичъ, подавая ему листъ.

На языкѣ его вертѣлась фраза, онъ хотѣлъ уже прибавить: какая нынче многочисленная труппа! — но оробѣлъ почему-то, ничего не сказалъ, и чтобы поправиться, взялъ второй пирожокъ. Дочитавъ афишку, Слапачинскій бросилъ ее на столъ, затопталъ окурокъ папиросы расплатился и вышелъ изъ кафе. Иванъ Александровичъ тотчасъ же расплатился и послѣдовалъ за нимъ. Графъ направился въ галлерею Пассажа — и Свистулькинъ пошелъ туда же.

Давнишнимъ желаніемъ нашего героя, можетъ даже быть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ посѣщать Невскій, гдѣ впервые увидѣлъ Слапачинскаго, было—найти случай заговорить съ графомъ. Отъ разговора одинъ шагъ до знакомства; а тамъ, ничего нѣтъ мудренаго, если ихъ увидятъ гуляющихъ дружелюбно рука объ руку по Невскому проспекту. Пройтись по Невскому съ графомъ Слапачинскимъ!.. Мысль эта не давала заснуть Ивану Александровичу. Но до сихъ поръ не представлялось еще случая завязать знакомство, а можетъ быть, и представлялись случаи, но духу не хватало: пальто съ обтертыми швами, сапоги съ измѣнчивыми подошвама, шляпа подкрашенная кой-гдѣ чернилами, — хоть у кого отнимутъ смѣлость! Но теперь обстоятельства перемѣнились; теперь пальто, шляпа, галстукъ Ивана Александровича ни-

чѣмъ не отличались отъ пальто, шляпы и сапоговъ Слапачинскаго.

Слапачинскій подошелъ къ окну и началъ разсматривать фарфоровыя бездѣлушки, выставленныя за стекломъ. Иванъ Александровичъ приблизился къ тому же окну и для начала усмѣхнулся: начало было не дурно, но Слапачинскій, къ сожалѣнію, ничего не замѣтилъ.

— Чего только не выдумаютъ эти французы! проговорилъ наконецъ Иванъ Александровичъ, щелкнувъ пальцемъ по стеклу, передъ куклой, изображавшей женщину съ опущенной головкой.

Онъ снова усмѣхнулся и поглядѣлъ на графа. Слапачинскій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отодвинулся дальше.

— Графъ, графъ, не становитесь сюда! заботливо произнесъ Свистулькинъ:—лампы эти не газовыя, спиртовыя, и тутъ часто каплетъ... посмотрите какой кругъ на полу...

— Покорно васъ благодарю, возразилъ графъ, и взглянувъ на Свистулькина съ бо̀льшимъ еще удивленіемъ, повернулся спиною и пошелъ дальше.

— Странный однакожъ человѣкъ этотъ Слапачинскій... могъ бы наконецъ сказать что-нибудь... не сто̀итъ какъ я вижу... пролепеталъ обиженно-сконфуженнымъ тономъ Свистулькинъ. Но такъ-какъ мимо проходили дамы, онъ быстро провелъ языкомъ по губамъ, повернулся на каблукѣ, и запѣлъ въ полголоса что-то похожее на бравурную арію.

Ему пришла даже мысль послѣдовать за дамами. Слапачинскій точно не стоитъ вниманія: къ тому же, онъ не уйдетъ: не въ первый, не въ послѣдній разъ встрѣчаются! Свистулькинъ опередилъ дамъ, потомъ далъ имъ пройти впередъ, потомъ снова опередилъ ихъ; онъ готовился уже сдѣлать первый приступъ, и поднялъ уже голову, но въ эту самую минуту, глаза его прямехонько встрѣтились съ глазами другого Шамбахера —Готлиба, Шамбахера - сапожника. Иванъ Александровичъ имѣлъ ровно настолько времени, чтобы кинуться на сосѣднюю лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ. Но съ Готлибомъ

онъ былъ далеко не такъ счастливъ, какъ съ Карломъ; Готлибъ замѣтилъ его, и не успѣлъ Иванъ Александровичъ перескочить пятокъ ступеней, какъ услышалъ за собою торопливые шаги, и знакомый голосъ прокричалъ:

— Господинъ Свистулькинъ!.. Господинъ Свистулькинъ!..

Отвѣчать было, разумѣется, некогда; Иванъ Александровичъ отмѣривалъ ступеню за ступеней, иногда даже по три разомъ. Очутившись на верху лѣстницы, онъ пустился по второй галлереѣ, потомъ ринулся въ первое встрѣтившееся углубленіе, взвился въ третій этажъ, пробѣжалъ коридоръ, и снова спустился во второй этажъ; все это было дѣломъ двухъ минутъ, затѣмъ, переведя духъ, перебрался онъ чрезъ мостикъ на другую половину галлереи, такъ же быстро спустился внизъ и приготовился соскочить съ послѣдней ступени, какъ снова увидѣлъ Готлиба Шамбахера, который тотчасъ же крикнулъ, но только сильнѣе прежняго:

— Господинъ Свистулькинъ!..

Тутъ уже нашимъ героемъ, пуще всего боявшимся скандала, овладѣло словно какое-то отчаяніе, и неизвѣстно наконецъ, куда бы забѣжалъ онъ, еслибъ, очутившись въ сѣняхъ, не увидѣлъ дверей кафе-ресторана Бренфо.

Случись, что въ этихъ самыхъ дверяхъ столкнулся онъ съ Слапачинскимъ, который, ни мало не подозрѣвая его крайнихъ обстоятельствъ, отворялъ дверь съ непостижимою медленностью; все сошло однакожъ благополучно, и дверь захлопнулась за графомъ и Иваномъ Александровичемъ, прежде чѣмъ подоспѣлъ Шамбахеръ.

— Ну, теперь все равно, теперь не уйдешь! вымолвилъ, стискивая зубы, сапожникъ: — обѣдать не пойду, весь день просижу здѣсь на одномъ мѣстѣ, а ужъ, Potz-Tausend, не выпущу тебя отсюда!..

— Ба! Готлибъ! Was machst du da? раздался за нимъ голосъ.

Готлибъ обернулся и увидѣлъ полное лицо своего родного брата Карла; это замѣтно облегчило сапожника.

— Тсс... schweig still!.. сказалъ онъ, указывая на дверь кафе-ресторана:—я здѣсь поймалъ птицу!

— Какую птицу?.. спросилъ Карлъ, съ удивленіемъ глядя на Готлиба.

— А ужъ такая птица, что ты самъ будешь благодарить, восторженно возразилъ Готлибъ: — здѣсь сидитъ: junger Swistulkin!

— Э! радостно произнесъ Карлъ.

— Право; онъ бѣжалъ отъ меня и скрылся здѣсь, но, Potz-Tausend! теперь не уйдетъ!..

Карлъ сказалъ однакожъ, что не лучше ли будетъ прямо войти въ кафе, и тамъ захватить бѣглеца.

— У него есть теперь деньги, знаю навѣрно, сказалъ онъ: — онъ въ новомъ пальто и новыхъ панталонахъ...

— И въ новыхъ сапогахъ! злобно подхватилъ Готлибъ.

— Наконецъ, хозяйка его говорила мнѣ, что у него есть деньги, продолжалъ Карлъ:—онъ долженъ мнѣ триста рублей, saperlot!

— А мнѣ семьдесятъ два, Potz-Tausend!

— Я непремѣнно возьму свое, перебилъ Карлъ:—непремѣнно! я ужъ распорядился этими тремя-стами: сейчасъ только что встрѣтилъ на Невскомъ сестру Вильгельмину; кажется, дѣло у нихъ ладится съ женихомъ; я ассигновалъ эти триста рублей на свадебный подарокъ Лотхенъ... Говорятъ, очень хорошій молодой человѣкъ... Wunderbar schöne Partie... Право, пойдемъ лучше въ кафе, Готлибъ; онъ тамъ скорѣе отдастъ деньги... Мы приступимъ къ нему передъ ganzen Publicum,—сейчасъ отдастъ... я ихъ знаю!..

— Pojaluy, возразилъ Готлибъ, и оба вошли въ первую комнату кафе-ресторана.

Но тамъ сидѣла за конторкой одна пожилая женщина. Шамбахеры поклонились и вступили во вторую комнату, составляющую съ этой стороны Пассажа всю принадлежность кафе Бренфо. Тутъ находились всего-навсе старикъ, да еще графъ, курившій сигару.

— Что вамъ угодно, обѣдъ?.. спросилъ, обращаясь къ вошедшимъ, слуга, съ жестянымъ номеромъ на рукавѣ фрака.

— Bitte um Verzeihung, началъ Карлъ, раскланиваясь передъ графомъ съ учтивостью, свойственною однимъ лишь портнымъ:—сюда вошелъ одинъ молодой человѣкъ?..

— Да, но онъ ушелъ, кажется, въ буфетъ... на другую половину, отвѣчалъ посмѣиваясь графъ, между тѣмъ какъ Готлибъ всматривался въ комнаты и разъ даже взглянулъ подъ столъ.

— Послушай, любезный, проговорилъ Карлъ, обращаясь къ другому лакею, неожиданно явившемуся изъ буфета:—тамъ, на той половинѣ, молодой человѣкъ, который сейчасъ былъ здѣсь...

— Средняго роста, худощавый, съ хлыстикомъ? спросилъ лакей.

— Да, да, да! живо подхватили оба Шамбахера.

— Сейчасъ былъ, да вышелъ, отвѣчалъ лакей.

— Какъ, вышелъ? Куда вышелъ?..

— Въ Пассажъ; тамъ вѣдь у насъ другой выходъ.

При этомъ извѣстіи, оба Шамбахера скорчили такія рожи, что графъ, за нимъ старикъ, за старикомъ хозяйка, привлеченная изъ буфета, и наконецъ лакеи, разразились смѣхомъ.

— Да это, просто, verfluchter Kerl! закричали Шамбахеры въ одинъ голосъ.

— Долженъ мнѣ за три пары сапоговъ! яростно подхватилъ Готлибъ.

— Мнѣ триста рублей за пальто, жилетъ Napoléon и панталоны fantaisie! цодхватилъ Карлъ съ пѣною у рта.

Графъ, старикъ, дама изъ буфета и, за ними, слуги разразились новымъ хохотомъ.

— Donner Wetter! воскликнули окончательно уже освирѣпѣвшіе Шамбахеры, подняли кулаки, вышли изъ кафе и вскорѣ покинули Пассажъ.

V.

Какъ обѣдаютъ иные.

Лишнимъ было бы, кажется, распространяться о томъ, какъ Иванъ Александровичъ вступилъ на вторую поло-

вину кафе Бренфо, какъ прошелся раза два мимо буфета и далъ замѣтить двумъ сидѣвшимъ за конторкою француженкамъ, что онъ только что отобѣдалъ въ первой половинѣ, какъ поглядѣлъ на извѣстный фонтанъ и бассейнъ, величиною съ соусникъ,—бассейнъ, въ которомъ, съ основанія кафе, лежатъ двѣ устричныя раковины и плаваетъ рыба (я полагаю, не искуственная ли)—и какъ затѣмъ отворилъ дверь и вышелъ въ Пассажъ. Тутъ конечно не обошлось безъ необходимыхъ предосторожностей, и не одинъ взглядъ направленъ былъ къ двери, къ верху, впередъ, словомъ, во всѣ стороны. Увѣрившись, что нигдѣ не было ничего похожаго на Шамбахеровъ, Иванъ Александровичъ вздохнулъ свободнѣе: точно пудовая гиря свалилась съ сердца; тѣмъ не менѣе принялся онъ отмѣривать шаги, которымъ позавидовалъ бы любой тамбурмажоръ.

«Ну ужъ денекъ, вотъ такъ денекъ!—вотъ все, казалось, о чемъ думалъ онъ въ настоящее время; ему приходила, можетъ статься, мысль и о томъ, какъ иногда благодѣтельны двойные ходы, но мы не можемъ сказать объ этомъ утвердительно.

Шагъ его замедлился не прежде, какъ очутился онъ на Невскомъ, противъ Думы. Иванъ Александровичъ зашелъ подъ арки нюренбергскихъ лавокъ и справился передъ окномъ часового мастера о ходѣ времени. Стрѣлка показывала половину пятаго; давно, по настоящему, слѣдовало сидѣть въ одномъ изъ лучшихъ кафе-ресторановъ за чашкою кофе. Свистулькинъ самъ подумалъ объ этомъ, но прежде необходимо было купить папиросъ; папиросы были у него, но онѣ заключались въ папиросочницѣ, а ему нужна была обертка, въ которой продаютъ папиросы: графъ Слапачинскій носилъ въ карманѣ обертку; мода не была раззорительна и Свистулькинъ поспѣшилъ ей послѣдовать. Изъ табачной лавки онъ направилъ шаги свои въ Большую Морскую, и немного погодя, входилъ въ круглую комнату одного изъ многочисленныхъ ресторановъ этой улицы. Посѣтителей было мало; за однимъ только столомъ сидѣли трое мужчинъ, которые, повидимому, сами только что вошли. Иванъ Александровичъ

занялъ другой столъ между окномъ и дверью, опустился въ кресло и спросилъ карту.

— Погоди, братецъ, мнѣ что-то еще не хочется ѣсть... я подожду... безпечно сказалъ онъ слугѣ, который ждалъ приказанія: дай-ка мнѣ газеты... а впрочемъ... въ ожиданіи... принеси, пожалуй, чашку кофе...

Произнося это съ видомъ пресыщеннаго человѣка, онъ вынулъ папиросу, положилъ пачку на столъ, спросилъ огня и разсѣянно поглядывая на карту, принялся наблюдать посѣтителей.

— Вотъ еще новенькое!.. да у нихъ вмѣсто галстуковъ, ленточки, обыкновенныя дамскія ленточки!.. Какъ-же я не замѣтилъ этого прежде!.. стало быть, только начали носить... досадно: а я только что накупилъ себѣ галстуковъ! мысленно произнесъ Иванъ Александровичъ и, внимательно осмотрѣвъ ленточки на шеѣ каждаго джентльмена, далъ себѣ слово купить точно такія же, при выходѣ изъ кафе.

— Жоржъ, сказалъ, обращаясь къ слугѣ Егору, одинъ изъ гостей, господинъ уже не первой молодости, въ черномъ парикѣ, черныхъ, повидимому, крашеныхъ усахъ и такихъ же бакенбардахъ: — Жоржъ, позови сюда Фурно!

Минуту спустя, явился хозяинъ ресторана, французъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ: апетитная наружность его шла какъ нельзя болѣе къ содержателю трактира; лицо его, пухлое, какъ дутый малиновый пирогъ и очевидно созданное для веселости, приняло однакожъ задумчивое, нахмуренное выраженіе, какъ только увидѣлъ онъ трехъ собесѣдниковъ. Онъ отвѣсилъ такой сухой поклонъ, какого не отвѣшивалъ еще ни одинъ смертный.

— Bonjour, mon cher Fourneau! необычайно весело и пріятно воскликнулъ господинъ въ черномъ парикѣ: Voyons, что дадите вы намъ нынче хорошенькаго?.. quelque chose de fin... hein? что у васъ есть... постойте, дайте-ка карту... Voyons: potage aux quenelles à la Ménéhoult... что-жъ, не дурно... а? какъ вы думаете, господа? а? вѣдь не дурно?.. слѣдовательно: potage à la Ménéhoult идетъ! ça va, hein! Смотрите только, mon cher Fourneau,

сами наблюдайте! послѣдній разъ, какъ будто le fumet... ну, словомъ, вы меня понимаете. Есть ли у васъ добрый кусокъ филе?..

— Oui... отвѣчалъ какъ-то принужденно Фурно.

— Хорошо; такъ сдѣлайте же намъ une bonne culotte de bœuf à la duc d'Enghien... а впрочемъ, постойте, можно и à l'estoufade... велите только хорошо обложить зеленью... вареной попросту, въ водѣ... Ну, а какую подливку?.. что-жъ вы, господа?.. Voyons, un petit effort!.. да, соусъ... ну хоть: aigrelette à la bourgeoise, а впрочемъ какъ знаете; можно, пожалуй, une petite piquante au grand coudé... Артишоки есть?

— Oui... возразилъ, нахмуривая брови и вздыхая Фурно, лицо котораго все сильнѣе и сильнѣе изображало тоскливое безпокойство.

— Такъ entrée сдѣлайте изъ артишокъ, знаете какъ я люблю—à la bérigoule, съ соусомъ à la Soubise...

— «Ахъ, Боже мой, Боже мой! подумалъ краснѣя Свистулькинъ: хоть бы зналъ я одно изъ этихъ блюдъ! срамъ! просто срамъ!.. придется обѣдать гдѣ-нибудь, начнутъ заказывать или говорить о кушаньяхъ... того и смотри станешь въ тупикъ, какъ оселъ какой нибудь!..»

— Послѣ артишоковъ, продолжалъ между тѣмъ крашеный господинъ, поглядывая въ карту и задумчиво почесывая переносицу: дайте намъ une bonne poularde en timballe... пирожное macédoine aux fruits... къ водѣ — canapé.

«Хоть бы одно блюдо! хоть бы одно единое блюдо, подумалъ уже съ безпокойствомъ Свистулькинъ: рѣшительно ничего не знаю, фу, даже въ краску бросило! такъ нельзя однакожъ... невозможно...» Тутъ онъ торопливо вынулъ изъ кармана бумажникъ и записалъ на скорую руку нѣкоторыя изъ названныхъ выше блюдъ; но это, повидимому, не удовлетворило его и онъ сказалъ себѣ:—«Нѣтъ, вздоръ, ни къ чему не поведетъ; нечего видно дѣлать, придется соблюдать экономію, и на сбереженныя деньги, спрашивать по картѣ каждый день хоть одно блюдо... по крайней мѣрѣ узнаешь тогда, изъ чего

оно дѣлается... и вкусъ также узнаешь... Удивляюсь, какъ прежде не пришла мнѣ такая мысль!..

— Вино, mon cher Fourneau, подхватилъ крашеный господинъ: дайте намъ слѣдующее: три бутылки лафиту... знаете того, что я обыкновенно беру...

— A huit roubles? съ испугомъ произнесъ Фурно.

— Да, безпечно отвѣчалъ крашеный господинъ: — потомъ бутылку хересу... и приготовьте шампанскаго, только frappé! Все запишете на мой счетъ!.. заключилъ онъ какъ-бы мимоходомъ, и тотчасъ же обратился къ собесѣдникамъ.

Мы сказали, что Свистулькинъ расположился подлѣ двери; дверь по уходѣ Фурно осталась полурастворенною и потому, можетъ-быть, что Фурно слишкомъ сильно ею хлопнулъ, Свистулькинъ могъ, слѣдовательно видѣть, какъ Фурно, войдя въ буфетъ, упалъ въ кресло подлѣ жены и отчаянно схватилъ себя обѣими руками за волосы. Иванъ Александровичъ ничего почти не слышалъ изъ разговора супруговъ; онъ видѣлъ только, какъ жена старалась всѣми мѣрами успокоить мужа и какъ мужъ, въ отвѣтъ на ея ласки, схватывалъ, себя за волосы и восклицалъ на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчіи: «Счетъ! вѣчно счетъ! и никогда гроша денегъ!.. они рѣшительно хотятъ моего раззоренія, sapristi!..»

Наблюденія Свистулькина были прерваны слугою, который поставилъ передъ нимъ кофе.

— Замѣтилъ ли ты, какъ будто Фурно сегодня не въ духѣ! сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, обращаясь съ улыбкою къ господину въ крашеныхъ бакенахъ.

— Очень натурально, замѣтилъ смѣясь другой собесѣдникъ:—какъ ты хочешь, чтобъ онъ былъ въ духѣ, когда подъ самымъ его носомъ расположился новый ресторанъ! Каждый день Фурно видитъ изъ своихъ оконъ, какъ Жамбонъ отнимаетъ у него посѣтителей!..

— Отчасти правда, возразилъ джентльменъ съ крашеными бакенами; но главная причина совсѣмъ не въ томъ; я сегодня завтракалъ здѣсь, и Фурно разсказалъ мнѣ свое горе: его огорчаетъ Пейпусовъ, примолвилъ онъ посмѣиваясь.

— Какимъ образовъ?

— А такимъ образомъ, что Пейпусовъ ходилъ къ Фурно два года сряду, задолжалъ ему двѣ тысячи — вдругъ исчезъ—и оказалось, что онъ обѣдаетъ теперь каждый день у Жамбона...

— Можетъ ли быть?.. ха, ха, бѣдный Фурно! ха, ха, ха!.. разразились два собесѣдника.

— Что жъ тутъ удивительнаго?.. спокойно проговорилъ крашеный господинъ, который имѣлъ полное право не удивляться поступку Пейпусова по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что истинный джентльменъ ничему не долженъ удивляться, это необходимый законъ du comme il faut; во-вторыхъ потому, что, сколько извѣстно, крашеный господинъ находился къ Жамбону въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ Пейпусовъ къ Фурно.

Какъ бы тамъ ни было, но не прошло четверти часа послѣ ухода Фурно, и супъ à la Ménéhoult явился передъ тремя собесѣдниками.

— Человѣкъ, сказалъ Свистулькинъ, успѣвшій въ это время перечесть нѣсколько разъ карту и замѣтить замысловатыя имена нѣкоторыхъ блюдъ, которыми думалъ начать свое гастрономическое воспитаніе: — человѣкъ, дай мнѣ... вотъ этотъ номеръ... номеръ шестидесятый...

— Пломбьеръ-съ? спросилъ удивленный лакей.

— Да, пломбьеръ... отвѣчалъ нерѣшительно Иванъ Александровичъ, и взглянулъ украдкою на трехъ собесѣдниковъ, но тѣ не обращали на него вниманія.

Лакей вышелъ заказывать пломбьеръ, и Свистулькинъ, закрывъ лицо картой, принялся еще усерднѣе наблюдать джентльменовъ, съ цѣлью узнать, изъ чего состоитъ супъ Ménéhoult; въ случаѣ надобности, онъ не станетъ теперь въ тупикъ и завтра же сообщитъ семейству Беккера, что супъ этотъ принадлежитъ къ числу его любимыхъ. Наблюденія Ивана Александровича ограничились однимъ супомъ, потому что, вмѣстѣ со вторымъ блюдомъ, въ комнату явилось новое лицо, которое мгновенно приковало его любопытство.

Новое это лицо представляло изъ себя непомѣрно дол-

говязаго и тощаго господина, насквозь, казалось, прошпигованнаго скукой и апатіей; вытянутыя черты его, острый засушеный носъ и утомленные глаза уныло смотрѣли въ землю, что придавало ему необычайное сходство съ куликомъ, у котораго только что убили самку.

— А! Берендѣевъ, здравствуй, cher! воскликнули три собесѣдника. Берендѣевъ флегматически протянулъ имъ руку, зѣвнулъ и медленно опустился въ кресло.

— Откуда? спросилъ господинъ съ бакенами.

— Съ Англійской набережной...

— Много народу?

— Ску-у-ка! зѣвая, какъ бы нехотя, проговорилъ Берендѣевъ, и вытянулъ длинныя ноги, причемъ каблуки его пришлись прямо въ центръ круглой комнаты.

— Вѣчно одна и таже пѣсня; да гдѣ жъ, братецъ, весело-то?

— Нигдѣ...

— Давно ли изъ деревни! давно ли въ Петербургѣ— и уже скучаешь!.. Съ чего бы, кажется?.. общество начинаетъ съѣзжаться, городъ оживляется, каждый день балъ или вечеръ... Время безподобное... Ночью, напримѣръ, такое небо, такое солнце, хоть бы въ іюлѣ—право!

— Мнѣ солнце надоѣло до смерти! простоналъ Берендѣевъ и, какъ бы въ подтвержденіе, зажмурилъ глаза.

— Что жъ тебѣ не надоѣло?

— Все-о-о! зѣвая отвѣчалъ Берендѣевъ. Три собесѣдника засмѣялись.

— Тѣмъ не менѣе, однакожъ, сказалъ господинъ въ парикѣ: надѣюсь, ты будешь на балѣ у княгини Z. на будущей недѣлѣ?

— Нѣтъ... о-о! зѣвнулъ Берендѣевъ.

— Но отчего же?

— Скука!

— Да что скука-то? Этакъ, братецъ, жить не стоитъ, право! Я не вижу причины, почему тебѣ не ѣхать: во-первыхъ, будетъ весь городъ; ты встрѣтишь всѣхъ знакомыхъ, съ которыми не видался почти два года... хорошенькихъ будетъ гибель... право поѣзжай!

— Одно то, что надо ѣхать прежде съ визитомъ, съ усиліемъ проговорилъ Берендѣевъ: я еще у нея не былъ.

«Ахъ, Господи! вѣдь существуютъ же такіе чудаки на свѣтѣ! съ досадою подумалъ Иванъ Александровичъ: какъ! можетъ ѣхать на балъ къ княгинѣ Z. и не хочетъ!.. Ахъ, Боже мой, Боже мой!» заключилъ онъ, бросая почти презрительный взглядъ на Берендѣева; но тотчасъ же перенесъ глаза къ пломбьеру, который явился передъ нимъ на столѣ.

— А, такъ вотъ онъ шестидесятый-то номеръ! пломбьеръ! разсуждалъ Свистулькинъ: — да это, какъ я вижу, попросту сливочное мороженое... только фрукты внутри... а я думалъ не вѣсть что такое... не стоило спрашивать.

Оставалось узнать вкусъ; Иванъ Александровичъ, конечно, не оставилъ бы на тарелкѣ, чѣмъ угостить сороку, еслибъ по близости случился хлѣбъ, потому что былъ адски голоденъ, но хлѣба не нашлось; пломбьеръ безъ хлѣба показался ему до того приторнымъ, особенно на тощій желудокъ, что онъ оставилъ его почти нетронутымъ. Во все это время, слухъ его не пропускалъ ни слова изъ того, что говорилось подлѣ.

— Никакой нѣтъ надобности дѣлать тебѣ визита, повѣствовалъ все тотъ же крашеный господинъ:—если ты только намѣренъ ѣхать на балъ, что я тебѣ совѣтую, заѣзжай къ княгинѣ въ три часа: ни ея, ни князя въ эту пору не бываетъ дома... Отдай швейцару карточку; онъ запишетъ твой адресъ, а дня за два, за три до бала, какъ это водится, тебѣ пришлютъ по адресу приглашеніе; вотъ и все тутъ.

«Я не зналъ этого, сказалъ самъ себѣ ошеломленный Иванъ Александровичъ: неужто это такъ просто?.. записавшись у швейцара, можно слѣдовательно...» Но тутъ Берендѣевъ спросилъ адресъ княгини, и Свистулькинъ затаилъ дыханіе, чтобы не проронить ни слова, прислушиваясь къ названію дома и улицы; онъ вынулъ бумажникъ, записалъ адресъ княгини, и тутъ же кстати, приписалъ для памяти:—«Пломбьеръ: сливочное мороженое съ плодами внутри, пахнетъ ромомъ». Положивъ бумажникъ на столъ, чтобы въ случаѣ надобности не ла-

зить за нимъ въ карманъ, онъ закурилъ новую папироску и снова приготовился слушать джентльменовъ, но дверь отворилась и въ комнату вошелъ графъ Слапачинскій. Щеки Свистулькина мгновенно покрылись румянцемъ; но это тотчасъ же прошло, когда, обсудивъ всѣ обстоятельства происшествія съ Шамбахеромъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Слапачинскій ничего не могъ подозрѣвать.

Слапачинскій точно ничего не подозрѣвалъ; но едва только Иванъ Александровичъ вышелъ въ буфетъ,—Свистулькинъ всегда лично разсчитывался въ заведеніяхъ, гдѣ находилась хорошенькая хозяйка или dame de comptoir—графъ Слапачинскій залился хохотомъ. Хохотъ этотъ дошелъ до Свистулькина въ ту самую минуту, какъ онъ выкладывалъ деньги на конторку и обворожительно улыбался m-me Фурно. Иванъ Александровичъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на веселость графа; онъ сказалъ даже какую-то любезность госпожѣ Фурно и, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы вернуться въ сосѣднюю комнату, еслибъ вслѣдъ за хохотомъ не услышалъ слѣдующаго:

— Ты развѣ его знаешь? спросилъ знакомый голосъ, очевидно принадлежавшій господину съ крашеными бакенами.

— Не имѣю понятія, смѣясь отвѣчалъ графъ:—знаю только, что это господинъ, который не платитъ своему сапожнику... сегодня утромъ, часа въ три...

Но Свистулькину уже въ совершенствѣ извѣстно было происшествіе утра; оно такъ даже надоѣло ему, что онъ тутъ же рѣшился скорѣе избавиться отъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

— Человѣкъ, сказалъ онъ, запрятывая сдачу въ карманъ и торопливо поворачиваясь къ вошедшему слугѣ: пожалуйста, любезный, возьми въ круглой комнатѣ, рядомъ, возьми мою шляпу и пальто... дай ихъ сюда... но скорѣе... я тороплюсь...

Вслѣдъ затѣмъ, Иванъ Александровичъ запѣлъ незнакомую какую-то арію, повернулся на каблукѣ передъ конторкой, торопливо надѣлъ пальто и шляпу, поклонился

Фурно и такъ же торопливо отворилъ стеклянную дверь, уставленную рядами банокъ съ вареньемъ и страсбургскими пирогами. На первой ступени подъѣзда, противъ котораго стояли три кареты съ спавшими на козлахъ кучерами, Свистулькинъ остановился; къ подъѣзду подходили двѣ дамы, и это обстоятельство, казалось, мгновенно привело въ порядокъ его встревоженныя мысли.

— Иванъ! крикнулъ онъ, все еще держась на верхней ступени.

Всѣ три кучера разомъ встрепенулись и схватили возжи; но увидя незнакомаго господина, снова улеглись на козлы — Иванъ Александровичъ терпѣливо выждалъ минуту, когда подходившія дамы очутились въ трехъ шагахъ отъ подъѣзда.

— Иванъ! закричалъ онъ тогда звучнымъ, внятнымъ голосомъ:—Иванъ! вѣчно запаздываетъ! Эй, кучера, скажите когда пріѣдетъ моя карета — кучера зовутъ Иваномъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Англійскій клубъ!

Иванъ Александровичъ бросилъ ласковый взглядъ проходившимъ дамамъ, спустился съ подъѣзда и, закинувъ руки за спину, съ видомъ разсѣяннымъ и безпечнымъ пошелъ по тротуару Морской.

VI.

БЕНЕФИСНЫЙ СПЕКТАКЛЬ.

Иванъ Александровичъ не былъ злопамятенъ; въ десяти шагахъ отъ кафе-ресторана злополучнаго Фурно, вы не нашли бы на лицѣ его признака неудовольствія, онъ какъ будто забылъ о происшедшей непріятности. Улыбка, появившаяся на губахъ его при видѣ двухъ дамъ, не покидала лица; на Невскомъ проспектѣ въ чертахъ Ивана Александровича появилось даже что-то восторженное; чѣмъ далѣе подвигался онъ впередъ, тѣмъ менѣе можно было догадаться, чтобы, за три минуты, душа этого юноши подвержена была сильному потрясенію. Прошу еще замѣтить, во всемъ этомъ не было тѣни принужденія, и

наконецъ, не для кого было подавлять настоящія свои чувствованія: на Невскомъ встрѣчались лишь рѣдкіе пѣшеходы, да и тѣхъ едва можно было разсмотрѣть въ густомъ, сѣромъ туманѣ; наступавшія сумерки сырого осенняго вечера усиливали мракъ; фонари только что зажигались.

Мгновенно вспыхнувшій рожокъ газа за зеркальнымъ окномъ, увѣшаннымъ галстуками, невольно привелъ Свистулькину на мысль трехъ пріятелей съ ленточками на шеѣ; за этимъ воспоминаніемъ, послѣдовало бы, безъ сомнѣнія, другое, менѣе пріятное, еслибъ онъ но поспѣшилъ войти въ магазинъ; его вовлекло также отчасти и лыбопытство; хотѣлось освѣдомиться много ли покупаютъ галстуковъ въ видѣ ленточекъ, въ большомъ ли они ходу и какъ ихъ называютъ. Названіе à la papillon, сообщенное французомъ, не удовлетворило любопытства Ивана Александровича; онъ захотѣлъ испробовать на своей собственной шеѣ дѣйствіе ленточки и пылкій, нетерпѣливый во всѣхъ случаяхъ жизни, приказалъ завернуть пару; расположеніе его духа сдѣлалось вдругъ какъ словно еще лучше, и встрѣться онъ при выходѣ изъ магазина съ Слапачинскимъ, я увѣренъ, онъ дружески протянулъ бы ему руку.

Скучно, однакожъ, на Невскомъ въ началѣ сумерекъ; куда дѣваться? Въ кафе Пассажа идти нѣтъ охоты, да и незачѣмъ! Съ тѣхъ поръ какъ Иванъ Алексаноровичъ нознакомился съ Беккерами, объявленія о продающихся домахъ находитъ въ немъ равнодушнаго читателя. Что же дѣлать?.. Куда дѣваться?.. Этакая скука!.. Размышляя такимъ образомъ, Свистулькинъ машинально перешелъ на другую сторону тротуара, противъ зданія Публичной библіотеки, и также машинально послѣдовалъ за пѣшеходами, направлявшимися къ Александринскому театру.

Окна театра и арки, его окружающія, блистали огнями; подлѣ замѣтно было нѣкоторое движеніе: кой-гдѣ, въ тусклыхъ лучахъ свѣта, прорѣзывающихъ туманъ и темноту, мелькали пѣшеходы, иногда даже цѣлыя семейства, прикрывающіяся однимъ зонтикомъ; по площади, кряхтя и фыркая тащились извозчичьи клячи; все это,

проходя или проѣзжая мимо лотковъ съ яблоками, мимо извозчичьихъ дрожекъ, уже доставившихъ публику, направлялось къ освѣщеннымъ подъѣздамъ театра.

«Странно, какъ мало сегодня публики... почти ни одной кареты!» сказалъ самъ себѣ Иванъ Александровичъ. Отсутствіе каретъ тотчасъ же объяснилось, какъ только Свистулькинъ прочелъ при свѣтѣ фонаря объявленіе о нѣмецкомъ спектаклѣ. Афиша возвѣщала какой-то Abendunterhaltung, въ пользу какой-то госпожи; за тѣмъ слѣдовалъ безконечный рядъ піесъ, съ названіемъ каждаго акта порознь: ein Trauerspiel, въ пяти актахъ; два Lustspiel, каждый въ двухъ дѣйствіяхъ, двѣ Posse и двѣ драматическія Lecture, заканчивали Soirée.

Свистулькинъ зналъ по-нѣмецки всего нѣсколько словъ; онъ, весьма натурально, ничего почти не понялъ изъ афиши, хотя прочелъ ее до конца. «Все равно, подумалъ онъ: зайду въ театръ, послушаю музыку, погляжу на публику... между нѣмками много хорошенькихъ... погляжу на актрисъ... вѣдь въ театръ ходятъ всегда скорѣе глазѣть чѣмъ слушать: все равно, значитъ, на какомъ бы языкѣ ни была пьеса... главное дѣло, вечеръ пройдетъ все-таки во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ дома... къ Беккерамъ пойду завтра... О, завтра! завтра — великій день!..»

И въ самомъ дѣлѣ, почему-жъ не доставить себѣ невиннаго удовольствія, особенно когда оно ничего не стоитъ. Ему (такъ говорилъ онъ мнѣ, а я всегда привыкъ ему слѣпо вѣрить, и нѣтъ наконецъ причины поступать иначе) — ему всѣ знакомы были въ театрѣ, рѣшительно всѣ, начиная съ кассира и кончая послѣднимъ сторожемъ; не помню хорошенько, кажется онъ сказывалъ мнѣ, что главный смотритель театра приходился ему съ родни... именно такъ! И точно, войдя въ сѣни, онъ миновалъ кассу, прямо направился ко входу въ кресла и, отдавъ пальто капельдинеру, спросилъ только «Начали?..»

Получивъ утвердительный отвѣтъ и не желая, вѣроятно изъ чувства деликатности, безпокоить публику, онъ поднялся въ буфетъ и началъ прогуливаться изъ

утла въ уголъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не наступилъ антрактъ и публика не разбрелась по коридорамъ. Онъ снова сошелъ тогда внизъ и сталъ прогуливаться, стараясь держаться какъ можно ближе ко входу въ кресла. Публика входила и выходила, но Свистулькинъ мало обращалъ на нее вниманія; во первыхъ, она состояла больше изъ мужчинъ; во вторыхъ, онъ не зналъ ни одного нѣмца въ Петербургѣ, кромѣ Беккеровъ и Шамбахеровъ.

Наконецъ раздалась увертюра; со всѣхъ сторонъ послышалось: man fängt an! начинаютъ! коридорная публика ринулась къ дверямъ креселъ и повлекла за собою Свистулькина съ такою быстротой, что не успѣлъ онъ опомниться, какъ сидѣлъ уже въ покойныхъ креслахъ, и чуть ли, кажется, не въ третьемъ ряду. Приведя въ порядокъ галстучный бантъ и тряхнувъ головою, Иванъ Александровичъ повернулся спиною къ сценѣ и, граціозно выгнувъ спину на спинкѣ креселъ, окинулъ взоромъ дамъ, сидѣвшихъ въ ложахъ.

— Позвольте, сказалъ ему въ ту же минуту по нѣмецки какой-то господинъ:—вы заняли мое мѣсто...

— Ахъ, виноватъ, сто разъ виноватъ! проговорилъ Свистулькинъ съ утонченною деликатностью, поспѣшно пересѣлъ на сосѣднее кресло и принялся глядѣть на бельэтажъ.

— Милостивый государь, вы сѣли на мое мѣсто, сказалъ ему другой господинъ, показывая билетъ.

— Ахъ, виноватъ, виноватъ, сто разъ виноватъ... вымолвилъ Иванъ Александровичъ и, наступивъ въ торопяхъ на три четыре, сосѣднія ноги, расположился далѣе.

Но едва успѣлъ онъ бросить взглядъ на ложи какъ снова услышалъ:

— Позвольте, это мое мѣсто.

Встрѣтилась уже надобность перейти въ другой рядъ, потому что подлѣ не оказывалось свободныхъ мѣстъ.

Неизвѣстно сколько мѣстъ перемѣнилъ онъ такимъ образомъ во все продолженіе увертюры и даже въ началѣ Trauerspiel, извѣстно только, что, во время этихъ кочеваній нашего героя, какой-то высокій господинъ, сидѣв-

шій съ самаго начала спектакля у входа, не спускалъ съ него глазъ; куда бы ни двинулся Иванъ Александровичъ, куда бы ни сѣлъ—пронзительные глаза незнакомца бѣгали за нимъ, какъ кошка за мышью. Наконецъ, какъ только опустился занавѣсъ послѣ дѣйствія Trauerspiel, высокій господинъ привсталъ съ мѣста, приблизился къ Ивану Александровичу и расположился подлѣ.

— Удивительно, какъ мало сегодня публики, сказалъ незнакомецъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да... жаль, очень мало! поспѣшилъ замѣтить Иванъ Александровичъ, съ тою любезностью, какую обнаруживаемъ мы, когда видимъ, что заискиваютъ нашего знакомства: — впрочемъ, это потому, присовокупилъ онъ:— что сегодня нѣмецкій спектакль; у нѣмцевъ всегда мало публики, особенно въ бенефисы... вѣдь двойная цѣна! заключилъ онъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Вы часто вѣрно бываете въ театрѣ? спросилъ незнакомецъ.

— Всякій день, безпечно отвѣчалъ Свистулькинъ:— скучно, знаете... надо же какъ нибудь убить время отъ семи часовъ до десяти! Вечера начинаются у насъ такъ поздно... Впрочемъ здѣсь у нѣмцевъ, я бываю довольно рѣдко... скука!.. прибавилъ онъ, случайно припомнивъ одно изъ движеній флегматическаго джентльмена, видѣннаго имъ въ кафе:—я больше бываю въ итальянской оперѣ.

— Шт! шт!.. зашипѣло вокругъ, и нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ съ выраженіемъ далеко не ласковымъ, обратились къ разговаривающимъ.

— Это намъ... шепнулъ незнакомецъ, углубляясь въ кресло.

Свистулькинъ послѣдовалъ его примѣру, и оба молчали до тѣхъ поръ, пока не опустилась занавѣсъ.

— Вы говорили, кажется, что предпочитаете нѣмецкому спектаклю итальянскую оперу, началъ незнакомецъ:— о, разумѣется, какое же сравненіе!.. Но знаете, не всякому доступно, дорого...

— Смотря потому, какъ!.. отвѣчалъ Свистулькинъ: — вотъ мнѣ такъ и опера ничего не стоитъ... и если я

плачу иногда, такъ это собственно потому, что совѣстно наконецъ всегда пользоваться...

— У васъ вѣрно знакомые? сказалъ невиннымъ голосомъ незнакомецъ, но устремилъ однакожъ пытливый взглядъ на собесѣдника.

— Да какъ вамъ сказать, всѣ знакомы! смѣясь подхватилъ Иванъ Александровичъ.

— Это очень пріятно... очень!.. вѣроятно, и здѣсь также есть знакомые? продолжалъ распрашивать незнакомецъ.

— Здѣсь, всѣ—и кассиръ и остальные... а впрочемъ больше мнѣ здѣсь знакомъ старшій смотритель.

На лицѣ незнакомца изобразилось удивленіе; но это продолжалось секунду, и онъ снова обратился къ сосѣду:

— Давно вы съ нимъ знакомы? спросилъ онъ; причемъ лицо его какъ-то особенно исказилось, какъ у человѣка, силящагося удержать смѣхъ.

— Съ дѣтства... мы съ нимъ вмѣстѣ воспитывались... добрый малый... поспѣшилъ сообщить Иванъ Александровичъ.

Тутъ лицо незнакомца неожиданно расширилось, ротъ открылся и удушливый хохотъ вырвался изъ его горла. Иванъ Александровичъ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Смѣхъ незнакомца усилился, такъ что многія лица, оставшіяся въ креслахъ, обратили на него вниманіе.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ онъ Свистулькину, какъ только прошелъ неожиданный порывъ его веселости.

— За что-съ? спросилъ Иванъ Александровичъ, почувствовавшій вдругъ, ни съ того ни съ сего страшную неловкость.

— Да какъ же, сказалъ незнакомецъ—тутъ онъ наклонился къ уху сосѣда и добавилъ шопотомъ:—какъ же, вы сдѣлали обо мнѣ такой лестный отзывъ... вѣдь старшій-то смотритель—я!..

— Какъ, помилуйте... это не то... совсѣмъ не то... пробормоталъ Свистулькинъ съ такимъ замѣшательствомъ, какъ-будто люстра сорвалась съ потолка и упала къ его ногамъ.

— Могу васъ увѣрить, спокойно возразилъ смотритель.

— Ахъ, Боже мой... какъ же это... какъ же такъ... бормоталъ Иванъ Александровичъ, у котораго вдругъ пересохъ языкъ и горло: я ничего... право я только такъ, и наконецъ, можетъ-быть... вы здѣсь недавно...

— Какъ вамъ сказать, я уже здѣсь безъ малаго пятнадцать лѣтъ смотрителемъ, возразилъ смотритель:—пойдемте въ коридоръ, вы увидите, что я васъ не обманываю, добавилъ онъ, приглашая къ дверямъ Свистулькина, который торопливо за нимъ послѣдовалъ, не смѣя поднять глазъ.

Вся эта сцена была замѣчена нѣсколькими зрителями, не только въ креслахъ, но даже и въ ложахъ; Ивана Александровича обжигали направленные на него взгляды; сквозь туманъ, застилавшій глаза его, онъ видѣлъ улыбки: пробираясь за смотрителемъ, онъ услышалъ даже какъ нѣмецъ, которому наступилъ онъ на ногу, смѣясь произнесъ подъ самымъ его носомъ: Mit Skandal und Trompeten! И точно: едва Иванъ Александровичъ достигнулъ середины залы, грянула увертюра. Еще минута—и нашему герою сдѣлалось бы дурно, но минуты этой было довольно, чтобы очутиться въ коридорѣ.

— Господинъ смотритель... я васъ умоляю... Бога ради!.. торопливо прошепталъ Иванъ Александровичъ, возводя умоляющіе глаза на смотрителя и стараясь схватить его руку, какъ только они очутились въ коридорѣ и ихъ окружили капельдинеры:—господинъ смотритель... пощадите!.. подхватилъ Свистулькинъ, находившійся въ полной увѣренности, что его тотчасъ же схватятъ, повлекутъ и предадутъ какому-нибудь постыдному наказанію:—я вѣдь это такъ только... молодость... неопытность... я... я никогда больше не буду... клянусь вамъ!..

Смотритель засмѣялся.

— Ну, теперь прощайте, сказалъ онъ: а впрочемъ вы, можетъ-быть, хотите вернуться въ кресла? Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ прежде зайти въ кассу и взять билетъ...

Сказавъ это, смотритель повернулся спиною и пошелъ своею дорогой.

Иванъ Александровичъ, какъ можете себѣ представить, не долго оставался на одномъ мѣстѣ; полминуты достало ему, чтобы отыскать пальто; еще половина минуты—и онъ удалялся отъ наружныхъ сводовъ, окружающихъ зданіе театра. Досада его была на этотъ разъ столько же сильна, сколько продолжительна и, казалось, даже переходила въ бѣшенство; онъ шелъ съ сжатыми губами и стиснутыми кулаками. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ извозчиковъ и продавцевъ яблокъ, онъ вдругъ остановился и нанесъ себѣ такой ударъ въ шею, потомъ въ плечо и потомъ въ ногу, что будь эти удары нанесены чужимъ кулакомъ, а не собственнымъ, они бы непремѣнно свалили съ ногъ нашего героя: — «Дуракъ! дрянь! лгунишка!.. по дѣломъ тебѣ!.. по дѣломъ!..» произнесъ въ тоже время Иванъ Александровичъ и, оглянувшись назадъ, принялся снова надѣлять себя пинками. Самый кроткій человѣкъ способенъ придти въ нѣкоторую степень остервененія, когда въ забывчивости мгновенно вспыхнувшаго негодованія, дойдетъ до того, что начнетъ драться; и нѣтъ сомнѣнія, Свистулькинъ кончилъ бы тѣмъ, что прижалъ бы себя въ темный уголъ и разбилъ бы себя въ дребезги, еслибъ не очутился заблаговременно на Невскомъ проспектѣ. Невскій сіялъ теперь тысячами огней; народа гуляло множество; поневолѣ надо было укротить внѣшніе порывы гнѣва; негодованіе, остановленное такимъ образомъ въ самомъ сильномъ своемъ пароксизмѣ и не находя выхода, должно было, натурально, устремиться въ глубину и безъ того уже взволнованной души нашего героя.

Не могу сказать утвердительно, что болѣе всего на него подѣйствовало: блистательное ли освѣщеніе Невскаго проспекта, веселыя ли толпы гуляющихъ, или же, наконецъ, по свойственной ему добротѣ сердца, стало жаль ему самого себя,—но только гнѣвъ его началъ постепенно смягчаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прояснились и самыя мысли.

— Вѣдь бываютъ же такіе дни, что ничего, рѣши-

тельно ничего не удается! подумалъ онъ съ замѣтнымъ снисхожденіемъ:—одна непріятность за другою! И зачѣмъ дернула меня нелегкая пойти въ этотъ театръ!.. добро бы въ самомъ дѣлѣ было тамъ что-нибудь такое... балетъ какой-нибудь... а то бенефисъ какой-то! — Очень нужно... невидаль какая! и за все это столько неудовольствія... Вотъ день! я ужъ и не знаю, что такое... встрѣча съ Шамбахерами... потомъ этотъ графъ... потомъ здѣсь въ театрѣ... Ахъ, виноватъ, сударыня! — сто тысячъ разъ виноватъ!

Послѣднее восклицаніе, сдѣланное громко, обращалось къ дамѣ, которую нечаянно задѣлъ онъ локтемъ.

— Ничего, не безпокойтесь... промолвила дама, ускоряя шагъ.

— Какъ!.. помилуйте... я васъ толкнулъ... подхватилъ Свистулькинъ, грустныя мысли котораго мгновенно перевернулись вверхъ-дномъ, какъ перевертываются билеты лотереи-аллегри при поворотѣ колеса.

Ему пришло даже на умъ предложить дамѣ свои услуги, онъ намекнулъ что-то о позднемъ времени и неудобствѣ прогуливаться въ такую пору, но, къ сожалѣнію, дама исчезла въ первыхъ же воротахъ, и Свистулькинъ снова остался одинъ посреди тротуара. Но все равно, мысли его, благодаря этому толчку, прояснились и приняли далеко уже не такой мрачный характеръ, какимъ отличались при выходѣ изъ театра.

«Впрочемъ, разсуждалъ онъ, поворачивая съ Невскаго на Владимірскую:—я очень радъ, что зашелъ сегодня къ Фурно... право радъ! Этотъ черноволосый господинъ сообщилъ мнѣ очень хорошую новость... я прежде не зналъ этого... никакъ даже не подозрѣвалъ! Завтра же отправлюсь... Онъ сказалъ, въ три часа... Именно онъ такъ и сказалъ: въ это время князь и княгиня Z. не бываютъ дома... Вечеромъ пойду къ Беккерамъ... Страшный однакожъ этотъ завтрашній день! завтра! — рѣшительный ударъ... За Лохтенъ можно ручаться... нынѣшнее пожатіе руки мнѣ много доказало... я не сомнѣваюсь... въ матери я также увѣренъ... что же касается до отца... а впрочемъ и отецъ ничего... И тогда, тогда... все разомъ пе-

ремѣнится! Грустно, однакожъ, какъ подумаешь обо всемъ этомъ... право грустно!.. Итакъ, завтра въ три часа! присовокупилъ онъ послѣ минутнаго раздумья:—въ три часа непремѣнно буду!» заключилъ неожиданно Иванъ Александровичъ.

При этомъ онъ сильно потеръ руками и просвистѣлъ какую-то трель, и уже потомъ, во все время какъ подходилъ къ дому, не переставалъ напѣвать и насвистывать разныя аріи; такъ что, встрѣться кто-нибудь съ Свистулькинымъ на лѣстницѣ его квартиры, всякій остался бы въ полномъ убѣжденіи, что Свистулькинъ провелъ этотъ вечеръ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ!

VII.

Хлопотливое утро.

На другой день, несмотря на отвратительную погоду: вѣтеръ, туманъ, изморозь, которая серебрила кровли и тротуары, и надѣляла насморкомъ каждаго, кто только покушался высунуть носъ на улицу, — несмотря на все это, можно было видѣть Ивана Александровича, прогуливающагося взадъ и впередъ по набережной Фонтанки, въ двадцати шагахъ отъ дома княгини Z. Было около двухъ часовъ пополудни. Онъ явился такъ рано не изъ нетерпѣнія или излишней акуратности: ему хотѣлось лично присутствовать при отъѣздѣ князя и княгини. Въ основаніи такого намѣренія лежало больше обдуманности, чѣмъ можно полагать съ перваго разу; что было бы хорошаго, еслибъ Иванъ Александровичъ, подкативъ ровно въ три часа къ княжескому дому и войдя въ швейцарскую, столкнулся бы на лѣстницѣ съ хозяевами, которые готовились ѣхать гулять или, вѣрнѣе, отдавать визиты? Могло также случиться, что на вопросъ Свистулькина: «дома ли княгиня» швейцаръ отвѣчалъ бы «дома!» Еще легче могло случиться, что Иванъ Александровичъ, влетѣвъ опрометчиво въ швейцарскую, былъ бы застигнутъ хозяевами, вернувшимися съ прогулки раньше обыкновен-

наго, по случаю скверной погоды. Не лучше ли придти часомъ раньше и избѣгнуть всѣхъ этихъ столкновеній?

Спора нѣтъ, не весело ходить взадъ и впередъ по скользкой мостовой, придерживать каждую секунду шляпу и думать, что при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, ее унесетъ въ Фонтанку. Не всякій также рѣшится провести болѣе часу подъ изморозью и на холодномъ вѣтрѣ безъ крайне-побудительной причины. Но человѣкъ человѣку рознь; что значило, напримѣръ, для Ивана Александровича, у котораго достало энергіи и характера, питаться три мѣсяца сухими булками для пріобрѣтенія брелокъ,—что значило, говорю я, для такого человѣка простоять часъ на вѣтрѣ и претерпѣть стужу? Послѣдствія одни: насморкъ—это всѣмъ извѣстно; у Ивана Александровича перебывало уже столько насморковъ, что однимъ больше, однимъ меньше—все равно. И наконецъ, что такое насморкъ, когда впереди предстоитъ балъ у княгини Z.? Если разсудить хорошенько, окажется, что ни одно удовольствіе, какъ бы оно ни казалось съ перваго взгляда ничтожнымъ, даровымъ или дешевымъ, ни одно удовольствіе не обходится безъ жертвы; жертва кроется въ основаніи каждой радости, каждаго увеселенія.

Свистулькинъ прошелся, однакожъ, ужъ разъ сто мимо дома, а князь и княгиня все еще не выѣзжали; не было даже признака къ выѣзду; дверь, или лучше сказать, подъѣздъ отеля, устроенный въ видѣ готическаго фонаря, былъ глухо запертъ; карета не стояла подлѣ тротуара.

«Ужъ полно, поѣдутъ ли они въ такую погоду»?.. Иванъ Александровичъ пожалѣлъ въ тысячный разъ, что у него не было часовъ; какъ знать, можетъ быть теперь далеко еще до трехъ часовъ? Извѣстно, ничто такъ не затягиваетъ время, какъ ожиданіе.

Несмотря на свою твердость и терпѣніе, Свистулькинъ началъ чувствовать нестерпимый холодъ. Напрасно ходилъ онъ ускореннымъ шагомъ; напрасно подымалъ воротникъ; напрасно просовывалъ руку между пуговицами пальто и старался прижать ее какъ можно плотнѣе къ груди—вѣтеръ пробирался всюду. Особенно сильно дони-

мало ему горло, украшенное ленточкой à la papillon, съ красиво откинутыми воротничками рубашки; онъ началъ уже каяться, что не надѣлъ cache-nez, славнаго шерстянаго платка, пріобрѣтеннаго въ голландскомъ магазинѣ и выбраннаго по образцу cache-nez графа Слапачинскаго! тѣ же клѣтки, тотъ же цвѣтъ, та же матерія. Точно, онъ поступилъ на этотъ разъ необдуманно. Никто, конечно, не станетъ спорить противъ удовольствія гулять съ ленточкой на шеѣ; но для этого нужна хорошая погода, нуженъ Невскій проспектъ, наполненный публикой; теперь же улицы пусты, изрѣдка попадаются синіе и зеленые зонтики, изъ подъ которыхъ выглядываютъ загрязненные сапоги и галоши; очевидно не стоитъ подвергать свою шею простудѣ!

«Нѣтъ, такъ ужъ и быть, все равно!» подумалъ Иванъ Александровичъ, схватываясь за горло, начинавшее щемить не на шутку;—«ждалъ цѣлый часъ, подожду заодно ужъ; уйдешь пожалуй, а тутъ какъ разъ дѣло и сдѣлается... все равно, ужъ лучше подождать»!..

Едва заключилъ онъ, какъ изъ-за угла показалась великолѣпная карета, запряженная парою сѣрыхъ коней, которыми правилъ чудовищно-толстый кучеръ съ черною крашеной бородой, доходившей чуть не до пояса. — «Это карета княгини Z.» внутренно сказалъ себѣ Иванъ Александровичъ, отходя немного поодаль и принимая наблюдательную позу. Онъ не ошибся; карета, сдѣлавъ кругъ, подкатила къ готическому подъѣзду и остановилась.

Въ ту же минуту, на подъѣздѣ явился швейцаръ въ гороховомъ сюртукѣ, такихъ же штиблетахъ и темной, обшитой позументомъ портупеѣ, которая закрывала его широкую грудь; за швейцаромъ выступилъ лакей въ богатой ливреѣ. Отворивъ дверцы кареты и откивувъ ступеньки съ поспѣшностью, лакей и швейцаръ, торопливо вернувшись къ подъѣзду, подхватили подъ руки даму въ лиловой шляпкѣ и посадили ее въ экипажъ; такимъ же порядкомъ подхватили они полнаго господина въ синей бекешѣ и посадили его подлѣ дамы; послѣ этого лакей вскочилъ на козлы и карета помчалась впередъ, оставивъ швейцара, который принялся отдувать щеки и огляды-

вать улицу съ самодовольствіемъ человѣка, добросовѣстно исполнившаго свои обязанности.

Иванъ Александровичъ, конечно не столь былъ глупъ, чтобы дать себя замѣтить швейцару: онъ понялъ очень хорошо, что видъ молодого человѣка прогуливающагося подъ изморозью, не только произведетъ дурное впечатлѣніе на швейцара, но легко даже возбудить въ немъ подозрѣніе, повредитъ репутаціи молодого человѣка. Свистулькину хотѣлось только лично удостовѣриться въ отъѣздѣ князя и княгини, и едва показались они на подъѣздѣ, онъ быстрыми шагами удалился. Достигнувъ конца набережной, Иванъ Александровичъ повернулъ за уголъ и, не теряя времени, направился къ биржѣ, гдѣ стояли извощичьи экипажи. Несравненно было бы дешевле нанять пролетку, если ужъ на то пошло; Иванъ Александровичъ взялъ однакожъ карету: дѣло въ томъ, что швейцаръ сильно озадачилъ нашего героя, и онъ невольно подумалъ: «Неловко какъ-то... къ тому же, не Богъ знаетъ какое раззоренье! Все лучше: иначе даже какъ-то смотрятъ, когда подъѣдешь въ каретѣ...» Минутъ пять спустя, онъ подкатывалъ къ подъѣзду, и не безъ волненія, весьма, впрочемъ, извинительнаго, вступилъ во внутренность готическаго фонаря; неловкость его, очень натурально, должна была увеличиться, когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ тремя дверями и не зналъ, которая изъ нихъ была настоящая: толкнулся въ переднюю дверь — не поддается, толкнулся направо—тотъ же результатъ... Что же это такое?

— Пожалуйте... здѣсь-съ! произнесъ позади его басистый голосъ.

Свистулькинъ обернулся и увидѣлъ швейцара.

— Дома князь? спросилъ онъ съ непринужденностью, которой вовсе нельзя было ожидать.

— Только-что изволили уѣхать...

— Какая досада! произнесъ Иванъ Александровичъ, входя въ переднюю, обшитую дубомъ и отыскивая глазами зеркало. Ему хотѣлось скорѣй удостовѣриться, не было ли въ туалетѣ его какого-нибудь разстройства, которое могло бы непріятно поразить швейцара:—какая до-

сада, подхватилъ онъ:—я только-что пріѣхалъ изъ... изъ Одессы... и очень желалъ бы видѣть...

— Пожалуйте въ четыре часа, ихъ сіятельство будетъ дома, сказалъ швейцаръ.

— Никакъ нельзя... я тотчасъ же ѣду въ Петергофъ.

— Какъ прикажете записать? спросилъ швейцаръ.

— Запиши... проговорилъ Иванъ Александровичъ, у котораго дрогнуло сердце:—запиши... Кабинетская улица... домъ Мурашкина...

— Мурашкина? спросилъ швейцаръ, развертывая книгу и придвигая чернильницу.

— Да... Мурашкина... отвѣчалъ Свистулькинъ, досадливо тряхнувъ головою.

— Напиши: Иванъ Александровичъ... мм... м... Свис... тулькинъ...

Послѣднее слово Иванъ Александровичъ пробормоталъ скороговоркою и безсвязно.

— Графъ? вопросительно промычалъ швейцаръ.

— Нѣтъ... графъ это мой двоюродный братъ... напиши просто: Свистулькинъ... Иванъ Александровичъ...

Проговоривъ это, Свистулькинъ надѣлъ шляпу — въ замѣшательствѣ своемъ онъ имѣлъ неосторожность снять ее, только потомъ уже догадался онъ какъ поступилъ неосторожно — и снова очутился въ готическомъ фонарѣ.

— Не безпокойся, любезный, я самъ... я всегда самъ, произнесъ онъ, опираясь однакожъ очень охотно на руки швейцара, который посадилъ его въ карету.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ извозчикъ.

— Пошелъ на Невскій! крикнулъ Иванъ Александровичъ.

«Глупѣйшая фамилія!.. подумалъ онъ съ досадою; Свистулькинъ! — даже выговорить не хочется! Хотя бы Свистяковъ или Свистуляковъ—что-ли!.. Мало ли фамилій... можно наконецъ, Свистулинской... Свистокинъ... Свистулякинъ! а то Свистулькинъ... глупо, просто глупо! какъ-то даже не благозвучно, право!.. Нечего сказать, хорошъ также и домъ: Мурашкина — какъ словно одно къ одному... напрасно не переѣхалъ я... впрочемъ недолго

остается жить: еще мѣсяцъ—и заживу, можетъ быть, въ собственномъ! заключилъ Иванъ Александровичъ, мысленно переносясь къ Беккерамъ.

Неудовольствіе, отпечатавшееся въ чертахъ его, стало мало по малу проясняться; лицо его повеселѣло и приняло даже выраженіе гордости, когда карета выѣхала на Невскій.

Несмотря на сильный вѣтеръ, дувшій прямо на встрѣчу и немилосердно хватавшій за горло, и безъ того уже сильно щемившее, Иванъ Александровичъ ни разу не откинулся на дно кареты, голова его цѣликомъ почти выставлялась изъ каретнаго окна. У Аничкина моста онъ приказалъ остановиться, выпрыгнулъ на тротуаръ, сдѣлалъ шаговъ двадцать, кивнулъ пальцемъ извозчику, снова сѣлъ и поѣхалъ далѣе. У Гостинаго двора онъ опять остановился; не стоило вылѣзать изъ кареты, чтобы пройтись подъ арками Гостинаго двора; Иванъ Александровичъ зашелъ въ первую попавшуюся лавку, и самъ не зная какъ и зачѣмъ, купилъ пресъ-папье. Подозвавъ пальцемъ извозчика, онъ покатилъ далѣе.

Противъ Милютиныхъ лавокъ повторилась таже исторія; онъ выпрыгнулъ на тротуаръ и, чтобы придать цѣль остановкѣ, вошелъ въ первую попавшуюся дверь. Было бы, разумѣется, крайне неловко, спросить одинъ фунтъ сыру у купца, высадившаго его изъ кареты. Свистулькинъ потребовалъ пять фунтовъ, давъ замѣтить при этомъ, что беретъ единственно для пробы, и беретъ въ этой лавкѣ потому собственно, что многіе его знакомые хвалили ему и хозяина, и качество его сыра.

Снова указательный палецъ Свистулькина задвигался въ воздухѣ и снова поѣхалъ онъ далѣе. На Невскомъ онъ выходилъ безсчетное число разъ и возвращался въ карету всегда съ одинаковымъ пріемомъ: кивнетъ указательнымъ пальцемъ, минуты полторы постоитъ на тротуарѣ, и какъ только кто-нибудь покажется въ окнѣ или на улицѣ, отворитъ дверцы, сядетъ, крикнетъ: «пошелъ» и ѣдетъ дальше. Наконецъ, онъ велѣлъ повернуть на Екатерининскій каналъ, выбралъ довольно уединенное мѣсто и приказалъ остановиться.

— Сколько тебѣ слѣдуетъ? отрывисто спросилъ онъ у извозчика, какъ будто былъ имъ недоволенъ.

Странно было бы, еслибъ извозчикъ запросилъ менѣе трехъ цѣлковыхъ; такъ и случилось, и это обстоятельство мгновенно возбудило негодованіе Ивана Александровича.

«Вотъ славно, подумалъ онъ стискивая губы: три цѣлковыхъ пресъ-папье, два съ половиною цѣлковыхъ сыръ... Теперь этому еще три цѣлковыхъ... да это просто раззоренье—просто мошенничество!» Иванъ Александровичъ началъ бранить извозчика и, нѣтъ сомнѣнія, затѣялъ бы исторію, но въ это время мимо проходила какая-то нищая баба; Иванъ Александровичъ, не желая, вѣроятно, компрометировать свое достоинство, тотчасъ же заплатилъ требуемую сумму.

Чтобы попасть въ кафе — было уже четыре часа и желудокъ Свистулькина настоятельно требовалъ обычныхъ двухъ пирожковъ или порціи макаронъ — ему слѣдовало вернуться на Невскій. Но какъ явиться на этой улицѣ съ двумя полновѣсными пакетами подъ мышкой? нельзя, очевидно нельзя! Особенно сильно смущалъ Ивана Александровича сыръ; пресъ-папье все-таки вещь благородная; пресъ-папье ни въ какомъ случаѣ не можетъ компрометировать; но сыръ! Когда же видано, чтобъ человѣкъ съ модною ленточкой на шеѣ, словомъ, порядочный человѣкъ, несъ сыръ въ рукахъ своихъ! Рѣшительный въ крайнихъ случаяхъ, Иванъ Александровичъ недолго колебался: улучивъ минуту, когда никого не было по близости, онъ швырнулъ сыръ подъ ворота — не лучше ли было поступить такимъ образомъ съ пресъ-папье? — и торопливо пошелъ своею дорогой.

На Невскомъ лицо его снова просіяло. Одинъ я могу знать, какъ хотѣлось Свистулькину имѣть въ это утро обширный кругъ знакомства и какъ было бы ему пріятно встрѣтить теперь всѣхъ своихъ знакомыхъ! Каждый, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы его вопросомъ откуда? и каждому бы, безъ сомнѣнія, Иванъ Александровичъ отвѣтилъ, отъ княгини Z. Какой лгунъ не испытывалъ сладости сказать иногда правду. Надоѣстъ наконецъ лгать; самые

злодѣи, мнѣ кажется, должны чувствовать удовольствіе, произнося фразу, проникнутую съ начала до конца истиной!

Вѣтеръ подувалъ однакожъ попрежнему, и не было человѣка во всемъ Петербургѣ, который, шествуя теперь по улицѣ, не прикутывалъ бы горла и не морщился. Дома и фонарные столбы отражались на скользкомъ тротуарѣ какъ въ озерѣ. На всемъ Невскомъ не было, казалось двадцати извозчиковъ; да и то, трое изъ нихъ — одинъ на Полицейскомъ мосту, другой на Казанскомъ, третій на Аничкиномъ — возились съ лошадьми, лежавшими въ растяжку на торцевомъ помостѣ.

«Сквернѣйшая погода — бу...ррр!.. ни на что рѣшительно не похоже! думалъ Иванъ Александровичъ, запрятывая шею въ воротникъ пальто и придерживая воротникъ рукою; глупо сдѣлалъ я, очень даже глупо, что не взялъ cache-nez... Долго ли простудиться! Вѣдь вотъ и теперь, ужъ болитъ горло... такъ болитъ, какъ будто проглотилъ зубную щетку или ложку... подхватилъ онъ, кашляя, съ напряженіемъ: ужасъ какая боль!.. даже глотать невозможно... Весь нынѣшній день катился какъ по маслу, все повидимому улыбается... и вдругъ бы все это разстроилось... Надо поспѣшить въ кафе, авось пройдетъ, какъ обогрѣюсь... Ухъ! какъ вдругъ защемило!.. нестерпимо... просто ужасъ, какая досада!..

VIII.

СВИНКА.

Въ кафе Пассажа, куда отправился Свистулькинъ, было такъ же пусто какъ и въ самомъ Пассажѣ. Публику кафе составляли два какихъ-то господина; но такъ-какъ наружность ихъ была далеко непривлекательна, Иванъ Александровичъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія; онъ подумалъ только, куда дѣвался фетьонебельный Петербургъ и чѣмъ могла заниматься та часть ея обитателей, которые, подобно ему, проводятъ день или

въ кафе, или на улицѣ. Въ другое время такая мысль могла опечалить нашего героя, любившаго общество и вообще склоннаго къ развлеченіямъ всякаго рода: но въ настоящую минуту онъ даже обрадовался бездѣлью. Онъ былъ голоденъ и ничто, слѣдовательно, не мѣшало ему теперь спросить порцію макаронъ; сверхъ того, отсутствіе посѣтителей значительно обогащало конторку кафе ломтиками хлѣба: обстоятельство, имѣвшее также свою выгодную сторону.

Увы! радость Авана Александровича прошла съ первымъ же глоткомъ; онъ почувствовалъ вдругъ такое колотье въ горлѣ, что слезы брызнули изъ глазъ его и онъ принужденъ былъ оставить макароны, которыя привлекательно лоснились на блюдечкѣ. Разстроенный до-нельзя, онъ подошелъ къ окну и бросился на диванъ.

Мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ газеты потеряли свое значеніе для Свистулькина. Въ самомъ дѣлѣ, не къ чему уже было утруждать себя чтеніемъ. Не далѣе какъ сегодня вечеромъ пойдетъ онъ къ Беккерамъ и сдѣлаетъ рѣшительный приступъ, въ результатѣ котораго смѣшно даже сомнѣваться. Беккеры, всѣмъ извѣстно, только и ждутъ этого приступа: пламенное желаніе Андрея Андреича заключается въ томъ, чтобъ выдать дочь за человѣка, который владѣлъ бы своимъ домомъ; въ Петербургѣ — Иванъ Александровичъ торгуетъ домъ; Лотхенъ мечтаетъ выйти за человѣка ganz comme il faut, который посѣщалъ бы хорошее общество и былъ бы молодъ — Иванъ Александровичъ молодъ и не далѣе какъ въ пятницу поѣдетъ на балъ къ княгинѣ Z.; любимѣйшая мечта Вильгельмины Карловны выдать дочь скорѣе, чтобы скорѣе няньчить внучатъ и печь имъ каждый день сахарные крендельки — Иванъ Александровичъ предлагаетъ хоть сейчасъ же руку и сердце ея дочери. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что дѣло Ивана Александровича почти въ шляпѣ и ему не къ чему читать газеты. Отъ нечего дѣлать онъ курилъ папироску, полулежа на диванѣ и время отъ времени пощупывалъ горло, которое продолжало нестерпимо колоть.

Два господина, находившіеся въ кафе, успѣли между

тѣмъ познакомиться и вели разговоръ; Иванъ Александровичъ, сидѣвшій у противоположнаго окна и занятый исключительно своею болью, не обратилъ никакого вниманія на бесѣду незнакомцевъ; мало-по-малу, однакожъ, онъ сталъ прислушиваться и вскорѣ весь превратился въ слухъ.

— Неужто эта болѣзнь распространяется все сильнѣе и сильнѣе? проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, человѣкъ съ волосами, зачесанными за уши, острымъ длиннымъ носомъ и выдавшеюся впередъ физіономіей, что вмѣстѣ взятое придавало его наружности выраженіе глупаго испуга, смѣшаннаго съ любопытствомъ: — неужто распространяется? это ужасно!

— Ужасно, именно ужасно! энергически подхватилъ другой собесѣдникъ, плотный, съ бойкими глазами на выкатѣ и черными какъ смоль, жирными и курчавыми волосами:—да-съ, скажу вамъ, это ужасно! промолвилъ онъ, производя руками пояснительные жесты самаго отчаяннаго свойства: мало того, что болѣзнь эта распространяется, я вамъ скажу, свирѣпствуетъ, да, свирѣпствуетъ! заключилъ онъ, бросая рѣшительный взглядъ на собесѣдника, больные глаза котораго моргали и щурились.

— Ахъ, Боже мой!.. но отчего же это?.. какія же причины?..

— Причины? воздухъ!—очень натурально, возразилъ пучеглазый господинъ, выразительно махнувъ рукою: — другіе приписываютъ это повѣтрію—вздоръ, чепуха! Воздухъ — воздухъ, и больше ничего! я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ...

— Но скажите, пожалуйста, отчего же прежде воздухъ не производилъ такого дѣйствія?

— Отчего? очень натурально... изволите ли видѣть: нынѣшнюю осень постоянно дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ... такъ или нѣтъ? хорошо! Вѣтеръ этотъ — я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ—пропитанъ, такъ-сказать, зловредными міазмами... очень хорошо; вы понимаете, слѣдовательно — все это дѣйствуетъ на дыхательные органы,—я разумѣю горло; иначе быть не можетъ: раз-

драженіе верхней оболочки! довершилъ онъ, тыкая себя пальцемъ по галстучному банту.

Иванъ Александровичъ машинально схватилъ себя за горло; лицо его изобразило безпокойное волненіе.

— Вы говорили, кажется, о какомъ-то опытѣ... въ чемъ же онъ состоитъ? спросилъ моргающій собесѣдника.

— Любопытный фактъ! возразилъ тотъ съ горячностью: — изволите видѣть: къ шесту, на высокой горѣ, прикрѣпили кусокъ стекла, прикрытый растворомъ изъ воды и меда; стекло, обращенное къ вѣтру, весьма натурально, не замедлило сдѣлаться тусклымъ; думали пыль, ничуть не бывало! приставили къ стеклу микроскопъ: Чтобы вы думали оказалось, а?.. Стекло оказалось усѣяннымъ тысячами, что я говорю! милліонами, сотнями тысячъ милліоновъ мелкихъ инфузорій синяго цвѣта и, очевидно, самаго ядовитаго свойства! подхватилъ онъ, скорчивши такую ужасную физіономію, что тощій собесѣдникъ, и безъ того уже напуганный, невольно пошатнулся:—вы ясно, слѣдовательно, видите, продолжалъ онъ воодушевляясь: — ясно видите, что воздухъ наполненъ, такъ-сказать, этими ядовитыми насѣкомыми. Очень натурально: человѣкъ, идущій противъ вѣтра съ открытымъ горломъ или ртомъ, что совершенно все равно, вы понимаете — долженъ наглотаться этихъ насѣкомыхъ; тутъ нѣтъ сомнѣнія...

При этомъ Свистулькинъ почувствовалъ страшную горечь во рту и нестерпимое щекотанье въ горлѣ, холодный потъ выступилъ на лбу и щекахъ его.

— Очень натурально; вы понимаете послѣ этого, какого слѣдуетъ ожидать дѣйствія, продолжалъ между тѣмъ пучеглазый господинъ, производя такіе жесты, какъ будто вѣрный источникъ, о которомъ говорилъ онъ, находился въ груди его и онъ принужденъ дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы черпать изъ нея свѣдѣнія:—инфузоріи эти распложаются, какъ вамъ, я полагаю извѣстно, съ баснословной быстротою: стоитъ проглотить двухъ и не пройдетъ часу, какъ ихъ явится уже милліонъ! Въ горлѣ, весьма натурально, холоднѣе чѣмъ въ легкихъ; инфузоріи летятъ съ востока и, слѣдовательно, любятъ тепло... вы

понимаете; они, слѣдовательно, распространяются далѣе... и наконецъ, это всего ужаснѣе, кидаются въ желудокъ...

Отъ дѣйствія ли воображенія, или отъ макаронъ, или наконецъ отъ излишняго куренія папиросъ, но только Свистулькинъ почувствовалъ въ эту минуму тошноту и сильные спазмы; холодный потъ струился уже подъ жилетомъ его и обдавалъ Ивана Александровича съ головы до ногъ; о горлѣ и говорить нечего: оно было во сто разъ хуже больного зуба.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! воскликнулъ тощій господинъ, который пересталъ моргать и глядѣлъ на разсказчика притупленными глазами;—что-жъ когда они попадутъ въ желудокъ... тогда-то?.. значитъ ужъ кончено!

— Кончено! съ увѣренностью подтвердилъ пучеглазый разсказчикъ: — кончено... параличъ желудка — и смерть!

— Смерть?

— Неминуемо, если только не возьмете вы заблаговременно предосторожностей, подхватилъ онъ весьма кстати, потому что Свистулькинъ не шутя началъ уже терять голову. Послѣднія слова курчаваго господина привели его въ сознаніе.

— Какія же это средства? торопливо спросилъ моргунъ.

— Очень простыя, проще быть не можетъ, также поспѣшно отвѣчалъ собесѣдникъ, посматривая на буфетъ; причемъ глаза его выкатились еще замѣтнѣе: —я, который говорю вамъ, подхватилъ онъ:—тысячу разъ испытывалъ ихъ на себѣ... Не далѣе какъ вчера и сегодня... и наконецъ, всякій день, чувствую я адскую боль въ горлѣ... какъ только это случится, надо, немедля ни минуты, выпить добрый стаканъ портвейну... или другого крѣпкаго напитка...

— Человѣкъ! мальчикъ! закричалъ тощій собесѣдникъ:—стаканъ портвейну!.. позвольте мнѣ также предложить вамъ стаканъ?

— Очень охотно, это всегдашнее мое средство, отвѣчалъ курчавый господинъ, съ удовольствіемъ потирая носъ, который не оставлялъ сомнѣнія, что сказанное его владѣльцемъ проникнуто истиной.

Тощій собесѣдникъ стремглавъ бросился къ буфету, но Иванъ Александровичъ успѣлъ уже предупредить его.

Стаканъ портвейну, выпитый залпомъ, дѣйствительно принесъ ему облегченье; но это продолжалось одну минуту, онъ почувствовалъ вдругъ, какъ будто весь кафе съ его шкафами, потолкомъ и даже мальчикомъ за конторкой, зашатались и закружились; онъ безсознательно почти положилъ сдачу въ карманъ и едва-едва могъ разслышать, какъ одинъ изъ собесѣдниковъ предложилъ новый стаканъ портвейну, и какъ другой охотно принялъ предложеніе, повторивъ, что это было всегдашнее его средство. Какъ Свистулькинъ вышелъ изъ кафе и сѣлъ на извозчика, какъ доѣхалъ до дому, какъ расплатился съ извозчикомъ — расплатился онъ или нѣтъ, этого онъ рѣшительно уже не помнилъ — и какъ потомъ очутился въ своей комнатѣ, во всемъ этомъ онъ не могъ дать ни себѣ, ни другимъ яснаго отчета; онъ помнилъ однакожъ, что войдя въ комнату, снялъ съ себя лучшее платье и уложилъ его въ комодъ, послѣ чего упалъ на кровать и лишился чувствъ.

Открывъ глаза, онъ почувствовалъ необыкновенный ломъ въ головѣ; къ этому присоединился адскій жаръ въ горлѣ, и онъ поспѣшилъ ощупать больное мѣсто. Представьте себѣ ужасъ Свистулькина, когда рука его, вмѣсто знакомаго мѣста, встрѣтила что-то похожее на подушку; шея его распухла и сравнялась съ подбородкомъ; все снова помрачилось передъ глазами Ивана Александровича; сердце его обмерло, и онъ снова потерялъ сознаніе.

Первый предметъ, который увидѣлъ онъ, пришедши вторично въ себя, была хозяйка квартиры съ огаркомъ въ рукахъ.

— Доктора!.. Анна Ивановна... поскорѣе! я наглотался, проглотилъ милліонъ насѣкомыхъ... скорѣе доктора, умираю! могъ только простонать Свистулькинъ.

Всѣ возможные роды ожиданія мучительны; но самые мучительные часы безспорно тѣ, когда ждешь доктора; много такихъ часовъ провелъ Иванъ Александровичъ, потому что, какъ извѣстно, доктора рѣдко отыскиваются въ минуты крайней необходимости. Наконецъ явился док-

торъ. Онъ былъ еще въ дверяхъ, когда Свистулькинъ протянулъ ему руку и высунулъ языкъ. Докторъ началъ съ того, что оглянулъ комнату, потомъ медленно и какъ можно комфортабельнѣе расположился на стулѣ; устроивъ себя такимъ образомъ, докторъ взглянулъ при свѣтѣ огарка на языкъ больного, потомъ обратилъ глаза на кончики своихъ сапоговъ, потомъ снова на языкъ, потомъ пощупалъ пульсъ и, снова обратившись къ сапогамъ своимъ, произнесъ спокойно:

— Ничего... легкая простуда... покажите горло... больно? промолвилъ онъ, тыкая пальцемъ въ больное мѣсто такъ же безцеремонно, какъ еслибъ оно было изъ дерева.

Свистулькинъ закричалъ благимъ-матомъ.

— Зачѣмъ же такъ кричать! сказалъ докторъ голосомъ, который ясно свидѣтельствовалъ, что онъ былъ врагъ шума:—это ничего... просто простуда... у васъ свинка...

— Нѣтъ... докторъ... нѣтъ! съ ужасомъ прокричалъ Свистулькинъ.

— Свинка и больше ничего! проговорилъ медикъ съ обычною ему невозмутимостью.

— Я проглотилъ насѣкомыхъ... пояснялъ между тѣмъ Свистулькинъ:—ихъ множество въ воздухѣ!.. синія... ядовитаго свойства... весь воздухъ наполненъ ими...

Тутъ докторъ въ первый разъ, можно сказать, обратилъ свое вниманіе на больного.

— У больного жаръ, бредъ, это часто бываетъ при свинкѣ, проговорилъ онъ, повернувшись къ хозяйкѣ:— обложить его горчичниками!..

Сказавъ это, докторъ всталъ и, не слушая криковъ больного, вышелъ въ сосѣднюю комнату прописывать рецептъ; минуты три спустя, онъ оставилъ квартиру.

Горчичники произвели свое дѣйствіе; на другой день Ивану Александровичу стало легче. Здѣсь, конечно, надо разумѣть физическое облегченіе; моральная сторона Ивана Александровича была разстроена выше всякаго описанія. Главная причина разстройства заключалась, не столько въ самой болѣзни, которая, какъ самъ онъ догадался, не была опасна, сколько въ ея названіи:—«свинка!« свинка!» думалъ онъ. съ ужасомъ оглядывая въ зеркальцѣ свою

шею, значительно однакожъ уменьшившуюся: «отчего же свинка, а не другая болѣзнь? отчего свинка у меня именно! И чѣмъ занимаются эти доктора... о чемъ думаютъ эти факультеты! какъ наконецъ необлагородить названія... свинка, вѣдь выдумаютъ же!»

Не мало также смущало Свистулькина и то, что наканунѣ обѣщалъ онъ провести вечеръ у Беккеровъ. Что подумаетъ Лотхенъ? Что скажутъ ея отецъ и мать? Хорошо, если проклятая свинка пройдетъ скоро, какъ сказалъ докторъ; но доктора такіе же человѣки, несмотря на всю ихъ ученость, и не всегда сбываются ихъ предсказанія! Ивана Александровича пуще всего пугала мысль, что въ его отсутствіе къ Беккеру можетъ явиться покупщикъ дома; стоитъ только покупщику дать задатокъ, превышающій тѣ триста рублей, которые Свистулькинъ бережетъ пуще глаза и предназначаетъ для той же цѣли—все пропало тогда! Сообщить Беккерамъ о болѣзни нѣтъ никакой возможности! Добрый Андрей Андреичъ сейчасъ же явится навѣстить больного, письмо можетъ быть безъ адреса; но нынче заведены адресные столы и, стоитъ булочнику узнать о болѣзни знакомаго, онъ непремѣнно отыщетъ его. Другое дѣло, еслибъ Иванъ Александровичъ занималъ богатую квартиру, обставленную отличной мебелью и имѣлъ тѣхъ слугъ, которыми былъ такъ недоволенъ и на которыхъ столько разъ жаловался Беккерамъ. Впрочемъ, тогда Иванъ Александровичъ не имѣлъ бы надобности переписываться съ Беккеромъ, тогда между нимъ и булочникомъ не было бы ничего общаго; онъ врядъ ли даже пустилъ бы тогда какого-нибудь Беккера на порогъ своей квартиры.

Свистулькина тровожила также мысль о предстоящемъ балѣ у Z. Балъ назначенъ въ пятницу: нынче понедѣльникъ, остается всего четыре дня. Ну какъ не пройдетъ опухоль? Будь другая болѣзнь онъ не сталъ бы сокрушаться, отправился бы несмотря ни на какія послѣдствія. Но свинка!.. есть ли возможность явиться въ большой свѣтъ съ признаками болѣзни, у которой такое неблагородное названіе.

При такихъ мысляхъ засталъ его докторъ. Изъ словъ

медика оказалось, что дня черезъ три опухоль пройдетъ окончательно и больной будетъ совершенно здоровъ. Иванъ Александровичъ принялся убѣдительно просить доктора навѣстить его черезъ два дня для окончательнаго приговора. Докторъ прописалъ новыя припарки и удалился, обѣщавъ исполнить просьбу. Опухоль уменьшалась съ каждымъ часомъ, прошелъ еще день — и галстукъ à la papillon свободно уже могъ обхватывать шею Свистулькина; отъ свинки оставалась одна лишь слабая тѣнь. Вечеромъ Иванъ Александровичъ вынулъ изъ комода всѣ свои галстуки, и сѣвъ передъ зеркальцемъ, началъ упражняться въ повязываніи бантовъ.

«Но послужитъ ли это къ чему нибудь? пришлютъ ли еще приглашеніе?..» подумалъ онъ, послѣ чего оставилъ свое занятіе и впалъ въ задумчивость.

Тѣмъ не менѣе, онъ сообщилъ Аннѣ Ивановнѣ, что если, паче чаянія, придетъ лакей съ запиской, то чтобы не впускали его въ комнату; слѣдовало только взять записку и сказать: «хорошо!»

Предоставляю вамъ судить о томъ, что долженъ былъ ощутить нашъ герой, когда на другой день утромъ, хозяйка квартиры подала ему тщательно-свернутую записку, запечатанную облаткой. Сердце Ивана Александровича забилось сильно и, блѣдный отъ природы, онъ покраснѣлъ какъ клюква, когда глаза его встрѣтили слѣдующія строки, писанныя канцелярскимъ почеркомъ:

«Князь и княгиня Z. покорнѣйше просятъ Ивана Александровича Свистулькина сдѣлать имъ честь, пожаловать къ нимъ въ пятницу на вечеръ...»

Было около четырехъ часовъ пополудни, ровно за два часа до того времени, когда Свистулькинъ просилъ доктора пожаловать. Въ пять часовъ Иванъ Александровичъ торопливо одѣлся и направился къ Беккерамъ...

Помнится мнѣ, докторъ, пользовавшій когда-то Ивана Александровича, очень любилъ разсказывать анекдотъ о томъ, какую штуку сыгралъ съ нимъ одинъ молодой человѣкъ, одержимый свинкой. Докторъ охотно всегда присовокуплялъ къ анекдоту слѣдующее:

— «Свинка, говорилъ онъ:—свинка, конечно, опасна:

но не знаю какъ объяснить это—одолженъ ли я особенно какому-нибудь счастью, или чему другому, но только ручаюсь вамъ чѣмъ угодно за свинку! Разъ приглашаютъ меня къ одному весьма значительному человѣку; представьте себѣ — вотъ! присовокупилъ докторъ, показывая на аршинъ отъ горла: совсѣмъ было задавила его... и что-жъ! На третій день утромъ онъ гулялъ по Невскому, какъ ни въ чемъ не бывало, а вечеромъ танцовалъ на балѣ — и танцовалъ, надо замѣтить, до пяти часовъ утра!..»

IX.

У БЕККЕРОВЪ.

Беккеры жили въ собственномъ домѣ и занимали квартиру надъ булочной. Не думайте, чтобы прежнее ихъ помѣщеніе, находившееся въ нижнемъ этажѣ и служившее продолженіемъ булочной, оставлено было изъ чувства, свойственнаго разбогатѣвшимъ людямъ—вовсе нѣтъ: Беккерамъ пришлось бы тогда переѣхать двадцать лѣтъ назадъ; а сообразно съ ихъ теперешнимъ состояніемъ, слѣдовало бы занимать бель-этажъ въ двадцать оконъ на улицу. Перемѣщеніе произошло съ весьма недавняго времени, а именно вскорѣ послѣ выхода Лотхенъ изъ пансіона.

Не слѣдуетъ также заключать, чтобы отдаленіе отъ булочной совершилось вслѣдствіе какихъ-нибудь мечтаній касательно дочери. Вильгельмина Карловна была, можетъ статься, заражена кой-какими аристократическими мыслями, возбужденными тѣмъ, что одна изъ соученицъ Лотхенъ была княгиня, а другая графиня; но Андрей Андреичъ смотрѣлъ на это равнодушно: онъ любилъ дочь, вышедшую изъ пансіона и рисовавшую греческую профиль, ничуть не менѣе того, какъ любилъ ее, когда она чистила миндаль для пряниковъ. Переѣздъ совершился совсѣмъ по другимъ причинамъ: Лотхенъ поминутно жаловалась, что звяканье колокольчика, раздававшееся съ утра до вечера изъ булочной, препятствовало ей за-

ниматься музыкой. Андрей Андреичъ и его супруга, любившіе въ сумеречный часъ послушать вальсъ и поминутно тревожимые колокольчикомъ, раздѣлили мнѣніе дочери; къ этому присоединилось и то еще, что Лотхенъ, отвыкнувшая отъ запаха печенаго хлѣба и жженаго миндаля, начала съ нѣкоторыхъ поръ жаловаться на головную боль. Рѣшено было переѣхать во второй этажъ, который какъ нарочно освободился отъ жильцовъ. Новая квартира была отдѣлана или, лучше сказать, обставлена съ необычайной простотой, но безъ всякаго вкуса: въ пяти комнатахъ одинъ рояль заслуживалъ вниманія: остальное все заслуживало названіе хлама, хоть и отличалось чистотою.

«Непостижимое дѣло! частенько думалъ Иванъ Александровичъ: и это люди, имѣющіе тысячъ триста въ ломбардѣ! Кто бы повѣрилъ этому! Надо быть я не знаю чѣмъ, чтобы при такомъ состояніи жить хуже всякаго человѣка, получающаго двѣ тысячи жалованья, и въ добавокъ еще, продолжать печь булки и крендели!.. Эхъ! эхъ!.. Будь у меня эти деньги, будь половина этихъ денегъ... Квартира — великолѣпіе! вездѣ Гамбсъ и Туръ... бархатъ, ковры, люстры; на конюшнѣ шесть лошадей въ сѣрыхъ яблокахъ, такихъ лошадей, чтобы пѣна такъ вотъ и хлестала подъ удилами!.. карета—просто: фуррр!.. эхъ, да что тутъ толковать, только раздразнить!..» заключилъ онъ съ досадой.

Но Андрей Андреичъ былъ нѣмецъ, къ тому же человѣкъ простой, необразованный, не понимавшій толку въ кровныхъ лошадяхъ и дорогой мебели; и потому, весьма естественно, не могъ онъ раздѣлять мыслей людей образованныхъ.

Кто-то сказалъ, что описывать квартиры скучно, а читать такія описанія — еще скучнѣе; основываясь на этомъ, перейдемъ къ дѣйствующимъ лицамъ.

Начало смеркаться. Лотхенъ только что встала изъ-за рояля, на которомъ играла безъ умолку три часа; піесы, выбираемыя ею, съ нѣкоторыхъ поръ отличались необыкновенною меланхоліею; то были по большей части morceaux на слова:—Oh, mon coeur! mon pauvre coeur!—

Entends-tu les souffrances de mon âme?—Jeune chevalier, и проч. Весьма натурально, эти morceaux расположили ее сѣсть къ окну и пробудили въ ней желаніе глядѣть, какъ мрачныя осеннія сумерки окутывали улицу и какъ небо постепенно покрывалось зловѣщими облаками. Отдавшись созерцанію облаковъ, она ни разу не взглянула на мать, которая сидѣла на диванѣ въ этой же комнатѣ и вязала перчатки à jour, съ отверстіемъ для каждаго пальца.

— Лотхенъ, сказала Вильгельмина Карловна по-нѣмецки: о чемъ это ты, мой другъ, задумалась?.. ты бы лучше сыграла что нибудь... поди, мой ангелъ, сыграй мнѣ Du lieber Augustin... ты знаешь, какъ я это люблю...

— Ахъ, маменька, вы вѣчно съ своими... Лотхенъ не договорила, и прекрасно сдѣлала; нервическое раздраженіе, въ которое повергаетъ молодыхъ дѣвицъ игра меланхолическихъ morceaux, рѣдко внушаетъ пріятныя мысли, и еще рѣже, пріятные отвѣты.

Снисходительная Вильгельмина Карловна замолкла и снова принялась вязать; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока кухарка не поставила на столъ свѣчей.

— Не понимаю, отчего это такъ долго не идетъ къ намъ Иванъ Александровичъ?.. начала снова мать.

Лотхенъ сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Вотъ пять дней какъ онъ у насъ не былъ, продолжала мать: — помнишь, какъ мы встрѣтили его на Невскомъ; онъ сказалъ что придетъ на другой день... и не пришелъ... ужъ не боленъ ли онъ?..

Лотхенъ положила локти на окно, опустила лицо въ ладони и прижала головой стекло съ такою силой, что еще немножко — и оно бы разлетѣлось въ дребезги. Въ самую эту минуту въ передней раздался звонокъ.

— Ну вотъ... не онъ ли!.. произнесла Вильгельмина Карловна, оставляя вязанье, между тѣмъ какъ Лотхенъ оторвалась отъ окна, и устремила нетерпѣливые глаза на дверь.

Голосъ Ивана Александровича послышался въ прихожей: «Дома?»—Дома!—и секунду спустя онъ явился въ комнатѣ, занимаемой дамами.

— Вильгельмина Карловна, я совершенно счастливъ...

какъ ваше здоровье? произнесъ онъ, ловко расшаркиваясь:—здравствуйте Шарлота Андреевна, подхватилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, и протянулъ руку Лотхенъ. Лотхенъ подала ему руку, стараясь принять тотъ совершенно равнодушный видъ, который, по настоящему, давно бы слѣдовало оставить барышнямъ, ошибочно думающимъ, что равнодушіе это кого-нибудь обманываетъ.

— Скажите пожалуйста. Иванъ Александровичъ, что съ вами было? спросила Вильгельмина Карловна послѣ того, какъ молодой человѣкъ настоятельно потребовалъ свѣдѣнія объ ея здоровьѣ.

— Вѣрно всѣ эти дни были балы и обѣды и Ивану Александровичу было некогда, замѣтила Лотхенъ, дѣлая удареніе на послѣднее слово.

— Позвольте васъ поблагодарить за такое мнѣніе обо мнѣ! произнесъ обиженнымъ тономъ гость: — вы полагаете, что какой-нибудь обѣдъ или балъ могли... еще разъ поблагодарю васъ... позвольте, однакожъ, сказать вамъ... вы ошиблись... я былъ боленъ...

— О?.. произнесла мать, качая головою: видишь ли Лотхенъ, я говорила тебѣ...

— Да-съ, я былъ боленъ, можно даже сказать, былъ въ двухъ шагахъ отъ смерти, довершилъ Свистулькинъ, выразительно взглядывая на дѣвушку, которая вспыхнула.

— Фуй, фуй!.. какъ это можно... какимъ же это манеромъ? вомолвила мать.

— Я былъ... у меня было... я простудился, жестоко простудился, подхватилъ гость, съ ужасомъ помышляя о свинкѣ:—доктора̀—ихъ было четверо, цѣлый консиліумъ—единодушно сказали: еще день — и все кончено! Я былъ на волосокъ отъ смерти... да-съ!

— Фуй, фуй, какъ же это такъ, Иванъ Александровичъ?..

— Очень просто-съ, отвѣчалъ гость въ веселостью, которая доказывала, что онъ очень доволенъ былъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на молодую дѣвушку: — въ тотъ день, какъ имѣлъ я удовольствіе встрѣтить васъ на Невскомъ, я поѣхалъ вечеромъ на балъ къ княгинѣ... N. Жаръ нестерпимый... выхожу, на лѣстницѣ попадается

пріятель... нѣкто N. N., я попросилъ его довезти меня домой... мы живемъ другъ подлѣ друга... Мы сѣли и такъ заболтались дорогой, что не замѣтили окна, которое во все время было отворено... должно быть, мнѣ надуло въ грудь...

— Какая неосторожность!.. ахъ, Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ!

— Что такое, Вильгельмина Карловна?

— Эти балы и вся эта жизнь, которую вы ведете, не кончатся добромъ... я и мужъ сколько разъ говорили вамъ объ этомъ... замѣтила нѣмка съ родственнымъ участіемъ.

— Кому вы это говорите! со вздохомъ вымолвилъ гость:—кому вы это говорите, почтеннѣйшая Вильгельмина Карловна! подхватилъ онъ, устремляя грустный взглядъ сначала на мать, потомъ на дочь: — что-жъ можетъ быть хорошаго въ этихъ ночахъ, проведенныхъ безъ сна!.. и хорошо еслибъ одну, двѣ, три такихъ ночи, но нѣтъ: каждая ночь проводится въ душныхъ залахъ, освѣщенныхъ тысячами свѣчей, наполненныхъ народомъ! Впрочемъ, надо правду сказать, продолжалъ онъ, какъ бы смягчаясь: балы еще ничего, они не такъ разрушительно дѣйствуютъ, какъ обѣды... Вотъ, Вильгельмина Карловна, что губитъ нашего брата! подхватилъ онъ съ ожесточеніемъ:—всѣ эти тонкія, изысканныя блюда... какой нибудь подадутъ вдругъ супъ à la Ménéhoult, или пломбьеръ: все это яды, да — яды, потому что на этихъ гастрономическихъ обѣдахъ рѣшительно ѣшь иногда — ядъ! Все искусство, ни одного кусочка нѣтъ натуральнаго... подаютъ ли говядину — требуютъ, чтобъ она непремѣнно имѣла вкусъ рыбы; подаютъ рыбу—требуютъ вкусъ говядины... Вотъ это-то именно и губитъ нашего брата!.. Позвольте закурить папироску! добавилъ онъ неожиданно, на что тотчасъ же получилъ позволеніе.

— O Gott! o Gott! произнесла госпожа Беккеръ, съ участіемъ глядя на гостя.

— Скажите, какъ здоровье Андрея Андреича?.. началъ Свистулькинъ:—да вотъ кажется и онъ... сказалъ онъ, подымаясь съ дивана.

И точно, въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги, и не успѣлъ гость пустить двухъ клубовъ дыма, какъ хозяинъ появился на порогѣ и протянулъ ему руку.

Мы никогда не видали и не увидимъ такого громаднаго булочника какъ Андрей Андреичъ Беккеръ; ростъ, сила и здоровье десятерыхъ рослыхъ, сильныхъ и здоровыхъ людей соединились въ этомъ человѣкѣ съ короткой, бѣлой какъ мука шеей, съ круглой головою, покрытой густыми бѣлокурыми кудрями. На немъ была бѣлая холстяная куртка, такой же жилетъ и панталоны, изъ-подъ которыхъ выглядывали монументальныя ступни, обутыя въ башмаки; все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало Андрея Андреича чрезвычайно похожимъ на знаменитаго бѣлаго слона, которымъ такъ справедливо гордился сіамскій король. Добродушіе выглядывало изъ каждой черты его широкаго, румянаго лица; толстыя губы его, постоянно оживленныя улыбкой, краснорѣчиво подтверждали доброту и мягкость его нрава; Андрей Андреичъ былъ дѣйствительно добръ и мягокъ, какъ пеклеванный хлѣбъ, только что вынутый изъ печки.

— Вотъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, произнесъ Свистулькинъ, горячо пожавъ руку Беккера и усѣвшись подлѣ него на диванѣ: — вотъ ваши дамы, Андрей Андреичъ, не перестаютъ бранить меня... онѣ рѣшительно на меня нападаютъ...

— О! проговорилъ Беккеръ, выпучивая оловянные глаза и улыбаясь.

— Да, нападаютъ, подхватилъ любезничая гость:— дѣло въ томъ, однакожъ, что онѣ справедливо нападаютъ... Согласитесь сами, могу ли я въ настоящемъ своемъ положеніи бросить общество, не ѣздить на вечера, отказываться отъ обѣдовъ?.. Я уже сколько разъ говорилъ вамъ объ этомъ: мое положеніе таково; никакъ нельзя! Все зависитъ отъ положенія, подхватилъ онъ, неожиданно принимая спокойно-разсудительный тонъ:—будь я человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, или женатый... другое дѣло! Но молодому человѣку невозможно жить иначе... мы зависимъ отъ общества! да, зависимъ!.. Да вотъ, чего же еще лучше, я сейчасъ могу доказать вамъ, присовокупилъ онъ, вы-

нимая изъ кармана приглашеніе княгини:—вотъ, взгляните сами, если не вѣрите... Я еще боленъ... чувствую, что далеко еще не поправился, а долженъ ѣхать, непремѣнно долженъ, и поѣду; зоветъ... Какъ же не ѣхать какъ не ѣхать, когда прежде бывалъ у ней почти каждый день! добавилъ Иванъ Александровичъ и подалъ записку.

Приглашеніе, переходя изъ рукъ въ руки, произвело на каждаго изъ присутствующихъ различное дѣйствіе: Вильгельмина Карловна оставила свое вязанье и, потряхивая бантами на головѣ, съ гордостью посматривала на гостя; Андрей Андреичъ говорившій вообще очень мало, неопредѣленно улыбался и потряхивалъ головою; Лотхенъ старалась принять видъ глубокаго равнодушія, но пальцы ея, досадливо комкавшіе записку, измѣнили ей.

— Да, боленъ, чувствую, что еще боленъ, а долженъ ѣхать, и поѣду! продолжалъ между тѣмъ Иванъ Александровичъ, съ грустью, весьма близкою къ досадѣ:— поѣду, несмотря на страшную скуку, которая меня тамъ ожидаетъ... Но что скука? я боленъ, боленъ душевно и физически, и все-таки поѣду... таковы условія нашего общества!..

Андрей Андреичъ неодобрительно тряхнулъ головою и пропустилъ сквозь зубы какой-то жалобный звукъ; взгляды Вильгельмины Карловны, устремившіеся на молодого человѣка, выражали участіе; Лотхенъ бросила записку на окно, отвернулась и задумчиво наклонила голову.

Иванъ Александровичъ украдкою обвелъ глазами отца, мать и дочь, и вдругъ повеселѣлъ. Къ такому благопріятному расположенію не мало подѣйствовалъ чай и превосходная сдобная баба съ миндалемъ и коринкой, которую поставила на столъ кухарка. Во все продолженіе чайной операціи онъ былъ разговорчивъ и любезенъ, какъ только можетъ быть любезенъ человѣкъ, который, чувствуя свое превосходство надъ людьми, пользуется тѣмъ не менѣе случаемъ произвести на нихъ самое выгодное впечатлѣніе. Старикъ Беккеръ слушалъ однакожъ разсѣянно разсказы своего гостя; онъ, конечно, улыбался и одобрительно по-

тряхивалъ головою, но чаще потиралъ лобъ, какъ бы об думывая что-то.

— Иванъ Александровичъ, сказалъ онъ наконецъ, выбравъ минуту, когда разсказчикъ остановился: — намъ надо поговорить о дѣлѣ...

— Ахъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, произнесъ Свистулькинъ посылая ему одну изъ тѣхъ очаровательныхъ улыбокъ, которыя служатъ всегда прикрытіемъ внутренняго волненія.

— Безъ васъ приходилъ ко мнѣ покупщикъ, сказалъ булочникъ.

— А! вымолвилъ Свистулькинъ, лицо котораго побагровѣло и омрачилось, но онъ поспѣшилъ кашлянуть и показалъ видъ, что проглотилъ слишкомъ большой кусокъ бабы.

— Да, и я очень радъ, что вы пожаловали сегодня, продолжалъ Беккеръ:—мнѣ хотѣлось узнать ваше намѣреніе... покупщикъ желаетъ кончить скорѣе... и даже предлагалъ вчера задатокъ...

— Если только въ этомъ дѣло, торопливо сказалъ Свистулькинъ:—мы сейчасъ же... сію минуту... напрасно вы прежде не сказали мнѣ... Не знаю только, взялъ ли я съ собою столько денегъ...

При этомъ, Иванъ Александровичъ, мысленно благословлявшій тѣ триста рублей, которые удалось ему сберечь для этого случая и которые находились теперь въ его карманѣ, вынулъ бумажникъ.

— Все равно, Иванъ Александровичъ, все равно... въ другое время... мнѣ хотѣлось только знать ваше намѣреніе... сказалъ Беккеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Андрей Андреичъ, съ живостью перебилъ гость: — не думайте, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ былъ такъ вѣтренъ и опрометчивъ... я знаю, вы такого мнѣнія обо мнѣ, вы и Вильгельмина Карловна... и... но въ дѣлахъ я акуратенъ... нѣтъ, пожалуйста... прошу васъ... Все равно, рано или поздно, надо же будетъ отдавать деньги... не знаю только, сколько у меня здѣсь... мм... м... сто... мм...

двѣсти...мм... триста рублей, бездѣлица... и этого недостаточно для задатка...

— О! очень довольно... мнѣ хотѣлось только узнать ваше намѣреніе... довольно вашего слова... проговорилъ булочникъ, складывая деньги и благодаря гостя.

Каждый пойметъ, что это обстоятельство сильно способствовало къ тому, чтобы всѣ развеселились; каждый изъ присутствующихъ имѣлъ свои причины радоваться окончанію дѣла; но болѣе всѣхъ, конечно, радовался Иванъ Александровичъ. Онъ разсказалъ множество анекдотовъ и представилъ нѣсколько комическихъ сценъ, совершившихся преимущественно на знаменитыхъ балахъ и обѣдахъ большого свѣта, а такъ-какъ Иванъ Александровичъ всегда былъ дѣйствующимъ лицомъ, то, естественно, анекдоты и сцены получали еще больше интереса; въ числѣ анекдотовъ, разсказанныхъ имъ, особенно понравился тотъ, который имѣлъ предметомъ Пейпусова и Фурно. Иванъ Александровичъ описалъ наружность дѣйствующихъ лицъ, ихъ костюмъ, голосъ, выраженія, пріемы, и съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ описалъ отчаяніе Фурно, обманутаго Пейпусовымъ, что добродушный Андрей Андреичъ чуть не задохнулся отъ смѣха. Затѣмъ Свистулькинъ, любезность котораго усиливалась вмѣстѣ съ веселостью, началъ просить Лотхенъ съиграть что-нибудь на роялѣ; Лотхенъ долго отказывалась; она, казалось, все еще не могла простить Ивану Александровичу дружбу его съ княгиней; но отецъ взялъ ее подъ одну руку, мать подъ другую и силою почти повлекли ее къ роялю.

Съ утонченною услужливостью, свойственною лишь молодымъ людямъ того круга, который посѣщался Свистулькинымъ, онъ кинулся со всѣхъ ногъ къ инструменту, открылъ его, поставилъ свѣчки по бокамъ и пододвинулъ табуретъ молодой дѣвушкѣ; послѣ этого перешелъ онъ на другой конецъ рояля, опустился на локти, украдкою провелъ нѣсколько разъ языкомъ по губамъ и впился глазами въ глаза Лотхенъ, которая тотчасъ же отвернулась, но взяла однакожъ меланхолическій акордъ. Свистулькинъ мгновенно выпрямился, обернулся къ Беккеру и его супругѣ, извинился, что сталъ къ нимъ спи-

ною, и граціозно выступая на цыпочкахъ подъ тактъ музыки, расположился за стуломъ виртуозки и скорчилъ восторженную физіономію.

Воцарилось мертвое молчаніе. Лотхенъ взяла еще акордъ, потомъ еще акордъ, который былъ несравненно слабѣе перваго; потомъ пальцы ея неопредѣленно какъ-то скользнули по клавишамъ, и въ ту минуту, какъ кавалеръ, стоявшій за ея стуломъ, думалъ услышать страстный музыкальный намекъ, долженствовавшій выразить чувства прекрасной виртуозки къ кавалеру, стоявшему за ея стуломъ,—Лотхенъ закрыла вдругъ лицо руками и залилась истерическимъ воплемъ.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ, сопровождавшійся не менѣе отчаяннымъ жестомъ, и вдругъ закричалъ: «спасите!» такимъ голосомъ, который рѣдко даже удается слышать на трагическихъ сценахъ; послѣ этого мгновенно вынулъ онъ изъ кармана платокъ и приложилъ его къ глазамъ своимъ. Вильгельмина Карловна и Андрей Андреичъ давно уже были подлѣ дочери. На крикъ и шумъ прибѣжала кухарка, а слѣдомъ за ней явился подмастерье изъ булочной, который ловилъ каждую удобную минуту, чтобы сидѣть съ кухаркой: рыдающую Лотхенъ подняли на руки и торжественно понесли въ спальню. Андрей Андреичъ закрывалъ шествіе. Но Свистулькинъ, успѣвшій въ это время натереть глаза до-красна и встрепать себѣ волосы, остановилъ его въ дверяхъ.

— Андрей Андреичъ, сказалъ онъ, дыша съ особеннымъ напряженіемъ и дико блуждая глазами: — Андрей Андреичъ, я долженъ съ вами объясниться!..

— Извините... Иванъ Александровичъ... вы видите was für ein... o Gott! o Gott... я сейчасъ приду...

— Нѣтъ, Андрей Андреичъ, теперь — или никогда! энергически произнесъ Иванъ Александровичъ: — теперь или никогда! добавилъ онъ съ твердостью, внушенною сознаніемъ, что теперь именно настала рѣшительная минута. — Андрей Андреичъ, успокойтесь, умоляю васъ... ваше сердце, я понимаю... успокойтесь, сядьте и выслушайте меня... Вы можете дунуть и убить человѣка...

Въ этомъ не было сомнѣнія, особенно если человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, былъ такъ же жалко надѣленъ физически, какъ Иванъ Александровичъ. Андрей Андреичъ, недоумѣвающіе глаза котораго переходили отъ двери, куда унесли Лотхенъ, къ отчаянному лицу гостя, повиновался и сѣлъ.

— Андрей Андреичъ, началъ Свистулькинъ, садясь подлѣ и схвативши его руку; — вы, можетъ быть, ужъ замѣтили, можетъ быть даже знаете... и Вильгельмина Карловна также... и всѣ.. Андрей Андреичъ!.. я люблю, я страстно люблю вашу дочь!.. я обожаю ее... и имѣю, скажу откровенно, имѣю причины думать, что она раздѣляетъ мои чувства... вы были свидѣтелемъ... эти слезы... это... все это вамъ доказываетъ... о! не убивайте!.. не убивайте!.. подумайте о послѣдствіяхъ... вспомните только, сколько погибло молодыхъ людей... молодыхъ дѣвушекъ, которымъ препятствовали вступить въ брачный союзъ... Все это говорю я не для себя... что я? — что мнѣ?.. говорю для нея... у ней такая слабенькая грудь... такіе нервы, вы знаете...

— O Gott! o Gott! простоналъ Андрей Андреичъ, едва переводя духъ.

— Спасите ее и меня... она и я, мы оба можемъ погибнуть... Андрей Андреичъ! Я прошу у васъ руки вашей дочери! заключилъ Иванъ Александровичъ, вскакивая съ дивана и дѣлая движеніе человѣка, который готовъ поразить себя смертельнымъ ударомъ въ случаѣ неудачи.

Потрясеніе, испытанное Андреемъ Андреичемъ въ эти десять минутъ, было единственнымъ потрясеніемъ въ его мирной жизни, и потому, весьма натурально, ему потребовалось нѣсколько минутъ, чтобы придти въ себя; наконецъ, онъ тяжело поднялся на монументальныя ступни свои и, потирая лобъ, сказалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ:

— Позвольте мнѣ переговорить съ женою...

— Такъ, стало быть, вы согласны? воскликнулъ Свистулькинъ, приготовляясь броситься въ объятія булочника.

— Надо переговорить съ женою, повторилъ Андрей

Андреичъ: вы понимаете, Иванъ Александровичъ, это такое важное дѣло... надо посовѣтоваться, подумать...

— Подумать!.. конечно... впрочемъ и безъ того уже неслишкомъ ли мы долго думали! возразилъ Иванъ Александровичъ, выразительно указывая на дверь, куда вынесли Лотхенъ: — Андрей Андреичъ, повторяю вамъ — я прошу руки вашей дочери!.. согласны вы—да или нѣтъ... заключилъ онъ, снова принимая трагическую позу.

— Вы понимаете, Иванъ Александровичъ, еслибъ это отъ меня... я... но мнѣ право нельзя сказать... надо посовѣтоваться... ваше предложеніе дѣлаетъ намъ большую честь... но надо подумать... промолвилъ Беккеръ перенося свои мысли къ женинымъ братьямъ, Карлу портному и Готлибу сапожнику, свѣтскою опытностью которыхъ онъ всегда дорожилъ.

— Ну, хорошо, проговорилъ Иванъ Александровичъ примирительно:—хорошо; сегодня четвергъ, завтра пятница... въ субботу я приду за отвѣтомъ!.. Подумайте о послѣдствіяхъ, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ; одно повторяю: подумайте о ея слабомъ здоровьѣ... вы видѣли... сами видѣли... но довольно; я васъ не задерживаю... я понимаю, какъ нельзя лучше теперешнее ваше положеніе... а наконецъ и самъ—вы понимаете—самъ слишкомъ взволнованъ!.. До свиданія, до субботы!..

Проговоривъ все это торопливо взволнованнымъ голосомъ, Свистулькинъ взялъ шляпу, горячо пожалъ руку Беккера, все еще стоявшаго на мѣстѣ въ оцѣпенѣніи, и выбѣжалъ изъ квартиры его. Въ томъ состояніи чувствъ, въ какомъ находился нашъ герой, свѣжій воздухъ долженъ былъ принести ему значительную пользу; и точно едва очутился онъ на тротуарѣ, какъ волненіе его мгновенно уступило мѣсто самой неукротимой восторженности.

«Дѣло въ шляпѣ! произнесъ онъ почти громко, махнулъ рукою и сдѣлалъ прыжокъ; а ты, любезный, подхватилъ онъ неожиданно, поворачиваясь къ дому и направляя глаза къ золотому кренделю, который висѣлъ надъ

дверьми и блисталъ передъ фонаремъ:—тебѣ существовать не долго! ужъ какъ они себѣ тамъ хотятъ, а чтобъ кренделя этого не было! развѣ наймутъ намъ другую квартиру!.. Извозчикъ!» заключилъ Иванъ Александровичъ такимъ громовымъ голосомъ, что пѣшеходы, шедшіе въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ улицы, вздрогнули и повернулись въ его сторону. Свистулькинъ нанялъ извозчика безъ торгу, сѣлъ, сказалъ ему улицу, гдѣ жилъ и, запрятавъ лицо въ cache-nez, закрылъ глаза и приказалъ ѣхать.

Никогда еще воображеніе нашего героя не работало такъ сильно подъ вліяніемъ восторженныхъ ощущеній; оно, казалось теперь только вполнѣ созрѣло и распустило крылья. Воображеніе Ивана Александровича, сорвавъ ненавистный золотой крендель, воздвигло на его мѣстѣ какой-то пестрый гербъ, который прямо пришелся надъ чугуннымъ великолѣпнымъ подъѣздомъ, заступившимъ мѣсто дверей въ булочную; дѣйствіемъ того же воображенія, булки, сухари и ватрушки, украшавшіе окно нижняго этажа, превратились въ тучнаго швейцара съ булавою, расхаживающаго по прихожей Z; Иванъ Александровичъ увидѣлъ себя потомъ въ магазинѣ Тура; потомъ въ собственномъ домѣ дающимъ великолѣпный обѣдъ господину въ черныхъ бакенахъ, встрѣченному когда то у Фурно, его тремъ собесѣдникамъ и графу Слапачинскому. Воображеніе, пущенное такимъ образомъ во весь карьеръ, не могло, конечно, скоро остановиться: оно понесло Ивана Александровича по Невскому, сначала въ каретѣ, потомъ пѣшкомъ; носило его по аллеямъ Лѣтняго сада и по Елагину острову, представляло ему залу Большого театра, сотню биноклей, устремленныхъ исключительно на его брильянтовую булавку, величиною съ грецкій орѣхъ, представляло ему Карла и Готлиба Шамбахеровъ, трепетно ожидающихъ въ передней и униженно просящихъ возвратить имъ его практику; онъ наслаждался уже раскаяньемъ враговъ своихъ и готовился произнести грозное, безпощадное—«вонъ!»—когда извозчикъ остановился и сказалъ, что пріѣхали.

X.

БАЛЪ.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ приготовленіямъ къ знаменитому балу. Приготовленія со стороны Свистулькина требовали сильнаго умственнаго напряженія: надлежало привести въ память всѣ впечатлѣнія, собранныя въ парикмахерскихъ—единственномъ мѣстѣ, гдѣ приводилось ему встрѣчать великосвѣтскихъ людей, готовящихся отправиться на балъ; зажмуривъ глаза и насупивъ лобъ, Иванъ Александровичъ истощалъ всѣ силы своего воображенія, повѣряя эти впечатлѣнія и представляя себѣ ясно и отчетливо бальный костюмъ. Легко было спутаться въ своихъ воспоминаніяхъ и сдѣлать грубѣйшую, непростительную ошибку; ничего не значило, напримѣръ, сбиться въ покроѣ жилета или принять галстучный бантъ, повязанный такимъ способомъ, за галстучный бантъ, повязанный другимъ способомъ и предназначенный совсѣмъ для другой цѣли. Но не одинъ туалетъ тревожилъ нашего героя; слѣдовало также обдумать пріемы.

Всякій, кому случалось являться первый разъ на многолюдномъ вечерѣ или случалось играть безъ привычки на домашнемъ театрѣ, помнитъ, вѣроятно, въ какое страшно затруднительное положеніе ставятъ всегда собственныя руки и ноги. Иванъ Александровичъ провелъ большую часть утра, дѣлая мимическія упражненія; поставивъ посреди комнаты, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, стулъ и столъ, долженствовавшіе изображать дверь бальной залы, онъ совершилъ нѣсколько торжественныхъ входовъ и выходовъ, сопровождавшихся граціозными поклонами; затѣмъ, онъ опускалъ руку на спинку стула, закидывалъ правую ногу назадъ и, слегка покачиваясь корпусомъ, наклонялъ голову, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то, сидѣвшимъ на стулѣ. Проведя такимъ образомъ минуты двѣ, онъ ловко придвигалъ стулъ и садился, соблюдая при этомъ, чтобы лѣвая нога его вытягивалась наискось отъ правой. Поставленный въ нѣкоторое замѣ-

шательство касательно роли, которую должны были играть руки, онъ вооружился шляпой и найдя это весьма удобнымъ, далъ себѣ слово не разлучаться со шляпой во все продолженіе предстоящаго вечера. Рѣшивъ такимъ образомъ трудную задачу бальнаго костюма и великосвѣтскихъ пріемовъ, Иванъ Александровичъ перешелъ къ разговору и началъ обдумывать изящныя фразы. На этотъ разъ, къ великому удивленію своему, онъ сталъ въ совершеннѣйшій тупикъ и сколько ни бился, ничего не придумалъ удовлетворительнаго.

— Но что жъ я за дуракъ, что жъ я за оселъ, что стану пускаться въ разговоры! воскликнулъ онъ, потерявъ наконецъ терпѣніе:—меня никто тамъ не знаетъ; я также никого не знаю... наконецъ, пятьсотъ человѣкъ, можетъ быть, больше... гдѣ тутъ замѣтить! какіе тутъ разговоры!.. Главная вещь попасть туда и посмотрѣть... посмотрѣть, что и какъ у нихъ тамъ на этихъ балахъ.

Успокоивъ себя такимъ доводомъ, Иванъ Александровичъ началъ одѣваться; было около пяти часовъ пополудни; въ восемь часовъ, то есть ровно за три часа до начала бала, Свистулькинъ былъ готовъ; оставалось сходить къ куаферу завиться и надѣть перчатки. Бросивъ испытующій взглядъ въ зеркальце, Иванъ Александровичъ высунулъ голову изъ дверей своей комнаты и позвалъ хозяйку: заслышавъ шаги Анны Ивановны, онъ торопливо поставилъ свѣчку на столъ, взялъ шляпу въ правую руку, и ставъ въ самомъ выгодномъ мѣстѣ, принялъ позу.

— Ахъ, батюшка! да что жъ это вы всѣ въ черномъ! неужто такъ и поѣдете?.. воскликнула Анна Ивановна:— хоть бы галстучекъ пестренькій повязали... словно на похороны собрались...

— Такъ принято, Анна Ивановна, такъ принято... проговорилъ жилецъ, выставляя правую ногу впередъ и стараясь придать каждому слову, каждому движенію, особенную какую-то пріятность. Онъ опустилъ правую руку на спинку стула и покачнулся корпусомъ.

— Вы извините меня, Анна Ивановна, если я васъ побезпокоилъ, подхватилъ Свистулькинъ съ такою любез-

ностью, какъ будто передъ нимъ стояла не Анна Ивановна, а сама княгиня Z.;—извините меня... мнѣ хотѣлось узнать какая погода... сухо или сыро?..

— Сухохонько, батюшка... никакъ даже морозъ... да что это съ вами, батюшка?.. прибавила хозяйка, оглядывая съ удивленіемъ жильца.

— А что? спросилъ Свистулькинъ, граціозно изгибая корпусъ и пріятно улыбаясь.

— Да вы, Иванъ Александровичъ, и говорите-то совсѣмъ по-другому: не узнать васъ никакъ... совсѣмъ другой стали.

— Это вамъ такъ кажется, Анна Ивановна... туалетъ точно измѣняетъ человѣка... я говорю впрочемъ такъ, какъ говорятъ тамъ у насъ всѣ... вы къ этому, конечно, не привыкли и потому васъ это удивляетъ... заключилъ жилецъ, отвѣшивая церемонный поклонъ и прижимая шляпу къ груди.

Послѣ этого онъ сказалъ, что Анна Ивановна ему больше не нужна и можетъ идти.

— «Нѣтъ, дѣло, кажется, пойдетъ наладъ, подумалъ онъ, какъ только вышла хозяйка; — и наконецъ я не ослѣпъ—буду наблюдать: какъ другіе дѣлаютъ, такъ и я буду дѣлать... скверно, однакожъ что морозно!.. опять бы не застудить горла... надѣть платокъ нѣтъ уже теперь возможности, воротнички сомнешь... авось, сойдетъ... Пора однакожъ, пора!

Надѣвая пальто, Свистулькинъ обнаружилъ такую осторожность, какъ-будто малѣйшее движеніе должно было лишить его жизни: не поворачивая головы, не трогаясь ни однимъ членомъ, онъ вышелъ изъ комнаты, локтемъ толкнулъ дверь и вступилъ въ коридоръ. Двѣ, три головы, принадлежавшія остальнымъ жильцамъ Анны Ивановны высунулись изъ разныхъ дверей; но Иванъ Александровичъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто не замѣчаетъ ихъ и гордо прошелъ мимо. Онъ остановился однакожъ подлѣ комнаты хозяйки и, давъ ей замѣтить, что вернется домой не раньше пятаго часа утра, исчезъ на лѣстницѣ.

Морозъ былъ точно порядочный, но Свистулькинъ принялъ свои мѣры противъ холода; онъ заблаговременно

вооружился терпѣніемъ; чтожъ касается до звѣздъ, которыя сверкали на небѣ, онъ не взглянулъ на нихъ; и въ самомъ дѣлѣ, что значили эти звѣзды, которыми могъ любоваться каждый извозчикъ, что могли значить онѣ, передъ звѣздами, которыя надѣялся увидѣть Иванъ Александровичъ на балѣ у Z.!

Онъ прямо направился къ парикмахеру; а такъ-какъ въ Петербургѣ столько же парикмахеровъ, сколько въ Москвѣ трактировъ—ему пришлось искать недолго.

— Monsieur va sans doute au bal?.. Такимъ вопросомъ встрѣтилъ его куаферъ.

— Да... подлѣ... тутъ на Фонтанкѣ... небрежно отвѣчалъ Свистулькинъ, оглядывая себя въ зеркало: — большой такой домъ съ подъѣздомъ... вы вѣрно знаете... домъ княгини Z... у ней балъ сегодня...

— Connais pas m-sieur... mais ça ne fait rien, tout de même... veuillez prendre place, monsieur... мальшикъ — шипси! довершилъ куаферъ, подавая стулъ и ловко окутывая посѣтителя холстянымъ балахономъ.

Французъ загремѣлъ ножницами и, безъ сомнѣнія, сообщилъ бы много интереснаго, касательно Рашели и современной политики, еслибъ Свистулькинъ, проникнутый въ этотъ вечеръ чувствомъ собственнаго достоинства, не освѣдомился свысока о томъ, много ли въ Парижѣ парикмахеровъ. Вопросъ этотъ озадачилъ куафера; онъ отступилъ шагъ, тряхнулъ напомаженной головой и возразилъ рѣзко:

— Oui, monsieur, il y a beaucoup d'artistes en cheveux!

Послѣ чего артистъ снова приблизился къ посѣтителю, потребовалъ щипцы и принялся завивать его; но не проронилъ уже слова и во все время обнаруживалъ столько же почти достоинства, сколько самъ Свистулькинъ.

Отъ куафера Иванъ Александровичъ зашелъ къ перчаточницѣ.

— Quelle couleur désire monsieur... blanc? paille? beurre frais?..

— Monsieur va sans doute au bal? спросила француженка, расправляя перчатки.

— Да... подлѣ... тутъ на Фонтанкѣ... пояснилъ Иванъ Александровичъ: большой домъ... съ подъѣздомъ... вы вѣрно знаете... домъ княгини Z... у ней балъ сегодня... вы вѣрно знаете...

— Comment donc... trés-bien... la princesse vient tout les jours chez nous... любезничая возразила француженка, хотя не знала навѣрное, о комъ шла рѣчь.

На Думѣ било девять, когда Иванъ Александровичъ вышелъ на улицу. Было еще рано ѣхать; но Свистулькинъ, движимый нетерпѣливымъ безпокойствомъ, которое усиливалось по мѣрѣ приближенія дома, направился къ биржѣ и нанялъ карету. Онъ приказалъ ѣхать къ княгинѣ, но далъ замѣтить извозчику, чтобъ онъ не слишкомъ однакожъ торопился. Подъѣхавъ къ дому, онъ увидѣлъ, что тамъ царствовалъ совершенный мракъ; въ одномъ только окнѣ бель-этажа, сквозь кисейныя занавѣси, мелькалъ рядъ огней, которые свидѣтельствовали, что начали зажигать первую люстру. Иванъ Александровичъ успокоился; тѣмъ не менѣе сидѣлъ онъ какъ истуканъ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать и куда дѣваться до начала бала. Ждать за угломъ условнаго часа онъ не могъ: онъ и безъ того уже страшно прозябъ и принужденъ даже былъ крѣпко стискивать зубы, чтобы они не щелкали. Пальцы его, обтянутые перчаткой, окоченѣли, горло и грудь ныли отъ холода. Нечего было думать прибѣгнуть къ какому-нибудь согрѣвающему моціону; одно неосторожное движеніе могло смять воротнички рубашки или повредить галстучному банту. Какъ быть? куда дѣваться?.. Свистулькинъ приказалъ вернуться на Невскій и остановился противъ Пассажа. Войдя въ кафе, онъ спросилъ стаканъ чаю и расположился за особымъ столомъ.

— Посмотрите, шепнулъ какой-то лысоголовый господинъ, нагибаясь къ своему сосѣду, сидѣвшему неподалеку отъ Свистулькина; посмотрите, подхватилъ онъ, не замѣчая, что каждое его слово доходитъ до слуха Свистулькина:—вотъ этотъ молодой человѣкъ... видите... судя по костюму, онъ ѣдетъ на балъ... похоже ли на то, а? Помните, мы ѣзжали на балъ — вчужѣ радовались, на

насъ глядя!.. чуть не до потолка скакали отъ радости! настоящіе были молодые люди!.. Нѣтъ, нынче не то; точно право старики какіе-то... ѣдетъ на балъ и зѣваетъ...

Иванъ Александровичъ поспѣшилъ зѣвнуть, протянулъ лѣниво ноги и скорчилъ сонливую, недовольную физіономію.

— Ей Богу, зѣвнулъ! подхватилъ тотъ-же лысоголовый господинъ: вотъ молодежь-то, а?.. просто какіе-то разочарованные, преждевременно отжившіе люди...

При этомъ Иванъ Александровичъ испустилъ глубокій вздохъ, потянулся, окинулъ мрачнымъ взоромъ, позвонилъ мальчика, расплатился и, не зная, чѣмъ довершить репутацію Чайльдъ-Гарольда, покинулъ кафе, дѣлая видъ, какъ бы съ трудомъ волочитъ за собою ноги. Онъ оживился однакожъ, когда вступилъ въ пассажъ и очутился посреди гуляющихъ; но оживленіе его не было продолжительно; мысль, что воротнички, жилетъ и галстучный бантъ пострадаютъ въ толпѣ, заставила его скорѣе подняться во второй этажъ; тамъ царствовала, какъ и всегда, смертная скука; взволнованный ожиданіемъ, Свистулькинъ то и дѣло смотрѣлъ на часы; онъ рѣшилъ наконецъ, что пора ѣхать, покинулъ пассажъ, сѣлъ въ карету и направился къ Фонтанкѣ.

Окна Z. горѣли уже огнями; но не было еще ни одной кареты у подъѣзда.

— Нѣтъ, видно рано еще! съ отчаяніемъ подумалъ Свистулькинъ:—ахъ, Боже мой! Боже мой!.. куда-жъ дѣваться? Пошелъ къ Симіону! заключилъ онъ, выражая досаду свою голосомъ, потому что самъ не смѣлъ пошевельнуться.

На этотъ разъ, кондитерская Рязанова приняла подъ гостепріимный кровъ свой простодушнаго Свистулькина. Онъ провелъ тутъ цѣлыхъ полтора часа, разнообразя время тѣмъ лишь, что каждыя пять минутъ подходилъ къ камину и смотрѣлъ на часы. Наконецъ пробило одиннадцать. «Пора!» промолвилъ Иванъ Александровичъ, и вдругъ почувствовалъ, что сердце его какъ будто дрогнуло. Онъ поспѣшилъ побѣдить въ себѣ такую слабость.

Карета его покатила въ третій разъ къ Фонтанкѣ. Прошло десять минутъ неловкаго ожиданія и вдругъ карета остановилась, задержанная другими каретами, которыя тѣснились у готическаго подъѣзда.

Съ этой минуты вплоть до того времени, когда дошла до него очередь, Иванъ Александровичъ сохранилъ присутствіе духа; и если зубы его щелкали немилосерднѣйшимъ образомъ, по всему тѣлу пробѣгала дрожь и дрожали колѣни, такъ это происходило единственно отъ холода. Онъ точно смутился, можно даже сказать, почувствовалъ сильную робость, но это случилось не прежде, какъ когда онъ вошелъ въ швейцарскую, снялъ пальто и очутился во фракѣ.

Подобно влюбленному,, который бѣжитъ на свиданье, обдумывая монологи и страстныя объясненія самаго побѣдительнаго свойства, и вдругъ становится тупѣе пробки въ критическую минуту, Иванъ Александровичъ растерялся совершенно; куда дѣвались тѣ граціозныя движенія и щегольскіе пріемы, которые такъ восхищали его утромъ и такъ справедливо изумляли Анну Ивановну! Ноги его словно приросли къ полу; швейцарская, освѣщенная множествомъ лампъ, обставленная растеніями и наполненная лакеями въ блестящихъ ливреяхъ, мелькала передъ нимъ какъ въ туманѣ.

«Ужъ не пойти ли лучше назадъ?» подумалъ Иванъ Александровичъ, боязливо оглядывая широкую и безконечно длинную парадную лѣстницу.

По обѣимъ сторонамъ этой лѣстницы, на каждой почти ступени стояли лакеи; за спинами ихъ подымался цѣлый лѣсъ цвѣтовъ и зелени, сквозь которую просвѣчивали блестящіе шары лампъ, повторявшіеся въ зеркалахъ; по ступенямъ живописными группами всходили дамы, барышни, молодые люди и почтенныя особы со звѣздами на груди; страхъ какой-то оковалъ Ивана Александровича, чему не мало способствовали звуки оркестра, неожиданно раздавшіеся въ отдаленіи.

«Право не пойти ли ужъ мнѣ назадъ?.. повторилъ онъ, перенося безъ всякой цѣли шляпу свою изъ одной руки въ другую. — Нѣтъ же, нѣтъ! что въ самомъ дѣлѣ та-

кое! промолвилъ онъ, замѣтивъ нѣсколько лакейскихъ взглядовъ, устремленныхъ на его особу: — пойду, все равно... никто меня не съѣстъ... что за вздоръ, постою тамъ у дверей, погляжу на танцующихъ... а тамъ, если... ну и назадъ!..»

Свистулькинъ перенесъ шляпу въ лѣвую руку и началъ подыматься по лѣстницѣ: онъ старался однакожъ не смотрѣть на стороны; и даже опусталъ глаза каждый разъ, какъ проходилъ мимо лакея. Немного погодя, вступилъ онъ въ большую бѣлую комнату, украшенную мраморнымъ каминомъ и обставленную зеркалами; тутъ толпилось еще больше лакеевъ, чѣмъ на лѣстницѣ и въ швейцарской, но оставалось свободное мѣсто подлѣ большой двери въ бальную залу; Свистулькинъ самъ не могъ надивиться смѣлости, съ какою завладѣлъ онъ этимъ мѣстомъ. Прислонившись къ косяку, онъ робкимъ взглядомъ окинулъ залу, наполненную танцующими. Почти въ ту же минуту въ ушахъ его раздался знакомый голосъ: онъ невольно попятился и поднялъ голову... Но кто опишетъ трепетъ Ивана Александровича, когда въ трехъ шагахъ увидѣлъ онъ графа Слапачинскаго, который оглядывалъ его изумленными глазами: по правую руку графа стояла княгиня Z., по лѣвую руку — князь. Свистулькинъ мгновенно узналъ ихъ; ужасъ разлился по всѣмъ суставамъ и жилкамъ Ивана Александровича; взгляды князя и княгини слѣдовали одному направленію со взглядами Слапачинскаго. Одной секунды достаточно было, впрочемъ, Свистулькину, чтобы откинуться назадъ и затесаться въ самую густую толпу лакеевъ; но лакеи тотчасъ же посторонились. «Пропалъ! пропалъ!» могъ только подумать Свистулькинъ, и снова ринулся въ толпу лакеевъ, которые снова посторонились.

— Спросите этого господина, кого ему угодно? произнесъ голосъ у порога залы.

— Кого вамъ угодно? спросилъ басистый голосъ надъ самымъ ухомъ Свистулькина, который комкалъ въ замѣшательствѣ шляпу свою и блуждалъ глазами во всѣ стороны.

— Я... мнѣ... мнѣ хотѣлось узнать... гдѣ Варвара Петровна?.. спросилъ неожиданно Свистулькинъ.

– Какая Варвара Петровна? спросилъ съ удивленіемъ лакей.

— Варвара Петровна... повторилъ сквозь слезы Иванъ Александровичъ.

— Вы вѣрно ошиблись... здѣсь нѣтъ никакой Варвары Петровны.

— Ахъ, виноватъ... я вѣрно ошибся... это подлѣ... также балъ... я ошибся домомъ...

— Сюда пожалуйте... здѣсь-съ... произнесъ тотъ же лакей, видя, что Свистулькинъ мечется изъ угла въ уголъ, отыскивая выходную дверь.

Иванъ Александровичъ кинулся вонъ и торопливо спустился съ лѣстницы, повторяя на каждой почти ступени, что онъ ошибся. Видъ знакомаго швейцара возвратилъ его къ сознанію. «У меня ужасно разболѣлась голова...» пробормоталъ онъ въ отвѣтъ на удивленный взглядъ швейцара; послѣ чего онъ надѣлъ пальто и поспѣшно оставилъ домъ князя Z.

— — Это ужасно! ужасно! отчаянно повторялъ онъ, удаляясь быстрыми шагами отъ готическаго подъѣзда:— срамъ! опозоренъ!.. показаться никуда нельзя теперь... А все ты! чего недоставало еще! нѣтъ, лѣзешь, лѣзешь, дрянь ты этакая — лѣзешь! подхватилъ онъ, осыпая себя совершенно неожиданно градомъ ударовъ: — сколько хлопотъ, сколько приготовленій. Боже мой! продолжалъ онъ сквозь слезы: — и все это пошло прахомъ, все погибло! проклятый Слапачинскій!..

Такъ заключилъ Свистулькинъ, и странно, нечаянное восклицаніе это какъ будто нѣсколько успокоило его.

Благодаря быстрой ходьбѣ и особенно кулакамъ, которые успѣшнѣе всякаго моціона согрѣвали его тѣло, онъ долго не чувствовалъ холода. Холодъ взялъ однакожъ свое; по мѣрѣ того, какъ остывала внутренняя горячка, побуждавшая Ивана Александровича къ сильнымъ порывамъ и тѣлодвиженіямъ, рѣзкій вѣтеръ и морозъ дѣйствовали сильнѣе и сильнѣе. Мысль о простудѣ овладѣла душою Свистулькина съ первымъ же щипаньемъ въ горлѣ и мгновенно вытѣснила всѣ остальныя мысли; онъ прибавилъ

шагу и, не переставая придерживать рукою шею, не замедлилъ достигнуть квартиры.

Появленіе его въ такую пору, конечно, удивило Анну Ивановну, ждавшую его не ранѣе пятаго часа утра; все объяснилось однакожъ, когда онъ объявилъ ей о своей головной боли. Онъ точно чувствовалъ сильное разстройство: но мало-по-малу все прояснилось, какъ въ душѣ его, такъ и въ головѣ; онъ вспомнилъ даже объ извозчикѣ, котораго нанялъ на всю ночь и который вѣрно будетъ ждать его до шести часовъ утра; къ сожалѣнію, онъ вспомнилъ объ этомъ, когда уже лежалъ въ постели. Онъ задулъ свѣчку, закуталъ голову въ одѣяло и закрылъ глаза. Тѣмъ дѣло и кончилось.

XI.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

— При всемъ томъ, надо правду сказать, балъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ! Я не знаю какъ... но... по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе три, четыре года, у насъ не было такого бала... Вамъ, можетъ быть, кажется, что я увлекаюсь, потому что друженъ съ Z? вовсе нѣтъ... и наконецъ всѣмъ распоряжался князь... а я особенно друженъ только съ княгиней. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, мы однихъ почти лѣтъ... и когда были дѣтьми, всегда играли въ Лѣтнемъ саду; мы часто вспоминаемъ это время... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я говорю безпристрастно... Не далѣе какъ вчера за ужиномъ, одинъ изъ секретарей французскаго посольства сказалъ мнѣ: «Клянусь, говоритъ, клянусь вамъ честью, что даже въ Парижѣ не видалъ такого бала!» Наконецъ я слышалъ это своими ушами — самъ посланникъ сказалъ то же самое... онъ игралъ въ преферансъ... а я подошелъ какъ-то... Представьте, играли всего какихъ нибудь четверть часа, посланникъ проигралъ восемь тысячъ, просто страшно!.. впрочемъ не мудрено: играли по сто рублей серебромъ поэнъ!.. Однимъ словомъ, объ этомъ балѣ будутъ говорить

съ Петербургѣ!.. Разумѣется, этому великолѣпію много впособствовало состояніе Z. Но я говорю вамъ не столько о роскоши, сколько о вкусѣ; что роскошь! роскошь — вздоръ; вкусъ, вотъ что главное! Они особенно хорошо распорядились съ лѣстницей; удивительно какъ это было мило, такой пріятный видъ: весь потолокъ обвитъ былъ виноградомъ... куда не взглянешь, висятъ гроздья, вотъ... вотъ этакіе!.. просто неловко даже какъ-то: думаешь, того и смотри еще оборвется, да на голову еще грохнется... на каждой ступени, по обѣимъ сторонамъ вездѣ статуи. Бальная зала немножко не соотвѣтствовала какъ будто лѣстницѣ, но невозможно, впрочемъ, рѣшительно невозможно: представьте себѣ, три этажа вышины, я думаю сажень двадцать, не считая хоровъ: въ ней свободно танцуютъ пятьсотъ человѣкъ, вчера было больше, и замѣтьте, при всемъ томъ, просторно... Вы можете судить послѣ того, каковы должны быть стѣны этой залы... недостанетъ никакого состоянія, чтобы убрать ихъ съ роскошью... разумѣется, все усѣяно было розанами, вездѣ, вездѣ, но это очень обыкновенно... Зала графини N. несравненно лучше, надо правду сказать... Она меньше, но какъ-то... совершенно другое. Но это ничего не значитъ; зала лучше, но балы у N. во сто разъ хуже... я не знаю, но тамъ всегда какая-то скука, смертельная скука... хандра даже какая-то... все принужденно, все натянуто... Балы Z. тѣмъ именно и отличаются, что тамъ встрѣчаешь радушіе; все улыбается, все весело, а это, какъ хотите, зависитъ ужъ собственно отъ хозяевъ... Надо тоже сказать и объ ужинахъ Z.: ихъ ужины несравненно лучше, вчера, напримѣръ, къ десерту за ужиномъ вдругъ подаютъ... землянику! земляника, легко сказать! но вы посудите, во-первыхъ: конецъ октября; во-вторыхъ: пятьсотъ человѣкъ гостей? Все бы это ничего, еслибъ земляника была оранжерейная—съ деньгами все можно достать; наконецъ у Z. свои оранжереи, и тутъ ничего бы не было удивительнаго, но штука въ томъ, что намъ подавали лѣсную землянику, вотъ что удивительно! какъ? откуда? какимъ образомъ ухитрились они достать ее? вотъ что всѣхъ поразило!.. Я признаюсь, самъ даже удивился и говорю графу Сла-

пачинскому (школьный товарищъ, очень добрый малый): «скажи, братецъ, говорю, что за фантазія пришла Z.? сколько денегъ стоитъ имъ эта земляника? и наконецъ, откуда могли они достать ее?»—Этого, братецъ, говоритъ онъ, не могу сказать, знаю только, что хотѣли этимъ подпустить шпильку княгинѣ X». — «Какимъ образомъ? говорю я».—«А такимъ образомъ, говоритъ, что у X. подавали въ январѣ прошлаго года шпанскую вишню, такъ вотъ теперь Z. и хотѣли...» Ну, понимаете... Въ большомъ свѣтѣ только и думаютъ о томъ, какъ бы перещеголять другъ друга... У X. подавали вишню въ январѣ, Z. надо, слѣдовательно, удивить лѣсной земляникой въ октябрѣ... это очень натурально... а все-таки, какъ подумаешь объ этомъ, такъ даже грустно какъ-то дѣлается... Охо... хо!.. заключилъ разсказчикъ, меланхолически улыбаясь.

Такъ передавалъ свои впечатлѣнія Свистулькинъ, сидя у Беккеровъ на другой день послѣ знаменитаго бала. Иванъ Александровичъ былъ очень веселъ: по крайней мѣрѣ онъ казался такимъ; во всякомъ случаѣ намъ остается удивляться ему.

Онъ проснулся въ это утро съ сильною головною болью; голова его нестерпимо болѣла даже теперь; къ этому присоединялось колотье въ груди и горлѣ; онъ чувствовалъ, что жестоко простудился наканунѣ и трепетно ожидалъ свинки; онъ почувствовалъ сверхъ всего безпокойство, невольно пробуждаемое перспективой визита къ Беккерамъ; онъ, разумѣется, не сомнѣвался въ благопріятномъ результатѣ этого визита; но все-таки не могъ освободиться отъ волненія, которое овладѣваетъ самымъ мужественнымъ сердцемъ въ минуты подобныхъ ожиданій. При всемъ томъ, какъ видите, Ивану Александровичу достало силы приготовить матеріалы для пріятной бесѣды; побѣдивъ въ себѣ головную боль, колотье въ груди и горлѣ и внутреннее безпокойство, онъ одѣлся со всевозможнымъ тщаніемъ, завился даже, и отправился къ Беккерамъ.

Изъ всего этого, а также изъ приведенныхъ выше разсказовъ Ивана Александровича—разсказовъ, оживленныхъ веселостью и приправленныхъ блестками самаго

игриваго воображенія — мы можемъ заключить, сколько еще жизни, сколько молодости и энергіи сохранялъ въ душѣ своей этотъ истинно замѣчательный молодой человѣкъ!

Беккеры отчасти также способствовали пріятному расположенію своего гостя; онъ съ перваго взгляду прочелъ на лицахъ отца, матери и дочки счастливое рѣшеніе судьбы своей; это ободрило его, и онъ рѣшился немедленно приступить къ главной цѣли своего посѣщенія. Обстоятельства нашего героя были таковы въ самомъ дѣлѣ, что никакъ не слѣдовало откладывать: послѣ задатка, отданнаго Беккеру, у него оставалось всего сто двадцать рублей ассигнаціями; сто рублей предназначались, какъ уже извѣстно, на подарокъ невѣстѣ; что-жъ касается до двадцати остальныхъ — сами знаете — недалеко съ ними уѣдешь, особенно ведя свѣтскую жизнь. И такъ, Иванъ Александровичъ рѣшился приступить къ рѣшенію вопроса; для этого, прежде всего слѣдовало скорчить серьезную, проникнутую чувствомъ физіономію; первое дѣло было уже сдѣлано; оставалось теперь завязать разговоръ, причемъ требовалось соблюсти нѣкоторую постепенность при переходѣ отъ предыдущаго монолога: основываясь на этомъ, Иванъ Александровичъ продолжалъ въ слѣдующемъ тонѣ:

— Да, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, да! несмотря на всю эту роскошь, несмотря на то, что вчерашній балъ былъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ — я не знаю, что происходило со мною... Странно: во всю мою жизнь не чувствовалъ я такой скуки... странно, даже знаете— грустно какъ-то... О! вы не знаете еще, почтенная Вильгельмина Карловна — вы не знаете и давай вамъ Богъ никогда не знать!—какъ эта жизнь, эти балы и вечера большого свѣта, какъ они старѣютъ человѣка! Вотъ я, напримѣръ, я еще молодой человѣкъ—что мнѣ! какихъ-нибудь двадцать три года!—а чувствую, что старъ... меня уже не веселятъ ни танцы, ни все это... повѣрите ли, я не могъ даже протанцовать вчера ни одной кадрили... чувствую, что неучтиво, а между тѣмъ не могу, просто не могу; такая какая-то душевная тоска, грусть—ужасъ! Весь вечеръ просидѣлъ я подлѣ бальной залы и глядѣлъ

на танцующихъ; неужто, думалъ я, вся наша жизнь должна проходить въ этомъ!.. Надо вамъ сказать, эта комната подлѣ бальной залы всегда располагаетъ меня къ такимъ мыслямъ... это моя любимая комната изъ всѣхъ нарядныхъ комнатъ въ домѣ Z... Представьте себѣ Шарлотта Андреевна; она устроена въ видѣ сада — вездѣ деревья, клумбы, дорожки... Вокругъ стѣнъ померанцы, на потолкѣ плющъ, посреди фонтанъ... такъ, небольшой, но все равно — пріятно прислушиваться къ журчанью воды... кругомъ птички летаютъ, подъ деревьями, вездѣ скамеечки... все это такъ мило... Я всегда сижу тамъ, когда прихожу къ княгинѣ... я впрочемъ больше люблю, когда меня оставляютъ тамъ одного, особенно, знаете, во время бала: въ отдаленьи музыка, говоръ, танцуютъ... а я одинъ посреди зелени... славно! Я ужасно люблю зелень и... цвѣты; это моя слабость! Вы знаете, Андрей Андреичъ, я ненавижу карты, ненавижу вина; меня не увлекаютъ ни балы, ни роскошь... неужто, послѣ этого, нельзя себѣ позволить какой-нибудь слабости! Признаюсь вамъ откровенно: я не могу видѣть равнодушно хорошенькаго цвѣтка; я никогда не пропускаю цвѣточника и ужъ всегда накуплю у него Богъ знаетъ сколько!.. Что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть своя слабость!.. Въ моей квартирѣ вы не найдете ни дорогой мебели, ни картинъ—все очень просто; но за то—вездѣ цвѣты; у меня всего пять комнатъ, больше мнѣ не къ чему, да и то много, я нахожу... я провожу жизнь въ кабинетѣ и очень мило его устроилъ... особенно одинъ уголъ: у меня тамъ каминъ, кругомъ цвѣты, противъ два банана и листья ихъ падаютъ на самое кресло — это любимый мой пріютъ... я непремѣнно перенесу все это сюда, когда мы устроимъ наше дѣло и я войду во владѣніе этимъ домомъ... Я думаю устроить лучше всего каминъ въ этой комнатѣ... вонъ тамъ въ углу...

Андрей Андреичъ, его жена и Лотхенъ слушали разсказчика съ замѣтнымъ удовольствіемъ; Лотхенъ казалась особенно восхищенною; съ послѣдними словами Ивана Александровича она опустила глазки, и щеки ея зардѣлись отъ удовольствія; желая, вѣроятно, скрыть свое сму-

щеніе отъ отца и матери, которые часто поглядывали на нее съ улыбкой, она повернулась къ окну и взглянула на улицу; но личико ея почти въ ту же секунду обратилось къ присутствующимъ, и она радостно объявила, что по тротуару идутъ дядя Карлъ и дядя Готлибъ.

— А, очень радъ, сказалъ Андрей Андреичъ, тяжело приподымаясь на монументальныя ступни свои! — очень радъ, я нарочно позвалъ ихъ... мнѣ хочется познакомить васъ съ ними, Иванъ Александровичъ... это добрые наши родственники, женины братья...

— Помилуйте, почтеннѣйшій Андрей Андреичъ, я въ восхищеніи... поспѣшилъ возразить Свистулькинъ: повѣрьте, все что вамъ близко... для меня... мм... я очень радъ познакомиться и заранѣе... я даже люблю ихъ... добавилъ онъ, горячо пожимая руку старика.

И чтобы доказать, вѣроятно, какъ нетерпѣливо желалъ онъ увидать братьевъ будущей своей тещи, Иванъ Александровичъ поспѣшилъ выглянуть въ окно; но едва только глаза его устремились на улицу, онъ испустилъ слабый крикъ, отпрянулъ назадъ, и какъ безумный забѣгалъ по комнатѣ, отыскивая свою шляпу. Андрей Андреичъ и Вильгельмина Карловна оглядывали его удивленными глазами; лицо Лотхенъ, обращенное къ Ивану Александровичу, выразило безпокойство.

— Что съ вами? спросилъ Андрей Андреичъ.

— Я нездоровъ... это у меня вдругъ... я всегда такъ... Ахъ, Боже мой!.. безсвязно пробормоталъ Свистулькинъ, пробѣгая нѣсколько разъ мимо шляпы и не замѣчая ея.

Звонокъ, раздавшійся неожиданно въ дверяхъ, подкосилъ ноги Ивану Александровичу, и онъ упалъ на ближайшій стулъ; онъ мгновенно однакожъ оправился, быстро поднялся на ноги и стремительно ринулся къ своей шляпѣ; но въ эту самую минуту дверь отворилась, и на порогѣ показались Карлъ и Готлибъ Шамбахеры. Иванъ Александровичъ остановился какъ вкопанный.

— Junger Swistulkin! воскликнули оба Шамбахера, съ недоумѣніемъ взглядывая другъ на друга.

Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, но рас-

терялся окончательно и выронилъ шляпу, которая покатилась подъ рояль.

— Что все это значитъ? произнесъ Андрей Андреичъ, блуждая глазами.

— Что случилось? воскликнула госпожа Беккеръ.

— Какъ вы сюда попали?.. зачѣмъ вы здѣсь? А-га!.. нѣтъ теперь мы васъ не выпустимъ! прокричали вмѣсто отвѣта оба Шамбахера, заграждая дорогу Свистулькину, который бросился было къ двери.

— Я ничего не понимаю... проговорилъ Андрей Андреичъ, разводя руками:—развѣ вы знакомы?

— Мы?.. очень хорошо! — А-га, saperlott! снова прокричали Шамбахеры, но взглянули другъ на друга и неожиданно разразились громкимъ смѣхомъ.

— Я точно... мы знакомы... они... я... мы... вышло недоразумѣніе... Карлъ Карлычъ, я все устрою, клянусь вамъ... Готлибъ Карлычъ, увѣряю васъ... бормоталъ Иванъ Александровичъ, возводя умоляющіе взгляды то на портного, то на сапожника.

— Мы все это уже слышали сто разъ! съ сердцемъ перебилъ Карлъ:—теперь насъ не проведешь.

— Деньги, Donner-Wetter! — деньги! а то не выпустимъ! подхватилъ раздраженный Готлибъ, яростно выпучивая глаза.

— Разскажете ли вы мнѣ, наконецъ, что все это значитъ! вымолвилъ Андрей Андреичъ, освобождаясь, можетъ статься, первый разъ въ жизни отъ своей апатіи, чему сильно способствовалъ отчаянный видъ Лотхенъ, которая тряслась всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ мать старалась всячески успокоить ее.

— Это значитъ, злобно воскликнулъ Готлибъ:—значитъ, что этотъ господинъ — verfluchter Kerl! — и больше ничего.

При этомъ Вильгельмина Карловна всплеснула руками и выпустила Лотхенъ, которая упала на стулъ и зарыдала; Андрей Андреичъ раскрылъ глаза еще шире и на секунду превратился въ совершеннаго истукана.

— Да, подхватилъ Карлъ:—это verfluchter Kerl! онъ насъ обманулъ; два года, какъ обманываетъ! даже третьяго

дня, какъ мы встрѣтились съ Вильгельминой на Невскомъ, онъ убѣжалъ отъ насъ въ кафе, убѣжалъ черезъ задній ходъ.

— Фуй, фуй... проговорилъ Андрей Андреичъ, самъ не зная, къ кому отнести такое изъявленіе своего неудовольствія.

Положеніе Ивана Александровича становилось невыносимымъ: спастись бѣгствомъ — не было возможности; оставалось одно средство выйти изъ тисковъ; средство заключалось въ томъ, чтобы предложить Шамбахерамъ тѣ триста рублей, которые даны были Беккеру въ видѣ задатка. Сквозь туманъ, застилавшій мысли Свистулькина, онъ чувствовалъ, что все погибло; все подавлялось однакожъ желаніемъ выбраться скорѣе на улицу. Онъ готовился уже открыть ротъ, чтобы сообщить булочнику свое намѣреніе, но Карлъ Шамбахеръ предупредилъ его; онъ обратился къ Андрею Андреичу и неожиданно спросилъ его, какъ случилось, что junger Swistulkin находится въ его квартирѣ.

— Онъ пришелъ покупать домъ, торопливо отвѣчалъ булочникъ, начинавшій бояться, чтобы братья не догадались о настоящей причинѣ посѣщеній молодого человѣка.

— Какой домъ?

— Этотъ домъ.

Карлъ и Готлибъ взглянули съ удивленіемъ другъ на друга, потомъ на Свистулькина и разразились новымъ смѣхомъ.

— Was noch? спросила Вильгельмина Карловна, издавая жалобные вздохи.

— Да у него гроша нѣтъ! заговорилъ Карлъ: — онъ долженъ мнѣ два года триста рублей за жилетъ Napoléon, панталоны fantaisie...

— Мнѣ за три пары сапоговъ—и отдать не можетъ! энергически подхватилъ Готлибъ.

— Онъ далъ мнѣ задатокъ третьяго-дня... триста рублей, пробормоталъ Беккеръ.

— Задатокъ! триста рублей! воскликнули изумленные Шамбахеры.

— Андрей Андреичъ! закричалъ съ чувствомъ оскорб-

леннаго достоинства Свистулькинъ: я рѣшительно не понимаю... послѣ того, что здѣсь случилось... эти... господа... я не привыкъ къ такимъ сценамъ... Андрей Андреичъ, отдайте имъ эти триста рублей!

Сказавъ это, Иванъ Александровичъ сдѣлалъ шагъ къ двери, но Готлибъ загородилъ ему дорогу.

— А мнѣ кто заплатитъ? спросилъ онъ...

— Я... я заплачу... только пустите... заходите ко мнѣ... все отдамъ... возразилъ Свистулькинъ, снова порываясь къ двери.

— Нѣтъ, Potz-Tausend, нѣтъ, отдавайте сейчасъ! заревѣлъ Готлибъ, защищая дверь.

Тутъ Готлибъ, въ груди котораго снова закипѣло негодованіе, принялся разсказывать съ ужасающими подробностями продѣлки, употребленныя Свистулькинымъ, чтобы не платить ему денегъ; несмотря на то, что голосъ, лицо и движенія Готлиба дышали прямотою; несмотря на то даже, что Карлъ подтвердилъ показанія Готлиба касательно жалкой обстановки и даже нищеты Ивана Александровича—Андрей Андреичъ и супруга его все еще не хотѣли вѣрить; они вмѣшались въ разговоръ и заикнулись о лакеяхъ Ивана Александровича, его пяти комнатахъ, каминѣ и бананахъ. Но Готлибъ, а за нимъ и Карлъ объявили наотрѣзъ, что все это ложь, вздоръ и, перебивая другъ друга, представили во всей наготѣ своей житье-бытье нашего героя.

Во все это время Свистулькинъ покушался нѣсколько разъ прорваться въ прихожую, но всякій разъ Готлибъ распространялъ руки поперегъ двери и, подкрѣпляемый Карломъ, останавливалъ Ивана Александровича. Неизвѣстно чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ подлѣ окна, у котораго находилась Лотхенъ, не раздалось внезапно пронзительнаго крика и Лотхенъ не упала бы въ обморокъ. Вильгельмина Карловна стремительно побѣжала къ дочери; Андрей Андреичъ послѣдовалъ ея примѣру; дядя Карлъ послѣдовалъ примѣру Беккера; дядя Готлибъ побѣжалъ въ кухню за свѣжею водою.

Когда, десять минутъ спустя, опасность миновала, и

члены почтеннаго семейства, начинавшіе оправляться отъ испуга, обратили полные негодованія взоры къ Ивану Александровичу, глаза ихъ встрѣтили совершенно пустое мѣсто. Ивана Александровича давно уже не было.

XII.

Заключеніе.

Не знаю, приводилось ли какому-нибудь смертному находиться въ томъ самомъ положеніи, какое исцытывалъ Иванъ Александровичъ въ предыдущей главѣ. Нѣтъ однакожъ никакой возможности ручаться, чтобы происшествіе съ Свистулькинымъ принадлежало къ разряду самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ фактовъ. Такія происшествія должны случаться—рѣдко, можетъ быть, но должны, непремѣнно должны случаться; — мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Несомнѣнно то только, за что отвѣчаю головою, что изъ числа моихъ читателей — все равно сколько бы ихъ ни было—ни одинъ не испытывалъ ничего подобнаго. Мало того, читатели мои далеки даже отъ мысли, чтобы могли существовать люди, которые лгутъ на каждомъ шагу, прячутся подъ ворота при встрѣчѣ съ кредиторами, не платятъ извозчикамъ и тому подобное; такой человѣкъ кажется имъ чудовищнымъ вымысломъ. Нечего и говорить, слѣдовательно, что моральное состояніе, въ которое можетъ быть ввергнутъ человѣкъ, поставленный въ теперешнее положеніе Свистулькина, совершенно ново и незнакомо моимъ читателямъ. Основываясь на этомъ, мнѣ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о моемъ героѣ.

Въ первую минуту, какъ только освободился онъ изъ тисковъ Шамбахеровъ и во все время, какъ спускался съ лѣстницы Беккера, душа его находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ радости, которая придавала необычайную живость ногамъ. Но живость эта прошла вмѣстѣ съ опасностью. Степень унынія Ивана Александровича достаточно, кажется, выразится, если мы скажемъ,

что онъ прошелъ длинную улицу и ни разу не поднялъ головы, ни разу даже не провелъ языкомъ по губамъ, даромъ что мимо его поминутно проносились кареты съ дамами.

Имъ овладѣло вдругъ какое-то убійственное равнодушіе. Равнодушіе это распространялось съ одинаковой силой какъ на самую жизнь, такъ и на людей; при мысли о братьяхъ Шамбахерахъ, мысли, которая не покидала его ни на секунду, родъ человѣческій казался ему до того злобнымъ, что онъ зажмуривалъ даже глаза при встрѣчѣ съ пѣшеходами. Онъ шелъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Онъ оставался безчувственнымъ ко всему окружающему; даже къ холоду и вѣтру, который дулъ съ такою силой, что все, начиная съ вывѣсокъ и кончая людьми, принимало наклоненное положеніе; холодъ превратилъ снѣгъ въ обледенѣлую крупу, которая обсыпала Ивана Александровича съ головы до ногъ и таяла за его галстукомъ; онъ не подумалъ поднять воротникъ.

Безчувственность эта, признакъ самаго глубокаго отчаянія, овладѣла, казалось, всѣмъ существомъ его. Въ головѣ его царствовалъ безпорядокъ. Одна только мысль, мысль горькая, которую могла породить одна только страшная безнадежность положенія, брала иногда верхъ надъ другими; мысль заключалась въ томъ, что снова приходится читать заднія страницы газетъ, снова приходится записывать адресы и дѣйствовать на трудномъ поприщѣ покупщика домовъ безъ гроша денегъ въ карманѣ. Самая эта мысль мелькала въ головѣ его какъ-то неопредѣленно, смутно, какъ потухающій фонарь въ вечернемъ туманѣ; и если онъ повиновался ей, если направилъ шаги къ знакомой кондитерской, то сдѣлалъ это почти машинально.

Ничто уже не въ силахъ было занять его на улицѣ. Разъ только поднялъ онъ голову и обратилъ вниманіе на одного господина, но и то потому лишь, что господинъ представлялъ въ самомъ дѣлѣ поразительное зрѣлище: на немъ было новенькое пальто, доходившее чуть не до пятокъ. «Этакій уродъ!» пробормоталъ съ раздражительностью Свистулькинъ.

И нѣтъ сомнѣнія, онъ пересталъ бы думать объ этомъ предметѣ, еслибъ, вслѣдъ затѣмъ, глаза его не встрѣтили другого господина въ такомъ же точно длинномъ пальто; за вторымъ господиномъ послѣдовалъ третій, за третьимъ четвертый, и т. д. — всѣ до единаго были въ длинныхъ пальто, доходившихъ чуть не до пятокъ. — «Странно!» подумалъ Иванъ Александровичъ... Это обстоятельство дало на минуту новое направленіе его мыслямъ: не могу сказать утвердительно, въ чемъ состояло новое это направленіе; знаю только, что оно незамѣтно, шагъ за шагомъ, привело его въ магазинъ, гдѣ продавалось готовое платье. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что именно привело его туда; пріобрѣтеніе новомоднаго пальто, конечно, мало занимало его мысли; онъ дѣйствовалъ совсѣмъ почти безсознательно, и всего вѣроятнѣе, имъ управляли въ этомъ случаѣ отчаянье и полная увѣренность въ безнадежности настоящаго своего положенія. «Э! что ужъ тутъ!..» разсудилъ онъ самъ съ собою, машинально ощупавъ карманъ и подавивъ вздохъ: — «будь у меня тысяча, я бы, конечно, сталъ беречь ее; но что значатъ какіе-нибудь сто рублей!.. стоитъ ли на нихъ разсчитывать! есть они, нѣтъ ихъ, одно и тоже; остаться безъ гроша днемъ раньше, днемъ позже, все равно, пропадай ужъ за одно!..» Иванъ Александровичъ вошелъ въ магазинъ готоваго платья. Надо было видѣть, съ какою убійственною холодностью отсчиталъ онъ восемьдесятъ рублей, надо было видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ вышелъ онъ въ новомодномъ пальто на улицу. Трудно было узнать въ немъ человѣка, который радостно трепеталъ, бывало съ головы до ногъ, прогуливаясь въ новомъ галстукѣ или чистыхъ перчаткахъ!

Путаясь въ длинныхъ полахъ новаго пальто, Свистулькинъ направился къ знакомой кондитерской. Войдя туда, онъ ни на кого не взглянулъ, мрачно забился въ отдаленный уголъ и положилъ голову на ладонь. Груда газетъ лежала подлѣ него; но самая мысль взглянуть на нихъ, казалось, тяготила его; наконецъ, онъ принужденно придвинулъ къ себѣ первый попавшійся листъ. Но едва пестрая страница объявленій зарябила въ глазахъ его,

всѣ улегшіяся было воспоминанія снова пробудились въ душѣ Ивана Александровича; онъ словно совсѣмъ даже упалъ духомъ и поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть слезы, которыя навернулись сами собою.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ успокоился и снова положилъ голову въ ладонь; глаза его съ явнымъ отвращеніемъ окинули страницу объявленій. Извѣстій о продающихся домахъ было достаточно; но Свистулькинъ не остановился ни на одномъ изъ нихъ; онъ торопливо переводилъ глаза на сосѣднія строчки, гдѣ говорилось о сбѣжавшихъ собакахъ, говорилось о каретахъ, лошадяхъ, помадѣ, учителѣ ищущемъ мѣста, и проч. Въ числѣ этихъ объявленій, одно особенно обратило на себя его вниманіе; это случилось потому, я полагаю, что объявленіе заключалось въ великолѣпной рамкѣ и напечатано было необыковенно крупными буквами: Великолѣпныя голландскія рубашки!

Строчка эта прежде всего бросалась въ глаза. — «Въ исторіи туалета, гласило дальше объявленіе: бѣлье также имѣло свои періоды; достигнувъ неслыханной роскоши во время Людовика XIV, роскоши, которая разсыпалась кружевами и блондами изъ подъ бархатныхъ кафтановъ, шитыхъ серебромъ и золотомъ, въ послѣдствіи, даже въ самой столицѣ вкуса, бѣлье скрывалось подъ безобразнымъ призракомъ одежды — манишкою, пока наконецъ мода, примиривъ роскошь съ комфортомъ, красоту съ экономіей, опредѣлила, какую роль рубашка, предметъ первой необходимости, играетъ въ составѣ туалета... Этотъ предметъ и стараюсь я довести до всевозможнаго совершенства!..» Затѣмъ слѣдовалъ адресъ знаменитаго торговаго дома, пріобрѣтшаго лестное довѣріе публики въ самое короткое время, и подпись: Альфонсъ Флуеръ.

Ивану Александровичу было, разумѣется, не до рубашекъ; онъ прочелъ однакожъ объявленіе до конца, и къ этому, безъ сомнѣнія, побуждало его одно любопытство, которое какъ извѣстно, не покидаетъ насъ въ самыя критическія минуты жизни. Онъ разсѣянно пробѣжалъ нѣсколько сосѣднихъ объявленій, въ числѣ которыхъ находились два - три извѣстія о продающихся до-

махъ, но не записалъ ни одного изъ нихъ; послѣ этого онъ поднялся съ мѣста и не съѣвъ макаронъ, не прикоснувшись даже къ пирожку—былъ однакожъ уже четвертый часъ—вышелъ изъ кафе въ такомъ душевномъ разстройствѣ, какого никогда уже не чувствовалъ.

Тоска и уныніе, казалось, еще сильнѣе овладѣли Иваномъ Александровичемъ, когда онъ вошелъ въ Пассажъ. Видъ двери кафе Бренфо и зеркальнаго окна, за которымъ все еще лежали три устричныя раковины и плескалась рыба, до того показались противными Свистулькину, что онъ тотчасъ же оставилъ зданіе Пассажа и вышелъ на Невскій. Вѣтеръ свирѣпѣлъ по прежнему, и едва Иванъ Александровичъ ступилъ на тротуаръ, какъ нѣсколько крупинокъ мерзлаго снѣга снова попали ему за галстукъ; онъ по прежнему не обратилъ на это вниманія и вообще оставался такъ же безчувственнымъ ко всему окружающему. Такъ добрелъ онъ до Полицейскаго моста и повернулъ въ Морскую.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и машинально оглянулся вокругъ. Онъ стоялъ противъ огромнаго зеркальнаго окна, за которымъ, въ привлекательной симметріи, висѣли и лежали ослѣпительной бѣлизны рубашки; на каждомъ стеклѣ окна, сверкающими золотыми буквами, изображено было имя Альфонса Флуера. Свистулькинъ сдѣлалъ безотрадный жестъ рукою, и медленными шагами поднялся въ магазинъ.

— Всего сорокъ рублей остается, двѣнадцать цѣлковыхъ все равно что ничего! не стоитъ даже и думать объ этомъ, пробормоталъ онъ, отворяя дверь Альфонса Флуера.

Четверть часа спустя, онъ снова явился на улицѣ. Новомодное пальто Ивана Александровича было растегнуто и позволяло любоваться новой рубашкой съ вышитой манишкой. Но рубашка такъ же мало занимала его повидимому, какъ и все остальное; онъ повернулся на Невскій и прямо пошелъ противъ вѣтра.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, лицо Свистулькина значительно синѣло отъ стужи и сверхъ того принимало все болѣе и болѣе мрачное выраженіе; онъ точно искалъ смерти.

И въ самомъ дѣлѣ, при мысли, что въ карманѣ его осталось всего два съ полтиной, мысли, которая явилась во всемъ ослѣпляющемъ блескѣ своемъ, какъ только вышелъ онъ изъ магазина Флуера, — онъ понялъ, что ему не было уже никакой возможности продолжать существованіе. Проникаясь вѣрно все сильнѣе и сильнѣе такою мыслью, онъ ни разу не застегнулъ пальто, и что всего ужаснѣе, выступалъ съ умышленною медленностью къ Аничкову мосту, выставляя всѣмъ на показъ свою вышитую рубашку. Такъ прошелся онъ безчисленное множество разъ взадъ и впередъ, и всякій разъ норовилъ задерживать шагъ, когда обращался грудью къ вѣтру. Давно уже смерклось, а Иванъ Александровичъ все еще не покидалъ тротуара Невскаго проспекта. Наконецъ онъ окоченѣлъ уже до того, что едва могъ передвигать ногами; удушливый кашель, овладѣвшій его горломъ, помѣшалъ даже ему объяснить извозчику улицу своего дома: онъ махнулъ только рукою, сѣлъ безъ торгу и поѣхалъ.

Войдя въ квартиру, Свистулькинъ едва-едва нашелъ силы, чтобы отказаться отъ чаю, предложеннаго Анной Ивановной; не дожидаясь возраженій, онъ раздѣлся и бросился въ постель. Часа два спустя, Иванъ Александровичъ началъ бредить, бредилъ всю ночь страшную чепуху, такъ что Анна Ивановна, подходившая нѣсколько разъ къ его изголовью, рѣшила уже, что жилецъ ея снова нажилъ себѣ свинку. Но предположенія Анны Ивановны оказались неосновательными; на другое утро не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Иванъ Александровичъ лежалъ въ жесточайшей горячкѣ.

Болѣзнь Ивана Александровича продолжалась очень долго; не могу сказать сколько именно дней и недѣль длилась она, знаю только, что времени этого достаточно было, чтобы измѣнить судьбу многихъ лицъ, которыхъ случай сталкивалъ съ Иваномъ Александровичемъ на пути жизни.

На-дняхъ, напримѣръ, получили мы скорбное извѣстіе о совершеннѣйшемъ раззореніи трактирщика Фурно. Въ этомъ единодушно почти обвиняютъ господина съ крашеными бакенами; но обвиненіе это — я знаю изъ вѣр-

ныхъ источниковъ — не совсѣмъ основательно; точно, джентльменъ въ крашеныхъ бакенахъ обѣдалъ у Фурно два года сряду, не заплатилъ ему ни гроша и даже, если хотите, перешелъ въ другой трактиръ при первомъ настоятельномъ требованіи долга; справедливость заставляетъ сказать, однакожъ, что гибели Фурно, столько же, если не больше, способствовали три собесѣдника господина съ крашеными бакенами: всѣ трое отказались платить; сумма ихъ долга въ три раза превышала счетъ господина въ крашеныхъ бакенахъ; Фурно не вынесъ послѣдняго удара. Джентльмены перешли теперь къ Жамбону, куда не замедлилъ переселиться и крашеный господинъ; они всякій день славно обѣдаютъ и вообще, какъ слышно, славно проводятъ время.

Не менѣе пріятно проводитъ также время и господинъ, напугавшій когда-то Свистулькина въ кафе Пассажа; онъ продолжаетъ повѣствовать всѣмъ и каждому о распространеніи злокачественныхъ инфузорій и положительно доказываетъ, что единственное спасеніе отъ нихъ заключается въ добромъ стаканѣ портвейна; доводы его всякій разъ увѣнчиваются успѣхомъ, что и подтверждается его носомъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе краснѣетъ.

Болѣе всего насъ поразилъ однакожъ переворотъ, происшедшій съ Готлибомъ Шамбахеромъ; мрачная лавка его, помѣщавшаяся въ подвальномъ этажѣ, уже не существуетъ; Готлибъ переселился въ Гороховую. Когда вы пойдете по этой улицѣ, совѣтую вамъ обратить вниманіе на его магазинъ; особенно совѣтую вамъ обратить вниманіе на его вывѣску; впрочемъ, вы сдѣлаете это и безъ моего совѣта, потому что такой огромной ботфорты, какая качается надъ дверью сапожника Шамбахера, никто еще не видалъ и она по всей справедливости должна изумлять пѣшехода.

Карлъ Шамбахеръ (изъ Лондона) распорядился иначе и превосходно сдѣлалъ. Собравъ остальные долги свои— что, мимоходомъ сказать, было легче чѣмъ получить долгъ Ивана Александровича—онъ прекратилъ мастерство и живетъ теперь припѣваючи: каждое утро заложивъ руки за спину, прогуливается по Невскому въ гороховомъ пальто,

пьетъ передъ обѣдомъ шнапсъ, а вечеромъ играетъ въ шашки. Мрачный, отчасти даже свирѣпый нравъ, заслужившій ему названіе verfluchter Kerl, оставилъ его, какъ только раздѣлался онъ съ послѣднимъ должникомъ; его зовутъ теперь не иначе, какъ весельчакъ Карлъ. Не далѣе какъ на свадьбѣ племянницы его, Лотхенъ, онъ уморилъ всѣхъ со смѣху, танцуя гросъ-фатеръ съ сестрой Вильгельминой.

Андрей Андреичъ продалъ домъ; лучше всего то, что онъ продалъ его господину, который недѣли черезъ двѣ предложилъ руку его дочери. Новый домъ Беккера принадлежалъ къ числу лучшихъ частныхъ домовъ Петербурга. Андрей Андреичъ продолжаетъ однакожъ по прежнему печь булки и сухари, и вообще перемѣна состоянія и постепенное увеличеніе капитала ни мало не измѣняетъ его мирныхъ привычекъ; единственная перемѣна, которую онъ позволилъ себѣ, заключалась въ томъ, что при переѣздѣ въ новый домъ онъ велѣлъ за-ново вызолотить крендель, замѣняющій ему вывѣску.

Съ нѣкоторыхъ поръ Вильгельмина Карловна все чаще и чаще заговариваетъ о какихъ-то сахарныхъ крендельках, которые намѣревается печь; вмѣстѣ съ этими крендельками, въ головѣ ея непосредственно вяжется мысль о внучкѣ; надо полагать, послѣдняя эта мысль на чемъ-нибудь основывается.., Что жъ! будемъ надѣяться...

Какъ видите, болѣзнь Ивана Александровича должна была долго продолжаться. Не знаю рѣшительно, что происходило съ нимъ во все это время и какія мысли волновали его умъ и душу; я совершенно потерялъ его изъ виду съ того самаго дня, какъ онъ въ послѣдній разъ гулялъ по Невскому въ новомъ пальто и новой рубашкѣ. Въ послѣднее время, признаюсь, я какъ-то охладѣлъ къ нему и мало о немъ заботился... Дѣло въ томъ, что на слѣдующее утро, послѣ того какъ онъ занемогъ, я встрѣтилъ на Невскомъ нѣсколько молодыхъ людей, которые представляли такое разительное сходство съ Иваномъ Александровичемъ, что я тотчасъ же утѣшился—и сказать ли?—забылъ даже о существованіи прежняго Свистулькина. Недавно только, и то стороною, узналъ я, что

онъ умеръ въ какой-то больницѣ и похороненъ въ новомъ пальто и новой рубашкѣ.

Сознаюсь вамъ чистосердечно, извѣстіе это произвело на меня слабое дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, не изъ чего было много огорчаться: во первыхъ Свистулькиныхъ такое множество на свѣтѣ, что умирай они хоть десятками, все-таки останется ихъ довольно; во вторыхъ... но и во вторыхъ, не стоитъ много огорчаться... одного развѣ жаль: жаль новаго пальто и новой рубашки, которыя унесъ онъ съ собою въ могилу... А впрочемъ разсудивъ хорошенько, не стоитъ даже жалѣть и объ этомъ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Я вышелъ изъ дому около полудня и, миновавъ деревню, миновавъ столѣтнія, головастыя ветлы, окаймлявшія прудъ, миковавъ мельничную плотину, выбрался вскорѣ на узенькій проселокъ, изгибавшійся посреди темныхъ полей.

Была глухая, суровая осень; ненастье смѣнилось уже морозами. Вода, оставленная послѣднимъ ливнемъ въ колеяхъ проселка, давнымъ-давно обратилась въ ледяныя иглы, звонко хрустѣвшія подъ ногами. Наступало то время, когда заботливый поселянинъ, полный тревожнаго опасенія за свои озими, нетерпѣливо ждетъ перваго снѣга. Но снѣгъ еще не выпадалъ. Небо было тускло и мрачно; длинныя тучи, чернильнаго цвѣта, медленно подымались на сѣверѣ, придвигались ближе и ближе, выростали грозными хребтами, окаймленными бѣлою бахрамою и, перегоняя другъ друга, проносились такъ быстро, такъ низко надъ головою, что слышалось, казалось, какъ шумѣли онѣ, пробѣгая воздушное пространство. Несмотря на раннюю пору утра, окрестность сохранила такой видъ, какъ будто день приближался къ вечеру и сумерки начинали окутывать промерзшую землю. Впрочемъ, этотъ тусклый, свинцовый оттѣнокъ неба придаетъ всегда окрестности, и особенно въ это время, какой-то меланхолическій характеръ, который соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе об-

наженному виду сжатаго поля, помертвѣлому проселку; мягче обозначаются въ немъ пожелтѣвшая опушка рощи и блѣдная зелень озимаго хлѣба, и черныя полоски межей съ мелькающими еще кое-гдѣ пучками сѣрой бѣловатой полыни.

Меня окружалъ просторъ необъятный; сперва только смутно мелькали темно-синіе лѣса, перерѣзанные темными клиньями полей. Совсѣмъ тѣмъ до слуха моего не доносилось ни одного звука, который напомнилъ бы присутствіе живого существа.

Трудно было представить себѣ, чтобъ тутъ, на этихъ самыхъ нивахъ, обращенныхъ теперь морозомъ въ мертвыя кочковатыя пустыни, могли кипѣть, мѣсяца два тому назадъ, жизнь и дѣятельность,—чтобы все это пространство, залитое жаркими лучами солнца и покрытое золотымъ моремъ колосьевъ, оглашалось когда нибудь веселыми пѣснями жницъ, которыя, не зная куда дѣваться отъ зноя, тѣснятся въ голубой тѣни, бросаемой высокими подводами, навьюченными снопами... Трудно было повѣрить, чтобъ этотъ мрачный лѣсъ, отчаянно простирающій голые свои сучья къ сѣрому небу, былъ нѣкогда густой зеленой рощей, распускавшей запахъ свѣжей листвы, наполненной звонкими хорами птицъ и жужжаньемъ насѣкомыхъ, покрывающихъ мшистые сучья, листья, кору и росистыя лужайки, охваченныя кой-гдѣ золотымъ лучемъ солнца...

Мертвый проселокъ издавалъ подъ ногами какой-то сухой, металлическій звукъ, который, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра, былъ единственнымъ нарушителемъ окружающаго спокойствія. Вѣтеръ дулъ изрѣдка, но сильно и порывисто; то падалъ онъ совершенно и наступала вдругъ такая тишина, что ни одна сухая былинка не колыхалась на окраинѣ дороги,—то снова заводилъ свою пѣсню, сначала глухую и жалобную, похожую на отдаленный плескъ моря, потомъ дикую и постепенно торжественную, и наконецъ, съ ревомъ и грохотомъ, проносился мимо...

Не веселы эти напѣвы; но я люблю ихъ и жадно всегда прислушиваюсь къ осеннему вѣтру. Есть что-то

невыразимо сладостное въ чувствѣ, какое овладѣваетъ нами въ минуты самаго полнаго одиночества, посреди безграничныхъ полей, опустошенныхъ позднею осенью. Не берусь передать точно и ясно впечатлѣнія, какія производятъ всегда на душу блѣдныя картины осени; знаю только, что по поводу ихъ душа обрѣтаетъ необычайную ясность и спокойствіе. Въ эти минуты сердце невольно какъ-то отказывается отъ дурныхъ помышленій, все существо ваше настраивается подъ ладъ торжественной тишины, васъ окружающей, и вы незамѣтно впадаете въ сладкое, безмятежное раздумье.

Плотно прикутавшись въ шинель, запрятавъ уши въ воротникъ и надвинувъ на глаза шапку, я бережно выступалъ по проселку. Такимъ образомъ отошелъ я уже версты три отъ мельницы, какъ вдругъ, поднявъ неожиданно голову, увидѣлъ въ отдаленіи двѣ женскія фигуры, которыя шли мнѣ навстрѣчу. Издали показалось мнѣ, что обѣ фигуры шли рядомъ; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ сокращалось отдѣлявшее насъ пространство, я явственно различилъ, что женщины выступали въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Онѣ были очевидно, однакожъ, знакомы и путешествовали вмѣстѣ.

Та, которая шла впереди, поминутно останавливалась, оглядывалась назадъ, начинала что-то говорить, но, видя, что спутница ея поворачивалась каждый разъ спиною и подпиралась палкой, дѣлала отчаянный жестъ, нѣсколько секундъ оставалась въ раздумьи и, повторивъ тотъ же жестъ, снова продолжала подвигаться впередъ.

Вскорѣ мы встрѣтились.

Первая спутница была маленькая, сгорбленная старушка лѣтъ шестидесяти. Одежда ея показывала страшную бѣдность: лохмотья сѣраго зипуна неуклюже лѣпились на плечахъ старухи и съ трудомъ прикрывали ея впалую грудь, перехваченную толстой бичевкой, на концахъ которой прикрѣплена была дырявая сума. Полуразвалившіеся лапти свидѣтельствовали о дальней дорогѣ. Голова ея, плотно повязанная бѣловатымъ платкомъ, была сверхъ того укутана какимъ-то темнымъ тряпьемъ, обернутымъ нѣсколько разъ вокругъ шеи. Изъ подъ густыхъ

складокъ этого тряпья выглядывало жолтое лицо, перерѣзанное глубокими морщинами; тусклые глаза старухи окружены были красными вѣками, лишенными почти рѣсницъ и страшно распухнувшими отъ слезъ, слѣды которыхъ виднѣлись еще на щекахъ. Глубокая, безнадежная скорбь была главнымъ и въ то же время единственнымъ выраженіемъ этого лица, изрытаго временемъ и изнеможеннаго всѣми возможными лишеніями. Старуха подпиралась березовымъ сучкомъ, такимъ же искривленнымъ и изношеннымъ, какъ рука, которая держала его.

Поровнявшись со мною, она остановилась и снова повернулась къ своей спутницѣ; но та тотчасъ укоротила шагъ, отошла нѣсколько въ сторону, стала къ намъ спиною и, сердито уткнувъ конецъ длинной палки въ землю, уперлась на другой конецъ грудью.

Старуха покачала головою.

— Маша, сказала она надорваннымъ отъ слезъ голосомъ: Маша!.. Маша!.. повторила старуха, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ укоризны.

Та, къ которой обращалось это воззваніе, сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но не тронулась съ мѣста.

Старуха обратила тогда ко мнѣ заплаканное лицо свое и спросила, какъ пройти въ село Беззубово.

Мы стояли на перекресткѣ, гдѣ сходилось нѣсколько проселковъ; я указалъ на одинъ изъ нихъ старухѣ и разсказалъ ей, какого должна она держаться пути, чтобъ достигнуть цѣли своего путешествія.

Она слушала меня разсѣянно: видно было по всему, что горе ея было слишкомъ сильно и противъ воли подавляло въ ней остальныя чувства. Наконецъ она подняла голову и спросила:

— А далече ли будетъ, касатикъ?

До Беззубова оставалось безъ малаго верстъ тридцать.

— Тридцать? повторила старуха такимъ сокрушеннымъ голосомъ, какъ будто ей предстояло пути по крайней мѣрѣ на двое сутокъ.

— Развѣ ты не «беззубовская»? спросилъ я.

— Нѣтъ, родимый: мы изъ Комарева.

Комарево было мнѣ очень хорошо извѣстно: оно лежало по ту сторону Оки и отстояло отъ того мѣста, гдѣ мы находились, верстъ за семьдесятъ.

— А та женщина—тоже изъ Комарева?

— Изъ Комарева, касатикъ.

— Отчего же вы не вмѣстѣ идете? Сколько ни смотрѣлъ я на васъ, она все отъ тебя отставала, — да и теперь какъ словно кого-то чуждается.

Старуха подавила вздохъ, тоскливо покачала головою и сказала:

— Она, касатикъ, ничего не разумѣетъ.

— Какъ такъ?

— Разума нѣтъ у нея: извели, родимый... о-охъ! и всего-то съ прошлой Святой, касатикъ, примолвила она, свѣсивъ голову на грудь и заливаясь слезами.

Я взглянулъ еще пристальнѣе на ея спутницу.

Она стояла къ намъ въ полуоборотѣ, и темная профиль ея фигуры четко вырѣзывалась на мутно-сѣроватомъ горизонтѣ.

То была женщина лѣтъ двадцати-двухъ, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами; длинныя пряди бѣлокурыхъ волосъ въ безпорядкѣ разсыпались изъ подъ дыряваго клѣтчатаго платка; въ голубоватыхъ глазахъ ея, опущенныхъ книзу, не было ничего дикаго и тревожнаго; одна одежда могла развѣ обращать на себя вниманіе: на всемъ ея тѣлѣ не было цѣлаго куска. Лохмотья эти показывали, однакожъ, что не время, а рука придала имъ настоящій безобразный видъ. Она была босикомъ; тонкія, сухія ноги ея ни мало, казалось, не чувствовали холода. Упершись обнаженнымъ локтемъ лѣвой руки въ конецъ палки, положивъ щеку въ ладонь, она неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, смотрѣла въ землю и оставалась, повидимому, нечувствительною къ яростнымъ порывамъ вѣтра, который развѣвалъ во всѣ стороны ея лохмотья.

Я снова обратился къ старухѣ и спросилъ, съ какою цѣлью предприняла она такое далекое путешествіе. Принимая въ соображеніе осеннюю пору я предполагалъ, что старуха, подобно большей части нашихъ поселянъ, вос-

пользовалась свободнымъ временемъ, чтобы навѣстить дальнихъ родственниковъ.

— Нѣтъ, родимый: сродственниковъ нѣтъ у меня никакихъ въ Беззубовѣ, да и въ Комаревѣ, отколь идемъ, также нѣтъ никого: были, да померли всѣ! отвѣчала она со вздохомъ. Изъ всей родни одна она только у меня и осталась, продолжала старуха. — О-охъ, о ней-то я вотъ и хлопочу, касатикъ; добрые люди научили понавѣдаться съ нею въ Беззубово: тамъ, сказываютъ, живетъ, вишь, какой-то мужичокъ—порчу, говорятъ, отводитъ всякую... О-охъ, дожила до какого горя, родимый!.. А баба-то, баба-то какая была! подхватила она, тоскливо раскачивая головою по направленію къ дочери. — Какъ услыхала я, что есть молъ такой мужичокъ въ Беззубовѣ, взяла я свою дочку, помолилась Господу Богу, да и пошли мы съ нею; авось либо, думаю, чѣмъ и поможетъ; свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Вотъ кормилецъ, боюсь только, съ ней бы чего не попритчилось... Дорога дальняя, время студеное, а одеженка на ней, самъ видишь, какая!.. Да что ты съ ней станешь дѣлать? вишь она безотвѣтная какая... Что ни надѣнь на нее, все такъ вотъ съ себя и рветъ: словно одежда-то душу ей давитъ... Дорога, думаю, студеная: на послѣдній пятакъ лаптенки ей купила... Такъ нѣтъ: побросала ихъ—такъ пошла! Однимъ хороша: смирна больно,—куда какая смирная! Лаской промолвишь слово—вѣстимо, свое дѣтище,—она и слушается; чужихъ вотъ только не любитъ, особливо мужниныхъ родныхъ! Да она съ ними почитай теперь и не живетъ; все со мной да со мной. Какъ сказала я ей: «пойдемъ, говорю, Маша, въ Беззубово», взяла это она, одѣлась, сломила сукъ и пошла за мною; слова не говоритъ, а все идетъ; и шла все время рядышкомъ; а коли, вотъ, чужой какой человѣкъ встрѣнется, ни за что не останется, отойдетъ въ сторону, подопрется вотъ такъ-то палочкой и нахохлится... Вѣстимо, о-охъ, вѣстимо, нѣтъ разума... А баба-то, касатикъ, баба то была какая! О-охъ, извели мою Машу, извели, родимый!

Тутъ старуха снова повернулась къ дочери, молча устремила на нее распухнувшіе глаза свои и принялась

медленно раскачивать сѣдою головою; слезы между тѣмъ струились по изрытымъ щекамъ ея, скользили по морщинамъ и капали ей на грудь и на руки.

— Маша, сказала наконецъ старуха, проведя ладонью по глазамъ:—Маша, пойдемъ, касатка! полно тебѣ! пора, родная, пойдемъ!

Маша подняла голову, сдѣлала движеніе какъ будто хотѣла слѣдовать за матерью, но, увидя меня, тотчасъ же остановилась, нетерпѣливо опустила голову и принялась водить концомъ палки по проселку.

Я подалъ знакъ старухѣ и мы пошли по направленію къ Беззубову. Маша послѣдовала за нами.

Нѣсколько минутъ мы шли молча; старуха была до того подавлена своимъ горемъ, что вовсе, казалось, забыла о моемъ присутствіи. Я старался, однакожъ, возобновить разговоръ. Мало по малу старуха сдѣлалась словоохотливѣе, и слово за словомъ, разсказала слѣдующее:

— Лѣтъ пятокъ, касатикъ, кажись—не больно давно (такъ начала она), — Маша моя была первою дѣвкою во всемъ Комаревѣ, и не только въ Комаревѣ, во всемъ околоткѣ знали ее! Бывало праздникъ придетъ, у насъ ли, у сосѣдей, отбою нѣтъ моей дѣвкѣ: первая была веселуха, первая хороводница, — да и красавица была касатикъ! И не то, чтобы была она у меня пропастная какая, либо озорная... оборони Богъ! Ужъ на что сосѣди—чужіе люди: бывало дивуются, на нее глядя! А ужъ насчетъ дѣловъ какихъ—вѣстимо нашихъ крестьянскихъ—на что ни укажи, все ей рука: на жнитьѣ, кормилецъ, всѣхъ позади оставляла; первая начнетъ жать полосу, первая и кончитъ! Товарки-то, бывало, упарятся, упыхаются, а ей ничегохонько: сама жнетъ да пѣсни поетъ! Тоже вотъ и насчетъ миткалю — у насъ народъ фабричный, миткалемъ пробавляется, — и въ этомъ слыла она мастерицей. Коли тонкую основу, либо платки для набойки выткать, никому не давали помимо нея. И жили мы, касатикъ, смирнехонько; ни въ чемъ нужды у насъ не было! Встаючи и ложаючи благодарила Господа, что послалъ мнѣ такую дочку,—одна она только и была у меня! Вотъ, касатикъ ты мой, смотрю: стали

засылать ко мнѣ сватовъ: то одинъ понавѣдается, то другой, а пуще всѣхъ сваталъ сосѣдскій мужичокъ за сына; другихъ сыновей поженилъ онъ, одинъ только молодякъ оставался холостъ. «Чтожъ, думаю, люди хорошіе, живутъ въ достаткѣ, и дѣвка, думаю, въ порѣ, на выданьѣ; обдѣлить мнѣ ее нечѣмъ, а коли берутъ безо всего, стало больно имъ по нраву пришлась и любить станутъ!» Вижу и дѣвка моя непрочь. «Ну, думаю, знать на роду написано ей быть за сосѣдскимъ сыномъ»! И выдала я ее замужъ. Поплакала, разстались... о-охъ, и теперь-то тяжко вспомянуть, какъ разставалась я съ нею, словно сердце мое чуяло въ ту пору... Жила она въ мужниной семьѣ ладно и безобидно; худа я отъ нихъ на первыхъ-то порахъ не видала... Прошелъ годикъ, родила она мнѣ внучка; другой годикъ прошелъ, родила дочку. Видѣлись мы почитай каждый день; на дню-то, ину пору, разъ пятокъ забѣжитъ провѣдать съ ребятишками. «Того, молъ, матушка, не надо ли тебѣ, другого!» заботливая была такая! А ужъ ихъ-то, касатикъ, ребятъ-то своихъ, какъ любила, такъ даже раздумье иной разъ возьметъ. Оттого-ли, что жить-то ей поплоше стало, либо такъ, съ горя какого припало на нее... ума не приложу! Бывало отцу родному не даетъ взять ихъ на руки; а коли изъ родни его какой подойдетъ—оборони Господи: такъ вся и затрясется—не тронь, да и полно! Шагу не ступитъ изъ дому, все съ ними. На работу пойдетъ, и не смѣй ей перечить! Поля у насъ дальнія; время ину пору тугое, и одной-то мочь не въ мочь, а она тащитъ съ собой ребятишекъ; вѣстимо, бабенка молодая, сила невѣсть какая, жалость возьметъ: «Маша, скажешь:—шутка тяготу какую на себя берешь, оставила бы ихъ въ избѣ съ бабкой». — «Ничего, говоритъ, мамушка! мнѣ съ ними любо, работа не въ работу!..» Такъ бывало и оставишь... о-о-хо-хо! И прожили мы такъ-то до прошлой Святой. И грѣха бы не прилучилось, родимый, кабы да не нашъ народъ,—народъ фабричный, гуляющій; пошли у нихъ пиры да угощенья; къ тому времени и праздникъ приходскій подоспѣлъ. Вотъ, въ пятницу, какъ теперь помню, отгуляли гулянки да и разошлись всѣ по избамъ. Въ Машиной семьѣ народу было

много: три брата женатыхъ, окромѣ ея мужа. Задули лучину и полеглись. Спятъ, касатикъ... (А меня, какъ на грѣхъ, въ ту пору не было въ избѣ: ночевала я у сосѣдки). Время подходило къ полуночи: гораздо ужъ смерклось, пѣтухи давно пропѣли. Вотъ, родимый, и случись такой грѣхъ съ одной изъ золовокъ моей Маши — звали ее Дарьей: ворочалась съ боку на бокъ, да и заспи своего ребенка, а ребенокъ былъ однолѣтокъ съ моимъ внучкомъ, Машинымъ сынкомъ, и какъ на грѣхъ, было имъ одно прозвище: какъ тотъ Петрушка, такъ и этотъ Петрушка. Дарья всполохнулась да и давай кричать, что было мочи: «Батюшки, кричитъ, Петрушка померъ!» Машинъ мальчикъ лежалъ особнячкомъ въ зыбкѣ: Ей и покажись съ просонья-то, сердечной, что померъ ея парнишко: какъ полоумная бросилась она съ палатей; съ перепугу-то зыбки не найдетъ; да и гдѣ найти! давка, тѣснота! опричь того, темно — хоть глазъ выколи; она и давай метаться какъ угорѣлая; ударилась со всего маху объземь, мечется, кричитъ: вѣстимо, касатикъ, запужалась больно съ просонья-то! Они-то этого въ толкъ тогда и не взяли да зачали ее бить; она еще пуще; они взяли, родной, связали ее да и стащили въ сѣни... И не то, чтобы изъ злобы какой, касатикъ: народъ съ похмѣлья, къ тому же и грѣхъ такой прилучился... Ну, какъ пришли это они опосля въ сѣни, смотрятъ: Маша моя сидитъ посередь поля, сидитъ да бормочетъ невѣсть что... никого не признаетъ... Съ той самой поры и повредилась, родимый! И не знать, что съ ней сталось такое: никого къ себѣ не подпускаетъ, отъ людей, отъ дому отбивается, ни съ кѣмъ слова не промолвитъ: словно языкъ отнялся у нея!.. День за день плоше да плоше: стала такая непокорливая; пошлешь куда, нейдетъ: скажутъ слово, не слушаетъ. Она роднымъ-то касатикъ и опротивѣла. Вѣстимо, кабы лаской да бережью брали, оно, можетъ статься, и такъ бы прошло, отлегло бы помаленьку; ну, а какъ противна стала, и давай они поѣдомъ ѣсть ее... Знамо, дурость-то наша крестьянская! И говорила я имъ тогда, немало говорила, да рѣчи мои взабыть пошли!.. Меня вотъ только теперь и слушаетъ; а скажи другой слово, особливо изъ муж

ниной родни, такъ вся вотъ и затрясется... Дѣтей своихъ не признаетъ да ихъ и не даютъ ей: боятся, не нагрѣшила бы какъ... вѣстимо, долго ли... о-о-охъ!..

Рыданія заглушили голосъ старухи, и она замолкла.

Я взглянулъ украдкою на Машу.

Она медленно шла за нами на разстояніи тридцати шаговъ. Руки ея крѣпко прижимали къ груди палку, которую спеленала она тряпьемъ, на подобіе грудного младенца. Жадно устремивъ глаза на предметъ своей ласки, она тихо кивала ему головою, улыбаясь, бормотала что-то несвязное и не замѣчала вѣтра, который по прежнему яростно развѣвалъ ея лохмотья.

— Вотъ и все такъ-то, касатикъ, начала снова старуха, кивая головою по направленію къ дочери;—что ни попадется ей подъ руку, обернетъ тряпьемъ и давай няньчить да укачивать. Иной разъ день-деньской такъ-то забавляется; дѣтокъ, что ли, вспоминаетъ—кто ее знаетъ!..

— Что, она у тебя всегда такая смирная? спросилъ я.

— Почитай что всегда; развѣ раздосадуютъ чѣмъ.

— Чтожъ тогда?

— И невѣсть отколь только сила возьмется! рветъ все на себѣ да мечетъ по сторонамъ; либо уйдетъ въ поле, въ лѣсъ, на погостъ: ляжетъ на земь, колотитъ себя въ грудь: «Господи! кричитъ, голосомъ кричитъ, Господи, возьми меня къ себѣ, отними ты мою жизнь!» только и слышишь. Маешься, маешься съ нею... только вотъ и присмирѣетъ, какъ приведешь ее въ церковь... О-охъ, родимый! а баба-то, баба была какая! да нѣтъ, тебѣ и въ умѣ не вкинется, какая она была прежде! заключила старуха, отчаянно мотая головою и заливаясь слезами.

Немного погодя, мы подошли къ одной часовнѣ. Тутъ старуха остановилась и стала молиться. Когда она встала, я повторилъ ей, какъ пройти въ Беззубово, и разстался съ нею. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ, что Маша свернула уже съ проселка и, прижимая по прежнему палку къ груди своей, пробиралась полемъ. Сдѣлавъ изрядный полукругъ, она снова ступила на проселокъ и нагнала мать.

Я возвращался домой далеко уже не съ тѣмъ безза-

ботно-легкимъ чувствомъ, подъ вліяніемъ котораго началась моя прогулка. Впрочемъ, и самое время перемѣнилось. Осеннія сумерки ложились на землю, окутывая мѣстность сѣрымъ туманомъ, сквозь который смутно уже начинали мелькать темные клинья лѣсовъ и полей; сизыя тучи окончательно заволокли небо; съ приближеніемъ ночи вѣтеръ поднимался сильнѣе и сильнѣе и уныло завывалъ въ мерзлыхъ колеяхъ проселка.

Было уже совершенно темно, когда навстрѣчу мнѣ замигали огоньки мельницы; другой рядъ огоньковъ, показавшійся изъ за ветелъ, возвѣстилъ мнѣ, что я былъ дома.

Дня три спустя, я снова встрѣтилъ старуху и ея дочь, и вотъ именно по какому случаю.

Мнѣ необходимо было побывать въ одной деревушкѣ, расположенной на другомъ берегу Оки. Такъ какъ съ часу на часъ слѣдовало ожидать мороза, который могъ покрыть льдомъ поверхность рѣки и остановить на нѣкоторое время сообщеніе съ другимъ берегомъ, я поспѣшилъ воспользоваться послѣдними переправами на паромѣ. Часу въ восьмомъ утра я находился уже верстахъ въ трехъ отъ дому и приближался къ Окѣ. Утро было безподобное. Въ ночь выпалъ первый снѣгъ. Нѣжная бѣлизна окрестности смягчалась тускло-матовымъ отливомъ неба, которое синѣло по мѣрѣ того, какъ опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то свѣжесть, которая, казалось, проникала васъ, но совсѣмъ тѣмъ не знобила членовъ. Направо и налѣво отъ проселка попадались одинокія столѣтнія сосны, съ длинными красноватыми стволами, узловатыми искалѣченными сучьями и темно-зелеными, неправильными макушками, убранными снѣгомъ какъ бахрамою: воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что мельчайшіе сучья на вершинахъ этихъ сосенъ обозначались четко, какъ бы нарисованные тонкою кистью. Галки и вороны кружились несмѣтными полчищами надъ вершинами деревъ. Было такъ тихо, что каждый разъ, какъ которая нибудь изъ этихъ птицъ, отставъ отъ своихъ подругъ, опускалась на дерево, слышался трескъ сучка и вслѣдъ затѣмъ паденіе снѣга, оторваннаго отъ погнувшейся вѣтки.

Я приближался къ Окѣ по нагорной сторонѣ и потому не могъ увидѣть ее прежде, чѣмъ очутился на окраинѣ самаго берега. Берегъ спускался неправильными, каменистыми уступами, покрытыми кустарникомъ и полынью. Съ этой точки открывалась необозримая панорама. На первомъ планѣ—рѣка, изгибающаяся темно-синей лентой посреди бѣлоснѣжныхъ береговъ. За рѣкой, подлѣ самаго перевоза, нѣсколько лачугъ, которыя казались черными точками, дальше кругозоръ расширялся; лѣса и села мелькали фіолетовыми пятнами, перерѣзанными кой-гдѣ длинными озерами; далѣе все сливалось въ одну необъятную гладь, которой и конца-края не было.

Я поспѣшилъ присоединиться къ группѣ мужиковъ, которые тѣснились у перевоза. Тутъ происходила страшная суматоха. Благодаря снѣгу, рѣка выступила нѣсколько изъ своихъ береговъ, такъ что слѣдовало пройти шаговъ двадцать по колѣни въ водѣ, прежде чѣмъ достигнуть досчатаго плота, служившаго прямымъ, непосредственнымъ сообщеніемъ съ паромомъ. Это обстоятельство смущало, повидимому, особенно сильно лошадей, которыя, не взирая на усердное тпруканье и понуканье своихъ хозяевъ, упорно мотали кудластыми головами и упирались ногами. Народъ, стоявшій на паромѣ, перекликался поминутно съ народомъ, находившимся на берегу.

— Эй, Фалалей! или какъ те звать? разнуздай лошадь-то; легче пойдетъ! кричалъ хозяинъ парома, жирный мужчина въ синей чуйкѣ и рыжихъ, рыбацкихъ сапогахъ.

— Подбери ей хвоста-тъ: замочитъ, сердечная, — не просушить потомъ! кричалъ другой, съ клинообразной бородкой и трубкой въ зубахъ.

— Не учи братъ: самъ знаю, откликался владѣлецъ лошади — приземистый, коротенькій мужичокъ, находившійся очевидно въ самомъ затруднительномъ положеніи.

— Эй, ребята! крикнулъ снова парень съ трубкой:— эй, сгоните его съ энтаго мѣста: оно хвастливо!

— Здорово, сватъ! подалъ голосъ четвертый, высокій, костистый мужикъ, упрямаго вида, стоявшій на берегу.

— Здорово, коли нечего дѣлать! отозвался хозяинъ

парома:—эй, вы, долго ли васъ ждать? Небось—не утонешь: ступай...

Упрямый мужикъ почесалъ затылокъ, взялъ лошадь подъ уздцы и пошелъ отхватывать по водѣ.

Наконецъ кой-какъ, послѣ многихъ толковъ, споровъ и совѣщаній, изъ которыхъ трудно было выпытать слово, перемѣщеніе отъ берега къ парому начало приходить къ вожделѣнному концу. На берегу оставалась еще одна подвода. Къ счастію, успѣлъ я прицѣпиться къ ней прежде, чѣмъ оставила она берегъ; послышался взмахъ кнута, крики: «Эй, гой! о? у-уу!» Подвода съ трескомъ бултыхнулась въ воду; толчокъ — и я очутился вмѣстѣ съ нею на грязномъ помостѣ парома, заставленномъ лошадьми и телѣгами. Отвязали причалъ, и мы двинулись по направленію каната.

— Ну, ребятушки, подсобляй, о-о-о, тащи дружнѣй! кричалъ хозяинъ, нахлобучивая одною рукою на глаза баранью свою шапку, тогда какъ другая рука его, одѣтая въ лохмотья кожаной перчатки тянула канатъ.

Онъ стоялъ вмѣстѣ съ парнемъ, державшимъ трубку въ зубахъ, по колѣни въ водѣ, которая просачивалась сквозь плохо засмоленыя щели, текла съ каната и грозила затопить въ скоромъ времени самый помостъ, на которомъ стояли лошади. Несмотря на то, хозяинъ не унывалъ духомъ и продолжалъ перекидываться словами съ близь-стоявшими мужиками, приглашая ихъ раздѣлить его трудъ.

— Вишь, смышленъ больно! отозвался приземистый мужичокъ.

— А чтожъ! нешто у тебя руки-то купленыя? сказалъ курившій трубку, оскаливая зубы и отплевывая на сажень.

— Вишь какой... гм! купленыя! небось видалъ? на базарѣ былъ?

— Подсобите, братцы, снова заговорилъ хозяинъ: — право-ну, тяжко.

— Знамо, что тяжко, возразилъ костистый мужикъ упрямаго вида:—за то ты съ насъ за провозъ берешь.

— Ахъ ты а-л-тынникъ! А много ли я съ васъ за провозъ-то беру?

— Много ли, мало ли, а парома-то небось не починишь, должно быть въ прибыль живешь.

— Въ чужой мошнѣ—не въ своей квашнѣ: не смекнешь, гдѣ тѣсно, гдѣ пусто.

— Вишь какой!.. э! Толкуй, толкуй, а парома-то небось все не чинишь.

— А что мнѣ чинить-то?

— Какъ что? того и смотри, на дно пойдетъ... Никакъ пятую недѣлю сулишься отдать въ починъ... То-то обѣщалъ, братъ, лапти сплесть не надравши лыкъ!

— Ладно, довезетъ! отвѣчалъ хозяинъ, тряхнувъ шапкой:—нонѣ да завтра, нонѣ да завтра ждемъ — Господь Богъ морозцу создастъ... Что его чинить-то? заодно пропадать ему... авось либо помилуетъ: не потонемъ!.. Эй, гой, у-у ребятушки! тащи дружнѣй, не робѣй... Эй, тетка эй! что нахохлилась сидишь? хоть бы ты подсобила! заключилъ хозяинъ, выпрамляясь во весь ростъ и подмигивая на противоположный конецъ парома.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону и не мало обрадовался, увидѣвъ знакомую мнѣ старушку. Она сидѣла на окраинѣ парома; подлѣ нея стояла Маша; свѣсивъ голову черезъ перила, она задумчиво водила по водѣ концомъ длинной своей палки.

Я покинулъ корму и пробрался къ старухѣ.

Она тотчасъ же признала меня, встала и поклонилась.

Съ перваго же взгляда я увидѣлъ, что лицо ея далеко не сохранило выраженія того глубоко-безнадежнаго отчаянія, какимъ отличалось оно во время первой нашей встрѣчи. Но когда я подошелъ ближе и всмотрѣлся пристальнѣе, меня даже удивила счастливая перемѣна, происшедшая на лицѣ ея. Любопытство затронуло меня за живое. Мнѣ хотѣлось узнать результатъ ея совѣщанія съ беззубовскимъ знахаремъ, который — какъ говорила мнѣ тогда сама старуха — брался отводить всякую порчу и нечисть.

— Ну, что, бабушка, спросилъ я усаживаясь подлѣ нея:—была ты въ Беззубовѣ?

— Ходила, касатикъ, отвѣчала она, подавляя вздохъ.

— Говорила съ тѣмъ мужичкомъ?

— Говорила, родимый...

— Ну, что, какъ? сказалъ я, указывая на Машу, которая не обращала на насъ ни малѣйшаго вниманія и продолжала водить концомъ палки по водѣ.

— Ничего, касатикъ, поглядѣлъ, пошепталъ...

— Сказалъ что нибудь?

— Сказалъ, касатикъ...

Тутъ старуха медленно подняла голову, взглянула сначала на дочь, потомъ на небо и произнесла протяжнымъ голосомъ:

— Сказалъ: «Не отъ человѣка—говоритъ—отъ Господа Бога! Тутъ—говоритъ—человѣкъ не властенъ, на то Его святая воля!..»

Я взглянулъ еще пристальнѣе на старуху: каждая черта ея дышала, казалось, въ эту минуту спокойствіемъ и кротостью, какія встрѣчаемъ мы только у людей, которые, будучи потрясены страшнымъ горемъ, не падаютъ духомъ, а укрѣпившись вѣрою, переносятъ съ святою покорностью, терпѣливо и безропотно, удары провидѣнія.

Паромъ между тѣмъ приближался къ противоположному берегу. На кормѣ происходила по прежнему страшная суматоха. На этотъ разъ было, впрочемъ, изъ за чего суетиться. Во время нашей переправы поднялся довольно сильный береговой вѣтеръ и, какъ это нерѣдко бываетъ въ эту пору на большихъ рѣкахъ, не замедлилъ обратиться въ сильный шквалъ, который грозилъ сорвать нашъ паромъ и унести его вмѣстѣ съ канатомъ. Окрестность стемнѣла въ одно мгновеніе ока. Въ похолодѣвшемъ воздухѣ завертѣлись снѣжныя хлопья, и вдругъ откуда ни возьмись, посыпалось цѣлое море снѣга, гонимое яростными порывами вѣтра.

Благодаря, однакожъ, соединеннымъ усиліямъ хозяина, его товарища, все еще курившаго трубку, приземистаго мужика и костистаго верзилы, мы вскорѣ подошли къ берегу.

Паромъ не успѣлъ еще прикоснуться къ досчатой площадкѣ, служившей ему пристанью, какъ уже Маша

однимъ прыжкомъ очутилась на берегу и побѣжала по дорогѣ; старуха испустила пронзительный крикъ и сломя-голову бросилась за нею...

Я покинулъ паромъ чуть ли не изъ послѣднихъ.

Когда я обратился въ ту сторону, куда направились мать и дочь, глаза мои увидѣли одни снѣжные хлопья, которые подобно необъятному покрывалу, колыхались въ воздухѣ и заслоняли пространство.

LR
G8576

462777
Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
Полное собраніе сочиненій.
том 2
Translit.: Polnoe sobranie sochineny. v.2

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED